

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

5(107)'2024

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГАОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2024. – Вып. 5 (107). – 358 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Aut. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2024. – Issue 5 (107). –
358 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

5(107)'2024

Научный журнал

Учредитель: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <https://politlinguistika.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2024

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

5(107)'2024

Scientific journal

Founder: FSA HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <https://politlingvistika.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев   Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
М. Б. Ворошилова   Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

Ю. В. Богоявленская   Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
Р. Гусман Тирадо   Университет Гранады, Гранада, Испания
Е. В. Дзюба   Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
С. В. Иванова   Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
И. Иньиго-Мора   Севильский университет, Испания
В. И. Карасик   Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
Н. Н. Кошкарлова   Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
С. Л. Кушнерук   Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Лю Хун   Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай
В. А. Маслова   Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь
Е. А. Нахимова   Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Н. Б. Руженцева   Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
П. Серю   Лозаннский университет, Швейцария
О. А. Солопова   Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
З. К. Темиргазина   Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан
Л. Цонева   Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
Ян Кэ   Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: *Д. О. Морозов*

Заведующий отделом перевода: *С. М. Поляков*

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia

M. B. Voroshilova Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

R. Guzman Tirado University of Granada, Spain

E. V. Dzyuba Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

S. V. Ivanova Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

S. L. Kushneruk Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Liu Hong Dalian University of Foreign Studies, Dalian, China

V. A. Maslova Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Z. K. Temirgazina Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	12
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Дементьев В. В.	«В Европе заявили...»: неопределенно-личные конструкции с речевыми словами в заголовках политических интернет-СМИ	14
Кушнерук С. Л.	Проблематизация трудовой миграции в российских телеграм-каналах: когнитивно-семантический аспект миромоделирования	22
Островская Т. А. Хачмафова З. Р.	Политический нарратив телеграм-каналов: маргинализация языка или языковая актуализация социокультурной ситуации?	34

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Богачанова Т. Д.	Приемы привлечения внимания, выявленные в заголовках политических интернет-статей	42
Вдовиченко Е. А.	Комментарии детей и подростков на франкоязычные медиатексты со структурой «Diamond» (Бриллиант)	52
Виниченко Л. Г. Петрова Е. И.	Реализация стратегии уклонения от ответа на материале политических интервью канцлера Германии Олафа Шольца	58
Власова Л. Ю. Мальцева И. Г.	К вопросу описания метафорической модели в рамках дискурса социальных медиа на примере метафорической модели «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ»	67
Горбань П. В.	Пропаганда сквозь призму времени и вооруженных конфликтов: эволюция и основные техники	76
Зарипов Р. И.	Информационно-психологическое оружие: сущность и типологизация	84
Калантарян Г. А. Курбанов И. А. Нахимова Е. А.	Сопоставительный анализ метафорического моделирования образа премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна в русскоязычных и англоязычных СМИ	100
Кириллова К. И.	Роль состязательных метафор в формировании идеологем «Russia» и «США» в современных американских и российских СМИ	110
Космодемьянская В. И. Лисенко М. В. Мальхина М. В. Радюшкина А. А.	Коммуникативная стратегия несогласия в англоязычном политическом дискурсе	119
Малышева О. П. Рябченко Н. А.	Сетевое моделирование предикационного ядра цифровой социально-политической повестки дня: опыт применения графовой нейросети «Концептоскоп» для анализа Telegram-канала Д. А. Медведева в 2022–2023 гг.	125
Нестерова В. Е. Альтшулер-Феррейра О. Л.	Моделирование медиаобраза полиции в израильском газетном дискурсе	137
Пешкова Н. В. Шипилова Д. С.	Прагматическое манипулирование социальными эмоциями (на материале англоязычной прессы)	144

Погребняк Н. В.	Роль деструктивных стратегий и тактик в формировании образа «проигравшего» политика в иностранных СМИ	154
Тамерьян Т. Ю. Шаипова А. М.	Семиотика мануальной соматики в новостном политическом нарративе.....	166
Терещенко Ю. А. Скидан О. Г.	Речевой портрет политического лидера (на материале новогодних обращений президентов России и Франции)	178
Усенко Н. М.	Потенциальное слово как знак авторских интенций: социолингвистические проекции.....	190
Хазиева Р. Р.	Дискурсивно-прагматические характеристики категории эвиденциальности в политическом медиадискурсе (на материале англоязычных конфликтогенных текстов)	198
Цыбенкова О. А.	Авторская интенция и эмоциональные акценты в переводе политического дискурса	206
Чжу Хуэй Митрофанова О. А.	Оценка сложности китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики.....	218
Чурашова Е. А.	Специальная военная операция: обвинительный дискурс в западных карикатурах.....	228

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Ерофеева Е. В. Скопова Л. В. Кулакова П. С.	Отражение самобытности русского народа эпохи Ф. М. Достоевского в переводе реалий романа «Бедные люди» на французский и английский языки	237
Каган Е. Б.	Отражение искусственного интеллекта в метафорическом зеркале (на примере русского и английского языков).....	249
Кушнина Л. В. Криворучко А. И. Погорелая Н. Г.	Экологичность как фактор успешности перевода политического текста	255
Овсянникова О. С. Сарамаха С. И.	Социолингвистический анализ современной американской прозы (на материале коротких рассказов)	262
Сало В. Э.	Трансформация метафорических образов в переводах произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».....	268

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ван До	Сравнительный анализ директивных речевых актов в русском и китайском политических дискурсах	274
Ли Цзявэй	Анализ междисциплинарных исследовательских тенденций в российской политической лингвистике	282
Люй Бинь	Метафорическое моделирование концепта «реформа» в китайском политическом дискурсе (на материале сборника «Си Цзиньпин о государственном управлении», часть третья)	295
Сун Сюекунь	Когнитивно-прагматические аспекты дипломатического дискурса и конструирования имиджа страны в эпоху цифровизации	303

Чанг Джуй Ченг	Анализ метафоры пути в политическом дискурсе (на материале Послания В. В. Путина Федеральному собранию 2023 г.) 310
Юе Сюе	Культурная интерпретация концептов в китайском стиле в контексте политической лингвистики 318
Ян Лисинь Ли Минь Лю Лифэнь	Обзор исследований языкового ландшафта в России 329
Ян Шичжан Янь Янь	Перевод на русский язык числовых аббревиатур в китайском политическом дискурсе 338
Ян Юе	Состояние и развитие китайской медиаиндустрии в ШОС 349
	Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 355

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	12
---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Dementyev V. V.	<i>“In Europe They Declared...”: Indefinite-Personal Constructions With Speech Verbs in the Headlines of Political Internet Media</i>	14
Kushneruk S. L.	Problematization of Labor Migration on Russian Telegram Channels: Cognitive-Semantic Aspect of World-Modeling	22
Ostrovskaya T. A. Khachmafova Z. R.	The Political Narrative of Telegram Channels: Marginalization of Language or Linguistic Actualization of the Socio-Cultural Situation?	34

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Bogachanova T. D.	Techniques for Attracting Attention in the Headlines of Online Political Articles.....	42
Vdovichenko E. A.	Comments of Children and Teenagers on French-Language Media Texts with the <i>Diamond</i> Structured Design	52
Vinichenko L. G. Petrova E. I.	Realization of the Strategy of Question Dodging on the Material of Political Interviews of German Chancellor Olaf Scholz.....	58
Vlasova L. Yu. Mal'tseva I. G.	Toward the Description of the Metaphorical Model of Social Media Discourse on the Example of the Model MEDICAL WORKER is SOCIAL INTERACTION.....	67
Gorban' P. V.	Propaganda Through the Prism of Time and Armed Conflicts: Evolution and Basic Techniques	76
Zaripov R. I.	Information and Psychological Warfare Weapons: Essence and Typology	84
Kalantaryan G. A. Kurbanov I. A. Nakhimova E. A.	A Comparative Analysis of Metaphorical Modeling of the Image of Armenian Prime-Minister Nikola Pashinyan in Russian- And English-Language Media	100
Kirillova K. I.	The Role of Competition Metaphors in the Formation of the Ideological Concepts “Russia” and “USA” in Modern American and Russian Media	110
Kosmodem'yanskaya V. I. Lisenko M. V. Malykhina M. V. Radyushkina A. A.	The Communicative Strategy of Disagreement in the English-Language Political Discourse	119
Malysheva O. P. Ryabchenko N. A.	Network Modeling of the Predication Core of the Digital Socio-Political Agenda: Experience of Using the Graph Neural Network Conceptoscope for the Analysis of D. A. Medvedev's Telegram Channel in 2022—2023	125
Nesterova V. E. Al'tshuler-Ferreira O. L.	Modeling of the Police Media Image in the Israeli Newspaper Discourse	137
Peshkova N. V. Shipilova D. S. Pogrebnyak N. V.	Pragmatic Manipulation of Social Emotions (On the Material of the English-Language Press)	144
	The Role of Destructive Strategies and Tactics	

	in the Formation of the Image of a Political Loser in Foreign Media.....	154
Tamer'yan T. Yu. Shaipova A. M.	Semiotics of Manual Somatics in News Political Narrative.....	166
Tereshchenko Yu. A. Skidan O. G.	Speech Portrait of a Political Leader (On the Basis of New Year Addresses of the Presidents of Russia and France)	178
Usenko N. M.	Potential Word as a Sign of Author's Intentions: Sociolinguistic Projections.....	190
Khazieva R. R.	Discursive-Pragmatic Characteristics of the Category of Evidentiality in Political Media Discourse (On the Material of English Conflictogenic Texts)	198
Tsybenova O. A.	The Author's Intention and Emotional Emphases in Political Speech Translation	206
Zhu Hui Mitrofanova O. A.	Assessment of the Complexity of the Chinese-Russian Corpus of Parallel and Comparable Political Texts.....	218
Churashova E. A.	Special Military Operation: Accusatory Discourse in Western Cartoons	228

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Erofeeva E. V. Skopova L. V. Kulakova P. S.	The Reflection of the Identity of the Russian People of the Times of F.M. Dostoevsky in the Translation of the Realities of the Novel "Poor Folk" Into French and English	237
Kagan E. B.	Reflection of Artificial Intelligence in the Metaphorical Mirror (Russian and English Languages)	249
Kushnina L. V. Krivoruchko A. I. Pogorelaya N. G.	Ecology as a Success Factor in the Process of Political Text Translation	255
Ovsyannikova O. S. Saramakha S. I.	Sociolinguistic Analysis of Modern American Prose (Based on Short Stories)	262
Salo V. E.	Transformations of Metaphorical Images in the Translations of Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago"	268

PART 4. FOREIGN EXPERIENCE

Wang Duo	Comparative Analysis of Directive Speech Acts in Russian and Chinese Political Discourses	274
Li Jiawei	A Study of Interdisciplinary Research Trends in Russian Political Linguistics	282
Lyu Bin	Metaphorical Modeling of the Concept of "Reform" in the Chinese Political Discourse (On the Material of the Collection "Xi Jinping: The Governance of China III")	295
Song Xuekun	Cognitive-Pragmatic Aspects of Diplomatic Discourse and the Construction of National Image in the Era of Digitalization	303
Chang Jui-cheng	An Analysis of the Way Metaphor in Political Discourse	

	(On the Material of V. V. Putin's 2023 Presidential Address to the Federal Assembly) 310
Yue Xue	Cultural Interpretation of Concepts with Chinese Specificity in the Context of Political Linguistics 318
Yang Lixin Li Min Liu Lifan	A Review of Russian Linguistic Landscape Studies..... 329
Yang Shizhang Yan Yan	A Study on the Russian Translation of Numerical Abbreviations in the Chinese Political Discourse 338
Yang Yue	The State and Development of the Chinese Media Industry in the SCO... 349
Manuscripts Requirements.....355	

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, поможет наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета journals.uspu.ru, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте cognitiv.narod.ru, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной

рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, незачтены и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность ци-

тат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: [ap_chudinov@mail.ru.](mailto:ap_chudinov@mail.ru),
[shinkari@mail.ru.](mailto:shinkari@mail.ru)

Интернет-сайт: <https://politlingvistika.ru/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.5; 5.9.8

Вадим Викторович Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, sarteorlingv@yandex.ru, SPIN-код: 8445-5394, ScopusID: 57170556000, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

«В Европе заявили...»: неопределенно-личные конструкции с речевыми словами в заголовках политических интернет-СМИ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются заголовки современных российских интернет-СМИ на политическую тему, содержащие неопределенно-личные конструкции с речевым глаголом в прои. вр. сов. вида. Данные заголовки анализируются по лингво-прагматической модели: 1) лексическая и иллокутивная семантика использованных речевых глаголов; 2) субъектно-пространственные детерминанты (географические или институциональные локативы), косвенно именующие субъект речевого действия; 3) имплицитные и эксплицитные характеристики (политического) субъекта (имя собственное, официальный статус, должность, политическая позиция по отношению к представляемой стране и России); 4) форма высказывания (есть ли подзаголовок, интенсификатор при речевом глаголе, прямое цитирование, ссылка на источник и/или издание-посредник). Особенно много внимания уделяется манипулятивным импликациям НЛК: значение обобщенности, присущее НЛК, создает впечатление большой распространенности, даже всеобщности описываемой политической позиции, хотя в действительности это часто не так. Перфектная форма речевого глагола (прои. вр., сов. в.) создает впечатление институциональности описываемого речевого действия, даже если лексическое значение глагола не содержит семы официальности. Отдельно рассматриваются случаи, когда лексическое значение выбранного глагола противоречит содержанию статьи, более того — иллокутивной семантике речевого действия, называемого данным глаголом, т. е. использование НЛК чисто экспрессивно. В результате НЛК в заголовках политических СМИ может содержать целый ряд дополнительных имплицитных смыслов, значимых для сообщаемой в статье информации, ее оценки, политической позиции автора и издания в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурс, языковые средства, политические тексты, тема политики, электронные СМИ, заголовки статей, неопределенно-личная конструкция, речевые глаголы, манипулятивные импликация, русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83; email: sarteorlingv@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дементьев, В. В. «В Европе заявили...»: неопределенно-личные конструкции с речевыми словами в заголовках политических интернет-СМИ / В. В. Дементьев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 14-21.

Vadim V. Dementyev

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, sarteorlingv@yandex.ru, SPIN code: 8445-5394, ScopusID: 57170556000, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

“In Europe They Declared...”: Indefinite-Personal Constructions With Speech Verbs in the Headlines of Political Internet Media

ABSTRACT. The paper looks at the contemporary Russian online media text headlines on political topics, containing indefinite-personal constructions with a speech verb in the past tense, perfect aspect. These headlines are analyzed using the linguo-pragmatic model: 1) lexical and illocutionary semantics of the speech verbs used; 2) subject-spatial determinants (geographical or institutional locatives) indirectly naming the subject of the speech act; 3) implicit and explicit characteristics of the (political) subject (proper name, official status, political position in relation to the represented country and Russia); 4) the form of the utterance (if there is a subtitle, an intensifier of the speech verb, a direct quotation, a reference to the source and/or an intermediary publisher). Particular attention is paid to the manipulative implications of the indefinite-personal constructions: the meaning of generality inherent in the indefinite-personal constructions creates the impression of wide prevalence, even universality of the political position described, although in reality this is often not the case. The perfect form of the speech verb creates the impression of the institutional nature of the speech act described, even if the lexical meaning of the verb does not contain the seme of officiality. Cases are considered separately when the lexical meaning of the chosen verb contradicts the content of the article; moreover, the illocutionary semantics of the speech act nominated by this verb, i.e. the use of the indefinite-personal constructions is purely expressive. As a result, the indefinite-personal constructions in the headlines of political media can contain a number of additional implicit

© Дементьев В. В., 2024

meanings that are significant for the information reported in the article, for its assessment and the political position of the author and the publication as a whole.

KEYWORDS: political discourse, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resource, language means, political texts, political topic, electronic media, article headlines, indefinite-personal construction, speech verbs, manipulative implication, Russian language.

AUTHOR'S INFORMATION: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Language Theory, History, and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Russia.

FOR CITATION: Demytyev V. V. (2024). "In Europe They Declared...": Indefinite-Personal Constructions With Speech Verbs in the Headlines of Political Internet Media. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 14-21. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Неопределенно-личные конструкции (далее — НЛК) с речевым глаголом в прош. вр. сов. вида (или идиомой типа *сделали заявление, выразили несогласие*) и субъектно-пространственными детерминантами (в *Европе, в США, на Западе, в России*) являются широко распространенными в заголовках современных российских интернет-СМИ на политическую тему. В некоторых изданиях (например, *rusvesna.su, svpressa.ru*) данные конструкции составляют не меньше половины всех заголовков статей.

Несколько примеров: **В США предрекли катастрофу из-за действий НАТО; В США раскрыли, кто может развязать новую войну; «Один удар»: в Британии забили тревогу из-за решения России; В Германии испугались шага России в случае отказа Запада от переговоров; На Западе сообщили плохие новости для Украины; В Верховной раде выступили за скорейшие переговоры с Россией; В ВСУ сделали страшный прогноз о российской армии; В России предложили нанести точечный удар по США; В Китае сделали крайне резкие заявления в адрес США.**

Ряд причин распространенности данной конструкции прямо вытекает из выражаемых ею грамматических и стилистических значений.

Во-первых, односоставные предложения являются одним из наиболее востребованных средств экспрессии в публицистике в целом [Васильева 1982; Мохаммед 1991; Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды 1980].

Во-вторых, НЛК, где «подлежащее не случайно недосказано, как в неполных личных предложениях, а намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное» [Пешковский 1935: 330], создает дополнительную привлекательность (даже интригу) для читателя, поскольку ее выбор может означать намеренное сокрытие автором текста субъекта действия: «действующее лицо говорящему более или менее известно, но он не считает

нужным называть его, сосредоточивая внимание на сообщенном факте (ср.: *Мне тут о тебе такое рассказывали!*)» [Гвоздев 1958: 75].

Эти две причины считаются основными в довольно многочисленных работах о НЛК в публицистике, в том числе в интернет-СМИ последних лет, например [Богачанова 2022; Доценко 2009; Космачёва 2013; Плеханова 2013; Федотова, Го Цзини 2021]: «неопределенно-личные предложения широко используются в новостных заголовках вследствие необязательного упоминания в них конкретного субъекта действия, что дает возможность реципиентам сосредоточить внимание на самом событии (ср.: *Во Франции приостановили проведение ряда футбольных турниров до декабря; В России за последние сутки выявили 7212 случаев коронавируса*)» [Федотова, Го Цзини 2021: 139].

Наш анализ показывает, что существует еще одна причина распространенности НЛК в заголовках современных российских интернет-СМИ на политическую тему, которую можно назвать умеренно-манипулятивной: НЛК может нести значение обобщенности, отсюда впечатление большой распространенности, даже всеобщности описываемой политической позиции, мнения и т. п. в коллективе / стране, о которых идет речь, даже если в действительности это не так. Использование в этой позиции двусоставного предложения сразу сделало бы ясным, что «сделал заявление» один-единственный политик или даже неофициальное лицо — анонимный автор комментария в чужом блоге и т. п., чья точка зрения не совпадает с принятой в обществе (ср.: *«В Германии заявили...»* и *«Германия заявила»* / *«Берлин заявил»* / «[официальный представитель Германии X] заявил»). При этом совершенная форма речевого глагола (прош. вр., сов. в.) создает впечатление официальности и даже институциональности описываемого речевого действия, даже если собственно лексическое значение глагола не содержит семы официальности (например, выбраны нейтральные глаголы *сказали, рассказали, сообщили*). Еще больший инте-

рес представляют случаи, когда лексическое значение выбранного глагола противоречит содержанию статьи, более того — иллокутивной семантике речевого действия, называемого данным глаголом, т. е. использование НЛК чисто экспрессивно и даже манипулятивно (особенно «любят» журналисты перформативную идиому / глагол *сделали заявление / заявили*). В то же время мы определяем такое использование НЛК как «умеренно-манипулятивное», поскольку нет явной ошибки или лжи, в которой автор мог бы быть уличен (ср. невозможность заголовка: **В США выразили восхищение позицией Кремля*, притом что в основном тексте статьи выражалась бы жесткая критика).

В результате НЛК в заголовках политических СМИ может содержать целый ряд дополнительных имплицитных смыслов, значимых для сообщаемой в статье информации, ее оценки, политической позиции автора и издания в целом. Их рассмотрению и посвящена настоящая статья.

МАТЕРИАЛ

Нами проанализировано ок. 200 заголовков с НЛК и речевыми словами из интернет-изданий, которые являются или собственно политическими, или содержат обширный раздел «политика»: «Известия» (iz.ru); «Московский комсомолец» (mk.ru); «Комсомольская правда» (kp.ru); РИА «Новости» (ria.ru); «Взгляд» (vz.ru); «Свободная Пресса» (svpressa.ru); KM.RU (km.ru); «Русская весна» (rusvesna.su); «Коммерсантъ» (kommersant.ru) за 2023–2024 гг. Все эти издания являются лояльными к официальной политике правительства России, критически подают позицию коллективного Запада.

Не рассматриваем НЛК с глг. в наст. вр. Следует отметить единичность таких заголовков: *В окружении Зеленского призывают к скорейшему завершению конфликта*.

МЕТОДИКА

НЛК с речевым глаголом в заголовках современных российских интернет-СМИ на политическую тему анализируются по лингво-прагматической модели:

1) лексическая и иллокутивная семантика использованных речевых глаголов / идиом, их соответствие / несоответствие друг другу: цели обращения к НЛК (возможна ли / равноценна ли замена на конструкцию без НЛК); составляется частотный словарь данных глаголов;

2) субъектно-пространственные детерминанты (географические или институциональные локативы («в Думе»)), которые всегда есть в заголовке с НЛК — они косвенно

именуют субъекта, отсутствующего в заголовке; составляется частотный словарь локативов;

3) (политический) субъект речевого действия (есть ли имя собственное, официальный статус, должность);

4) более частные моменты иллокутивной семантики высказывания в целом (насколько выражаемое мнение, позиция являются общепринятыми в социуме, обозначаемом локативом);

5) форма высказывания (есть ли подзаголовки, интенсификатор при речевом глаголе (адъективы и адвербы: *неожиданно заявили, сделали шокирующее заявление*), средства экспрессии: метафоры, ирония, в том числе графические (двоеточия, кавычки); есть/нет ссылка на источник и/или издание-посредник.

В центре внимания — заголовки с НЛК; подзаголовки (если есть) и собственно текст статьи привлекаются в качестве дополнительного материала и детально не анализируются.

ГЛАГОЛЫ

Частотный словарь речевых глаголов, использованных в неопределенно-личной форме мн. числа прош. вр. сов. вида (перфектной): *назвали (кого как)* 46, *(что чем)* 12; *сделали (пугающее, крайне резкое, тревожное, неожиданное, откровенное, жуткое) заявление* 25; *заявили* 18; *раскрыли (что)* 14; *выступили (за что с чем)* 11; *забили тревогу* 9; *рассказали (о)* 9; *призвали* 8; *(резко) ответили* 7; *предрекли (кому что)* 7; *предупредили* 4; *сделали (неприятный) вывод* 4; *(резко) высказались (о)* 3; *заговорили (о)* 3; *испугались* 3; *назвали причину (чего)* 3; *(положительно, отрицательно) оценили (что)* 3; *посоветовали (кому что)* 3; *предложили* 3; *признали (что)* 3; *прокомментировали (что)* 3; *сообщили* 3; *сделали (неожиданное) признание* 2; *не поддержали (что)* 2; *осознали* 2; *отвергли (что)* 2; *подсчитали* 2; *предположили* 2; *предсказали* 2; *пришли в ужас (из-за чего)* 2; *проанализировали (что)* 2; *сделали (зловещее) предупреждение* 2; *сделали (странный) прогноз* 2; *согласились (с)* 2; *ужаснулись (чему)* 2; *указали (на что кому)* 2; *восхитились* 1; *обрушились (на кого с чем)* 1; *перестали верить (в...)* 1; *(кого) поставили на место* 1; *«пригрозили»* 1; *обрушились (на кого с чем)* 1; *«поздравили» (кого с чем)* 1; *пожалели (о)* 1.

Главные основания членения списка данных глаголов — противопоставление «чисто» речейформативных глаголов (*рассказали, сообщили, высказали, заговорили, прокомментировали, ответили*) и глаголов, содер-

жащих дополнительные иллокутивные семы (предложили, пригрозили, пожалели, испугались, ужаснулись, поставили на место); наличие / отсутствие семы официальности (институциональности) речевого действия.

Является значимой также собственно лингвистическая классификация: глаголы переходные и непереходные, автосемантические и синсемантические, в составе идиом, прецедентных текстов.

СУБЪЕКТЫ И ЛОКАТИВЫ

Как уже было сказано, субъект речевого действия всегда называется косвенно (иногда — весьма приблизительно) в заголовке с НЛК через локатив и практически всегда прямо — в подзаголовке и/или тексте статьи.

Политическая позиция субъекта может быть враждебной и невраждебной (в том числе выгодной) для официальной политики России, соответствовать или не соответствовать официальной политике страны (правительственного органа, политической партии), к которой он принадлежит.

Статусно различаются субъекты — официальные (действующие) политики, а также бывшие политики, тоже действительные и отставные военные, эксперты, наконец, частные лица, имеющие собственное мнение:

В России предложили нанести точечный удар по США Военный обозреватель Шлепченко предположил, что России следует нанести точечный удар по США, чтобы устроить хаос на Западе, сообщает «Царьград». Шлепченко сравнил Россию с «коровой», а ее противников с «шакалами и волками». Он пояснил, что корова сильна, «может забодать», но остается «едой», которую пытаются «разделить и сожрать». Чтобы изменить ситуацию, РФ должна «поест мяса», сказал обозреватель.

Имя собственное субъекта может не раскрываться, тогда указывается, что он дал информацию на условиях анонимности.

«Конфликт проигран»: в Киеве сделали неожиданное заявление о России Житель Киева: Украина проигрывает из-за неправдавших ожиданий Запада Преподаватель одного из киевских вузов на условиях анонимности высказал мнение, что конфликт с Россией складывается не в пользу Украины. В беседе с NEWS.ru доктор наук заявил, что причина кроется в том, что ожидания Запада не оправдались — Москва не ищет компромисса с оппонентами. «Конфликт проигран. Путин не пытается свернуть с изначально выбранного пути, при этом людских и материальных ресурсов у него вполне достаточно», — предположил собеседник издания.

Крайне редко субъект речевого действия называется косвенно через НЛК + локатив и в основном тексте статьи:

В Китае заявили о готовности укреплять взаимное доверие с Россией Китай готов сотрудничать с Россией, чтобы укреплять взаимное доверие и постоянно продвигать отношения на новый уровень, заявили РИА Новости в МИД КНР. «В этом году отмечается 75-летие установления дипломатических отношений России и Китая и открытие годов культуры России и Китая. Китай готов сотрудничать с Россией, чтобы, руководствуясь консенсусом, достигнутым главами двух государств, постоянно укреплять взаимное доверие, расширять сотрудничество, развивать дружбу, способствовать тому, чтобы двусторонние отношения постоянно поднимались на новую ступень», — сказали в МИД.

Существенными являются следующие прагматические характеристики политического субъекта: его отношение а) к официальной политике страны (названной или указанной в локативе): проправительственный или оппозиционный, б) к России и официальной российской политике (которую разделяет издание, где и размещена статья), в) (отсюда) скорее положительные или негативные характеризующие средства, описывающие его.

В качестве субъекта могут выступать неконкретизируемые пользователи социальных сетей:

Зеленскому жестко ответили на обвинения в адрес России Пользователи X оценили обвинения Зеленского в адрес России Пользователи соцсети X (бывшая Twitter) негативно отнеслись к заявлению президента Украины Владимира Зеленского о том, что Российская Федерация якобы «пытается помешать проведению конференции по Украине в Швейцарии», на которой будут обсуждать варианты урегулирования вооруженного противостояния между Москвой и Киевом. Один из комментаторов напомнил, что президент РФ Владимир Путин неоднократно повторял, что российская сторона готова к мирным переговорам с учетом новых границ. С точки зрения другого интернет-пользователя, без России это не мирная конференция. «Представьте себе конференцию по мирному урегулированию, которая не включает все стороны конфликта. Украинская логика дефективная. Очередное отмывание денег», — резюмировал третий.

В Турции резко ответили Байдену после его слов о Путине Читатели Haber7 раскритиковали заявление президента США Джо Байдена на саммите НАТО о том, что Украина «остановит главу России Владимира Путина». «Да ведь этот парень слабоумен. И решения принимает не по своей воле. Им управляют другие», — написал один из комментаторов. «Идиоты, кто может остановить ядерную державу? Хватит жить в мире грез. Не бросайте планету в огонь», — отметил другой.

Локативы (субъектно-пространственные детерминанты): называются география и/или

политические субъекты (страны), их правительства, конкретные (правительственные) органы. Через локатив в заголовке с НЛК всегда дается косвенное (метонимическое) именование субъекта речевого действия (в данном случае — политического).

Частотный словарь локативов: в США 69; на Западе 19; в Вашингтоне 3; в Сенате США 2; в Конгрессе США 2; в Евросоюзе 3; в Европе 1; в Германии 19; в Бундестаге 3; на Украине 18; в Украине 0; в Киеве 11; в ВСУ 8; в Верховной Раде / Раде 3; в Швейцарии 4; в Молдавии 1; в Государственной Думе / Госдуме / ГД 12; в России 3; в МИД России / в МИД 2; в Крыму 1; в Москве 0; в Кремле 0.

ИЛЛОКУТИВНАЯ СЕМАНТИКА

Лексическая семантика глаголов в неопределенно-личной форме мн. числа прош. вр. сов. вида может соответствовать и не соответствовать итоговому смыслу текста, прежде всего — иллокутивной семантике речевого действия, называемого данным глаголом.

Максимальное соответствие имеет место в текстах, где описываемый субъект речевого действия — официальное лицо / политик, делающий официальное заявление от имени правительства своей страны:

В Евросовете отвергли мирные предложения Орбана по Украине Глава Европейского совета Шарль Мишель не поддержал мирные инициативы венгерского премьера Виктора Орбана, заявив, что «никакие переговоры о мире на Украине не могут проводиться без Украины», пишет Reuters. В письме Орбану, на которое ссылается Reuters, Мишель также заявил, что политика Евросоюза, подразумевающая увеличение поставок вооружений Киеву, «не является политикой войны, а совершенно наоборот», передает ТАСС. Кроме того, глава Евросовета написал, что ЕС добивается «вывода российских войск с Украины».

В МИД заявили о необходимости уточнения ядерной доктрины России Опыт проведения специальной военной операции (СВО) на Украине и анализ действий Запада в связи с ней подтолкнули к необходимости уточнить некоторые параметры ядерной доктрины России, заявил заместитель главы МИД РФ Сергей Рябков. Как указал Рябков, опыт последнего времени, в том числе полученный на спецоперации, и анализ поведенческой модели коллективного Запада в связи с СВО, показывает, что необходимо уточнить некие параметры, которые применимы к ситуациям, описанным и в военной доктрине как таковой, и в основах государственной политики в области ядерного сдерживания, передает ТАСС.

Соответствия нет или оно минимально в текстах, где в заголовке использован глагол,

лексическая семантика которого включает сему официальности / институциональности (*заявили, сделали заявление*), само же описываемое речевое действие является не официальным, а, наоборот, частным, праздным или даже маргинальным:

На Западе сделали неожиданное заявление о НАТО и Украине Эскалация конфликта на Украине со стороны Запада может привести к мировой войне, написал в соцсети X ирландский журналист Чей Боуз. «Сначала НАТО агитировало за ненужную войну на Украине, решив расширить свое присутствие на заднем дворе России после того, как пообещало этого не делать», — говорится в публикации. Он добавил, что теперь НАТО хочет спровоцировать мировую войну, предоставив коррумпированной диктатуре Украины американское оружие для массовых убийств российских мирных жителей. «Действительно, „оборонительный союз“», — отметил Боуз.

В США заявили об операции ЦРУ у границ России Центральное разведывательное управление США хочет осуществить государственный переворот в Грузии, заявил бывший американский разведчик Скотт Риттер в интервью журналисту Гарланду Никсону. «(Беспорядки в Грузии. — Прим. ред.) будут и дальше идти по нарастающей. Насилие продолжится летом и осенью. Идея состоит в том, чтобы привести партию „Грузинская мечта“ к краху, чтобы во время выборов в октябре провокаторы из ЦРУ одержали верх. Сейчас мы буквально в прямом эфире наблюдаем за переворотом, который пытаются осуществить ЦРУ», — считает эксперт.

Выбор таких глаголов граничит с речевой ошибкой (ср. в следующем примере сочетание перфектной институциональной формы раскрыли в заголовке и глагола в нереальной модальности может перерасти в основном тексте):

В США раскрыли, к чему приведет стратегия НАТО по Украине Украинский конфликт может перерасти в военное противостояние в Европе из-за недальновидной стратегии НАТО, пишет бывший помощник заместителя министра обороны США Стивен Брайн в статье для *Weapons and Strategy*. «Опасность того, что конфликт на Украине перерастет в общеевропейский, растет. Риск конфликта в Европе еще никогда не был таким высоким», — отметил он.

Рассмотрим иллокутивную семантику речевого действия по прагматической модели: локатив: враждебный ~ невраждебный (Л_{ок-вр} ~ Л_{ок-невр}); субъект: официальный ~ неофициальный (С_{уб-офиц} ~ С_{уб-неофиц}); речевое действие: враждебное ~ невраждебное (РД_{вр} ~ РД_{невр}); политическая позиция: совпадает ~ не совпадает с официальной представляемой страны (ПП₌ ~ ПП_≠). По этим параметрам в нашем материале выделяются отчетливо противопоставляемые типы:

I. Л_{ок-вр} + С_{уб-офиц} + РД_{невр} + ПП ≠: к этому типу в нашем материале относятся ок. 80 контекстов, или ок. 40 %:

В Раде заявили, что до осени на Украине могут остаться только пенсионеры Депутат Верховной рады Нина Южанина заявила в эфире YouTube-канала *Новости.Live*, что из-за проблем с энергоснабжением к осени на Украине могут остаться только пенсионеры. Она отреагировала на заявление главы комитета Рады по финансам Даниила Гетманцева, призывавшего украинцев не увеличивать значимость аномальной жары и отсутствия электричества. «К осени, к зиме в стране могут остаться только пенсионеры, которые смогли выжить, так как семьи с детьми не смогут справиться с текущими задачами», — указала она.

В Британии сделали неожиданное заявление о своей армии Лондон не готов к ведению полномасштабной войны против России в одиночку, так как британская армия потеряла навыки, сосредоточив внимание на борьбе с повстанцами в других странах. Об этом заявил генерал-майор британской армии Джеймс Мартин, передаёт РИА Новости со ссылкой на *Telegraph*. По его словам, армия Великобритании пытается вернуться в первоначальное состояние после многих лет сосредоточения внимания на борьбе с повстанцами, в результате чего она находится в процессе потери навыков для проведения полномасштабной кампании.

В Бундестаге выступили против предоставления новой помощи Украине Депутат Бундестага Вагенкнехт выступила против новой помощи Украине со стороны Германии. Немецкий политик, депутат Бундестага (парламента ФРГ) Сара Вагенкнехт, высказывающаяся против антироссийских ограничительных мер, выступила против новой помощи Украине со стороны Германии и за мирные переговоры для разрешения конфликта.

II. Л_{ок-вр} + С_{уб-неофиц} + РД_{невр} + ПП ≠: к этому типу в нашем материале относятся ок. 70 контекстов, или ок. 35 %:

В США сделали откровенное заявление о Путине Макгрегор: США вынудили Путина ввести войска на Украину. Соединенные Штаты вынудили президента РФ Владимира Путина ввести войска на территорию Восточной Украины, написал в социальной сети X (бывшая Twitter) экс-советник Пентагона Дуглас Макгрегор. С точки зрения эксперта, Путин хочет избежать прямой конфронтации с США и Североатлантическим альянсом. «Именно мы подтолкнули его к вводу военных сил на восточные регионы Украины», — поделился своим мнением аналитик.

В США назвали Зеленского угрозой для всего мира Владимир Зеленский представляет угрозу для всего мира, желая развязать масштабную войну, заявил американский экономист Джеффри Сакс в интервью YouTube-каналу *Judging Freedom*. «На мой взгляд, Зеленский представляет для мира угрозу,

потому что — чего он хочет? Он хочет полномасштабной войны между НАТО и Россией, ведь в войне между Украиной и Россией первая проиграет. Поэтому он пытается втянуть НАТО в полномасштабную войну. Меня это возмущает до глубины души», — рассказал эксперт.

В США раскрыли сценарий большой войны с Россией Россия благодаря опыту, полученному в специальной военной операции (СВО) на Украине, уничтожит американскую военную технику в случае прямой войны с США. Об этом на своём YouTube-канале заявил офицер ВС США в отставке Дэниел Дэвис, передаёт РИА Новости. «Мы по глупости отдали им всё наше оружие на изучение, — подчеркнул он. — Теперь русские знают, как уничтожить его не глядя. Если мы когда-нибудь по глупости начнём боестолкновения с Россией, мы немедленно окажемся в невыгодном положении, так как они знают, как нанести поражение всем нашим системам».

III. Л_{ок-вр} + С_{уб-офиц} + РД_{вр} + ПП =: к этому типу в нашем материале относятся ок. 20 контекстов, или 10 %:

В бундесвере «пригрозили» Путину Генеральный инспектор Вооруженных сил Германии Карстен Бройер заявил, что учения НАТО в Литве стали предупреждением России, пишет *Sky News*. «Сегодняшние учения посылают России четкий сигнал — сигнал сдерживания», — сказал он.

IV. Л_{ок-невр} + С_{уб-офиц} + РД_{невр} + ПП =: к этому типу в нашем материале относятся ок. 15 контекстов, или ок. 7 %:

В Сирии заявили, что поддерживают спецоперацию на Украине Сирийская правящая партия «Баас», поддержавшая спецоперацию на Украине, находится на правильной стороне истории, заявил представитель партии в РФ Бассам Альшалаби. «Арабская социалистическая партия „Баас“ подтверждает, что стоит на правильной стороне истории, встав рядом с Российской Федерацией и ее специальной военной операцией на Украине против неонацизма», — сказал Альшалаби на пленарном заседании форума «Роль объединения БРИКС в построении нового многополярного миропорядка». Он также подчеркнул, что сотрудничество России и Сирии во время президентства Владимира Путина поднялось до стратегического уровня во всех областях, в особенности в области борьбы с международным терроризмом, где «смешалась кровь российских и сирийских солдат».

V. Л_{ок-вр} + С_{уб-офиц} + РД_{вр} + ПП ≠: к этому типу в нашем материале относятся ок. 10 контекстов, или 5 %:

«Время пришло»: на Западе выступили с новым предложением по Украине Запад должен действовать переговорам по Украине как можно скорее, поскольку конфликт вошел в острую фазу, заявил бывший советник генсека ООН Михаэль фон дер Шулленбург в интервью YouTube-каналу *Die Weltwoche*. «Пришло время переговоров, конфликт вошел

в такую опасную фазу, что мы должны начать переговоры», — отметил он.

Гипотетически выделяемый тип VI (Л_{ок-вр} + С_{уб-неофиц} + РД_{вр} + ПП=) не представлен в нашем материале ни одним примером. Причина, полагаем, в политике современных российских изданий: считается нежелательным неизбежное в таких текстах имплицирование широко распространенной в западных странах неофициальной «народной» русофобии.

Также ожидаемо не представлен ни одним примером тип VII (Л_{ок-невр} + С_{уб-неофиц} + РД_{вр} + ПП≠).

ФОРМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЗАГОЛОВКА / ТЕКСТА СТАТЬИ

Наиболее распространенная форма рассматриваемой статьи с заголовком в форме НЛК: 1) (определяющая форма, есть всегда) заголовок с НЛК и речевым глаголом, 2) (иногда) подзаголовок (без неопределенно-личной формы), 3) (всегда) первая описательная фраза (или 2–3 фразы), относящаяся к основному тексту статьи, с прямым указанием субъекта (или это указание есть в подзаголовке), 4) (чаще всего) цитата: «Х», — сказал он.

Несколько примеров:

«Путин ударит» (цитата); **в Киеве сделали заявление об СВО** (заголовок) **Соскин** (субъект): **поставки оружия Киеву лишь усугубят ситуацию для ВСУ** (подзаголовок) **Киев потерпит поражение в специальной военной операции, а надежды президента Украины Владимира Зеленского на поставки западных вооружений окажутся напрасными, заявил экс-советник Леонида Кучмы Олег Соскин** (субъект). С точки зрения эксперта, крушение очень близко. Аналитик допустил, что у нынешнего главы украинского государства есть какой-то тайный план, но за более чем пятилетний период его правления никаких успехов у него не было, только одни поражения и провалы (собственно текст статьи).

В США назвали Зеленского угрозой для всего мира (заголовок) **Владимир Зеленский представляет угрозу для всего мира, желая развязать масштабную войну, заявил американский экономист Джеффри Сакс** (субъект) в интервью YouTube-каналу *Judging Freedom* (источник) (собственно текст статьи). «На мой взгляд, Зеленский представляет для мира угрозу, потому что — чего он хочет? Он хочет полномасштабной войны между НАТО и Россией, ведь в войне между Украиной и Россией первая проиграет. Поэтому он пытается втянуть НАТО в полномасштабную войну. Меня это возмущает до глубины души», — рассказал эксперт (цитата).

По форме собственно заголовка: есть ли часть заголовка, предшествующая неопределенно-личной конструкции (цитата с кавычками и двоеточием).

Из ок. 200 заголовков с НЛК в нашем материале ок. 15 имеют подзаголовок, т. е. меньше 10 %. Практически ни в одном подзаголовке нет НЛК. Из 15 подзаголовков в 14, т. е. более чем в 95 %, прямо (а не косвенно, как в НЛК, через локатив) именован субъект речевого действия.

Из ок. 200 заголовков с НЛК в нашем материале в ок. 190 в основном тексте или подзаголовке прямо (а не косвенно, как в НЛК, через локатив) именован субъект речевого действия.

ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИЗАТОРЫ, ИНТЕНСИФИКАТОРЫ И Т. П.

Из ок. 200 заголовков с НЛК в нашем материале ок. 40, т. е. ок. 20 %, имеют интенсификаторы при речевых глаголах или идиомах — адъективы, адвербы: **резко ответили, сделали неожиданный вывод, дали страшный прогноз**.

Частотный словарь оценочных характеристик и интенсификаторов: *неожиданный* 19, *резкий* 5, *неудобный* 3, *пугающий* 3, *страшный* 2, *громкий* 2, *тяжелый* 2, *откровенный* 2, *тревожный* 2, *шокирующий* 2, *крайне резкий* 1, *радикальный* 1, *зловещий* 1, *отчаянный* 2, *неудобный* 1, *неприятный* 1, *жуткий* 1; *резко* 5, *жестко* 2.

* * *

По нашим впечатлениям, доля НЛК в заголовках политических интернет-СМИ с речевыми словами резко возросла за последние годы. Для точного представления динамики необходимо детальное диахроническое исследование. Это — дело будущего.

Наше исследование показало, что, будучи формально однообразными, даже стандартными, заголовки с НЛК в содержательном отношении демонстрируют большое разнообразие по пунктам, рассмотренным нами: лексическая и иллокутивная семантика глаголов, именующих речевые действия, типы политических субъектов и их прямые и косвенные наименования и т. д. Всё это содержательное многообразие, однако, не выходит за рамки содержательной доминанты политического нарратива — использовать языковые средства при описании политических врагов и неврагов так, чтобы представить их максимально выгодным образом для адресанта — политического субъекта (издания, автора, политической партии). Форма НЛК в заголовках политических интернет-СМИ дает для этого богатые возможности. Умеренно-манипулятивные импликации, рассмотренные в этой статье, не являются прямой ложью, в которой автор мог бы быть уличен, благодаря объективному значению

НЛК в русском языке (ср. высказывание С. Михеева в его авторской передаче «Железная логика»: «Эти модные заголовки в Интернете: “В США заявили...”, “В Европе заявили...”... Вот я скажу сейчас какую-нибудь глупость, и об этом напишут: “В России заявили, что...”, формально же это будет правда!»).

Анализ иллюкутивной семантики позволил выявить прагматические закономерности, представляющиеся значимыми для современных политических СМИ: НЛК не используются при описании враждебных речевых действий неофициальных субъектов, разделяющих позицию своей страны (тоже враждебной), а также враждебных речевых действий неофициальных субъектов, не разделяющих позицию своей страны (невраждебной).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богачанова, Т. Д. Экспрессивная составляющая заголовков политических интернет-статей / Т. Д. Богачанова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 104–112.
2. Васильева, А. Н. Газетно-публицистический стиль речи : курс лекций по стилистике русского языка / А. Н. Васильева. — Москва : Русский язык, 1982. — 198 с. — Текст : непосредственный.
3. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис / А. Н. Гвоздев. — Москва : Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. — 302 с. — Текст : непосредственный.
4. Доценко, М. Ю. Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Доценко М. Ю. — Санкт-Петербург, 2009. — Текст : непосредственный.
5. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. — Москва : Просвещение, 1983. — 223 с. — Текст : непосредственный.
6. Космачёва, О. Ю. Заголовок как дискурсивное пространство смысловой реализации фраземы (на материале электронных СМИ) / О. Ю. Космачёва. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2013. — № 1. — С. 42–47.
7. Мохаммед, С. Б. Функционирование односоставных предложений в публицистических текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мохаммед С. Б. — Воронеж, 1991. — 20 с. — Текст : непосредственный.
8. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — Москва : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935. — 452 с. — Текст : непосредственный.
9. Плеханова, О. Ю. Функционирование неопределенно-личных предложений в региональной прессе (на материале газет юга Тюменской области) / О. Ю. Плеханова. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2013. — № 1. — С. 183–186.
10. Федотова, Н. Л. Семантический аспект функционирования неопределенно-личных предложений в заголовках интернет-новостей / Н. Л. Федотова, Го Цзини. — Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 10 (112). — Ч. 3. — С. 139–142.
11. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды: Печать, радио, телевидение, документальное кино / Г. Я. Солганик, Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь и др. ; под ред. Д. Э. Розенталя. — Москва : Изд-во МГУ, 1980. — 256 с. — Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bogachanova, T.D. (2022). Ekspressivnaya sostavlyayushchaya zagolovkov politicheskikh internet-statey [Expressive component of headlines of political Internet articles]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 5(95), 104–112. (In Russ.)
2. Vasilyeva, A.N. (1982). *Gazetno-publitsisticheskii stil' rechi: Kurs lektsiy po stilistike rus. yazyka* [Newspaper and journalistic style of speech: A course of lectures on Russian stylistics. language]. Moscow: Russian language, 198 p. (In Russ.)
3. Gvozdev, A.N. (1958). *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk. Ch. 2. Sintaksis* [Modern Russian literary language. Part 2. Syntax]. Moscow: State teacher Publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR, 302 p. (In Russ.)
4. Dotsenko, M.Yu. (2009). *Sintaksis gazetnogo zagolovka: struktura, semantika, prognozirovaniye smyslovogo razvitiya teksta*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Syntax of a newspaper headline: structure, semantics, forecasting the semantic development of the text: Cand. philol. sci. thesis diss]. St. Petersburg. (In Russ.)
5. Kozhina, M.N. (1983). *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Education, 223 p. (In Russ.)
6. Kosmacheva, O.Yu. (2013). Zagolovok kak diskursivnoye prostranstvo smyslovy realizatsii frazemy (na materiale elektronnykh SMI) [Headline as a discursive space of semantic realization of a phraseme (based on electronic media)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Russian and Foreign Languages and Methods of Teaching Them], 1, 42–47. (In Russ.)
7. Mokhammad, S.B. (1991). *Funktsionirovaniye odnosostavnykh predlozheniy v publitsisticheskikh tekstakh*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Functioning of one-member sentences in journalistic texts: Cand. philol. sci. thesis diss]. Voronezh, 20 p. (In Russ.)
8. Peshkovsky, A.M. (1935). *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific interpretation]. Moscow: State educational and pedagogical publishing house, 452 p. (In Russ.)
9. Plekhanova, O.Yu. (2013). Funktsionirovaniye neopredelenno-lichnykh predlozheniy v regional'noy presse (na materiale gazet yuga Tyumenskoj oblasti) [Functioning of indefinite-personal sentences in the regional press (based on newspapers from the south of the Tyumen region)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 1, 183–186. (In Russ.)
10. Fedotova, N.L., & Guo, Jini (2021). Semanticheskii aspekt funktsionirovaniya neopredelenno-lichnykh predlozheniy v zagolovkakh internet-novostey [Semantic aspect of the functioning of indefinite-personal sentences in the headlines of Internet news]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 10(112), Part 3, 139–142. (In Russ.)
11. Solganik, G.Ya., Kokhtev N.N., Rozental', D.E., et al. (1980). *Yazyk i stil' sredstv massovoy informatsii i propagandy: Pechat', radio, televideniye, dokum. kino* [Language and style of mass media and propaganda: Print, radio, television, documentary cinema] (Ed. by D.E. Rosenthal). Moscow: Moscow State University Publishing House, 256 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГРНТИ 16.21.07; 19.01.11

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Светлана Леонидовна Кушнерук

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, Svetlana_kush@mail.ru, SPIN-код: 8328-6722,
<https://orcid.org/0000-0003-4447-4606>

Проблематизация трудовой миграции в российских телеграм-каналах: когнитивно-семантический аспект миромоделирования

АННОТАЦИЯ. Проблематизация трудовой миграции в российских телеграм-каналах рассматривается с позиций дискурсологии. Актуальность исследования определяется, во-первых, общественным резонансом вокруг проблемы, во-вторых, обращением к телеграм-каналам, открывающим такие грани феномена, которые не попадают в поле зрения официальных медиа, в-третьих, необходимостью углубления знаний о миромоделировании в социально-политической сфере. Цель — выявление когнитивно-семантической специфики миромоделирования на основе систематизации фреймов, задающих векторы интерпретации проблем трудовой миграции в тематически объединенных каналах. Материал исследования составляют 946 постов, отобранных методом сплошной выборки из двух телеграм-каналов за вторую половину 2023 г. — первую половину 2024 г. Методология складывается с опорой на достижения социальных наук, коммуникативистики, дискурс-анализа, политической лингвистики, медиалингвистики. В качестве базовых применяются дискурсивный, фреймовый и контекстологический анализ. Автором развивается подход к исследованию когнитивно-семантической специфики миромоделирования на основе фреймовых структур, которые отвечают за организацию представлений в сознании адресата. Раскрываются понятия проблематизации и депроблематизации социального феномена. Устанавливается, что проблематизация трудовой миграции в российских телеграм-каналах определяется качеством миромоделирования, которое закрепляет негативное видение экономически значимого явления. Демонстрируется, что фреймы выступают концептуальными инструментами миромоделирования, формирующими иерархию. Предложена методика их анализа с учетом вариативности речевых средств. Доказывается, что когнитивно-семантическая специфика миромоделирования наиболее ярко проявляется на базовом и субординатном уровнях за счет фреймов, генерирующих представления о преступлениях против жизни и здоровья человека, половой неприкосновенности личности, собственности, общественной безопасности и порядка, здоровья населения и общественной нравственности, совершаемых трудовыми мигрантами; а также преступлениях против порядка управления, совершаемых российскими гражданами с целью извлечения из трудовой миграции экономической выгоды. Результаты исследования способствуют пониманию того, как моделируется телеграм-реальность о трудовых мигрантах из азиатских стран, какие фреймы в наибольшей степени проблематизируют явление и какой вклад они вносят в его оценку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, социальные сети, мессенджеры, социальное миромоделирование, фреймы, трудовая миграция, русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129, каб. 336; email: Svetlana_kush@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кушнерук, С. Л. Проблематизация трудовой миграции в российских телеграм-каналах: когнитивно-семантический аспект миромоделирования / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 22-33.

Svetlana L. Kushneruk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, Svetlana_kush@mail.ru, SPIN code: 8328-6722, <https://orcid.org/0000-0003-4447-4606>

Problematization of Labor Migration on Russian Telegram Channels: Cognitive-Semantic Aspect of World-Modeling

ABSTRACT. The paper focuses on the problematization of labor migration on Russian Telegram channels from the perspective of discourse studies. The urgency of the research is determined, firstly, by the public resonance around the problem in Russia, secondly, by the fact that posts on Telegram open up such facets of the social phenomenon that are neglected by the mainstream media, and thirdly, by the need to deepen knowledge about world-modeling in the socio-political sphere. The aim of the study is to identify the cognitive and semantic specificity of world-modeling by means of systematizing frames that influence the interpretations of labor migration on thematically united channels. The practical research material consists of 946 posts selected via the continuous sampling method from two Telegram channels covering the period from the second half of 2023 — the first half of 2024. The methodology draws on the achievements of social sciences, communication studies, discourse analysis, political linguistics, and media linguistics. Discourse analysis, frame analysis and contextual

© Кушнерук С. Л., 2024

analysis are the basic methods, employed in the research. The author suggests an approach to the study of world-modeling that is based on frame structures responsible for organizing ideas in the consciousness of the addressee. The paper discusses the concepts of problematization and deproblematization of a social phenomenon. It is argued that the problematization of labor migration on Russian Telegram channels is determined by the quality of world-modeling, which reinforces a highly negative vision of the economically significant phenomenon. It is demonstrated that frames act as conceptual tools for world-modeling forming a hierarchy of levels. The author presents a method of their analysis taking into account the variability of language means. It is proved that the cognitive-semantic specificity of world-modeling is most clearly manifested at the basic and the subordinate levels via the frames that generate ideas about crimes against human life and health, sexual integrity of the individual, property, public safety and order, public health and public morality, committed by migrant workers; as well as about crimes against order of government, committed by Russian citizens in order to benefit from labor migration. The results of the research can deepen the understanding of how Telegram reality about migrant workers from Asian countries is modeled, which frames problematize the phenomenon to the greatest degree, and what evaluation of it they provide.

KEYWORDS: political discourse, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, social networks, messengers, social world-modeling, frames, labor migration, Russian language.

AUTHOR'S INFORMATION: Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. This research was financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of CSU 2024.

FOR CITATION: Kushneruk S. L. (2024). Problematization of Labor Migration on Russian Telegram Channels: Cognitive-Semantic Aspect of World-Modeling. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 22-33. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения 2023 года, специалисты из стран Центральной Азии и Закавказья рассматриваются как важный ресурс для укрепления экономики России, а трудовая миграция в нашу страну оценивается положительно каждым вторым гражданином¹. В конце прошлого года, однако, тема получила взрывной импульс из-за многочисленных нарушений закона мигрантами, что имело широкую огласку и спровоцировало обострение негативной реакции всего общества².

Несмотря на повсеместное обсуждение миграционных вопросов в отечественных СМИ, в настоящее время практически отсутствуют публикации, которые бы акцентировали внимание на том, как фреймируются представления об острой социальной проблеме в Telegram. Альтернативность данного источника информации объясняется тем, что платформа обеспечивает высокую степень защищенности личных данных. Telegram представляет собой бесплатный мессенджер (сеть) «с революционной политикой конфиденциальности» (<https://telegram.org/>), что позволяет модераторам и пользователям открыто высказываться на разные темы, не боясь цензуры. Отсутствие ограничений на выражение мысли в тематически связанных каналах открывает такие грани репрезентации социального явления, которые не попадают в поле зрения официальных ме-

диа. Обращение к ним с позиций дискурсологии формирует актуальность настоящего исследования. Цель работы заключается в изучении когнитивно-семантической специфики миромоделирования в российских телеграм-каналах на основе систематизации фреймов, задающих векторы интерпретации проблем трудовой миграции. Результаты должны способствовать пониманию того, как, используя ресурсы естественного языка, агенты телеграм-дискурса конструируют телеграм-реальность о трудовых мигрантах из азиатских стран, какие фреймы проблематизируют явление в России и какой вклад они вносят в его оценку.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Репрезентация миграционных процессов традиционно является предметом социальных наук, которые «измеряют» отношение «своих» к «чужим». Проблемы миграции не перестают привлекать внимание ученых после кризиса 2015 года, в результате которого многие европейские страны оказались в эпицентре массового притока беженцев, что предопределило всплеск националистических настроений и породило антимиграционные дискурсы [Arcila-Calderón et al., 2023; Colombo 2018; Corbu, Buturoiu, Durach 2017; Kostopoulos & Mylonas 2022; Krzyżanowski, Triandafyllidou, Wodak 2018]. Особое направление в зарубежной коммуникативистике составляют работы, в которых акцентирует-

¹ ВЦИОМ 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv?ysclid=lmhoie23c886677937>

² Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/>

ся необходимость изучения медиафреймов, поскольку они не только говорят нам, «что и как думать, но и определяют, как мы используем различные сообщения для концептуализации социальной реальности» [Guo 2016: 3], формируют негативные мнения и соответствующим образом настраивают людей по отношению к экзогруппам (от греч. *εξω* — внешний, чужой). Исследуется, как профессиональные журналисты конструируют представления о миграции в разных странах: Бельгии [Van Gorp 2005], Италии, Испании, Греции [Arcila-Calderón et al. 2023], Румынии [Corbu, Buturoiu, Durach 2017], России [Мамонова 2023]. Подчеркивается, что в западных медиа мигранты представлены негативно, и в основе такой репрезентации, как правило, лежат предрассудки [Brändle, Eisele, Trenz 2019; Fengler et al. 2020; Greusing, Boomgaarden 2017; Kalfeli, Frangonikolopoulos, Gardikiotis 2020; Stavinoha 2019].

В быстро меняющемся мире традиционные СМИ утрачивают свою центральную роль [Alonso-Muñoz et al. 2022], уступая место периферийным цифровым площадкам, функционирующим как виртуальные «окна» в реальный мир. Популярность платформы Telegram неукоснительно растет, и многие российские сообщества выбирают ее для обсуждения наиболее острых социальных вопросов. На этом фоне проблема трудовых мигрантов в России получает новое «прочтение». Полагаем, что оно определяется процессами миромоделирования, приводящими к формированию и продвижению определенного(-ых) ракурса(-ов) видения социальной проблемы.

В названном аспекте проблема прежде не была осмыслена в науке о языке, несмотря на то, что в первой четверти XXI века изучение проблематики миромоделирования уверенно прогрессирует. Понятие **миромоделирования** активно разрабатывается в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики. Оно обобщенно трактуется как **контекстуально обусловленный процесс конструирования реальности в дискурсе семиотическими средствами, результатом которого являются концептуально-информационные модели мира**. Миромоделирование направлено на преобразование действительности. Это объясняет востребованность научных изысканий в дискурсологии, представители которой обращаются к диалектному, военному, рекламному, песенному, политическому, научному, учебному, медиадискурсу, интернет-дискурсу, телеграм-дискурсу и др., и появление дискретных направлений анализа (см. подробный обзор [Кушнерук 2024]).

Занимая свое место в кругу когнитивно-дискурсивных исследований, настоящая работа акцентирует внимание на проблематизации трудовой миграции в Telegram. Под **проблематизацией** мы понимаем формирование отношения к названному феномену как острой социальной проблеме, требующей решений на государственном уровне. Она исследуется нами в ракурсе миромоделирования на основе речевых средств, избранных для репрезентации проблемы в контексте общественного резонанса, который вызван ростом преступности иностранных специалистов из азиатских стран. В связи с тем, что коммуникация в телеграм-каналах является управляемой, а телеграммеры контролируют дискурс и форматируют адресованную подписчикам информацию, «упаковывая» ее в виде структур, отвечающих за организацию представлений, миромоделирование рассматривается в когнитивно-семантическом аспекте. В теоретическом плане рассуждения выстраиваются на том, что в поисках наиболее эффективных способов убеждения телеграммеры «запускают» латентные метакоммуникативные сообщения — фреймы, — благодаря которым моделируются фрагменты социальной реальности и осуществляется воздействие на мнения подписчиков.

В зарубежной коммуникативистике чаще всего говорят о фрейминге применительно к СМИ, подразумевая при этом намеренное выделение в сообщении определенных аспектов окружающей действительности, придание им заметности, то есть особой значимости (салиентности), что позволяет высвечивать одни аспекты события, игнорировать другие и направлять восприятие людей в рамках темы [Entman 1993]. Отталкиваясь от этих установок, полагаем, что в репрезентации проблем трудовой миграции телеграммер сходным образом фреймирует информацию, исключая нерелевантную.

Предложенное Р. Энтманом понимание фрейма нами уточняется на основе сочетания установок функционального подхода, конструкционизма и стратегических коммуникаций. При функциональном подходе понятие фрейма раскрывается в терминах «центральных идей», организующих то, как люди обсуждают и интерпретируют общественные события. Фреймы устанавливают параметры коммуникации, предлагая объяснения происходящего в окружающем мире [Semetko & Valkenburg 2000]. Конструкционизм имеет дело с процессом, в ходе которого отдельные люди и группы активно создают социальную реальность из различных источников информации [Van Gorp & Vyncke

2021]. Агенты дискурса конструируют версии реальности, используя фреймы как инструменты для организации представлений о проблемах. В свою очередь клиенты дискурса (подписчики) обрабатывают их и понимают, что происходит в мире. В стратегическом отношении телеграмер планирует и реализует цели коммуникации через сообщения на естественном языке и иные семиотические системы. С помощью выбора слов, устоявшихся форм, повторов, метафор, речевых штампов, источников информации, визуальных эффектов, культурно маркированных символов он выделяет некоторые особенности, формулируя проблему под определенным углом зрения, что может усиливать, подрывать или нейтрализовывать групповую версию реальности с целью изменения общественного мнения [Godefroidt et al. 2016]. Основное внимание в данной статье уделяется тем аспектам миромоделирования, благодаря которым трудовая миграция в России предстает как социальный недуг. Поскольку фреймы сложны по своей природе, они классифицируются на разных основаниях:

(1) **по проблемной области** исследуются фреймы в разных сегментах социально-политической сферы: преступность, исламофобия, терроризм, война, внешнеполитические конфликты, бедность, безработица, дискриминация, ядерная мощь, расовое неравенство [Медийная... 2021: 66];

(2) **по концептуальному содержанию** фреймы делятся на родовые, аспектуальные, тематические. *Родовые* фреймы не ограничиваются темой и могут активироваться при освещении ряда проблем, в том числе в разных культурных контекстах (*конфликт, ответственность, мораль, национализация*). *Аспектуальные* фреймы носят конкретный характер и зависят от характеристик объекта (например, фреймы *управление автомобилем* и *права женщин* выделяются при освещении проблем саудовских женщин). *Тематические* фреймы сопряжены с общей смысловой составляющей ряда сообщений. Так, тема «падение метеорита» является центральной при освещении событий в Челябинске, что выводит в поле внимания соответствующий тематический фрейм [Самкова 2023];

(3) **по функции** разграничиваются *диагностические* (определяют проблему, устанавливают причинно-следственные связи), *прогностические* (прогнозируют решение проблемы и результаты) и *мотивационные* (стимулируют к преобразованиям и устранению проблемы) фреймы [Benford & Snow 2000; Godefroidt et al. 2016];

(4) **по характеру постановки проблемы** противопоставляются фреймы *проблематизирующие* и *депроблематизирующие*. Фреймы первой разновидности связаны с рассмотрением чего-либо как проблемы (например, бедные несут ответственность за свое социальное положение). Во втором случае возникают контрфреймы, уменьшающие степень проблематизации и переключющие внимание на другие факторы (бедность — отказ от материальных ценностей и установок общества потребления). Эвристическую ценность имеет вывод о том, что одна и та же проблема может быть как проблематизирована, так и депроблематизирована [Van Gorp & Vyncke 2021: 435].

В результате осмысления упомянутых научных публикаций **фрейм** понимается нами как **концептуальный инструмент миромоделирования**, задающий вектор репрезентации явлений, используя который агент дискурса отбирает аспекты реальности и при помощи семиотических средств делает их выделенными в тексте, так что это обеспечивает понимание отдельного аспекта социальной проблемы, причинно-следственных закономерностей между явлениями, продвижение определенного видения, оценку и интерпретаций описываемых событий. Фреймы выступают значимыми индикаторами систем значений в дискурсе и когнитивными опорами конструируемого дискурсивного мира.

МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДЫ И МЕТОДИКА

Материалом для исследования послужили 946 постов, отобранных методом сплошной выборки по ключевому слову *мигрант* из двух телеграм-каналов (<https://t.me/mnogonazi>, https://t.me/migranty_RUS) за вторую половину 2023 г. — первую половину 2024 г. Выбор этих каналов в качестве источников эмпирических данных отвечает нескольким статистически значимым критериям: (1) *По охвату*. Оба канала относятся к гигагруппам, поскольку имеют более 200 тыс. подписчиков, и эта цифра постоянно увеличивается. Стабильный рост числа участников свидетельствует об интересе к проблемам трудовой миграции, обсуждаемым каналами. (2) *По индексу цитируемости*. Авторитетность каждого канала оценивалась на основе упоминаний, репостов и упоминаний публикаций канала в других каналах. (3) *По вовлеченности подписчиков и популярности постов*. Принималось во внимание отношение всех активностей подписчиков (пересылки, комментарии, реакции) к количеству просмотров публикаций. В двух случаях было статистически подтверждено, что аудито-

рия быстро и активно использует контент, размещенный на каналах (<https://tgstat.ru/>). Популярность постов определялась по оценкам участников, репостам и комментариям, оставленным под публикацией.

Помимо общенаучных методов наблюдения, интерпретации и моделирования, для достижения цели исследования были использованы следующие дисциплинарные методы: соотношение между структурами значения и структурами выражения в процессе миромоделирования определяется на основе *дискурсивного анализа* (с учетом характера деятельности и условий ее протекания в России); *фреймовый анализ* способствует пониманию того, как вербально-знаковые средства комбинируются в текстах постов и формируют смысловые паттерны, лежащие в основе понимания проблем трудовой миграции, а также как, запуская фреймы, телеграммы направляют интерпретации положения дел и культивируют мнения; метод *контекстологического анализа* привлекается для определения слотового состава фреймов на основе отношений сочетающихся с ключевой лексемой слов, поскольку ее импликационал определяет область того, что реализуется в изучаемом публице.

Методика исследования включает следующие этапы: (1) *Сбор материала и составление выборки*. Избранный подход Case study обуславливает включение в картотеку контекстов с упоминанием трудовых мигрантов из стран Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан) и Закавказья (Азербайджан, Армения) и исключение сообщений о мигрантах из других стран. (2) *Определение макрофреймов* в избранной области общественного взаимодействия. Проблема решается дедуктивно, то есть на основе сформированного реестра фреймов, регулярно воспроизводимых в социально-политической сфере [Boydston et al. 2018], который расширяется нами за счет выделения аспектуальных фреймов в рамках изучения трудовой миграции. (3) *Анализ и интерпретация*. Объясняется, за счет каких речевых средств активируются фреймы, репрезентирующие трудовую миграцию в телеграм-дискурсе. (4) *Квалификация фреймов*. Каждому из установленных фреймов дается характеристика по концептуальному содержанию, функции, проблематизации. (5) *Картирование фреймов*. Производится визуализация фреймов и определяется место каждого в структуре модели дискурсивного мира трудовой миграции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Когнитивно-семантический аспект миромоделирования развивает подход к изучению дискурса в терминах когнитивных структур, которые отвечают за организацию опыта в сознании людей, и ментальных репрезентаций, предопределенных коммуникативными факторами [<https://discourseworld.ru/>].

В дискурсе телеграм-каналов о трудовых мигрантах конструируется *дискурсивный мир трудовой миграции* — репрезентационная структура, которая является концептуально-сложной, профилируется относительно «базы» реального мира, кодируется телеграммами в виде постов, извлекается, декодируется, интерпретируется адресатами-подписчиками на основе сообщений в рамках обсуждения темы. В смысловом отношении эта структура дает представление о процессах и результатах представления трудовой миграции в телеграм-каналах, интегрирует объемное концептуальное содержание, представляет иерархию, включающую фреймы разных уровней. На суперординатном (высшем) уровне воплощено наиболее абстрактное содержание, организованное макрофреймами. На базовом уровне располагаются фреймы, на субординатном — субфреймы и слоты.

С учетом классификации фреймов, характерных для социально-политической сферы [Boydston et al. 2018], нами установлен макрофрейм «ЗАКОН И ПОРЯДОК». Он охватывает такие аспекты концептуализации деятельности иностранных специалистов, как преступность и нарушение законов, меры защиты граждан через правосудие и наказание. На базовом и субординатном уровнях иерархии устанавливаются конкретные аспекты проявления обсуждаемой социальной проблемы, к анализу которых мы переходим.

В любом обществе существуют законы, правила и предписания, регулирующие общественные отношения и обеспечивающие возможность применения мер государственного принуждения в отношении людей, которые совершают преступления или отклоняются от норм поведения, выполняя действия, являющиеся правонарушениями. В постах о трудовой миграции фрейм «**Преступления**» имеет первостепенное значение, существуя в двух разновидностях в зависимости от социального актора, — «преступления, совершаемые мигрантами» (рис. 1) и «преступления, имеющие отношение к мигрантам» (рис. 2). Оба являются аспектуальными, диагностическими, проблематизирующими.

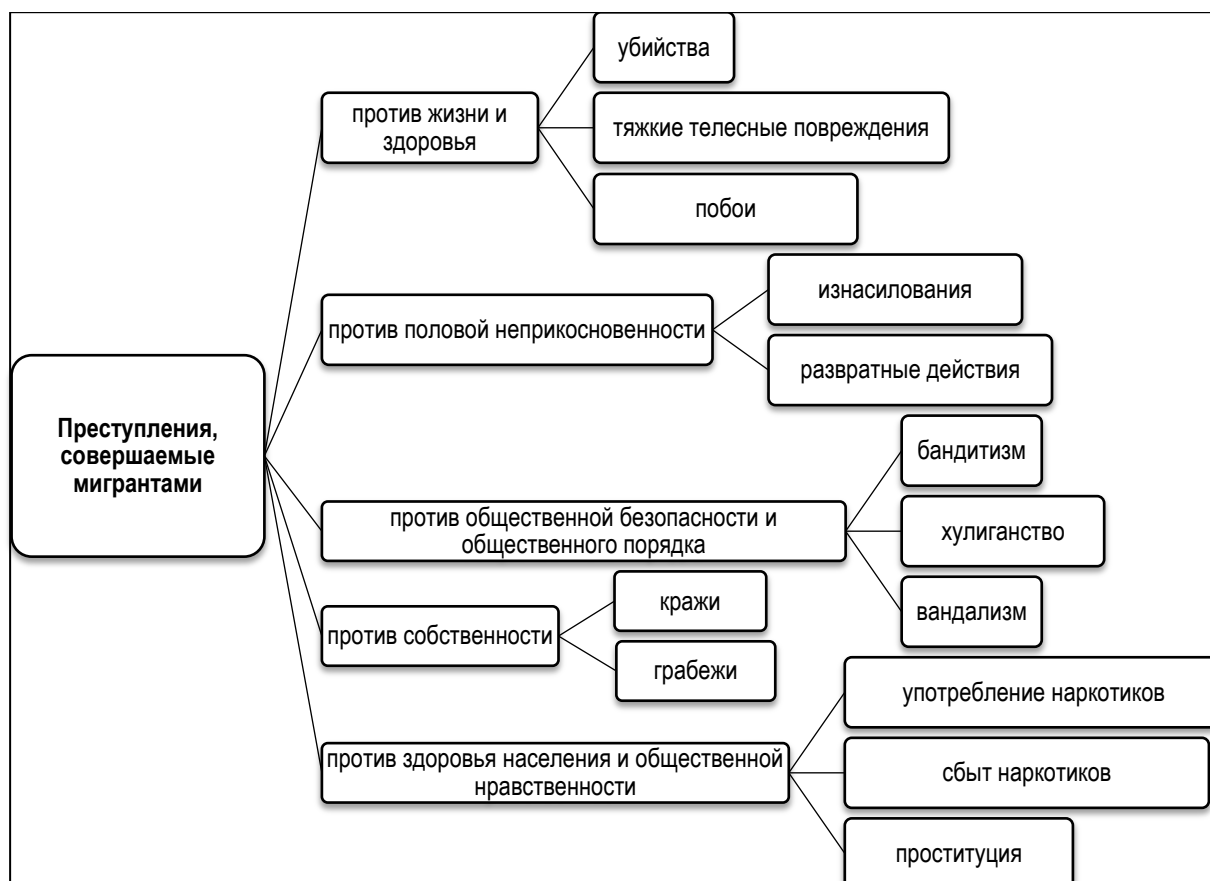

Рис. 1. Структура фрейма «Преступления, совершаемые мигрантами»

1. Преступления, совершаемые мигрантами

В составе названного фрейма выделяется пять субфреймов, которые обозначают виды преступлений и разграничивают криминальные действия по объекту. Типологизируются преступления против личности и против общества, получающие значимую детализацию на лексико-семантическом уровне. Инферируется резко осуждающая позиция телеграммеров по отношению к трудовым мигрантам.

Преступления против жизни и здоровья. Включает слоты «убийство» (*банда ваххабитов убила участника СВО; убийство с особой жестокостью; толпа киргизов забила до смерти человека*), «побои» (*таджики избили человека и засунули его в багажник; наносили удары по телу*), «тяжкие телесные повреждения» (*проломил голову беременной; парень получил кирпичом в затылок; пострадавшему сломали руку*). Причинение смерти человека обусловлено корыстными побуждениями. Ср.: *...мигрант из Средней Азии задушил таксиста, чтобы не платить за проезд*. Подчеркивается особая жестокость и агрессия по отношению к окружающим людям в целом, независимо от их этнической принадлежности. Ср.: *...неле-*

гальный мигрант из Азербайджана убил своего соотечественника за обещание украсть дыню и расстрелял из травмата прохожего.

Преступления против половой неприкосновенности. В качестве основного выделяется слот «изнасилование» (*изнасиловать, надругаться*). Ср.: *В России наблюдается аномальная активность мигрантов-извращенцев, совершающих насильственные действия сексуального характера*. К потерпевшим применяются угрозы. Ср.: *Мигрант из Киргизии прямо на улице напал на девушку и попытался её изнасиловать, угрожая убийством*. Нередко насилие происходит, когда жертва находится в беспомощном состоянии. Ср.: *нелегальный таджик накачал девушку наркотиками и изнасиловал*. Во многих случаях преступление совершается группами мигрантов в отношении несовершеннолетних (*задержали участников группового изнасилования несовершеннолетней девочки; объединились по национальному признаку, чтобы изнасиловать русского ребёнка*).

Слот «развратные действия» генерирует представления о том, что мигранты понуждают детей и подростков к действиям сексуального характера и склоняют к половому

сношению. Ср.: *абу-бандиты заставляли раздеваться школьниц; заставляли поднимать майки, обнажая грудь; мигрант из Средней Азии приставал к несовершеннолетним девочкам и намекал на секс*. Действия развращающего характера ассоциируются с педофилией, включают сексуальные домогательства мигрантов, обнажение половых органов в присутствии несовершеннолетних, прикосновения к ребенку. Ср.: *безработный узбек-эксбиционист с просроченной регистрацией, оголившись прямо на улице, несколько раз потрогал 14-летнюю школьницу; он начал трогать школьницу и заставил прикасаться ладонью к своим интимным местам* через одежду; *иностраннный специалист, находясь на детской площадке, делал непристойные предложения детям, трогал и фотографировал их*. Обозначенные выше субфреймы называют и выводят на первый план преступления против личности. В телеграм-каналах трудовая миграция также обсуждается сквозь призму преступлений, угрожающих жизнедеятельности общества в целом.

Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Основные слоты — «бандитизм», «хулиганство», «вандализм».

Бандитизм, принимающий форму разбоев с участием мигрантов, назван *скрепой*, которая в нашей многонациональной стране *объединяет таких разных иностранных специалистов*. Фокусировка внимания на криминальной характеристике, которая связывает приезжих специалистов, какими бы профессиональными умениями они ни обладали, определяет негативный ракурс видения всего социального явления. Слот «бандитизм» регулярно объективируется лексемами и словосочетаниями со значением «нападать» (*терроризировать, угрожать расправой, избивать, отнимать, промышлять грабежами, рэкетом* и др.). Эти преступления, как правило, совершаются группой лиц, а также при поддержке диаспор. Ср.: *толпа абу-бандитов жестоко забила парня; многонациональная банда проникла в частный дом, схватили хозяйку и, угрожая пистолетом, похитили деньги и украшения; местным жителям поступают угрозы от представителей диаспоры*.

Слот «хулиганство» предполагает грубое нарушение общественного порядка, выражающее неуважение к российскому обществу, его традициям и правилам (ст. 213 УК РФ). Поведение мигрантов отличается безнравственностью, цинизмом, оскорбительным приставанием к людям, нецензурной бранью

в общественных местах. Ср.: *гражданин Таджикистана приставал к людям, показывал им член и громко нецензурно выражался*. Характерным проявлением хулиганства являются драки (*драка, ссора, стычка, потасовка, дебош, разборка*), нередко массовые. Ср.: *массовая драка с участием мигрантов из Средней Азии; потасовка мигрантов; пьяный кавказец устроил дебош; стычки с местными жителями; в рукопашной и с оружием сошлись группы трудовых мигрантов*. Драки с участием трудовых мигрантов представлены метафорически за счёт семантики лексем, содержащих компонент «столкновение». Ср.: *боевые действия, массовая битва мигрантов, кровавая бойня*. Гиперболизация способствует акцентуации негативных смыслов, превращая драки в *эпицентры межнационального столкновения*. *Эпицентр* — перен. место, где что-н. проявляется с наибольшей силой (книжн.) [<https://slovarozhhegova.ru/>].

Трудовые мигранты ведут себя враждебно, как по отношению к местным гражданам, так и к соотечественникам, что вскрывает высокую степень социальной агрессии, направленной вовне и вовнутрь, и свидетельствует о конфликтогенности взаимодействия «своих» и «чужих». Под *конфликтогенностью социума* понимают «деструктивный потенциал общества, связанный с нарушением сложившихся связей и отношений, ростом социальной напряженности, нарастающих противоречий в экономической и политической сферах, деградацией социальных отношений» [https://psychology_pedagogu.academic.ru/]. Ср.: *Молодые мигранты устроили разборки с более возрастными соотечественниками. Видно как один мастурбек заходит за спину оппонента, чтобы нанести крысиный удар, демонстрируя древний и красивый обычай уважения к старшим*. Отсылка к почитаемым в восточных культурах правилам, которые закрепляют уважение к старшим, служит цели изобличения неприемлемого поведения мигрантов. Нередко в действие приводится механизм иронии. Ср.: *рынок стал ареной коллизейских боев; гастарбайтеры скрестили палки на прошлой неделе*. Очевидно, что соположение прецедентной ситуации — гладиаторских боев в Римской империи — и драк между мигрантами высвечивает несоответствие между историческим фактом и социальным недугом настоящего времени. Во втором примере замена элемента архаичного фразеологизма *скрестить шпаги на палки* также служит цели обличения.

Телеграммеры обращают внимание на особую жестокость, с которой в ходе драк

обидчики коллективно расправляются с жертвами. Ср.: *Сразу же подбежали друзья мигранта, которые начали избивать лежащего парня ногами*. В случае поражения их охватывает общий страх, ускоряющий бегство с мест преступлений. Ср.: *Участники боевых действий разбежались как крысы*. Сравнение с крысами усиливает стигматизацию.

Слот «вандализм» фокусирует внимание на том, что трудовые мигранты оскверняют здания, сооружения, памятники, могилы и портят имущество в общественных местах. Основные репрезентанты — лексемы с семантикой «разрушение» (*громить, портить, разбивать, уничтожать, сносить, разорять*). Ср.: *пьяные гастарбайтеры разгромили интерактивную рекламу в подземном переходе; мигранты разбили стеклянную створку турникета, чтобы не оплачивать проезд; мигрант-исламист из Средней Азии разбил около 40 православных могил*. Факт, что акты вандализма происходят на религиозной почве, усугубляет проблему. Ср.: *Группа иностранных специалистов из Средней Азии срезала ограды, памятники, декоративные элементы могил и сдавала краденое на металлолом, мигранты разоряли только православные кладбища*. Грубое попираание христианских духовно-нравственных ценностей свидетельствует о глубоком кризисе межкультурного взаимодействия и требует конструктивных решений в вопросах адаптации трудовых мигрантов в России.

Преступления против собственности.

Основные слоты — «кража», «грабёж». Согласно УК РФ, в отличие от кражи, осуществляемой тайно, грабёж предполагает открытое хищение чужого имущества, в том числе в результате нападения на человека (ст. 158, ст. 161). Базовые репрезентанты слотов — лексемы с семантикой «присвоение чужого» (*красть, ограбить, обворовать, обнести*). Преступления имеют индивидуальный и групповой характер. Ср.: *трудолюбивый иностранный специалист из Средней Азии, работающий курьером, проворно крал мобильные телефоны у пассажиров; трудолюбивый ваххабит подвёз возвращавшегося с корпоратива человека, но затем нокаутировал его и ограбил*.

В контекстах телеграм-постов репрезентация действий мигрантов нередко выстраивается на соположении и взаимопересечении когнитивных и семантических пространств [Chudinov 2024], создаваемых метафорами и жаргонной лексикой. Ср.: *В самом центре мигрант из Средней Азии нокаутировал и ограбил пенсионерку*.

Метафора *нокаутировать* активирует представления об ударных единоборствах. В отличие от синонимичного глагола *ударить* избранный глагол служит целям ироничной репрезентации социального актора, подчеркивает спортивный азарт и легкость в нападении на пожилого человека, что является дополнительным свидетельством неприятия модератором социального явления, сопряженного с преступными действиями. Ср.: *Специалисты из Средней Азии регулярно обносили один из магазинов. Во время очередного набега дикарей заметил продавец и пригрозил вызвать полицию*. Метафора *набег дикарей* насыщает образ мигрантов признаками невежественности, первобытности, низшей ступени развития и обеспечивает тропеическую изобразительность. Она дополняется выбором стилистически маркированного глагола *обнести* — «обворовать, произвести кражу со взломом и вынести все ценное имущество из квартиры или иного помещения» [<https://argo.academic.ru/>]. Использование жаргонного слова усиливает эффект негативизации явления субъектом-модератором.

Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Вектор миромоделирования направлен на репрезентацию трудовых мигрантов в связи с употреблением и распространением наркотиков и проституцией.

Слот «употребление наркотиков» объективируется лексемами и речевыми оборотами, называющими синтетические лекарственные препараты (*партия метадона, героин, порошкообразное вещество белого цвета*) и указывающими на употребление наркотиков (*под наркотиками, передознуться*). Ср.: *Строители из солнечного Узбекистана укололись метадонном*. Анализ материала показывает, что во многих случаях экспрессивные семы, заключенные в значении лексем-репрезентантов, наращивают смыслы, отражающие эмоционально-негативный характер миромоделирования. Ср.: *Два абу-бандита передознулись прямо на детской площадке*. Глагол *передознуться*, во-первых, содержит понятие о качестве действия (сигнификат): употребление наркотиков вызвало отравление. Во-вторых, функционально-стилистические семы (разг., сниж.) задают «сверхкодовые» оттенки значения (коннотат) и определяют эмоционально-экспрессивный ракурс моделирования образа мигранта. Негативизация образа также укореняется представлениями о том, что в состоянии наркотического опьянения трудовые мигранты совершают преступления. Ср.: *абу-бандит на дорогой иномарке в состоянии наркотического опьянения сбил*

двух детей; **мигрант под наркотиками изрезал прохожих ножом; абу-бандит под наркотиками пытался похитить чужого ребёнка с детской площадки.**

Слот «сбыт наркотиков» способствует концептуализации действий мигрантов по распространению наркотических веществ (*наркоторговец, прятать наркотики, подрабатывать закладчиком, тайники-закладки*), что нередко приводит к летальному исходу. Ср.: *Иностранный специалист из Средней Азии под видом мефедрона распространял в закладках метадон, пятеро его клиентов погибли из-за отравления этим наркотиком.* Фреймирование преступной деятельности мигрантов осуществляется за счет эпитетов-негативаторов, благодаря которым передается оценка совершаемого действия и едкая ирония (*трудолюбиво сбывать, трудолюбиво торговать наркотиками*). Ср.: *Иностранный наркоторговец забрал из тайника наркотическое средство и намеревался **трудолюбиво сбывать** его.* Изобличающий ракурс репрезентации трудовых мигрантов также создается ресурсами морфологии, наиболее значимый из которых — использование превосходной степени прилагательного (*ценнейший, трудолюбивейший*). Ср.: *Ценнейший иностранный специалист приезжал для сбыта наркотиков; был замечен **ценнейший** для нашей экономики **закладчик** в районе ЖК...*

Слот «проституция» раскрывает деятельность трудовых мигрантов по оказанию платных сексуальных услуг. Ключевые лексемы и сочетания называют места для занятия проституцией (*бордель низких цен, этнический бордель, гей-бордель, притон, интим-салон*), вовлеченных лиц (*трансы, транс-гастарбайтеры, секс-работницы, ЛГБТ-проститутки*, проститутки-трансгендеры*), а также определяют характер совершаемых действий (*оказал интим-услуги, предложил интим и др.*). Ср.: *обнаружили четырёх **трудолюбивых проституток из Узбекистана, которые оказывали интимные услуги за деньги.***

Профилирование отрицательных характеристик иностранных специалистов в целом усиливает стигматизацию, связанную с их пребыванием в России. Поскольку трудовая миграция является экономически целесообразной, важно искать пути преодоления взаимного отчуждения, создавать условия для аккультурации приезжих, повышения их адаптированности к российской жизни, ее культурным и религиозным традициям и обычаям. В идеале это может способствовать формированию гибридной идентичности трудового мигранта, понимающего и уважающего культуру принимающего сообщества при сохранении своей этнической идентичности.

Контекстуальный анализ речевых средств миромоделирования позволяет диагностировать вторую разновидность фрейма «Преступления» (рис. 2).

2. Преступления, имеющие отношение к мигрантам

Преступления против порядка управления. Субфрейм организует представления о преступной деятельности российских граждан, вовлеченных в процессы нелегальной миграции, незаконного ввоза трудовых ресурсов, фиктивной регистрации и постановки на учет мигрантов по месту пребывания.

Базовый слот — «организация незаконной миграции» — актуализируется посредством указания на механизмы ввоза мигрантов (*схема ввоза, завоз гастарбайтеров, ввоз многонациональных специалистов*), обозначения мест размещения (*нелегальный хостел, мигрантская ночлежка, койкоместо*), предпринимателей, ведущих незаконную деятельность (*мигрантозавозчики, предприимчивые бизнесмены, предприимчивые сотрудницы Центра помощи мигрантам*), характер преступлений (*незаконная регистрация трудолюбивых земляков, организация фиктивных браков, помочь легализоваться*). Такая деятельность тщательно скрывается. Для ввоза нелегалов используются обходные пути. Ср.: *Сущест-*

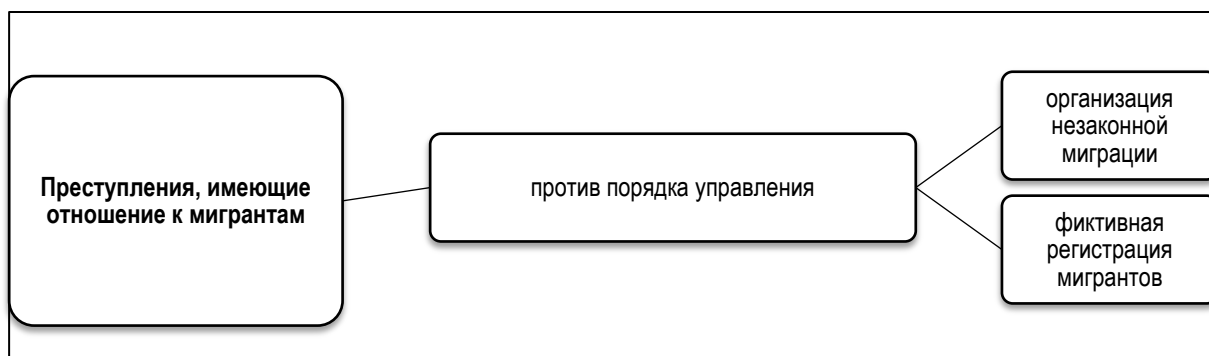

Рис. 2. Структура фрейма «Преступления, имеющие отношение к мигрантам»

ует **огромное количество схем ввоза нелегальных мигрантов в Россию**. Традиционной является легенда о «лечении» иностранных граждан в отечественных санаториях. Ср.: *...предприимчивые сотрудники одного из санаториев завезли более 200 иностранных специалистов из Средней Азии на фиктивное лечение*.

Слот «фиктивная регистрация» способствует концептуализации деятельности российских граждан, использующих в целях наживы требование закона о постановке иностранного гражданина на регистрационный учет. Ведущие средства объективации составляют лексемы и речевые обороты, которые называют социальных акторов, выступающих организаторами незаконной регистрации мигрантов (*родоначальница резиновых квартир, хозяйка резиновой квартиры*), конкретизируют характер совершаемых действий (*прописать в своей квартире, фиктивно зарегистрировать*), обозначают места нелегального пребывания (*резинковые квартиры, нелегальный хостел, мигрантская ночлежка*) и проживающих там иностранных специалистов (*обитатель резиновой квартиры, трудолюбивый постоялец*). В этой связи регулярно обсуждаются меры, которые предпринимаются компетентными органами для пресечения преступной деятельности (*штрафовать, привлечь к ответственности, конфисковать имущество, ужесточить статью*).

Обращает на себя внимание, что во многих случаях проблематизация социального недуга осуществляется благодаря **детализации** как **приему миромоделирования**, заключающемуся в переходе на более низкий уровень абстракции и нарушении максимы количества за счет передачи избыточной информации. Ср.: *хозяйка резиновой квартиры [имя/фамилия] фиктивно поставила на учёт более 40 мигрантов. Всего у [имя/отчество] было 5 судов с несчётным количеством заседаний*. В этом и подобных примерах репрезентация социального актора (преступника) осуществляется с опорой на цифровой материал и конкретные данные. Избыточные характеристики (*имя/фамилия, имя/отчество, 40 мигрантов, 5 судов*) обеспечивают убедительность, придавая репрезентации информативную насыщенность, глубину и всесторонность. В когнитивно-прагматическом плане они позволяют избежать умозрительности и создать образ телеграмера — знатока ситуации, что в целом усиливает речевое воздействие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет заключить, что проблематизация трудовой миграции в виртуальных границах российских телеграм-каналов определяется качеством миромоделирования, которое закрепляет негативное видение экономически значимого для нашей страны явления, исключая интерпретации депроблематизирующего характера.

Демонстрируется, что фреймы выступают концептуальными инструментами миромоделирования. Устанавливается фреймовая иерархия, отражающая полинаправленность векторов интерпретации трудовой миграции как социального недуга на суперординатном, базовом и субординатном уровнях. Фокусировки фреймов детализируются слотами, получающими вариативные речевые реализации.

В дискурсивном мире трудовой миграции макрофрейм «ЗАКОН И ПОРЯДОК» маркирует абстрактный уровень форматирования концептуального содержания. Когнитивно-семантическая специфика миромоделирования наиболее ярко проявляется на субординатных уровнях иерархии фреймов. Они организуют представления о нарушениях российских законов и преступлениях: (1) против жизни и здоровья человека, половой неприкосновенности личности, собственности, общественной безопасности и порядка, здоровья населения и общественной нравственности, совершаемых трудовыми мигрантами; (2) против порядка управления, совершаемых российскими гражданами с целью извлечения из явления экономической выгоды. При отсутствии надлежащего контроля и адекватных решений со стороны государства трудовая миграция может привести к необратимому изменению этнодемографической ситуации в обществе и вытеснению культуры коренного населения, чего допустить нельзя.

Перспективно применение результатов исследования в практиках медиакоммуникации с точки зрения депроблематизации и возможностей изменения фокусировки фреймов, задающих видение социальной проблемы, с негативной на нейтральную и положительную.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кушнерук, С. Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Russian Journal of Linguistics. — 2024. — V. 28. — No 2. — P. 439–465. — <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762>.
2. Мамонова, Н. В. Медиадискурс в эпоху глобализации и миграции / Н. В. Мамонова. — Текст : непосредственный // Миграционная лингвистика. — 2023. — № 5. — С. 4–12.
3. Медийная репрезентация социальных проблем городов-побратимов / Н. Г. Асмус, М. С. Журкова, Л. П. Ковальчук

[и др.]. — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2021. — 237 с. — Текст : непосредственный.

4. Самкова, М. А. Тематические фреймы в конструировании образа города зарубежными СМИ / М. А. Самкова. — Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2023. — Т. 10. — № 2. — С. 350–364. — DOI 10.24147/2413-6182.2023.10(2).350-364.

5. Arcila-Calderón, C. Framing Migration in Southern European Media: Perceptions of Spanish, Italian, and Greek Specialized Journalists, *Journalism Practice* / C. Arcila-Calderón, D. Blanco-Herrero, M. Matsiola, M. Oller-Alonso, T. Saridou, S. Splendore, A. Veglis. — Text : unmediated // *Journalism Practice*. — 2023. — Vol. 17, Iss. 1. — P. 24–47. — <https://doi.org/10.1080/17512786.2021.2014347>.

6. Boydston, A. E. Tracking the Development of Media Frames within and across Policy Issues / A. E. Boydston, D. Card, J. Gross, P. A. Resnick, N. Smith. — Text : unmediated // *Journal contribution*. — Carnegie Mellon University, 2018. — DOI <https://doi.org/10.1184/R1/6473780.v1>.

7. Brändle, V. K. Contesting European Solidarity During the “Refugee Crisis”: A Comparative Investigation of Media Claims in Denmark, Germany, Greece and Italy / V. K. Brändle, O. Eisele, H.-J. Trenz. — Text : unmediated // *Mass Communication and Society*. — 2019. — № 22 (6). — P. 708–732. — doi:10.1080/15205436.2019.1674877.

8. Chudinov, A.P. Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results / A. P. Chudinov, E. V. Shustrova. — Text : unmediated // *Russian Journal of Linguistics*. — 2024. — Vol. 28, No. 1. — P. 190–209. — DOI 10.22363/2687-0088-35070.

9. Colombo, M. The Representation of the “European Refugee Crisis” in Italy: Domopolitics, Securitization, and Humanitarian Communication in Political and Media Discourses // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. — 2018. — № 16 (1-2). — P. 161–178. — DOI doi:10.1080/15562948.2017.1317896.

10. Corbu, N. Framing the Refugee Crisis in Online Media: A Romanian Perspective / N. Corbu, R. Buturoiu, F. Durach. — Text : unmediated // *Romanian Journal of Communication and Public Relations*. — 2017. — P. 5–17. — DOI 19.5.10.21018/rjcp.2017.2.234.

11. Entman, R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman. — Text : electronic // *Journal of Communication*. — 1993. — № 43 (4). — P. 51–58. — URL: <http://doi.wiley.com/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.

12. Fengler, S. Covering Migration — in Africa and Europe: Results from a Comparative Analysis of 11 Countries / S. Fengler, M. Bastian, J. Brinkmann, A. C. Zappe, V. Tatak, M. Andindile, E. Assefa [et al.]. — Text : unmediated // *Journalism Practice*. — 2020. — P. 1–21. — DOI doi:10.1080/17512786.2020.1792333.

13. Gamson, W. A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach / W. A. Gamson, A. Modigliani. — Text : unmediated // *American Journal of Sociology*. — 1989. — № 95 (1). — P. 1–37.

14. Godefroidt, A. What’s in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles / A. Godefroidt, A. Berbers, L. d’Haenens. — Text : unmediated // *The International Communication Gazette*. — 2016. — № 78 (8). — P. 777–801. — DOI: 10.1177/1748048516640482.

15. Greussing, E. Shifting the Refugee Narrative? An Automated Frame Analysis of Europe’s 2015 Refugee Crisis / E. Greussing, H. G. Boomgaarden. — Text : unmediated // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2017. — № 43 (11). — P. 1749–1774. — DOI doi:10.1080/1369183X.2017.1282813.

16. Guo, L. A theoretical explication of the network agenda setting model: current status and future directions / L. Guo. — Text : unmediated // *The Power of Information Networks. New Directions for Agenda Setting* / Guo L., McCombs, M. E. (Eds.). — New York : Routledge, 2016. — P. 3–18.

17. Kalfeli, N. Expanding Peace Journalism: A new Model for Analyzing Media Representations of Immigration / N. Kalfeli, C. Frangonikolopoulos, A. Gardikiotis. — Text : unmediated // *Journalism*. — 2020. — DOI doi:10.1177/1464884920969089.

18. Kostopoulos, C. Framing migration in the Greek press: An analysis of the ‘Evros events’ in left, liberal, and far-right newspapers / C. Kostopoulos, Y. Mylonas. — Text : unmediated // *Journalism*. —

2022. — Vol. 25, Iss. 1. — DOI <https://doi.org/10.1177/14648849221134000>.

19. Krzyżanowski, M. The Mediatization and the Politicization of the “Refugee Crisis” in Europe / M. Krzyżanowski, A. Triandafyllidou, R. Wodak. — Text : unmediated // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. — 2018. — № 16 (1–2). — P. 1–14. — doi:10.1080/15562948.2017.1353189.

20. Semetko, H. A. Framing European politics: A content analysis of press and television news / H. A. Semetko, P. M. Valkenburg. — Text : unmediated // *Journal of Communication*. — 2000. — № 50 (2). — P. 93–109.

21. Stavinoha, L. Communicative Acts of Citizenship: Contesting Europe’s Border in and Through the Media / L. Stavinoha. — Text : unmediated // *International Journal of Communication*. — 2019. — № 13. — P. 1212–1230.

22. Van Gorp, B. Where is the Frame? Victims and Intruders in the Belgian Press Coverage of the Asylum Issue / B. Van Gorp. — Text : unmediated // *European Journal of Communication*. — 2005. — № 20 (4). — P. 484–507. — doi:10.1177/0267323105058253.

23. Van Gorp, B. Deproblematization as an Enrichment of Framing Theory: Enhancing the Effectiveness of an Awareness-Raising Campaign on Child Poverty / B. Van Gorp, B. Vyncke. — Text : unmediated // *International Journal of Strategic Communication*. — 2021. — № 15 (5). — P. 425–439. — DOI: 10.1080/1553118X.2021.1988615.

REFERENCES

1. Kushneruk, S.L. (2024). Napravleniya issledovaniya miro-modelirovaniya v rossiyskoy lingvistike: paradigmnye ramki i ponyatiyny apparat [Directions of World Modeling Research in Russian Linguistics: Paradigmatic Framework and Conceptual Apparatus]. *Russian Journal of Linguistics*, 28(2), 439–465. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35762> (In Russ.)

2. Mamonova, N.V. (2023). Mediadiskurs v epokhu globalizatsii i migratsii [Media Discourse in the Era of Globalization and Migration]. *Migratsionnaya lingvistika*, 5, 4–12. (In Russ.)

3. Asmus, N.G., Zhurkova, M.S., Koval’chuk, L.P., et al. (2021). *Mediynaya reprezentatsiya sotsial’nykh problem gorodov-pobratimov* [Media Representation of Social Problems of Twin Cities]. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 237 p. (In Russ.)

4. Samkova, M.A. (2023). Tematicheskie freymy v konstruirovani obraza goroda zarubezhnyimi SMI [Thematic frames in the construction of the city image by foreign media]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 10(2), 350–364. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(2).350-364 (In Russ.)

5. Arcila-Calderón, C., Blanco-Herrero, D., Matsiola, M., Oller-Alonso, M., Saridou, T., Splendore, S., & Veglis, A. (2023). Framing Migration in Southern European Media: Perceptions of Spanish, Italian, and Greek Specialized Journalists, *Journalism Practice*, 17(1), 24–47. <https://doi.org/10.1080/17512786.2021.2014347>

6. Boydston, A.E., Card, D., Gross, J., Resnick, P.A., & Smith, N. (2018). Tracking the Development of Media Frames within and across Policy Issues. *Journal contribution* (Carnegie Mellon University). <https://doi.org/10.1184/R1/6473780.v1>

7. Brändle, V.K., Eisele, O., & Trenz, H.-J. (2019). Contesting European Solidarity During the “Refugee Crisis”: A Comparative Investigation of Media Claims in Denmark, Germany, Greece and Italy. *Mass Communication and Society*, 22(6), 708–732. doi: 10.1080/15205436.2019.1674877

8. Chudinov, A.P., & Shustrova, E.V. (2024). Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results. *Russian Journal of Linguistics*, 28(1), 190–209. DOI: 10.22363/2687-0088-35070

9. Colombo, M. (2018). The Representation of the “European Refugee Crisis” in Italy: Domopolitics, Securitization, and Humanitarian Communication in Political and Media Discourses. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 16(1-2), 161–178. doi:10.1080/15562948.2017.1317896

10. Corbu, N., Buturoiu, R., & Durach, F. (2017). Framing the Refugee Crisis in Online Media: A Romanian Perspective. *Romanian Journal of Communication and Public Relations*, 5–17. 19.5.10.21018/rjcp.2017.2.234

11. Entman, R.M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. <http://doi.wiley.com/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>

12. Fengler, S., Bastian, M., Brinkmann, J., Zappe, A.C., Tatak, V., Andindilile, M., Assefa, E., et al. (2020). Covering Migration — in Africa and Europe: Results from a Comparative Analysis of 11 Countries. *Journalism Practice*, 1–21. doi:10.1080/17512786.2020.1792333
13. Gamson, W. A., & Modigliani, A. (1989). Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach. *American Journal of Sociology*, 95(1), 1–37.
14. Godefroidt, A., Berbers, A., & d’Haenens, L. (2016). What’s in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles. *The International Communication Gazette*, 78(8), 777–801. DOI: 10.1177/1748048516640482
15. Greussing, E., & Boomgaarden, H.G. (2017). Shifting the Refugee Narrative? An Automated Frame Analysis of Europe’s 2015 Refugee Crisis. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43(11), 1749–1774. doi:10.1080/1369183X.2017.1282813
16. Guo, L. (2016). A theoretical explication of the network agenda setting model: current status and future directions. In L. Guo & M.E. McCombs (Eds.), *The Power of Information Networks. New Directions for Agenda Setting* (pp. 3–18). New York: Routledge.
17. Kalfeli, N., Frangonikolopoulos, C., & Gardikiotis, A. (2020). Expanding Peace Journalism: A new Model for Analyzing Media Representations of Immigration. *Journalism*. doi:10.1177/1464884920969089
18. Kostopoulos, C., & Mylonas, Y. (2022). Framing migration in the Greek press: An analysis of the ‘Evros events’ in left, liberal, and far-right newspapers. *Journalism*, 25(1). <https://doi.org/10.1177/14648849221134000>
19. Krzyżanowski, M., Triandafyllidou, A., & Wodak, R. (2018). The Mediatization and the Politicization of the “Refugee Crisis” in Europe. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 16(1-2), 1–14. doi:10.1080/15562948.2017.1353189
20. Semetko, H.A., & Valkenburg, P.M. Framing European politics: A content analysis of press and television news (2000). *Journal of Communication*, 50(2), 93–109.
21. Stavinoha, L. (2019). Communicative Acts of Citizenship: Contesting Europe’s Border in and Through the Media. *International Journal of Communication*, 13, 1212–1230.
22. Van Gorp, B. (2005). Where is the Frame? Victims and Intruders in the Belgian Press Coverage of the Asylum Issue. *European Journal of Communication*, 20(4), 484–507. doi:10.1177/0267323105058253
23. Van Gorp, B., & Vyncke, B. (2021). Deproblematization as an Enrichment of Framing Theory: Enhancing the Effectiveness of an Awareness-Raising Campaign on Child Poverty. *International Journal of Strategic Communication*, 15(5), 425–439. DOI: 10.1080/1553118X.2021.1988615

ПРИМЕЧАНИЕ

* «Международное движение ЛГБТ» признано экстремистским и запрещено в России.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Татьяна Александровна Островская^{1✉}, Зайнета Руслановна Хачмафова^{2✉}

^{1,2} Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

¹ ostrovska.t@mail.ru ✉, SPIN-код: 5740-8032, <https://orcid.org/0000-0002-6041-8973>

² zaineta@nextmail.ru ✉, SPIN-код: 1429-0827, <https://orcid.org/0000-0003-4645-0683>

Политический нарратив телеграм-каналов: маргинализация языка или языковая актуализация социокультурной ситуации?

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме исследования политического нарратива телеграм-каналов как эффективного средства манипулирования общественным сознанием. Важнейшей особенностью нарратива, влияющей на его характеристики и отличающей от рассказа, где автор стремится изложить события максимально объективно-реалистично, является свойство быть имманентно связанным с интерпретацией. Предметом являются интенционально обусловленные лингвостилистические особенности русскоязычного политического нарратива на примере телеграм-каналов М. Захаровой и Д. Медведева. Цель статьи заключается в выявлении тенденций модификации языковой организации политического нарратива и его роли в формировании новых ценностей. Анализируются лексико-грамматические и стилистические особенности политического индивидуального нарратива телеграм-каналов, коммуникативно-прагматические особенности политического нарратива авторов М. Захаровой и Д. Медведева. Рассматриваются интенционально обусловленные лингвостилистические средства политического нарратива телеграм-каналов. Отмечаются изменения дискурсивных практик в сторону маргинализации языка нарративов с целью установления «доверительных» отношений в коммуникации с потребителями текстов. Установлено, что обращение к целевой сегментированной аудитории сниженной лексикой некоторых нарративов обусловлено усталостью аудитории от официоза. Новизна и теоретическая значимость состоят в выявлении и осмыслении социокультурных и лингвокультурных процессов и их языковой актуализации в средствах массовой коммуникации с учетом тенденции опроценения, омагсовления аудитории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, политический нарратив, Интернет, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, телеграм-каналы, языковые средства, политические деятели, речевое поведение, речевая деятельность, лингвостилистические средства, маргинализация языка, русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Островская Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Адыгейский государственный университет; 385000, Россия, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, каб. 336; email: ostrovska.t@mail.ru.

Хачмафова Зайнета Руслановна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французской и немецкой филологии, Адыгейский государственный университет; 385000, Россия, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, каб. 318; email: zaineta@nextmail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Островская, Т. А. Политический нарратив телеграм-каналов: маргинализация языка или языковая актуализация социокультурной ситуации? / Т. А. Островская, З. Р. Хачмафова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 34-41.

Tat'yana A. Ostrovskaya^{1✉}, Zayneta R. Khachmafova^{2✉}

^{1,2} Adygea State University, Maikop, Russia

¹ ostrovska.t@mail.ru ✉, SPIN code: 5740-8032, <https://orcid.org/0000-0002-6041-8973>

² zaineta@nextmail.ru ✉, SPIN code: 1429-0827, <https://orcid.org/0000-0003-4645-0683>

The Political Narrative of Telegram Channels: Marginalization of Language or Linguistic Actualization of the Socio-Cultural Situation?

ABSTRACT. The article studies the political narrative of Telegram channels as an effective means of manipulating public consciousness. The most important characteristic feature of a narrative, which distinguishes it from a short story, where the author seeks to present events as objectively and realistically as possible, is the property of being immanently connected with interpretation. The research object embraces the intentionally conditioned linguostylistic features of the Russian-speaking political narrative on the example of the Telegram channels of M. Zakharova and D. Medvedev. The aim of the article is to reveal the tendencies of modification of the linguistic organization of political narrative and its role in the formation of new values. The article analyzes the lexico-grammatical and stylistic features of the individual political narrative of Telegram channels in general and the communicative-pragmatic specificity of the political narrative of M. Zakharova and D. Medvedev in particular. The article considers intentionally conditioned linguostylistic means of the political narrative of Telegram channels. The study describes changes of discursive practices towards the marginalization of the language of narratives in order to establish “trusting” relationships in communication with text consumers. It has been established that the appeal to the target segmented audience with low colloquial vocabulary of some narratives can be attributed to the fact that

the audience is bored with official language. The novelty and theoretical significance of the study lies in the identification and understanding of socio-cultural and linguo-cultural processes and their linguistic actualization in mass media in the situation, in which the audience becomes simpler and more deindividualized.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, political narrative, Internet, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Telegram channels, language means, politicians, speech behavior, speech, linguostylistic means, marginalization of language, Russian language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ostrovskaya Tat'yana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Adygea State University, Maykop, Russia.*

Khachmafova Zayneta Ruslanovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of French and German Philology, Adygea State University, Maykop, Russia.

FOR CITATION: *Ostrovskaya T. A., Khachmafova Z. R. (2024). The Political Narrative of Telegram Channels: Marginalization of Language or Linguistic Actualization of the Socio-Cultural Situation? In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 34-41. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Важность политического нарратива в условиях современного противостояния идеологий невозможно переоценить. Проблемы коммуникации в условиях кардинальных изменений в международной обстановке совершенно логично объясняются теорией дискурса — изменения в социальных практиках влекут за собой изменения в дискурсивных практиках [см. Спиридовский 2024]. Изменение стилистики общения, переход к так называемому «народному» языку даже у официальных лиц обусловлено сокращением дистанции между электоратом и властью: население имеет возможность общаться с политиками напрямую. Официальный «деревянный» язык (термин П. Серио) уже не обеспечивает перлокутивный эффект, а поэтому не имеет воздействия на аудиторию. Это явление широко распространено во всем мире: «В нашей стране во время предвыборных кампаний, когда принимается решение, кому из кандидатов отдать симпатии, оно во многом диктуется тем, насколько тот или иной политик способен говорить на языке простого народа. Нужно уметь заинтересовать людей, чтобы они поддерживали те или иные актуальные задачи», — утверждает П. Сондерс, старший научный сотрудник по вопросам внешней политики США в Центре национальных интересов, Вашингтон [https://interaffairs.ru/news/show/26784].

Безусловно, важной в данном контексте является роль социальных сетей вообще и телеграм-каналов в частности. В настоящее время только политики, ведущие собственные аккаунты в социальных сетях, имеют возможность быстро и эффективно донести свою позицию до аудитории напрямую, без искажения ее посторонними лицами. Достоинства и недостатки такой формы коммуникации мы попытаемся проанализировать ниже.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили тексты политических телеграм-каналов Марии Захаровой (https://t.me/s/MariaVladimirovnaZakharova) и Дмитрия Медведева (https://t.me/s/medvedev_telegram).

Для достижения поставленной цели и решения задач были использованы следующие методы: дискурсивного анализа, коммуникативно-прагматического анализа, лингвостилистического анализа.

ОБСУЖДЕНИЕ

Прежде чем перейти к анализу особенностей коммуникации в политическом нарративе телеграм-каналов, рассмотрим подробнее понятие нарратива вообще и политического нарратива в частности. Наиболее полным, на наш взгляд, является определение нарратива М. А. Можейко: «НАРРАТИВ (лат. *Narrare* — языковой акт, т.е. вербальное изложение — в отличие от представления) — понятие философии постмодерна, фиксирующее процессуальность самоосуществления как способ бытия повествовательного (или, по Р. Барту, «сообщающего») текста.<...> В рамках нарративной истории смысл события трактуется не как фундированный „онтологией“ исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии имманентно связанным с интерпретацией» [Можейко 2001: 491].

Таким образом, важнейшей характеристикой нарратива и его отличием от рассказа, где автор стремится изложить события максимально объективно-реалистично, является его свойство быть *имманентно связанным с интерпретацией*. Следовательно, у любого события может быть несколько нарративов, толкований. То есть нарратив — это «объясняющий» рассказ, субъективный рассказ-толкование, в котором личные эмоции, взгляд на событие автора играют доминирующую роль, цель автора нарратива — в той или иной степени адаптировать слож-

ные концепции для потребителя. «Нарратив не просто излагает события, но делает их доступными для понимания, систематизирует причинно-следственные связи» [Velleman; цит. по: Порошков 2022: 72–84].

Именно это свойство нарратива делает его таким эффективным и успешным инструментом воздействия в политическом дискурсе, так как благодаря «пересказу» сложные ситуации и коллизии излагаются ориентированно на целевую аудиторию, т. е. проявляется прагматика дискурса. Как считает И. Розенфельд, «нарративы играют роль линз, сквозь которые независимые элементы существования рассматриваются как связанные части целого. Они задают параметры повседневного и определяют правила и способы идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство» [Розенфельд 2006].

Действительно, «...объяснительность нарратива позволяет ему выступать в качестве инструмента воздействия. Простая и доходчивая история, резонирующая с народными ценностями, формирует в массовом политическом сознании желаемые для политика каузальные фреймы и тем самым создает мотивационную базу для определенного политического поведения» [Шейгал 2007].

Политический нарратив является частным случаем нарратива со всеми присущими ему характеристиками, которые выделили Дж. Принс, отметивший, что нарратология «фокусирует внимание на возможных отношениях между сюжетом и нарративным текстом. Специально она исследует проблемы времени, модальности и позицию, т. е. голос» [Prince 1988: 65].

Отметим важность для политического нарратива таких черт, как модальность и позиция. Именно модальность, т. е. субъективное отношение автора к событию в конкретный временной отрезок, и делает политический нарратив интересным предметом исследования лингвистики. Особый, характерный выбор лексики, стилистическое оформление текста, использование широкой палитры прецедентных текстов отличает авторов телеграм-каналов, которые широко используются в качестве относительно нового типа медийной коммуникации.

Выделим некоторые особенности Telegram, которые способствовали широкой популярности данного медиа. В условиях снижения институционального доверия к крупным медиа именно телеграм-каналы становятся альтернативой новостным сайтам. Ноам Хомский четко выделил психологическую причину процветания средств массмедиа: «Причина успеха медийных пропагандист-

ских систем кроется в том, что у многих людей недостает времени, решимости либо энергии вести постоянную борьбу, необходимую, чтобы избавиться от искусственно навязываемых представлений» [Цит. по: Райснер 2019].

«Мессенджер Telegram открыл новые возможности для получения новостей и информации — через личные сообщения от ботов. Теперь пользователь не только не переходит на сайты в поисках интересующей его информации, но и не теряет ее в потоке новостной ленты. Подписка на бот дает гарантию получения интересующих новостей ежедневно, но открыть ее можно в удобное для человека время» [Яшина 2021: 329]. Telegram является «источником наиболее острой и актуальной информации, а также профессиональной аналитики» [Мокрая 2018: 63], что вызывает к нему интерес исследователей как функциональных, так и лингвистических особенностей нарратива. Например, О. И. Ляховенко представил модель функционирования политических телеграм-каналов, определил субъектов политической и экспертной коммуникации в Telegram, привел характеристики анонимных и авторизованных телеграм-каналов, рассмотрел основные типологии телеграм-каналов [см. Ляховенко 2022]. Б. Ю. Норман, рассматривая новые жанры цифровых массмедиа, справедливо отмечает, что они, «сохраняя принцип гетерогенности используемых языковых средств, демонстрируют сильный крен в сторону разговорного дискурса» [Норман 2021: 59].

В нашей статье мы рассматриваем телеграм-каналы, нацеленные на обывательское восприятие, в которых предлагаются факты и комментарии к ним, в основном по схеме «свое — позитивное, чужое — негативное», а также ориентированные на профессиональное восприятие с меньшей степенью поляризации и более критичным отношением к автору нарратива. При такой дискурсивной ситуации полная объективность нарратива невозможна хотя бы потому, что у авторов каналов может быть ограниченная информация или отсутствует намерение давать информацию в полном объеме по разным причинам.

Особенностью телеграм-каналов является возможность пользователей добровольно к ним подключиться. Важным преимуществом данного мессенджера является его нацеленность на сегментирование аудитории по интересам, что усиливает манипулятивный эффект телеграм-каналов, так как позволяет точно воздействовать на пользователей с учетом понимания психологии

аудитории. Фактически авторы телеграм-каналов являются продуцентами дискурсивных текстов в условиях определенных социальных практик. Известно, что «ключевым концептом любого дискурса является доминирование, т. е. борьба за превосходство, за преобладание определенной точки зрения, за право реализовывать свой способ общения и понимания социального мира» [Островская 2015: 54]. Поведенческие паттерны политической личности — автора телеграм-канала гибко варьируются от стратегии отождествления и солидарности до оппозиционирования в зависимости от выбранной стратегии в достижении положения доминирования. Для этого реализуются тактики обвинения, оскорбления, демагогические приемы, манипулятивные практики — очевидно, что речеповеденческие модели автора телеграм-канала вербально и невербально актуализируют, наряду с концептами «доминирование», «власть», «социальная сплоченность общества», концепт «цинизм».

Очевидно, что дискурсивные практики авторов телеграм-каналов отражают их интенции манипулировать аудиторией и отличаются явным субъективизмом, что является имманентной чертой нарратива. Желание привлечь внимание подписчиков заставляет авторов отходить от стандартных норм языка, использовать приемы так называемой «карнавальности», т. е. намеренно бунтовать против общепринятых норм культуры речи. Понятие культуры речи, в свою очередь, является оценочным феноменом, таким образом, нарушая эти нормы, авторы телеграм-каналов постепенно формируют новую культуру и внедряют новые ценности. Усталость от официоза побуждает аудиторию искать источники информации, которая изложена ярким «уличным» языком, лишенным ханжества и лицемерия, при этом отличается четко выраженной позицией индивидуума, без размытости при толковании сложных вещей и ситуаций.

В каждом хронотопе возникают различные социальные практики, порождающие дискурсивные практики, при этом критицизм новых тенденций является константой. Желание многих авторов телеграм-каналов донести информацию простым, «народным» языком, с одной стороны, способствует их популярности, с другой — вызывает критику защитников чистого, незасоренного языка. Дискуссии по этому поводу достаточно эмоциональны и сами по себе служат примерами определенных нарративов, так как имеют, наряду с научными доводами, ярко выраженный субъективно-эмоциональный характер.

Приведем мнение автора канала «Русская жизнь» относительно понятия «люмпенизация языка» в России с подзаголовком: *Очередное обострение интереса к языкознанию в России. Опасный признак!* Текст посвящен защите позиции профессора ВШЭ Г. Гуссейнова, назвавшего современный русский язык «клоачным». Автор пишет: «Профессор прав: достаточно почитать почти любой новостной российский сайт, чтобы убедиться в убогости языка, которым написаны его публикации. У „журналистов“ этих изданий нищий словарный запас, никакая грамотность, совершенно отсутствует эрудиция, из-за чего они пишут об очередных „стремительно падающих домкратах“. Слишком часто они используют просторечье — видимо, никакое образование не способно вытравить из мозгов убогий язык провинциальных танцплощадок». Далее: «Учёный совет ВШЭ повёл себя как один большой кретин, потребовав у профессора извинений» [https://dzen.ru/a/XcibtQxMitnOG0XD_].

Как заразителен пример — нарратив автора далеко не безупречен, и это, безусловно, невольное следование законам жанра: эмоциональный заголовок — тизер, достаточно резкая лексика, категоричный стиль нарратива. На наш взгляд, роль исследователя состоит не в моральной оценке процессов, определяемых как люмпенизация языка, маргинализация языка, а во внимательном анализе особенностей новых нарративов.

Традиционно выделяется три уровня восприятия информации, транслируемой через средства массовой информации: обывательское, профессиональное и предназначенное для коллег по цеху — сотрудников информационных каналов и журналистов.

Мы рассмотрим некоторые наиболее популярные телеграм-каналы — канал Д. Медведева, ориентированный, в основном, на непрофессиональное (обывательское) восприятие, и канал Марии Захаровой, ориентированный на все три уровня восприятия, хотя такое распределение, конечно, достаточно условно.

«Дмитрий Медведев» является лидером среди политико-аналитических каналов, и количество подписчиков постоянно растет, что является индикатором удачно выбранной формы подачи информации и верной интонации авторского нарратива. Далее мы проанализируем особенности канала с позиции идиолекта его нарратива.

Нарратив Д. Медведева часто имеет отсылку к теме ментального, физического здоровья, наличия энергии и присутствия признаков сенильности у объектов его интереса,

часто в форме простых или когнитивных метафор.

Пример 1. *Ну а если серьёзно — это явный признак наследственной болезни всей модели управления в Германии. Ведь правы эти недоделанные заговорщики: Германия не обладает полным суверенитетом на своей земле. Решения по вопросам немецкой энергетики, промышленности и обороны принимает «глубинное американское государство», а отнюдь не ливерная колбаса и даже не вашингтонские старцы, пребывающие во фрагментарной деменции.*

Старый дурак сенатор Линдси Грэм сказал, что США ещё никогда так удачно не тратили деньги, как на убийства русских. Напрасно он так. В его любимой Америке регулярно убивают не только обычных людей, но и тратят грязные деньги на убийства сенаторов.

Правда, совсем недавно отличился *деменционный дед Байден*.

- Многие *укроимбецилы* им искренне радуются — авторский неологизм Д. Медведева.

- *Новости разные, но они свидетельствуют об ускоренном гниении самой ткани западного общества* — простая метафора распада, персонификация.

- *Старый трухлявый пень, страдающий деменцией, погрязший в семейной коррупции и претендующий на переизбрание президентом США, заявил ничтоже сумняшеся: размещение русскими ядерного оружия в Белоруссии совершенно безответственно.*

- *признак наследственной болезни, несчастной экономике* — персонификация экономики.

- *Старый дурак, вашингтонские старцы, пребывающие во фрагментарной деменции, страдающий деменцией, деменционный дед Байден.* — практически прямономинативный диагноз Дж. Байдена, подтвержденный в настоящее время официально.

- *ливерная колбаса* — аллюзия на О. Шольца, получившего данную кличку от посла Украины в ФРГ (кстати, это позволило Д. Медведеву продлить логический ряд и обозвать О. Шольца «протухшей колбасой»), ставшая практически прецедентным текстом.

- *недоделанные заговорщики* — аллюзия на попытку госпереворота в ФРГ, простая метафора неполноценности объекта.

- *Старый трухлявый пень* — простая метафора по внешнему сходству, бросающемуся в глаза при виде нынешнего президента США.

Таким образом, данный нарратив отражает представления автора об имплицитной фигуре государственного деятеля, которая является антиподом представленных героев постов: умный, энергичный, ментально и физически здоровый, вероятно, способный принимать взвешенные решения.

Пример 2. *Даже малограмотная германская бабка Бербок и ряд других смотрящих по европейскому свиарнику успели вякнуть про недопустимость перемирия. Ну, наследники нацистов никогда не жалели ни людей, ни животных. Им не привыкать...*

Кто виноват — вопрос риторический. Как честно признала злобная бабка-повитуха Урсула фон «Что-то непонятное», украинская власть платит за членство в ЕС и НАТО жизнями своих граждан. Что уж тут говорить о какой-то несчастной экономике. Трудно не согласиться с гинекологом, которая прикидывается руководителем ЕС.

В данном примере объектом критики является министр обороны ФРГ А.-Л. Бербок — молодая, энергичная амбициозная дама, малограмотность которой — вовсе не метафора. Ее «ляпы» стали притчей во языцех, поэтому просторечное «вякать» в сочетании с субстандартным «смотрящих» выглядит грубо, но обоснованно.

- *европейскому свиарнику* — полагаем, что метафора является антитезой и саркастическим ответом на когнитивную метафору Ж. Борреля «Европа — это сад, мы создали этот сад... это лучшая комбинация политической свободы, экономической перспективы и социальной сплоченности... Остальной мир — это не совсем сад. Большая часть остального мира — это джунгли. А джунгли могут вторгнуться в сад»;

- *злобная бабка-повитуха* — аллюзия на профессию У. фон дер Ляейн.

- *Урсула фон «Что-то непонятное»* — авторский неологизм Д. Медведева, саркастический перифраз «сложносоставной» фамилии.

В своих постах Д. Медведев далек от джентельменского отношения к женщинам и относится к ним в соответствии с прокламируемыми на Западе ценностями — равноправие полов, отношение к объектам безотносительно их пола, однако стилистически сниженные *бабка, Тётка сказала, что переговоры России и Украины на равных должны быть отвергнуты* все-таки имеют оттенок мужского шовинизма!

Пример 3. *Прекращение жизнедеятельности, или смерть, бывшего государства будет сопровождаться безумным хохом*

том, непотребным кривлянием и мерзкими клоунскими ужимками нацистской банды, окончательно спятлившей от обилия крови и наркотиков. И гробовым молчанием западных лекарей, с холодным презрением взирающих на агонию ими же замученного пациента

• *безумным хохотом, непотребным кривлянием и мерзкими клоунскими ужимками нацистской* — карнавализация процесса деградации, подчеркнутая отсылкой к мучительному финалу пациента, т. е. Украины.

Наряду с большим количеством просторечных слов и грубых метафор, автор канала употребляет лексику высшего уровня, например, *ничтоже сумняшеся*.

Telegram-канал Марии Захаровой ориентирован на широкие круги как непрофессиональной, так и профессиональной аудитории [см. Дзюба 2024]. Многие посты построены по классической структуре политического нарратива — факт и комментарий. Приведем примеры.

Пример 1. *Боррель заявил, что президентские выборы в России, состоявшиеся 15–17 марта, не соответствовали демократическим стандартам, и назвал их «иронией».*

Молчал бы и про иронию, и про стандарты, и про демократию.

Настоящая и очень горькая ирония — это наштампованные Евроюзом по американским доносам санкции, уничтожение собственной экономики, воровство российских активов. А сама конструкция Еврокомиссии — это ироничный стандарт недемократичности.

Автор обыгрывает термин стилистики *ирония*.

За разговорной фразой *Молчал бы и про иронию*, отражающей эмоции автора нарратива, следует совершенно корректный стандартный текст, содержание которого определяется словами *очень горькая ирония*, в нем и выражен нарратив М. Захаровой и ее отношение к изложенному выше факту, в том числе оценочность во фразе *ироничный стандарт недемократичности*.

Белый дом: «США не намерены оказывать помощь России в сфере безопасности после теракта в Подмосковье».

Демонстративное аморальное поведение стало «новой нормальностью» в либеральных демократиях.

М. Захарова выражает четкую позицию относительно высказанного выше факта, безупречный по форме комментарий показывает оценку автором факта, который иронично обозначен как *новая нормальность*.

Пример 2. *Мировое сообщество обязано осознать и отреагировать на акт ядерного терроризма со стороны киевского режима! Сколько ещё раз ВСУ должны обстрелять ЗАЭС, чтобы Запад и выкормленное им чудовище Зеленский прекратили повторять этот смертельный номер своего кровавого шапито?*

Она тоже на наркоте, что ли? С другой стороны, кто ещё мог в здравом уме притащить в парламент нациста и заставить всех аплодировать стоя.

В данных текстах отсутствует четко сформулированный факт, он выражен имплицитно посредством риторического вопроса. Таким образом, несогласие с нарративом оппонентов выражено с помощью синтаксического приема.

• *защитники живой природы* — саркастичная аллюзия на правительство Украины, намек на дрессированных ручных животных.

• *чудовище Зеленский* — прямономинативная оценочная лексема.

• *кровавого шапито* — двойная метафора. Источники: цирк, то есть карнавальность и резня, проливание крови. Цель — создание образа страшного представления о происходящем.

• *Она тоже на наркоте* — сленговая лексема из области наркомании, метафора невменяемого состояния.

• *притащить в парламент* — стилистический слом в коллокации — сочетание просторечного *притащить* и официального *парламент*.

Пример 3. *На фоне поздравлений Владимира Путина главами стран мирового большинства агрессивные назовцы похожи на заметавшихся тараканов, застигнутых врасплох включенным светом: выборы несправедливые, но к сведению принимаем, не признавая, к общению готовы.*

С другой стороны, вот зачем я обидела тараканов? Их такими природа сотворила, в отличие от того состояния, в какое погрузили себя многие западные политики.

М. Захарова употребляет зооморфную метафору, далее расширенную авторским комментарием, при котором сравнивает уже не политиков с тараканами, а тараканов с политиками, причем сравнение не в пользу последних.

Таким образом, сравнивая два стиля общения в телеграм-каналах, ориентированных на разные целевые аудитории, мы видим, что нарратив Д. Медведева отличается жесткой лексикой, резкими, порой грубыми оценками, наличием зооморфных метафор

и сравнений, аллюзий на ментальную и физическую несостоятельность объектов, а также наличием сниженной и просторечной лексики.

Мария Захарова, будучи дипломатом, избегает обценной и сниженной лексики, ее метафоры точны, но не грубы, структура нарратива выдержана в формате «факт — комментарий», а главным средством выражения своей субъективной позиции в нарративе является ирония.

ВЫВОД

Политический нарратив в телеграм-каналах является эффективным средством доминирования и манипулирования общественным сознанием благодаря своим функциям: возможностью электората общаться с политиками и чиновниками напрямую, систематизации авторами каналов причинно-следственных связей в сложных ситуациях и доступной форме их изложения, обращению к целевой сегментированной аудитории, апелляции к народному языку и народным ценностям. Популярность телеграм-каналов связана с усталостью аудитории от офиса, что влечет намеренную маргинализацию языка некоторых нарративов, как то: широкое использование грубой и разговорно-просторечной лексики, обценной и ненормативной лексики, использование «животных» метафор в адрес оппонентов и пр.

С другой стороны, авторы исследуемых нарративов, обладая хорошим образованием, используют аллюзии и прецедентные тексты высокого уровня, особенно если их целевая аудитория обладает определенным профессиональным уровнем.

Отметим важность для политического нарратива таких черт, как модальность и позиция. Именно модальность, т. е. субъективное отношение автора к событию в конкретный временной отрезок, и делает политический нарратив интересным предметом исследования лингвистики. Особый, характерный выбор лексики, стилистическое оформление текста, использование широкой палитры прецедентных текстов отличает авторов телеграм-каналов, которые широко используются в качестве относительно нового типа медийной коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дзюба, Е. В. Англосаксонский дуэт в реализации стратегии дезинтеграции коллективного Запада (по материалам выступлений М. В. Захаровой на брифингах МИД РФ) / Е. В. Дзюба. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 24–33.
2. Ляховенко, О. И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России / О. И. Ляховенко. — Текст : непосредственный // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. — 2022. — Т. 4, № 1. — С. 114–144.

3. Можейко, М. А. Нарратив / М. Можейко. — Текст : непосредственный // Постмодернизм. Энциклопедия : словарь. — Минск : Интерпрес Сервис : Книжный дом, 2001. — С. 491–493.

4. Мокрая, Е. А. Telegram-канал как платформа для политической коммуникации / Е. А. Мокрая. — Текст : непосредственный // *Русская политология*. — 2018. — № 4 (9). — С. 62–66.

5. Норман, Б. Ю. Есть ли у медиатекстов своя грамматика? / Б. Ю. Норман. — Текст : непосредственный // *Медиалингвистика*. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа : материалы V Междунар. научн. конф. (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2021 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — Санкт-Петербург : Медиапапир, 2021. — С. 59–61.

6. Островская, Т. А. Лингвосомиотика дискурса элиты : моногр. / Т. А. Островская. — Майкоп : [б. и.], 2015. — 306 с. — Текст : непосредственный.

7. Серио, П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов / П. Серио. — Текст : непосредственный // *Политическая лингвистика*. — 2008. — Вып. 5 (25). — С. 160–167.

8. Райснер, У. Политические нарративы на тему Крыма в немецкоязычных СМИ / У. Райснер. — URL: https://www.perspektivy.info/oykumena/krug/politicheskije_narrativy_na_tem_u_kryma_v_nemeckojazychnyh_smi_2019-10-17.htm (дата обращения: 18.08.2024). — Текст : электронный.

9. Розенфельд, И. Дискурс и нарратив / И. Розенфельд. — URL: www.cursorinfo.co.il/analyze/2006/03/01/discurs (дата обращения: 10.09.2024). — Текст : электронный.

10. Спиридовский, О. В. Современный политический дискурс: общедоступность или специализированность? / О. В. Спиридовский. — Текст : непосредственный // *Политическая лингвистика*. — 2024. — № 4 (106). — С. 235–240.

11. Шейгал, Е. И. Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал. — Текст : электронный // *Политическая лингвистика*. — 2007. — № 22. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogolikiy-kiu-narrativ> (дата обращения: 24.07.2024). — Текст : электронный.

12. Яшина, А. Р. Telegram-журналистика: как мессенджеры изменили СМИ / А. Р. Яшина. — Текст : непосредственный // *Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва / сост. А. В. Столяров ; отв. за вып. П. В. Сенин*. — Саранск : [б. и.], 2021. — С. 327–334.

13. Nobari, D. A. Characteristics of viral messages on Telegram; The world's largest hybrid public and private messenger / D. A. Nobari, M. H. K. M. Sarraf, M. Neshati, E. F. Daneshvar. — Text : unmediated // *Expert Systems with Applications*. — 2021. — No 168 (3). — P. 114303. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2020.114303>.

14. Prince, G. A. *Dictionary of Narratology* / G. A. Prince. — [S.l.] (Great Britain) : Scholar Press, 1988. — 126 p. — Text : unmediated.

15. Velleman, J. D. Narrative Explanation / J. D. Velleman. — Text : unmediated // *The Philosophical Review*. — 2003. — Vol. 112. — № 1. — P. 1–25. — Цит по: Порошков, М. М. Конструирование политических нарративов как инструмент политического дискурса для развития идеологических концептов и идеологий: проблемы теории и практики / М. М. Порошков — Текст : непосредственный // *Социодинамика*. — 2022. — № 4. — С. 72–84.

REFERENCES

1. Dzyuba, E. V. (2024). Anglosaksonskij duet v realizacii strategii dezintegracii kolektivnogo Zapada (po materialam vystuplenij M. V. Zaharovoj na brifingah MID RF) [Anglo-Saxon Duo in Realizing the Collective West Disintegration Strategy (Based on the Speeches by M. V. Zakharova at the Russian Foreign Ministry Briefings)]. *Political Linguistics*, 4(106), 24–33. (In Russ.)
2. Lяхovenko, O. I. (2022). Telegram-kanaly v sisteme ekspertnoj i politicheskoj kommunikacii v sovremennoj Rossii [Telegram channels in the system of expert and political communication in modern Russia]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(1), 114–144. (In Russ.)
3. Mozhejko, M. A. (2018). Narrativ [Narrative]. In *Postmodernizm. Enciklopediya* [Dictionary] (pp. 491–493). Minsk: InterpressServis, Knizhnyj dom. (In Russ.)

4. Mokraya, E.A. (2018). Telegram-kanal kak platforma dlya politicheskoy kommunikacii [Telegram channel as a platform for political communication]. *Russkaya politologiya*, 4(9), 62–66. (In Russ.)
5. Norman, B.Yu. (2021). Est' li u mediatekstov svoya grammatika? [Do media texts have their own grammar?] In L.R. Duskaeva (sci. ed.), A.A. Malyshev (resp. ed.), *Medialingvistika. Vyp. 8. YAzyk v koordinatah massmedia* (Materials of the V Int. scientific conf. (St. Petersburg, June 30 — July 2, 2021), pp. 59–61). St. Petersburg: Mediapapir. (In Russ.)
6. Ostrovskaya, T.A. (2015). *Lingvosemiotika diskursa elity* [Semio-linguistics of elite discourse] [Monograph]. Majkop, 306 p. (In Russ.)
7. Serio, P. (2008). Derevyannyj yazyk, yazyk drugogo i svoj yazyk. Poiski nastoyashchej rechi v socialisticheskoy Evrope 1980-h godov [Wooden language, the language of others and one's own language. The search for real speech in socialist Europe of the 1980s]. *Political Linguistics*, 5(25), 160–167. (In Russ.)
8. Rajsner, U. (2019). *Politicheskie narrativy na temu Kryma v nemeckoyazychnyh SMI* [Political narratives on the topic of Crimea in German-language media]. Retrieved Aug. 18, 2024, from https://www.perspektivy.info/oykumena/krug/politicheskije_narrativy_na_temu_kryma_v_nemeckojazychnyh_smi_2019-10-17.htm (In Russ.)
9. Rozenfel'd, I. (2006). *Diskurs i narrativ* [Discourse and narrative]. Retrieved Sept. 10, 2024, from www.cursorinfo.co.il/analize/2006/03/01/discurs
10. Spiridovskij, O.V. (2024). Sovremennyy politicheskij diskurs: obshchedostupnost' ili specializirovannost'? [Modern political discourse: general access or specialized?] *Political Language*, 4(106), 235–240. (In Russ.)
11. Shejgal, E.I. (2007). Mnogolikij narrativ [Multifaceted narrative]. *Political Linguistics*, 22. Retrieved July 27, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogolikij-narrativ> (In Russ.)
12. Yashina, A.R. (2021). Telegram-zhurnalistika: kak messendzhery izmenili SMI [Telegram journalism: how messengers changed the media]. In A.V. Stolyarov (Comp.), P.V. Senin (Resp. ed.), *Materialy XXIV nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov Nacional'nogo issledovatel'skogo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.P. Ogaryova* (pp. 327–334). Saransk. (In Russ.)
13. Nobari, D.A., Sarraf, M.H.K.M., Neshati, M., & Daneshvar, E.F. (2021). Characteristics of viral messages on Telegram; The world's largest hybrid public and private messenger. *Expert Systems with Applications*, 168, 114303. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2020.114303>
14. Prince, G.A. (1988). *Dictionary of Narratology*. Great Britain: Scholar Press, 126 p.
15. Velleman, J.D. (2003). Narrative Explanation. *The Philosophical Review*, 112(1), 1–25. (Cit. from: Poroshkov, M.M. (2022). Konstruirovaniye politicheskikh narrativov kak instrument politicheskogo diskursa dlya razvitiya ideologicheskikh konceptov i ideologij: problemy teorii i praktiki. *Sociodinamika*, 4, 72–84).

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.29; 16.21.33

Код ВАК 5.9.9

Татьяна Дмитриевна Богачанова

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия, tdbogachanova@mail.ru, SPIN-код: 8323-2622

Приемы привлечения внимания, выявленные в заголовках политических интернет-статей

АННОТАЦИЯ. Актуальность данного исследования связана с ростом приемов привлечения внимания читательской аудитории к продукции СМИ. Этот процесс также связан с активизацией электронных средств коммуникации. Исследование затрагивает вопросы изучения языковой личности, политической лингвистики, включающей медиадискурс и политический дискурс. Целью работы является изучение приемов формирования аттрактивного и эффективного заголовка статьи политического характера в сети Интернет. Материалом исследования стали заголовки политических интернет-статей, размещенных на новостных платформах города Новосибирска в периоды 2009–2016, 2020–2022 гг. Предметом исследования становятся языковые особенности, которые участвуют в формировании аттрактивности. Изучение аттрактивного компонента заголовков осуществляется путем методов лингвистического анализа. Заголовок рассматривается как коммуникативная единица, занимающая определенное положение в общении автора и реципиента, в связи с чем она выполняет множество функций, реализованных в статьях и заголовочных комплексах для достижения желаемого результата. Объем изученного материала позволяет утверждать, что заголовки политических статей включают экспрессивную составляющую как обязательный компонент медиадискурса, который может быть реализован и эксплицирован разными способами. Нами были выделены некоторые способы формирования читательской привлекательности и экспрессивности: информационная, диалогическая/ коммуникативная, оценочная направленность, а также наличие прецедентных текстов, стилистическая неоднородность, сокращения, образительно-выразительные средства и особенности синтаксиса. Дискурсивная направленность заголовка диктует возможность включения нескольких способов достижения читательской привлекательности одновременно в одном заголовке, что зависит от целей и тактик коммуникативного и манипулятивного характера новостного портала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, образительно-выразительные средства, прецедентные тексты, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурс, языковые средства, заголовки интернет-статей, аттрактивность, медиатексты, читательская аудитория, русский язык, тема политики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Богачанова Татьяна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и восточных языков, Сибирский государственный университет путей сообщения; 630124, Россия, г. Новосибирск, ул. Новороссийская, д. 116; email: tdbogachanova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Богачанова, Т. Д. Приемы привлечения внимания, выявленные в заголовках политических интернет-статей / Т. Д. Богачанова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 42-51.

Tat'yana D. Bogachanova

Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia, tdbogachanova@mail.ru, SPIN code: 8323-2622

Techniques for Attracting Attention in the Headlines of Online Political Articles

ABSTRACT. The urgency of this study is related to the growing popularity of techniques for attracting attention of the readers in mass media products. This process is also connected with the activation of electronic mass media. The study touches upon the issues of linguistic personality and political linguistics, including media discourse and political discourse. The aim of this work is to analyze the techniques of formation of attractive and effective headlines of political articles on the Internet. The practical research material embraces the headlines of political Internet articles published on the news websites of Novosibirsk over the periods 2009-2016 and 2020-2022. The object of the study covers the linguistic means that participate in the formation of attractiveness. The attractive component of headlines is studied via the methods of linguistic analysis. The author interprets the headline as the most important communicative unit, which occupies a special position in the communication between the author and the recipient. In view of this, this unit carries out many functions, realized in the articles and headline complexes to achieve the desired result. The scope of the practical material studied allows the author to argue that the headlines of political articles include an expressive constituent as an essential component of media discourse that can be realized and explicated in different ways. The author has singled out some techniques for attracting attention and enhancing expressiveness: informative, dialogic / communicative and evaluative orientation, as well as the presence of precedent texts, stylistic heterogeneity, abbreviations, expressive representation means and specific syntax. The discursive orien-

© Богачанова Т. Д., 2024

ation of the headline requires the possibility of using several techniques for achieving attractiveness for many readers in one headline, which depends on the aims and tactics of communicative and manipulative nature of the news website.

KEYWORDS: political discourse, expressive representation means, precedent texts, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resource, language means, headlines of Internet articles, attractiveness, media texts, the readers, Russian language, political topic.

AUTHOR'S INFORMATION: Bogachanova Tat'yana Dmitrievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Oriental Languages, Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia.

FOR CITATION: Bogachanova T. D. (2024). Techniques for Attracting Attention in the Headlines of Online Political Articles. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 42-51. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Информация и знания об окружающем мире преломляются в тексте, который приобретает черты живого и говорящего, только контактируя с человеком, стремящимся не только ментально и психологически его обработать, но и передать другим поколениям. Современные исследования позволяют рассматривать человека как языковую личность (далее ЯЛ) [Богин 1982; Иванцова 2010; Карасик 2002; Караулов 2014], обладающую определенным набором речевых качеств и характеристик, которая создает и интерпретирует тексты. Научные изыскания представителей Барнаульско-Кемеровской лингвистической школы [Голев 2008; Трубникова 2009; Мельник 2011; Шпильная 2015; Ростова 2002; Голев 2009] ввели в лингвистику понятия метаязыка, метатекста языкового сознания (далее ЯС) и т. д., далее частотно фигурирующие в трудах по лингвоперсонологии, психолингвистике, металингвистике, политлингвистике и т. д. Таким образом, любая ЯЛ может обладать интерпретационной коммуникативной способностью, по этой причине она способна порождать, воссоздавать достаточно большое количество вторичных текстов (далее ВТ) [Ким 2013], далее их комментировать, толковать и т. д.

Наша работа обращена к анализу минитекстов, т. е. заголовков политических интернет-статей, посвященных актуальным темам. Общеизвестно, что статья должна привлечь внимание, чтобы реципиент ее прочитал, прокомментировал. Что может повлиять положительно на этот процесс? С одной стороны, графическое выделение заголовка — как один из ярких приемов аттрактивности: жирный шрифт, курсив или фото, иллюстрирующее описываемые события, с другой стороны — использование определенных языковых средств.

Новизна данной работы заключается в сравнительно-сопоставительном и аналити-

ческом характере исследования, ориентированном на выявление специфических черт, указывающих на эмоциональные и экспрессивные компоненты заголовков статей общественно-политического характера г. Новосибирска.

Эта статья становится перспективой в области исследования степеней проявленности метаязыкового сознания (далее МЯС), типологии ЯЛ и создания и восприятия текстового материала рядовыми носителями языка [Богачанова 2021, 2022]. Данное исследование расширяет разрабатываемый материал создания эффективного и экспрессивного заголовка, привлекая большее количество анализируемых мини-текстов (заголовков) и тематических рубрик.

МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ, ОБЗОР

Материалом изучения выступают тексты политического характера. В процессе исследования было изучено около 2000 заголовков российских политических интернет-статей, размещенных на сайтах г. Новосибирска НГС¹, НДН.ИНФО², Вести Новосибирск³, Сибкрай.ru⁴, Типичный Новосибирск⁵, в таких рубриках, как «ЖКХ», «транспорт», «общество», «происшествия» в период 2009–2016 и 2022 гг.

Мы придерживаемся мнения о том, что любой текст многогранен, полиинформативен, полиинтерпретационен и функционирует в определенном речевом общении, т. е. дискурсе, представляющем для нас особый интерес в связи со своей спецификой. В работах Э. В. Будаева, А. П. Чудинова это понятие объясняется как явление, имеющее коммуникативную направленность и включающее внешние, т. е. внеязыковые факторы, способствующие пониманию текста [Караулов 1989: 8], т. е. текст предстает как структурированная коммуникативная форма, обусловленная влиянием различных факторов. Авторы отмечают, что дискурс «вклю-

¹ Новосибирский городской сайт — <https://ngs.ru/>

² Наш дом Новосибирск — <https://ndn.info/>

³ Вести Новосибирск — <https://www.nsktv.ru/>

⁴ Сибкрай.ru — <https://sibkrai.ru/>

⁵ Типичный Новосибирск Вконтакте — https://vk.com/typical_nsk

чает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Будаев 2007: 24]. Так, дискурс ориентирован на автора и адресата, которые выстраивают собственную коммуникацию (т. е. общение) [Арутюнова 1990; Карасик 2000: 27], включающую цель общения, канал связи, участников, а также влияние лингвистических и экстралингвистических факторов.

По той причине, что в качестве объекта исследования выступают языковые особенности текстов средств массовой коммуникации, необходимо обратиться к понятию именно политического дискурса. Вербальная коммуникация обязательным элементом помимо собственно текста предполагает и человека, который является и объектом, и одновременно субъектом любой политической ситуации, что подтверждается в работах исследователей [Дугин 2004; Шейгал 2000: 46]. А. П. Чудинов полагает, что «в содержание политического дискурса должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи. ... другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представление автора об адресате, политическая ситуация, в которой создается и „живет“ данный текст» [Чудинов 2006: 41]. Таким образом, мы рассматриваем политический дискурс как комплексное и многокомпонентное понятие, включающее адресанта, адресата сообщения, их активизированное сознание, готовое понимать, интерпретировать текстовое сообщение, канал связи, а также экстралингвистические и собственно лингвистические факторы, оказывающие влияние на коммуникацию в рамках сложившейся политической ситуации.

В настоящем исследовании нас в первую очередь привлекает именно массмедийная составляющая политического дискурса как коммуникативной структуры, которая, по мысли Е. И. Шейгал, становится неким посредником между народом и политическими фигурами [Шейгал 2000].

Медиатекст, ставший ключевым элементом в условиях политического дискурса с учетом коммуникативной направленности, должен привлекать внимание, а также удерживать его на протяжении всего времени прочтения адресатом. Принято считать, что в среде массмедиа заголовки являются неотъемлемой частью оформляемой статьи. Множество работ посвящено изучению как

структуры, функций заголовка, так и уточнение его значения и роли в политическом дискурсе.

Целью данной статьи является анализ и установление языковых средств, участвующих в реализации эмоционально-экспрессивной составляющей в заголовках статей общественно-политического характера.

В качестве методов исследования выступают дескриптивный метод, метод сплошной выборки, которые подразумевают процедуру поиска, сбора материала, наблюдения за языковыми фактами и явлениями, их классификацию и количественную характеристику, а также методы лингвистического анализа языковых единиц, фигурирующих в названиях заголовков политических интернет-статей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. ЯЛ как субъект политического дискурса

Тексты политического дискурса создаются субъектами коммуникации, т. е. ЯЛ. Автор-журналист должен вовлечь реципиента в коммуникативную ситуацию. Задачу автора можно считать наполовину выполненной в том случае, когда читатель познакомился со всем текстом политической статьи. Полностью выполненной, когда читатель оставил комментарий, таким образом, приняв участие в массмедийном политическом дискурсе. Считается, когда реципиент начал давать ответную реакцию, т. е. писать комментарий, активизируется работа МЯС [Савельева 2019] ЯЛ, продуктом которого становятся новые ВТ-комментарии.

По той причине, что массмедийный компонент политического дискурса является транслятором между действующей властью, политическими лидерами, деятелями и массовым читателем, то на первый план выдвигается цель манипулирования сознанием населения, т. е. ЯЛ. Здесь массмедийный аппарат оказывает огромное влияние на формирование нужного политического сознания у населения, прогнозирование, результаты и т. д. В ход идут различные манипулятивные техники, которые на данный момент предписаны той или иной политической программой.

Современное цифровое пространство политического дискурса многообразно в своем лингвопсихологическом отношении. Участники коммуникации проводят детальный отбор необходимой им информации, чтобы найти удовлетворяющий их эмоционально-политическим потребностям приемлемый контент. ЯЛ — сложный феномен с точки зрения лингвоперсонологии, психологии, лингвистики, лингводидактики и т. д. Ее все-

объемлющее ЯС работает активно и практически без перерыва. Она принимает участие в создании, понимании, передаче и т. д. текста. В данном ключе мы можем говорить о медиатексте, т. е. единице медиадискурса, в том числе и политического дискурса, представляющего собой динамический новостной текст, который нацелен на сообщение событий [Добросклонская 2006]. Реципиенты начинают знакомство с медиатекстом непосредственно с заголовка. Установим статус данного фрагмента политической статьи.

2. Заголовок медиатекста. Подходы к изучению

Существует множество точек зрения, какое место в структуре статьи занимает заголовок. Одни исследователи утверждают, что это самостоятельный компонент, другие — часть самой статьи.

Некоторые ученые делают акцент на предтекстовом положении заголовка. Н. А. Кожина утверждает, что заголовок «...занимает по отношению к тексту определенную функционально закрепленную позицию» [Кожина 1988: 167]. И. А. Сыров указывает на коммуникативность заголовка, а также его позицию перед дальнейшим текстом, определяя его как коммуникативную единицу «в позиции перед текстом, являющуюся его названием, имеющую синтаксическое оформление, прямо или косвенно указывающее на содержание текста и ограничивающее одно речевое высказывание от другого» [Сыров 2002: 59].

Ученые А. А. Амзин и Н. А. Фатеева [Амзин 2011; Фатеева 2001] настаивают на том, что заголовок — это самостоятельное и полнозначное коммуникативное целое, которое не обязательно должно зависеть от дополнительных текстовых элементов.

Другие лингвисты полагают, что заголовок представляется неотъемлемым элементом текста, который нельзя удалить: так, по мысли И. Р. Гальперина, это «компрессированное, нераскрытое содержание текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин 1981: 133]. Этот тезис позволяет сформулировать идею о том, что заглавие — это не самостоятельная единица, а часть большой системы, т. е. текста.

Существует понятие заголовочного комплекса, которое было введено Э. А. Лазаревой. Автор указывает на его ключевые элементы, а именно: «заголовки, рубрики, подзаголовки, вводки (лиды), врезки (текст в тексте), анонсы» [Лазарева 2006: 158]. Подзаголовок следует за заголовком и уточняет его значение, информацию, находящуюся в заголовке.

Также важную роль играют все элементы, находящиеся под заголовком, например, лид, который «...отвечает на 6 вопросов: кто, что, когда, как, почему и где; он максимально привлекает внимание читателя к теме материала...» [Чэхжэнь 2017: 126]. Эти элементы дополняют, комментируют или распространяют уже имеющуюся информацию в тексте, или все вместе, выполняя множество функций.

Таким образом, заголовок может быть понят как своеобразное вступление в дальнейший текст статьи. Заголовок, заголовочный комплекс, включающий в себя все необходимые композиционные элементы, является своеобразным транслятором в следующий за ним текст, предопределяя восприятие, прогнозируя реакцию читателя. Он должен быть понятен читателю и адекватен имеющемуся содержанию. Рассмотренные исследования показали, что заголовок не может быть оторван от текста ни в смысловом, ни в локальном отношении. Мы поддерживаем мысль ученых о том, что он является коммуникативной единицей политического или массмедиадискурса. Его можно охарактеризовать как мини-текст, являющийся самостоятельной синтаксически, грамматически и логически оформленной единицей восприятия, от которой зависит дальнейшая репрезентация самой политической статьи.

3. Приемы привлечения внимания в формулировках заголовков медиатекстов

Заголовки выполняют множество функций, на наш взгляд, основной можно считать номинативную, по той причине, что они должны сообщать какую-то новую информацию своим реципиентам, знакомить их с новостями, событиями и т. д. На втором месте может быть актуализирована эмоционально-экспрессивная функция, так как фактическая передача информации в классическом варианте может снижать интерес. Объективно и грамматически верно оформленный заголовок по праву можно считать малопривлекательным для современного читателя, хотя есть исключения. Однако принято считать, что в современных СМИ заголовок должен бросаться в глаза и на всех последующих этапах знакомства с вводимой информацией в статье эффективнее и эффективнее завлекать читателя независимо от темы, автора и события.

Под аттрактивными приемами мы понимаем нестандартные формулировки с точки зрения грамматики, лексики, фразеологии русского языка заголовков медиатекстов и политических интернет-статей, которые при-

влекают внимание. Понятие аттракции связано с термином «кликбейт» — общепринятое название для комплекса аттрактивных приемов, которые повышают привлекательность заголовка в глазах читателей, что впоследствии заставляет реципиента кликнуть на заголовок и познакомиться с текстом дальнейшей статьи. Исследователь Н. Н. Вольская трактует кликбейт как «средство привлечения аудитории с помощью специфических заголовков, которые в определенных случаях сопровождаются графическими материалами, провоцирующими интернет-пользователей читать конкретный контент в расчете на свойственные человеческой натуре чувства любопытства, возмущения или недоумения» [Вольская 2018]. Е. С. Кузнецов выделяет такой прием аттрактивности, как преувеличение [Кузнецов 2020], выдвигается проблема достижения аттрактивности при переводе заголовка с другого языка [Шептала 2022], анализируется материал иноязычной прессы [Введенская 2020].

Ознакомившись с имеющимися материалами теоретико-практического характера, мы выделили наиболее частотные принципы привлечения внимания к заголовку:

- сокращения;
- эмоционально-оценочная составляющая;
- изобразительно-выразительные средства;
- прецедентные тексты;
- стилистическая неоднородность;
- диалогический характер.

Думается также, что этот список можно дополнить таким компонентами, как информационная составляющая, по той причине, что определенный блок информации передается также при помощи заголовка.

Рассмотрим примеры заголовков, иллюстрирующих обозначенные приемы, снабдим их необходимыми комментариями.

Элементы сокращений в заголовках

Сокращения — это частотный прием при формировании заголовка. Он может реализовываться как на лексическом, так и грамматическом уровне. Современный ритм жизни, экономия времени и речевых усилий нацелены на трансформацию языковых средств во всех сферах жизни человека, в том числе и в условиях письменной коммуникации. Повсеместно сокращаются слова, выражения, предложения и т. д., за счет чего графическое оформление языковой единицы в медиатексте сводится к минимуму. СМИ также активно используют этот прием, ориентируясь на своего читателя. Однако есть и обратная сторона: некоторые сокращения могут накладываться друг на друга, формируя лакуны, непонятные пользователям, или провоцирующие различное понимание дан-

ного фрагмента текста в зависимости от различных языковых и внеязыковых факторов, влияющих на интерпретацию прочитанного. Здесь мы поговорим об эллипсисе. В этом случае речь идет о пропуске определенного понятного языкового элемента или единицы, которую можно легко восстановить из контекста, например: «*Ниссан*» *снес столб на «тещином языке»* (ngs.ru, 2012). В рассматриваемом заголовке отсутствуют такие слова, как *автомобиль* (указывается только его марка), *улица* (фиксируется внимание только на ее названии, данном в кавычках), т. е. пропущены родовые понятия. Аналогичный прием использован в данном варианте: *Тогучин остался без свадебных платьев* (sibkray.ru, 2010), в котором имплицитно подразумевается понятие *город/населенный пункт*, а также *магазин*, ввиду сокращения формулировок возникают разные трактовки. Например: *На мою не позарятся* (ngs.ru, 2015) — в дальнейшем из заголовочного комплекса понятно, что речь идет об угоне автомобилей; *По два человека на кресло* (ngs.ru, 2015), что указывает на повышение цен на билеты; *Копытом в лобовое* (ngs.ru, 2015) — коротко фиксирует участников дорожно-транспортного происшествия. Грамматическим сокращением можно считать данные примеры заголовков: *Авария из четырех авто на М52: «Хонду» вынесло на микроавтобус* (ngs.ru, 2012); *В Иркутске вынужденно сел самолет «Боинг»: сработали датчики задымления* (ndn.info, 2016). Здесь используется бессоюзное сложное предложение с пунктуационным знаком двоеточие, выражающим отношения пояснения того, что говорится в первой части, здесь пропущен союз *потому что*, регулирующий причинно-следственные связи.

Эмоционально-оценочная составляющая заголовков

Эмоционально-экспрессивная составляющая на сегодняшний день является неотъемлемой частью СМИ. Активно используются жаргонизмы, разговорные слова и выражения, включение элементов оценочного характера (положительного и отрицательного). По праву этот способ можно считать приоритетным и частотным. Например, в заголовке *Канализационные смердящие стоки залили улицу в Новосибирске* (nsktv.ru, 2022) при помощи прилагательного *смердящие*, имеющего пометку *устар.* в словаре, выражается крайне негативное отношение к событию. А такой вариант заголовка: *Пожары в Красноярском крае стали причиной дымки в Новосибирске* (nsktv.ru, 2018) — имеет в своем составе разговорное слово *дымка*, что в данном случае должно снизить

масштаб сложившейся экологической катастрофы в городе при восприятии реципиентами за счет словообразовательного эмоционально-оценочного суффикса *-к-*. *Обеспокоенные троллейбусы спровоцировали пробку в левобережье* (ngs.ru, 2012) — в этом случае используется слово *пробка*, по-другому *дорожный затор*, однако замечена экономия речевых усилий и восприятия информации. Активизация разговорной речи прослеживается также в таких вариантах, как *Пожар в девятиэтажке по улице Гоголя, 4 потушен*; *В Искитиме рухнула крыша жилого дома* (sibkrau.ru, 2009) — здесь видно негативное восприятие автором статьи случившихся событий за счет включения лексических единиц, а именно, *девятиэтажка*, *рухнула*.

Элементы изобразительно-выразительных средств в заголовках

Включение изобразительно-выразительных средств, тропов в заголовки статей удерживает внимание читателей за счет своей нестандартности. Обратимся к иллюстрации данного пункта классификации. Олицетворения и метафоры становятся частотными в заголовках на сайте ngs.ru: *Четвертой жертвой трамвая № 13 стал «Ниссан»*; *«Тойота» сбила барана на темной трассе М52*; *Переобуться до среды*; *Руль вспотеет* (2012–2015 гг.). В данных примерах качества человека, т. е. водителя, участника дорожного движения, переносятся на транспортное средство в общем или частично (*трамвай № 13*, *«Тойота»*; *руль*), наделяя его свойствами живого существа, что реализуется при помощи таких глаголов, как *стал*, *сбила*, *переобуться*, *вспотеет* — так техника становится активным субъектом действия. Перенос свойств живого на неживое также актуализировалось в таком случае, как *Снегопад добавил дорожникам работы на 5 дней*: погодные условия наделяются чертами участника событий, который мешает выполнению уставленного плана. Преувеличение событий, фиксируемых в заголовках, реализуется при помощи гиперболы, например: *...сосульки длиной почти в метр*; *...образовалось море после ночного дождя* (nsktv.ru, 2020–2021 гг.), *По локоть в гряды* (ngs.ru, 2016). В этих мини-текстах выражено негативное восприятие действительности: недовольство качеством уборки снега, работой ливневок. Проблемы с вывозом мусора заняли свое почетное место в формулировках заголовков передовых новостных сайтов: *...итоги мусорного апокалипсиса в Новосибирске*; *...коммунальщикам дали 2,5 дня на устранение мусорного коллапса* (nsktv.ru, 2020). Так, экологические

вопросы в городе приобрели вселенский масштаб. Сравнение не является частотным тропом, например: *Новый арт-объект: в Новосибирске в клумбе застрял автомобиль* (nsktv.ru, 2020), *«Семерка» превратилась в факел* (ngs.ru, 2015). Здесь этот прием выражен имплицитно, т. е. авария иронично сравнивается с объектом искусства, а автомобиль — с зажженным светильником. Эксплицитная форма выявлена в таких медиатекстах: *Страшнее, чем на войне* (ngs.ru, 2013); *«Камри» вспыхнула как спичка* (ngs.ru, 2015). Градация, т. е. постепенное нарастание, реализовалось в таком формате: *Дождь, ударил, победил* (ngs.ru, 2016), что также соотносится с трансформацией известного латинского афористического выражения *Veni, vidi, vici*.

Прецедентный текст как прием формирования заголовка

Статус прецедентных текстов в политических интернет-статьях совершенно особый: они применяются максимально для усиления эффекта от предлагаемой информации. Е. Г. Санарова утверждает, что «для пословиц, пословичных и крылатых выражений, афоризмов характерна вариативность. Здесь мы имеем в виду буквальную вариативность — наличие нескольких отличных друг от друга планов выражения у одной и той же пословицы» [Санарова 2016: 146]. Автор указывает на возможность трансформации как плана выражения, так и плана содержания. Устойчивые, клишированные выражения находят свое отражение в заголовках рассматриваемых нами статей, они преобладают на сайте ngs.ru, встречаются такие варианты: *Великая китайская цена*; *«Тойота» на крови*; *Ускорение метро: 2 станции за 3 года*; *Уступи дорогу «Мерседесу»*; *Северное стояние*; *Берегись в автомобиле* (2013–2014 гг.). Данные трансформации легко воспринимаются ЯС читателя, соотносятся с первоначальным вариантом наименований культурных исторических объектов, фильмов, лозунгов (*Великая Китайская стена*, *Спас на Крови*, *Пятилетку — в четыре года!*, *Берегись автомобиля* и т. д.). Также на сайте nsktv.ru можно найти много подобных прецедентных текстов: *«Пункт назначения»: новосибирец чудом избежал смертельного ДТП...; Сюда не ступала нога коммунальщика...; «Сбой в Матрице»: новосибирцы обсуждают «атаку клонов» в метро; Тротуар раздора: ремонт пешеходной...», встречаются как трансформированные клишированные выражения (*Яблоко раздора*), так и заимствованные в оригинальном виде (*пункт назначения*, *Сбой в Матрице*). Заголовок *Крыша раздора: в цен-**

тре нейрохирургии могут отменить операции (2015–2021 гг.) включает в себя как трансформированный фразеологизм, так и способ сокращения, компоновки материала за счет использования двоеточия в бессоюзном сложном предложении.

Стилистическая неоднородность

Множество анализируемых текстов включает в себя элементы разных стилей, так, наряду с терминологическим рядом или стилистически нейтральной лексикой могут фигурировать разговорные слова, сниженная лексика. Этот перепад лексической стороны подачи информации также выполняет аттрактивную функцию создания мини-текста. Например, *ГИБДД: отмена нулевой промилле обошлась без всплеска пьянства* (ngs.ru, 2013); *Водитель «пятерки» погиб в аварии с Hino Ranger на Северном объезде* (ngs.ru, 2013); *«Оборотни в погонах» крышевали преступную группировку малолеток* (sibkrai.ru, 2009); *Новосибирская область вырвалась в лидеры рождаемости по Сибири* (vk.com, 2015); *Дебоширке, избившей сотрудницу полиции в «Толмачево», грозит до пяти лет тюрьмы* (ndn.info, 2015). Мы обращаем внимание на появление такой лексики разговорного характера в одном ряду с терминами или официальными наименованиями: *нулевое промилле* (термин) — *пьянство* (разгов.), *«пятерка»* (разгов.) — *с Hino Ranger на Северном объезде* (полное наименование марки автомобиля и название улицы), *Новосибирская область* (официально название населенного пункта) — *вырваться* (разгов.), *дебоширка* (разгов.) — *сотрудница полиции* (канцеляризм). Обратный порядок слов в конструировании заголовка воспринимается ЯС реципиента нестандартно: *Убрать незаконный снегоотвал требуют жители Октябрьского района* (nsktv.ru, 2019) — на первое место ставится важнейшее словосочетание в соответствии с тема-рематическим членением предложения. Данный способ сокращает дистанцию между подаваемой новостью и реципиентом, тем самым обостряя конфликтную ситуацию и настраивая аудиторию определенным образом.

Дополнительным элементом заголовков можно считать включение неологизмов, отражающих описываемую обстановку, например: *Угон по-новосибирски* (ngs.ru, 2015); *На вокзале «Новосибирск-Главный» 21 января Минтранс будет останавливать безмасочников* (nsktv.ru, 2022); *«Зацепер»-экстремал сорвался с поезда и упал на рельсы в Новосибирске* (ndn.info, 2016). В рассматриваемых случаях значение новых слов понятно только благодаря контексту

или знанию особенностей города (*по-новосибирски*, «зацепер»-экстремал): в этом формате они являются актуальными или связанными с феноменом, отражающим общественно-политическую обстановку на данный момент (*безмасочник*).

Диалогическая форма заголовка

Эффект создания диалога с читателем — нередкий прием на сайте ngs.ru, он может быть оформлен по-разному. Например, встречаются такие тексты: *Куда прешь?! — где присутствует элемент диалога-перепапки между участниками движения, начинающийся с вопроса; Ходи пешком, «Я никому не мешаю — места кругом полно!», «Валите отсюда, а?» — своеобразный ответ недовольному водителю. Данные заголовки используют ты-номинацию, т. е. выражают неуважительное, презрительное отношение к воображаемому собеседнику. Заголовки *Авто оставьте дома* — совет водителям, не желающим попасть в пробки, реализующийся при помощи повелительного наклонения с вы-номинацией. Нами были выявлены такие примеры заголовков, как *Третьим будешь, Плюнь и постучи* (2013–2015 гг.), которые не завершаются восклицательным и вопросительным знаком, но их можно квалифицировать как рекомендацию или императивную форму. Данные фразы диалогического характера могут выражать констатацию факта, включая лексику разговорного стиля.*

Информативная составляющая заголовков

Как мы говорили ранее, заголовок призван сообщать новость в конкретном сжатом виде. Именно по этой причине информативный компонент также рассматривается. В качестве примера можно привести такие варианты заголовков: *Глава Куйбышевского района запретил подчиненным встречи с избирателями и кандидатами в депутаты без согласования* (ndn.info, 2015), *Продавца автомобилей Skoda обвиняют в мошенничестве* (sibkrai.ru, 2009), *Ремонт теплотрассы изменил маршруты троллейбусов* (ngs.ru, 2012), *Локоть рассказал о сроках сноса недостроенной гостиницы на площади Маркса* (vk.com, 2017). Традиционно к заголовкам предъявляются такие требования, как содержательность, т. е. тезис, заявленный изначально, должен прослеживаться в статье непосредственно, раскрываться, иными словами, автор статьи не может отходить от темы и транслировать содержание какого-то другого информационного компонента, а также выразительность, или приемы экспрессивно-эмоциональной стороны мини-текста. Данные заголовки кажутся ин-

формативными, заключающими определенный объем передаваемого для ознакомления и прочтения материала, так что у реципиентов не должно возникать двоякого понимания или различных вариантов трактовки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы апробировали выявленную классификацию способов привлечения внимания на заголовках политических интернет-статей, медиатекстах, размещенных в рубриках, посвященных ЖКХ, транспорту, обществу, происшествиям, политики, на вышеобозначенных сайтах преимущественно в период 2009–2016, 2020–2022 гг. Анализ заголовков указал на многообразие применяемых способов привлечения внимания к подаваемому материалу в лексико-грамматическом плане. Данные показали, что прием информативности реализуется во всех заголовках на обозначенных информационно-новостных сайтах в той или иной степени.

Заголовки с сайта *ndn.info* в основном представляют собой простые распространенные предложения, а также сложные предложения, минимально реализующие свою аттрактивную функцию путем следования принципу информативности без включения изобразительно-выразительных средств и прецедентных текстов. Сайт *nsktv.ru* относительно подачи заголовков избыточно простыми распространенными предложениями и сложными предложениями, которые увеличивают объем материала и тем самым усложняют восприятие заголовка. Этот сайт максимально использует лексику разговорного стиля, трансформированные прецедентные тексты, изобразительно-выразительные средства как приемы привлечения внимания. Более емкими и избыточными разговорными элементами становятся заголовки портала *sibkrai.ru*: информативность наряду с краткостью и экспрессивностью привлекает внимание читателей. Минитексты, рассмотренные на сайте *vk.com*, придерживаются нейтрального способа подачи материала в заголовках. Наиболее богатым, разнообразным материалом на сегодняшний день располагает *ngs.ru*, включая все приемы создания эффективного и привлекательного для читателей заголовка. Он демонстрирует разговорные черты, что создает диалогический характер медиатекстов, ориентирован на экономию речевых усилий и минимализм формальной стороны. Частотным становится такой вариант синтаксического строя сложного бессоюзного предложения, как *основная часть: пояснение*. Метафоризация заголовка сопровождает

весь материал этого сайта на протяжении долгого времени, равно как трансформация клишированных оборотов, а также включение других изобразительно-выразительных средств, таких как сравнение, градация. Отмечено активное использование прецедентных текстов, причем авторы заголовков нацелены на их трансформацию и точное метафорическое указание на проблему.

Подводя итоги исследования, можем утверждать, что заголовки политических статей, являющиеся компонентом политического дискурса, могут одновременно включать в себя несколько приемов привлечения внимания. Перспективой развития данной темы может служить не только дальнейшее изучение заголовка, но и всего заголовочного комплекса в целом как структурно-семантической единицы медиадискурса на предмет включения эмоционально-экспрессивного элемента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амзин, А. А. Новостная интернет-журналистика / А. А. Амзин. — Москва : Аспект Пресс, 2011. — 144 с. — Текст : непосредственный.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
3. Богачанова, Т. Д. Метаязыковые факторы формирования оценочности (на материале интернет-комментариев политического характера) / Т. Д. Богачанова. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2021. — № 9 (162). — С. 122–130.
4. Богачанова, Т. Д. Экспрессивная составляющая заголовков политических интернет-статей / Т. Д. Богачанова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5(95). — С. 104–112.
5. Богин, Г. И. Концепция языковой личности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Богин Г. И. — Ленинград, 1982. — 36 с. — Текст : непосредственный.
6. Будаев, Э. В. Методологические грани политической метафорологии / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2007. — № 1 (21). — С. 22–31.
7. Введенская, В. Г. Аттрактивная функция заголовка новостного текста спортивной тематики (на примере англоязычной прессы) / В. Г. Введенская. — Текст : непосредственный // Лингвистическое наследие Л. В. Щербы в свете современной науки о языке : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции в рамках V Международного фестиваля науки, Москва, 19 февраля 2020 года. — Москва : Московский государственный областной университет, 2020. — С. 51–56.
8. Вольская, Н. Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации / Н. Н. Вольская. — Текст : электронный // Медиаскоп. — 2018. — Вып. 2. — URL: <http://www.mediascope.ru/2450> (дата обращения: 28.03.2024).
9. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : Наука, 1981. — 138 с. — Текст : непосредственный.
10. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») / Н. Д. Голев. — Текст : непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. — Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2009. — Ч. 1. — С. 7–41.

11. Голев, Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства / Н. Д. Голев. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2008. — № 3 (4). — С. 5–17.
12. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. — 2006. — № 2. — С. 20–33.
13. Дугин, А. Г. Философия политики / А. Г. Дугин. — Москва : Арктогея, 2004. — 614 с. — Текст : непосредственный.
14. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2010. — № 4 (12). — С. 24–32.
15. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Проблемы речевой коммуникации : межвузовский сборник научных трудов. — Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. — С. 25–33.
16. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.
17. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Либроком, 2014. — 264 с. — Текст : непосредственный.
18. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров. — Текст : непосредственный // Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 5–11.
19. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. — Москва : Ленанд, 2013. — 280 с. — Текст : непосредственный.
20. Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии / Н. А. Кожина. — Текст : непосредственный // Проблемы структурной лингвистики. — Москва : Наука, 1988. — С. 167–183.
21. Кузнецов, Е. С. Преувеличивающий заголовок как аттрактивный прием в спортивных интернет-СМИ / Е. С. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 4 (38). — С. 204–210.
22. Лазарева, Э. А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия / Э. А. Лазарева. — Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. — 2006. — № 4. — С. 158–166.
23. Мельник, Н. В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук / Мельник Н. В. — Кемерово, 2011. — 403 с. — Текст : непосредственный.
24. Ростова, А. Н. Металингвистика — метаязык — метатекст / А. Н. Ростова. — Текст : непосредственный // Филологический сборник. — Кемерово : Комплекс Графика, 2002. — Вып. 2. — С. 145–149.
25. Савельева, И. В. Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения / И. В. Савельева. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2019. — Т. 21. — № 3. — С. 839–849.
26. Санарова, Е. Г. Возможности трансформации клишированных выражений / Е. Г. Санарова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2016. — № 10 (64): в 3-х ч. Ч. 2. — С. 145–147.
27. Сыров, И. А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста / И. А. Сыров. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — Тамбов : Грамота, 2002. — № 3. — С. 59–68.
28. Трубникова, Ю. В. К вопросу формирования парадигмы текста / Ю. В. Трубникова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 27 (165). — С. 139–144.
29. Фатеева, Н. А. Заглавие и текст в русской поэзии конца XX века: параллельная динамика / Н. А. Фатеева. — Текст : непосредственный // Текст. Интертекст. Культура : сб. докл. Междунар. научн. конф. (Москва, 4–7 апр. 2001 г.) / ред.-сост. В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева. — Москва : Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2001. — С. 395–411.
30. Хэчжэнь, Ф. Структура «Заголовок — подзаголовок — лид — текст»: распределение информации / Ф. Хэчжэнь. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2017. — N 2 (115). — С. 125–128.
31. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
32. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 440 с. — Текст : непосредственный.
33. Шептала, В. С. Сохранение аттрактивности как проблема перевода рекламных текстов / В. С. Шептала. — Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 7.—2 (70). — С. 114–117.
34. Шпильная, Н. Н. Модели деривации диалогического текста / Н. Н. Шпильная. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 3-1 (63). — С. 198–206.

REFERENCES

- Amzin, A.A. (2011). *Novostnaya internet-zhurnalistika* [Online news journalism]. Moscow: Aspekt Press, 144 p. (In Russ.)
- Arutjunova, N.D. (1990). Diskurs [Discourse] In V.N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* (pp. 136–137). Moscow: Sov. entsiklopediya. (In Russ.)
- Bogachanova, T.D. (2021). *Metajazykovye faktory formirovaniya ocenochnosti (na materiale internet-kommentarijev politicheskogo haraktera)* [Metalinguistic factors in the formation of evaluation (based on Internet comments of a political nature)]. *News of Volgograd State Pedagogical University*, 9(162), 122–130. (In Russ.)
- Bogachanova, T.D. (2022). *Ekspressivnaya sostavlyayushchaya zagolovkov politicheskikh internet-statej* [The expressive component of the headlines of political online articles]. *Political linguistics*, 5(95), 104–112. (In Russ.)
- Bogin, G.I. (1982). *Koncepciya yazykovoj lichnosti* [The concept of linguistic personality] [Abstract of Doctoral Thesis of Dr of Philol. Sciences]. Leningrad, 36 p. (In Russ.)
- Budaev, Je.V., & Chudinov, A.P. (2007). *Metodologicheskie grani politicheskoy metaforologii* [Methodological facets of political metaphorology]. *Political Linguistics*, 1(21), 22–31. (In Russ.)
- Vvedenskaja, V.G. (2020). *Attraktivnaya funkciya zagolovka novostnogo teksta sportivnoj tematiki (na primere anglo-yazychnoj pressy)* [Attractive function of the title of a sports news text (using the example of the English-language press)]. In *Lingvisticheskoe nasledie L. V. Shherby v svete sovremennoj nauki o jazyke: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii v ramkah V Mezhdunarodnogo festivalja nauki, 19 fevralja 2020 g.* (pp. 51–56). Moscow: Moscow State Regional University. (In Russ.)
- Vol'skaja, N.N. (2018). *Klikbejt kak sredstvo sozdaniya lozhnoj informacii v internet-kommunikacii* [Clickbait as a means of creating false information in Internet communications]. *Mediascope*, 2. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/2450> (In Russ.)
- Gal'perin, I.R. (1981). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka, 138 p. (In Russ.)
- Golev, N.D. (2009). *Obydennoe metajazykovoe soznanie kak ontologicheskij i gnoseologicheskij fenomen (k poiskam «lingvognoseologem»)* [Ordinary metalinguistic consciousness as an ontological and epistemological phenomenon (towards the search for “linguo-gnoseologemes”)]. In *Obydennoe metajazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* (Collective monograph, No. 1, pp. 7–41). Kemerovo, Barnaul: Altai University Publishing House. (In Russ.)
- Golev, N.D. (2008). *Osobnosti sovremenno go obydenno go metajazykovogo soznaniya v zerkale obsuzhdeniya voprosov yazykovogo stroitel'stva* [Features of modern everyday metalinguistic consciousness in the mirror of discussion of issues of

language construction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 3(4), 5–17. (In Russ.)

12. Dobrosklonskaja, T.G. (2006). Mediadiskurs kak ob"ekt lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikacii [Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. 10. Zhurnalistika*, 2, 20–33. (In Russ.)

13. Dugin, A.G. (n.d.). *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. Moscow: Arktogeja, 614 p. (In Russ.)

14. Ivancova, E.V. (2010). O termine "yazykovaya lichnost'": istoki, problemy, perspektivy ispol'zovaniya [About the term "linguistic personality": origins, problems, prospects for use]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 4(12), 24–32. (In Russ.)

15. Karasik, V.I. (2000). Struktura institucional'nogo diskursa [Structure of institutional discourse]. In *Problemy rechevoj kommunikacii: Mezhdvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* (pp. 25–33). Saratov: Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet imeni N.G. Chernyshevskogo. (In Russ.)

16. Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. 477 p. (In Russ.)

17. Karaulov, Ju.N. (2014). *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Knizhnyj dom Librokom, 264 p. (In Russ.)

18. Karaulov, Ju.N., & Petrov, V.V. (1989). Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa [From text grammar to cognitive discourse theory]. In Dejk T. A. van, *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija* (pp. 5–11). Moscow: Progress. (In Russ.)

19. Kim, L.G. (2013). *Variativno-interpretacionnoe funkcionirovanie teksta* [Variable-interpretive functioning of the text]. Moscow: Lenand, 280 p. (In Russ.)

20. Kozhina, H.A. (1988). Zaglavie hudozhestvennogo proizvedeniya: ontologiya, funkcii, parametry tipologii [Title of a work of art: ontology, functions, typology parameters]. In *Problemy strukturnoj lingvistiki* (pp. 167–183). Moscow: Nauka. (In Russ.)

21. Kuznecov, E.S. (2020). *Preuvelichivayushchij zagolovok kak attraktivnyj priem v sportivnyh internet-SMI* [Exaggerating headlines as an attractive device in online sports media]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4(38), 204–210. (In Russ.)

22. Lazareva, Je.A. (2006). Zagolovochnyj kompleks teksta—sredstvo organizacii i optimizacii vospriyatiya [The heading complex of the text is a means of organizing and optimizing perception]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 158–166. (In Russ.)

23. Mel'nik, N.V. (2011). *Derivacionnoe funkcionirovanie russkogo teksta: lingvocentricheskij i personocentricheskij aspekty* [Derivational functioning of the Russian text: linguocentric and personocentric aspects]. [Dis. of Doct. of Philology]. Kemerovo, 403 p. (In Russ.)

24. Rostova, A.N. (2002). Metalingvistika—metayazyk—metatekst [Metalinguistics—metalanguage—metatext]. In *Filologicheskij sbornik* (Vol. 2). Kemerovo: Kompleks Grafika, 145–149. (In Russ.)

25. Savel'eva, I.V. (2019). Internet-komentarij kak vtorichnyj tekst: semioticheskaya model' tekstoporozhdeniya [Internet commentary as a secondary text: a semiotic model of text generation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 21(3), 839–849. (In Russ.)

26. Sanarova, E.G. (2016). Vozmozhnosti transformacii klisheirovannyh vyrazhenij [Possibilities for transforming clichéd expressions]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* (No. 10(64), pp. 2, 145–147). Tambov: Gramota. (In Russ.)

27. Syrov, I.A. (2002). Funkcional'no-semanticheskaya klassifikacija zaglavij i ih rol' v organizacii teksta [Functional-semantic classification of titles and their role in text organization]. In *Filologicheskie nauki* (No 3, pp. 59–68). Tambov: Gramota. (In Russ.)

28. Trubnikova, Ju.V. (2009). K voprosu formirovaniya paradigmy teksta [On the issue of forming a text paradigm]. In *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 27(165), 139–144. (In Russ.)

29. Fateeva, N.A. (2001). Zaglavie i tekst v russkoj poezii konca HKH veka: parallel'naya dinamika [Title and text in Russian poetry of the late twentieth century: parallel dynamics]. In V.P. Grigor'ev & N.A. Fateeva (Eds.), *Tekst. Intertekst. Kul'tura: sbornik dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 4–7 aprelya 2001 g.* (pp. 395–411). Moscow: V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

30. Hjechzhjen', F. (2017). Struktura «Zagolovok—podzagolovok—lid—tekst»: raspredelenie informacii [Structure "Title-subtitle-lead-text": distribution of information]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2(115), 125–128. (In Russ.)

31. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie* [Political linguistics: textbook]. Moscow: Flinta, Nauka, 256 p. (In Russ.)

32. Shejgal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Dis. of Doct. of Philology]. Volgograd, 440 p. (In Russ.)

33. Sheptala, V.S. (2022). Sohranenie attraktivnosti kak problema perevoda reklamnyh tekstov [Maintaining attractiveness as a problem in translating advertising texts]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 7 (2(70)), 114–117. (In Russ.)

34. Shpil'naja, N.N. (2015). Modeli derivacii dialogicheskogo teksta [Models of derivation of dialogical text]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3-1(63), 198–206. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.133.1'42+811.133.1'38
ББК ШП47.11-51+ШП47.11-55

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Елизавета Анатольевна Вдовиченко

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, elizaveta90@mail.ru, SPIN-код: 2345-4832,
<https://orcid.org/0000-0003-0227-3689>

Комментарии детей и подростков на франкоязычные медиатексты со структурой «Diamond» (Бриллиант)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению комментариев, оставленных детьми и подростками в возрасте 10–15 лет на новостные тексты политического характера со структурой «Diamond» (Бриллиант). Материалом исследования стали 50 комментариев на новостные тексты со структурой «Diamond» (Бриллиант), отобранные за период 2013–2023 гг. из франкоязычного журнала «GEOAdo». В ходе исследования были выявлены структурные компоненты текстов, на информацию которых молодые читатели оставляют свои комментарии: «Title» (Заголовок), «Lead» (Вводка); «Background-1» (Фон-1); «Body» (Тело). Также их комментарии могут отражать информацию, представленную одновременно в нескольких структурных компонентах. Дети и подростки оставляют свои комментарии по поводу содержания, не только прямо связанного с новостным текстом, но и косвенно: выражают свое отношение по упомянутым политическим деятелям, объектам или благодарят журнал за предоставленную информацию. Их комментарии обладают большим объемом, состоят из нескольких предложений, так как они обосновывают свою точку зрения, приводя доводы. Все указывает на то, что дети и подростки в возрасте 10–15 лет интересуются новостями политического характера и разбираются в происходящих в стране событиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, франкоязычные СМИ, французский язык, новостной дискурс, политический дискурс, политические новости, новостные тексты, новостные статьи, подростки, дети, детская читательская аудитория, тема политики, франкоязычные журналы, структурные компоненты, общественно-политическая жизнь, «Diamond», «Бриллиант», политические события, освещение событий, новостная информация, понимание информации, комментарии детей, комментарии подростков.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Вдовиченко Елизавета Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин, Институт образования, Кемеровский государственный университет; 650060, Россия, Кемеровская область — Кузбасс, г. Кемерово, ул. Красная, 6; email: Elizaveta90@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вдовиченко, Е. А. Комментарии детей и подростков на франкоязычные медиатексты со структурой «Diamond» (Бриллиант) / Е. А. Вдовиченко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 52–57.

Elizaveta A. Vdovichenko

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, elizaveta90@mail.ru, SPIN code: 2345-4832, <https://orcid.org/0000-0003-0227-3689>

Comments of Children and Teenagers on French-Language Media Texts with the *Diamond* Structured Design

ABSTRACT. The article studies comments left by children and teenagers aged 10 to 15 years old on political news texts with the structure 'Diamond'. The practical research material includes 50 comments on news texts with the structure 'Diamond', selected over the period between 2013 and 2023 from the French-language magazine "GEOAdo". In the course of the study, the author identifies the structural components of the texts that contain information commented upon by young readers: "Title", "Lead"; "Background-1"; "Body". Their comments can also reflect information presented simultaneously in several structural components. Children and teenagers leave their comments not only on the content directly related to the news text, but also on the content indirectly connected with it: they express their attitude towards the political figures and objects mentioned, or thank the magazine for the information provided. Their comments are long and consist of several sentences, as they justify their point of view by giving arguments. Everything indicates that children and teenagers aged 10–15 are interested in political news and understand the current events in the country.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, French-language media, French language, news discourse, political discourse, political news, news texts, news articles, teenagers, children, children's reading audience, political topic, French-language magazines, structural components, socio-political life, "Diamond", political events, event coverage, news information, information understanding, children's comments, teenagers' comments.

AUTHOR'S INFORMATION: Vdovichenko Elizaveta Anatol'evna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Theory and Methods of Teaching Humanities, Institute of Education, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Vdovichenko E. A. (2024). Comments of Children and Teenagers on French-Language Media Texts with the *Diamond* Structured Design. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 52-57. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Интернет стал основным источником информации, люди могут не только читать, смотреть, слушать новости разной тематики, но и оставлять свои комментарии под ними. Комментарий — короткое сообщение, в котором выражается мнение читателя по «сетевому материалу» [Щипицина 2015: 528]. Ученые активно исследуют его коммуникативные [Анненкова и др. 2022; Богачанова 2021; Каюмова, Коноплева 2020; Митягина 2012] и жанровые [Мирзаханова, Колючкина 2018; Стексова 2014; Щипицина 2015; Филиппова 2020] особенности. П. В. Кошель в свою очередь выделил основные критерии интернет-комментария как жанра: синхронность / асинхронность; краткость высказывания; аграмматизм; использование сокращений; возможность не только высказываться на заданную тему, но и обмениваться мнением с другими комментаторами; публичность; анонимность [Кошель 2013]. Ряд других ученых выявили, что комментарий может обладать оценочностью, экспрессивностью, агрессивностью [Алтухова 2012; Асмус 2021; Стексова 2013].

Следует отметить, что в основном исследование посвящено комментариям массовой аудитории без разграничения комментаторов по возрастным, гендерным или каким-то другим параметрам, также комментарии рассматривались отдельно от медиатекста, несмотря на то что медиатекст обладает регулятивной функцией: воздействует на потребителя [Пастухов 2012: 78].

Относительно недавно зарубежные журналисты стали выпускать журналы с новостными текстами, ориентированными на детей и подростков в возрасте от 10 до 15 лет, что является новым и актуальным. Информация в новостных текстах для детей и подростков может быть изложена по разным структурам и оказывать различное влияние на молодых читателей. На сегодняшний день зарубежные ученые выделяют следующие структуры текстов: «Inverted pyramid» (Перевернутая пирамида), «Pyramid» (Пирамида), «Diamond» (Бриллиант), «Martini Glass» (Бокал мартини), «Kebab» (Кебаб), «Hourglass Style» (Песочные часы) [Dai et al. 2018; Gilliespie, Toynbee 2006; Mohapatra 2019; Segel, Heer 2010; Weber 2020].

В связи с этим нами была поставлена цель — изучить особенности комментариев детей и подростков во взаимосвязи с ново-

стным текстом политической тематики со структурой «Diamond» (Бриллиант).

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ

Приемом направленной выборки за период 2012–2023 гг. было отобрано 50 статей политической тематики из франкоязычного журнала «GEOAdo», ориентированного на детей и подростков в возрасте 10–15 лет, среди которых зафиксировано 7 новостных текстов со структурой «Diamond» (Бриллиант) и 50 комментариев, оставленных на них.

В ходе исследования были использованы общенаучные (синтез, анализ) и частнонаучные методы (лексический анализ и элементы качественного контент-анализа).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Структура новостного текста «Diamond» (Бриллиант) имеет следующие структурные элементы: «Title» (Заголовок); «Lead» (Вводка); «Nut graf» (Ключевой абзац); «Subtitle» (Подзаголовки); «Background-1» (Фон-1); «Body» (Тело); «Background-2» (Фон-2) и иногда «Tail» (Хвост), в которых новостная информация раскрывается постепенно от меньшего к большему, а также упоминается в большинстве структурных элементов [Вдовиченко, Каменова 2023]. Данный способ изложения информации может простимулировать молодых читателей оставить свое мнение по новостному тексту.

Рассмотрим комментарии детей и подростков к новостным текстам политического характера со структурой «Diamond» (Бриллиант) и на какие структурные элементы были они даны.

Считается, что «Title» (Заголовок) образует сильную позицию текста, он сразу привлекает внимание читателя [Лукин 2005], в нем заявляется тема медиатекста. После «Title» (Заголовка) идет «Lead» (Вводка), содержащая краткую информацию о новостном событии, о котором рассказывается далее в тексте [Хазагеров, Корнилова 2008]. Два данных структурных элемента новостного текста обладают сильным воздействующим потенциалом: от их содержания зависит, будет ли адресат дальше читать новостной текст или нет. Также анализ детских и подростковых комментариев показал, что данная читательская аудитория активно комментирует информацию, заявленную в «Lead» (Вводке) и иногда в «Title» (Заголовке).

Например, статья имеет «Title» (Заголовок) *Obama à Hiroshima: pour un monde sans armes nucléaires*¹ (*Обама в Хиросиме: за мир без ядерного оружия*), из которого молодой читатель понимает, что в новостном тексте пойдет речь о желании Обамы создать мир на Земле без использования ядерного оружия. В «Lead» (Вводке) подтверждается данная идея: *Barack Obama est devenu le 1er président américain à visiter Hiroshima, la ville détruite par une bombe nucléaire en 1945, à la fin de la 2de guerre mondiale. Une visite symbolique pour le souvenir mais aussi pour appeler à la suppression des armes nucléaires* (*Барак Обама стал первым американским президентом, посетившим Хиросиму, город, разрушенный ядерной бомбой в 1945 году, в конце Второй мировой войны. Символический визит не только для воспоминания, но и для призыва к отмене ядерного оружия*). Молодые читатели отреагировали следующим образом:

- *Je pense que ce serait mieux si on supprimait totalement les armes nucléaires. Si aucun pays en a, il ne peut plus avoir de risques de pertes à cause de ces armes. Sinon, je pense que Barack Obama a quand même été un bon président, surtout si on le compare à Donald Trump* (*Я думаю, было бы лучше, если бы мы полностью отказались от ядерного оружия. Если ни у одной страны нет такого оружия, она больше не боится риска потерь из-за этого оружия. В остальном, я думаю, что Барак Обама все же был хорошим президентом, особенно если сравнивать его с Дональдом Трампом*).

- *Je trouve que c'est un bon choix de président américain pour visiter Hiroshima parce que c'est un symbole de paix. Dans le passé, il ne va pas si bien, mais aujourd'hui, c'est différent heureusement. C'est triste que ce passé, mais nous devons regarder vers le futur. J'espère que ça ne va pas reproduire* (*Я считаю, что это хороший выбор президента США — посетить Хиросиму, так как это знак мира. В прошлом все было не так хорошо, но сегодня, к счастью, все по-другому. Печально, что это произошло, но мы должны смотреть в будущее. Я надеюсь, что это не повторится*).

В комментариях молодых читателей обсуждается информация из «Title» (Заголовка) и «Lead» (Вводки): в первом присутствуют рассуждения о том, как будет хорошо,

если бы все страны отказались от ядерного оружия, к чему и призывает Барак Обама; во втором одобряется шаг Барака Обамы посетить Хиросиму и выражается сожаление о произошедшем.

Основная часть новостного текста начинается со структурного элемента «Background-1» (Фон-1), в котором сообщаются общеизвестные факты и (или) прошлые события, связанные с новостным сообщением [Вдовиченко, Каменева 2023]. В ходе изучения детских и подростковых комментариев были выявлены те, в которых присутствуют размышления об информации из «Background-1» (Фона-1).

Например, в статье *Espagne: à quoi sert le roi?*² (*Испания: для чего нужен король?*) в «Background-1» (Фоне-1) сделан акцент на том, что король не имеет власти: *Comme la reine d'Angleterre, le roi d'Espagne n'a quasiment aucun pouvoir politique. Il est supposé être le chef de l'État mais en fait le pays est gouverné par des hommes politiques élus par les Espagnols* (*Как и королева Англии, король Испании почти не имеет политической власти. Предполагается, что он является главой государства, но на самом деле страной управляют политики, избранные испанцами*); приведены факты, почему ухудшился имидж испанского короля: *Les parties de chasse à l'éléphant de Juan Carlos en Afrique ou les accusations contre sa fille, qui aurait dissimulé une partie de sa fortune pour payer moins d'impôts, ont sali l'image de la famille royale* (*Поездки Хуана Карлоса на охоту на слонов в Африку или обвинения в адрес его дочери, которая якобы скрыла часть своего состояния, чтобы платить меньше налогов, запятнали имидж королевской семьи*). Читатели оставили следующие комментарии по данной информации:

- *Le roi ne sert à rien, il magouille, il tue des éléphants et est en plus super riche alors qu'il ne fait rien...* (*Король бесполезен, он обманывает, он убивает слонов и, кроме того, очень богат, хотя ничего не делает*).

- *je suis d'accord le roi est juste un symbole, il ne sert pas à grand chose et en + il ose faire des dépenses énormes alors que le pays est en crise ceci n'est pas acceptable. Après je peux comprendre que les espagnols soient attachés à leur roi mais il est vrai que l'Espagne doit se mettre à la république* (*я согласен с тем, что король — это про-*

¹ Obama à Hiroshima: pour un monde sans armes nucléaires. 27.05.2016. URL: <https://www.geoado.com/actus/obama-a-hiroshima-pour-un-monde-sans-armes-nucleaires-67361/> (дата обращения: 10.06.2024).

² Espagne: à quoi sert le roi? 08.06.2014. URL: <https://www.geoado.com/actus/espagne-a-quoi-sert-le-roi-26826/> (дата обращения: 15.09.2023).

сто символ, он мало что дает, и к тому же он осмеливается тратить огромные средства, когда страна находится в кризисе, это неприемлемо. После этого я могу понять, что испанцы привязаны к своему королю, но это правда, что Испания должна стать республикой).

В комментариях упоминается охота на слонов и то, что король не имеет власти, то есть, со слов молодых читателей, он ничего не делает, но при этом имеет много денег. Кроме того, во втором комментарии представлена информация из структурного элемента «Body» (Тело), где отмечено, что стране лучше бы поменять форму правления с монархии на республику, но в то же время часть испанцев против этого: *Pour eux, l'Espagne doit devenir une république, comme la France. En clair, le roi ne sert à rien et, en plus, il coûte cher. Mais d'autres Espagnols sont attachés à la monarchie, une tradition qui rappelle le passé prestigieux de l'Espagne quand elle était une formidable puissance maritime il y a 3 siècles (По их мнению, Испания должна стать республикой, как Франция. Понятно, что король бесполезен и к тому же дорог. Но другие испанцы привержены монархии, и эта традиция напоминает о престижном прошлом Испании, когда она была грозной морской державой 3 века назад).*

Встретились комментарии детей и подростков не только на информацию, изложенную в структурных элементах новостного текста политического характера, но и на иллюстративно-изобразительный материал, который представлен между «Title» (Заголовком) и «Lead» (Вводкой).

Например, в статье *États-Unis: Obama veut imposer un contrôle des armes à feu*¹ (США: Обама хочет ввести контроль над оружием) представленное фото-иллюстрация (рис. 1) не осталось без внимания молодого читателя:

• *on apparent a tiré a des enfants. Moi je suis pas d'accort avec cela car ce son des mineurs donc il non pas le droit de touché a des armes pareil. armes et égal a dangé (Учат стрелять детей. Я не согласен с этим, потому что они несовершеннолетние, так что они не имеют права прикасаться к оружию. Оружие равно опасности).*

В данном комментарии приводятся доводы против обучения детей стрельбе, так как это приводит к негативным последствиям.

В ходе исследования детских и подростковых комментариев во взаимосвязи с новостными текстами политического характера со структурой «Diamond» (Бриллиант) были выявлены косвенно связанные с текстом. Таких комментариев насчитывается 29 из 50 оставленных. Молодые читатели, например, могут оставлять свое мнение по упомянутому в новостном тексте политическим деятелям.

Так, в комментариях, оставленных к статье *C'est quoi le Penelope Gate?*² (Что такое врата Пенелопы?), выражается уважение к Франсуа Фийону:

• *J'aime cet homme, je pensais que moralement c'était le plus équilibré, un homme qui a des convictions et qui ne les cache pas... (Я люблю этого человека, я думал, что морально он самый уравновешенный, человек, у которого есть убеждения и который их не скрывает...)*

Рис. 1. Визуализация к статье *Etats-Unis: Obama veut imposer un contrôle des armes à feu*, 05.01.2016

¹ États-Unis: Obama veut imposer un contrôle des armes à feu. 05.01.2016. URL: <https://www.geoado.com/actus/etats-unis-obama-veut-imposer-un-contrôle-des-armes-a-feu-47686/> (дата обращения: 10.06.2024).

² C'est quoi le Penelope Gate? 02.02.2017. URL: <https://www.geoado.com/actus/cest-quoi-le-penelope-gate-87557/> (дата обращения: 10.06.2024).

• *j'ai beaucoup de respect pour cet homme, il dégage la tempérance et la défense de certaines valeurs en pleine perdution dans ce monde agité; Nous sommes un peu touché par le traitement médiatique qui est fait, le candidat subit une grosse pression visant son retrait...* (я очень уважаю этого человека, он излучает сдержанность и отстаивает определенные ценности, которые полностью утрачены в этом беспокойном мире...)

Есть такие комментарии, где молодые читатели благодарят журнал за информацию:

• *j'adore géo ado vous donnez des informations importantes merci pour tous vos magazines!!!* (я люблю géo ado, вы предоставляете важную информацию спасибо за все ваши журналы!!!)

• *Super intéressant cet article, bien vu! Bravo le stagiaire!* (Очень интересная статья, хорошо написана! Bravo, стажер!)

Данные комментарии были оставлены под статьей *Les États-Unis abandonnent (encore) un accord international*¹ (Соединенные Штаты (еще) отказываются от международного соглашения).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования комментариев детей и подростков в возрасте 10–15 лет во взаимосвязи с новостным текстом политической тематики со структурой «Diamond» (Бриллиант) было выявлено, что данная возрастная аудитория оставляет свои комментарии на информацию, изложенную в структурных компонентах «Title» (Заголовок), «Lead» (Вводка), «Background-1» (Фон-1), «Body» (Тело) или одновременно в нескольких структурных элементах. Также можно встретить комментарии, относящиеся к иллюстративно-образительному материалу, расположенному между «Title» (Заголовком) и «Lead» (Вводкой).

Дети и подростки в своих комментариях выражают мнение, приводя доводы (*Moi je suis pas d'accord... car; Je crois que...; je trouve que... parce que; je suis sur que; Je pense que...*), поэтому чаще всего они оказываются большими по объему: состоят из нескольких сложных предложений. Комментарии могут содержать имена собственные политических деятелей (*Felipe; François Fillon; Penelope Fillon; Marine Le Pen; Obama* и др.) или заменяться на имена нарицательные (*le roi, le president; cet homme; une famille*) или личные местоимения (*il, elle*). Также отмечается употребление политических терминов детьми и подростками, которые упоми-

наются в новостном тексте (*une monarchie; la république; l'élection présidentielle*).

Среди комментариев детей и подростков имеются косвенно связанные с содержанием новостного текста. Таких комментариев насчитывается гораздо больше. В них молодые читатели могут писать на отвлеченные темы; выражать свое отношение к политическому деятелю, упомянутому в тексте, или к обсуждаемой ситуации в стране или объекту; могут благодарить журнал за предоставленную информацию.

Следует отметить, что во время комментирования молодые читатели допускают орфографические ошибки (*au canada les arme_sont pas permis; on _ juste besoin de bon leaders capable*) и пропускают знаки препинания (*mais cela ne ce sait pas _ il faudrait vraiment...; Je le comprend _ ça fait flipper de diriger un pays...*), что иногда затрудняет понимание.

Итак, анализ детских и подростковых комментариев показал, что читательская аудитория в возрасте 10–15 лет читает новостные тексты политического характера, изложенные по структуре «Diamond» (Бриллиант), активно участвует в обсуждении информации. Они приводят доводы, обосновывают свою точку зрения, показывая тем самым, что разбираются в происходящих в стране событиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алтухова, Т. В. Коммуникация в социальной компьютерной сети «В Контакте»: жанроведческий аспект : дис. ... канд. филол. наук / Алтухова Т. В. — Кемерово, 2012. — 265 с. — Текст : непосредственный.
2. Анненкова, А. В. Лингвостилистические особенности современной интернет-коммуникации (на материале сетевых комментариев к статье на общественно-политическую тематику) / А. В. Анненкова, Е. А. Таныгина, Р. В. Попадинец. — Текст : непосредственный // Российский лингвистический бюллетень. — 2022. — № 3.
3. Асмус, Н. Г. Аксиологический потенциал интернет-коммуникация как отражение социальных ценностей / Н. Г. Асмус. — Текст : непосредственный // Российские исследования. — 2021. — Т. 2. — № 2. — С. 22–32.
4. Богачанова, Т. Д. Метаязыковые факторы формирования оценочности (на материале интернет-комментариев политического характера) / Т. Д. Богачанова. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2021. — № 9. — С. 122–130.
5. Вдовиченко, Е. А. Новостной франкоязычный текст политической тематики со структурой «Diamond» («Бриллиант») для таргет-групп младшего школьного и младшего подросткового возраста / Е. А. Вдовиченко, В. А. Каменева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6. — С. 57–67.
6. Каюмова, А. Р. Особенности употребления фразеологических единиц в онлайн-комментариях к англоязычным электронным газетным статьям / А. Р. Каюмова, Н. В. Коноплева. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 459. — С. 39–45.
7. Кошель, П. В. Французский интернет-комментарий как речевой жанр / П. В. Кошель. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 10. — С. 80–89.

¹ Les États-Unis abandonnent (encore) un accord international. 08.12.2017. URL: <https://www.geoado.com/actus/etats-unis-abandonnent-accord-international/> (дата обращения: 10.06.2024).

8. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. — 2-е изд. — Москва : Ось-89, 2005. — 560 с. — Текст : непосредственный.

9. Мирзаханова, А. Э. Виды текста комментария и их функции в интернет-пространстве / А. Э. Мирзаханова, Т. Колочкина. — Текст : непосредственный // Университетские чтения — 2018 : мат-лы науч.-метод. чтений ПГУ. — Пятигорск : ПГУ, 2018. — С. 123–128.

10. Митягина, В. А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие / В. А. Митягина. — Текст : непосредственный // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. А. Г. Пастухов. — Орел : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2012. — С. 188–197.

11. Пастухов, А. Г. Медiatekst: стилистическое разнообразие или диффузность свойств? / А. Г. Пастухов. — Текст : непосредственный // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. А. Г. Пастухов. — Орел : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2012. — С. 75–98.

12. Стексова, Т. И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т. И. Стексова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3. — С. 77–81.

13. Стексова, Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Т. И. Стексова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2014. — № 1-2. — С. 81–88.

14. Филиппова, М. П. Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения / М. П. Филиппова. — Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. — 2020. — Т. 30. — № 6. — С. 1049–1054.

15. Хазагеров, Г. Г. Риторика для делового человека : учеб. пособие / Г. Г. Хазагеров, Е. Е. Корнилова. — Москва : Фланта, 2008. — 136 с. — Текст : непосредственный.

16. Щипицина, Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария / Л. Ю. Щипицина. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2015. — Т. 20. — № 2. — С. 528–532.

17. Dai, Z. Fine-grained structure-based news genre categorization / Z. Dai, H. Taneja, R. Huang. — Text : unmediated // Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News. — 2018. — P. 61–67.

18. Gilliespie, M. Narrative analysis, analysing media texts / M. Gilliespie, J. Toynbee. — New York : Open University Press, 2006. — 208 p. — Text : unmediated.

19. Mohapatra, J. P. Bachelor of arts (honors) in journalism & mass communication (BJMC) / J. P. Mohapatra. — Sambalpur : OSOU, 2019. — 34 p. — Text : unmediated.

20. Segel, E. Narrative visualization: telling stories with data / E. Segel, J. Heer. — Text : unmediated // IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics. — 2010. — Vol. 16. — № 6. — P. 1139–1148.

21. Weber, W. Exploring narrativity in data visualization in journalism / W. Weber. — Text : unmediated // Data Visualization in Society / ed. by M. Engebretsen, H. Kennedy. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2020. — P. 295–311.

REFERENCES

1. Altukhova, T.V. (2012). *Kommunikatsiya v sotsial'noy komp'yuternoy seti "VKontakte": zhanrovedcheskiy aspekt* [Communication in the social computer network "VKontakte": genre aspect. Diss. ... Ph.D.]. Kemerovo, 265 p. (In Russ.)

2. Annenkova, A.V., Tanygina, E. A., & Popadinets, R.V. (2022). Lingvostilisticheskie osobennosti sovremennoy internet-kommunikatsii (na materiale setevykh kommentariy k stat'e na obshchestvenno-politicheskuyu tematiku) [Linguostylistic features of modern internet communication (on the material of web comments to the articles on social and political issues)]. In *Russian Linguistic Bulletin*, 3. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.31.17> (In Russ.)

3. Asmus, N.G. (2021). Aksiologicheskii potentsial internet-kommentariya kak otrazheniye sotsial'nykh tsnnostey [The axiological potential of internet comments as a reflection of social values]. In *Rossiiskie issledovaniya*, 2(2), 22–32. (In Russ.)

4. Bogachanova, T.D. (2021). Metazykovye faktory formirovaniya otsenchnosti (na materiale internet-kommentariy politicheskogo kharaktera) [Metalinguistic indicators of the development of evaluativity (based on the internet comments of the

political character)]. In *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 9, 122–130. (In Russ.)

5. Vdovichenko, E.A., & Kameneva, V.A. (2023). Novostnoy frankoyazychnyy tekst politicheskoy tematiki so strukturoy "Diamond" ("Brilliant") dlya target-grupp mladshogo shkol'nogo i mladshogo podrostkovogo vozrasta [French-language political news text with a "Diamond" structured design for target groups of primary school age and younger adolescents]. In *Political Linguistics*, 6, 57–67. (In Russ.)

6. Kayumova, A.R., & Konopleva, N.V. (2020). Osobennosti upotrebleniya frazeologicheskikh edinit v onlayn-kommentariyakh k angloyazychnym elektronnyim gazetnym stat'yam [The peculiarities of the use of idioms in comments to English-language online newspaper articles]. In *Tomsk State University Journal*, 459, 39–45. <https://doi.org/10.17223/15617793/459/4> (In Russ.)

7. Koshel, P.V. (2013). Frantsuzskiy internet-kommentariy kak rechevoy zhanr [French online comment as a speech genre]. In *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 10, 80–89. (In Russ.)

8. Lukin, V.A. (2005). *Khudozhestvennyy tekst: osnovy lingvisticheskoy teorii. Analiticheskiy minimum* [Literary text: foundations of linguistic theory. Analytical minimum] (2nd ed.). Moscow : Os-89, 560 p. (In Russ.)

9. Mirzakhanova, A.E. & Kolyuchkina, T. (2018). Vidy teksta kommentariya i ikh funktsii v internet-prostranstve [Types of commentary text and their functions in the Internet space]. In *Universitetskie chteniya — 2018: mat-ly nauch.-metod. chteniy PGU* [University readings — 2018. Materials of scientific methods PSU readings] (pp. 123–128). Pyatigorsk: PGU Pr. (In Russ.)

10. Mityagina, V.A. (2012). Internet-kommentariy kak kommunikativnoye deystvie [Internet comment as a communicative action]. In A.G. Pastuhov (Ed.), *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. trudov* [Genres and types of text in scientific and media discourse: interuniversity collection of scientific papers] (pp. 188–197). Oryol: Oryol State Institute of Culture Pr. (In Russ.)

11. Pastukhov, A.G. (2012). Mediatekst: stilisticheskoe raznoobrazie ili diffuznost' svoystv? [Media text: stylistic diversity or diffuse features?]. In A.G. Pastuhov (Ed.), *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. trudov* [Genres and types of text in scientific and media discourse: interuniversity collection of scientific papers] (pp. 75–98). Oryol: Oryol State Institute of Culture Pr. (In Russ.)

12. Steksova, T.I. (2013). Rechevaya agressiya v internet-kommentariyakh kak proyavlenie sotsial'noy napryazhennosti [Verbal aggression in internet comments as manifestation of social tension]. In *Political Linguistics*, 3, 77–81. (In Russ.)

13. Steksova, T.I. (2014). Kommentariy kak rechevoy zhanr i ego variativnost' [Comment as a speech genre and its variability]. In *Speech genres*, 1-2, 81–88. (In Russ.)

14. Filippova, M.P. (2020). Internet-kommentariy i soobshchenie na internet-forume: parametry zhanrovogo razgranicheniya [Online comment and message on the internet forum: differentiation parameters of genres]. In *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 30(6), 1049–1054. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-6-1049-1054> (In Russ.)

15. Khazagerov, G.G., & Kornilova, E.E. (2008). *Ritorika dlya delovogo cheloveka: uchebnoye posobie* [Rhetoric for a business person] [Textbook]. Moscow: Flinta, 2008, 136 p. (In Russ.)

16. Shchipsina, L.Yu. (2015). Zhanrovyy status setevogo kommentariya [Genre status of an online comment]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 20(2), 528–532. (In Russ.)

17. Dai, Z., Taneja, H., & Huang, R. (2018). Fine-grained structure-based news genre categorization. In *Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News*, 61–67.

18. Gilliespie, M., & Toynbee, J. (2006). *Narrative analysis, analysing media texts*. New York: Open University Press, 208 p.

19. Mohapatra, J.P. (2019). *Bachelor of arts (honors) in journalism & mass communication (BJMC)*. Sambalpur: OSOU, 34 p.

20. Segel, E., & Heer, J. (2010). Narrative visualization: telling stories with data. In *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics*, 16(6), 1139–1148. <https://doi.org/10.1109/TVCG.2010.179>

21. Weber, W. (2020) Exploring narrativity in data visualization in journalism. In M. Engebretsen, H. Kennedy (Eds.), *Data Visualization in Society* (pp. 295–311). Amsterdam: Amsterdam University Press. https://doi.org/10.5117/9789463722902_ch18

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.11221'42+811.112.2'38
ББК ШП43.24-51+ШП43.24-55

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8; 5.9.6 (германские языки)

Людмила Георгиевна Виниченко^{1✉}, Екатерина Игоревна Петрова^{2✉}

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ lvin@sfnu.ru[✉], SPIN-код: 3832-8750, <https://orcid.org/0000-0003-4187-9974>

² eipetrova@sfnu.ru[✉], SPIN-код: 3944-5641, <https://orcid.org/0000-0003-2421-1729>

Реализация стратегии уклонения от ответа на материале политических интервью канцлера Германии Олафа Шольца

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей взаимодействия участников коммуникации в рамках медиаполитического дискурса, который определяется заданной социальной ситуацией, социальными ролями коммуникантов, условиями и обстоятельствами их взаимодействия. Роль политика накладывает определенные рамки на его речевое поведение и обязывает демонстрировать готовность к кооперации, что часто довольно затруднительно, особенно когда ему предлагаются «неудобные» вопросы. В таких случаях политик стремится уклониться от ответа, чтобы избежать конфликта и сохранить общий доброжелательный тон общения.

Цель настоящей статьи — выявить специфические особенности реализации стратегии уклонения от прямого ответа канцлером Германии О. Шольцем. Данная стратегия характеризуется стремлением говорящего к бесконфликтному речевому взаимодействию. В то же время он имплицитно демонстрирует нежелание делиться запрашиваемой информацией. На материале десяти интервью с канцлером выявлены и описаны индивидуальные предпочтения политика в использовании тактик стратегии уклонения от прямого ответа. Активно используемыми тактиками стратегии выступают тактика смены фокуса, тактика положительной самопрезентации и тактика дистанцирования. В ходе анализа практического материала были выявлены и другие тактики, реализуемые О. Шольцем в интервью: апелляция к будущему, отсылка к авторитетам, тактика скрытой агрессии, обращение к предшествующему опыту и тактика извинения и сожаления.

Проанализированные примеры демонстрируют, что стратегия уклонения от прямого ответа реализуется имплицитно. Политик избегает прямого ответа на поставленный вопрос, что ведет к нарушению правил общения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, политическая риторика, политическое интервью, политические деятели, речевые жанры, речевое поведение, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, речевая деятельность, уклонение от ответа, некооперативное речевое взаимодействие, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, немецкий язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Виниченко Людмила Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Южный федеральный университет; 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; email: lvin@sfnu.ru.

Петрова Екатерина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Южный федеральный университет; 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42; email: eipetrova@sfnu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Виниченко, Л. Г. Реализация стратегии уклонения от ответа на материале политических интервью канцлера Германии Олафа Шольца / Л. Г. Виниченко, Е. И. Петрова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 58–66.

Ljudmila G. Vinichenko^{1✉}, Ekaterina I. Petrova^{2✉}

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ lvin@sfnu.ru[✉], SPIN code: 3832-8750, <https://orcid.org/0000-0003-4187-9974>

² eipetrova@sfnu.ru[✉], SPIN code: 3944-5641, <https://orcid.org/0000-0003-2421-1729>

Realization of the Strategy of Question Dodging on the Material of Political Interviews of German Chancellor Olaf Scholz

ABSTRACT. The article examines the distinctive features of interaction between the participants of communication within the context of media-political discourse, which is shaped by the current social situation, the social roles of communicators, and the conditions and circumstances of their interaction. The role of a politician imposes certain limits on their speech behavior and obliges them to demonstrate readiness for cooperation, which is often quite difficult, especially when they are offered 'uncomfortable' questions. In such cases, the politician tends to evade answering in order to avoid conflict and maintain a friendly tone of communication.

In English-language sociolinguistics, the strategy of avoidance of answering a question has received the name "question dodging". This article aims to identify the specific features of the strategy of question dodging employed by German Chancellor O. Scholz. This strategy is characterized by the speaker's aspiration to conflict-free speech interaction and his implicit demonstration of unwillingness to share the requested information. Based on the material of ten interviews with the

Chancellor, the individual preferences of the politician in the use of the tactics of the strategy of question dodging have been revealed and described. The politician most actively uses the tactics of changing the focus, the tactics of positive self-presentation and the tactics of distancing. The analysis of the practical material has also revealed other tactics realized by O. Scholz in his interviews: talking about the future, reference to authorities, tactics of hidden aggression, turn to previous experience, and tactics of apology and regret.

The examples under analysis demonstrate that the strategy of question dodging is realized implicitly. The politician avoids giving a direct answer to the question posed, which leads to a violation of the rules of communication.

KEYWORDS: political discourse, political texts, political rhetoric, political interview, politicians, speech genres, speech behavior, communication strategies, communication tactics, speech, avoidance of answering a question, non-cooperative speech interaction, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, German language.

AUTHOR'S INFORMATION: Vinichenko Lyudmila Georgievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of German Philology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Petrova Ekaterina Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of German Philology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

FOR CITATION: Vinichenko L. G., Petrova E. I. (2024). Realization of the Strategy of Question Dodging on the Material of Political Interviews of German Chancellor Olaf Scholz. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 58-66. (In Russ.).

Интерес к изучению влияния языка, социальной коммуникации приводит к развитию в 60-х — начале 70-х гг. концепции нового для того времени понятия «дискурс», представляющего собой довольно обширное явление междисциплинарного характера. Дискурс — термин, употребляемый в различных значениях, поскольку понимание данного явления определяется областью использования, предметом или же контекстом. В современной лингвистике нет единой дефиниции этого понятия.

Анализ концепций исследователей и лингвистов позволяет сделать вывод, что определение термина «дискурс» в лингвистике сводится к следующим составляющим:

– дискурс не может быть ограничен только текстовым полем или речевой ситуацией, так как он социален и включает в себя как лингвистические, так и нелингвистические факторы,

– дискурс функционирует в пределах определенной социальной ситуации и включает участников с их социальными установками, ролями и целями.

В. И. Карасик вводит понятие институционального (статусно-ориентированного) дискурса, отмечая, что данный вид дискурса понимается как «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений и выделяется на основании двух признаков: цель и участники общения» [Карасик 2000: 6–7]. Типы институционального дискурса весьма разнообразны, как и сами сферы человеческой деятельности: административный, дипломатический, политический, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, спортивный, массово-информационный, научный и т. д. Среди различных типов дискурса наиболее интенсивно развивающимся в последнее время выступает политический дискурс, существ-

ующий в неразрывной связи с общественно-политической жизнью страны и элементами ее культуры.

Опираясь на работу лингвиста Е. И. Шейгал, можно определить политический дискурс как «любое речевое образование, которое относится к сфере политики». Семиотика политического дискурса должна изучаться в социальном контексте, где происходит акт политической коммуникации, а также рассматриваться через систему вербальных и невербальных знаков [Шейгал 2004].

В поле нашего интереса попадает политический массмедиа-дискурс, который мы рассматриваем как точку пересечения политического и массмедийного дискурсов. Мы разделяем мнение Е. И. Шейгал о том, что политический дискурс является «массмедийным по своей природе, так как политика — единственная профессиональная сфера, общение в которой изначально ориентировано на массового адресата» [Шейгал 2004: 29].

Сегодня данный тип дискурса выступает в качестве главного канала политической коммуникации, что обуславливает тенденцию к тесному переплетению политического общения с дискурсом СМИ [Шейгал 2000: 81]. И здесь речь идет не только о пересечении политического и массмедиа-дискурсов, но и об их зависимости друг от друга, так как, например, СМИ являются не только источником реализации политического дискурса, но фактически интерпретаторами и непосредственно влияют на содержание передаваемой общественно-политической информации, на суть сообщения, обслуживая те или иные группы интересов.

Ключевую роль в медиаполитическом дискурсе играет регулятивная функция, сущность которой заключается в воздействии на аудиторию с целью управления ее сознанием, поведением и деятельностью [Шейгал

2000: 48]. Политический дискурс направлен на то, чтобы сформировать определенную политическую реальность в сознании общества, мобилизовать людей, побудить их на какие-либо действия.

Жанровое пространство политического дискурса также разнообразно. Наиболее подробная систематизация жанров политического медиадискурса представлена в работе Е. И. Шейгал [Шейгал 2000].

Если рассматривать политический дискурс как поле реализации не только лингвистической, но и социальной составляющей, то следует признать, что любой политический текст составляется с учетом «правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 1991: 6]. С учетом основной интенции коммуникативного поведения любого политика, а именно борьбы за власть, любая политическая дискуссия становится для политика средством защиты своих интересов в конкретной ситуации общения.

Жанр политического интервью входит в перечень достаточно активно используемых видов политического дискурса, при этом исследователи признают, что «сегодня политическое интервью чаще, чем иные жанры, используется в рамках политического дискурса» [Романенко 2017: 69]. Политическое интервью считается вторичной и в то же время «наиболее частотной событийной жанровой формой во всех видах политического дискурса» [Чащина 2013: 61] и определяется, в частности Е. Шейгал, как «разговоры о политике» [Шейгал 2000: 245].

Н. И. Лавринова в качестве основных особенностей политического интервью называет также персуазивность, полисубъектность, диалогичность, адресованность, двусубъектный характер, информативность, оценочность, институциональность, спонтанность, авторство [Лавринова 2009].

Специфику политического интервью представляет уже упоминавшаяся выше социальная составляющая, реализуемая в четком распределении ролей собеседников, где задача журналиста — максимально «раскрыть» своего визави, в то время как все усилия политика направлены на убеждение в правильности своих действий. Специфической чертой политического интервью является также его принадлежность как к политическому дискурсу, так и к дискурсу СМИ, что, в свою очередь, расширяет рамки диалогичности жанра политического интервью, включая в него потенциального читателя/слушателя. Эта характерная особенность политического интервью может быть обозначена как «вектор адресованности» (А. М. Ча-

щина), суть которой проявляется в транслитерации текста интервью через СМИ огромной аудитории с целью раскрыть через речевое поведение «человека, претендующего на власть» [Романенко 2017: 72]. Именно он, получатель информации, его сознание, поведение и будущая деятельность являются приоритетной целью политика, которую он стремится реализовать, в первую очередь посредством языка.

В отношении политического интервью допускается сравнение с театральной постановкой, где обязательным компонентом выступает диалог посредством вопросов и ответов, предназначенный исключительно для воздействия на публику.

Следующей специфической чертой политического интервью является его, в некотором роде, противоречивая коммуникативная установка. С одной стороны, журналист должен создать и в ходе беседы сохранить акт коммуникации, избегая конфронтации, с другой стороны, его задача — адресовать политику именно те социально «острые» вопросы, ответы на которые ждет читатель. Данное обстоятельство требует от журналиста определенной подготовки, умения затронуть наиболее значимые социальные проблемы, не случайно распространено мнение, что «самые удачные вопросы в политическом интервью — это неудобные вопросы, но тактичные и не оскорбляющие личность спрашиваемого» [Романенко 2018: 30]», то есть позволяющие политику сохранить его «политическое лицо». В то же время основной целью интервью для любого политика является манипулятивное воздействие на массовую аудиторию с целью «понравиться народу» [Паршина 2005: 7], а значит удержать власть.

Ярко выраженная манипулятивная специфика политического интервью обнаруживается в речевом воздействии на адресата с целью изменения его картины мира, поведения, эмоционального состояния, формирования определенных образов и усвоения определенных установок, призыва к совершению/несовершению им определенных действий.

Речевое воздействие в речевом поведении политика реализуется в разнообразных коммуникативных стратегиях и тактиках. Под коммуникативной стратегией следует понимать часть коммуникативного взаимодействия посредством комплекса вербальных и невербальных средств, протекающее по известным коммуникантам правилам [Кашкин 2000; Lewandowski 1994]. По мнению О. Н. Паршиной, коммуникативная стратегия может быть охарактеризована как «определенная направленность речевого поведения в дан-

ной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Паршина 2005: 7]. В рамках политического общения политик вынужден представлять «адресату новые знания, новые представления, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу» [там же].

Коммуникативная стратегия состоит из различных тактик — конкретных приемов для достижения целей общения в конкретной ситуации. Коммуникативная тактика соотносится не с самой целью, а с набором коммуникативных намерений и рассматривается как «совокупность практических ходов линии речевого поведения в реальном процессе речевого взаимодействия» [Матвеева, Ленец, Петрова 2023: 83]. Успешность результата коммуникации зависит от использования и сочетания стратегий и тактик и от владения участниками речевого акта коммуникативными компетенциями.

Тактика, в свою очередь, включает в себя основные коммуникативные ходы, используемые адресантом для достижения поставленной цели.

Коммуникативные стратегии и тактики ситуативно обусловлены.

Исследователи в области лингвистики коммуникации связывают стратегию ухода от прямого ответа с конвенциализированностью речевого этикета в рамках дипломатического сценария [Головаш 2008: 5; Гнездилова 2013: 3]. Л. Б. Головаш на материале художественных произведений британских и американских авторов выделяет двенадцать тактик, наиболее предпочтительными автор называет тактику повторов и переспросов, тактику задержки ответа, тактику обобщения [там же: 6].

Интерес к области политической лингвистики в целом побудил исследователей к рассмотрению стратегий и тактик уклонения от ответа в политической коммуникации. Такой способ коммуникации В. И. Космодемьянская относит к «непрямой коммуникации». Так, на материале брифинга Госдепартамента США 3 февраля 2022 г. автор рассматривает тактики представителя Госдепартамента Неда Прайса в целях уклонения от «неудобных» вопросов журналиста. В целом автор выделяет десять тактик уклонения, среди которых, согласно исследованию, Нед Прайс чаще всего прибегает к тактикам повторения сказанного и затягивания ответа.

Анализируя стратегию уклонения в политическом интервью, И. Иньиго-Мора и К. Деллджорджи устанавливают, что политик, в данном случае британский премьер-министр Тони Блэр, в интервью разным журналистам использует девять основных тактик «неотве-

тов», а именно: 1) игнорирует вопрос; 2) признает вопрос, не отвечая на него; 3) подвергает вопрос критике; 4) отказывается от ответа и др. [Иньиго-Мора 2007: 84–85].

Китайский лингвист Лу Тинтин сравнивает тактики уклонения от ответа на материале русскоязычных и китайских политических интервью и приходит к выводу, что данная стратегия активно используется политиками обеих стран, при этом «предпочитаются имплицитные тактики уклонения, среди которых самыми частотными являются тактика несоответствующего ответа и смещения фокуса внимания» [Лу Тинтин 2016: 66].

Обзор обозначенных выше работ показывает, что в ходе политического интервью политикам приходится довольно часто прибегать к стратегии ухода от ответа, реализуя данную стратегию посредством ряда тактик. В то же время каждый политик как отдельная языковая личность пользуется «своим» набором тактик, отдавая предпочтения тем, «которые непосредственно связаны с системой ценностей адресанта, а также его целями, убеждениями, установками и интенциями» [Космодемьянская 2023: 64].

Материалом проведенного нами исследования послужили десять интервью канцлера Германии Олафа Шольца (Olaf Scholz), отобранных с официального сайта канцлера ФРГ (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de>), за период с апреля 2022 г. по апрель 2024 г. Материалы интервью размещены в разделе «Interviews und Gastbeiträge des Bundeskanzlers» и охватывают широкий круг актуальных тем внутренней и внешней политики Германии.

В ходе анализа интервью основное внимание уделялось тактикам, которые использовал канцлер Германии О. Шольц в общей реализации стратегии уклонения от прямого ответа. Для данной стратегии характерны такие формы проявления, как некатегоричность, эмоциональная сдержанность, неконфликтность, т. е. в целом комплекс речевых действий, направленных на бесконфликтное решение коммуникативной задачи.

Уклонение/уход от ответа рассматривается некоторыми учеными как тактика одной из митигативных стратегий (стратегия смягчения оценки), выступает инструментом минимизации коммуникативных рисков и нацелено на кооперативное взаимодействие коммуникантов [Каракулова 2016: 13].

В проанализированных интервью стратегия уклонения от прямого ответа была реализована канцлером Германии О. Шольцем 48 раз. Для анализа выбранной стратегии мы воспользовались тактиками, выделенными В. И. Космодемьянской на материале

американского политического дискурса [Космодемьянская 2023]. Проведенный нами анализ политических интервью позволил выявить индивидуальные предпочтения в использовании тактик исследуемой стратегии канцлером Германии. Так, выяснилось, что наиболее часто О. Шольц прибегает к таким тактикам, как смена фокуса (15), положительная самопрезентация (15), дистанцирование (6). В большинстве случаев эти тактики реализуется вместе с тактикой затягивания ответа. Менее часто в ответах канцлер использует тактику апелляции к будущему (5), отсылки к авторитетам (3), тактику скрытой агрессии (3), обращение к предшествующему опыту (3) и тактику извинения и сожаления (1).

Приведем примеры реализации перечисленных тактик О. Шольцем.

Так, в интервью надрегиональной ежедневной газете **taz** (die Tageszeitung) корреспондент задает вопрос о том, не следует ли Западу активнее добиваться переговоров и компромиссов.

Dafür spricht derzeit nicht viel. Die Ukraine ist militärisch in der Defensive. Die russische Kriegswirtschaft ist stabil. Sollte der Westen nicht stärker auf Verhandlungen und Kompromisse drängen?

Scholz: *Ich habe immer gesagt, dass Russland diesen Krieg nicht gewinnen darf. Und schnell war klar, dass dies kein kurzer Krieg werden würde. Wir werden noch lange Waffen und Munition an die Ukraine liefern müssen* (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/scholz-interview-in-der-taz-2270696>).

Канцлер Германии не дает однозначного ответа на поставленный вопрос, смещает, однако, фокус на вопрос вооруженного конфликта на Украине в целом и высказывает свое мнение о том, что Россия не должна выиграть в этих боевых действиях (*diesen Krieg nicht gewinnen darf*), которые будет долгими (*kein kurzer Krieg*). Для достижения этой цели Германия, а может, и все западные страны, поддерживающие Украину (канцлер использует личное местоимение *мы — wir*), будут еще долго поставлять оружие и боеприпасы на Украину. Уклоняясь от прямого ответа на вопрос, О. Шольц дает, однако, понять, что Запад в переговорах не заинтересован.

В интервью газете **Handelsblatt** речь идет об экономической ситуации в Германии. Журналист вспоминает, что у Ангелы Меркель (Angela Merkel) на посту канцлера всегда была полная касса (*eine volle Kasse hatte*), чем нынешний канцлер похвастаться не может (*ein Kanzler knapper Kassen*), и интересуется, как О. Шольц планирует добиться

изменения в менталитете избирателей для принятия новой реальности.

Während Angela Merkel als Bundeskanzlerin stets eine volle Kasse hatte, werden Sie eher wieder ein Kanzler knapper Kassen sein, wie der aktuelle Streit um den Haushalt zeigt, der sogar verschoben werden musste. Wie wollen Sie den Mentalitätswandel hinbekommen?

Scholz: *Nach Jahren, in denen wir, wie geschildert, große Finanzmittel eingesetzt haben, um Krisen abzuwehren, ist es wenig verwunderlich, dass es nun für viele eine Umstellung ist, mit weniger Geld auszukommen, und es Gesprächsbedarf gibt. Gleichzeitig hat diese Koalition bereits eine Menge Reformen auf den Weg gebracht. Als Beispiel möchte ich nur erwähnen, dass wir mit der Anhebung des Mindestlohns auf zwölf Euro, der Reform bei der Sozialversicherung und beim Wohngeld die Einkommen insbesondere von Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmern mit geringem Einkommen so stark verbessert haben wie wohl keine Bundesregierung zuvor* (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-kanzler-handelsblatt-2252216>).

И в этом примере канцлер не дает прямого ответа на поставленный вопрос. Вместо этого переходит к подробному перечислению достижений действующей коалиции, которая инвестировала крупные суммы в экономику для преодоления кризиса, реализовала большое количество необходимых реформ, таких как повышение минимальной оплаты труда, реформа социального страхования и другие. Тем самым О. Шольц пытается создать положительный образ коалиции и своего правительства, особо отмечая, что так много положительного не сделало ни одно правительство до этого (*so stark verbessert haben wie wohl keine Bundesregierung zuvor*). Говоря от имени коалиции, канцлер использует личное местоимение *мы — wir*, имплицитно давая понять, что это и его личное достижение. Таким образом, в данном примере мы отмечаем одновременную реализации тактики смещения фокуса и тактику положительной самопрезентации.

В следующий раз канцлер уклоняется от ответа посредством тактики дистанцирования. Журналист газеты **WAZ** (Westdeutsche Allgemeine Zeitung) спрашивает политика о том, что бы он сказал молодой паре, которая не уверена в том, что им следует иметь детей, учитывая мировую ситуацию.

Wenn Sie auf die existenziellen Krisen blicken und auf die Welt, in der wir leben: Was sagen Sie eigentlich einem jungen Paar, das sich unsicher ist, ob es Kinder in diese Welt setzen soll?

Scholz: *Aus meiner Sicht sollte sich der Staat zu einer solch privaten Frage nicht äußern.*

Die Frage richtet sich an Olaf Scholz (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/kanzler-interview-waz-2252150>).

Несмотря на то, что корреспондент использует вежливую форму и личное местоимение *Sie* — *Sie*, канцлер Германии игнорирует обращение к нему лично, оставляя поставленный вопрос без прямого ответа. В то же время указывает, что, как он считает, государство (*der Staat*) не должно отвечать на такие личные вопросы. И даже после того, как журналист уточняет, что вопрос адресован лично Олафу Шольцу, ответа не последовало.

В качестве одной из тактик уклонения от ответа канцлер Германии использует тактику апелляции ко времени, в основном к будущему. Отвечая на вопрос журналиста о ситуации с ценой на электроэнергию, О. Шольц не дает никаких объяснений, а ограничивается лишь обещанием разобраться в сложившейся ситуации:

Soll die Strompreisbremse auch rückwirkend gelten? Es sind ja schon sehr hohe „Zufallsgewinne“ erzielt worden.

Scholz: *Das wird rechtlich zu prüfen sein. Vor allem geht es um die künftigen Regelungen. Denn die Krise wird uns ja leider noch einige Zeit begleiten* (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/kanzler-interview-faz-2252192>).

В ответе канцлера доминирует будущее время (*Futurum*), а лексические включения *künftige*, *noch einige Zeit* указывают на смещение времени решения актуальной проблемы на неопределенное будущее.

Тактику апелляции к будущему можно назвать одним из наиболее явных способов уклонения от ответа. Даже в рамках такого неконфликтного характера общения, как политическое интервью, журналист бывает вынужден выразить протест против данного способа уклониться от ответа посредством уточняющего вопроса:

Wann wäre es sinnvoll, wieder mit Putin zu reden?

Scholz: *Wenn es so weit ist.*

Das ist wann? (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/scholz-interview-in-der-taz-2270696>).

Очевидно, что уточняющий вопрос *Das ist wann?* — *это когда?* — следует рассматривать в данном случае как способ нейтрализовать используемую политиком тактику, поскольку фраза *wenn es so weit ist* — *когда до этого дойдёт* не является ответом на поставленный вопрос. В отдельных случаях для уклонения от ответа политик обращает-

ся к данной тактике, однако с противоположным вектором времени, апеллируя к прошлому. Упоминание о давности является для политика фактически способом уклонения от ответа:

Den ukrainischen Präsident Wolodymyr Selenskyj haben Sie in jüngster Zeit häufig getroffen. Sie sind jetzt auch per Du. Wer von Ihnen hat es dem anderen eigentlich angeboten?

Scholz: *Das ist jetzt schon seit längerem der Fall...*

... normalerweise macht das ja der Ältere, also Sie.

Scholz: *Wir verstehen uns beide gut, das ist für alle sichtbar* (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-kanzler-koelner-stadt-anzeiger-2252164>).

Не желая отвечать на поставленный вопрос, О. Шольц говорит о давности сложившегося общения — *seit längerem* — и даже после «наводящего» вопроса журналиста уклоняется от ответа, смещая фокус не на способ обращения — *du* или *Sie*, а на характер общения — *wir verstehen uns beide gut*.

Другой тактикой уклонения от ответа в интервью О. Шольца является тактика отсылки к авторитетам. Так, перед поездкой в Китай О. Шольц заявляет, что намерен обсудить там некоторые вопросы, по которым между Германией и Китаем имеются разногласия, однако не называет их конкретно. При этом, как представляется, оправдывает свою поездку в Китай тем, что так же поступала и его предшественница, т. е. канцлер А. Меркель (A. Merkel).

При всей конвенциональности «постановки» политического интервью, предполагающего коммуникацию без конфронтации, журналисту зачастую приходится задавать «острые», неприятные для политика вопросы. Интервью с О. Шольцем не являются исключением. В таких случаях политик использует тактику уклонения от ответа со скрытой агрессией. В интервью газете **Kölner Stadt-Anzeiger** канцлер Германии О. Шольц хотя и в вежливой форме, но фактически отказывается отвечать на вопрос, указав журналисту на его несоответствующий данному вопросу профессиональный статус:

Wo und wie werden dann die 20 Milliarden gespart?

Scholz: *Ich verstehe Ihr Interesse, aber Sie sind leider nicht Mitglied der Bundesregierung* (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-kanzler-koelner-stadt-anzeiger-2252164>).

Наряду с обозначенными тактиками в интервью О. Шольц в качестве ответа на поставленный вопрос обращается к тактике

изложения прошлого опыта. Данная тактика используется политиком в следующем фрагменте интервью:

Der Staat greift mit dem jüngsten Entlastungspaket kräftig in Marktmechanismen ein. Die SPD ist zwar nicht dafür bekannt, dass sie damit Schwierigkeiten hat. Aber wie stehen Sie selbst dazu?

Scholz: *Schon seit dem Godesberger Programm aus dem Jahr 1959 heißt es bei der SPD: So viel Markt wie möglich. Das wird Ihnen nicht entgangen sein.*

Nein, das ist es nicht. Aber bei Formulierungen wie „so viel wie möglich“ ist vieles möglich (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/kanzler-interview-faz-2252192>).

Ведущий интервью журналист с иронией замечает, что государство в лице правящей партии вмешивается в рыночные механизмы и хочет услышать личное мнение канцлера по данному вопросу. Однако вместо ответа от первого лица политик «уходит» в историю партии — *seit dem Godesberger Programm aus dem Jahr 1959* — и представляет ее последовательной сторонницей рыночных отношений. Журналист вынужден реагировать на «маневр» политика уклониться от ответа, использующего в том числе семантически размытые формулировки — *so viel wie möglich*.

Тактикой, которая встретила в проанализированном материале только один раз, является тактика сожаления. Вопрос журналиста касается современного военного конфликта между Израилем и Палестиной, в ходе которого погибают мирные жители.

Würde die Bundesregierung weitere 30.000 getötete Zivilisten hinnehmen?

Scholz: *Wir trauern um alle zivilen Opfer — und sind im ständigen Gespräch mit Israel* (URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/scholz-interview-in-der-taz-2270696>).

Канцлер Германии О. Шольц не дает ответа на вопрос, примет ли федеральное правительство еще 30 000 погибших среди мирного населения, а выражает сожаление, используя глагол *скорбеть* (*wir trauern*), и тут же добавляет, что он и его правительство (*мы — wir*) находятся в постоянном диалоге с Израилем, пытаясь, таким образом, показать, что они пытаются повлиять на ситуацию. И в этом примере мы наблюдаем попытку положительной самопрезентации.

Проведенный нами анализ политических интервью канцлера Германии Олафа Шольца показал, что при всей конвенциональности реализации «сценария» интервью ведущим СМИ, канцлеру неизбежно приходится сталкиваться с острыми, крайне неудобными для него вопросами. Однако дискурсивное поведение интервьюируемого политика

предполагает кооперативную форму общения и, следовательно, необходимость отвечать на любой заданный вопрос. Опасаясь «разонравиться народу», политик вынужден применять стратегию уклонения от прямого ответа. Исследования в этом направлении показали, что данной стратегией пользуются все политики, однако тактики, используемые каждым из них, имеют черты «авторских» и обнаруживают определенные предпочтения.

Проведенный нами анализ десяти интервью канцлера Германии Олафа Шольца показал, что политик довольно часто прибегает к стратегии уклонения от ответа — выявлено 48 «неответов». Для реализации указанной стратегии канцлер Германии наиболее часто прибегает к таким тактикам, как смена фокуса и положительная самопрезентация, реже к тактике дистанцирования. Кроме указанных, политик использует также тактику апелляции к будущему, отсылки к авторитетам, тактику скрытой агрессии, обращения к предшествующему опыту и тактику извинения и сожаления.

Активное использование канцлером Германии тактик стратегии ухода от ответа следует рассматривать как проявление неискренности или псевдокооперативного поведения в коммуникативной ситуации политического интервью.

ИСТОЧНИКИ

1. Kanzler Scholz im Interview mit der WAZ „Respekt von der Lebensleistung der Bürgerinnen und Bürger“ // WAZ Samstag, 3. September 2022. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/kanzler-interview-waz-2252150> (date of access: 10.09.2022). — Text : electronic.
2. Kanzler Scholz im Interview mit der FAZ „Wenn wir als Land zusammenhalten, werden wir durch diese Zeit kommen“ // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 7. September 2022. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/kanzler-interview-faz-2252192> (date of access: 14.09.2022). — Text : electronic.
3. Interview des Kanzlers Scholz mit der Funke-Mediengruppe „Einen Diktatfrieden zu russischen Bedingungen darf es nicht geben“ // Funke Mediengruppe 8. Dezember 2022. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/einen-diktatfrieden-zu-russischen-bedingungen-darf-es-nicht-geben--2252360> (date of access: 18.10.2022). — Text : electronic.
4. Interview des Kanzlers Scholz mit der Süddeutschen Zeitung „Putin, beenden Sie diesen Krieg“ // Süddeutschen Zeitung 17. Dezember 2022. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/-putin-beenden-sie-diesen-krieg--2252362> (date of access: 25.12.2022). — Text : electronic.
5. Interview des Kanzlers Scholz mit der BILD-Zeitung „Es zerreißt einem das Herz. Unglaublich viele Kinder, Frauen und Männer sind gestorben“ // BILD 24. Februar 2023. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-bild-2252230> (date of access: 28.02.2023). — Text : electronic.
6. Interview des Kanzlers Scholz mit dem Handelsblatt „Alle Untergangs-Propheten haben sich geirrt“ // Handelsblatt, 17. März 2023. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-kanzler-handelsblatt-2252216> (date of access: 24.03.2023). — Text : electronic.
7. Interview des Bundeskanzlers mit der Rhein-Zeitung „Wir müssen Mut haben“ // Rhein Zeitung, 3. Mai 2023. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-kanzler-rhein-zeitung-2252198> (date of access: 12.05.2023). — Text : electronic.

8. Interview des Kanzlers Scholz mit dem Kölner Stadt-Anzeiger „Mir geht es um Respekt“ // Kölner Stadt-Anzeiger. 26. Mai 2023. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-kanzler-koelner-stadt-anzeiger-2252164> (date of access: 30.05.2023). — Text : electronic.

9. Bundeskanzler im Gespräch mit der taz „Wir werden noch lange Waffen liefern“ // taz. 13. April 2024. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/scholz-interview-in-der-taz-2270696> (date of access: 20.04.2024). — Text : electronic.

10. Bundeskanzler Scholz im Gespräch mit der „Yonhap News Agency“ „Es gilt die Stärke des Rechts, nicht das Recht des Stärkeren“ // 21. Mai 2023. — URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/yonhap-news-agency-scholz-2252166> (date of access: 03.07.2024). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — Москва : Знание, 1990. — 63 с. — Текст : непосредственный.

2. Демьянков, В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1982. — Т. 41. — № 4. — С. 327–337.

3. Иньиго-Мора Изабель, Д. К. Стратегия уклонения в политическом интервью: анализ телевизионных интервью Тони Блэра / Д. К. Иньиго-Мора. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2007. — № 23.

4. Каракулова, С. Ш. Митигативные стратегии и тактики в политических интервью с германскими политиками : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Ш. Каракулова. — Волгоград, 2016. — 25 с. — Текст : непосредственный.

5. Карасик, В. И. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2000. — 228 с. — Текст : непосредственный.

6. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. — Воронеж : Воронеж. гос. техн. ун-т, 2000. — 175 с. — Текст : непосредственный.

7. Космодемьянская, В. И. Коммуникативная стратегия уклонения от прямого ответа как форма непрямого коммуникации в американо-русском дискурсе / В. И. Космодемьянская, М. В. Лисенко, А. А. Радюшкина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 63–69.

8. Лавринова, Н. И. Текстобразующие характеристики политического интервью / Н. И. Лавринова. — Текст : непосредственный // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — 2009. — № 5. — С. 68–71.

9. Тинтин, Лу. Стратегия уклонения в политическом интервью: на материале русского и китайского языков / Лу Тинтин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58) — С. 60–67.

10. Матвеева, Г. Г. Основы прагмалингвистики : монография. / Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова. — Москва : Флинта : Наука, 2023. — 232 с. — Текст : непосредственный.

11. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты : 10.02.01 : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Паршина О. Н. — Саратов, 2005. — 48 с. — Текст : непосредственный.

12. Романенко, А. В. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса / А. В. Романенко. — Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. — 2017. — № 7. — С. 69–78.

13. Романенко, А. В. Феномен политического интервью в контексте лингвокультуры : дис. ... канд. культурологии / Романенко А. В. — Москва, 2018. — 204 с. — Текст : непосредственный.

14. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 431 с. — Текст : непосредственный.

15. Чашина, А. М. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса / А. М. Чашина. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 37 (328). — С. 60–62.

16. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

17. Lewandowski, T. Linguistisches Wörterbuch / T. Lewandowski. — Heidelberg ; Wiesbaden : Quelle u. Meyer, 1994. — Band I–III. — 1287 S.

MATERIALS

1. *Kanzler Scholz im Interview mit der WAZ „Respekt von der Lebensleistung der Bürgerinnen und Bürger“* (2022, 3 Sept.). WAZ Samstag. Retrieved Sept. 10, 2022, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/kanzler-interview-waz-2252150>

2. *Kanzler Scholz im Interview mit der FAZ „Wenn wir als Land zusammenhalten, werden wir durch diese Zeit kommen“* (2022, 7 Sept.). Frankfurter Allgemeine Zeitung. Retrieved Sept. 14, 2022, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/kanzler-interview-faz-2252192>

3. *Interview des Kanzlers Scholz mit der Funke-Mediengruppe „Einen Diktatfrieden zu russischen Bedingungen darf es nicht geben“* (2022, 8 Dez.). Funke Mediengruppe. Retrieved Oct. 18, 2022, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/einen-diktatfrieden-zu-russischen-bedingungen-darf-es-nicht-geben--2252360>

4. *Interview des Kanzlers Scholz mit der Süddeutschen Zeitung „Putin, beenden Sie diesen Krieg“* (2022, 17 Dez.). Süddeutsche Zeitung. Retrieved Dec. 25, 2022, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/-putin-beenden-sie-diesen-krieg--2252362>

5. *Interview des Kanzlers Scholz mit der BILD-Zeitung „Es zerreißt einem das Herz. Unglaublich viele Kinder, Frauen und Männer sind gestorben“* (2023, 24 Febr.). BILD 24. Retrieved Feb. 28, 2023, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-bild-2252230>

6. *Interview des Kanzlers Scholz mit dem Handelsblatt „Alle Untergangs-Propheten haben sich geirrt“* (2023, 17 März). Handelsblatt. Retrieved March 24, 2023, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-kanzler-handelsblatt-2252216>

7. *Interview des Bundeskanzlers mit der Rhein-Zeitung „Wir müssen Mut haben“* (2023, 3 Mai). Rhein Zeitung. Retrieved May 12, 2023, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-kanzler-rhein-zeitung-2252198>

8. *Interview des Kanzlers Scholz mit dem Kölner Stadt-Anzeiger „Mir geht es um Respekt“* (2023, 26 Mai). Kölner Stadt-Anzeiger. Retrieved May 30, 2023, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/interview-kanzler-koelner-stadt-anzeiger-2252164>

9. *Bundeskanzler im Gespräch mit der taz „Wir werden noch lange Waffen liefern“* (2024, 13 April). taz. Retrieved April 20, 2024, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/scholz-interview-in-der-taz-2270696>

10. *Bundeskanzler Scholz im Gespräch mit der „Yonhap News Agency“ „Es gilt die Stärke des Rechts, nicht das Recht des Stärkeren“* (2023, 21 Mai). Retrieved July 3, 2024, from <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/yonhap-news-agency-scholz-2252166>

REFERENCES

1. Baranov, A.N., & Kazakevich E.G. (1990). *Parlamentarische debaty: tradicii i novacii* [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moscow: Znanie, 63 p. (In Russ.)

2. Dem'yanov, V.Z. (1982). *Konvencii, pravila i strategii obshchaniya: (Interpretiruyushchij podhod k argumentacii)* [Conventions, rules and strategies of communication: (Interpretive approach to argumentation)]. *Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*, 41(4), 327–337. (In Russ.)

3. In'igo-Mora Isabel, D.K. (2007). *Strategiya uklo-neniya v politicheskom interv'yu: analiz televizionnyh interv'yu Toni Blera* [Strategy of evasion in political interviews: analysis of television interviews of Tony Blair]. *Political Linguistics*, 23. (In Russ.)

4. Karakulova, S.S.H. (2016). *Mitigativnye strategii i taktiki v politicheskikh interv'yu s germanskimi politikami* [Mitigative strategies and tactics in political interviews with German politicians] [Abstract of Dis. of candidate of philological sciences]. Volgograd, 25 p. (In Russ.)

5. Karasik, V.I. (2000). *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd: Peremena, 228 p. (In Russ.)

6. Kashkin, V.B. (2000). *Vvedenie v teoriyu kommunikacii* [Introduction to communication theory]. Voronezh: Voronezh. gos. tekhn. un-t, 175 p. (In Russ.)

7. Kosmodem'yanskaya, V.I., Lisenko, M.V., & Radyushkina, A.A. (2023). *Kommunikativnaya strategiya uklo-neniya ot pryamogo ot-*

veta kak forma nepryamoj kommunikacii v amerikanskom diskurse [Communicative strategy of evading a direct answer as a form of indirect communication in American discourse]. *Political Linguistics*, 2(98), 63–69. (In Russ.)

8. Lavrinova, N.I. (2009). Tekstoobrazuyushchie harakteristiki politicheskogo interv'yu [Text-forming characteristics of a political interview]. *Vestn. Pomorsk. un-ta. Ser. Gumanitarnye i social'nye nauki*, 5, 68–71. (In Russ.)

9. Tintin, Lu (2016). Strategiya ukloneniya v politicheskom interv'yu: na materiale russkogo i kitajskogo yazykov [Strategy of evasion in a political interview: based on the material of the Russian and Chinese languages]. *Political Linguistics*, 4(58), 60–67. (In Russ.)

10. Matveeva, G.G., Lenec, A.V., & Petrova, E.I. (2023). *Osnovy pragmalingvistiki* [Fundamentals of pragmalinguistics] [Monograph]. Moscow: Flinta: Nauka, 232 p. (In Russ.)

11. Parshina, O.N. (2005). *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity* [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite] [Abstract of Doctoral Thesis for Philology]. Saratov, 48 p. (In Russ.)

12. Romanenko, A.V. (2017). Politicheskoe interv'yu kak osobym zhanr politicheskogo diskursa [Political interview as a special genre of political discourse]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, 7, 69–78. (In Russ.)

13. Romanenko, A.V. (2018). *Fenomen politicheskogo interv'yu v kontekste lingvokul'tury* [The Phenomenon of Political Interview in the Context of Linguoculture] [Dis. of Cand. of Cultural Studies]. Moscow, 204 p. (In Russ.)

14. Shejgal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse] [Doctoral Thesis of Dr of Philology]. Volgograd, 431 p. (In Russ.)

15. Chashchina, A.M. (2013). Politicheskoe interv'yu kak osobym zhanr politicheskogo diskursa [Political Interview as a Special Genre of Political Discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 37(328), 60–62. (In Russ.)

16. Shejgal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 326 p. (In Russ.)

17. Lewandowski, T. (1994). *Linguistisches Wörterbuch* (Band I-III). Heidelberg, Wiesbaden: Quelle u. Meyer, 1287 S.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
 Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38
 ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Любовь Юрьевна Власова^{1✉}, Инга Геннадьевна Мальцева^{2✉}

¹ Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия, lyubovlasov@yandex.ru[✉], SPIN-код: 5254-6507

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, inmalzeva@mail.ru[✉], SPIN-код: 1497-6093

К вопросу описания метафорической модели в рамках дискурса социальных медиа на примере метафорической модели «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ»

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена описанию метафорической модели «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» в русскоязычном дискурсе социальных медиа. Особенности дискурса социальных медиа обусловлены интеграцией персонального и институционального типов дискурса у пользователей различных интернет-сервисов (мессенджеры, социальные сети, службы обмена данными и др.). Интернет-комментарий — один из вариантов коммуникативного взаимодействия в социальных медиа, реализующий коммуникативную и социальную цели, а также цель самовыражения и отстаивания личностной позиции в виде небольшого речевого произведения оценочного характера. Авторы статьи апробируют методику А. П. Чудинова для описания данной метафорической модели на материале русскоязычных интернет-комментариев. Для анализа методом сплошной выборки было отобрано 26107 комментариев, в которых обнаружена 51 когнитивная метафора. Используемая методика подразумевает осуществление следующих этапов алгоритма: 1) идентификация метафорической сферы-источника; 2) идентификация сферы-мишени; 3, 4) выявление структуры когнитивных моделей, т. е. определение фреймов и слотов; 5) определение общего основания для метафорического переноса; 6) ранжирование метафорических моделей по частотности и продуктивности; 7) рассмотрение дискурсивных характеристик модели. Исследование позволило авторам выделить дискурсивные характеристики для указанной метафорической модели: эмотивные характеристики (как положительные: восхищение работой скорой помощи, так и отрицательные: обеспокоенность негативными тенденциями в профессии), прагматические характеристики, семиотический потенциал, креативный потенциал. В заключение делается вывод об эффективности использования методики А. П. Чудинова на данном материале и ставится вопрос об ее дальнейшем использовании для описания структурно отягощенных метафорических моделей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медицинские работники, социальные медиа, когнитивные метафоры, метафорические модели, метафорическое моделирование, дискурсивные характеристики, Интернет, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, языковые единицы, когнитивная лингвистика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Власова Любовь Юрьевна, ассистент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации; 620028, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ключевская 7, к. 310; email: lyubovlasov@yandex.ru.

Мальцева Инга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 478; email: inmalzeva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Власова, Л. Ю. К вопросу описания метафорической модели в рамках дискурса социальных медиа на примере метафорической модели «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» / Л. Ю. Власова, И. Г. Мальцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 67-75.

Lyubov' Yu. Vlasova^{1✉}, Inga G. Mal'tseva^{2✉}

¹ Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia, lyubovlasov@yandex.ru[✉], SPIN code: 5254-6507

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, inmalzeva@mail.ru[✉], SPIN code: 1497-6093

Toward the Description of the Metaphorical Model of Social Media Discourse on the Example of the Model MEDICAL WORKER is SOCIAL INTERACTION

ABSTRACT. This article describes the metaphorical model MEDICAL WORKER is SOCIAL INTERACTION in the Russian-language social media discourse. The peculiarities of the social media discourse stem from the integration of personal and institutional types of discourse by users of various Internet services (messaging, social networks, data exchange services, etc.). Internet comment is a kind of communicative interaction in social media, realizing communicative and social goals, as well as the goal of self-expression, and defending one's personal position in the form of a short evaluative message.

© Власова Л. Ю., Мальцева И. Г., 2024

The authors of the article appraise the method of A. P. Chudinov in order to describe this metaphorical model based on the material of Russian-language Internet comments. Using the method of continuous sampling, the authors selected 26,107 comments in which 51 cognitive metaphors were found. The technique used presupposes the realization of the following stages of the algorithm: 1) identification of the metaphorical source domain; 2) identification of the target domain; 3, 4) identification of the structure of cognitive models, i.e. the distinction of frames and slots; 5) discovery of the general basis for metaphorical transfer; 6) ranking of metaphorical models by frequency and productivity; 7) consideration of the discursive properties of the model. The study allowed the authors to identify discursive characteristics of the metaphorical model under analysis: emotive characteristics (both positive: admiration for the work of the ambulance, and negative: concern about the negative trends in the profession), pragmatic characteristics, semiotic potential, and creative potential. The authors make a conclusion about the effectiveness of Chudinov's method for analysis of this material and suggest using it for further research and description of structurally complicated metaphorical models.

KEYWORDS: medical workers, social media, cognitive metaphors, metaphorical models, metaphorical modeling, discursive characteristics, Internet, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, language units, cognitive linguistics.

AUTHOR'S INFORMATION: Vlasova Lyubov' Yur'evna, Assistant Lecturer of Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia.

Mal'tseva Inga Gennad'evna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Romance and Germanic Philology, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Vlasova L. Yu., Mal'tseva I. G. (2024). Toward the Description of the Metaphorical Model of Social Media Discourse on the Example of the Model MEDICAL WORKER is SOCIAL INTERACTION. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 67-75. (In Russ.).

Данная статья посвящена описанию метафорической модели «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» в русскоязычном дискурсе социальных медиа. Социальные медиа стали неотъемлемой частью социальной, политической и культурной жизни миллиардов людей. Появление разноплановых интернет-сервисов с различным функционалом повлекло за собой формирование дискурса социальных медиа. Изучение особенностей коммуникации в рамках данного дискурса является актуальным направлением исследований для лингвистов и филологов.

Под **дискурсом социальных медиа** понимается «функционально-обусловленный тип дискурса, представляющий собой интеграцию персонального и институционального типов дискурса, которые создаются пользователями разного рода интернет-сервисов (мессенджеры, социальные сети, службы обмена данными, электронная почта и др.) в процессе активного использования языка и возникают в зависимости от платформы общения, собеседников, связей между ними» [Ефанова, Осокин 2022: 519].

Выделяют следующие **характеристики дискурса социальных медиа**: 1) функционирование «гражданской журналистики» в рамках партиципаторной коммуникации; 2) синтез устной и письменной речи при коммуникации; 3) наличие канала связи в виде сети Интернет; 4) присутствие как персонального, так и институционального типов дискурса; 5) поликодовость текстов (текст, в котором невербальное средство, входящее в сообщение, передает информацию вместе с вербальным); 6) креолизованность текстов (се-

миотически усложненные тексты); 7) мультимодальность текстов (комбинация и интеграция в едином смысловом пространстве разнородных компонентов — вербальных, визуальных, аудитивных, аудиовизуальных и др.) [Ефанова, Осокин 2022: 518–522].

Технологические особенности и функциональные возможности социальных медиа определяют варианты презентации интернет-пользователям дискурса социальных медиа [Ефанова 2022: 522]. Одним из популярных вариантов сегодня является видео.

Видео как способ коммуникативного взаимодействия обладает рядом преимуществ, позволяющих эффективно реализовывать коммуникативные цели: 1) воздействие на разные каналы восприятия; 2) эмоциональное воздействие на зрителя при помощи личности автора; 3) персонализация видеоконтента за счет знакомства с автором; 4) быстрое распространение видеоконтента при помощи алгоритмов медиаплощадок; 5) наличие обратной связи. Сюда входит комментирование, обсуждения, выражение реакций (отметки «мне нравится»), что обеспечивает двустороннюю коммуникацию.

Таким образом, одним из вариантов коммуникативного взаимодействия в социальных медиа становится комментарий человека, просматривающего видео или читающего комментарии к нему.

Интернет-комментарий представляет собой небольшое речевое произведение оценочного характера, реализующее коммуникативную и социальную цели, а также цель самовыражения и отстаивания личностной позиции [Филиппова 2020: 1051]. Проведенные ранее исследования показали, что

комментаторы преследуют также цель выделиться среди других комментаторов и усилить речевое воздействие на реципиента при помощи оценочной лексики, риторического вопроса, риторического восклицания, метафоры, неологизмов [Викторова, Пантеева 2023: 66].

Тематика видеоконтента на интернет-площадках во многом связана с событиями, происходящими в мире. Количество снимаемых видео по той или иной теме отражает низкий или высокий общественный интерес к данному событию. Начиная с января 2020 года и до сегодняшнего дня в связи с распространением коронавируса в Сети стал активно публиковаться видеоконтент, посвященный системе здравоохранения, а также отдельным его структурам и элементам.

Одним из центральных сюжетов данных видео стала деятельность медицинского персонала. На сегодняшний день изучение образа врача ведется в междисциплинарном ключе, затрагивая психологические, социальные, лингвокультурные, этические и маркетинговые аспекты этой профессии [Колотина, Ольшванг 2023; Родионова 2023; Богдан, Кузьменков, Чистякова 2022; Корольчук, Романцов, Бочкарь 2022; Диброва, Болсуновская 2022; Акаева 2022; Зашихина 2021; Чигринова 2019].

В данной статье предлагается описание метафорических моделей в парадигме когнитивно-дискурсивно подхода [Баранов 2014; Будаев, Чудинов 2006; Кубрякова 2004]. Таким образом, когнитивная метафора в данной статье рассматривается как средство концептуализации окружающего мира, а метафорические модели признаются неотъемлемой частью живой коммуникации в рамках дискурса социальных медиа [Калинин 2022: 101–102].

Под метафорической моделью понимается «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: „X — это Y“. Отношение между компонентами формулы понимается как подобие: X подобен Y» [Чудинов 2013: 27]. Методикой исследования послужили пункты для характеристики признаков метафорической модели А. П. Чудинова с некоторыми изменениями вследствие особенностей дискурса социальных медиа.

Первый этап данной методикой предполагает идентификацию сферы-источника. На втором этапе происходит идентификация сферы-мишени. На третьем и четвертом этапах выявляется структура когнитивных моделей, т. е. определяются фреймы и

слоты. На пятом этапе определяется общее основание для метафорического переноса. На шестом этапе производится ранжирование метафорических моделей в зависимости от их частотности и продуктивности. На седьмом этапе рассматриваются дискурсивные характеристики модели [Чудинов 2013: 28–30].

Таким образом, в рамках данной методикой на первом этапе проведен отбор комментариев под видео с когнитивными метафорами, относящимися к описанию медицинского работника или его деятельности (сфера-источник). Методом сплошной выборки было отобрано 26 107 комментариев, в которых обнаружена 51 когнитивная метафора. На втором этапе проведена идентификация сферы-мишени, т. е. понятийной области, к которой относятся метафорические смыслы [Там же: 28–30]. Затем метафорические выражения были упорядочены в зависимости от сферы-мишени. Результатом данного этапа стало выделение 10 метафорических моделей:

– метафорическая модель 1 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» (9 когнитивных метафор);

– метафорическая модель 2 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО РЕЛИГИЯ» (8 когнитивных метафор);

– метафорическая модель 3 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО МИР ПРЕСТУПНОСТИ» (8 когнитивных метафор);

– метафорическая модель 4 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ» (5 когнитивных метафор);

– метафорическая модель 5 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО МИР НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ» (5 когнитивных метафор);

– метафорическая модель 6 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ» (5 когнитивных метафор);

– метафорическая модель 7 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО АРТЕФАКТ» (4 когнитивные метафоры);

– метафорическая модель 8 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО ИСКУССТВО» (2 когнитивные метафоры);

– метафорическая модель 9 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО ВОЙНА» (1 когнитивная метафора);

– метафорическая модель 10 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО ПРОСТРАНСТВО» (1 когнитивная метафора).

На третьем и четвертом этапах была установлена структура когнитивных моделей, т. е. были выделены фреймы и слоты. Было выделено 19 фреймов, т. е. единиц знаний, которые служат для ментальной ка-

тегоризации сферы-мишени и организуют понимание мира в целом [Чудинов 2013: 28–29]: фрейм 1.1. **Профессии** (4 когнитивные метафоры); фрейм 1.2. **Социальный статус** (2 когнитивные метафоры); фрейм 2.1. **Обитатели светлого мира** (6 когнитивных метафор); фрейм 2.2. **Мир темных сил** (2 когнитивные метафоры); фрейм 3.1. **Преступники и их специализация** (5 когнитивных метафор); фрейм 3.2. **Жертвы преступлений** (1 когнитивная метафора); фрейм 4.1. **Виды животных** (3 когнитивные метафоры); фрейм 5.1. **Космос** (1 когнитивная метафора); фрейм 6.1. **Физиологические и психологические реакции** (4 когнитивные метафоры); фрейм 6.2. **Работа органов чувств** (1 когнитивная метафора); фрейм 7.1. **Световые носители** (1 когнитивная метафора); фрейм 7.2. **Пища** (1 когнитивная метафора); фрейм 7.3. **Предметы домашнего быта** (1 когнитивная метафора); фрейм 8.1. **Герои книг** (2 когнитивные метафоры); фрейм 9.1. **Боевые действия**; фрейм 10.1. **Движение вверх** (1 когнитивная метафора).

Было выделено 10 слотов, т. е. элементов ситуации, составляющих какую-то часть

фрейма или какой-то аспект его конкретизации [Чудинов 2013: 28–29]: слот 1.1.1. **Атрибуты работника** (1 когнитивная метафора); слот 1.2.1. **Атрибуты социального статуса** (2 когнитивные метафоры); слот 3.1.1. **Преступные действия** (1 когнитивная метафора); слот 3.2.1. **Преступные действия над жертвами** (1 когнитивная метафора); слот 4.1.1. **Вещи для содержания животного** (2 когнитивные метафоры); слот 4.2.1. **Свойства растений** (1 когнитивная метафора); слот 5.1.1. **Стихийные бедствия** (2 когнитивные метафоры); слот 5.2.1. **Природные ископаемые** (1 когнитивная метафора); слот 5.2.2. **Рельеф** (1 когнитивная метафора); слот 7.2.1. **Свойства световых носителей** (1 когнитивная метафора).

Затем в рамках **шестого этапа** методики было проведено ранжирование метафорических моделей в зависимости от их частотности и продуктивности, т. е. способности к развертыванию, и типовых направлений развертывания в тексте и дискурсе [Чудинов 2013: 30], результаты представлены в графиках на рис. 1 и 2.

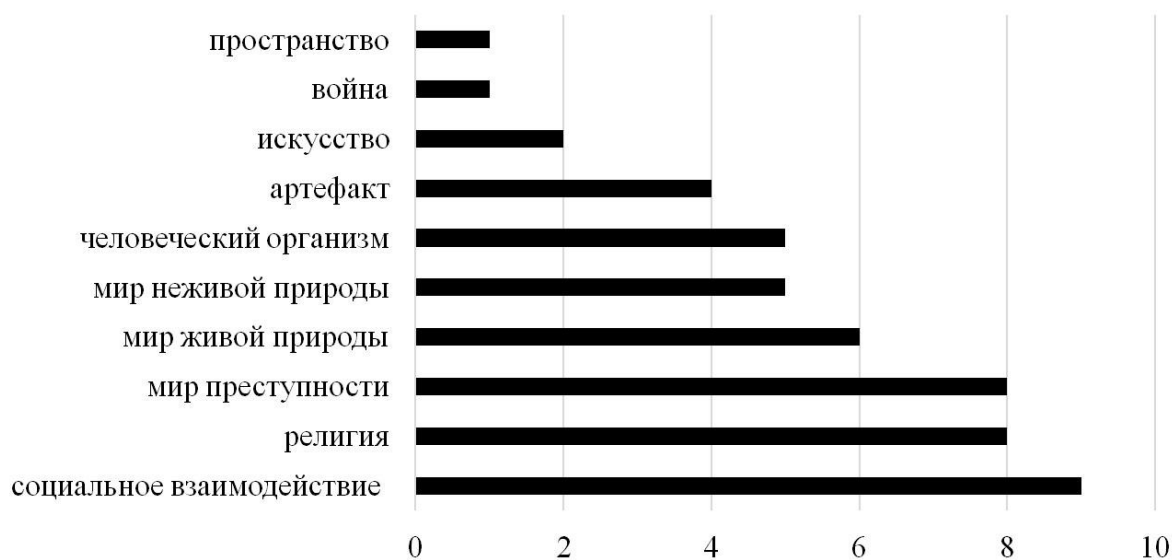

Рис. 1. Частотность метафорических моделей со сферой-источником «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК»

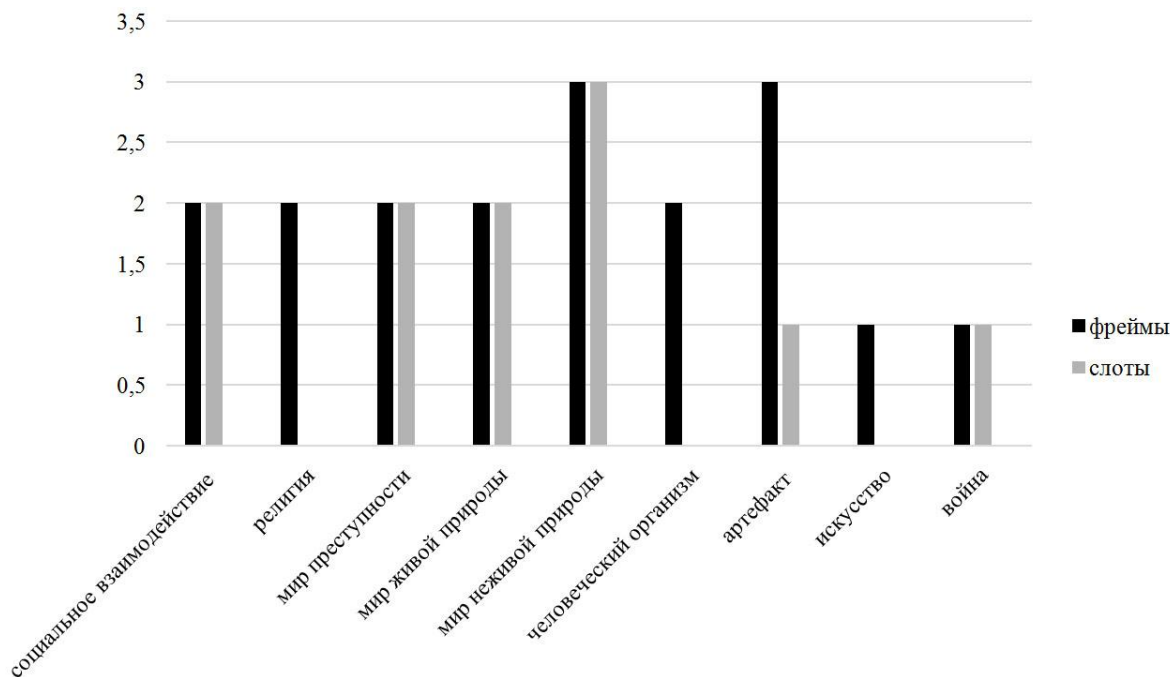

Рис. 2. Продуктивность метафорических моделей со сферой-источником «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК»

Рассмотрим более подробно самую частотную и вторую по продуктивности метафорическую модель 1 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ».

Определив сферу-источник **МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК** и отобрав когнитивные метафоры с данной сферой-источником среди комментариев под видео, среди 51 найденной когнитивной метафоры мы идентифицировали сферу-мишень **СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ** (9 когнитивных метафор) и выявили фреймы и слоты.

Фрейм 1.1. **Профессии** («скорая помощь¹ — это не терапевт, а спасатель»; «врачи стали ремесленниками»; «ветеринары, которые считают себя врачом»; «превратили народ в дойную корову»). Слот 1.1.1. **Атрибуты работника** («уничтожали людей нищенской оплатой врачам и медсестрам»).

Фрейм 1.2. **Социальный статус** («медиков унизили до состояния бесправных рабов»; «большинство врачей допустили, что их превратили в рабов»). Слот 1.2.1. **Атрибуты социального статуса** («целую их руки!»; «Врач с Большой буквы»).

Рассмотрим фрейм 1.1. **Профессии**:

«<...> СКОРАЯ ПОМОЩЬ, там работают только профи, это не терапевт, а СПАСАТЕЛЬ».

Осмысление медицинских работников через призму социальных ролей и моделей взаимодействия выступает **третьим членом сравнения** (*tertium comparationis*), т. е. критерием сравнения, на основании которого совпадают две сравниваемые вещи [Философский словарь 1963: 544]. Данный компонент позволяет установить связи и найти **общие основания** между, казалось бы, несвязанными вещами. Это позволяет раскрыть идею / замысел адресанта при использовании когнитивной метафоры в отношении сферы-источника. В нашем случае эта связь раскрывает важные аспекты медицинского работника — социальные роли, функции, обязанности, права, статус и ожидаемые модели поведения.

Было установлено, что метафорическая модель 1 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» является самой частотной (9 когнитивных метафор) и второй по продуктивности (2 фрейма и 2 слота) — см. графики на рис. 1 и 2.

В качестве дискурсивных характеристик предварительно были выделены следующие:

- **Эмотивная характеристика** как чувственная (эмоциональная) и оценочная характеристика модели [Stoyanova 2015: 130].

- **Прагматическая характеристика**, раскрывающая типовые особенности воздействия на адресата [Чудинов 2001: 47].

¹ Все примеры цитируются с сохранением орфографии и пунктуации источника.

- **Семиотический потенциал**, подразумевающий наличие невербальных средств передачи смысла.

- **Творческий/креативный потенциал**, проявляющийся в самовыражении адресанта с помощью вербальных и невербальных средств.

Рассмотрим данные дискурсивные характеристики в структуре метафорической модели 1 «МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ».

Фрейм 1.1. **Профессии**: когнитивная метафора 1. «<...> СКОРАЯ ПОМОЩЬ, там работают только профи, это не терапевт, а СПАСАТЕЛЬ». **Общим основанием** данной когнитивной метафоры является подчеркивание высокого профессионализма и важности работы скорой помощи за счет уподобления рабочих функций врача скорой помощи функциям спасателя, а также через противопоставление обычному терапевту.

Ведущие **эмотивные характеристики** — это восхищение и уважение к работе скорой помощи, ее положительная оценка. **Прагматический потенциал** заключается в воздействии комментатора на эмоционально-волевую сферу адресата. Автор пользуется аргументом «скорая помощь — это не терапевт», тем самым убеждая читателя в высокой квалификации работника скорой помощи. Помимо этого, присутствует **семиотический потенциал**, выраженный **невербальным компонентом** — выделение заглавными буквами «СКОРАЯ ПОМОЩЬ» и «СПАСАТЕЛЬ» для усиления эмоциональной выразительности и придания большего значения и важности именно этим элементам, а также в качестве **креативного приема** для привлечения внимания других читателей и самовыражения.

Когнитивная метафора 2 «Врачи стали **ремесленниками**». Автор комментария уподобляет врачей ремесленникам, т. е. людям, которые работают по шаблону, без творческой инициативы. Таким образом, **общим основанием** данной когнитивной метафоры стала утрата индивидуального, личностного подхода в пользу стандартизированных, конвейерных методов при работе врача с пациентами.

Можно отметить следующие **эмотивные характеристики**: разочарование в профессии врача, а также обеспокоенность из-за негативных тенденций в профессии. Автор комментария переносит свое отрицательное отношение к профессии врача и критикует то, что они следуют строгим протоколам и алгоритмам, часто не учитывая индивидуальные особенности пациентов. В данной метафоре также представлена эмотивная разновидность **прагматической** функции.

Когнитивная метафора 3 «*Такое творится во всех областях нашей жизни. Народ превратили в дойную корову, выкачивают всю энергию из человеческих душ*». Метафора «дойная корова» используется для описания народа, который превратили в источник ресурсов, из которого «выкачивают всю энергию». Вследствие профилирования медицинские работники представляются **доярками и доями**. В данной метафоре **общим основанием** стало обогащение себя за счет другого. При этом комментатор применяет метафору и на другие сферы жизни, тем самым усиливает ее обобщающий характер и подчеркивает системность проблемы.

Эмотивными характеристиками стали разочарование и чувство несправедливости со стороны простых граждан, а также ощущение безысходности и тревоги в связи с масштабностью проблемы. **Прагматический потенциал** данной метафоры состоит в привлечении внимания к проблеме незаконного обогащения медицинских работников и ее критике.

Слот 1.1.1. **Атрибуты работника**. Когнитивная метафора 1. *За что воевали наши отцы и деды? Чтбы предатели нашего народа сидели в правительстве и в здравоохранении, уничтожали людей, своими законами и заекрытием больниц, и нищенской оплатой врачам и медсестрам!!* 😞 😞

В данном случае «**нищенской оплатой**» является ярким примером когнитивной метафоры. Происходит уподобление размера заработной платы медицинских работников уровню дохода нищих, бедствующих людей. **Общим основанием** для данной метафоры стало плохое финансовое состояние.

Глубокое разочарование и возмущение по поводу того, что люди, которым доверено управление страной и здравоохранением, действуют вопреки интересам простых граждан, является **эмотивной характеристикой** метафоры. Использование лексемы «нищенской» несет ярко выраженную негативную оценку размера оплаты труда в сфере здравоохранения. Метафора используется для резкой критики и разоблачения действий властей и медицинского сообщества, направленных против интересов народа. Также присутствует **семиотический потенциал**, выраженный **невербальным компонентом** — эмодзи, который усиливает эмоциональное воздействие текста на читателя и добавляет экспрессивность. Данный эмодзи 😞 выражает эмоцию удивления, шока, возмущения, а этот: 😞 — выражает эмоцию грусти, печали. Помимо этого, данный компонент выполняет функцию репрезентации внутренних чувств автора комментария.

Фрейм 1.2. **Социальный статус.** Когнитивная метафора 1. *Вы не виноваты в том, что властные структуры страны порушили всю медицину, а медиков унизили до состояния бесправных рабов.* **Общим основанием** для данной метафоры стали подчиненное положение и эксплуатация. В этой метафоре можно отметить глубокое сочувствие и возмущение по поводу того, что медицинские работники лишены прав, свободы и достоинства, как рабы. Чувство несправедливости и морального осуждения по отношению к действиям властей, которые довели положение медиков до такого унижительного состояния.

Прагматический потенциал проявляется в критике и обличении действий властей, приведших к унижению и несправедливости медицинских работников.

Приведем еще один пример использования данной когнитивной метафоры в дискурсе социальных медиа.

Когнитивная метафора 2. *<...> а я бы сильно не кланялся. Потому что большинство врачей допустили, что их превратили в рабов.* При функционировании в дискурсе данная метафора сменила свои эмоциональные характеристики. В данном примере прослеживается недоверие и отсутствие уважения к врачам как к профессиональной группе. А также критика и осуждение медиков за их пассивную позицию.

Слот 1.2.1. **Атрибуты социального статуса.** Когнитивная метафора 1. *Они просто волшебники! Целую их руки! Общим основанием* для данной метафоры стал высокий статус, привилегированность. Метафора передает восхищение, преклонение перед профессионализмом и исключительными качествами медицинских работников, глубокое уважение, признательность, благодарность за их деятельность.

Прагматический потенциал проявляется в усилении положительного восприятия образа врача в общественном сознании. **Семиотический потенциал**, выраженный **невербальным компонентом** в виде восклицательного знака, выполняет экспрессивную функцию, акцентирует значимость врачей и передает восторженность автора комментария.

Когнитивная метафора 2. *Очень приятно смотреть и слушать такого человека, Врача с Большой буквы.* В данном примере ярко представлен **семиотический потенциал**, выраженный **невербальным компонентом**. Использование заглавных букв в лексеме «Врач» используется для подчеркивания исключительности и значимости. Сочетание «Врач с Большой буквы» представ-

ляет собой авторское окказиональное выражение. Это придает высказыванию свежесть и оригинальность, привлекая внимание читателя.

Таким образом, в рамках статьи была представлена апробация методики А. П. Чудинова, выбранной для описания метафорической модели «**МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК — ЭТО СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**» на материале дискурса социальных медиа. Авторы полагают, что методика показала свою эффективность на данном материале и может быть использована в дальнейшем для описания структурно неотягоченных моделей как в русском, так и в немецком языках, и сопоставительного анализа метафорических моделей.

В качестве сильной стороны методики можно отметить возможность рассмотрения мотивов создания и использования когнитивных метафор в дискурсе социальных медиа, а также возможность выявления различий в дискурсивных характеристиках у одной и той же метафоры.

Тем не менее открытым остается вопрос о возможности использования данной методики для описания метафорических моделей со сложной внутренней иерархией. Например, для метафорической модели **СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ** и метафорической модели **GESUNDHEITSWESEN** в рамках российского и немецкоязычного неинституционального медицинского дискурса, в которых наблюдаются сложные многоуровневые отношения как между самой системой здравоохранения и ее элементами, так и между элементами этой системы.

СЛОВАРИ

1. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. — Москва : Политиздат, 1963. — 544 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акаева, Э. В. Языковые средства создания образа профессионала-медика в романе Артура Хейли «Окончательный диагноз» / Э. В. Акаева. — Текст : электронный // Лингвистическая мозаика : сборник научных работ. — 2022. — Т. 1 (8) — С. 12–19. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48439044> (дата обращения: 18.06.2024).

2. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — Текст : непосредственный.

3. Богдан, И. В. Образ врача в массовом сознании (по материалам социологического исследования) / И. В. Богдан, В. А. Кузьменков, Д. П. Чистякова. — Текст : электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2022. — № 4 (68). — С. 95–102. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vracha-v-massovom-soznanii-po-materialam-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 30.06.2024).

4. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Уральский гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — 208 с. — Текст : непосредственный.

5. Викторова, Е. Ю. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект / Е. Ю. Викторова, К. В. Пантеева. —

Текст : электронный // Жанры речи. — 2023. — № 1 (37). — С. 66–73 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-internet-kommentariya-aksiologicheskij-aspekt> (дата обращения: 10.07.2024).

6. Диброва, Ю. А. Образ врача: маркетинговый аспект профессиональной самореализации личности / Ю. А. Диброва, Л. М. Болсуновская. — Текст : непосредственный // Профессиональные представления. — 2022. — № 1 (14). — С. 145–152.

7. Ефанов, А. А. Дискурс социальных медиа: к проблеме интерпретации / А. А. Ефанов, А. А. Осokin. — Текст : электронный // Вопросы теории и практики журналистики. — 2022. — № 3. — С. 509–527 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-sotsialnyh-media-k-probleme-interpretatsii> (дата обращения: 03.07.2024).

8. Зашихина, И. Г. Недоверие граждан России врачам, конфликт «врач — пациент» — одни из ключевых проблем здравоохранения Российской Федерации / И. Г. Зашихина. — Текст : электронный // Медицинское право. — 2021. — № 2. — С. 52–56. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44860219> (дата обращения: 18.06.2024).

9. Калинин, О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: 10.02.19 «Теория языка (филологические науки)»: дис. ... д-ра филол. наук / Калинин Олег Игоревич. — Москва, 2022 — 480 с. — URL: <https://www.mgpu.ru/dissertatsiya-kalinina-o-i/> (дата обращения: 18.06.2024). — Текст : электронный.

10. Карасик, В. И. Прескриптивы в сетевом дискурсе / В. И. Карасик. — Текст : электронный // Коммуникативные исследования. — 2019. — № 3. — С. 678–695. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preskriptivny-v-setevom-diskurse> (дата обращения: 10.06.2024).

11. Колотнина, Е. В. Метафорическая репрезентация образа больницы, персонала, пациентов в сознании студентов-медиков / Е. В. Колотнина, О. Ю. Ольшванг. — Текст : электронный // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3-1 (54). — С. 184–188. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54081612> (дата обращения: 19.06.2024).

12. Корольчук, И. С. Современный социальный портрет участкового врача-терапевта как фактор формирования профессиональной идентичности у студентов-будущих врачей / И. С. Корольчук, В. В. Романдов, И. А. Бочкарь. — Текст : электронный // Инновации в образовании. — 2022. — Т. 12. — С. 234–240. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49413686> (дата обращения: 19.06.2024).

13. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — Текст : непосредственный.

14. Родионова, Ю. В. В поисках современного образа врача: на каких примерах учиться у великих? Часть II / Ю. В. Родионова. — Текст : электронный // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2023. — Т. 22, № S4 — С. 37–50. — URL: https://cardiovascular.elpub.ru/jour/article/view/3600?locale=ru_RU (дата обращения: 19.06.2024).

15. Филиппова, М. П. Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения / М. П. Филиппова. — Текст : электронный // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2020. — № 6. — С. 1049–1052. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommentariy-i-soobshchenie-na-internet-forume-parametry-zhanrovogo-razgranicheniya> (дата обращения: 10.07.2024).

16. Чигринова, Е. А. Объективация стереотипных представлений о враче в русской и английской лингвокультурах (на материале текстов СМИ): 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : дис. ... кандидата филологических наук / Чигринова Екатерина Александровна. — Пятигорск, 2019. — 216 с. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48711248> (дата обращения: 10.07.2024).

17. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 176 с. — Текст : непосредственный.

18. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

19. Stoyanova, E. The emotional connotation of gustatory metaphor in Russian and Bulgarian media texts / E. Stoyanova. — Text : electronic // Folia Linguistica Rossica. — 2015 — Vol. 11. — S. 129–139. — URL: <https://czasopisma.uni.lodz.pl/lingrossica/article/view/20358> (дата обращения: 20.07.2024).

DICTIONARIES

1. Rozentalya, M.M., & Yudina, P.F (1963). *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Politizdat, 544 p. (In Russ.).

REFERENCES

1. Akaeva, E.V. (2022). Yazykovye sredstva sozdaniya obraza professionala-medika v romane Artura Hejli «Okonchatel'nyj diagnoz» [Linguistic means of creating the image of a medical professional in Arthur Haley's novel "The Final Diagnosis"]. *Lingvisticheskaya mozaika : Sbornik nauchnyh rabot*, 1(8), 12–19. Retrieved June 18, 2024, from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48439044>. (In Russ.)

2. Baranov, A.N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory*. [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 632 p. (In Russ.)

3. Bogdan, I.V., & Kuz'menkov, V.A. (2022). Obraz vracha v massovom soznanii (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) [The image of a doctor in the mass consciousness (based on sociological research)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, 4(68), 95–102. Retrieved June 30, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vracha-v-massovom-soznanii-po-materialam-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (In Russ.)

4. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2006). *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in political interdiscourse] [Monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 208 p. (In Russ.)

5. Viktorova, E. Yu. (2023). Zhanr internet-kommentariya: aksiologicheskij aspekt [Genre of Internet commentary: axiological aspect]. *Speech genres*, 1(37), 66–73. Retrieved July 10, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-internet-kommentariya-aksiologicheskij-aspekt> (In Russ.)

6. Dibrova, Yu. A., & Bolsunovskaya, L.M. (2022). Obraz vracha: marketingovyy aspekt professional'noj samorealizatsii lichnosti [Doctor's image: marketing aspect of professional self-realization of personality]. *Professional'nye predstavleniya*, 1(14), 145–152. (In Russ.)

7. Efanov, A.A., & Osokin, A.A. (2022). Diskurs social'nyh media: k probleme interpretatsii [Issues of journalism theory and practice]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 3, 509–527. Retrieved June 03, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-sotsialnyh-media-k-probleme-interpretatsii> (In Russ.)

8. Zashihina, I.G. (2021). Nedoverie grazhdan Rossii vracham, konflikt «vrach — pacient» — odni iz kluchevykh problem zdavoohraneniya Rossijskoj [Distrust of doctors by Russian citizens and the “doctor-patient” conflict are among the key problems of healthcare in the Russian Federation]. *Federacii Medicinskoe parvo*, 2, 52–56. Retrieved June 18, 2024, from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44860219> (In Russ.)

9. Kalinin, O.I. (2022). *Funkcional'nyj potencial metafory v diskurse* [Functional potential of metaphor in discourse] [Dis. of Doctor of Philology]. Moscow, 480 p. Retrieved June 18, 2024, from <https://www.mgpu.ru/dissertatsiya-kalinina-o-i/> (In Russ.)

10. Karasik, V.I. (2019). Preskriptivny v setevom diskurse [Prescriptives in online discourse]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 3, 678–695 p. Retrieved June 10, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/preskriptivny-v-setevom-diskurse> (In Russ.)

11. Kolotnina, E.V., & Ol'shvang, O.Yu. (2023). Metaforicheskaya reprezentatsiya obraza bol'nicy, personala, pacientov v soznanii studentov-medikov [Metaphorical representation of the image of hospital, staff, patients in the minds of medical students]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 3-1(54), 184–188. Retrieved June 19, 2024, from <https://elibrary.ru/item.asp?id=54081612> (In Russ.)

12. Korol'chuk, I.S., Romancov, V.V. & Bochkar', I.A. (2022). Sovremennyy social'nyj portret uchastkovogo vracha-terapevta kak faktor formirovaniya professional'noj identichnosti u studentov-budushchih vrachej [Modern social portrait of a district

doctor-therapist as a factor in the formation of professional identity in students-future doctors]. *Innovacii v obrazovanii*, 12, 234–240. Retrieved June 19, 2024, from <https://elibrary.ru/item.asp?id=49413686> (In Russ.)

13. Kubryakova, E.S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Toward a Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in Cognizing the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 560 p. (In Russ.)

14. Rodionova, Yu.V. V poiskah sovremennogo obraza vracha: na kakih primerah uchit'sya u velikih? Chast' II [In search of the modern image of the doctor: what examples to learn from the greats? Part II]. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika*, 22(4), 37–50. Retrieved June 19, 2024, from https://cardiovascular.elpub.ru/jour/article/view/3600?locale=ru_RU (In Russ.)

15. Filippova, M.P. (2020). Internet-komentarij i soobshchenie na internet-forume: parametry zhanrovogo razgranicheniya [Internet commentary and message on an Internet forum: parameters of genre distinction]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*, 6, 1049–1052. Retrieved Juli 10, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommenta>

riy-i-soobshchenie-na-internet-forume-parametry-zhanrovogo-razgranicheniya (In Russ.)

16. Chigrinova, E.A. (2019). *Ob'ektivaciya stereotipnyh predstavlenij o vrache v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah (na materiale tekstov SMI)* [Objectivization of stereotypical representations of a doctor in Russian and English linguocultures] [Dis. of Cand. of Philology]. Pyatigorsk, 216 p. Retrieved Juli 10, 2024, from <https://elibrary.ru/item.asp?id=48711248> (In Russ.)

17. Cudinov, A.P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii* [Essays on contemporary political metaphorology] [Monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 176 p. (In Russ.)

18. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991-2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: A cognitive study of political metaphor (1991-2000)] [Monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 238 p. (In Russ.)

19. Stoyanova, E. (2015). The emotional connotation of gustatory metaphor in russian and bulgarian media texts. *Folia Linguistica Rossica*, 11, 129–139. Retrieved Juli 20, 2024, from <https://czasopisma.uni.lodz.pl/lingrossica/article/view/20358>. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'42+81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГРНТИ 19.45; 11.15.89

Код ВАК 5.9.9

Полина Викторовна Горбань

независимый эксперт, Санкт-Петербург, Россия, gorban.ablem@gmail.com, SPIN-код: 5107-0343,
<https://orcid.org/0009-0004-4276-9704>

Пропаганда сквозь призму времени и вооруженных конфликтов: эволюция и основные техники

АННОТАЦИЯ. Рассматривается феномен пропаганды сквозь призму исторического развития. Основное внимание уделяется ключевым этапам и трансформациям, которые претерпевала пропаганда в контексте социально-политических изменений и технологических инноваций. Работа продиктована необходимостью переосмысления методов познания и повышения уровня критического мышления в эпоху постправды, когда факты становятся предметом интерпретации, а информация — оружием в руках манипуляторов. Наиболее яркие метаморфозы связаны с использованием методик пропаганды в периоды вооруженных конфликтов. Целью статьи является проведение комплексного исследования пропаганды как социального феномена, а также систематизация ключевых техник, используемых в различных исторических контекстах. Особое внимание уделено роли пропаганды в формировании общественного мнения и мобилизации общественности в периоды вооруженных конфликтов. В годы Первой мировой войны пропаганда использовалась для формирования патриотических настроений, демонизации образа врага и поддержания морального духа населения. Во время Второй мировой войны пропаганда достигла нового уровня масштабности и сложности, что связано с развитием технических средств (появление радио и киноиндустрии, значительно расширивших возможности для воздействия на массовую аудиторию). Методологической основой исследования выступает междисциплинарный подход, сочетающий элементы исторического анализа, теории коммуникации и политологии. Результаты исследования предоставляют комплексное понимание динамики и механизмов пропаганды, что позволяет глубже осмыслить ее влияние на исторические процессы и социальную структуру общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая пропаганда, политический дискурс, политические тексты, манипуляции сознанием, манипулятивное воздействие, массовое сознание, общественное мнение, технологии пропаганды, мобилизация общественности, социально-психологические изменения, вооруженные конфликты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Горбань Полина Викторовна, независимый эксперт, г. Санкт-Петербург, Россия; email: gorban.ablem@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Горбань, П. В. Пропаганда сквозь призму времени и вооруженных конфликтов: эволюция и основные техники / П. В. Горбань. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 76-83.

Polina V. Gorban'

Independent Expert, Saint Petersburg, Russia, gorban.ablem@gmail.com, SPIN code: 5107-0343, <https://orcid.org/0009-0004-4276-9704>

Propaganda Through the Prism of Time and Armed Conflicts: Evolution and Basic Techniques

ABSTRACT. The paper looks at the phenomenon of propaganda through the prism of historical development. The main focus is on the key stages and transformations that propaganda has undergone in the context of socio-political change and technological innovation. The paper was written in response to the need to rethink the methods of cognition and increase of the level of critical thinking in the post-truth era, when facts become objects of interpretation, and information becomes a weapon in the hands of manipulators. The most striking metamorphoses are associated with the use of propaganda techniques during periods of armed conflicts. The aim of the paper is to conduct a comprehensive study of propaganda as a social phenomenon, as well as systematize the key techniques used in various historical contexts. Special attention is paid to the role of propaganda in shaping public opinion and mobilizing society members during periods of armed conflicts. During the First World War, propaganda was used to form patriotic sentiments, demonize the image of the enemy and maintain the morale of the population. During the Second World War, propaganda reached a new level of scale and complexity, which is associated with the development of technical means (the emergence of radio and film industries, which dramatically expanded the possibilities for influencing mass audiences). The methodological basis of the study relies on the interdisciplinary approach combining elements of historical analysis, communication theory and political science. The results of the study provide a comprehensive understanding of the dynamics and mechanisms of propaganda, which allows for a deeper understanding of its impact on historical processes and the social structure of society.

KEYWORDS: political propaganda, political discourse, political texts, manipulation of consciousness, manipulative impact, mass consciousness, public opinion, propaganda techniques, mobilization of society members, socio-psychological change, armed conflicts.

AUTHOR'S INFORMATION: *Gorban' Polina Viktorovna, Independent Expert, Saint Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Gorban' P. V. (2024). Propaganda Through the Prism of Time and Armed Conflicts: Evolution and Basic Techniques. In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 76-83. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Пропаганда, как инструмент влияния на общественное сознание, имеет длительную историю, охватывающую различные эпохи и культурные контексты. С древних времен до современности пропаганда использовалась для формирования общественного мнения, мобилизации масс и легитимации власти. В условиях стремительного развития технологий и борьбы за внимание аудитории, изучение эволюции пропаганды и ее основных техник приобретает особую актуальность.

В современном обществе информационные технологии и средства массовой коммуникации играют решающую роль в формировании общественного мнения и политических предпочтений. Адаптируясь к новым условиям, пропаганда оперирует инновационными методами и платформами, оставляя неизменными фундаментальные принципы. На фоне глобальных экономических и политических изменений, пропагандистские кампании становятся влиятельнее, что ставит перед профессионалами в разных областях задачу по изучению механизмов реализации подобных кампаний и прогнозированию возможных последствий.

Целью данной статьи является проведение комплексного исследования пропаганды как социального феномена с момента зарождения явления и до наших дней, а также систематизация ключевых техник, используемых в различных исторических и культурных контекстах. Исследование пропаганды сквозь призму времени может быть полезно для анализа современных информационных войн, что становится особенно важно в условиях глобальных вызовов, например, политической поляризации, распространения фейковых новостей и усиления информационного давления со стороны различных акторов на мировой арене.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОПАГАНДА»

Пропаганда, как средство влияния на общественное сознание, существовала с древнейших времен, трансформируясь и адаптируясь к изменяющимся социально-политическим условиям и технологическим достижениям. По сути своей, пропаганда — это набор инструментов, а одна из главных ее целей — привлечение внимания общественности к определенной проблеме, тематике или социальному явлению. Именно пропа-

ганде по силам построить мост между разными группами общества и помочь им услышать друг друга.

В качестве краткого можно использовать следующее определение понятия: «Пропаганда — это планомерное использование любых форм общественных или массовых коммуникаций для того, чтобы оказывать влияние на умы и чувства определенной группы населения с четко обозначенной общественной, военной, экономической или политической целью» [Лайнбарджер 2023: 64]. Отличительной характеристикой военной пропаганды является направленность на врага: «Военная пропаганда — это планомерное использование всех форм коммуникации для того, чтобы оказывать влияние на умы и чувства противника, а также нейтральных и дружественных групп за границей, с четко определенной стратегической или тактической целью» [Лайнбарджер 2003: 65]. Г. Г. Хазагеров определяет пропаганду как тиражирование символики. «Памятники, бюсты, барельефы, портреты, значки, плакаты, изображения политических деятелей и государственных символов на денежных знаках, открытках, конвертах, марках, печатях, вывесках, на страницах букварей и учебников — все это проявление пропаганды. На словесном уровне — это знаковые имена, цитаты, просто ключевые для заданной картины мира слова» [Хазагеров 2002: 169–170]. Ключевое отличие в понимании понятия дал Л. Войтасик: «В принципе во всех определениях пропаганды, предлагаемых буржуазными теоретиками, более или менее четко представлен фактор манипулирования взглядами людей и общественным мнением; естественно поэтому, что такие определения не могут быть использованы в теории социалистической пропаганды. Социалистическая теория пропаганды в отличие от буржуазных теоретиков при формулировке своих положений использует фактор убеждения» [Войтасик 1981: 43].

Универсального определения термина «пропаганда» не существует, поэтому возьмем наиболее распространенный: «Современная пропаганда — это последовательные и продолжительные усилия, направленные на создание или информационное сопровождение событий с целью повлиять на отношение общественности к некоему мероприятию, мнению или коллективу» [Бернейс 2022: 27].

Несмотря на то, что пропаганда имеет большое значение, вопрос поддержания на-

строения в обществе лишь частично входит в круг ее задач, поскольку поле деятельности специалистов ограничено. Например, пропаганда не может влиять на материальное положение населения или занятость путем обеспечения спокойного и доверительного отношения между различными социальными группами. По сути, пропаганда сводится к управлению мнениями и отношением. «Пропаганда — лишь одно из трех главных орудий борьбы с ведущим войну неприятелем. Этими орудиями являются:

военный нажим — т. е. действия сухопутными, морскими и воздушными вооруженными силами страны;

экономический нажим — т. е. учинение препятствий к увеличению противником своих ресурсов, к расширению им своих рынков и к притоку капиталов и рабочих рук;

пропаганда — т. е. непосредственное применение внушения» [Ласвел 1929: 28].

Главная задача любой пропаганды сводится к тому, чтобы лишить того, на кого направлена пропаганда, возможности трезво мыслить. По этой причине предпочтительным для специалистов является принцип воздействия на эмоции и стереотипы при использовании простых и легко усваиваемых методологий. «Пропаганда является средством формирования общественного мнения. Это общее утверждение не вынуждает ставить знак равенства между функциями и ролью пропаганды в различных социально-политических системах. Напротив, идеологические основы и социально-политические условия решительно влияют на формы и функции пропаганды. Пропаганда в современных условиях является идеологическим оружием, способствующим распространению важнейшей политической информации, расширению круга сторонников определенных идей и их решительных защитников. Идеологическое содержание пропаганды оказывает влияние также на формы ее распространения, методы и приемы пропагандистской работы» [Войтасик 1981: 41]. Исследователи полагают, что наиболее правильным подходом выступает анализ пропаганды с точки зрения социологии и психологии. Понимание устройства психики индивида позволяет корректно применять формы и методы пропагандистского воздействия, а социология предоставляет необходимые знания о структуре общественных групп, к которым обращается пропагандист. При использовании в пропагандистских кампаниях психологических методов не происходит изменения функций психики, но оказывается влияние на формирование взглядов личности на окружающую его действительность (политическую и социальную).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ФЕНОМЕНА ПРОПАГАНДЫ

В некоторые исторические периоды пропаганда считалась «грязным» занятием. Обратимся к периоду возникновения явления, чтобы разобраться в подобной негативной коннотации. Отправной точкой для зарождения и развития пропаганды можно считать создание в 1622 году Конгрегации пропаганды веры. Это специальное подразделение было создано Римско-католической церковью для обучения миссионеров способам продвижения христианского вероучения за пределами Европейского континента. «Папа Григорий XIII (1572–85) уполномочил трех кардиналов de propaganda fide распространять католическую веру в нехристианских землях. В 1622 Григорий XV создал святое братство de propaganda fide. В 1627 году Урбан VIII учредил collegium de propaganda с целью обучения миссионерской деятельности. ... Латинское слово в переводе Вильяма Флечера означает „то, что должно распространяться“ и вносит некоторые изменения в семантику слова „вера“» [Фэллоуз 2009: 155].

В период с XVIII по первую половину XIX века понятие имело исключительно религиозный характер и связывалось с деятельностью церкви и религиозных организаций. Исследователи полагают, что в политическом контексте развитие пропаганды связано с событиями Великой французской революции. «До 1914 года слово „пропаганда“ входило только в словари по литературе и обладало достойным, возвышенным значением. ... До мировой войны „пропаганда“ означала только средства, прибегая к которым, приверженец политической или религиозной веры убеждал необращенных принять ее. Два года спустя это слово вошло в обиход простых крестьян и канавокопателей и стало испускать ядовитые испарения. В конце концов, этим словом стали прикрывать откровенную ложь» [Фэллоуз 2009: 156].

Одного из своих переломных этапов развития пропаганда достигла на рубеже XIX и XX столетий, став идеальным инструментом, отвечающим на запрос политических деятелей о формировании общественного мнения и влияния на него. Технический прогресс упростил распространение пропаганды. Так, например, методы психологической войны впервые были использованы в качестве тактического средства наступления в период Первой мировой войны. Достижения в сфере авиации позволяли сбрасывать листовки на позиции врага, для чего были разработаны специальные артиллерийские снаряды.

Ст. Бэдси в статье, посвященной пропаганде в мировой войне, указывает, что, несмотря на то, что прецеденты военной пропаганды с использованием СМИ восходят еще к началу XIX века, именно Первая мировая война стала первым вооруженным конфликтом, в котором воюющие страны осознанно и целенаправленно создавали специальные организации для руководства пропагандой — в местах дислокации врагов, среди союзников, среди нейтрального и собственного населения — как неотъемлемую часть ведения войны [Badsey 2014]. Основная часть созданной странами пропаганды — продукт неправительственных инициатив или взаимодействия власти с частными организациями. Значительная часть пропаганды носила локальный характер. Исторические исследования разбирают крупные события в исключительных эпизодах лишь по причине наибольшей заметности с исторической точки зрения.

К. Геттер выдвигает гипотезу о том, что Первая мировая война велась таким образом, чтобы как можно больше происходящих событий попадали на страницы средств массовой информации [Götter 2021]. СМИ выделяли определенные события с целью придать войне структуру и сориентировать общественность. Несмотря на разнообразие доступных аудитории источников информации, в период Первой мировой войны доминирующую роль в распространении новостей и политической интерпретации конфликта играли газеты и печатная пресса. Несмотря на визуальную силу воздействия фотографий, именно текстовым репортажам о военных событиях аудитория отдавала абсолютное предпочтение.

Дж. Фокс определяет три главенствующие и переплетенные между собой темы, используемые инструментами пропаганды в Первой мировой войне: естественное и международное право, концепция столкновения варварства и цивилизации, вызовы современности [Fox 2016]. Общественность принимала непосредственное участие в деятельности пропагандистов, поскольку именно люди выбирали, какие темы поддерживать и что пересекается с их личными убеждениями о причинах начала конфликта. Автор статьи утверждает, что вторжение Германии в нейтральную Бельгию 4 августа 1914 года было воспринято одновременно как посягательство на моральные принципы, верховенство закона, христианские ценности и цивилизованность. Благородных идей не было достаточно для мотивации к записи на военную службу, поэтому новости о нарушении договора были дополнены блоками о

зверствах в отношении бельгийского и позже французского мирного населения.

Несмотря на обилие источников и позиций, исследователи пропаганды Первой мировой войны придерживаются достаточно избирательной позиции. Так, например, пропаганда военного периода рассматривается как средство подавления свободы слова и не рассматривается в контексте стратегических целей ведения войны или общего широкого развития пропаганды как явления. Историки культуры уделяли основное внимание изучению легкодоступных артефактов, например, плакатов и картин, но обходили вниманием кино и другие средства массовой информации, которые оказывали большее значение. Вместе с тем, игнорируются такие пропагандистские мероприятия, как импровизированные речи, произнесенные во всех странах. В конце концов, исследователи военной пропаганды уделяли внимание только средствам массовой информации и массовым эффектам, редко вспоминая о важности влияния, направленного на элиты [Badsey 2014].

На сегодняшний день наиболее изученными являются инструменты пропаганды, используемые Великобританией, Америкой, Францией и Германией. Частичное объяснение данного феномена может быть следующим: «Приемам пропаганды уделяется особенно большое внимание в американской литературе, что связано с манипулятивным характером империалистической пропаганды. Манипулирование общественным мнением требует разработки большого количества более или менее изощренных приемов. Поэтому эта литература до отказа насыщена различными практическими рекомендациями» [Войтасик 1981: 49].

Деятельность других стран, включая революционную Россию, остается малоизученной. В период проведения Первой мировой войны все включенные в конфликт страны использовали средства массовой информации в качестве инструмента пропаганды. Журналисты, редакторы и владельцы изданий были интегрированы в аппарат государственной пропаганды, что чаще всего происходило на добровольных началах [Keil 2017]. Радио также появилось и получило широкое распространение в Первую мировую войну. В начале 20-х годов в Европе были созданы первые общественные и коммерческие радиостанции: в 1921 году вещание начала радиостанция во Франции; в 1922 году — частная радиоккомпания Би-би-си; в 1923 году — первые частные радиостанции в Германии; в 1924 году — национальные вещательные компании Австрии и Италии.

Страной-лидером в плане ведения пропаганды в Первую мировую войну по праву считается Великобритания. Население многих стран воспринимало Би-би-си как наиболее надежный источник информации. Общественное мнение относительно войны в самой Великобритании периода 1920-х и 1930-х годов было неоднородным, поэтому использование пропаганды внутри страны рассматривалось как нанесение морального ущерба населению и введение в заблуждение. А. Понсонби писал, что для солдата лучше быть раненым или убитым на поле боя, чем подвергнуться деструктивному воздействию вражеской пропаганды [Ponsonby 1940: 25].

В 1917 году главой Комитета вражеской пропаганды был назначен лорд Нортклифф, владелец газет «Daily Express» и «The Times». Он следующим образом охарактеризовал британский подход: «То, что можно сделать открытыми средствами, нельзя делать оккультными средствами. Ложь — наименее эффективная форма пропаганды. Пропаганда, выглядящая как пропаганда, — это третьесортная пропаганда. Никогда не подталкивайте своего пропагандиста к выводу, который он может сделать без посторонней помощи. Ни один человек не будет винить себя, если виноват будет кто-то другой. Негодование на других — естественное состояние человека» [Neander, Randal 2010].

По окончании Первой мировой войны британцы остановили работу всех комитетов, которые имели отношение к пропаганде, в то время как Германия финансировала действующие в интересах своей страны организации пропаганды вплоть до 30-х годов. Основная цель состояла в изображении Германии и её армии в качестве пострадавшей от Версальского договора стороны. Для этого шли в ход и заявления о том, что пропаганда Великобритании построена на лжи [Hull 2005: 198]. При этом многие немецкие теоретики пропаганды рассматривали британский опыт как зеркальное отражение собственной деятельности.

К статусу страны-лидера Великобритании смог привести Чарльз Мастерман — малоизвестный на 1914 год политик, представитель Либеральной партии, обладавший скромным опытом распространения выгодной правительству информации с использованием средств массовой информации. Ч. Мастерману было предложено возглавить Wellington House и построить его с чистого листа по своей логике и подходу к организации и функционированию пропаганды. Wellington House был создан в 1914 году с целью руководства работой по влиянию на общественное мнение за пределами Великобритании и

был, по сути своей, тайным отделом пропаганды. Во исполнение производства материалов и консультирования по вопросам пропаганды были наняты писатели, журналисты, редакторы газет и художники. Основной целью было распространение позитивной информации о деятельности Великобритании в военный период для формирования единомышленников и обеспечения поддержки. Материалы должны были распространяться таким образом, чтобы не было понятно, что их заказчиком и создателем выступает Великобритания. Книги, брошюры и газетные статьи стали первым оружием пропаганды Ч. Мастермана и были направлены на мнение элит. В Wellington House был установлен жесткий принцип «пропаганды фактов», который изначально звучал как «представлять факты и аргументы, основанные на фактах» [Masterman 1968: 274]. Ч. Мастерман был убежден в необходимости предоставления избранных фактов и аргументов, а не призыву к поддержке и попытке навязывания определенного мнения. Также Wellington House использовали в своих материалах принцип простоты и прямолинейности, который тоже можно было найти на плакатах.

ОСНОВНЫЕ ТЕХНИКИ ПРОПАГАНДЫ

Несмотря на существенные изменения в медийной, социальной и политической сферах, фундаментальные принципы осуществления пропагандистской деятельности остаются неизменными. Так, например, пропаганда всегда стремится апеллировать к эмоциям аудитории, а не к рациональному мышлению. По окончании Первой мировой войны лорд А. Понсонби написал книгу «Ложь во время войны» [Ponsonby 1940: 161–165], в которой обозначил основные принципы военной пропаганды, где ложь выступала главным и признанным оружием. В качестве наиболее эффективных автор выделяет следующие идеи, необходимые для трансляции в обществе:

- 1) наше правительство не хочет войны, мы защищаемся или делаем превентивный шаг с целью обезопасить нацию;
- 2) в войне виноват исключительно противник, мы вынуждены обороняться;
- 3) во главе страны-противника находится сущий дьявол. Пропагандисту необходимо убедить аудиторию, что во главе вражеского правительства стоит сумасшедший, алчный, полный лжи человек;
- 4) борьба ведется за ценности населения. О финансовых, экономических и политических интересах правительства необходимо умалчивать;

5) противник осознанно и целенаправленно совершает все жестокие действия по отношению к другим людям. Все действия нашей стороны — самооборона и защита населения. Пропагандистам необходимо детально распространять информацию о зверствах врага, убеждая аудиторию, что все действия для врага обыденны;

6) распространение информации об использовании врагом запрещенного оружия;

7) собственные потери указывать исходя из собственной выгоды, потери врага преувеличивать;

8) любого, кто сомневается в информации, исходящей от нашей стороны, считать предателем, ибо наша миссия и дело священные.

Описанные выше принципы перекликаются с подходом, разработанным американским ученым Г. Ласвелом (Лассуэллом), убежденным, что пропаганда является уступкой способности современного мира рассуждать и что гораздо большего можно выиграть благодаря обольщению и обману, чем принуждению [Ласвел 1929: 6]. Автор выделил основные «стратегические цели пропаганды:

1) возбуждение ненависти к неприятелю;
2) поддержание дружественных отношений с союзниками;

3) сохранение добрых отношений с нейтральными странами и, если возможно, старание заручиться их сотрудничеством;

4) деморализование неприятеля» [Ласвел 1929: 166].

Также Г. Ласвел выделял «тактические принципы пропаганды:

1) должны быть распространяемы те способы внушения, которые могут возбудить специфический интерес в отдельных группах населения;

2) должны быть избираемы те способы внушения, которые могут аннулировать нежелательные идеи, вызванные в населении не поддающимися умолчанию событиями;

3) должны быть применяемы те способы внушения, которые имеют шансы не вызвать опровержения до тех пор, пока не будет достигнута цель пропаганды; в частности, из этого следует, что нужно избегать противоречий самому себе в одних и тех же контекстах, обращаемых к одной и той же группе населения» [Ласвел 1929: 177].

Г. Ласвел утверждает, что для возбуждения ненависти к врагу необходимо представить противника алчным и жестоким зачинщиком войны. Неприятель должен выглядеть как препятствие к достижению идеалов и мечтаний всей нации и каждого члена общества в отдельности. Также автор реко-

мендует придавать противнику «сатанинские» качества. Недовольство населения следует поддерживать заверениями в том, что в конце концов враг будет неизбежно побежден. Таким образом, работа британца лорда А. Понсонби, изданная в 1928 году, и работа американца Г. Ласвела 1927 года перекликаются между собой по основным идеям, которые были развиты последователями и легли в основу большинства пропагандистских техник участвующих в военных действиях стран.

В качестве средства осуществления управления выступает именно информация, поскольку она дополняет имеющееся представление или знание аудитории новыми положениями. Именно в передаваемом сообщении заложено содержание пропаганды, предназначенное для решения определенной поставленной цели. Вместе с тем не каждое сообщение надделено пропагандистской ценностью. Эффективность кампании напрямую зависит от правильности декодирования исходного сообщения реципиентом. П. Лайнбарджер выделяет несколько наиболее удачных методов пропаганды [Лайнбарджер 2023: 22]:

1) точное обозначение врага;
2) обращение к «лучшим людям»;
3) сочувствие простым людям;
4) требование поддержать законное правительство;

5) заявление о своей силе и высоком боевом духе;

6) призыв к объединению;

7) обращение к религии.

По сути своей, распространение пропагандистских материалов представляет из себя особый информационный процесс, в основе которого лежит передача определенных сведений. Главная цель методов воздействия заключается в снижении уровня критического мышления и принятии решений на уровне стереотипного мышления или приближенного к нему. Одним из главных инструментов становится язык. Могут быть предложены следующие модели семантических манипуляций буржуазной пропаганды:

1) старое слово (форма) — новое содержание;

2) старое содержание — новое слово (форма);

3) перифраз;

4) подмена понятий;

5) расплывчатость значений;

6) политическое содержание — неполитическая форма («упаковка»);

7) двойственность значений и т. п. [Стриженко 1982: 21].

В научных работах и различной профессиональной литературе могут быть найдены

и другие механики реализации кампаний пропаганды, используемые специалистами в прошлом и настоящем. Исследователи склонны придерживаться единого мнения о том, что показавшие себя наилучшим образом в прошлом, многие из описанных в данной статье техник остаются актуальными и в современных вооруженных и международных конфликтах. Л. Л. Штофер убеждена, что на сегодняшний день «в рамках информационного воздействия используются классические пропагандистские приемы и методы, облегчающие восприятие и интерпретацию информации целевой аудиторией: дихотомическая поляризация действительности по принципу линейного противопоставления хорошего и плохого, друга и врага; дискредитация оппонента в диапазоне от клеветы до осмеяния; манипулирование ценностями, принятыми у объекта информационного воздействия (целевой аудитории) ради достижения собственных целей; позиционирование собственных воззрений как консолидированного мнения всех прогрессивно мыслящих людей; настойчивое повторение одного и того же в разных вариациях и комбинациях» [Штофер 2018: 167].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эпоху постправды, когда факты становятся предметом интерпретации, а информация — оружием в руках манипуляторов, мы сталкиваемся с необходимостью переосмысления методов познания и повышения уровня критического мышления. Исследование эволюции и техник пропаганды подчеркивает важность понимания её механизмов для защиты информационного пространства и формирования устойчивого общества. Только осознанное восприятие информации и критическое мышление могут стать надежным щитом против манипуляций и дезинформации.

Исторический анализ показывает, что пропаганда всегда играла критическую роль в мобилизации общественного мнения и поддержке военных усилий. В годы Первой мировой войны пропаганда использовалась для формирования патриотических настроений, демонизации образа врага и поддержания морального духа населения. Листовки, плакаты и кинофильмы стали основными средствами распространения пропагандистских сообщений, которые целенаправленно воздействовали на эмоции и убеждения людей.

Во время Второй мировой войны пропаганда достигла нового уровня масштабности и комплексности. С развитием радио и киноиндустрии, возможности для воздействия на массовую аудиторию значительно расшири-

лись. Этому периоду свойственно создание мифов о героизме солдат определенной стороны, преувеличение жестокости врага и апелляция к национальным ценностям. Пропаганда стала неотъемлемой частью военной стратегии, направленной на укрепление внутреннего фронта и подрыв морального духа противника.

Несмотря на изменения в средствах и каналах коммуникации, основные методы и технологии пропаганды остаются неизменными. Фундаментальными элементами пропагандистских кампаний продолжают оставаться техники, доказавшие свою эффективность на протяжении веков, — апелляция к эмоциям, использование символов и манипуляция фактами.

Пропаганда является мощным инструментом в руках тех, кто стремится влиять на настроения и формировать общественное мнение. Используемые в прошлом методы пропаганды остаются актуальными и в современных конфликтах. Понимание исторической эволюции и основных техник пропаганды является ключевым для анализа современного состояния явления и разработки стратегий защиты информационного пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бернейс, Э. Пропаганда / Э. Бернейс. — Санкт-Петербург : Питер, 2022. — 224 с. — Текст : непосредственный.
2. Войтасик, Л. Психология политической пропаганды / Л. Войтасик ; пер. с польского В. Н. Поруса ; предисловие и общая редакция д-ра психол. наук проф. Ю. А. Шерковина. — Москва : Прогресс, 1981. — 278 с. — Текст : непосредственный.
3. Лайнбарджер, П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания / П. Лайнбарджер ; пер. с англ. Е. В. Ламановой. — Москва : Центрполиграф, 2023. — 445 с. — Текст : непосредственный.
4. Ласвел, Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласвел ; сокращенный перевод с английского в обработке Н. М. Потапова ; с предисловием М. Гуса. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство «Отдел военной литературы», 1929. — 200 с. — Текст : непосредственный.
5. Стриженко, А. А. Роль и средства социально ориентированного общения в буржуазной пропаганде / А. А. Стриженко. — Барнаул : АГУ, 1982. — 102 с. — Текст : непосредственный.
6. Фэллоуз, Э. «Пропаганда»: история слова / Э. Фэллоуз ; пер. И. П. Зыряновой. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 3 (29). — С. 155–159. — URL: <https://politlinguistika.ru/images/3-2009/16.pdf>.
7. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. — Москва : Никколо-Медиа, 2002. — 313 с. — Текст : непосредственный.
8. Штофер, Л. Л. Информационная война как радикальная форма политической борьбы / Л. Л. Штофер. — Текст : электронный // Гуманитарий Юга России. — 2018. — № 7 (4). — С. 158–174. — DOI: 10.23683/2227-8656.2018.4.13.
9. Badsey, S. Propaganda: Media in War Politics / S. Badsey. — Text : unmediated // U. Daniel, P. Gattrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer and Nasson B. (eds.). International Encyclopedia of the First World War. — Berlin : Freie Universität Berlin, 2014. — DOI: 10.15463/ie1418.10046.
10. Fox, J. Making Sense of the War / J. Fox. — Text : unmediated // International Encyclopedia of the First World War / ed. by

D. Ute, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson, issued by Freie Universität Berlin, 2016. — DOI: 10.15463/ie1418.10822.

11. Götter, Ch. The First World War as a media event / Ch. Götter. — Text : unmediated / European History Online (EGO), published by the Leibniz Institute of European History (IEG), 2021. — URL: <http://www.ieg-ego.eu/goetterc-2020-en>.

12. Hull, I. V. Absolute Destruction. Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany / I. V. Hull. — Cornell University Press, 2005. — 384 p. — Text : unmediated.

13. Keil, A. Media Discourse after the War / A. Keil. — Text : unmediated // International Encyclopedia of the First World War / ed. by D. Ute, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson ; Issued by Freie Universität Berlin. — Berlin, 2017. — DOI: 10.15463/ie1418.11205.

14. Masterman, L. C.F.G. Masterman: a biography. / L. Masterman. — London : Cass, 1968. — 400 p. — Text : unmediated.

15. Neander, J., & Randal, M. Media and propaganda: The Northcliffe Press and the Corpse Factory story of World War I / J. Neander, M. Randal. — Text : electronic // Global Media Journal. — Canadian Edition. — 2010. — 3 (2). — URL: http://gmj-canadianedition.ca/wp-content/uploads/2018/12/v3i2_neander-and-marlin.pdf.

16. Ponsonby, A. Falsehood in War-Time. Containing an assortment of lies circulated throughout the nations during the great war / A. Ponsonby. — London : George Allen & Unwin Ltd, 1940. — 193 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Bernejs, E. (2022). *Propaganda* [Propaganda]. Saint Petersburg: Piter, 224 p. (In Russ.)

2. Vojtasik, L. (1981). *Psichologiya politicheskoy propagandy* [Psychology of political propaganda]. Moscow: Progress. 278 p. (In Russ.)

3. Lajnbardzher, P. (2023). *Psichologicheskaya vojna. Teoriya i praktika obrabotki massovogo soznaniya* [Psychological warfare. Theory and practice of processing mass consciousness]. Moscow: ZAO Centrpoligraf. 445 p. (In Russ.)

4. Lasvel, G. (1929). *Tekhnika propagandy v mirovoj vojne* [Propaganda techniques in the World War]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Otdel voennoj literatury», 200 p. (In Russ.)

5. Strizhenko, A.A. (1982). *Rol' i sredstva social'no orientirovannogo obshcheniya v burzhuaiznoj propaganda* [The role and

means of socially oriented communication in bourgeois propaganda]. Barnaul: AGU. 102 p. (In Russ.)

6. Fellouz, E. (2009). «Propaganda»: istoriya slova [“Propaganda”: the history of the word]. *Politicheskaya lingvistika*, 3(29), 155–159. Retrieved from <https://polilingvistika.ru/images/3-2009/16.pdf>

7. Hazagerov, G.G. (2002). *Politicheskaya ritorika* [Political rhetoric]. Moscow: Nikkolo-Media, 313 p. (In Russ.)

8. Shtofer, L.L. (2018). Informacionnaya vojna kak radikal'naya forma politicheskoy bor'by [Information war as a radical form of political struggle]. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, 7(4), 158–174. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.4.13.

9. Badsey, S. (2014). Propaganda: Media in War Politics. In U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson (Eds), *1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War*. Berlin: Freie Universität Berlin. DOI: 10.15463/ie1418.10046

10. Fox, J. (2016). Making Sense of the War. In D. Ute, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson (Eds.), *International Encyclopedia of the First World War* (issued by Freie Universität). Berlin. DOI: 10.15463/ie1418.10822

11. Götter, Ch. (2021). The First World War as a media event. In *European History Online (EGO)* (published by the Leibniz Institute of European History (IEG)). Retrieved from <http://www.ieg-ego.eu/goetterc-2020-en>

12. Hull, I.V. (2005). *Absolute Destruction. Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany*. Cornell University Press, 384 p.

13. Keil, A. (2017). Media Discourse after the War. In D. Ute, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson (Eds.), *International Encyclopedia of the First World War* (issued by Freie Universität). Berlin. DOI: 10.15463/ie1418.11205

14. Masterman, L. (1968). *C.F.G. Masterman: a biography*. London: Cass., 400 p.

15. Neander, J., & Randal, M. (2010). Media and propaganda: The Northcliffe Press and the Corpse Factory story of World War I. *Global Media Journal. Canadian Edition*, 3(2). Retrieved from http://gmj-canadianedition.ca/wp-content/uploads/2018/12/v3i2_neander-and-marlin.pdf

16. Ponsonby, A. (1940). *Falsehood in War-Time. Containing an assortment of lies circulated throughout the nations during the great war*. London: George Allen & Unwin Ltd. 193 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'42+81'38+81'27
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.31.02

Код ВАК 5.9.8

Руслан Ирикович Зарипов

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Москва, Россия, lieutenant-en-chef@ya.ru, SPIN-код: 9294-2349

Информационно-психологическое оружие: сущность и типологизация

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются сущность и характер функционирования информационно-психологического оружия как сообщения, направленного на дискредитацию мишени воздействия путем формирования ее негативного образа и/или нанесения репутационного ущерба ее жизненно важным (основополагающим) характеристикам, в том числе с использованием дезинформации, сомнительной (непроверенной) информации, деструктивных установок и других приемов. В зависимости от избранных средств воздействия и целей коммуникатора автором выделяется пять уровней оружия: без задействования эмоциогенных и/или конфликтогенных элементов (оружие первого порядка), с задействованием эмоциогенных и/или конфликтогенных элементов (оружие второго порядка), с задействованием прямых деструктивных установок (оружие третьего порядка), распространяемое в интересах достижения военных целей (оружие четвертого порядка), распространяемое с целью массированного информационного подавления противника (оружие пятого порядка). Кроме того, в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к анализу медиадискурса предлагается «правило +1», которое учитывает асимметрию видения и «вчувствования» между субъектом и объектом воздействия ввиду повышенного эмоционального напряжения последнего при восприятии и понимании сообщений, выступающих информационно-психологическим оружием в отношении субъективно значимой мишени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, информационно-психологическое оружие, информационно-психологическая война, информация, фасцинация, образ России, картина мира, манипуляция сознанием, манипулятивное воздействие, массовое сознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, докторант, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ; 111033, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; email: lieutenant-en-chef@ya.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зарипов, Р. И. Информационно-психологическое оружие: сущность и типологизация / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 84–99.

Ruslan I. Zaripov

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, lieutenant-en-chef@ya.ru, SPIN code: 9294-2349

Information and Psychological Warfare Weapons: Essence and Typology

ABSTRACT. The article analyses the essence and functioning of information and psychological warfare weapons as messages aimed at discrediting the target of the influence by forming its negative image and/or causing reputational damage to its vital (fundamental) characteristics, including the use of disinformation, dubious (unverified) information, destructive purposes and other techniques. Depending on the chosen means of influence and the communicator's aims, the author distinguishes five levels of weapons: without emotiogenic and/or conflictogenic elements (first-order weapons), with emotiogenic and/or conflictogenic elements (second-order weapons), using direct destructive purposes (third-order weapons), disseminated in order to achieve military goals (fourth-order weapons), disseminated in order to achieve massive information suppression of the enemy (fifth-order weapons). In addition, within the framework of the cognitive-discursive approach to the analysis of media discourse, the author suggests the 'rule +1', which takes into account the asymmetry of vision and 'feeling' between the subject and the object of influence due to the heightened emotional tension of the latter when perceiving and understanding messages that act as information and psychological warfare weapons against a subjectively significant target.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, information and psychological warfare weapons, information and psychological warfare, information, fascination, image of Russia, worldview, manipulation of consciousness, manipulative impact, mass consciousness.

AUTHOR'S INFORMATION: Zaripov Ruslan Irikovich, Candidate of Philology, Post-Doctoral Associate, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Zaripov R. I. (2024). Information and Psychological Warfare Weapons: Essence and Typology. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 84–99. (In Russ.).

Актуальные военно-политические и социокультурные реалии геостратегического характера убедительно демонстрируют, что Российская Федерация вовлечена в тоталь-

ную информационную войну, которая ведется против нее коллективным Западом во всех доступных сферах. Информационно-психологическая война как одна из ведущих

© Зарипов Р. И., 2024

форм этой агрессии сегодня является открытым, незавуалированным продолжением многовековой негласной борьбы против суверенитета Российского государства и любых проявлений идентичности его многонационального народа. После относительного и неравномерного по своей выраженности «затишья» в начале-середине 90-х годов XX века полномасштабная информационная кампания по дискредитации России и ее высшего военно-политического руководства была возобновлена прозападными массмедиа с началом восстановления ее государственного суверенитета и возвращения утраченных позиций на международной арене. Она нарастала скачкообразными темпами по мере возникновения резонансных медианарративов в связи с военными действиями в Чечне, Грузии и Сирии, зимней Олимпиадой в Сочи (2014) и Чемпионатом мира по футболу (2018), рядом внутривнутриполитических событий в России и возвращением в ее состав Крыма, а также другими значимыми информационными поводами. С 2014 г. на Западе намеренно искажаются и замалчиваются предыстория и причины начавшейся гражданской войны на Украине, факты притеснения и геноцида русскоязычного населения на территории Донбасса, миротворческие усилия Москвы по урегулированию конфликта. В период обострения конфронтации России и НАТО в конце 2021 — первой половине 2022 года информационно-психологическая война достигла своего апогея. В материалах западных СМИ и высказываниях русофобских политиков о России и специальной военной операции ВС РФ перестали каким-либо образом скрываться вербальная агрессия, угрозы, установка на разрушение: *«Les sanctions sont d'une efficacité redoutable. Nous allons livrer une guerre économique et financière totale à la Russie. Nous allons provoquer l'effondrement de l'économie russe»* [Franceinfo, 01.03.2022] (*«Санкции чрезвычайно эффективны. Мы собираемся развязать тотальную экономическую и финансовую войну против России. Мы собираемся вызвать крах российской экономики»*).

Противостояние России в рамках информационно-психологической войны выражается в публичной дискредитации ее высшего военно-политического руководства и Вооруженных сил, бесконтрольном употреблении в отношении разных составляющих ее образа негативно окрашенной эмоционально-экспрессивной и обценной лексики, непрерывном распространении не соответствующих действительности фактологических данных и других проявлениях. Антироссийская истерия в глобальном медиапростран-

стве обострилось настолько, что следует констатировать открытие отдельного «фронта» — информационного, не уступающего по своей значимости и масштабам боевым действиям в пространстве материальном. Пиковые значения русофобии и дезинформации мирового сообщества в отношении России сохраняются и сейчас, и с точки зрения актуальности исследований в интересах развития отечественной науки, информирования широкой общественности и выполнения специальных (прикладных) задач это выдвигает на первый план проблематику, связанную с отстаиванием и обеспечением национальной безопасности страны в ходе глобального информационно-психологического противоборства. Эта сфера требует всестороннего изучения *информационно-психологического оружия* как сообщения, *установки которого формируют негативный образ мишени информационного воздействия и/или подрывают ее жизненно важные (основополагающие) характеристики* [Гаврилов, Зарипов 2023: 158–159]. При этом очевидно, что соответствующая информация должна быть распространена *массово*, то есть любым способом, подразумевающим ее передачу большому количеству лиц (за исключением случаев телефонного и интернет-мошенничества, а также других видов воздействия на индивидуального реципиента).

Когнитивная интерпретация как необходимый этап всякого (лингво)когнитивного исследования подразумевает не только собственно процедуру «перевода» языковых [и неязыковых — прим. авт.] данных в когнитивные [Стернин 2004: 65], но и выявление концептуальных установок (манипулятивных посылов) сообщения в отношении избранной мишени воздействия с учетом ситуативного и широкого контекста, взаимосвязи вербального и невербальных компонентов, экстралингвистических и других факторов. Под жизненно важными (основополагающими) характеристиками мишени понимаются такие ее фундаментальные морально-нравственные, культурно-исторические, ценностно-социальные и информационно-идеологические основы, искажение, ослабление или игнорирование (замалчивание) которых влечет за собой дискредитацию ее образа в сознании-подсознании объекта информационно-психологического воздействия. Для индивидуума и группы лиц это могут быть качества, связанные с порядочностью, честью, вероисповеданием, расовой принадлежностью, этническим и социальным происхождением, политическими и идеологическими взглядами и т. п.; для общества в це-

лом и государства — качества, связанные с политической, военной, экономической, социальной и другими видами безопасности, территориальной целостностью и суверенитетом, идеологией, политико-экономическим строем и формой правления, судебно-правовой системой и общечеловеческими ценностями, социальными и мировоззренческими установками, историческим прошлым и морально-нравственными устоями, национальными, этническими, религиозными, языковыми и другими особенностями, отношениями с союзниками и потенциальными противниками, научно-техническими, социально-экономическими, спортивными достижениями и т. п. Таким образом, информационно-психологическая война затрагивает как социально-политические устои государства, так и ментальные и духовно-ценностные характеристики человека и общества [Сабиров, Соина 2019: 81].

Определяющими, независимыми друг от друга, но часто взаимодополняющими признаками информационно-психологического оружия выступают *отрицательный коннотативный вектор в отношении мишени воздействия и репутационный ущерб ее основополагающим характеристикам*. Исключением является случай использования речевой (коммуникативной) тактики *положительной оценки, оправдания или поощрения* аморальных для избранной мишени исторических, социально-политических и идеологических реалий или объектов внеязыковой действительности, а также ее критиков или противников в различных сферах. Так, примененным против российского общества информационно-психологическим оружием может выступать сообщение, реабилитирующее нацизм, культивирующее интерес к гомосексуальным отношениям, поощряющее сепаратизм и сдачу государственных территорий. Против ВС РФ и России в целом — сообщение о критическом превосходстве вооруженных сил иностранных государств в каком-либо компоненте, успешных испытаниях или размещении ракетных систем в чувствительных для России регионах и т. п. Следует понимать, что важную роль в определении сообщения как информационно-психологического оружия играет малый и широкий контекст, в том числе то, как преподнесена информация: *«Я считаю, что будет величайшим благом, если мы продадим Южные Курилы за 40 миллиардов долларов. Все равно придется в ближайшие 5–10 лет отдать эти острова»* [Андронов 1998]. Так, через положительный образ продажи Курильских островов как «величайшего блага» продвигается аморальная идея пе-

редачи национальных территорий. Кроме того, здесь просматривается концептуальный вектор бесполезности (*«Все равно придется... отдать»*).

Признаки информационно-психологического оружия, выделенные нами ранее [Зарипов 2020], позволяют считать таковым сообщением, которое содержит:

- концептуальные установки, формирующие негативный образ мишени воздействия и/или подрывающие ее жизненно важные (основополагающие) характеристики;

- концептуальные установки, формирующие положительный образ, оправдывающие или поощряющие противоречащие интересам мишени реалии или объекты в субъективно значимых для нее сферах;

- дезинформацию (сомнительную, непроверенную информацию) в отношении мишени воздействия, в том числе о террористическом акте (военном нападении, диверсии, провокации и др.);

- угрозы, обвинения, требования и призывы к каким-либо действиям, означающие вмешательство во внутренние дела мишени воздействия, а также информацию, способствующую совершению противоправных действий;

- приемы замалчивания (игнорирования) мишени воздействия или ее характеристик, ведущие к потере ее авторитета (статуса), принижению ее роли и другим негативным для нее последствиям.

Сообщения, идентифицируемые в качестве информационно-психологического оружия, воздействуют на адресатов индивидуально в зависимости от степени устойчивости их эмоциональной сферы, считающейся наименее стабильной составляющей в структуре сознания человека. Усилия коммуникатора в изменении социальных установок реципиента и продвижении своей картины мира тем заметнее (и нередко результативнее, как это продемонстрировал фасцинирующий эксперимент [Зарипов 2024]), чем сильнее выражена фасцинация, сопровождающая информацию и направленной на возбуждение (подавление) психоэмоционального состояния последнего. Иными словами, часто модификация мировоззрения как ядра личности человека [Спиркин 1972: 266–277] намеренно осуществляется субъектом воздействия давлением через эмоциональную сторону коммуникации, которое обеспечивает ситуативную гибкость, «податливость» сознания-подсознания реципиента к элементам когнитивного моделирования и, более того, регулирует его склонность и готовность к совершению (несовершению) какого-либо поведенческого акта. В связи с этим пред-

ставляется закономерным выделить в качестве информационно-психологического оружия *первого порядка* (базового) сообщения, не имеющие в своей основе эмоциогенных сигналов, то есть фасцинативных элементов на «низовом», контекстуальном и идейно-тематическом уровнях (за исключением фасцинации, очевидно способной возникать на основе субъективно-личностной мотивированности адресата): «У ООН нет возможностей и полномочий, чтобы заставить Россию соблюдать Устав ООН и международное право, заявил на пресс-конференции в Нью-Йорке председатель Генеральной Ассамблеи организации Деннис Фрэнсис» [Газета.Ру, 09.09.2024]. Даже несмотря на то, что текст англоязычного оригинала может не соответствовать формулировке высказывания, распространенного в мировых и российских СМИ, именно последнее формирует картину мира массовой аудитории с помощью манипулятивной пресуппозиции, согласной которой Россия — нарушитель Устава ООН и международного права.

Здесь следует говорить о намеренной или реже — непреднамеренной дискредитации образа (имиджа) мишени воздействия, которая, несмотря на отсутствие эмоциональной стороны коммуникации, способна встраиваться в структуру когнитивной модели и выступать одним из ее проявлений, принимая участие в процессе миромоделирования адресата.

Очевидно, что распространение дискредитирующей информации, «работающей» на компрометацию (демонизацию) образа (имиджа) мишени воздействия с привлечением разных приемов фасцинации, более эффективно с эмоциональной и суггестивной точек зрения. В этом случае коммуникатор способен *запечатлеть* в сознании-подсознании адресата фрагмент действительности как в словесной, так и в визуальной (аудиальной) форме, облеченной в эмфатическую, запоминающуюся оболочку: “Russia is a **gas station masquerading as a country. It’s kleptocracy; it’s corruption. It’s a nation that is really only dependent upon oil and gas for their economy, and so economic sanctions are important. Give some military assistance to Ukrainians at least so they can defend themselves**” [The Washington Times, 16.03.2014] («Россия — это **бензоколонка, маскирующаяся под страну. Это — клептократия; это — коррупция. Это страна, экономика которой зависит только от нефти и газа, поэтому экономические санкции важны. Окажите украинцам хотя бы военную помощь, чтобы они могли защитить себя**»). В отличие от информаци-

онно-психологического оружия *первого порядка*, воздействие на адресата в этом примере оказывается более выразительно, ярко и концентрированно. Во многом такой результат обеспечивается именно теми элементами медиатекста, которые сочетаются с рациональной, стилистически нейтральной информацией и обладают амбивалентной, когнитивно-моделирующей и фасцинативной функциональностью: метафорами в их широком понимании, частично эвфемизмами и дисфемизмами, иронией, дискурсивно выделяющимися (фасцинативными) элементами, обеспечивающими эмоциональность (суггестивность), например, интонационной акцентуацией, повторением, интенсификацией и т. д. Подобные сообщения следует считать оружием *второго порядка*.

Они могут нести как положительный (фасцинативный), так и отрицательный (антифасцинативный) эмоциональный заряд, быть потенциально (имплицитно) или фактически конфликтогенными. Так или иначе, воздействие на адресата осуществляется ими не только на аргументативном, идейно-логическом уровне убеждения посредством рациональных рассуждений, суждений или умозаключений, лишенных фасцинативной основы, но и на уровне эмоционально-психологического давления, а чаще всего — в смешанном виде. Кроме вербальных сообщений информационно-психологическое оружие второго порядка проявляется в современном поликодовом (мультимодальном) формате медиатекста, одним из наиболее характерных примеров которого может служить так называемый демотиватор или мем как концентрированный фрагмент (единица) информации и фасцинации. За счет речевого оформления и спецэффектов мемы, демотиваторы и подобные им поликодовые тексты способны придавать визуальным образам, происходящим из событий повседневной жизни, гипертрофированный и эмоциогенный характер, а нередко вместе с этим — значимый информационный повод и благоприятные условия для активного обсуждения, продвижения и закрепления в массовом сознании определенных аксиологических, политических и идеологических ориентиров. Нередко речь идет уже о полноценной «войне мемов», цель которой состоит в установлении контроля над информационным пространством противника и достижении доминирования в развитии медианарратива по соответствующей тематике. Очевидно, что так называемая меметическая война выступает частью информационно-психологической войны и ведется в интересах выполнения ее задач, оказывая значительное

влияние на материальную действительность и приводя к практическим последствиям на управленческом и социально-политическом уровнях. В качестве примеров следует привести отказ Дж. Байдена баллотироваться на второй президентский срок в США (см. рис. 1), а также непрекращающиеся попытки иностранных агентов и экстремистов «повлиять на российскую политику изнутри в угоду так называемым „зарубежным партнерам“» [Рыбарь, 16.11.2022]: «Иноагенты не забыли и о пропаганде среди молодого поколения... прозападными пропагандистами создан канал „Тема урока“, который якобы рассказывает „о подростковой жизни в школе“. Авторы с использованием шуток и мемов агрессивно доносят молодым людям свою политическую позицию, высмеивая, например, новые школьные уроки „Разговоры о важном“» [Там же].

Частным случаем информационно-психологического противоборства выступают сообщения, продвигающие положительный образ одной стороны и при этом способные вызывать эмоции (реакции) отрицательного спектра у другой стороны (враждебно настроенной аудитории), несмотря на отсутствие в медиатексте (изображении) элементов, образующих негативные коннотации в отношении мишени (объекта) воздействия (см. рис. 2). В целом же информационно-психологическое оружие *второго порядка* направлено на ослабление образа (имиджа) мишени, однако не только через порождение положительной фасцинативной энергии (юмор, радость, симпатия), но и отрицательной, чаще всего выражающейся в конфликтности и имплицитных (не выраженных директивно) деструктивных установках.

Рис. 1. Примеры мемов о президенте США Дж. Байдене

Рис. 2. Пример изображения без отрицательных коннотаций в отношении какой-либо мишени воздействия, приобретающего функцию информационно-психологического оружия (второго порядка) в определенных условиях

Информационно-психологическое оружие в поликодовом формате не ограничивается мемами и другими преимущественно статичными изображениями. Высока за счет фaszинации (антифaszинации) адресата (в первую очередь — визуальным компонентом) эффективность воздействия социальной рекламы, после просмотра которой большинство принимавших участие в исследовании сообщили о разных испытываемых эмоциях [Ломтатидзе, Алексеева 2016: 171]. Когнитивный и эмоциональный отклик аудитории достигается за счет специальных приемов автора по созданию контрастности, асимметрии, концептуального противоречия, которые наиболее выражены в *конфликтном* (поликодовом) тексте, объединяющем класс медиатекстов, применяющихся в интересах ведения информационно-психологической борьбы. Основой конфликтного сообщения является конфликтотема, под которой понимается «минимальная функционально-прагматическая единица дискурса, концентрирующаяся на той или иной стадии конфликта» [Никитин, Карабулатова, Пахоменкова 2022: 114], намеренно инициирующегося коммуникатором в информационном пространстве. Конфликтотема может быть антифазцинативной (то есть индуцировать эмоции отрицательного спектра) и/или мотивационной в отношении адресата, иметь как

вербальную и паравербальную, так и невербальную природу, однако всегда направлена на провокацию, развитие или обострение конфликтной коммуникативной ситуации с целью «заражения» адресата (массовой аудитории) соответствующими психологическими состояниями и настроениями (см. рис. 3), в связи с чем также называется *манипулемой* (при этом не всегда отрицательно заряженной): «Следует отметить, что креолизация текстов с конфликтогенной составляющей преобладает в современной психолого-информационной войне в силу своего быстрого и эффективного воздействия на психоэмоциональную сферу человека» [Там же: 111].

Конфликтные поликодовые тексты, входящие в широкий корпус текстов агрессивной и насильственной тематики, используются в интернет-коммуникации для пропаганды насилия, ксенофобии, экстремизма и других проявлений асоциальной направленности в интересах информационно-психологической войны: «Семантика коммуникации в онлайн-сообществах характеризуется более высокой степенью выражаемой агрессии и негатива в сравнении с конфликтной ситуацией по тем же вопросам в реальном измерении... Это дает возможность в дальнейшем через „ячейки цифровых партизан“ формировать волны недовольства в социу-

ме, переводя накопившуюся цифровую агрессию в реальную жизнь» [Савушкина 2024: 16]. Более того, в случае наличия «целевой ориентации автора на разрушение» и ключевого признака — темы «уничтожения конкретной социальной структуры в единстве ее уровней, элементов, свойств, характеристик, отношений с иными структурами» [Злоказов 2015: 244] подобные сообщения следует считать более радикальной формой проявления конфликтного дискурса — текстами деструктивной направленности, «констатирующими, иллюстрирующими агрессивные и насильственные действия или призывающими к их совершению» [Там же].

В этом заключается относительно тонкая грань между информационно-психологическим оружием второго и третьего порядка: в последнем случае наблюдается выраженная деструктивность сообщения, проявляющаяся на уровне интенциональности и содержания: «Деструктивная интенция имеет соответствующие средства языкового выражения, к которым относятся стилистически сниженная, обценная, негативно-окрашенная эмоционально-оценочная лексика, а также контекстуально-оскорбительная лексика. Приведенный список может быть дополнен различными стилистическими приемами, акцентирующими деструктив-

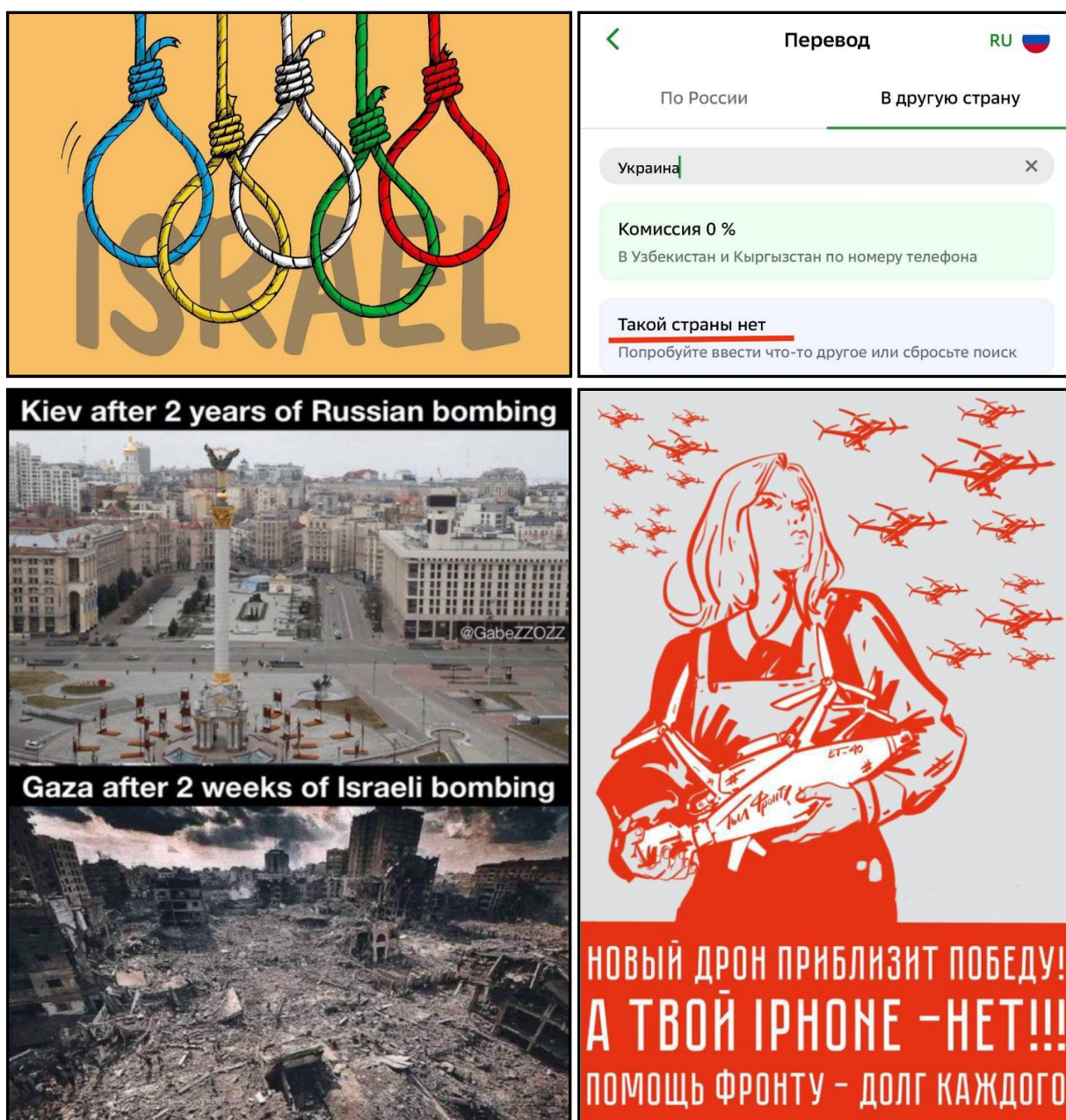

Рис. 3. Примеры поликодовых сообщений, выступающих информационно-психологическим оружием второго порядка

ные намерения автора, использованием ты-общения, не соответствующего статусу адресата, использованием форм повелительного наклонения для реализации побуждения к причинению вреда объекту» [Волкова, Птукян 2023: 23] и другими проявлениями. Модально-императивная информация в этом случае не выступает отличительной особенностью оружия третьего порядка, так как она может не содержать речевые (неречевые) единицы, объективирующие агрессию в отношении конкретной мишени, и не порождать смыслы, относящиеся к выраженной деструкции: «**Надо сейчас же навести порядок в этой воровской сфере!**». Однозначным индикатором деструктивной направленности считается подключение коммуникатором элементов речевой (и неречевой) агрессии, обращенной против объекта (мишени) воздействия и направленной на его морально-психологическое давление: «**Вы че, сволочи, совсем... Закрывайте свою жульническую контору или мы придем к вам по домашним адресам и научим жить честно. Если за три дня этот сайт и вся ваша мошенническая кодла не исчезнет из инета — будем физически вас истреблять. Будем убивать!**»; «**Пиши заявление и уходи. Не вздумай выдвинуть себя на главу. Приедем и вырежем весь род**» [Злоказов 2015: 246] (орфография и пунктуация сохранены).

Кроме интенции подавить (унизить) объект (мишень) воздействия и/или утвердиться (возвыситься) за счет акта подавления или унижения (то есть причинить эмоциональный и/или физический вред), параметрами деструктивного сообщения считаются установка на физическое уничтожение объекта и нарушение аксиологической структуры текста (отсутствие сочувствия, преобладание деструктивных эмоций, стремление понизить статус мишени) [Волкова 2024: 939, 947]. Характерными признаками подобных сообщений выступают инвективная, обценная и в том числе ненормативная лексика, которая употребляется *в отношении избранной мишени* и проводит все возможные концептуальные векторы агрессии (унижения, насилия, принуждения, запугивания, глумления и т. д.): «**On s'en fout de son opinion... On**

s'en fout de ces limites, on s'en fout de Macron, de ce qu'il dit, Macron, on s'en fout des limites Macron... (Mais la France est une puissance nucléaire — прим. интервьюера) Tout à fait, avec deux cent missiles... donc, on va tuer tous les soldats français qui vont venir au sol ukrainien. Tous»¹ («Нам плевать на его мнение... Нам плевать на эти ограничения, нам плевать на Макрона, на то, что говорит Макрон, нам плевать на ограничения Макрона... (Но Франция — ядерная держава — прим. инт.) Абсолютно, с двумя сотнями ракет... так что мы убьем всех французских солдат, которые придут на украинскую землю. Всех**»). На паравербальном уровне подобное содержание может подкрепляться аналогичными сигналами, на невербальном — деструктивным неречевым поведением, а в поликодовом тексте — антифасциативными изображениями (звуковыми элементами)¹, генерирующими деструктивные смыслы (см. рис. 4). Перечисленные и другие контекстуальные элементы медиатекста, выступающие показателями установки «на разрушение», считаются деструктивами, которые образуют деструктему как ключевую смысловую единицу деструктивного текста и своеобразную «точку информационной напряженности» [Карабулатова, Копнина 2022: 365].**

В приведенных примерах деструктивность медиатекстов выражается в намеренном понижении статуса мишеней путем строчного (а не заглавного) написания их аббревиатур (*вс рф*), фонетической игре (намеренном искажении) слов с целью оскорбления российских войск и их уподобления фашистам (*рашисты*), издевательском обращении к официальному представителю МИД России М. В. Захаровой (*пресс-алкаше*) и унижительном обсуждении ее внешнего вида. Кроме того, сообщается о нанесении бомбового удара по российским войскам на территории Курской области с приложением видеоматериала (демонстрация уничтожения) и указывается на якобы совершение ВС РФ военного преступления в результате удара по Харьковку с упоминанием пострадавших среди детей (универсальная² фасцинация) и приложением фотографии. Все

¹ В случае с оружием третьего порядка следует говорить об *эксплицитном и прямом* выражении деструктивных смыслов в отношении мишени (объекта) воздействия.

² Универсальная фасцинация часто связана с *темой* (идейно-тематическим компонентом) сообщения, появление которой по умолчанию вызывает внимание и эмоцию массовой аудитории за счет своей резонансности, психологичности или резкой контрастности: «Преподаватель СПбГУ убил аспирантку. Его поймали при попытке утопить пакет с женскими руками». В этом случае фасциативный эффект чаще возникает *на уровне смыслопонимания*, а не фрагментарного восприятия элементов сообщения. К универсальной фасцинации относятся темы насилия и смерти, зрелищные ситуации и эффекты (яркие отрывки спортивных трансляций, эпатажные действия, природные явления, взрывы и столкновения объек-

эти мишени воздействия (М. В. Захарова, личный состав ВС РФ, российские войска) выступают объектами дезинформации, дискредитации (диффамации) и вербальной (невербальной) деструкции, через которые культивируется ненависть к России (русским) и наносится информационный (репутационный) ущерб ее образу в целом.

Как правило, сферой действия информационно-психологического оружия третьего порядка выступают ленты телеграм-каналов, функционирующих в интересах информационно-психологического противоборства, а также страницы публичных чатов и комментариев, где часто проявляется агрессия между коммуникантами. Примечательно, что в межличностной сетевой (несетевой) коммуникации могут встречаться сообщения и без выраженных деструктивных элементов, но с учетом их универсальной фасциативности, основанной на темах безопасности, жизни и здоровья адресата (мишени воздействия) или его родственников (близких), сохранности личного имущества и других личных аспектов (то есть темах его личной и семейной сфер, как в случае с телефонными звонками мошенников, например), их также следует относить к более радикальной форме информационно-психологического оружия (третьего порядка). В целом точное отнесение конкретного сообщения к оружию второго или третьего порядка требует комплексного лингвистического и экстралингвистического анализа.

Так или иначе, ввиду повышенного эмоционального напряжения, возникающего при восприятии и понимании сообщений, которые выступают информационно-психологическим оружием в отношении мишени, позиционируемой адресатом в качестве субъективно значимой для себя, при когнитивно-дискурсивном анализе должно негласно действовать «правило +1». Оно заключается в асимметрии видения и «вчувствования» между субъектом и объектом воздействия: если первый готовит материалы информационно-психологического противоборства и рассчитывает на достижение какого-либо коммуникативного (посткоммуникативного) результата, лишь примерно оценивая уровень возможного эффекта, производимого сооб-

щением, то второй воспринимает последнее более причастно (эмпатично) и переживает генерируемые им смыслы более интенсивно с психологической точки зрения. Так, не вызывающая практически никаких эмоций для стороннего адресата фраза: «*Россия находится в Приднестровье в нарушение норм международного права*» (оружие первого порядка, лишенное фасциативных элементов) — для патриотично настроенных россиян и жителей Приднестровской республики будет фактически выступать оружием второго порядка; для них оно обретает как минимум имплицитную конфликтность, задевает их убеждения как мировоззренческое ядро, провоцирует несогласие: иными словами, вызывает отрицательную реакцию разной степени выраженности. Другое гипотетическое высказывание, отвечающее всем признакам информационно-психологического оружия второго порядка: «*Россия незаконно держит свои ржавеющие танки в Приднестровье*», — потенциально может восприниматься указанными адресатами не просто в качестве образной негативизации (метафтонимия), но и с возмущением, негодованием, как оскорбление, — что есть признак воздействия оружия третьего порядка. При восприятии изображения или поликодового текста субъективная значимость темы (мишени) проявляется в той же мере: например, то, что для поддерживающих специальную военную операцию россиян выглядит смешным и забавным (см. рис. 5), будет восприниматься враждебной украинской аудиторией как грубое оскорбление и издевательство.

Наконец, применение коммуникатором оружия третьего порядка, то есть распространение сообщения, в котором присутствует универсальная фасциация (отрицательного эмоционального спектра) и/или выраженная деструкция относительно мишени (объекта), станет для враждебной аудитории деморализующим или даже шокирующим контентом, психологически подавляющим или экстремально стрессогенным. Примерами здесь могут выступить видео-/фотоматериалы с обстрелами (последствиями обстрелов) вооруженных сил и мир-

---

тов, другие развлекательные фрагменты в стиле экшен), сенсации и происшествия. Кроме того, массовую аудиторию привлекают новости о рекордах (погодных, спортивных и др.) и достижениях с выделением максимального проявления признака референта (лучший/худший, самый молодой, «доживший до 127 лет» и т. п.), паранормальные и парадоксальные явления, мистические истории, необъяснимые религиозные и научные феномены. Универсально фасциативны сообщения, затрагивающие всеобщие витальные потребности и интересы, а также физиологические потребности человека. Средства выражения радикальной контекстуальной семантики, относящиеся к указанным *психологически аттрактивным* темам, по аналогии также могут быть названы элементами *универсальной фасциации*.

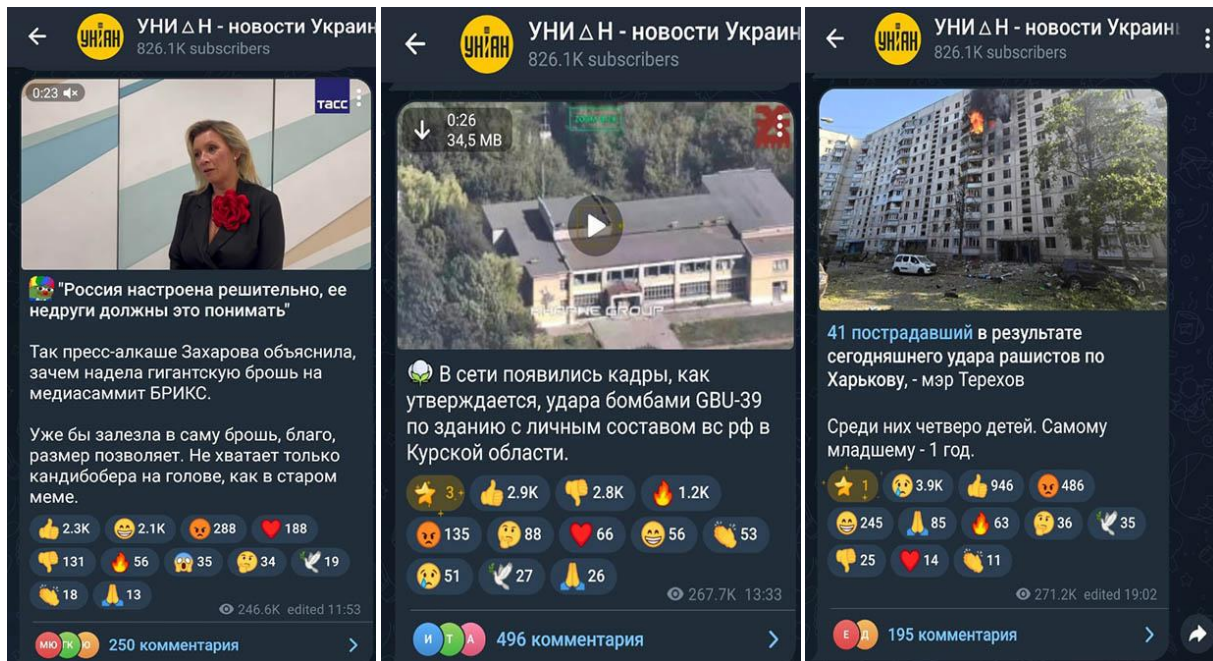

Рис. 4. Примеры поликодовых сообщений, выступающих информационно-психологическим оружием третьего порядка (деструктивные медиатексты)

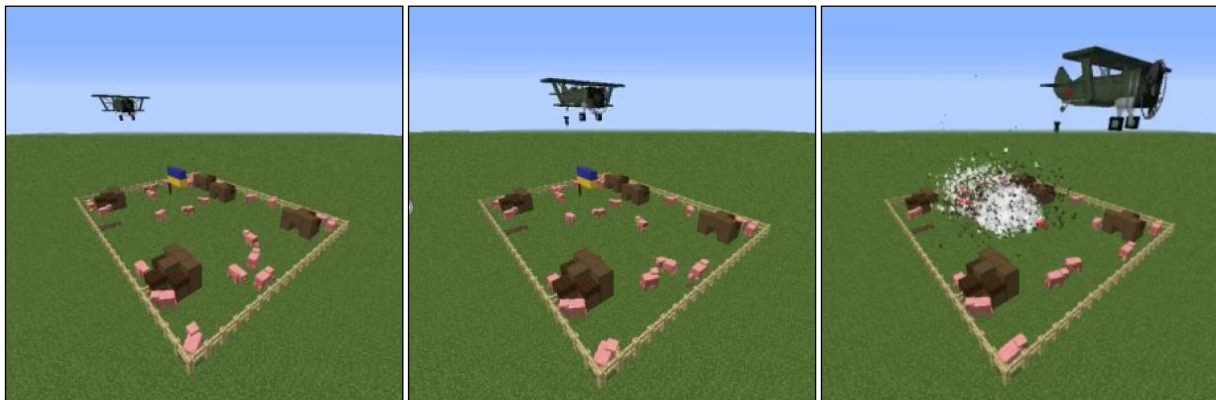

Рис. 5. Анимационное изображение, демонстрирующее бомбардировку свинофермы — информационно-психологическое оружие второго порядка, основанное на метафоре и юморе

ного населения своей страны, убийствами (пытками) пленных военнослужащих и т. д., иными словами — любой чрезвычайно фрустрирующий контент, относящийся к универсальной fascinации и *разжигающий (плодящий) ненависть*.

Информационно-психологическое оружие сопровождает не только политические и экономические решения акторов в мирное время, но и предназначено обеспечивать успешное ведение боевых действий. Как следствие, необходимо отдельно выделять сообщения, распространяемые в рамках гибридной войны с целью дезинформирования, введения противника в заблуждение и подавления его морально-политического и психологического состояния. Информационно-психологическое противоборство в военное время ведется как на локальном и опера-

тивном уровнях — на отдельных участках фронта и на всем его протяжении, где среди населения и войск противника осуществляется распространение агитационно-пропагандистских материалов (в том числе путем радио-, видеотрансляции, пересылки коротких сообщений), так и на стратегическом уровне, в глобальном информационном пространстве, когда цель коммуникатора состоит в усилении психологического давления на враждебную аудиторию и дезориентацию его военно-политического руководства. Так, в июле 2022 года украинскими националистами активно «вбрасывалась» ложная информация о скором контрнаступлении ВСУ на юге страны, призыве около миллиона человек и отступлении российских войск. Более того, распространялись фейковые сообщения об успешном продвижении украин-

цев к Херсону и якобы скором взятии его под контроль. Несмотря на то, что с военной точки зрения раскрытие планов своего наступления бессмысленно и даже преступно, в данном случае разглашение планировавшихся действий происходило открыто и публично. Очевидно, что цель подобных информационных диверсий состоит в том, чтобы вызвать панику среди местных жителей, заставить их отказаться от сотрудничества с российской властью и выехать в западные области Украины (для создания «картинки» всеобщего бегства), а одновременно с этим — прозондировать реакцию нашего командования, ввести его в заблуждение и заставить перебросить силы и средства на второстепенный фронт, ослабив группировку на Донбассе. Фактически это и есть настоящая информационно-психологическая операция.

Коммуникативный эффект информационно-психологического воздействия, достигаемый применением оружия первого, второго и третьего порядка, используется противником в военных целях. Так, на протяжении всей специальной военной операции ВС РФ представители коллективного Запада постоянно заявляли о необходимости достижения мирных переговоров и «справедливого мира», в то же время осуществляя очередной виток эскалации в виде новых поставок вооружения на Украину и/или его применения по территории России. В аналогичном ритме «работали» прозападные средства массовой информации, продвигая идеи мирных инициатив и образуя медианарратив, который искажал действительные намерения США и стран НАТО в целом, пытаясь ввести в заблуждение мировую общественность и российское руководство. Так, «подобное предложение о мире» в очередной раз появилось в западной прессе 9 сентября 2024 года: в итальянской газете «La Repubblica» сообщалось, что канцлер Германии Олаф Шольц, *желающий войти в историю как «канцлер мира»*, якобы работает над планом мирного урегулирования между Россией и Украиной, который «не исключает передачу Москве части украинских территорий» [La Repubblica, 09.09.2024]. Однако уже 10 сентября появилась новость о возможном снятии ограничений для Украины на применение дальнобойного оружия западных стран по территории России, а 11 сентября в Киев для консультаций по этому и другим вопросам приехали госсекретарь США и министр иностранных дел Великобритании.

Подобные меры информационно-психологического воздействия используются не только в целях камуфлирования действительных намерений, но и «дрессировки»

противника и его принуждения к уступкам и даже капитуляции по методу «пряника и кнута»: «пряником» выступают соответствующие «миролюбивые» публикации в СМИ и заявления политиков, «кнутом» — практические действия, предпринимаемые на обострение военно-политической обстановки. Таким образом, сообщения, распространяемые в интересах достижения военных (военно-политических, военно-технических) целей в рамках отдельной информационной кампании (информационно-психологической операции) или медианарратива путем дезинформирования и дезориентирования противника, могут считаться информационно-психологическим оружием *четвертого порядка*. Как правило, в единичном виде они труднораспознаваемы, вариативно интерпретируемы разными адресатами и могут идентифицироваться только в системе семантически гомогенных медиатекстов (содержащих аналогичные манипулятивные послылы) и конкретных действий акторов военного конфликта (военно-политической напряженности). Информационно-психологическое оружие четвертого порядка камуфлируется под сообщение нижестоящего порядка (первого, второго или третьего) и распознается в интересах широкой общественности, как правило, только военными специалистами, экспертами, политтехнологами и журналистами. Оно может применяться противником как до каких-либо практических шагов (например, в преддверии наступления), так и после их совершения (как это произошло после подрыва газопроводов «Северный поток» в Балтийском море, когда началась информационная кампания по переносу ответственности за этот террористический акт на руководство Украины). К этому оружию следует также относить специальные (негативные, насмешливые, презрительные, мобилизующие, подавляющие, оскорбительные и др.) сообщения, массированно распространяемые в социальных сетях, чатах и комментариях телеграм-каналов в рамках троллинг- и бот-атак с целью организации массовых волнений и протестов.

Таким образом, условное сообщение *N*, коммуникативные и манипулятивные характеристики которого соответствуют информационно-психологическому оружию первого (второго, третьего) порядка, фактически становится оружием четвертого порядка, если оно используется коммуникатором в интересах достижения военных (военно-политических, военно-технических) целей в рамках отдельной информационной кампании (информационно-психологической операции) или плотного (продолжительного) медиа-

нарратива путем дезинформирования и дезориентирования противника (а вместе с ним — и мировой общественности). Этот тезис позволяет относить к информационно-психологическому оружию четвертого порядка намеренно распространяемые фейковые (сомнительные) сообщения¹ (см. рис. 6), тем более что оперативно определить по форме и содержанию степень их достоверности и непредумышленную ошибку коммуникатора практически невозможно, что затрудняет борьбу против информационно-психологических операций противника на начальном этапе. В иных случаях тиражирования информации, не соответствующей действительности (как это произошло при инциденте с Е. Е. Поддубным [РБК, 08.08.2024]), сообщение условно относится к информационно-психологическому оружию более низкого порядка в соответствии со своим содержанием: «Сообщают, что погиб журналист Евгений Поддубный» [Татар-информ, 07.08.2024]. Так, ввиду универсальной фасцинативности указанной информации (как для российской аудитории, так и аудитории противника), сообщение следует относить к информационно-психологическому оружию третьего порядка.

Одновременно с вышеперечисленными видами сообщений, по мере того, как внимание массовой аудитории к определенной повестке ослабевает («затухает»), противником через ведущие прозападные СМИ периодически «вбрасывается» оружие особой, как правило, антифасцинативной силы (*пятого порядка*, по нашей классификации), которое основано на экстраординарном событии (или квазисобытии) и призвано «поднять волну осуждения» в отношении мишени воздействия с целью ее огульной и агрессивной дискредитации в глазах мирового сообщества, массивированного информационного подавления, международной изоляции и снятия психологических (политических) барьеров для своих практических действий. В ходе конфликта на Украине такими «вбрасываемыми» стали фейки о сбитии малайзийского пассажирского самолета (рейс МН-17) ополченцами Донбасса в июле 2014 года, бомбардировке ВКС России роддома в Мариуполе в марте 2022 года, массовых военных преступлениях российских войск в киевском

пригороде Буча (материалы распространены в апреле 2022 года) и др. Аналогичным информационно-психологическим оружием коллективного Запада против власти Б. Асада в Сирии были постановочные материалы организации «Белые каски» о якобы имевших место атаках правительственных войск против местного населения с применением химического оружия (апрель 2018 года). Резонансным предлогом для нападения на Ирак в нарушение международного права стало выступление К. Пауэрла на заседании Совета Безопасности ООН с демонстрацией пробирки, содержимое которой имитировало споры сухого антракса (сибирской язвы).

Интенсивность воздействия указанного оружия в рамках информационно-психологических операций достигается его гарантированным попаданием в центр международной повестки и расширением в массивированный медианарратив за счет непрерывного появления новых дополняющих, комментирующих, уточняющих сообщений, а также «обсуждения ради обсуждения», что есть симулякризация. Показателен пример освещения в СМИ терактов: информируя общество о событии, осуждая произошедшее и в то же время эксплуатируя страх в политических целях, «в совершеннейшей двусмысленности они распространяют бесчеловечную фасцинацию теракта, они сами и есть террористы, поскольку сами подвержены этой фасциации» [Бодрийяр 2015: 117]. Градус медийной напряженности в этом случае оказывается настолько высок, что особо эмоционально неустойчивые адресаты дезинформированной общественности могут «погружаться» в состояние антикатарсиса, возникающего на основе глубокого морально-психологического подавления. Примечательно, что такие манипулятивные сообщения могут быть достаточно оперативно нивелированы мишенью воздействия при обнародовании неопровержимых доказательств своей непричастности (причастности противника) к произошедшему событию. В частности, российским и иностранным источникам [РИА «Новости», 09.04.2022] удалось разоблачить удары ВСУ по собственным гражданам в Краматорске в апреле 2022 года, после чего этот медианарратив в западных СМИ достаточно резко оборвался.

¹ А также практически все сообщения, обращенные воюющими сторонами друг против друга (на враждебную аудиторию).

Рис. 6. Фейковое (сомнительное) сообщение в интересах достижения военных (военно-политических, военно-технических) целей как информационно-психологическое оружие четвертого порядка

Таблица 1. Типологизация информационно-психологического оружия

Тип (порядок) информационно-психологического оружия	Степень выраженности конфликтности и деструктивности сообщения, признаки оружия	Дискурсивное пространство использования (применения) оружия
Оружие пятого порядка	Универсальная фaszинация отрицательного спектра на основе экстраординарного события (квazисобытия) с целью огульной и агрессивной дискредитации мишени воздействия в глазах мирового сообщества, ее массированного информационного подавления, международной изоляции и снятия психологических (политических) барьеров для практических действий политического субъекта. Наибольшая интенсивность воздействия за счет гарантированного попадания сообщений в центр международной повестки, образования плотного медианарратива и симулякризиса.	Официальный и неофициальный институциональный дискурс, медиадискурс как всеобъемлющий континуум гетерогенных знаковых единиц современной массовой коммуникации (социальные сети, мессенджеры, телеграм-каналы, ТВ- и радиопередачи, массовая культура)
Оружие четвертого порядка	Использование оружия первого, второго и третьего порядка в военных целях в рамках отдельной информационной кампании (информационно-психологической операции) или медианарратива путем дезинформирования и дезориентирования противника и мировой общественности	Официальный и неофициальный институциональный дискурс, медиадискурс <i>ut supra</i> , дискурсивное измерение информационно-психологического противоборства в боевых или приближенных

Тип (порядок) информационно-психологического оружия	Степень выраженности конфликтности и деструктивности сообщения, признаки оружия	Дискурсивное пространство использования (применения) оружия
		к ним условиях (с применением агитационно-пропагандистских материалов, SMS-рассылки и т. п.)
Оружие третьего порядка	Эксплицитная деструктивность относительно мишени воздействия за счет эмоциональных, конфликтогенных и др. элементов медиатекста, проводящих концептуальные векторы агрессии (унижения, насилия, принуждения, запугивания и т. д.). Возможность универсальной фасцинации отрицательного спектра с целью глумления, издевки, угрозы, психологического подавления и т. п. Возможность фейковых сообщений.	Неофициальный (крайне редко — официальный) институциональный дискурс, медиадискурс <i>ut supra</i> , межличностная сетевая (несетевая) коммуникация, в том числе в случае мошеннических действий
Оружие второго порядка	Вербальное и/или невербальное проявление фасцинации на любом или нескольких уровнях сообщения. Возможность имплицитной или эксплицитной конфликтности, а также имплицитной деструктивности относительно мишени воздействия за счет эмоциональных и конфликтогенных элементов медиатекста. Возможность универсальной фасцинации положительного спектра с целью высмеивания, иронии, пародии, утрирования и т. п.	Официальный и неофициальный институциональный дискурс, медиадискурс <i>ut supra</i>
Оружие первого порядка	На всех уровнях сообщения отсутствуют фасцинативные (эмоциогенные) сигналы (за исключением фасцинации, очевидно способной возникать на основе субъективно-личностной мотивированности адресата). Отсутствие невербальных средств.	Официальный (крайне редко — неофициальный) институциональный дискурс

Таким образом, *оружием информационно-психологической войны* следует считать сообщение (текст, изображение, аудио-/видеоматериалы, поликодовый текст), дискредитирующее мишень воздействия путем формирования ее негативного образа и/или нанесения репутационного ущерба ее жизненно важным (основополагающим) характеристикам, в том числе с использованием дезинформации, сомнительной (непроверенной) информации, деструктивных установок и других приемов. В зависимости от избранных средств воздействия и целей коммуникатора выделяется пять уровней информационно-психологического оружия (см. табл. 1): сообщение без задействования эмоциональных и/или конфликтогенных элементов (оружие первого порядка), с задействованием эмоциональных и/или конфликтогенных элементов (оружие второго порядка), с задействованием эксплицитных деструктивных установок и/или универсальной фасцинации отрицательного эмоционального спектра

(оружие третьего порядка), сообщение в интересах достижения военных целей (оружие четвертого порядка), сообщение с целью массированного информационного подавления противника (оружие пятого порядка).

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Андронов, И. Кремлевские самураи / И. Андронов. — Текст : электронный // Завтра. — URL: <http://zavtra.ru/blogs/1998-04-0741> (дата обращения: 17.09.2024).
2. Венгрия договорилась о поставках нефти по «Дружбе». Военная операция на Украине, день 929-й // Газета.Ру. — <https://www.gazeta.ru/politics/2024/09/09/19718341.shtml> (дата обращения: 10.09.2024). — Текст : электронный.
3. Военкор Коц рассказал, почему Поддубного сначала посчитали погибшим // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66b4a3ad9a7947488fed5a95> (дата обращения: 11.09.2024). — Текст : электронный.
4. Депутат Госдумы Делягин: Сообщают, что погиб журналист Евгений Поддубный // Татар-информ. — URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/pogib-voenkor-evgenii-poddubnyi-5954916> (дата обращения: 11.09.2024). — Текст : электронный.
5. КАМЕНЕВ LIVE // Telegram. — URL: https://t.me/donetsk_tv/. — Текст : электронный.
6. КОРНИЛОВ // Telegram. — URL: <https://t.me/kornilov1968/25513>. — Текст : электронный.

7. Повёрнутые на войне // Telegram. — URL: <https://t.me/voenacher>. — Текст : электронный.

8. Раньше всех. Ну почти // Telegram. — URL: <https://t.me/bbbreaking/>. — Текст : электронный.

9. Рыбарь // Telegram. — URL: <https://t.me/rybar/>. — Текст : электронный.

10. Серийный номер доказывает, что упавшая на Краматорск ракета принадлежит ВСУ // РИА «Новости». — URL: <https://ria.ru/20220409/kramatorsk-1782722177.html> (дата обращения: 16.09.2024). — Текст : электронный.

11. УНИАН (заблокирован в России) // Telegram. — URL: <https://t.me/unianet/>. — Текст : электронный.

12. «Я Джо Байден, и я забыл это сообщение»: Топ-5 мемов о выборах президента США // Царьград. — URL: https://tsargrad.tv/news/ja-dzho-bajden-i-ja-zabyt-jeto-soobshhenie-top-5-memov-o-vyborah-prezidenta-ssha_294734 (дата обращения: 10.08.2024). — Текст : электронный.

13. Colonelcassad. Плакаты для проекта «Судный день» // LIVEJOURNAL. — URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/8878031.html> (дата обращения: 16.09.2024). — Текст : электронный.

14. McCain: 'Russia is a gas station masquerading as a country' // The Washington Times. — URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2014/mar/16/mccain-russia-gas-station-masquerading-country/> (date of access: 10.09.2024). — Text : electronic.

15. "Guerre économique" contre la Russie : Bruno Le Maire revient sur sa déclaration et regrette un terme "inapproprié" // FranceInfo. — URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/europe/manifestations-en-ukraine/guerre-economique-contre-la-russie-bruno-le-maire-revient-sur-sa-declaration-et-regrette-un-terme-inapproprie_4987809.html (date of access: 03.03.2022). — Text : electronic.

16. Repeat the line... // Imgflip. — URL: <https://imgflip.com/i/6m7k0o> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

17. Scholz lavora a un piano di pace per portare la Russia al tavolo: "L'ipotesi è che Kiev accetti cessioni territoriali" // La Repubblica. — URL: https://www.repubblica.it/esteri/2024/09/09/news/scholz_pace_ucraina_zelensky_putin_cessioni_territoriali-423486238/ (date of access: 11.09.2024). — Text : electronic.

18. The War Club // Telegram. — URL: <https://t.me/thewarclub/>. — Text : electronic.

19. Why Biden must withdraw // The Economist. — URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/07/04/why-biden-must-withdraw> (date of access: 11.08.2024). — Text : electronic.

20. Why does Biden usually shakes hands with ghosts at the end of his speech // Quora. — URL: <https://www.quora.com/Why-does-Biden-usually-shakes-hands-with-ghosts-at-the-end-of-his-speech> (date of access: 11.08.2024). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — Москва : ПОСТУМ, 2015. — 240 с. — Текст : непосредственный.

2. Волкова, Я. А. Деструктивные тексты в массмедиа: проблемы выделения и параметризации / Я. А. Волкова. — Текст : непосредственный // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2024. — Т. 17. — № 5. — С. 938–949.

3. Волкова, Я. А. Речевая интенция как базовый параметр деструктивного текста / Я. А. Волкова, А. Р. Птукян. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. — 2023. — № 1 (1). — С. 19–24.

4. Гаврилов, Л. А. Язык массовой коммуникации и информационная война: монография / Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов. — Москва : ЛЕНАНД, 2023. — 216 с. — Текст : непосредственный.

5. Зарипов, Р. И. Оружие информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III / А. А. Бернацкая, Ю. А. Горностаева, И. В. Евсева [и др.]; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : СФУ, 2020. — С. 98–114.

6. Зарипов, Р. И. Фасцинирующий эксперимент: замысел, содержание, результаты / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 66–84.

7. Злоказов, К. В. Контент-анализ текстов деструктивной направленности // Политическая лингвистика. — 2015. — № 1 (51). — С. 244–251.

8. Карабулатова, И. С. Лингвистическая параметризация деструктивного массмедийного текста: к постановке проблемы / И. С. Карабулатова, Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. Материалы VI международной научной конференции. Вып. 9 / науч. редактор Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — Санкт-Петербург : Медиапир, 2022. — С. 364–368.

9. Ломтатидзе, О. В. Восприятие зрительной информации и психологическое состояние человека / О. В. Ломтатидзе, А. С. Алексеева. — Текст : непосредственный // Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход : материалы VI Всероссийской конференции с международным участием, 8–9 декабря 2016 г. / под ред. П. В. Ткаченко. — Курск : КГМУ, 2016. — С. 169–174.

10. Никитин, М. Ю. Маркеры лингвоконфликтности современного массмедийного дискурса России в эпоху постправды / М. Ю. Никитин, И. С. Карабулатова, О. М. Пахоменкова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. — Москва : Российский новый университет, 2022. — С. 110–116.

11. Сабиров, В. Ш. Изучение этоса как социокультурная, этическая, правовая, эстетическая и религиозная проблема эпохи информационных войн / В. Ш. Сабиров, О. С. Соина. — Текст : непосредственный // Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. II / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.]; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : СФУ, 2019. — С. 80–89.

12. Савушкина, М. А. Религиозное измерение цифровой гибридной войны / М. А. Савушкина. — Текст : непосредственный // Военный академический журнал. — Москва : Военный университет, 2024. — № 2. — С. 12–18.

13. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. — Москва : Политиздат, 1972. — 303 с. — Текст : непосредственный.

14. Стернин, И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. — № 1. — С. 65–69.

MATERIALS

1. Andronov, I. (n.d.). Kremlevskie samurai [The Kremlin Samurai]. *Zavtra*. Retrieved Sept. 17, 2024, from <http://zavtra.ru/blogs/1998-04-0741> (In Russ.)

2. Gazeta.Ru (n.d.). *Vengriya dogovorilas' o postavkakh nefii po «Druzhbе». Voennaya operatsiya na Ukraine, den' 929-y* [Hungary agreed on oil supplies via Druzhba. Military operation in Ukraine, day 929]. Retrieved Sept. 10, 2024, from <https://www.gazeta.ru/politics/2024/09/09/19718341.shtml> (In Russ.)

3. RBK (n.d.). *Voenkor Kots rasskazal, pochemu Poddubnogo snachala poschitali pogibshim* [War correspondent Kots explained why Poddubny was initially considered dead]. Retrieved Sept. 11, 2024, from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66b4a3ad9a7947488fed5a95> (In Russ.)

4. Tatar-inform (n.d.). *Deputat Gosdumy Delyagin: Soobshchayut, chto pogib zhurnalist Evgeniy Poddubnyy* [State Duma Deputy Delyagin: They report that journalist Yevgeny Poddubny has died]. Retrieved Sept. 11, 2024, from <https://www.tatar-inform.ru/news/pogib-voenkor-evgenii-poddubnyi-5954916> (In Russ.)

5. KAMENEV LIVE (n.d.). At Telegram. Retrieved from https://t.me/donetsk_tv/

6. KORNILOV (n.d.). At Telegram. Retrieved from <https://t.me/kornilov1968/25513>

7. Povernutye na voyne (n.d.). At Telegram. Retrieved from <https://t.me/voenacher>

8. Ran'she vsek. Nu pochti (n.d.). At Telegram. Retrieved from <https://t.me/bbbreaking/>

9. Rybar' (n.d.). At Telegram. Retrieved from <https://t.me/rybar/>

10. RIA «Novosti» (n.d.). *Seriynny nomer dokazyvaet, chto upavshaya na Kramatorsk raketa prinadlezhit VSU* [The serial number proves that the missile that fell on Kramatorsk belongs to the Ukrainian Armed Forces]. Retrieved Sept. 16, 2024, from <https://ria.ru/20220409/kramatorsk-1782722177.html> (In Russ.)

11. UNIAN (blocked in Russia) (n.d.). At Telegram. Retrieved from <https://t.me/unianet/>

12. Tsar'grad (n.d.). *«Ya Dzho Bayden, i ya zabyt eto soobshchenie»: Top-5 memov o vyborah prezidenta SShA* ["I'm Joe Biden, and I forgot this message": Top 5 memes about the US presidential election]. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://>

tsargrad.tv/news/ja-dzho-bajden-i-ja-zabyl-jeto-soobshhenie-top-5-memov-o-vyborah-prezidenta-ssha_294734 (In Russ.)

13. Colonelcassad (n.d.). *Plakaty dlya proekta «Sudny den»* [Posters for the project “Doomsday”]. At LIVEJOURNAL. Retrieved Sept. 16, 2024, from <https://colonelcassad.livejournal.com/8878031.html>

14. The Washington Times (n.d.). *McCain: ‘Russia is a gas station masquerading as a country’*. Retrieved Sept. 10, 2024, from URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2014/mar/16/mccain-russia-gas-station-masquerading-country/>

15. FranceInfo (n.d.). *“Guerre économique” contre la Russie : Bruno Le Maire revient sur sa déclaration et regrette un terme “inapproprié”*. Retrieved March 3, 2022, from https://www.francetvinfo.fr/monde/europe/manifestations-en-ukraine/guerre-economique-contre-la-russie-bruno-le-maire-revient-sur-sa-declaration-et-regrette-un-terme-inapproprie_4987809.html

16. Imgflip (n.d.). *Repeat the line...* Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://imgflip.com/i/6m7k0o>

17. La Repubblica (n.d.). *Scholz lavora a un piano di pace per portare la Russia al tavolo: “L’ipotesi è che Kiev accetti cessioni territoriali”*. Retrieved Sept. 11, 2024, from https://www.repubblica.it/esteri/2024/09/09/news/scholz_pace_ucraina_zelensky_putin_cessioni_territoriali-423486238/

18. Telegram (n.d.). *The War Club*. Retrieved from <https://t.me/thewarclub/>

19. The Economist (n.d.). *Why Biden must withdraw*. Retrieved Aug 11, 2024, from <https://www.economist.com/leaders/2024/07/04/why-biden-must-withdraw>

20. Quora (n.d.). *Why does Biden usually shakes hands with ghosts at the end of his speech*. Retrieved Aug. 11, 2024, from: <https://www.quora.com/Why-does-Biden-usually-shakes-hands-with-ghosts-at-the-end-of-his-speech>

REFERENCES

1. Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and Simulation*. Moscow: Izdatel'skij dom «POSTUM», 240 p. (in Russ.)

2. Volkova, Ya.A. (2024). *Destruktivnye teksty v massmedia: problemy vydeleniya i parametrizacii* [Destructive Texts in Mass Media: Problems of Identification and Parametrization]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 17(5), 938–949. (in Russ.)

3. Volkova, Ya.A., & Ptukyan, A.R. (2023). *Rechevaya intenciya kak bazovyy parametr destruktivnogo teksta* [Speech intention as a basic parameter of destructive text]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 1(1), 19–24. (in Russ.)

4. Gavrilov, L.A., & Zaripov, R.I. (2023). *Yazyk massovoy kommunikatsii i informatsionnaya vojna* [The language of mass communication and information warfare] [Monograph]. Moscow: LENAND, 216 p. (in Russ.)

5. Zaripov, R.I. (2020). *Oruzhie informacionno-psihologicheskoy vojny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya* [Weapon of information-psychological warfare: Towards a rationale and definition of the concept]. In *Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny* (Monograph, Vol. III, pp. 98–114). Krasnoyarsk: SFU. (in Russ.)

6. Zaripov, R.I. (2024). *Fascinativnyj eksperiment: zamysel, sodержanie, rezul'taty* [Fascinating experiment: concept, contents, results]. *Politicheskaya lingvistika*, 2(104), 66–84. (in Russ.)

7. Zlokazov, K.V. (2015). *Kontent-analiz tekstov destruktivnoj napravlenosti* [Content analysis of destructive texts]. *Politicheskaya lingvistika*, 1(51), 244–251. (in Russ.)

8. Karabulatova, I.S., & Koptina, G.A. (2022). *Lingvisticheskaya parametrizaciya destruktivnogo massmedijnogo teksta: k postanovke problem* [Linguistic parameterisation of destructive mass-media text: a problem statement]. In L.R. Duskaeva (Sci. Ed.), A.A. Malyshev (Resp. Ed.), *Medialingvistika. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Iss. 9, pp. 364–368). Saint Petersburg: Mediapapir. (in Russ.)

9. Lomtatidze, O.V., & Alekseeva, A.S. (2016). *Vospriyatие zritel'noj informacii i psihologicheskoe sostoyanie cheloveka* [Perception of visual information and psychological state of a person]. In P.V. Tkachenko (Ed.), *Psihologiya zdorov'ya i bolezni: kliniko-psihologicheskij podhod. Materialy VI Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 8-9 dekabrya 2016 g.* (pp. 169–174). Kursk: KGMU. (in Russ.)

10. Nikitin, M.Yu., Karabulatova, I.S., Pahomenkova, O.M. (2022). *Markery lingvokonfliktogenosti sovremennogo massmedijnogo diskursa Rossii v epohu postpravdy* [Markers of linguo-conflictogenicity of contemporary Russian mass media discourse in the post-truth era]. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*, pp. 110–116. (in Russ.)

11. Sabirov, V.Sh., Soina, O.S. (2019). *Izuchenie etosa kak socio-kul'turnaya, eticheskaya, pravovaya, esteticheskaya i religioznaya problema epohi informacionnyh vojn* [The study of ethos as a socio-cultural, ethical, legal, aesthetic and religious problem in the era of information wars]. *Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografiya*. Vol. II. Krasnoyarsk, SFU, pp. 80–89. (in Russ.)

12. Savushkina, M.A. (2024). *Religioznoe izmerenie cifrovoj gibridnoj vojny* [The Religious Dimension of Digital Hybrid Warfare]. *Voennyj akademicheskij zhurnal*, No. 2, pp. 12–18. (in Russ.)

13. Spirkin, A.G. (1972). *Soznanie i samosoznanie* [Consciousness and self-consciousness]. Moscow, Politizdat, 303 p. (in Russ.)

14. Sterin, I.A. (2004). *Kognitivnaya interpretaciya v lingvokognitivnyh issledovaniyah* [Cognitive interpretation in linguo-cognitive research]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, No. 1, pp. 65–69. (in Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).

Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1.42+811.111'42+81'38+81'27

ББК Ш100.621+Ш141.12-51+Ш143.21-51+Ш105.551.5 ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Григор Арамович Калантарян¹, Ибрагим Алиевич Курбанов², Елена Анатольевна Нахимова³

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, kalantaryan2_ga@edu.surgu.ru, SPIN-код: 2385-0690, <https://orcid.org/0009-0009-7711-814X>

² Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия, ibragimkurbanov@mail.ru, SPIN-код: 1569-1579, <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360>

³ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, nakhimova@gmail.com, SPIN-код: 2983-5495, <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>

Сопоставительный анализ метафорического моделирования образа премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна в русскоязычных и англоязычных СМИ

АННОТАЦИЯ. В данной статье проводится компаративное когнитивное изучение метафорических моделей, применяемых в метафорическом моделировании образа премьер-министра Армении в русскоязычном и англоязычном политическом дискурсах. Актуальность исследования заключается в необходимости реализации теоретических положений теории концептуальной метафоры. Применение методологии анализа метафор в исследовании метафорических моделей в дискурсе СМИ позволяет уточнить статистическое распределение категорий метафорических единиц. Методология проводимого исследования основана на классификации и сопоставительном анализе. Метафорические модели рассматриваются по компонентам когнитивной классификации единиц. Целями данного исследования являются выявление метафорических моделей, описание фреймо-слотовой структуры единиц, контекстуальный и дискурсивный разбор. Материалом исследования стали метафоры, отражающие деятельность Никола Пашиняна. Проведенный анализ позволил обнаружить преобладание социальной и антропоморфной метафоры при моделировании образа политика в текстах СМИ. Антропоморфная метафора предопределяет возможность осознания любой сложной политической системы — государства, общества — в виде организма, физиологической общности, что активизирует в сознании читателей концептуальные связи: общественная структура функционально отвечает органам, а социум наделен потребностями и уязвимостями, аналогичными физиологическим. Социальная метафора в дискурсах СМИ обоих языков моделирует образ премьер-министра в качестве участника военных актов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, английские СМИ, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, концептуальная метафора, политический дискурс, когнитивные метафоры, когнитивные характеристики, политические деятели, премьер-министр, сопоставительное языкознание, русский язык, английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Калантарян Григор Арамович, преподаватель, кафедра лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1; email: kalantaryan2_ga@edu.surgu.ru.

Курбанов Ибрагим Алиевич, доцент, кафедра иностранных языков, Московский технический университет связи и информатики; 111024, Россия, г. Москва, улица Авиамоторная, 8А; email: ibragimkurbanov@mail.ru.

Нахимова Елена Анатольевна, профессор, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург; email: nakhimova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Калантарян, Г. А. Сопоставительный анализ метафорического моделирования образа премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна в русскоязычных и англоязычных СМИ / Г. А. Калантарян, И. А. Курбанов, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 100-109.

Grigor A. Kalantaryan¹, Ibragim A. Kurbanov², Elena A. Nakhimova³

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, kalantaryan2_ga@edu.surgu.ru, SPIN code: 2385-0690, <https://orcid.org/0009-0009-7711-814X>

² Moscow Technical University of Communication and Informatics, Moscow, Russia, ibragimkurbanov@mail.ru, SPIN code: 1569-1579, <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360>

³ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, nakhimova@gmail.com, SPIN code: 2983-5495, <https://orcid.org/0000-0003-4908-632X>

A Comparative Analysis of Metaphorical Modeling of the Image of Armenian Prime-Minister Nikola Pashinyan in Russian- And English-Language Media

ABSTRACT. This article carries out a comparative cognitive study of metaphorical models used in metaphorical modeling of the image of the Prime Minister of Armenia in Russian- and English-language political discourses. The urgency of the study lies in the need to realize the ideas of the theory of conceptual metaphor in practice. The application of the methods of metaphorical analysis in the study of metaphorical models in media discourse makes it possible to clarify the statistical distribution of the categories of metaphorical units. The methodology of this research is based on classification and comparative analysis. Metaphorical models are considered according to the components of the cognitive classification of units. The aims of this study are to identify metaphorical models, to describe the frame-slot structure of the units, and to carry out contextual and discursive analysis. The practical research material of the study includes metaphors reflecting the public activity of Nikola Pashinyan. The undertaken analysis has made it possible to detect the predominance of social and anthropomorphic metaphors in modeling the image of the politician in media texts. The anthropomorphic metaphor presupposes the ability to understand any complex political system — state or society — in the form of an organism or a physiological entity, which activates conceptual connections in the minds of the readers: the social structure functionally resembles organs, and society is endowed with needs and vulnerabilities similar to physiological ones. The social metaphor in the media discourses of both languages models the image of the Prime Minister as a participant of military acts.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, Russian media, British media, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, language units, conceptual metaphor, cognitive metaphors, cognitive characteristics, politicians, Prime Minister, comparative linguistics, Russian language, English language.

AUTHOR'S INFORMATION: Kalantaryan Grigor Aramovich, Senior Lecturer of Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Surgut, Russia.

Kurbanov Ibragim Aliovich, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Moscow Technical University of Communication and Informatics, Moscow, Russia.

Nakhimova Elena Anatol'evna, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Kalantaryan G. A., Kurbanov I. A., Nakhimova E. A. (2024). A Comparative Analysis of Metaphorical Modeling of the Image of Armenian Prime-Minister Nikola Pashinyan in Russian- And English-Language Media. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 100-109. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ. INTRODUCTION

Метафора регулярно используется в политическом дискурсе для моделирования явлений действительности [Чудинов 2001]. Метафора определяется как закономерное преобразование концептуальных связей с задействованием контекстуальных значений и созданием новых денотативных векторов. В рамках теории концептуальной метафоры, теоретические положения которой применяются для классификации и анализа единиц в данном исследовании, обозначение и обработка семантики метафорических моделей и единиц предполагают концептуализацию одной области знаний посредством второй [Lakoff 2003].

Проблема метафорического моделирования в политическом дискурсе связана с необходимостью корректных обзора и интерпретации семантического поля данного концепта, на котором основан перенос выбранных векторов из сферы-источника в сферу-мишень. Также важен учет потенциала эмотивного влияния концептуальных метафор на читателя, потому что перенос значения, являющийся срединным компонентом данной когнитивной единицы, напрямую свя-

зан с формированием мнений и решений [Чудинов 2001]. Необходимость полноценного семантического рассмотрения компонентов метафорической модели в политическом дискурсе обусловлена положением о концептуализации окружающей действительности преимущественно с помощью метафоризации. Исходя из когнитивной идеи осознания новых концептов посредством уже знакомых человеку очевидна приоритетность проведения многоуровневого исследования метафор, представленных в русскоязычном и англоязычном дискурсах СМИ.

Актуальность данной научной проблемы рационализируется соответствием теоретического фундамента данного исследования — теории концептуальной метафоры — и материала исследования, высокой степенью метафоричности текстов СМИ, посвященных деятельности Никола Пашиняна.

2. МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ, ОБЗОР. MATERIAL, METHODS, REVIEW

Объектом данного исследования являются концептуальные метафорические модели в политическом дискурсе СМИ. Метафорическая модель определяется как многозначное, воспроизводимое концептуаль-

ное обозначение единиц итоговой сферы знаний компонентами исходной сферы знаний с задействованием периферийных элементов их сем или созданием новых значений на основе коннотаций, семантических и культурологических векторов [Никифорова 2014]. Структурный и качественный анализ образных средств в русскоязычном и англоязычном дискурсах СМИ свидетельствует о количественном, продуктивном и когнитивном преобладании социальной и антропоморфной сфер-источников в политическом дискурсе обоих языков, а также существенной статистической схожести распределения данных категорий в метафорических моделях двух языков.

Настоящее исследование использует структурно-семантический и когнитивный методы анализа метафорических моделей в дискурсе СМИ. Теория регулярной многозначности, теория концептуальной метафоры и категориальная структурная классификация метафорических единиц А. П. Чудинова обеспечивают компонентную и методологическую основу анализа метафорических моделей в настоящей статье. Также методология исследования включает в себя применение классификационного и сопоставительного анализов метафорических моделей с приложением нашего перевода англоязычных элементов. Кроме этого, в статье задействованы контекстуальный, компонентный и дефиниционный типы анализа.

Данная работа применяет классификационную структуру метафорических единиц А. П. Чудинова, согласно которой любая метафорическая модель семантически относится к одной из четырех субсфер — масштабных семантических парадигм, охватывающих перечень сем метафорических единиц сферы-источника, не пересекающийся с другими субсферами спектром значений. В свою очередь, субсфера содержит категориальные единицы с более полной семантической конкретизацией — сферы-источники — которые уточняют преобразуемые метафорической моделью смыслы до уровня распознаваемых читателем исходных ментальных понятийных областей, то есть источников метафорической экспансии. Затем выделяются фреймы — типизированные показатели, отражающие содержание ментальных сценариев; данный компонент формулируется сообразно концептуальной картине мира, установленной в русском и английском языках соответственно, и содержит представление о том или ином виде деятельности, когнитивно включенном в предыдущие структурные уровни. Наиболее конкретной категориальной единицей представляется

слот — элемент ситуации, в котором обнаруживается однозначно выделяемая часть категории фрейма и выполняется операция конкретизации [Будаев 2007].

Необходимо дополнить, что особенностью данного исследования является потенциальное расширение указанной классификации метафорических единиц. В случае, если функционирующая в дискурсе СМИ метафора обнаруживает в качестве субсферы или сферы-источника понятийную область, категориально отличную от предлагаемых в классификации теоретической базы, данная единица классифицируется нами с выделением методологически корректных понятийных категорий с целью ее точного описания. Названная операция совершается с учетом типологических направлений выделения и характеристики четырех уровней метафорического анализа; принимаются во внимание функционирование понятийных областей языка, их когнитивная оценка и семантический охват в картине мира.

Настоящее исследование определяет категорию субсферы в качестве первичной и наиболее обширной, поэтому далее описываются ее основные виды: «Человек», «Природа», «Социум», «Артефакт». Рассмотрим их подробно.

Субсфера «Человек» упорядочивает явления действительности на основе доступных и известных концептов человеческого устройства [Чудинов, 2001]. В рамках данного типа политических метафор описываемые процессы осознаются в образах тела человека как такового, отдельных групп органов или самих органов, физиологических процессов, потребностей, отдельных частей тела и поддержания родственных связей. Наблюдаемые явления эффективно участвуют в переносе значения посредством концептосферы данной субсферы ввиду непосредственности понятий сферы-источника и их изученности. Среди сфер-источников данной категории с высокой степенью распространения называют физиологическую метафору, связанную с реализацией конкретных действий и потребностей человека.

Субсфера «Природа» охватывает понятийную область явлений живой и неживой природы. Высокая продуктивность и доступность извлечения метафорического значения в единицах этой категории объясняются значимой ролью природных образов в картинах мира русского и английского языков. Закономерности и сценарии концептов природной субсферы эффективно моделируют политическую реальность, выражая смыслы роста, агрессии, нецивилизованности. Сфера-источник зооморфной метафоры, осуще-

ствяющей перенос значений животной деятельности, характеризуется высокой степенью структурированности.

Субсфера «Социум» моделирует политические реалии в медиадискурсе посредством театральной, криминальной, военной и спортивной понятийных областей. Восприятие перенесенных смыслов в названной категории обеспечивается благодаря ассоциативному потенциалу культурологических кодов русского и английского языка осознавать социальные явления в связи с этими категориями. Сфера-источник «театр» характеризуется продуктивностью создания метафорических моделей.

Субсфера «Артефакт» содержит в функции среды переноса концептосферу объектов действительности, созданных и эксплуатируемых человеком [Чудинов 2001]. Склонность политического дискурса к метафорической экспансии социальных событий с помощью сфер-источников «дома» и «механизма» объяснима широким распространением предметов данных сфер знаний в быту. Следовательно, перенос смыслов между сферой-источником и сферой-мишенью не предполагает сложных когнитивных операций по соотношению семантики.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. RESULTS AND DISCUSSION

3.1. Субсфера «Человек»

В данном разделе проводится сопоставительный, структурный когнитивный анализ метафорических моделей антропоморфной метафоры в русском и английском языках. Описывается динамика сферы-источника и сферы-мишени, принципы переноса значения и причины, по которым концептуализация политических явлений происходит посредством данной субсферы.

Рассмотрим следующую метафорическую единицу: *«Народ устал от кровопийц, он хочет глотка свежего воздуха»* [Лента.ру, 2018]. Эта метафорическая модель принадлежит к сфере-источнику физиологических случаев переноса значения; задействованы фрейм «дыхание» и слот «воздух».

Концептуализация действительности метафорическими средствами в данном случае переносит явление общества из социально-политической понятийной сферы в физиологическую сферу-мишень, обозначая данный социум как живой организм. Данная метафорическая модель функционально корректна потому, что в картине мира русского языка общество осознается в качестве сложной, многосоставной системы с множеством функций и ролей. Следовательно, данный семантический вектор исполняет

функцию смысловой среды для наложения значения на схожее понятие в биологической понятийной сфере — живого организма. Прежде всего бытовые знания об устройстве того или иного живого существа позволяют читателю полноценно осознать данное общество в физиологической концептуализации, опираясь на семы «сложный», «разнородный», «объемный» [Будаев 2007].

Более того, успешная концептуализация ядерного значения позволяет осознать вторичные смыслы, которые обозначены имплицитно: читатель осознает, что общество, будучи живым организмом, преимущественно обнаруживает соответствующие физиологические потребности и право на надлежащие условия жизни. Именно поэтому фрейм «дыхание» однозначно влияет на суждения реципиента, связывая в его сознании социальный кризис и общественные правонарушения с недоступным живому существу кислородом.

Составим метафорическую пару и сопоставление, добавив модель того же разряда на английском языке: *Earlier this week, US officials had been sending signals to allies (На этой неделе официальные лица США посылали сигналы союзникам)* [CNN, 2021] (Здесь и далее перевод наш. — Григор Калантарян). Данная метафорическая модель также задействует физиологическую сферу-источник, применяя отображение тех или иных сигналов живым организмом в качестве среды переноса значения из биологической концептосферы в социальную. В этой единице фрейм определяется как «коммуникация между особями», а слот — «сигнал». Нами выделяется новый фрейм для конкретизации описания данной метафоры, поскольку единицы в исходной классификации недостаточно точно называли семантическую парадигму данной метафоры.

Проводя сопоставительный анализ двух единиц, можно заявить о схожей склонности политической метафоры русского и английского языков характеризовать явления политической действительности, изображая их в виде живых организмов [Хусруева 2021]. Проявляется определенная доля вариативности в реализации метафорической моделью лишь эксплицитного значения (отображение сигналов в англоязычной метафоре) и совокупности первичного и ассоциативного значений (одновременное обозначение физиологических потребностей и общности множества в русскоязычной единице).

3.2. Субсфера «Социум»

Рассмотрим социальную метафорическую модель в русскоязычном дискурсе: *Среди ярких фигур армянской оппозиции —*

бывший глава Службы национальной безопасности Армении Артур Ванецян, в прошлом соратник Никола Пашиняна [РБК, 2020]. Данная метафора является военной с точки зрения сферы-источника. Модель относится к фрейму «организация военной службы» и слоту «специализация служащего». В целях уточнения категоризации метафорической единицы, классификация элемента слота также расширена нами.

Наложение значения выполнения воинских обязанностей на сферу-мишень социального управления государством выполнено, чтобы создать дополнительные смыслы критичности и фатальности должности премьер-министра государства. Так, политическое противоборство приобретает атрибуты военной вражды между двумя сторонами. Метафора перенаправляет имплицитное осознание читателем описываемого социального процесса в сторону значительной симпатии политику, так как военнослужащий в картине мира русского языка благороден и в его деятельности не отображаются отрицательные намерения [Будаев 2020].

Кроме того, данная модель поляризует концептуализируемое социальное обстоятельство, потому что военная понятийная сфера не допускает компромиссов между противоборствующими сторонами и негативно характеризует сомнение в продвигаемых взглядах. Следовательно, эта метафора воспроизводит в сознании реципиента следующие семантемы: «конфликт», «максима», «борьба». Реализуется сценарий «критическое противостояние».

Противопоставим русскоязычной метафоре аналогичную единицу из англоязычного политического дискурса: *...the Armenian Armed Forces were patiently tolerating the "attacks" by the incumbent government...* (...вооружённые силы Армении терпеливо игнорировали нападки текущего правительства...) [CNN, 2021]. Эта военная метафора относится к фрейму «боевые действия» и слоту «наступление».

В рамках концептуального наложения создается метафорическая модель «Никол Пашинян — враг народа». Негативная характеристика премьер-министра возможна благодаря вводу в процесс концептуализации военного сценария нападения, в котором благоприятно характеризуются в национальном сознании вооружённые силы государства подвергаются атаке со стороны неоднозначной всё в том же национальном сознании фигуры политика. Необходимо учитывать, что именно армия в культурном коде обоих языков представляется несомненным хранителем государственности, в

то время как образ политика в той же степени обнаруживает ассоциативную характеристику «лживости» и «коррупционности» в обоих языках [Кропотухина 2017].

Сопоставляя метафоры русскоязычного и англоязычного дискурсов, возможно установить расхождения в когнитивном потенциале метафоризации в двух языках [Краевская 2023]. Например, в случае с русскоязычной метафорой степень семантической динамики ниже, чем в англоязычной — концептуализация двух политических деятелей в роли соратников не поляризует восприятие действительности читателем в той же степени, в которой данная динамика действует в англоязычной модели двух воюющих сторон. Также в случае с русскоязычной метафорой можно говорить о семантической сложности метафорической модели — концептуализация политиков в роли соратников более продуктивна относительно создания эксплицитных и имплицитных значений в дальнейшем моделировании политической реальности на основе данной модели, чем конструирование образа войны между деятелем и социальной структурой.

3.3. Субсфера «Природа»

Проанализируем примеры природной метафоры: «*И надо понимать, что условия и климат в стране серьёзно изменились, потому что народ дал нам мандат на установку в стране диктатуры закона*» [RT, 2021]. Модель возможно классифицировать как имеющую сферу-источник «неживой природы», фрейм «климатические условия» и слот «климат». Очевидно сходство одной из аллюзионных семантических проекций метафоры с названной ранее русскоязычной антропоморфной метафорой, потому что в обоих случаях воспроизводится сценарий «государство или общество — сложная, объёмная система».

В данном случае характеристика премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна не считается позитивной, так как концепт климата в картине мира русского языка устойчиво наделен смыслами неизменности и главенствования. Следовательно, формирование в процессе метафоризации новых сценария и значений «вынужденной адаптации в неблагоприятных социальных обстоятельствах» создают метафорическую модель «Никол Пашинян не всевластен» [Полякова 2009].

Обращаясь к когнитивистике, восприятие читателем названных данных в рамках политического дискурса потенциально приводит к двум заключениям: 1) последствия сурового политического «климата» необходи-

мо пережить; 2) необходимо избежать данных последствий, дислоцировавшись в иную «климатическую» среду. Важно обратить внимание на следующее обстоятельство: эта метафорическая модель лишена третьего ожидаемого манипуляционного воздействия — сценария «свержение политика», поскольку перенесенные из понятийной сферы неживой природы второстепенные атрибуты описывают концепт климата как «неизменяемый» [Сагайдачная 2007]. По этой причине считаем приоритетным включение комплексного анализа в сопоставительный разбор когнитивной компоненты, регулирующей создание сценариев в мышлении реципиента.

Далее необходимо рассмотреть аналогичный пример метафоризации в английском политическом дискурсе: *Yet this weekend's clashes mark a new height in rhetoric and signs of intent (Однако недавние боевые столкновения подняли степень претензий до новых высот)* [CNN, 2020]. Данная модель относится к сфере-источнику «неживой природы», фрейму «положение географического объекта» и слоту «высота». Исходная классификация единиц в этом случае также расширяется на нами, чтобы корректнее обозначить когнитивную оценку аналогичных концептов в русском и английском языках.

Отличительная черта рассматриваемой метафорической модели англоязычного дискурса СМИ — реализация наложения вертикального вектора на концептуализируемые понятия со статичным спектром создаваемых семантов. Известно, что в культурном коде обоих языков концепты «высокий» и «низкий» однозначно соотносятся со степенью выражения ядерного признака [Краевская, Мирзабекова 2023]. Перенос из понятийной сферы неживой природы и соотнесение сценариев навигации с социальными процессами переносит компонент предельности географической высоты с количественным избытком того или иного качества политического явления.

Так, пик предполагаемой горной вершины в понятийной сфере неживой природы в сознании представителей обоих языков согласно наивной картине мира представляется явлением в предельной стадии развития. Таким образом, наложение элементов неживой природы на социальную понятийную сферу сопряжено со смыслами «фатальный», «завершенный». В модели воспроизводится сценарий «неизбежности скорого решения». Проводя сопоставительный анализ русскоязычной и англоязычной метафор, мы обнаружили более высокую степень структурированности метафоры в русском языке, поскольку она моделирует комплекс-

ную социальную реальность, описанную понятиями неживой природы. С другой стороны, рассмотренная англоязычная метафора обнаруживает скорое извлечение созданного в процессе метафоризации смысла, потому что содержит один — основной — вектор образования смыслов.

3.4. Субсфера «Артефакт»

Рассмотрим единицу артефактной метафоры: «„Победные военные действия“, как [власти] их называют, а на мой взгляд, губительные действия, <...> попросту **загнали Азербайджан в угол**» [BBC, 2021]. Данная единица относится к сфере-источнику «дома», фрейму «конструкция дома» и слоту «внутреннее устройство здания». Поскольку концептуализация реальности человеческим сознанием однозначно основана на метафоризации с применением концептов и тенденций физиологической понятийной сферы, перенос концептов понятийной сферы дома всё равно определяет смыслы своеобразно названным параметрам.

Так, ограничение мобильности непременно характеризуется негативным образом в человеческом сознании, поскольку осознается в качестве прекурсора вреда организму. Элемент «угол» метафоры «дома» отображает искусственно созданные границы, препятствующие перемещению. Элемент-мишень в политической понятийной сфере, находящийся в данном положении, осознается читателем в позиции подавленного [Шедрина 2020].

Создаваемые данной метафорой смыслы связаны с отсутствием выбора в потенциальных решениях, ограниченностью воли. Следовательно, влияние на сознание реципиента осуществимо благодаря расположению в противоположной позиции желаемого элемента политической действительности, всё так же в рамках артефактной понятийной сферы. Извлечение заложенного в данной метафоре переноса значения имплицитно предполагает нахождение оппонента названного социального элемента «в центре комнаты». Благодаря данной ментальной модели реципиент самостоятельно воспроизводит сценарий «противник данного социального элемента доминирует», применяя проекцию смысловой аналогии.

Следующая метафорическая модель содержится в англоязычном дискурсе: *...Putin and Erdogan are no longer speed-dialing each other. (...Путин и Эрдоган больше не находятся друг у друга в «быстром наборе»)* [CNN, 2020]. Эта метафора относится к сфере-источнику «механизма», фрейму «телефонная связь» и слоту «звонок». В данном

случае автором проводится перенос операции из понятийной сферы коммуникативных технологий в политическую понятийную сферу с целью обозначения социальной близости двух политиков. В сознании реципиента слот «звонок» обладает свойствами налаженной коммуникации и устойчивого контакта двух лиц. Данные значения усиливаются применением концепта «быстрого набора» [Полякова 2009].

Данная единица создает когнитивную связь, в которой социальные единицы, наладившие контакт посредством метафоризируемого концепта, находятся в тесном политическом союзе. Однако отрицательная формулировка модели диаметрально обращает исходно описанное значение в сторону негативного — предполагается, что коммуникация между политиками нарушена. Говоря о формируемой метафорической модели, возможно назвать следующую — «Никол Пашинян — участник технологической коммуникации» [Сиркия 2018].

Стоит отметить, что эффективное извлечение созданного наложением концептов значения возможно благодаря преобладающей роли коммуникативных технологий в картине мира читателя — как русскоязычной, так и англоязычной. Речь идет о трехступенчатом переносе смыслов: 1) телефонная связь обозначает налаженную коммуникацию; 2) функция «быстрого набора» так или иначе отсылает к взаимной значимости участников коммуникативного акта; 3) между

политическими элементами выстраивается прочная связь благодаря метафорическому переносу.

Сравнение русскоязычной и англоязычной метафор позволяет определить многоуровневую характеристику процесса переноса значения в артефактной метафоре в обоих языках. Заключается эта особенность в том, что, несмотря на значительную семантическую дистанцию между понятийными сферами артефактов и человеческих физиологии и родственных отношений, наложение смыслов и концептуализация новых значений возможны лишь при условии опоры на биологическую характеристику артефактных элементов: метафора дома ограничивает движение организма, а механизма — определяет социальную связь политиков [Кобозева 2002].

3.5. Статистическое сопоставление метафор выборки

Как уже упоминалось, в ходе исследования проанализирована выборка метафорических единиц в политическом дискурсе СМИ обоих языков. Далее на рисунке представлено категориальное распределение метафор по субсферам в русском языке (рис. 1).

На следующем рисунке представлено категориальное распределение метафор по субсферам в английском языке (рис. 2).

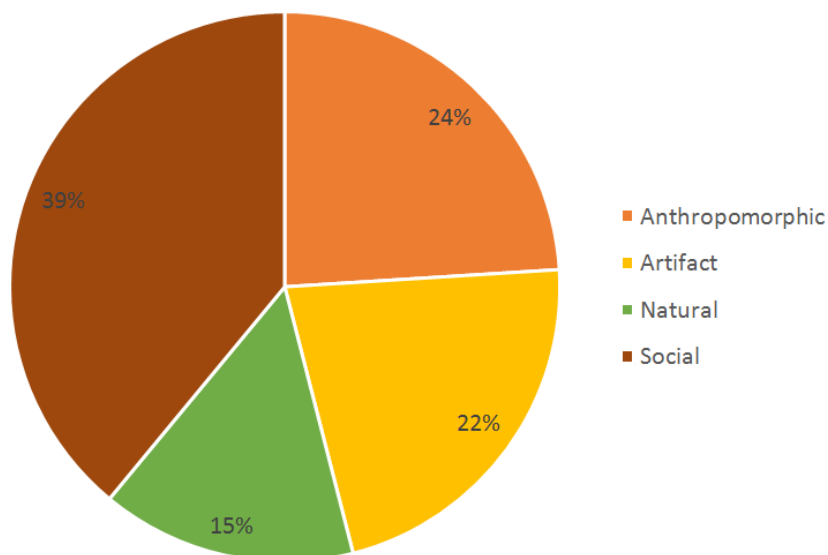

Fig. 1. Metaphor Subspheres in Russian Media

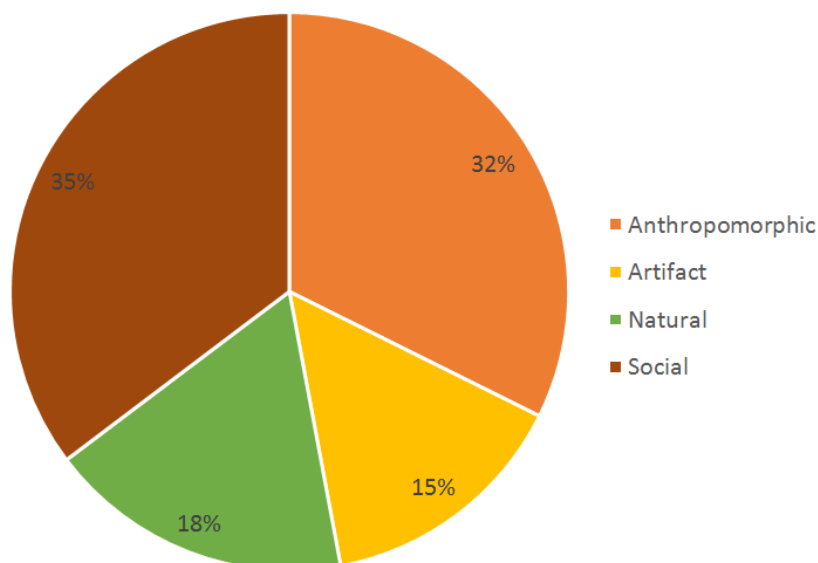

Fig. 2. Metaphor Subspheres in English Media

Сопоставительный статистический анализ субсфер метафор указывает на доминирование метафоры «социума» в обоих языках. За данной субсферой следует антропоморфная метафора, а расхождение в продуктивности заметно в большей структурированности артефактной метафоры в русском языке относительно природной. Соотношение этих субсфер в единицах англоязычного дискурса противоположно.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. CONCLUSIONS

В данной статье проводится многоуровневый анализ метафорического моделирования образа премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна. Политический дискурс СМИ задействует концептуальные единицы различных понятийных сфер английского и русского языков для осуществления переноса значений одной концептосферы в другую с целью формирования новых значений и смыслов. Поскольку концептуализация действительности человеческим сознанием изначально возможна преимущественно с помощью осознания новых и неизвестных явлений понятиями известных сфер знаний, очевидна необходимость применения семантической категоризации единиц.

Анализ метафор в ходе исследования обнаружил высокую эффективность антропоморфной метафоры в концептуализации политической действительности с точки зрения русскоязычного и англоязычного политического дискурсов. Антропоморфная метафора предопределяет возможность осознания любой сложной политической системы — государства, общества — в виде организма, физиологической общности. Сообразно данной проекции осуществляется когнитивное влияние на восприятие читателя, в сознании

которого активируются имплицитно содержащиеся в модели концептуальные связи: общественная структура функционально отвечает органам, а социум наделен потребностями и уязвимостями, аналогичными физиологическим.

Социальная метафора в дискурсах СМИ обоих языков моделирует образ премьер-министра в качестве участника военных актов. Следовательно, политические процессы характеризуются с точки зрения восприятия в национальной картине мира семантики военных концептов. Так, действия Никола Пашиняна описываются со значительно выраженной когнитивной компонентой поляризации взглядов и большей критичности предпринимаемых реципиентом социальных шагов и мер [Малгатаева 2009].

Природная метафора расширяет пространственный масштаб политических реалий, концептуализируя Никола Пашиняна в качестве выживающего в натуральной среде организма. Данный тип концептуализации усиливает проявление смыслов необратимости и критичности социальных явлений. В обоих языках наблюдается отображение сценария необходимости скорого принятия социального решения.

Разбор артефактной метафоры свидетельствует об особенности дискурса СМИ обоих языков формировать сложные метафорические модели. Осознание образа премьер-министра в наложении единиц понятийной сферы артефактов читателем предполагает трехэтапную семантическую ассоциацию. Данное свойство действительно для метафоризации в обоих языках.

Статистическое сопоставление метафор указывает на доступность извлечения метафорических значений в субсферах «социум»

и «человек» — 3 9% и 24 % в русском языке; 35 % и 32 % — в английском языке. Данное обстоятельство обозначает универсальную доступность смыслового восприятия метафоризации посредством социальной и антропоморфной субсферы, что, в свою очередь, подчеркивает сходство когнитивных отношений между концептуализацией действительности и этими понятийными сферами в культурном коде обоих языков [Шедрина 2020]. Отличия в распределении артефактной и природной метафор в двух языках — 22 % и 15 % в русском языке; 15 % и 18 % — в английском — указывают на варьирующуюся когнитивную дистанцию между социальной действительностью и данными понятийными сферами в двух языках, что находит объяснение в расхождении восприятия понятийных сфер действительности в культурном коде русского и английского языков.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Разводят тут армянский Афганистан // *Лента.ру*. — 2018. — URL: https://lenta.ru/articles/2018/04/19/erevan_maydan/ (дата обращения: 01.03.2024).
2. Хватит ли у Никола Пашиняна сил удержаться у власти // *РБК*. — 2020. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/11/2020/5fb38c6e9a79476934269e25> (дата обращения: 01.03.2024).
3. Пашинян заявил о завершении политического кризиса в Армении // *RT*. — 2021. — URL: <https://ru.rt.com/is2x> (дата обращения: 01.03.2024).
4. «Я готов был носить клеймо предателя, но решить вопрос»: экс-президент Армении Серж Саргсян о Карабахе и Пашиняне // *BBC*. — 2021. — URL: <https://www.bbc.com/russian/features-57598041> (дата обращения: 01.03.2024).
5. Armenia and Azerbaijan are clashing over a disputed region. Here's what you need to know // *CNN*. — URL: <https://www.cnn.com/2020/09/28/europe/azerbaijan-armenia-clashes-explain-intl> (date of access: 01.03.2024).
6. Armenian Prime Minister says he is facing an attempted 'military coup' after army demands his resignation // *CNN*. — URL: <https://edition.cnn.com/2021/02/25/europe/armenia-milita-ry-nikol-pashinyan-intl/index.html> (date of access: 01.03.2024).
7. Biden officially recognizes the massacre of Armenians in World War I as a genocide // *CNN*. — URL: <https://edition.cnn.com/2021/04/24/politics/armenian-genocide-biden-erdogan-turk-ey/index.html> (date of access: 01.03.2024).
8. Russia is the only country able to stop the Armenia-Azerbaijan conflict. Will it step up and do so? // *CNN*. — URL: <https://edition.cnn.com/2020/10/05/europe/russia-armenia-azerbaijan-conflict-analysis-intl/index.html> (date of access: 01.03.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : моногр. / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Научные технологии, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-6044793-2-2. — Текст : непосредственный.
2. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев. — Текст : электронный // *Лингвокультурология*. — 2007. — № 1. — С. 19–35. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kognitivnoy-teorii-metafory> (дата обращения: 01.03.2024).
3. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : электронный // *Язык средств массовой информации*. — 2007. — № 2007. — С. 158–173. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-politicheskom-interdiskurse> (дата обращения: 01.03.2024).
4. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева. — Текст : непосредственный // *Компьютерная лингвистика и интеллек-*

туальные технологии. — Москва : Наука, 2002. — С. 188–196.

5. Краевская, А. Г. Влияние английского языка на ментальные представления и когнитивные процессы носителей русского языка / А. Г. Краевская, А. А. Мирзабекова. — Текст : электронный // *Власть истории — История власти*. — 2023. — № 47. — С. 89–93. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angliyskogo-yazyka-na-mentalnye-predstavleniya-i-kognitivnye-protsessy-nositeley-russkogo-yazyka> (дата обращения: 01.03.2024).
6. Кротоухина, П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании / П. В. Кротоухина. — Текст : электронный // *Политическая лингвистика*. — 2017. — № 2. — С. 94–99. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-metafory-krizisnogo-diskursa-velikobritanii> (дата обращения: 01.03.2024).
7. Малгатаева, М. М. Концептуальные метафоры как компонент образной составляющей эмоционального концепта *Sympathie* / М. М. Малгатаева. — Текст : электронный // *Вестник БГУ. Язык, литература, культура*. — 2009. — № 11. — С. 71–73. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-metafory-kak-komponent-obraznoy-sostavlyayushchey-emotsionalnogo-kontseptu-sympathie> (дата обращения: 01.03.2024).
8. Никифорова, О. О. Политический дискурс, политическая коммуникация и СМИ / О. О. Никифорова. — Текст : электронный // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. — 2014. — № 6 (33). — С. 36–41. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-politicheskaya-kommunikatsiya-i-smi> (дата обращения: 01.03.2024).
9. Полякова, Е. М. Политическая метафора в англоязычном медиадискурсе / Е. М. Полякова. — Текст : электронный // *Русистика*. — 2009. — № 4. — С. 74–79. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-metafora-v-angloyazychnom-media-diskurse> (дата обращения: 01.03.2024).
10. Сагайдачная, Е. Н. Манипуляция в политическом дискурсе / Е. Н. Сагайдачная. — Текст : электронный // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2007. — № 22. — С. 121–126. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 01.03.2024).
11. Сиркия, Н. П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) / Н. П. Сиркия. — Текст : электронный // *ИСКОМ*. — 2018. — № 2-2. — С. 164–170. — DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2-2-164-170. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskii-diskurs-vs-politicheskii-internet-diskurs-shodstva-i-razlichiya-kognitivnyy-aspekt> (дата обращения: 01.03.2024).
12. Хусруева, Н. М. Репрезентация биоморфного кода культуры в английских и русских паремиях / Н. М. Хусруева. — Текст : электронный // *Научные междисциплинарные исследования*. — 2021. — № 5. — С. 268–273. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-biomorfnoy-koda-kultury-v-angliyskih-i-russkih-paremiyah> (дата обращения: 01.03.2024).
13. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8. — Текст : непосредственный.
14. Шедрина, И. О. Язык как резервуар культурных кодов в философии П. М. Бицелли / И. О. Шедрина. — Текст : электронный // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. — 2020. — № 4 (54). — С. 114–119. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-rezervuar-kulturnyh-kodov-v-filosofii-p-m-bitsilli> (дата обращения: 01.03.2024).
15. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff. — University of Chicago Press, 2003. — 242 p. — ISBN 978-0226468013. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Razvodyat tut armyanskiy Afganistan [They are creating an Armenian Afghanistan here] (2018). *Lenta.ru*. Retrieved March 1, 2024, from https://lenta.ru/articles/2018/04/19/erevan_maydan/ (In Russ.)
2. Khvatit li u Nikola Pashinyana sil uderzhat'sya u vlasti [Will Nikol Pashinyan have enough strength to stay in power] (2020). *RBC*. Retrieved March 1, 2024, from <https://www.rbc.ru/politics/18/11/2020/5fb38c6e9a79476934269e25> (In Russ.)

3. Pashinyan zayavil o zavershenii politicheskogo krizisa v Armenii [Pashinyan announced the end of the political crisis in Armenia] (2021). *RT*. Retrieved March 1, 2024, from <https://ru.rt.com/is2x> (In Russ.)

4. «Ya gotov byl nosit' kleymo predatelya, no reshit' vopros»: eks-prezident Armenii Serzh Sargsyan o Karabakhe i Pashinyane [“I was ready to bear the stigma of a traitor, but to resolve the issue”: former President of Armenia Serzh Sargsyan on Karabakh and Pashinyan] (2021). *BBC*. Retrieved March 1, 2024, from <https://www.bbc.com/russian/features-57598041> (In Russ.)

5. Armenia and Azerbaijan are clashing over a disputed region. Here’s what you need to know (n.d.). *CNN*. Retrieved March 1, 2024, from <https://www.cnn.com/2020/09/28/europe/azerbajian-armenia-clashes-explainer-intl>

6. Armenian Prime Minister says he is facing an attempted ‘military coup’ after army demands his resignation (n.d.). *CNN*. Retrieved March 1, 2024, from <https://edition.cnn.com/2021/02/25/europe/armenia-military-nikol-pashinyan-intl/index.html>

7. Biden officially recognizes the massacre of Armenians in World War I as a genocide (n.d.). *CNN*. Retrieved March 1, 2024, from <https://edition.cnn.com/2021/04/24/politics/armenian-genocide-biden-erdogan-turkey/index.html>

8. Russia is the only country able to stop the Armenia-Azerbaijan conflict. Will it step up and do so? (n.d.). *CNN*. Retrieved March 1, 2024, from <https://edition.cnn.com/2020/10/05/europe/russia-armenia-azerbajian-conflict-analysis-intl/index.html>

REFERENCES

1. Budaev, E.V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology] [Monograph]. St. Petersburg: Naukoemkie tekhnologii, 464 p. ISBN 978-5-6044793-2-2. (In Russ.)

2. Budaev, E.V. (2007). Stanovlenie kognitivnoy teorii metafory [Formation of the cognitive theory of metaphor]. *Linguo-culturology*, 1, 19–35. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kognitivnoy-teorii-metafory> (In Russ.)

3. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2007). Metafora v politicheskom interdiskurse [Metaphor in political interdiscourse]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii, 2007*, 158–173. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-politicheskom-interdiskurse> (In Russ.)

4. Kobozeva, I.M. (2002). K formal'noy reprezentatsii metafory v ramkakh kognitivnogo podkhoda [On the formal representation of metaphors within the framework of the cognitive approach]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* (pp. 188–196). Moscow: Nauka. (In Russ.)

5. Kraevskaya, A.G., & Mirzabekova, A.A. (2023). Vliyanie angliyskogo yazyka na mental'nye predstavleniya i kognitivnye protsessy nositeley russkogo yazyka [The influence of the English language on mental representations and cognitive processes of native Russian speakers]. *Vlast' istorii — Istoriya vlasti*, 47, 89–93. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-angliyskogo-yazyka-na-mental'nye-predstavleniya-i-kognitivnye-protsessy-nositeley-russkogo-yazyka> (In Russ.)

6. Kropotukhina, P.V. (2017). Kontseptual'nye metafory krizisnogo diskursa Velikobritanii [Conceptual Metaphors of the Crisis Discourse of Great Britain]. *Political Linguistics*, 2, 94–99.

Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-metafory-krizisnogo-diskursa-velikobritanii> (In Russ.)

7. Malgataeva, M.M. (2009). Kontseptual'nye metafory kak komponent obraznoy sostavlyayushchey emotsional'nogo kontsepta Sympathie [Conceptual metaphors as a component of the figurative component of the emotional concept Sympathie]. *Vestnik BGU. Yazyk, literatura, kul'tura*, 11, 71–73. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-metafory-kak-komponent-obraznoy-sostavlyayushchey-emotsional'nogo-kontsepta-sympathie> (In Russ.)

8. Nikiforova, O.O. (2014). Politicheskii diskurs, politicheskaya kommunikatsiya i SMI [Political discourse, political communication and mass media]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 6(33), 36–41. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskii-diskurs-politicheskaya-kommunikatsiya-i-smi> (In Russ.)

9. Polyakova, E.M. (2009). Politicheskaya metafora v angloyazychnom mediadiskurse [Political metaphor in English-language media discourse]. *Rusistika*, 4, 74–79. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-metafora-v-angloyazychnom-mediadiskurse> (In Russ.)

10. Sagaydachnaya, E.N. (2007). Manipulyatsiya v politicheskom diskurse [Manipulation in political discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 22, 121–126. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-v-politicheskom-diskurse> (In Russ.)

11. Sirkiya, N.P. (2018). Politicheskii diskurs vs politicheskii internet-diskurs: skhodstva i razlichiya (kognitivnyy aspekt) [Political discourse vs. political Internet discourse: similarities and differences (cognitive aspect)]. *ISOM*, 2-2, 164–170. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskii-diskurs-vs-politicheskii-internet-diskurs-shodstva-i-razlichiya-kognitivnyy-aspekt> (In Russ.)

12. Khusruvaeva, N.M. (2021). Reprezentatsiya biomorfnoy koda kul'tury v angliyskikh i russkikh paremiyakh [Representation of the biomorphic code of culture in English and Russian paremias]. *Nauchnye mezhdistitsiplinarnye issledovaniya*, 5, 268–273. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-biomorfnoy-koda-kul'tury-v-angliyskikh-i-russkikh-paremiyakh> (In Russ.)

13. Chudinov, A.P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) [Russia in the Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. ISBN 5-7186-0277-8. (In Russ.)

14. Shchedrina, I.O. (2020). Yazyk kak rezervuar kul'turnykh kodov v filosofii P. M. Bitsilli [Language as a reservoir of cultural codes in the philosophy of P. M. Bitsilli]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 4(54), 114–119. Retrieved March 1, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-rezervuar-kul'turnykh-kodov-v-filosofii-p-m-bitsilli> (In Russ.)

15. Lakoff, G. (2003). *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press, 242 p. ISBN 978-0226468013.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).

Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1.42+811.111'42+81'38+81'27

ББК Ш100.621+Ш141.12-51+Ш143.21-51+Ш105.551.5

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Ксения Игоревна Кириллова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, kirillovakseniya1999@gmail.com, SPIN-код: 4824-3274, <https://orcid.org/orcid.org/0000-0001-5302-504X>

Роль состязательных метафор в формировании идеологем «Russia» и «США» в современных американских и российских СМИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются состязательные метафоры, используемые в 53 российских и 49 американских газетных публикациях СМИ 2022–2024 гг. при характеристике страны-оппонента (соответственно США и РФ). Цель работы — выявить роль состязательных метафор в формировании образов «США» и «Russia» как части актуальной политической картины современных российских и американских массмедиа. Материалом для анализа послужили 132 русских и 120 английских контекстов с состязательными метафорами. В результате применения современных когнитивно-семантических и когнитивно-дискурсивных методов анализа текстового материала было установлено, что употребление состязательных метафор носит системный характер. Российские и американские журналисты используют три взаимосвязанные модели метафоризации (милитарно-состязательную, спортивно-игровую и азартно-игровую) для формирования идеологем стран-оппонентов («США» и «Russia») как концептуально значимых частей политических картин мира. В российских СМИ формируется образ «США» как государства, внутривнутриполитическая жизнь которого в основном сводится к спортивному состязанию и вооруженному противостоянию конфликтующих партийных и внутрипартийных блоков. Во внешней политике «США» выступают в роли игрока, ведущего «нечестную» игру против своих конкурентов и оппонентов. В американских СМИ «Russia» в основном репрезентируется как государство — принципиальный противник коллективного Запада, готовый всеми доступными средствами бороться с западными «либеральными» ценностями как за пределами своей страны, так и внутри нее.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, американские СМИ, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, русский язык, английский язык, политическая идеология, идеологемы, состязательные метафоры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кириллова Ксения Игоревна, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; email: kirillovakseniya1999@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кириллова, К. И. Роль состязательных метафор в формировании идеологем «Russia» и «США» в современных американских и российских СМИ / К. И. Кириллова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 110-118.

Kseniya I. Kirillova

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, kirillovakseniya1999@gmail.com, SPIN code: 4824-3274, <https://orcid.org/orcid.org/0000-0001-5302-504X>

The Role of Competition Metaphors in the Formation of the Ideological Concepts “Russia” and “USA” in Modern American and Russian Media

ABSTRACT. The article analyzes competition metaphors used in 53 Russian and 49 American newspaper media publications in 2022-2024 while characterizing the rival country (respectively, the United States and the Russian Federation). The aim of the research is to identify the role of competition metaphors in the formation of the images of the “USA” and “Russia” as part of the modern political worldview of contemporary Russian and American mass media. 132 Russian and 120 English contexts with competition metaphors served as the practical material for analysis. As a result of application of modern cognitive-semantic and cognitive-discursive methods of text analysis it was found that the use of competition metaphors is systemic. Russian and American journalists use three interrelated models of metaphorization (military competition, sporting competition and gambling competition) to form the ideologemes of the rival countries (“USA” and “Russia”) as conceptually significant parts of the political worldview. Russian media form the image of the “USA” as a state the domestic political life of which is mainly reduced to sports competitions and armed confrontation between the conflicting party and intra-party blocs. In foreign policy, the “USA” acts as a player of a “dishonest” game against its competitors and opponents. In American media, “Russia” is mainly represented as a state — principled enemy of the collective West, ready to fight Western “liberal” values both outside and inside its country by all means available.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, Russian media, American media, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, language units, Russian language, English language, political ideology, ideologemes, competition metaphors.

AUTHOR'S INFORMATION: Kirillova Kseniya Igorevna, Post-Graduate Student, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

FOR CITATION: Kirillova K. I. (2024). The Role of Competition Metaphors in the Formation of the Ideological Concepts “Russia” and “USA” in Modern American and Russian Media. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 110-118. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Объектом исследования в работе стали составительные метафоры, использующиеся при характеристике страны-оппонента в общественно-политических газетных СМИ 2022–2024 гг.: США — в российских изданиях; РФ — в американских.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, метафоры в широком их понимании играют важную роль в политическом дискурсе и формировании политической (идеологической) картины мира [Баранов 2014; Балашова 2022; Будаев 2020; Окунева 2010; Семенова, Алексеева 2023; Чудинов 2012, 2013; Gibbs 2017; Kövecses 2010], в отражении «основных направлений движения политического сознания» [Будаев, Чудинов 2008: 4] и являются «эффективным действующим инструментом воздействия на общественное сознание» [Балашова 2017: 1180]. Во-вторых, в условиях нарастания конфронтации между США и Россией в 2022–2024 гг. усиливается концептуализация образа государства, воспринимаемого как политического противника и идеологического оппонента. В-третьих, составительные метафоры достаточно разнообразны (милитарные, спортивные, азартные, творческие) и продуктивны при характеристике конкурентно-конфликтных отношений в рамках оппозиции «свой» / «чужой» [Балашова 2014; Барышникова, Дубинина 2019; Корж 2019; Чудинов, Сегал 2024].

Цель работы — выявить роль составительных метафор в формировании образов «США» и «Russia» как части современной политической картины мира современных российских и американских массмедиа.

Материалом для анализа послужили 53 российских и 49 американских публикаций из электронных вариантов печатных и цифровых газет за период с 22.02.2022 по 31.05.2024¹. При исследовании использовались современные методики комплексного (семантического, когнитивного и дискурсивного) системного анализа текстового материала.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Общая характеристика составительных метафор

Как отмечалось, составительный компонент представлен в семантике различных семантических группировок, но концептуальные модели метафоризации в языке и политическом дискурсе формируются на базе трех семантических полей (далее СП): «Милитарная лексика», «Спортивно-игровая лексика», «Лексика азартных игр» (с возможным «притяжением» единиц из других СП, например: пространственного, артефактного, финансового). Общей для данных моделей является ядерная часть их когнитивных матриц, в которой стремление превзойти кого-либо (в сражении, в спортивном соревновании, в азартной игре) ассоциируется со стремлением добиться преимущества в чем-либо, несмотря на сопротивление (конкурента, обстоятельств и т. п.), риск, или в надежде на удачу. В каждом из СП данное концептуальное ядро получает специфическое преломление.

В основе наиболее древней **милитарно-составительной** модели (далее МСМ) [Балашова 2014; Савельева, Жантурина 2023; Сидоренко 2021] лежит признак противоборства, предполагающий «не только фиксацию близких / отчужденных отношений, идеологических и иных позиций, но и активность в отстаивании собственной позиции, в реализации политических, идеологических и иных установок», при этом «цель противостояния — с помощью активных действий уничтожить или подчинить себе оппонентов» [Балашова 2014: 230]. **Спортивно-игровая** модель (далее СИМ) может быть охарактеризована как «смягченный» вариант МСМ — с акцентом на добровольном участии в соперничестве и «нацеленности на успех, суть которого — объективно подтвержденное превосходство над соперником, лидерство в какой-либо сфере, а также использование в качестве стимулов, аргументов в соперничестве тех средств, которые определяются „правилами игры“» [Там же: 243]. Специфической осо-

¹ Российские СМИ: «Аргументы и факты» — <https://aif.ru> (далее АиФ); «Ведомости» — <https://www.vedomosti.ru> (Вед.); «Взгляд» — <https://vz.ru> (Взг.); «Известия» — <https://iz.ru> (Изв.); «Коммерсант» — <https://www.kommersant.ru> (Ъ); «Комсомольская правда» — <https://www.saratov.kp.ru> (КП); «Московский комсомолец» — <https://www.mk.ru> (МК); «Правда» — <https://gazeta-pravda.ru> (Пр.); «Российская газета» — <https://rg.ru> (РГ); американские СМИ: «Bloomberg» — <https://www.bloomberg.com> (BB); «Newsweek» — <https://www.newsweek.com/> (NW); «New York Post» — <https://nypost.com> (NYP); «The New York Times» — <https://www.nytimes.com/> (NYT); «The Washington Post» — <https://www.washingtonpost.com/> (WP); «USA Today» — <https://www.usatoday.com/> (USAT); U.S. News — <https://www.usnews.com/> (USN).

бенностью **азартно-игровой** модели (далее АИМ) является упор на «материальной» (прагматической) составляющей предпринимаемых усилий в достижении цели, на рискованности мероприятия и зависимости результата деятельности от случайности, стечения обстоятельств, степени удачливости и/или ловкости кого-либо. Эти модели, безусловно, взаимосвязаны и отчасти пересекаются.

Указанные модели достаточно активно используются в анализируемых источниках при характеристике страны-оппонента: 132 метафорических контекста — в российских СМИ; 120 — в американских. Вместе с тем функционирование моделей в российских и американских массмедиа имеет ряд принципиальных особенностей как лингвистического, так и концептуального порядка.

2. Состязательные метафоры в российских СМИ

Как показал анализ, ядерное положение при формировании образа «США» в российских массмедиа занимают переносы спортивно-игровой модели — 68 контекста, или 51,5 % всех выявленных употреблений состязательных метафор; околоядерную зону занимают милитарно-состязательные переносы — 52 контекста (39,4 %), а периферийную — азартно-игровые метафоры — 12 контекстов (9,1 %). Следует заметить, что в ряде случаев границы между данными моделями оказываются размытыми, что, впрочем, соответствует общеязыковым тенденциям.

Ведущее положение **спортивно-игровой модели** в составе состязательных метафор проявляется не только в наибольшем числе контекстов с такими переносами (51,5 %), но и в разнообразии лексики, используемой как источник метафоризации:

– обобщенные наименования этого типа деятельности и его участников, отдельного мероприятия и его этапов (ср.: *спорт, игра, играть, отыграть, игрок, арбитр, соревнование, партия, матч-реванш, старт, стартовая позиция*), а также результатов состязания и участников игры в аспекте реальных и потенциальных ее результатов (ср.: *выиграть, выигрышный, переиграть, проиграть, проигрыш, набирать очки, лидировать, лидер, фаворит, чемпион, аутсайдер*);

– конкретизированные наименования видов спорта, состязаний и их типов, отдельных этапов, участников и т. п. (ср.: *гонка, ралли, поддавки, обогнать, опережать, вы-*

быть / выйти из гонки, игра / играть в одни ворота, выйти в дамки, дать фору, под шахом, эндшпиль, подмять под себя).

С помощью метафор, формируемых на базе этих единиц, характеризуется два типа ситуаций: внутривнутриполитическая ситуация в США, международная политика США.

Наиболее регулярно (48 из 68 контекстов, то есть 70 % примеров) СИМ используется при описании **президентских и промежуточных выборных кампаний в США**. Характерной особенностью реализации этой части модели является ориентация на единицы, аналогичные тем, что традиционно фиксируются в американских СМИ, и отчасти калькированные с английского языка. Неслучайно многие контексты представляют собой цитаты из американских массмедиа (ср.: *Трамп, несмотря на то, что, по данным RealClearPolitics, лидирует в гонке за выдвижение от республиканцев почти на 50 пунктов, также не является фаворитом*. — А. Яшлавский // МК. 10.12.23¹). В частности, выборная кампания ассоциируется с состязанием в скорости (на автомобилях, мотоциклах, велосипедах), со скачками, где каждый кандидат стремится прийти к финишу первым, но обладает разными потенциальными возможностями на разных этапах состязания и может сойти с дистанции (ср.: **Стартовые позиции республиканцев смотрелись более выигрышно**. — М. Сучков // Изв. 07.11.22; **Десантис может проиграть Трампу и обойти Байдена**. — Е. Чукалина // Изв. 05.06. 23; **Госпожа Хейли ... после результатов «супервторника» решила выйти из гонки**. — А. Забродин // Ъ. 09.03.24). Реже используется вариант СИМ, где выборы воспринимаются как командный турнир или поединок, в котором каждый кандидат стремится набрать очки и одержать победу, но игровая ситуация может сложиться по-разному (ср.: [Республиканцам] **можно набирать очки на ошибках демократов**. — М. Сучков // Изв. 07.11.22; **Сейчас в СМИ активно обсуждают предстоящий матч-реванш между республиканцем Дональдом Трампом и демократом Джо Байденом на американских выборах в ноябре**. — Э. Лозанский // Изв. 15.03.24; [Д. Трамп] **с подавляющим преимуществом переиграл** свою единственную конкурентку Никки Хейли 5 марта. — А. Забродин // Ъ. 09.03.24; **Джонсон отказался от предложения «выйти в дамки» и баллотироваться в спикеры**. — Д. Бавырин // Взг. 26.10.23; **«Под шахом» и сама админист-**

¹ Для сокращения объема текста при цитировании указывается только автор, издание и день выхода публикации.

рация Байдена. — В. Васильев // РГ. 20.07.23).

Значительно реже в рамках СИМ дается характеристика американской **внешней политики** (30 %), но именно здесь преобладают экспрессивные переносы с исключительно негативной оценкой страны-оппонента в отношении двух взаимосвязанных типов международной повестки — социально-экономической и политической конкуренции. В первом случае используются закрепившиеся в русском языке калькированные метафоры: нестабильность финансовых рынков и валют осмысливается как гонки, где экипажи стремительно меняют свое положение, но потенциально США может оказаться в роли отстающего (ср.: *Мы можем ожидать продолжения ралли на рынке акций.* — А. Кубышкин // Вед. 26.02.24; [Для США] существуют риски **потерять лидирующее положение** [в сфере цифровых технологий]. — Р. Романов // Вед. 08.05.24). Во втором случае обычно подчеркивается агрессивно-доминирующий образ «США», которые стремятся взять на себя роль судьи, решающего судьбы других стран, либо навязать оппонентам и даже союзникам «нечестную игру» по своим «правилами», что, однако, не гарантирует США победы (ср.: *США буквально за полгода подмяли под себя Европу, Евросоюз.* — В. Кожемякин. // АиФ. 29.03.23; *Верификацию соблюдения Договора администрация Байдена превращала в игру в одни ворота.* — О. Карпович // Изв. 12.12.22; *Реакция [администрации] на действия Израиля говорит о снижении роли США как арбитра политических процессов на Ближнем Востоке.* — Р. Романов // Вед. 08.05.24; [Китай] осмелился «**подвинуть**» Америку с ее **пьедестала** «главного мирового политического игрока». ... Это не просто **спортивное состязание по правилам, а драка, мордобой, пусть пока экономический и технологический.** ... Именно американцы **меняют правила игры по ходу самой игры.** — А. Яшлавский // МК. 07.04.23).

Милитарно-состязательная модель занимает околоядерное положение в исследуемом материале — 52 контекста (39,4 %). Значимость этой модели проявляется в разнообразии лексики — источника метафоризации:

– обобщенные номинации вооруженных столкновений и принципов их организации, участников (ср.: *война, боевые действия, бой, схватка, сражение, битва, противник, враг, стратегия, тактика, диспозиция*);

– конкретизированные номинации вооруженных столкновений, их участников (ср.:

мятеж, крестовый поход, заложник, ветеран);

– наименования этапов, степени успешности одной из сторон конфликта (ср.: *бросить вызов, атака, наступать, завоевать, победа, победить, разгром, триумф, отбивать, обороняться, отступить, откатываться, поражение, реванш, пиррова победа*);

– наименования специальных артефактов: вооружения, участков для ведения боевых действий и подготовки к ним (ср.: *бомба, торпеда, бумеранг, позиция, полигон*).

В ситуативном плане, как и в СИМ, преимущество, хотя не столько ощутимое, остается за характеристикой внутренней политики: выборы в США — 28 контекстов (53,8 %); внешняя политика США — 24 контекста (46,2 %).

С помощью МСМ журналисты и цитируемые ими источники подчеркивают ожесточенность американской **межпартийной и внутрипартийной борьбы**. Примечательно, что лексема *война* в метафорическом значении не фиксируется. Но все этапы промежуточных и президентских выборов последовательно описываются как череда вооруженных столкновений разной степени интенсивности и с переменным успехом (ср.: *Феномен нынешней ситуации [в Республиканской партии], диспозиции, тактики и стратегии в том, что они не меняются с 2015 года.* — В. Васильев // РГ. 20.07.23; *Большинство законодателей-республиканцев полно решимости дать новый бой сторонникам финансирования Киева. ... Мэтт Гейтс и Марджори Тейлор Грин возобновили атаки на своего однопартийца, спикера нижней палаты Конгресса Майка Джонсона.* — С. Строкань // Ъ. 01.05.24; *Исторически правящая партия на промежуточных выборах находится в положении обороняющейся стороны.* — М. Сучков // Изв. 07.11.22; [Избрание спикером М. Джонсона] **поражение «умеренных»: они отступили, тогда как «трамписты»** **настояли на своем человеке.** — Д. Бавырин // Взг. 26.10.23).

При характеристике **внешней политики** с помощью МСМ, как и СИМ, российские массмедиа делают акцент на негативной оценке «США», их стремлении установить собственную гегемонию путем дестабилизации обстановки в мире, усиления конфронтации. Американская элита позиционируется как инициатор конфликта, использующий предельно агрессивные способы ослабления и уничтожения противника, в роли которого обычно выступает РФ, реже — Китай (ср.: [Вашингтон возглавил] **современный «крестовый поход» коллективного Запа-**

да против РФ после начала Россией специальной военной операции на Украине. — П. Пархитко // Пр. 07.06.22; США ведут против Китая полномасштабную экономическую войну. ... Ничто не говорит о том, что «боевые» действия ослабнут. — А. Яшлавский // МК. 0704.2023). Агрессивные устремления «США» распространяются на все мировое сообщество (ср.: Политизация ситуации с госдолгом США сыграет миру на пользу — заставит его ... выйти из статуса американского заложника хотя бы в этом вопросе. — Г. Мирзаян // Взг. 12.05.23). Но практически во всех публикациях, где используется МСМ, отмечается, что «выиграть» «войну» против всего мира «США» не удастся, что успехи в этом противоборстве являются призрачными, что агрессор вынужден переходить к обороне и в конечном счете потерпит «поражение» (ср.: Это [поддержка Украины для США] может оказаться пирровой победой. — Д. Соколов // АиФ. 26.04.24; США хотят сохранить очаг нестабильности в Европе, чтобы ... и удержат позиции Вашингтона на мировой арене. — От ред. // АиФ. 26.04.22; Xinhua: долговой кризис в США приведет к сокрушительному разгрому Штатов. — От ред. // АиФ. 04.06.2023). Более того, политика конфронтации и доминирования ассоциируется с «оружием», которое «поразит» самого агрессора (ср.: «Торпеда» [процессы в экономике в США], пущенная в последние месяцы, поразит гегемонию США. — Н. Кричевский // Изв. 28.10.22; Это [санкции в отношении Китая] для всего западного мира — не только для США — страшный бумеранг. — А. Яшлавский // МК. 07.04.23).

Азартно-игровая модель, как отмечалось, занимает периферийное положение в исследуемом текстовом корпусе — 12 контекстов (9,1%). Источником метафоризации становятся три группы лексики: (а) обобщенная терминология азартных игр (ср.: ставка, сделать / взвинтить / повысить ставки; идти ва-банк); (б) карточная терминология (ср.: козырь, карты, бытая карта); (в) терминология денежных / вещевых розыгрышей (ср.: потеря, выигрышный билет, приз). Формируемая на базе этих единиц АИМ используется журналистами и цитируемыми ими политиками, экспертами и т. п. при характеристике внешней и внутренней политики США достаточно системно в концептуальном аспекте.

Наиболее последовательно АИМ употребляется для создания негативного образа «США», для акцента на их агрессивных действиях по укреплению гегемонии в мире.

В концептуально-ситуативном аспекте это осуществляется двояким образом. С одной стороны, обострение военных конфликтов с участием страны-оппонента (прежде всего, России) с целью ее уничтожения, ослабления ассоциируется с повышением «ставок» на ее противника (ср.: [В поставках вооружений Киеву] я вижу только одно: попытку еще больше взвинтить ставки, еще больше обострить ситуацию, увидеть больше потерь. — М. Беленькая // Ё. 25.04.22; Американцы идут ва-банк в геополитической игре на Украине. ... Всё на желто-синее. — А. Ведрусов // Изв. 22.04.24). С другой стороны, экономические и политические санкции, угрозы в адрес страны-оппонента, санкции против них ассоциируются с козырями, которые «США» используют в карточной игре (политической борьбе), причем не всегда успешно (ср.: США выложили новый козырь против России: давят на торговые привилегии. — Р. Абдуллин // МК. 11.03.22; У Вашингтона остался во внешней политике последний козырь — язык угроз, и даже он уже не так эффективен. — От ред. // Изв. 05.02.23). Специфической особенностью единичных примеров употребления АИМ при описании внутренней политики США является представление о выборной кампании как лотерее, то есть как о рискованной игре, в которой побеждает не лучший, а удачливый игрок (ср.: Новым спикером Палаты представителей стал малоизвестный 51-летний политик Майк Джонсон. Он достался Америке, как приз в лотерее. — Д. Бавырин // Взг. 26.10.23).

3. Состязательные метафоры в американских СМИ

В отличие от российских СМИ при презентации образа «США», в американских массмедиа при создании образа «Russia» абсолютное лидерство принадлежит переносам, формируемым в рамках милитарно-состязательной модели — 80 контекстов (66,7%); околядерную зону составляют спортивно-игровые переносы — 22 контекста (18,3%), а периферийную — азартно-игровые метафоры — 18 контекстов (15%). Данная статистика свидетельствует о том, что «Russia» воспринимается авторами публикаций и цитируемыми ими источниками в более «воинственном» ключе, чем «США» — российскими СМИ, хотя в целом, как и в русском, в английском языке границы между моделями весьма расплывчатые (ср.: *fight, win*).

Концептуальная значимость **милитарно-состязательной модели** в английском текстовом корпусе отражена в разнообразии источников метафоризации, семантически аналогичных русским:

– обобщенные номинации вооруженных столкновений и принципов их организации, участников (ср.: *war, fight, battle, struggle, adversary, enemy, mortal enemy, defender, ally, struggle, militarize, strategy, aggressive*);

– конкретизированные номинации вооруженных столкновений, их участников (ср.: *terrorize, crusade, blitzkrieg, Russian October Revolution*);

– наименования этапов, степени успешности одной из сторон конфликта (ср.: *mobilize, attack, frontal attack, offensive, undefeated, deploy, defend, beat back, retreat, protect, defeat, losing battle*);

– наименования специальных артефактов: вооружения, участков для ведения боевых действий и подготовки к ним (ср.: *weapon, weaponize, trigger, fortress, impregnable, bulwark, being targeted*).

Однако в ситуативно-концептуальном аспекте реализация СИМ в американских СМИ имеет существенные отличия от российских массмедиа.

Абсолютное большинство метафор характеризует **внешнюю политику** РФ — 72 из 80 контекстов (90 %), акцентируя внимание на глобальном (экономическом, политическом, идеологическом) противостоянии «Russia» и Запада, которое позиционируется как вооруженный конфликт (“*new Cold War*”) и в котором каждая из сторон использует все доступные способы («оружие», «укрепления», «стратегию и тактику») для уничтожения оппонента (ср.: *The United States ... has deployed many economic weapons against Russia*. — С. Rampell // WP. 24.03.22; *The Kremlin has always weaponized these commercial relations*. — Р. Erizanu // TNYT. 23.04.24; *Major industries remain heavily dependent on imports despite the Kremlin's “fortress economy” strategy*. — D. Brennan // NW. 03.08.22; [Из-за экономических санкций] *Top wheat exporter Russia is struggling to ship its record harvest*. — М. Durisin // ВВ. 17.08.22; *What’s more, Mr. Putin has paired his non-Western charm offensive with heightened confrontation with the West*. — Н. Notte // TNYT. 29.03.24). «Russia» представляется в виде агрессора, который сражается с западными («либеральными») ценностями, отгораживается от них неприступными «крепостями» и рассматривает российское общество как «передний край» такой борьбы (ср.: *Russia ends up relying on a bit of Western culture to embody its anti-Western crusade?* — М. Roberts // WP. 23.03.22; *Putin casts the Ukraine war as part of a centuries-old battle with the West*. — G. Faulconbridge // USAT. 06.05.24; [Россия] *Militarized society ... that views the West as its mortal enemy*. — R. Dixon // WP. 06.05.24;

The new Russia claims to defend Orthodox values against Western cultural influences. // WP. Washington Post staff. 06.05.2024; *Sergey Kravtsov openly described schools as central to Moscow’s fight to “win the information and psychological war” against the West*. — М. Ilyushina // WP. 20.03.2022).

Подобная интерпретация образа «Russia» отражается в военной когнитивной матрице **внутренней политики** РФ. Этот аспект представлен только 8 контекстами (10 %). Политическая элита страны воспринимается как агрессор, который максимально жестко борется с оппозицией и «либеральными западными» ценностями внутри государства, причем такая политика ассоциируется с новой «the Russian October Revolution» (ср.: *Press and internet freedoms are increasingly being targeted on the pretense*. — W.M. Arkin // NW. 24.08.22; *Forging an ultra-conservative, puritanical society mobilized against liberal freedoms and especially hostile to gay and transgender people...* — R. Dixon // WP. 06.05.24; *Putin fought with his own intelligence chief and defense minister*. — W.M. Arkin // NW. 24.08.22).

Спортивно-игровая модель, одна из самых продуктивных в английском языке и американском политическом дискурсе, в исследуемом текстовом корпусе представлена относительно небольшим числом примеров (22 контекста, или 18,3 %) и относительно небольшим числом единиц — источников метафоризации:

– обобщенные наименования спортивной деятельности, отдельных мероприятий, их участников и результатов (ср.: *game, competitor, champion, win, score, lead, lose, losing*);

– конкретизированные наименования видов спорта, состязаний, их этапов и т. п. (ср.: *race, racing, sideline* (в командной игре), *playbook* (в американском футболе), *knockout, stalemate*).

В концептуально-ситуативном аспекте, как и при реализации МСМ, спортивные метафоры используются преимущественно при описании **внешней политики** — 16 из 22 контекстов (72,3 %). Образ «Russia» трактуется достаточно традиционно — как стратегический соперник «США» и всего коллективного Запада, в противоборстве («гонке», «соревновании») с которым, по мнению американских массмедиа, «Russia» может побеждать или быть на равных («выигрывать», «набирать очки»), что, естественно, требует соответствующей реакции со стороны США (ср.: [Агрессивная политика РФ ввергает] *the world into an arms race like those leading up to the world wars. ... The Soviet Union or Russia has been our strategic*

competitor. — D. Coats // NYT. 11.04.24; [Путин] *is working to ... as a **champion** of Orthodox Christian values and an **opponent** of liberal freedoms*. — WP staff // WP. 06.05.24; *US, Russia lead in warheads* — W. M. Arkin // NW. 24.08.22; *The Kremlin seems to **have scored a geopolitical win** by keeping revenues from global LNG sales intact*. — J. Blas // BB. 13.10.22). Менее активно американские журналисты используют СИМ при характеристике вооруженного конфликта на Украине, где позиционные успехи одной из сторон ассоциируются с определенными позиционными ситуациями в боксерском поединке, в шахматной партии (ср.: *Russia has been unable to deliver any **knockout** blow. ... Putin's army then stalled again into a **stalemate***. D.E. Sanger // NYT. 03.03.22). В немногочисленных примерах **внутриполитической ситуации** в «Russia» акцент делается на инициируемых главой государства кадровых перестановках в правящей элите, которые воспринимаются как позиционные изменения во время игры (ср.: *Putin ... **sidelined** naysayers and skeptics, according to multiple U.S. government sources*. — W.M. Arkin // NW. 24.08.22).

Азартно-игровая модель в формировании образа страны-оппонента занимает периферийное положение, хотя по сравнению с российскими СМИ доля азартных переносов несколько выше — 18 контекстов (15 %). Основные источники метафоризации во многом схожи с российскими массмедиа — преимущественно обобщенная или карточная терминология (ср.: *double down, shuffle, reshuffle, bluff*). Но в отличие от российских американские журналисты и цитируемые ими источники не используют при создании образа «Russia» потерейной терминологии, зато привлекают номинации позиций в древних азартных играх и в кости (ср.: *have the upper hand, throw of the dice*). В концептуально-ситуативном использовании этих единиц обнаруживаются следующие особенности. При характеристике **внутренней политики** (8 контекстов, или 44,4 % примеров с АИМ) акцент делается на ее рискованности и непредсказуемости в условиях проведения специальной военной операции. Руководство страны, решившееся на кадровые перестановки и экономические преобразования, ассоциируется с игроком, который сознательно рискует («удваивает ставки») и пытается получить «хорошие карты» после их «тасования» (ср.: *Putin's **reshuffle** indicates he is **doubling down** on his war economy*. — D. Brennan // NW. 13.05.24; *Putin **shuffles** goons running Russian's war in Ukraine as defense minister Shoigu replaced with economist*. — R. Reyes // NYP. 12.05.24).

Аналогичным образом позиционируются действия «Russia» на **внешней арене** (10 контекстов, или 55,6 %) — в вооруженном конфликте на Украине и в конфронтации с Западом: подчеркивается склонность к введению «партнеров по игре» в заблуждение («блефованию») и возможному случайному временному успеху (ср.: *Putin's effort to re-engineer Russia is a desperate — and doomed — throw of the dice, disconnected from reality*. — R. Dixon // WP. 06.05.24; [После экономических санкций] *Putin's reaction [на санкции] will be to **double down** and lash out*. — D.E. Sanger // NYT. 03.03.22; *Some Western and Ukrainian officials have said Russia is **bluffing** to scare the West*. G. Faulconbridge // USAT. 06.05.24; *On the information side, Moscow **has the upper hand***. — J. Stavridis // BB. 04.10.22).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показал анализ, в условиях резкого усиления конфронтации современные российские и американские газетные массмедиа при формировании образа страны-оппонента («США» и «Russia») активно используют составительные метафоры в виде трех взаимосвязанных и отчасти пересекающихся концептуальных моделей (милитарно-состязательной, спортивно-игровой и азартно-игровой). Данные модели являются общими и во многом однотипными в русском и английском языках, однако их значимость и конкретное когнитивное наполнение в исследуемых текстовых корпусах имеют общие и специфические черты.

В рамках российской и американской политических картины мира страна-оппонент («США» и «Russia») оценивается негативно как в отношении своей внешней, так и внутренней политики, причем если в российских СМИ относительно равномерно уделяется внимание тому и другому аспекту, то в американских СМИ акцент делается на внешнеполитической деятельности РФ. Не менее концептуально значимо то, что в российских массмедиа ведущей становится спортивно-игровая модель метафоризации, тогда как в американских — милитарно-состязательная. Таким образом, американские журналисты и цитируемые ими источники стремятся создать более агрессивный образ страны-оппонента по сравнению с российскими. Преобладание той или иной модели и ее конкретное когнитивное наполнение во многом зависят от выбора конкретных ситуаций для описания.

Идеологема «США» в российском политическом газетном дискурсе отмечена следующими характеристиками. Внутренняя ситуация в США представлена как спортив-

ное состязание между Демократической и Республиканской партией или между различными политическими блоками внутри каждой из них. Непримируемость и ожесточенность их конфронтации может подчеркиваться активизацией милитарных метафор, а случайность успехов одной из сторон конфликта — с помощью лотерейных переносов. Негативная оценка внешнеполитического курса Вашингтона, направленного на утверждение собственной гегемонии в мире, выражается с помощью образа «США» как игрока, который не соблюдает правила игры и «шельмуется» за карточным столом. Негативный образ «США» в максимальной степени получает отражение в МСМ, где Штаты предстают в роли агрессора по отношению к конкурентам и оппонентам, но именно это делает эту страну, согласно российским СМИ, уязвимой.

Идеологема «Russia» в американских СМИ позиционируется в основном как принципиальный противник Запада и его «либеральных» ценностей, что заставляет руководство страны идти на риск, использовать все возможные средства для противостояния западному миру, причем как на внешней арене, так и внутри страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балашова, Л. В. «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2022. — Т. 17, № 4 (36). — С. 272–284.
2. Балашова, Л. В. Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) / Л. В. Балашова. — Текст : электронный // *Quaestio Rossica*. — 2017. — Т. 5, № 4. — С. 1178–1196. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56025/1/qr_4_2017_17.pdf.
3. Балашова, Л. В. Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее / Л. В. Балашова. — Москва : Языки славянских культур, 2014. — 496 с. — Текст : непосредственный.
4. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — Текст : непосредственный.
5. Барышникова, Г. В. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) / Г. В. Барышникова, И. И. Дубинина. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 4 (137). — С. 179–185.
6. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2008. — 248 с. — Текст : непосредственный.
7. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Санкт-Петербург : Научное издание, 2020. — 464 с. — URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43136020_77893807.pdf. — Текст : электронный.
8. Корж, П. А. Спортивная метафора как средство коммуникации в американском политическом дискурсе / П. А. Корж. — Текст : электронный // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2019. — № 2 (22). — С. 175–179. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnaya-metafora-kak-sredstvo-kommunikatsii-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 02.06.2024).
9. Окунева, И. О. Виды и роль метафоры в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады (на материале газетных статей, посвященных проблеме взаимоотношений между государством, обществом и прессой) / О. И. Окунева. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4. — С. 135–145. — URL: <https://politlingvistika.ru/images/4-2010/20.pdf>.
10. Савельева, А. Ю. Метафора new cold war и области ее моделирования / А. Ю. Савельева, Б. Н. Жантурина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 164–171.
11. Семенова, Е. М. «Аргументативные» ресурсы метафоры (на материале современного политического американского медиадискурса) / Е. М. Семенова, М. Л. Алексеева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 1 (97). — С. 69–76.
12. Сидоренко, И. А. Военная метафора в политическом дискурсе в условиях пандемии как политическая стратегия Эммануэля Макрона / И. А. Сидоренко. — Текст : непосредственный // Язык и действительность. — Москва : Спутник+, 2021. — С. 387–391.
13. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2012. — Вып. 2 (40). — С. 53–59. — URL: <https://politlingvistika.ru/images/2-2012/8.pdf>.
14. Чудинов, А. П. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг. / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 42–48.
15. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 176 с. — URL: <https://discourseworld.ru/upload/iblock/695/695a676405960412f3384bdcc6812d0c.pdf>. — Текст : электронный.
16. Gibbs Jr. Raymond W. Metaphor wars : conceptual metaphors in human life / Raymond W. Gibbs, Jr. — New York : Cambridge University Press, 2017. — 320 p. — Text : unmediated.
17. Kövecses, Z. Metaphor and culture / Z. Kövecses. — Text : unmediated // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. — 2010. — Iss. 2. — P. 197–220.

REFERENCES

1. Balashova, L. V. (2022) «Diplomatic» i «nediplomatic» v zhanrah diplomaticheskogo diskursa: na materiale metafor v tekstah press-konferencii i interv'y u Ministra inostrannykh del RF S.V. Lavrova, posvyashchennykh voennoj specoperacii na Ukraine [“Diplomatic” and “non-diplomatic” in the genres of diplomatic discourse: based on the material of metaphors in the texts of a press conference and interview with the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov, dedicated to the military special operation in Ukraine]. *Zhanry rechi*, 17(4)(36), 272–284. (In Russ.)
2. Balashova, L. (2017). The Horizontal Model of the Spatial Metaphor in the Media Image of Russia (Genres of Analytical Review and Expert Opinion). *Quaestio Rossica*, 5(4), 1178–1196. (In Russ.) Retrieved from https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56025/1/qr_4_2017_17.pdf (In Russ.)
3. Balashova, L.V. (2014). *Russkaya metafora. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee* [Russian metaphor. Past. The present. Future]. Moscow: LRC Publishing House, 496 p. (In Russ.)
4. Baranov, A.N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: LRC Publishing House, 632 p. (In Russ.)
5. Baryshnikova, G.V., & Dubinina, I.I. (2019). Metaforicheskoe sozdanie politicheskogo obraza rukovoditelya Rossii v zapadnykh SMI (na materiale angloamerikanskoj i francuzskoj pressy) [Metaphoric creation of the Russian political leader in the Western media (based on the material taken from Anglo-American and French press)]. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 4(137), 179–185. (In Russ.)
6. Budaev, E.V. (2008). *Metafora v politicheskoy kommunikacii* [Metaphor in political communication]. Moscow: Flinta, 248 p. (In Russ.)
7. Budaev, E.V. (2020). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. Sankt-

Peterburg: Naukoemkie tekhnologii, 464 p. Retrieved from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43136020_77893807.pdf (In Russ.)

8. Korzh, P.A. (2019). Sports Metaphor as Communication Means in American Political Discourse. *Economical and Social-Humanitarian Research*, 2(22), 175–179. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sportivnaya-metafora-kak-sredstvo-kommunikatsii-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse> (In Russ.)

9. Okuneva, I.O. (2010). Types and the Role of Metaphor in the Press of Russia, Great Britain, the USA and Canada (Based on the Newspaper Articles on the Issues of the State, Society and the Press Relations). *Political Linguistics*, 4, 135–145. Retrieved from <https://politlingvistika.ru/images/4-2010/20.pdf> (In Russ.)

10. Savef'eva A.Yu., & Zhanturina B.N. (2023). New Cold War Metaphor and Areas of Its Modeling. *Political Linguistics*, 4(100), 164–171. (In Russ.)

11. Semenova, E.M., & Alekseyeva, M.L. (2023). “Argumentative” Resources of Metaphorization (On the Basis of Modern American Political Media Discourse). *Political Linguistics*, 1(97), 69–76. (In Russ.)

12. Sidorenko, I.A. (2021). Voennaya metafora v politicheskom diskurse v usloviya h pandemii kak politicheskaya strategiya Emmanyuela Makrona [The Military Metaphor in Political Discourse in the Context of the Pandemic as a Political Strategy of Emmanuel Macron]. In *Yazyk i dejstvitel'nost'* (pp. 387–391). Moscow: Sputnik+. (In Russ.)

13. Chudinov, A.P. (2012). Discursive Characteristics of Political Communication. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. Retrieved from <https://politlingvistika.ru/images/2-2012/8.pdf> (In Russ.)

14. Chudinov, A.P., & Segal, N.A. (2024). The Metaphorical Image of Russia on the Ukrainian Telegram Channels of 2022—2024. *Political Linguistics*, 3(105), 42–48. (In Russ.)

15. Chudinov, A.P. (2013). *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg, 176 p. Retrieved from <https://discourseworld.ru/upload/iblock/695/695a676405960412f3384bdcc6812d0c.pdf> (In Russ.)

16. Gibbs, Jr., Raymond W. (2017). *Metaphor wars : conceptual metaphors in human life*. New York: Cambridge Univ. Pr., 320 p. (In Russ.)

17. Kövecses, Z. (2010). Metaphor and culture. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 2, 197–220.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8; 5.9.6 (германские языки)

Виктория Игоревна Космодемьянская^{1✉}, Мария Валерьевна Лисенко^{2✉},
Маргарита Владимировна Малыхина^{3✉}, Анна Анатольевна Радюшкина^{4✉}

¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹ kosmoviktoria@gmail.com✉, SPIN-код: 1902-8924

² marialisenko@yandex.ru✉, SPIN-код: 7327-9166

³ malyhinam@mail.ru✉, SPIN-код: 6418-3700

⁴ galeyа-2001@yandex.ru✉, SPIN-код: 2528-0288

Коммуникативная стратегия несогласия в англоязычном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье политический дискурс рассматривается на примере предвыборных политических дебатов, представляющих собой форму взаимодействия, нацеленную на укрепление собственного политического имиджа выступающего и дискредитацию оппонента. Ориентация на полярную презентацию соперника и самопрезентацию предопределяет выражение несогласия, которое в эмпирическом материале представлено в форме разногласий, отсутствия единомыслия.

Проанализированный материал отражает формы прямой и не прямой коммуникации, используемые для выражения несогласия в ситуациях, являющихся нейтральными для имиджа политика или угрожающими ему. В указанных ситуациях стратегия несогласия может быть представлена, с одной стороны, тактиками апелляции к фактам, прямого отрицания, и с другой, тактиками обвинения, провокации, критики, опровержения, побуждения, смены адресата. Тактика смены адресата в дискурсе различных политиков обнаруживает многофункциональность и служит разным целям — как отведения внимания от своей фигуры и попыткам нивелировать обострения несогласия, так и напротив — акцентированию противоречий. Стремящийся избежать конфликт политик пытается выдержать свое дискурсивное поведение в рамках кооперативного в противоположность коллеге, акцентирующему расхождения во взглядах и позициях посредством некооперативного речевого поведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические деятели, коммуникативные стратегии, стратегия несогласия, не прямая коммуникация, предвыборные кампании, политические тексты, английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Космодемьянская Виктория Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: kosmoviktoria@gmail.com.

Лисенко Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: marialisenko@yandex.ru.

Малыхина Маргарита Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: malyhinam@mail.ru.

Радюшкина Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, РГПУ им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: galeyа-2001@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Космодемьянская, В. И. Коммуникативная стратегия несогласия в англоязычном политическом дискурсе / В. И. Космодемьянская, М. В. Лисенко, М. В. Малыхина, А. А. Радюшкина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 119-124.

Viktoriya I. Kosmodem'yanskaya^{1✉}, Mariya V. Lisenko^{2✉}, Margarita V. Malykhina^{3✉},
Anna A. Radyushkina^{4✉}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹ kosmoviktoria@gmail.com✉, SPIN code: 1902-8924

² marialisenko@yandex.ru✉, SPIN code: 7327-9166

³ malyhinam@mail.ru✉, SPIN code: 6418-3700

⁴ galeyа-2001@yandex.ru✉, SPIN code: 2528-0288

The Communicative Strategy of Disagreement in the English-Language Political Discourse

ABSTRACT. The article looks at political discourse through the lens of pre-election political debates, which represent a form of interaction aimed at strengthening the speaker's political image and discrediting the opponent's one. The orienta-

tion towards the negative presentation of the opponent and the self-presentation determines the expression of disagreement, which is manifested in the empirical material as dissent and lack of consensus.

The material under analysis reveals various forms of direct and indirect communication employed to express disagreement in contexts that can be either neutral to the politician's image or can be a threat to it. In such situations, the strategy of disagreement may be represented, on the one hand, through various tactics such as appealing to facts and direct denial, and on the other hand, through accusation, provocation, criticism, refutation, persuasion and changing the addressee. The tactics of changing the addressee in the discourse of different politicians demonstrates multifunctionality and serves different purposes. It can be used to distract attention from the politician's own figure and as an attempt to neutralize disagreement, or to emphasize contradictions. The politicians who seek to avoid conflict try to maintain a cooperative discourse, unlike their colleagues who emphasize differences in views and positions through non-cooperative speech behavior.

KEYWORDS: political discourse, politicians, communication strategies, strategy of disagreement, indirect communication, election campaigns, political texts, English language.

AUTHOR'S INFORMATION: Kosmodem'yanskaya Viktoriya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and Linguistic Culturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Lisenko Mariya Valer'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and Linguistic Culturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Malykhina Margarita Vladimirovna, Senior Lecturer of Department of English and Linguistic Culturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Radyushkina Anna Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and Linguistic Culturology, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Kosmodem'yanskaya V. I., Lisenko M. V., Malykhina M. V., Radyushkina A. A. (2024). The Communicative Strategy of Disagreement in the English-Language Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 119-124. (In Russ.).

Политическому дискурсу как разновидности вербального взаимодействия уделяется значительное внимание не только в лингвистике, но и в ряде других наук. Следовательно, политический дискурс — это междисциплинарное явление, вызывающее интерес лингвистики и ряда смежных дисциплин, например политологии, социологии и конфликтологии. В рамках политической лингвистики дискурс определяется как «одна из характеристик коммуникационного взаимодействия субъектов власти, демонстрирующая внутренне дифференцированный процесс образования общественных мнений и формирования политической воли общества» [Политико-терминологический словарь. URL: <http://www.politike.ru/dictionary>: 285]. Кроме того, любое речевое взаимодействие, в том числе и рамках политической деятельности, неизбежно сопряжено с воздействием на эмоционально-волевую сферу адресата, поскольку, согласно Р. Блакару, выразиться нейтрально невозможно [Блакар 1987: 92].

Важно отметить, что политический дискурс при этом имеет и личностный аспект помимо институционального, когда коммуниканты представляют политический институт, транслируя взгляды определенной группы людей. В личностном плане говорящие выступают от себя, заботясь о передаче собственных взглядов и мнений, преследуя собственные цели. Оба аспекта политического дискурса предполагают диалогичность, то есть взаимодействие сторон, поскольку в основе любого политического дискурса лежит борьба

за власть, противостояние сторон [Шейгал 2000: 34; Желтухина 2000: 30]. Даже в случае преобладания монологической формы политического дискурса в его основе лежит цель воздействия на аудиторию, побуждения собеседника к определенным действиям или изменения его мнения и политических предпочтений [Левенкова 2011: 62]. Соответственно, политический дискурс характеризуется особой выразительностью речи, яркостью и даже поэтичностью используемых речевых средств [Чудинов 2002: 83–86], а также использованием коммуникантами определенных стратегий ведения дискурса и стратегий воздействия на собеседника.

Политические дебаты, являясь важной частью политического процесса в обществе, представляют значительный интерес для изучения в рамках лингвистики. Дебаты в политической лингвистике изучаются в различных аспектах, и в том числе через призму коммуникативных стратегий. Коммуникативные стратегии относятся к способам организации высказывания с целью достижения определенного коммуникативного эффекта, зависящего от коммуникативной цели говорящего [Макаров 2003: 194]. В дискурсивной деятельности, которая есть форма социальной практики [Van Dijk 1994: 107], с помощью той или иной коммуникативной стратегии могут достигаться как личные цели политического деятеля, так и общие социальные цели, но для дебатов в приоритете выступают собственные цели коммуникантов. Т. А. ван Дейк дает следующее определение

коммуникативной стратегии: «Некая общая инструкция для каждой конкретной ситуации интерпретации; характеристика когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные (последующие) действия» [Дейк 1989: 10, 274]. По мнению лингвиста, на выбор определенной модели речевого поведения влияют конкретные намерения участника коммуникации, проявляющиеся в данной ситуации.

Во время диалога участники коммуникации в большинстве случаев выражают свое положительное или отрицательное отношение к репликам друг друга, обсуждаемым темам, т. е. они дают оценку, и если категория согласия содержит подтверждение сказанного другим участником, то категория несогласия, наоборот, содержит опровержение. По словам исследователя А. А. Сотниковой, согласие/несогласие — это «одна из семантико-коммуникативных категорий диалога, основанная на проявлении оценочного отношения говорящего к высказыванию партнера по коммуникации, т. е. оценочная деятельность коммуниканта, направленная на референт, деятельность, стимулированная коммуникантом, через текст» [Сотникова 1987: 58].

«Несогласие» в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова определяется как: 1) «Отсутствие единомыслия, разногласие в чем-н. Несогласия в семье». 2) «Отсутствие согласия на что-н., отказ» [Ожегов, 1949: 339]. Понятие несогласия представляет собой двойной речевой акт, под которым понимается, с одной стороны, выражение коммуникантом того, что он действительно думает, и с другой стороны — указание на то, что он думает иначе, по-другому, не так, как его оппонент [Wierzbicka 1987; Боргер 2004]. П. Браун и С. Левинсон под несогласием понимают непредпочтительную реакцию собеседника из-за потенциальной угрозы его позитивному лицу [Brown, Levinson 1987]. Несогласие может рассматриваться как «согласие со знаком минус», так как констатирует неприемлемость для говорящего мнения собеседника или оценку этого мнения как неверного, не соответствующего действительности, т. е. «обозначает несовпадение позиций, взглядов коммуникантов» [Колокольцева 2001: 96].

Речевые акты несогласия могут быть выражены как эксплицитно, т. е. иметь формальный признак несогласия, так и имплицитно — не иметь формального признака

выражения несогласия. Очевидно, что при эксплицитном выражении речевой акт и интенция коммуниканта подчиняются принципу кооперации Грайса [Grice 1989] и направлены на достижение согласия и взаимопонимания. При этом говорящий четко определяет иллокутивную цель сообщения и прибегает к определенным языковым средствам обозначения несогласия. Чаще всего это достигается за счет использования фраз с отрицаниями «не», «нет».

Пример 1

На начальной стадии предвыборных дебатов оппозиционных партий Великобритании Дэвид Димблби задает прямой вопрос своему оппоненту Эмили Мейтлис, на что получает такой же прямой ответ без каких-либо дополнительных имплицитных смыслов, поскольку дебаты только начались и между участниками по коммуникации не наблюдалось никакого напряжения или проявления агрессии. Оба собеседника соблюдали принцип кооперативного сотрудничества и вежливого ведения диалога:

David: *Thank you. Well, Ed Miliband, Nigel Farage says he's the only one of the five of you who plans to get rid of £1.5 trillion debt and £46 billion a year of interest payment, is he right?*

Emily: *No. And his sums don't add up* [URL: <http://news-watch.co.uk/>, дата обращения: 10.06.2024].

Ответная реплика несогласия выражена посредством тактики прямого отрицания через однозначный отрицательный ответ «нет».

Пример 2

Следующий пример речевого акта несогласия представлен ответной репликой губернатора штата Мерилэнда Мартина О'Майли на вопрос журналиста о результатах предвыборного голосования.

Interviewer: *You're describing the fact that it is being negotiated privately and that Congress is approving fast track authority for it, meaning it would be an up or down vote?*

Martin: *Yeah, I don't think so. It's not my understanding* [URL: <http://www.nytimes.com/>, дата обращения: 07.07.2024].

Реплика несогласия опять же выражена однозначно посредством тактики прямого отрицания при помощи отрицательной частицы «не»: «Я так **не** думаю».

Как видим, имеет место прямая коммуникация, не требующая дополнительных интерпретационных усилий со стороны адресата, поэтому реплики короткие и говорящие не задерживаются долго на обозначенных вопросах.

Речевые акты несогласия, выраженные имплицитно, имеют скрытые мотивы. Данный способ выражения несогласия заключа-

ется в косвенной передаче намерений адресата сообщения. Более того, сам речевой акт, выражающий несогласие, является иллокутивно зависимым актом, т. е. речевым актом, «иллокутивное назначение которого всецело детерминируется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики» [Баранов, Крейдлин].

Пример 3

Данный диалог представляет собой отрывок из Финальных президентских дебатов между Дональдом Трампом и Джо Байденом в 2020 году.

Обсуждаемая кандидатами тема связана с вопросами иммиграционной политики в стране. Д. Трамп и Д. Байден достаточно долго обсуждают проблему разлучения членов семьи на границе, содержание детей мигрантов в клетках. Кандидаты на протяжении долгого времени придерживаются глобальной стратегии несогласия друг с другом, которую они реализуют посредством различных тактик.

Kristen Welker: *Okay, President Trump. Let's give Vice President Biden a chance to respond, and then we're going to move on to the next section.*

Donald Trump: *You don't know the law, Joe.*

Kristen Welker: *Vice President Biden, your response.*

Joe Biden: *Know the law, what he's telling you is simply not true. Check it out.*

Donald Trump: *Well, check it out. They won't? come back.*

Joe Biden: *Check it out* [URL: <http://www.nytimes.com/>, дата обращения: 07.07.2024].

Модератор дебатов дает каждому из участников высказать свое мнение по сложившейся проблеме. В своей реплике Д. Трамп, придерживаясь глобальной стратегии несогласия с оппонентом, хочет показать электорату, что Байден некомпетентен, поэтому он указывает на то, что Д. Байден ничего не понимает в миграционной политике («Ты не знаешь закон, Джо»), и при помощи тактик провокации и обвинения косвенно обозначает, что Байден, находясь в своей должности достаточно долго, мог бы давно предпринять серьезные меры урегулирования, если бы хотел.

В своей ответной реплике Джо Байден также прибегает к коммуникативной стратегии несогласия, чтобы опровергнуть заявление своего оппонента, сказав, что «...то, что он [Трамп] говорит вам — просто неправда». Наречие «*simply*» используется здесь для передачи прямолинейности и ясности высказывания. Вице-президент продолжает настаивать на своем и при помощи тактики передачи коммуникативного хода, прибегая к

побудительному высказыванию «Проверьте», избавляет себя от необходимости доказывать свою правоту. Этим он имплицитно, что он абсолютно честен и открыт перед своими избирателями.

Дональд Трамп отвечает: «Ну, проверьте». Он применяет тактику критики и использует такие стилистические средства, как ирония с помощью наречия «*well*» и повтор последней реплики Джо Байдена с другой интонацией. Вызвать большой эффект и подтвердить собственную позицию Трампу помогает применение тактики иронии и даже издевки («Они (электрат) не вернутся»), намека на то, что поиск правды о знании/незнании Джо Байденом закона об иммиграции окажется долгим процессом.

Вице-президент Байден не хочет или не способен отреагировать на подобное заявление и использует повтор фразы «Проверьте», после которой комментатор Кристен Велкер переходит к следующей секции. Мы видим, что в данном фрагменте дебатов оба участника коммуникации используют стратегию взаимного имплицитного несогласия. Этот пример показывает, что среди характеристик, присущих языку политического дискурса, можно отметить и его неопределенность: политикам приходится говорить завуалированно о неприятных вещах, бросающих на них тень. Здесь же можно отметить и анонимность некоторых заявлений, имеющую целью скрыть политическое лицо, ответственное за то или иное решение, или скрыть невежественность в каких-либо вопросах. Кроме того, неопределенность помогает избежать возможной открытой конфронтации или последующих обвинений в инициировании конфликта, которые могут оказаться губительными для политического имиджа участников взаимодействия.

Интересно, что оба оппонента прибегают к тактике смены адресата: вместо того, чтобы прямо возразить своему политическому сопернику, Байден апеллирует к электорату, косвенно ищет его поддержку, а Трамп призывает избирателей «проверить» (в значении «удостовериться в незнании Байденом законодательства»), чтобы выразить свое несогласие с попытками Байдена отвести обвинения в некомпетентности. Тактика смены адресата используется Байденом с целью привлечь присутствующих в соучастники и разделить с ними обвинение Трампа, таким образом, снизить его давление. Трамп, напротив, использует данную тактику для повторного акцентирования расхождений между собой и оппонентом.

Таким образом, можно отметить обращение обоими оппонентами к формам не-

прямой коммуникации, в которой понимание высказывания предполагает извлечение смыслов, не содержащихся собственно в высказывании, и от адресата требуются дополнительные усилия по интерпретации [Дементьев 2000: 3]. Однако посредством не прямой коммуникации Байден пытается выдерживать форму кооперативного взаимодействия (уходя от диалога с Трампом и сменив адресата кооперации), в отличие от Трампа (также обращающегося к присутствующим, но этим обостряющего имеющиеся противоречия).

В заключение отметим: речевой акт несогласия может быть реализован посредством различных синтаксических конструкций и языковых средств. Центральное значение имеют цели и намерения, которые преследуют коммуниканты. От этого также зависят стратегии и тактики, которые собеседники используют в ходе общения. Коммуникативная стратегия согласия/несогласия играет важную роль в политических дебатах как способ построения эффективного взаимодействия и обмена информацией между двумя участниками коммуникации. Она дает возможность влиять на мнение третьей стороны относительно предложений и убеждений каждого из коммуникантов, способствуя получению одним из них более выгодной позиции для продвижения своих целей и задач. Этот феномен свидетельствует о важности изучения коммуникативных стратегий с точки зрения манипуляции общественным мнением и возможности продемонстрировать публике собственное видение ситуации.

В представленных примерах разногласия политические оппоненты обозначают посредством как прямой, так и не прямой коммуникации. Первая отличается прямолинейностью и применяется в ситуациях, затрагивающих факты, но не непосредственно фигуру одного из коммуникантов. Поэтому при реализации стратегии несогласия говорящие используют тактики апелляции к фактам, прямого отрицания. В ситуации, угрожающей их политическому имиджу, политики выбирают как прямую, так и не прямую форму выражения несогласия, для чего прибегают к тактикам обвинения, провокации, критики, опровержения, побуждения, смены адресата.

ИСТОЧНИКИ

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — 24-е изд., испр. — Москва : Русский язык, 2003. — 736 с. — Текст : непосредственный.
2. Политико-терминологический словарь. — URL: <http://www.politike.ru/dictionary> (дата обращения: 01.06.2024). — Текст : электронный.
3. News-watch : site. — URL: <http://news-watch.co.uk/> (date of access: 10.06.2024). — Text : electronic.

4. The New York Times : site. — URL: <http://www.nytimes.com/> (date of access: 07.07.2024). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, А. Н. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1992. — № 3. — С. 84–93.
2. Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар. — Текст : непосредственный // Язык и моделирование социального взаимодействия. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 88–125.
3. Боргер, Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: на материале современных драматических произведений : дис. ... канд. филол. наук / Боргер Я. В. — Тюмень, 2004. — Текст : непосредственный.
4. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. — Саратов : Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 2000. — 245 с. — Текст : непосредственный.
5. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века / М. Р. Желтухина. — Текст : непосредственный // Русские и немецкие политики : моногр. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во В. Ф. МУПК, 2000. — 264 с.
6. Кобозева, И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Вып. 17. — С. 7–21.
7. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. — 260 с. — Текст : непосредственный.
8. Левенкова, Е. Р. Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ : моногр. / Е. Р. Левенкова. — Самара : ПГСГС, 2011. — Текст : непосредственный.
9. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : Гнозис, 1992. — 280 с. — Текст : непосредственный.
10. Сотникова, А. А. Диалог и условия реализации в нем семантико-коммуникативной категории согласия — несогласия / А. А. Сотникова. — Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия: История. Языкознание. Литературоведение. — 1987. — Вып. 4. — № 23. — С. 58.
11. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — С. 82–87.
12. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград : Волгоградский государственный педагогический университет, 2000. — Текст : непосредственный.
13. Brown, P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. — Cambridge Univ. Pr., 1987. — Text : unmediated.
14. Grice, H. P. Studies in the Way of Words / H. P. Grice. — Cambridge : Harvard Univ. Pr., 1989. — Text : unmediated.
15. Van Dijk, T. A. Discourse and cognition in society / T. A. Van Dijk. — Text : unmediated // Communication Theory Today / eds. D. Crowley, D. Mitchell. — Cambridge : Polity Press, 1994. — P. 107–126.
16. Wierzbicka, A. English speech act verbs: a semantic dictionary / A. Wierzbicka. — New York : Academic, 1987. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Ozhegov, S.I. (2003). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. (24th ed., corr.). Moscow: Russkiy yazyk, 736 p. (In Russ.)
2. *Politiko-terminologicheskii slovar'* (n.d.). Retrieved June 1, 2024, from <http://www.politike.ru/dictionary> (In Russ.)
3. *News-watch* (n.d.). Site. Retrieved June 10, 2024, from <http://news-watch.co.uk/>
4. *The New York Times* (n.d.). Site. Retrieved July 7, 2024, from <http://www.nytimes.com/>

REFERENCES

1. Baranov, A.N., & Kreydlin, G.E. (1992). *Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskie pokazateli minimal'nykh dialogov*

[The structure of the dialogical text: lexical indicators of minimal dialogues]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 3, 84–93. (In Russ.)

2. Blakar, R. (1987). Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti [Language as an instrument of social power]. In *Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya* (pp. 88–125). Moscow : Progress. (In Russ.)

3. Borger, Ya.V. (2004). *Kompleksnyy analiz rechevykh aktov negativnoy reaktsii: na materiale sovremennykh dramaticheskikh proizvedeniy* [A comprehensive analysis of speech acts of negative reaction: based on modern dramatic works] [Dis. of Cand. of Philological Sciences]. Tyumen'. (In Russ.)

4. Dement'ev, V.V. (2000). *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov: Izd-vo Gos. UNTs «Koledzh», 245 p. (In Russ.)

5. Zheltukhina, M.R. (2000). Komicheskoe v politicheskom diskurse kontsa XX veka [The Comic in Political Discourse of the End of the Twentieth Century]. In *Russkie i nemetskie politiki* [Monograph]. Moscow: In-t yazykoznavaniya RAN; Volgograd: Izd-vo V. F. MUPK, 264 p. (In Russ.)

6. Kobozeva, I.M. (1986). Teoriya rechevykh aktov kak odin iz variantov teorii rechevoy deyatel'nosti [Theory of Speech Acts as One of the Variants of the Theory of Speech Activity]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* (Iss. 17, pp. 7–21). (In Russ.)

7. Kolokol'tseva, T.N. (2001). *Spetsificheskie kommunikativnye editsy dialogicheskoy rechi* [Specific Communicative Units of Dialogic Speech]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 260 p. (In Russ.)

8. Levenkova, E.R. (2011). *Britanskiy i amerikanskiy politicheskiy diskurs: kontrastivnyy analiz* [British and American political discourse: contrastive analysis] [Monograph]. Samara: PGSGS. (In Russ.)

9. Makarov, M.L. (1992). *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis, 280 p. (In Russ.)

10. Sotnikova, A.A. (1987). Dialog i usloviya realizatsii v nem semantiko-kommunikativnoy kategorii soglasiya — nesoglasiya [Dialogue and the conditions for the implementation of the semantic-communicative category of agreement - disagreement in it]. *Vestnik Leningradskogo gos. un-ta. Seriya: Istoriya. Yazykoznavanie. Literaturovedenie*, 4(23), 58. (In Russ.)

11. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics] [Tutorial]. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.)

12. Sheygal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Dis. of Doctor of Philological Sciences]. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. (In Russ.)

13. Brown, P., & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge Univ. Pr.

14. Grice, H.P. (1989). *Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard Univ. Pr.

15. Van Dijk, T.A. (1994). Discourse and cognition in society. In D. Crowley & D. Mitchell (Eds.), *Communication Theory Today* (pp. 107–126). Cambridge: Polity Press.

16. Wierzbicka, A. (1987). *English speech act verbs: a semantic dictionary*. New York: Academic.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
 Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
 ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП00.621

ГРНТИ 11.07.13; 16.31.21

Код ВАК 5.9.8

Ольга Петровна Малышева^{1✉}, Наталья Анатольевна Рябченко^{2✉}

^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ malysheva_op@mail.ru[✉], SPIN-код: 2626-1718, <https://orcid.org/0000-0001-8285-0508>

² rrrnatali@mail.ru[✉], SPIN-код: 7930-5161, <https://orcid.org/0000-0001-6980-2894>

Сетевое моделирование предикационного ядра цифровой социально-политической повестки дня: опыт применения графовой нейросети «Концептоскоп» для анализа Telegram-канала Д. А. Медведева в 2022–2023 гг.

АННОТАЦИЯ. Цифровая социально-политическая повестка дня (ЦСППД) является безграничной базой эмпирических данных для анализа и индикатором широкого спектра проблем в социально-политической, культурной и экономической сферах. В данной статье представлено описание части комплексного исследования (включающего сетевой, структурно-семантический и морфосемантический анализ) содержания ЦСППД, формируемой официальным Telegram-каналом Д. А. Медведева (@medvedev_telegram) в 2022–2023 гг. Исследование показало эффективность разработанной методологии интеллектуального анализа сетевых лингвистических данных посредством авторской нейросети «Концептоскоп». Качественный анализ ЦСППД, базирующийся на методах сетевого анализа, корпусной лингвистики и методах машинного обучения, позволяет эксплицировать процессы установления актуальной повестки дня и повышать эффективность управленческих решений за счет снижения временных, ресурсных и технических затрат при повышении эффективности за счет своевременности, точности, устойчивости и возможности масштабирования результатов исследования при сохранении их согласованности. Первый этап исследования включил моделирование и анализ предикационной сети дискурсивного поля, составляющего содержание анализируемой ЦСППД, как динамичной многослойной системы, включающей морфосемантический, структурно-семантический и прагматический уровни. Эмпирическое исследование включило анализ сетевых лингвистических данных, извлеченных методом сплошной выгрузки сообщений через программный интерфейс приложения Telegram (API Telegram) в формате JSON (JavaScript Object Notation); визуализацию данных в виде социальных графов, эксплицирующих S-V-O ядерные модели как тематический каркас дискурсивных полей, сформированных лингвистическими данными; визуализацию предикативных связей, эксплицирующих пропозициональное содержание дискурсивных полей. Сетевой и структурно-семантический анализ социальных графов позволил определить, что фокусом повестки, формируемой в период в 2022–2023 гг., стали отношения России и США в 2022 г., России и Украины, Польши и Запада в целом в 2023 г.; освещение других социально-политических событий является фоном для продвижения нарратива «Позиция и роль Россия в мире», а повышенная экспрессивность в представлении основных социально-политических акторов — антагонистов России позволяет позиционировать Россию в качестве сильного и надежного политического актора, гаранта международной стабильности и мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, интеллектуальный анализ данных, установление повестки дня, сетевые лингвистические данные, повестка дня, политический дискурс, политические деятели, дискурсивное поле, предикация, предикационное ядро, предикативные связи, структурно-семантический анализ, сетевой анализ, морфосемантический анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Малышева Ольга Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 309; email: malysheva_op@mail.ru.

Рябченко Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования; руководитель междисциплинарной лаборатории «Прикладной лингвистики и сетевых исследований публичной политики»; Кубанский государственный университет; 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 407А; email: rrrnatali@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Малышева, О. П. Сетевое моделирование предикационного ядра цифровой социально-политической повестки дня: опыт применения графовой нейросети «Концептоскоп» для анализа Telegram-канала Д. А. Медведева в 2022–2023 гг. / О. П. Малышева, Н. А. Рябченко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 125–136.

Ol'ga P. Malysheva^{1✉}, Natal'ya A. Ryabchenko^{2✉}

^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ malysheva_op@mail.ru[✉], SPIN code: 2626-1718, <https://orcid.org/0000-0001-8285-0508>

² rrrnatali@mail.ru[✉], SPIN code: 7930-5161, <https://orcid.org/0000-0001-6980-2894>

Network Modeling of the Predication Core of the Digital Socio-Political Agenda: Experience of Using the Graph Neural Network *Conceptoscope* for the Analysis of D. A. Medvedev's Telegram Channel in 2022—2023

ABSTRACT. *The Digital Socio-Political Agenda (DSPA) contains an unlimited empirical data base for analysis and is an indicator of a wide range of problems in the socio-political, cultural and economic spheres. This article describes part of a comprehensive study (including network, structural-semantic and morphosemantic analysis) of the DSPA content generated by @medvedev_telegram, the official D. A. Medvedev's Telegram channel, in 2022-2023. The study has demonstrated the effectiveness of the method of intellectual analysis of networked linguistic data via the authorial neural network Conceptoscope. A qualitative analysis of the DSPA, based on network analysis, methods of corpus linguistics and machine learning, allows explicating agenda setting processes and increase the effectiveness of managerial decisions by reducing the time, resources, and costs without compromising on the efficiency due to the accuracy, consistency, stability, and scalability of the research results due to their consistency. The first stage of the study involved modeling and analysis of the predication network of the discursive field that constitutes the content of the DSPA under analysis, viewed as a dynamic multilayer system comprising morphosemantic, structural-semantic and pragmatic levels. The empirical study involved the following: analysis of networked linguistic data, extracted by continuous sampling of messages via the Telegram API in JSON (JavaScript Object Notation) format; data visualization in the form of social graphs that explicate S-V-O core models as a thematic framework of discursive fields formed by linguistic data; visualization of predication links explicating the propositional content of discursive fields. The network and structural-semantic analysis of social graphs allowed the authors to conclude that the focus of the agenda set within 2022—2023 includes the relations between Russia and the United States in 2022, between Russia and Ukraine, Poland and the collective West — in 2023; the coverage of other socio-political events makes up a background that supports the “Russia's position and role in the world” narrative, and the exaggerated expressiveness in depicting the main socio-political actors-antagonists of the Russian Federation allows positioning Russia as a strong and credible political actor, as a guarantor of international peace and stability.*

KEYWORDS: *political discourse, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, intellectual analysis of data, agenda adoption, networked linguistic data, agenda, political discourse, politicians, discursive field, predication, predication core, predication links, structural-semantic analysis, network analysis, morphosemantic analysis.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Malysheva Ol'ga Petrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

Ryabchenko Natal'ya Anatol'evna, Candidate of Political Science, Associate Professor of Department of Social Work, Psychology and Pedagogy of higher education; Head of the Interdisciplinary Laboratory of Applied Linguistics and Public Policy Network Research, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

FOR CITATION: *Malysheva O. P., Ryabchenko N. A. (2024). Network Modeling of the Predication Core of the Digital Socio-Political Agenda: Experience of Using the Graph Neural Network Conceptoscope for the Analysis of D. A. Medvedev's Telegram Channel in 2022—2023. In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 125-136. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Современные информационные вызовы, смена когнитивно-коммуникативной парадигмы и конвергенция онлайн- и офлайн-пространств обуславливают выработку принципиально новых подходов к изучению актуальных явлений и процессов социально-политической жизни, определяющих способность государства противостоять информационным вызовам и обеспечивающих стабильность социально-политической системы в контексте VUCA- и BANI-факторов.

Считается, что эпоха стабильности и предсказуемости завершилась, когда технологии стали развиваться быстрее смены одного поколения. Действительно, нелинейность современных социально-политических процессов, не подлежащих классическим методам измерения и контроля, создает иллюзию хрупкости и волатильности, двусмысленности и непредсказуемости [Истомина 2022]. Данные факторы в совокупности приводят к ощущению неопределенности, не-

возможности интерпретации, познания или выстраиванию прогнозов. Подобное мироощущение вызывает прогрессирующую обеспокоенность и обуславливает трансформацию когнитивно-поведенческих паттернов населения, включая каналы восприятия и способы потребления и распространения информации, определяющих участие индивида в социальных практиках.

Однако современный сетевой мир, ключевым элементом которого становится ИИ, — реальность, эффективность адаптации к которой определяет распределение сил ключевых акторов нового мира. Информационное доминирование на данный момент является залогом формирования адаптационных механизмов, а повышение приспособляемости является приоритетной задачей сетевого общества, стремящегося к доминированию в новом комплексном мире больших данных [Домбровская, Огнев 2023] и социально-политической турбулентности.

Высокий уровень стресса и тревожности, характеризующий современное общество

как систему, в основном связан с невозможностью обрабатывать непрерывные потоки неструктурированных данных и осуществлять стратегическое планирование. Основными исследовательскими вопросами становятся:

- проблема вычленения стратегически важных для анализа массивов данных; определение оптимального формата данных;
- разработка надежных методов обработки и анализа данных для получения показательных результатов;
- разработка программно-аналитических продуктов с привлечением ИИ для оптимизации процессов обработки и анализа.

Общество как система взаимосвязанных индивидуальных и коллективных институциональных акторов посредством процессов дискурсивного (коммуникативного) взаимодействия генерирует в онлайн-пространстве данные, детерминирующие социальные практики и социально-политические процессы [Тимофеева 2022]. Манифестацией дискурсивного взаимодействия в онлайн-пространстве является установление цифровой социально-политической повестки дня, реализацией которой является социальное действие конструктивного или деструктивного потенциала в онлайн- или офлайн-пространстве как конвертация социально-политического капитала, накопленного онлайн, которое, в свою очередь, инициирует обратную связь или «политический ответ» со стороны политической системы. Другими словами, цифровая социально-политическая повестка дня как манифестация коллективного дискурсивного взаимодействия пользователей определяет следующую итерацию и вектор социально-политического развития.

ЦЕЛЬ РАБОТЫ

В данном контексте выработка новых подходов, методов и инструментария для анализа содержания цифровой социально-политической повестки дня как конструкта, формирующегося в рамках глобального дискурсивного пространства, является принципиальной. Изучение содержания современной цифровой социально-политической повестки дня позволяет выявлять информацию о латентных социально-политических процессах и тенденциях, вероятность реализации которых в виде социального действия достаточно высока. В то время как углубление представлений о ее системных характеристиках позволяет эффективно реагировать на потенциальные информационные угрозы посредством усиления конструктивных дискурсивных практик и нивелирования негативного влияния деструктивных.

Авторы полагают, что цифровая социально-политическая повестка дня (мирового, федерального или регионального уровня) представляет собой комплексный многослойный конструкт, включающий измерения «Официальный дискурс» и «Сетевой дискурс». «Официальный дискурс» предполагает установление повестки дня институциональными политическими акторами (государственные информационные агентства и органы власти); в то время как в измерении «Сетевой дискурс» установление повестки дня реализуется коллективно всеми пользователями онлайн-пространства, включая официальные представительства ключевых институциональных политических акторов. Комплексность цифровой социально-политической повестки дня обусловлена не только многомерностью (наличием нескольких измерений), но также и полисемiotичностью (с точки зрения использующихся знаковых систем — текст, эмодзи), мультимодальностью (текст, аудио, видео) и гипертекстуальностью (кроссплатформенность и хештегизация) коммуникации посредством связанных лингвистических данных (networked linguistic data). При этом тенденция, при которой мнения и политические настроения граждан формируются, модифицируются, потребляются и неконтролируемо распространяются не только в рамках определенного дискурсивного поля, но кроссплатформенно, комплексно воздействуя на всё информационное пространство в целом и вовлекая в дискуссию новых участников независимо от территориальной принадлежности, свидетельствует об активной (не всегда конструктивной) полемике в онлайн-пространстве [Синенко 2008].

Целью данного исследования стало изучение потенциала методологии, основанной на сетевом подходе и методах машинного обучения, для проведения комплексного анализа ЦСППД посредством анализа предикационного ядра дискурсивных полей, составляющих ее содержание. Предметом — ЦСППД, создаваемая официальным каналом @medvedev_telegram — лидером рейтинга «ТОП-10 Телеграм-каналов 2022 года».

Соответственно, задачами исследования стали апробация авторской методологии с применением нейросети «Концептоскоп», позволяющей *моделировать предикационное ядро* глобальных асинхронных дискурсивных полей с целью *определения семантических ролей* социально-политических акторов и выявления *пропозиционного содержания дискурсивного поля* как основы формирования *когнитивно-прагматических паттернов*; а также *подготовки обучающих*

датасетов для тренировки модели машинного обучения и проведения предиктивной аналитики в отношении формирования когнитивно-прагматических паттернов, способных инициировать социальное действие (конструктивное или деструктивное) на платформах социальных сетей в онлайн-пространстве современной России.

ПОДХОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационное перенасыщение и фрагментированное потребление информации в современном обществе обуславливает поиск эффективных аналитических решений, позволяющих оптимизировать процессы сбора, преобразования и анализа массивов данных в плане времени, энергоресурсов и доступности интерпретации результатов при увеличении точности и качества аналитики.

Наиболее доступным и репрезентативным ресурсом (с точки зрения объемов и точности результатов) на данный момент выступают сетевые лингвистические данные. *Сетевые лингвистические данные* представляют, по мнению авторов [Малышева, Рябченко 2022], асинхронные, неструктурированные вербальные (в текстовом, аудио-, видеоформате) и невербальные (эмоджи, специальные графические символы, графики, звуковое и видеосопровождение, рисунки, фото и др.) данные, поддающиеся сетевому моделированию в виде социального графа. Сетевые лингвистические данные образуют в онлайн-пространстве непрерывную среду — асинхронное дискурсивное поле, детерминирующее поведение вовлеченных в него акторов. Сетевые лингвистические данные — большие данные, поддающиеся объективной оценке, обладающие большей степенью интерпретируемости по сравнению с числовыми показателями и позволяющие избегать двусмысленности интерпретаций за счет анализа контекстной реализации смыслов.

Авторский подход к анализу сетевых лингвистических данных как корпусу эмпирических данных о цифровой социально-политической повестке дня предполагает **сетевое моделирование предикационного ядра глобальных асинхронных дискурсивных полей**, составляющих ее предметное содержание, в виде социального графа. Подобный подход позволяет, как показано в предыдущих и настоящем исследовании:

– эксплицировать содержание процессов, детерминирующих установление социально-политической повестки дня, за счет его перекодирования в интуитивно понятное визуально-вербальное оформление;

– анализировать сложные социально-политические процессы с целью информационного обеспечения процесса стратегического планирования социально-политического курса;

– дифференцированно реагировать на информационные угрозы и развивать потенциально конструктивные направления в формировании и реализации социальных практик.

Сетевой подход показывает свою эффективность в широком спектре естественнонаучных и социально-гуманитарных исследований. В частности, в биологических исследованиях для анализа организации генов, живых организмов или сообществ животных и оценке их группового поведения [Finn et al. 2019]; психологии для исследования и прогнозирования поведенческих паттернов индивидов и отдельных групп, причин и факторов развития зависимостей (в том числе от социальных медиа) [Borsboom et al. 2021]; исследованиях окружающей среды и устойчивого развития, политических исследованиях [Ertan et al. 2022].

Сетевой подход в исследовании социально-политической повестки дня применяется для оценки механизма и результатов установления и реализации повестки [Breuer et al. 2020]; выявления причин и факторов развития деструктивных практик в социальных медиа и определения динамики социальной устойчивости [Yang, Sun 2021].

Интеллектуальный анализ данных как технология с применением машинного обучения и статистического анализа предполагает исследование крупных массивов неструктурированных данных для обнаружения паттернов и скрытых взаимосвязей и широко применяется в социально-гуманитарных науках для анализа мнений, политических настроений, идентификации фейков и оценки развития социально-политических тенденций [Мантусов 2022]. Интеллектуальный анализ данных позволяет решать широкий круг фундаментальных и частных задач языкознания, политологии, социологии и экономики посредством сетевого моделирования системных процессов, релевантных для данной области.

Применительно к целям данного исследования сетевой подход и интеллектуальный анализ сетевых лингвистических данных предусматривает анализ предметного содержания актуальной социально-политической повестки дня с помощью методов машинного обучения с применением авторской разработки, нейросети «Концептоскоп», применяющейся для комплексного изучения релевантной выборки сетевых лингвистических данных, визуализированных в виде предикационного ядра данного дискурсивного по-

ля, формирующегося в результате дискурсивного взаимодействия социально-политических акторов на площадках социальных сетей, и прогнозирования потенциальных предикативных связей в дискурсивных полях, генерирование которых возможно в подобном социально-политическом (экстралингвистическом) контексте.

Учитывая сетевой подход и современные особенности развития информационного поля, в частности конвергенцию онлайн- и офлайн-пространств и появление новых акторов, следует переопределить понятия дискурса и дискурсивного поля для обеспечения единства терминологии.

Дискурсивное поле является *форматом и структурой организации коммуникативных потоков, основным условием формирования и существования которого является единство пространства (платформа, сообщество, ветка комментариев) и структурных связей между составляющими его элементами (сообщениями, участниками)*. Дискурсивное поле может объединять кластеры дискурсов (дискурсивные субполя), а также разрозненные сообщения.

Дискурс в подобном разрезе следует понимать как *концептуальный субстрат, сформированный совокупностью нарративов, порожденных в результате совместной коммуникативной деятельности участников дискурсивного поля, экспонентом которой является текст в широком понимании как объект лингвистической реальности (текст, символ, графика), концептуализация смыслов которого реализуется за счет когнитивных преобразований в результате прохождения смысла сквозь фильтры широкого (социокультурного, политического и др.), общественного (контекст в рамках сообщества) и личностного контекстов, обеспечивающих прагматическую фильтрацию (отсеивание нерелевантных смыслов) и прагматическое обогащение (наращивание узких смыслов), приводящие к получению общего для данного языкового сообщества (в рамках дискурсивного поля) смысла*.

Мы полагаем, что предметное содержание любого дискурсивного поля сконцентрировано в его предикационном ядре, объективизированном в массивах сетевых лингвистических данных. Определение термина «предикационное ядро» требует осмысления понятия предикации.

«Предикация» в современной науке является проблемным вопросом и нуждается в уточнении, в том числе для решения прикладных задач настоящего исследования. В первую очередь интересна интерпретация данного понятия с точки зрения психологии,

логики и совокупности разделов теоретической лингвистики.

С точки зрения психологии и логики понятие предикации охватывает процесс формирования мысли и суждения соответственно. При этом пропозициональная функция предикации имеет уточняющее значение с точки зрения осмысленного определения истинности или ложности высказывания, в отличие от мыслительного процесса как такового, предполагающего большую вариативность возможных направлений реализации смысла.

Широкое понимание предикации в лингвистике охватывает рассмотрение данного понятия с точки зрения языковой системы, при котором предикация является функцией языкового выражения, позволяющей соотносить предмет мысли с действительностью и определять характер объект-субъектных отношений [Ахманова]. Однако при извлечении смыслов о менталитете, национально-культурных представлениях, опыте и моделях поведения носителей языка исследователи применяют к предикации узкий подход, редуцирующий исследовательский фокус до изучения структурной взаимосвязи подлежащего и сказуемого [Новоженова 2005], что также не дает возможность концептуализировать понятие предикации.

Создатель предикационной концепции языка профессор В. А. Курдюмов [Курдюмов 1999], утверждая, что язык как таковой является предикацией, а предикационные цепи покрывают всё многомерное пространство языка на разных уровнях, рассматривает понятие предикации, как мы полагаем, со структурно-функциональной точки зрения.

Уточненная интерпретация предикации с точки зрения сегментного, формального или структурно-функционального уровня (морфосинтаксического, синтаксико-семантического или прагматического) позволяет заключить, что на **морфосинтаксическом уровне предикация является средством реализации и выражения процессно-видовых отношений между субъектом и объектом** (модальность, соотношение с действительностью), на **синтаксико-семантическом уровне — средством установления связей между предикатом и его аргументами**, а на прагматическом — *выражением пропозиционального содержания послания*. Подобный подход, с нашей точки зрения, позволяет раскрывать **лого-прагматический аспект** коммуникации и использовать понятие предикации и предикационной сети как *когнитивного каркаса дискурсивного поля* в контексте машинного обучения и исследования лингвистических данных.

Мы полагаем, что в логико-прагматической парадигме понятие **предикации** следует рассматривать с формальной (морфологической), функциональной (синтаксической) и содержательной (семантической) точек зрения как *ментальный конструкт, формально реализующийся как связь неконечного/неопределенного набора переменных — элементов синтаксического уровня, приобретающих семантическое наполнение, определяющее прагматический потенциал предикативной связки (предиката и его аргументов), благодаря реализации определенных синтактико-морфологических свойств предиката, выраженного глаголом независимо от полноты его лексического значения (смысловой или вспомогательный глагол).*

При этом с точки зрения сетевого анализа **предикативная связка** — *элементарный структурный компонент предикационного ядра дискурсивного поля, представляющий связанную структуру SVO, в которой вершины (узлы) S (subject) и O (object) — именованные сущности, а V (verb), ребро (связь), элемент, отражающий характер взаимодействия субстантивированных элементов S и O.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источником эмпирического материала в рамках данного исследования, главной целью которого стала разработка и апробация методологии анализа предикационного ядра дискурсивных полей, составляющих содержание данной ЦСППД, стал @medvedev_telegram — официальный канал Первого заместителя председателя Военно-промышленной комиссии Российской Федерации Д. А. Медведева и лидер рейтинга ТОП-10 Телеграм-каналов в 2022 году с охватом аудитории 957,5 тыс. человек и средним количеством просмотров одного поста — 1 622,4 раз [<https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/11765/>].

Отбор единиц для последующего анализа был осуществлен посредством сплошной выгрузки сообщений, опубликованных в канале @medvedev_telegram, в период 1 января — 31 декабря 2022–2023 гг. Период выборки обусловлен повышенной активностью гражданских журналистов и новых СМИ в указанный временной промежуток в отношении обсуждения специальной военной операции, начатой в феврале 2022 г.

Мы полагаем, что извлечение выводов о пропозициональном содержании нарративов, функционирующих в рамках данного дискурсивного поля, семантических ролях ключевых акторах и отношении к ним автора

контента возможно за счет комплексного анализа содержания предикационного ядра дискурса на макро- и микроуровне посредством методов сетевого, структурно-семантического и морфосемантического анализа.

Исследование включило подготовительный и аналитический этапы.

В рамках подготовительного этапа (пред-процессинг данных):

- методом сплошной выгрузки сообщений через программный интерфейс приложения Телеграм (API Telegram) в формате JSON (JavaScript Object Notation) был выгружен массив сетевых лингвистических данных, составивших эмпирическую выборку;

- данные выборки были очищены от стоп-слов; лемматизация намеренно не проводилась для возможности выявить характер предикации и семантические роли, посредством анализа совокупности грамматических признаков/ категорий глаголов;

- был проведен частотный анализ эмпирической выборки (массива сообщений, опубликованных каналом в период 1 января — 31 декабря в 2022–2023 гг. — 108 и 54 сообщений соответственно), для выявления частотных предикативных связок;

- было сформировано 2 датасета @medvedev_telegram-2022 и @medvedev_telegram-2023, включивших частотные предикативные связки за 2022–2023 гг. Распределение предикативных связок составило 137 и 85 единиц за 2022 и 2023 гг. соответственно.

В рамках аналитического этапа:

- результирующие датасеты были визуализированы в виде направленных графов, в результате чего было выполнено конструирование предикационного ядра дискурсивного поля, создаваемого каналом @medvedev_telegram в 2022–2023 гг. (см. рис. 1, 2);

- сетевой анализ предикационного ядра позволил оценить пространственное распределение предикативных связок, степень их кластеризации и централизации в пределах предикационного ядра; оценить тематическое содержание и отобрать ключевые предикативные связки, определяющие содержание информационной повестки дня, формируемой каналом @medvedev_telegram в 2022–2023 гг.;

- структурно-семантический анализ в совокупности с морфосемантическим анализом выбранных предикативных связок (морфосемантический анализ, которому посвящена отдельная статья) позволил выявить семантические роли S-узлов (= глагольных актантов в модели SVO, выполняющих роль подлежащего) и оценить пропозициональное содержание нарративов, характерных для

повестки, и определить когнитивно-прагматический паттерн, формируемый каналом @medvedev_telegram в 2022–2023 гг. в информационном пространстве (в данной статье представлено описание сетевого и структурно-семантического анализа).

Сетевой анализ предикационного ядра дискурсивного поля, визуализированного в виде направленного графа, позволяет оценить:

- степень кластеризации узлов (параметр, отражающий тематическую связность в дискурсивном поле);
- степень разреженности поля (параметр, отражающий степень связности тематик);
- характер взаимоположения и распределения узлов в поле — в ядре, центре, на периферии (параметр, отражающий фокус внимания отправителя текста); диаметр узлов (параметр, отражающий частотность употребления и важность определенного объекта относительно других объектов в поле);
- направленность действия (параметр, отражающий характер субъект-объектных отношений) [Малышева, Рябченко 2023].

Сетевой анализ предикационного ядра дискурсивных полей, составляющих содержание ЦСППД, формируемой каналом @medvedev_telegram в 2022–2023 гг. показал следующие результаты.

Предикационное ядро дискурсивного поля в 2022 г. в целом характеризуется средней степенью разреженности и средней степенью кластеризации — что следует из разреженного расположения узлов в дискурсивном поле (см. рис. 1) — при наличии нескольких связанных кластеров S-узлов (О-узлы в тексте приводятся в квадратных скобках): «Россия — [оружие] — Киев — [себя] — США»; «Россия — [оружие] — Германия»; «Россия — [НАТО] — оружие — [Германия] — Киев — США» (см. рис. 1, область А).

При этом основным кластером в дискурсивном поле, определяемым в качестве такового на основании крупного диаметра центральных хабов (S-узлов «Россия» и «США»), является «Россия — [оружие] — Киев — [себя] — США» (см. рис. 1, область А), в котором центральные хабы диаметрально противоположны друг другу. Подобное расположение свидетельствует о формировании в ЦСППД, создаваемой каналом @medvedev_telegram, тематического фокуса на противостояние Российской Федерации и США через призму посредничества третьих сторон — НАТО, Германии и Киева. При этом отдаленное расположение S-узлов «Америка» и «США» показывает, что нарративы, посвященные Америке и США, не свя-

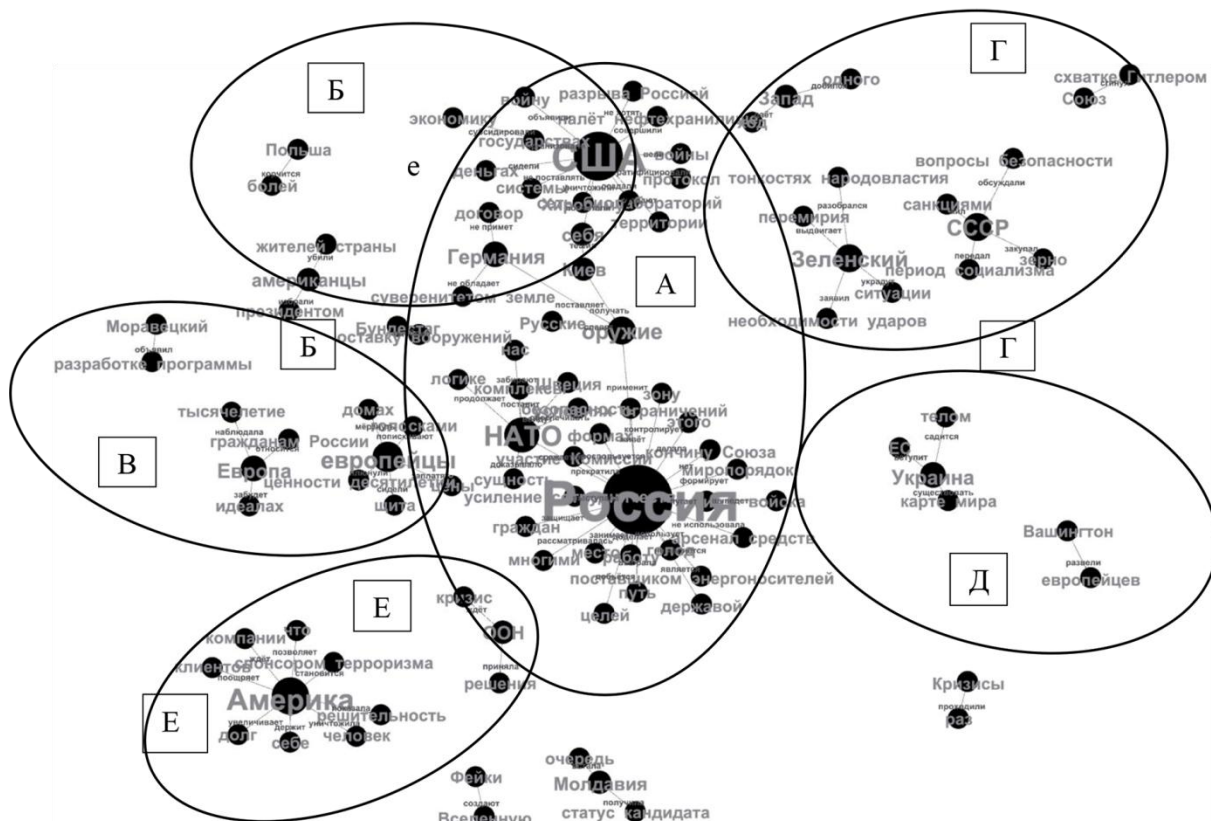

Рис. 1. Центр предикационного ядра дискурсивного поля @medvedev_telegram 2022 г.

заны друг с другом, несмотря на тематическую близость лексем, представляющих данные S-узлы. В свою очередь, близкое расположение S-узлов «Зеленский» и «СССР», а также «Европа» и «европейцы» (см. рис. 1, область В) говорит о тематической связности соответствующих нарративов.

Группы несвязанных кластеров представлены S-узлами «США» — «Запад» — «Германия» (см. рис. 1, область Б); «Европейцы» — «Европа» (см. рис. 1, область В); «Зеленский» — «СССР» (см. рис. 1, область Г); «Украина» — «Вашингтон» (см. рис. 1, область Д). Подобное расположение указывает на тематическую близость указанных S-узлов при отсутствии случаев прямого упоминания соответствующих слов в одном сообщении, опубликованном каналом @medvedev_telegram. Изолированное положение S-узла «Америка» (см. рис. 1, область Е) говорит о тематической разобщенности нарративов, посвя-

щенных США и Америке, как и различным позиционировании данных акторов, в отличие от акторов «Европа» и «европейцы» (см. рис. 1, область Б). В частности, «Америка» выступает в роли символического образа «зла», связанного с Вьетнамской войной и терроризмом, а «США» позиционируется как рациональный политический актор, государство, которое несет ответственность за предполагаемо взвешенные решения. В целом централизованное разреженное ядро, широкая разреженная периферия (= экстенсивная диспергированная периферия), а также наличие крупного связанного кластера «Россия — Киев — США» в центре поля говорит о фокусе на взаимоотношениях России и США и фрагментированном освещении иных событий социально-политической жизни, составляющих «тематический фон».

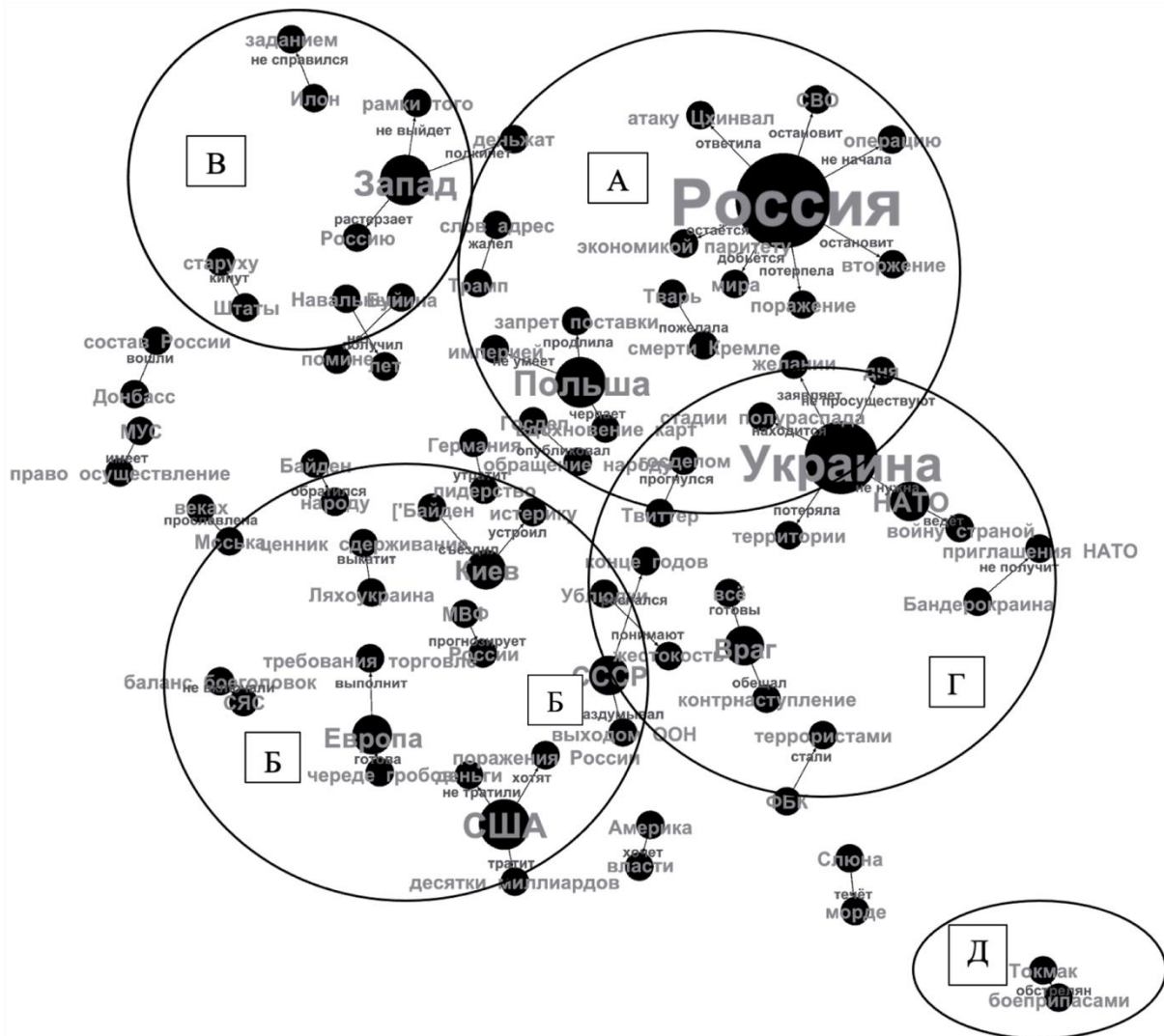

Рис. 2. Центр предикационного ядра дискурсивного поля @medvedev_telegram 2023 г.

Предикационное ядро дискурсивного поля в 2023 г. характеризуется низкой степенью кластеризации узлов, что свидетельствует о большей автономности нарративов, посвященных различным темам и социально-политическим акторам (см. рис. 2).

Исключение составляет кластер S-узлов «Украина — НАТО». Центром повестки при двукратном снижении дискурсивной активности (судя по количеству сообщений и частотных предикативных связей) становится Россия. При этом тематика противостояния России и США уступает место взаимоотношениям России, Польши, Украины и Запада. Данный вывод следует из расположения упомянутых узлов в поле: S-узел «США» перемещается на периферию поля (см. рис. 2, область Б), а S-узлы «Украина», «Польша», «Запад» перемещаются в центр предикационного ядра и располагаются в непосредственной близости к S-узлу «Россия» (см. рис. 2, области А и Б).

Отличительной особенностью предикационного ядра является отсутствие связанных кластеров при тематической консолидации, о чем свидетельствует сближение узлов и образование несвязанных кластеров «Россия» — «Польша» — «Украина» (см. рис. 2, область А); «США» — «Европа» — «МФВ» — «СССР» — «враг» — «ФБК» — «Америка» (см. рис. 2, область Б); «Запад» — «Илон» — «Трамп» — «Навальный» — «Бунин»; «Киев» — «Германия» — «Байден» — «Ляхоукраина» (см. рис. 2, область В). Происходит отдаление антагонистов «Россия» — «США», сворачивание нарратива «США/Америка», а также смещение фокуса на нарратив «Украина» — «НАТО» (см. рис. 2, область Г). S-узел «Токмак» (см. рис. 2, область Д) находится на периферии, что свидетельствует о незначительном влиянии соответствующего нарратива на повестку, несмотря на его присутствие в информационном поле.

В целом децентрализованное плотное ядро, ограниченная диспергированная периферия и наличие несвязанных кластеров говорит об отсутствии тематической консолидации нарративов в ЦСППД, устанавливаемой каналом @medvedev_telegram в 2023 году; фигурантами нарративов является более широкий круг социально-политических акторов; при этом отсутствие связанных кластеров помимо «Украина — НАТО» является свидетельством того, что каналом @medvedev_telegram осуществляется освещение социально-политических процессов в мире как отдельных параллельных процессов, в отличие от НАТО и Украины, очевидная связь которых является фокусом повестки, создаваемой каналом в 2023 году.

Структурно-семантический анализ дискурсивных полей, сформированных каналом @medvedev_telegram в 2022–2023 гг., позволил сделать выводы относительно семантических ролей основных социально-политических акторов — фигурантов нарративов, характерных для канала в указанный промежуток.

Структурно-семантический анализ дискурсивного поля, сформированного каналом @medvedev_telegram в 2023 г., показал, что наиболее распространенными семантическими ролями частотных S-узлов, располагающихся в центре графа (см. рис. 1), являются «агенс» и «атрибуция», представленная фактической и результирующей атрибуцией. В меньшей степени для частотных S-узлов характерны роли пациента и экспериментера.

Роль агенса проявляется в активной деятельной позиции социально-политического актора, представленного соответствующим S-узлом. Например: «Сразу после этого *Россия прекратила своё участие в Комиссии и свои полномочия* из-за политически мотивированного демонстративного наказания суверенного государства, члена ООН»; «При этом сами *США* постоянно *вели бессмысленные войны*, причём обычно вдали от своей территории»; «P.S. Если, как намекнул Столтенберг, *НАТО поставит киевским фанатикам комплексы Patriot* вместе с натовским персоналом, они сразу же станут законной целью наших Вооружённых сил».

Роль фактической (текущей) атрибуции проявляется в статичной репрезентации определенного качества данного актора. Например: «*Россия является ядерной державой*, обладателем наиболее мощного запаса ядерного оружия, стратегических арсеналов»; «*Россия занимает своё место*»; «Но пока Европа вкладывала средства в борьбу с глобальным потеплением, *США сидели* на своих деньгах, как насадка на яйцах».

Роль результирующей атрибуции отражает приобретаемое свойство данного актора. Например: «Конечно, им не понравилось, что *Россия* снова стала *сильной державой, способной отстаивать свои интересы, защищать собственных граждан* в других странах».

Совмещение атрибутивной и агентивной роли наблюдается в случае, когда использование глагола в действительном залоге позволяет охарактеризовать объект: «*Напомнить, что это именно Россия защищает своих граждан*» (пропозиционный смысл высказывания — «Россия является надежной опорой для своих граждан»); «*Украина всё*

более бесцеремонно садится своим раскормленным западным ленд лизом телом прямо на шею европейским спонсорам» (пропозиционный смысл высказывания — «Украина не проявляет умеренность и сдержанность в вопросах финансирования со стороны Европы»).

Роль пациенса и экспериенсера являются наименее распространенными в выборке (менее 1 %). Например: «Поэтому именно Россия в последние годы рассматривалась многими как оплот христианского мира в целом» — пациенс; «Наши неумные оппоненты никак не могут понять простой вещи — Россия давно живёт в условиях ограничений и хорошо научилась адаптироваться к быстро меняющимся обстоятельствам» — экспериенсер.

Анализ показал, что семантическими ролями, характерными для S-узлов «Россия» и «США» в частности, стали агенс (56,5 % и 76,9 % соответственно), фактическая атрибуция (17,3 % и 15,3 %), атрибутивно-агентивная роль (13 % и 7,69 %). Роль пациенса, результирующей атрибуции и экспериенсера (по 4,3 %) характерны только для S-узла «Россия». Подобное распределение семантических ролей говорит о том, что США изображаются в качестве деятельностного, агрессивного актора, проявляющего контроль во всех сферах: «США — вели — войны; сидели — деньгах; субсидировали — экономику; посчитали — себя [победителями и единственными бенефициарами кончины Советского Союза]; ратифицировали — протокол; создали — сеть биолaborаторий; объявили — войну; уничтожили — Хиросиму; организовали — государства; совершили — налёт нефтехранилище».

Имидж России при акцентировании активной деятельностной позиции формируется опосредованно посредством описания действий: «Россия — защищает — граждан; Россия — формирует — миропорядок». Подобный прием дает возможность наделить Россию неограниченным набором релевантных характеристик, которые, по мнению реципиента, являются соответствующим подобным действиям, например: Россия — сильная влиятельная страна, проявляет заботу о своих гражданах, что достойно уважения. Роль экспериенсера, в свою очередь, призвана обеспечить сочувствие и сопереживание.

Структурно-семантический анализ дискурсивного поля, сформированного каналом @medvedev_telegram в 2023 г., показал, что наиболее распространенными семантическими ролями S-узлов в 2023 г. также стали агентивная и атрибутивная роли. Однако

в процентном распределении семантических ролей наблюдаются изменения по сравнению с предыдущим периодом. Наблюдается незначительное увеличение частотности агентивной роли (до 57,4 %) и значительное снижение атрибутивной (до 18 %), что свидетельствует о смещении фокуса на динамичность в представлении деятельности основных социально-политических акторов, представленных частотными S-узлами.

Анализ показал, что в 2023 г. наблюдается больший разброс и разнообразие в распределении семантических ролей крупных S-узлов, образующих несвязанный кластер в центре дискурсивного поля и представляющих тематический фокус: «Россия», «Украина», «Запад», «Польша». Семантическими ролями, характерными для S-узла «Россия», стали агенс (71,4 %), фактическая и результирующая атрибуция (по 14,2 %); «Украина» — фактическая атрибуция (40 %), пациенс (малефактив), результирующая атрибуция и атрибутивно-агентивная роль (по 20 %); «Запад» — агенс (100 %); «США» — атрибутивно-агентивная роль (100 %).

Подобное распределение семантических ролей говорит о том, что в рамках ЦСППД, создаваемой каналом @medvedev_telegram в 2023 г., позиционирование России в большей степени ориентировано на высокую степень динамичности и нацеленность на результат: «Россия — остановит — СВО; ответила — атаку — Цхинвал; добьётся — мира». Украина представлена опосредованно как пассивный актор через настоящее и прогнозируемое состояние, нежели действия: «Украина — находится — стадии полураспада; не нужна — НАТО; потеряла — территории; не просуществуют — дня». Запад, напротив, играет активно-агрессивную роль: Запад — подкинет — деньги; растерзает — Россию».

Значительным содержательным изменением в повестке 2023 г. является появление S-узлов с ярко выраженным оценочно-экспрессивным компонентом — «Бандероукраина», «Ляхоукраина», «тварь», «ублюдки» — тенденция, отсутствующая в 2022 г. Анализ текстов сообщений показал, что в дискурсивном поле, формируемом каналом @medvedev_telegram в 2022 г., оценочно-экспрессивную окраску имеют элементы, выполняющие синтаксическую роль, отличную от подлежащего: «страна 404»; «запредельно раздутый государственный долг»; «Америка уничтожила более 20 миллионов человек»; «американцы избрали своим президентом странного дедушку с деменцией»; «неразумной политикой Байдена»; «очередной придурок, бывший министр из Латвии»;

«киевским фанатикам»; «Америка в очередной раз становится спонсором международного терроризма»; «Вашингтон на пару с Лондоном развели европейцев как наперсточники»; «Сколько бы Киев ни тешил себя грёзами о погружении в европейскую идиллию, без членства в НАТО шансов у него нет никаких».

На основе сетевого и структурно-семантического анализа можно заключить, что ЦСППД, формируемая каналом @medvedev_telegram в 2022–2023 гг., в целом характеризуется сменой фокуса с противостояния Россия — США на отношения России, Украины и Запада как собирательного образа антагонистов России (S-узел «враг»). Опосредованно отрицательное оценочное позиционирование антагонистов России сменяется открыто уничижительным позиционированием акторов-антагонистов России.

Россия неизменно является центром повестки и позиционируется в качестве гаранта стабильности и оплота мира. США позиционируется в качестве рационального расчетливого политического актора, в отличие от актора «Америка», который позиционируется в качестве символического образа «корня зла». Основными акторами повестки 2022 г. являются (указаны в порядке снижения значимости для формирования повестки) Россия, США, НАТО, Америка; Европа, Европейцы, Украина, Вашингтон, Зеленский, Запад, СССР. В 2023 г. — Россия, Украина; Польша, Запад, США, Европа; Киев, враг, НАТО, СССР.

Сетевой анализ позволяет говорить, судя по расположению узлов, об освещении иных, помимо противостояния России и ее прямых антагонистов (США в 2022 г. и Украина в 2023 г.), событий социально-политической жизни, представляющих собой «тематический фон».

Отмечается четкая стратегия ведения блога: фокус и «тематический фон», для создания впечатления полноценного сбалансированного освещения политической ситуации; экспрессивный авторский стиль позиционирования политических акторов; в основном нейтральный или сниженный регистр; Россия — неизменно фокус повестки, гарант стабильности и оплот мира. Агенс и атрибуция — основные семантические роли S-узлов; описание посредством чувств или эмоций не характерно.

Данные выводы подтверждаются результатами морфосемантического анализа предикативных связей, составляющих предикационное ядро исследуемых дискурсивных полей за 2022–2023 гг.

ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ литературы и исследования авторов показывают, что сетевой анализ является эффективным средством мгновенного определения тематического макрофокуса ЦСППД. Прагматический паттерн социального действия, формируемый в рамках данного дискурсивного поля, и уточненные результаты получают в ходе фокусированного анализа ЦСППД на структурно-семантическом и морфосемантическом уровне, позволяющего выявлять пропозициональное содержание характерных для повестки нарративов.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило продемонстрировать эффективность моделирования предикационного ядра глобальных асинхронных дискурсивных полей с целью выявления пропозиционного содержания ЦСППД как основы формирования когнитивно-прагматических паттернов; а также подготовить датасеты для тренировки модели машинного обучения, способной проводить предиктивную аналитику в отношении содержания когнитивно-прагматических паттернов, способных инициировать социальное действие (конструктивное или деструктивное) на платформах социальных сетей в онлайн-пространстве современной России.

ИСТОЧНИКИ

- Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 571 с. — Текст : непосредственный.
- Рейтинг Медиагология. — URL: <https://www.mlgr.ru/ratings/socmedia/telegram/11765/> (дата обращения: 15.03.2024). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Домбровская, А. Ю. Измерение образа будущего Российской Федерации в сознании российской молодежи: когнитивистика и киберметрия в прикладном политическом исследовании / А. Ю. Домбровская, А. С. Огнев. — Текст : непосредственный // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2023. — Вып. 13 (3). — С. 128–134.
- Истомина, О. Б. Бытие и неопределенность социальных стратегий: вызовы времени / О. Б. Истомина. — Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. — 2022. — Вып. 2. — С. 3–10.
- Кабанова, В. В. Применение искусственного интеллекта при работе с мультимедийной информацией / В. В. Кабанова, О. С. Логунова. — Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2022. — № 6 (111).
- Курдюмов, В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка / В. А. Курдюмов. — Москва : Воен. ун-т, 1999. — 194 с. — Текст : непосредственный.
- Мальшева, О. П. Сетевые лингвистические данные и дискурсивное управление: президентские выборы в США 2020 года / О. П. Мальшева, Н. А. Рябченко. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. — Сер. 2, Языкознание. — 2022. — Вып. 21 (3). — С. 39–53.
- Мальшева, О. П. Интеллектуальный анализ данных: опыт применения методов сетевой и когнитивной лингвисти-

ки / О. П. Малышева, Н. А. Рябченко. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 4 (55). — С. 952–955.

7. Мантусов, А. Б. Применение нейронных сетей при формировании поликодового текста / А. Б. Мантусов. — Текст : непосредственный // Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова. — 2022. — Вып. 65 (2). — С. 42–51.

8. Новоженова, З. Л. Особенности национальной... предикации / З. Л. Новоженова. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2005. — № 7. — С. 13–25.

9. Синенко, Т. В. Гипертекстуальность как ключевой признак сетевой полемики / Т. В. Синенко. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 7. — С. 151–157.

10. Тимофеева, Л. Н. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии / Л. Н. Тимофеева, Н. А. Рябченко, О. П. Малышева, А. А. Гнедаш. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2022. — Вып. 2. — С. 37–51.

11. Borsboom, D. Network analysis of multivariate data in psychological science / D. Borsboom, M. K. Deserno, M. Rhemtulla, S. Epskamp, E. I. Fried, R. J. McNally, L. J. Waldorp. — Text : unmediated // Nature Reviews Methods Primers. — 2021. — № 1(1). — P. 58.

12. Breuer, A. The 2030 Agenda as agenda setting event for water governance? Evidence from the Cautla River Basin in Morelos and Mexico / A. Breuer, U. Oswald Spring. — Text : unmediated // Water. — 2020. — № 12 (2). — P. 314.

13. Ertan, G. Cognitive political networks: A structural approach to measure political polarization in multiparty systems / G. Ertan, A. Çarkoğlu, S. E. Aytac. — Text : unmediated // Social Networks. — 2022. — № 68. — P. 118–126.

14. Finn, K. R. The use of multilayer network analysis in animal behaviour / K. R. Finn, M. J. Silk, M. A. Porter, N. Pinter-Wollman. — Text : unmediated // Animal behaviour. — 2019. — № 149. — P. 7–22.

15. Yang, F. Who has set whose agenda on social media? A dynamic social network analysis of Tweets on Paris attack / F. Yang, T. Sun. — Text : unmediated // Communication Quarterly. — 2021. — № 69 (4). — P. 341–363.

MATERIALS

1. Ahmanova, O.S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Editorial URSS, 571 p. (In Russ.)

2. *Rejting Medialogiya* [Medialogia Rating] (n.d.). Retrieved March 15, 2024, from <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/11765/> (In Russ.)

REFERENCES

1. Dombrovskaya, A.Yu., & Ognev, A.S. (2023). Izmerenie obraza budushchego rossijskoj federacii v soznanii rossijskoj molodezhi: kognitivnaya i kibernetika v prikladnom politicheskom issledovanii [Measuring the image of the Russia's future among Russian youth: cognitive science and cybermetrics for the political study]. In *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 13(3), 128–134. (In Russ.)

2. Istomina, O.B. (2022). Bytie i neopredelennost' social'nyh strategij: vyzovy vremeni [Being and uncertainty of social strategies: the challenges of time]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, 2, 3–10. (In Russ.)

3. Kabanova, V.V., & Logunova, O.S. (2022). Primenenie iskusstvennogo intellekta pri rabote s mul'timedijnoj informatsiej [Application of artificial intelligence in working with multimedia information]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6(111).

4. Kurdyumov, V.A. (1999). *Ideya i forma. Osnovy predikcionnoj koncepcii yazyka* [Idea and Form. Principles of Predicational Conception of Language]. Moscow: Voen. un-t, 194 p. (In Russ.)

5. Malysheva, O.P., & Ryabchenko, N.A. (2023). Intellektual'nyj analiz dannyh: opyt primeneniya metodov setevoy i kognitivnoj lingvistiki [Construction and deconstruction of opinions in the online space: New methods of cognitive sociolinguistics]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 4(55), 952–955. (In Russ.)

6. Malysheva, O.P., & Ryabchenko, N.A. (2022). Setevye lingvisticheskie danye i diskursivnoe upravlenie: prezidentskie vybory v SSHA 2020 goda [Networked linguistic data and discourse management: the 2020 US Presidential Election]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 21(3), 39–53. (In Russ.)

7. Mantusov, A.B. (2022). Primenenie nejronnyh setej pri formirovanii polikodovogo teksta [The use of neural networks in the formation of polycode text]. *Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni Halela Dosmuhamedova*, 65(2), 42–51. (In Russ.)

8. Novozhenova, Z.L. (2005). Osobennosti nacional'noj... predikacii [Features of national... predication]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, 7, 13–25. (In Russ.)

9. Sinenko, T.V. (2008). Gipertekstual'nost' kak klyuchevoy priznak setevoy polemiki [Hypertextuality as a key sign of network polemics]. *Vestnik TGU*, 7, 151–157. (In Russ.)

10. Timofeeva, L.N., Ryabchenko, N.A., Malysheva, O.P., & Gnedash, A.A. (2022). Cifrovaya social'no-politicheskaya povestka dnya i ee osmyslenie v usloviyah novej mediaekologii [The digital socio-political agenda and its conceptualization within the new media ecology framework]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, 37–51. (In Russ.)

11. Borsboom, D., Deserno, M.K., Rhemtulla, M., Epskamp, S., Fried, E.I., McNally, R.J., ... & Waldorp, L.J. (2021). Network analysis of multivariate data in psychological science. *Nature Reviews Methods Primers*, 1(1), 58.

12. Breuer, A., & Oswald Spring, U. (2020). The 2030 Agenda as agenda setting event for water governance? Evidence from the Cautla River Basin in Morelos and Mexico. *Water*, 12(2), 314.

13. Ertan, G., Çarkoğlu, A., & Aytac, S.E. (2022). Cognitive political networks: A structural approach to measure political polarization in multiparty systems. *Social Networks*, 68, 118–126.

14. Finn, K.R., Silk, M.J., Porter, M.A., & Pinter-Wollman, N. (2019). The use of multilayer network analysis in animal behaviour. *Animal behaviour*, 149, 7–22.

15. Yang, F., & Sun, T. (2021). Who has set whose agenda on social media? A dynamic social network analysis of Tweets on Paris attack. *Communication Quarterly*, 69(4), 341–363.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).

Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 349.3+811.411.16'42+811.411.16'38

ББК Ш161.121.5-51+Ш161.121.5-55

ГРНТИ 16.41.21

Код ВАК 5.1.3; 5.9.8

Валерия Евгеньевна Нестерова^{1✉}, Ольга Леонидовна Альтшулер-Феррейра^{2✉}

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

¹ karaelan@mail.ru ✉, SPIN-код: 4840-1914, <https://orcid.org/0000-0002-7467-0029>

² proekt2612@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0009-0001-0235-1205>

Моделирование медиаобраза полиции в израильском газетном дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос о конструировании образа правоохранительных органов Израиля в газете «הארץ» («Израиль сегодня»). Актуальность настоящей статьи обусловлена дефицитом лингвистических исследований, посвященных изучению силовых структур стран Ближнего Востока. Целью статьи является выявление и анализ коммуникативно-прагматических средств, способствующих моделированию образа полиции в израильском политическом медиадискурсе, в частности в газетном дискурсе. Материалом исследования послужили 79 медиатекстов, репрезентирующих информацию о деятельности полиции Израиля в период с 01.09.2023 по 30.09.2023. В результате исследования авторы приходят к выводу, что медиаобраз правоохранительных органов в израильском газетном дискурсе является сложным и многогранным, за счет сочетания в себе как положительных, так и отрицательных характеристик отдельно взятых офицеров и ведомства в целом (это свидетельствует о прагматической амбивалентности в репрезентации образа). Мелиоративный образ сотрудников израильской полиции в рассмотренных контекстах (46 контекстов) моделируется преимущественно на фоне отрицательного контекста (войны, восстания, мятежи) посредством прямых внутрифразовых оценок и номинаций. Ключевыми коммуникативно-прагматическими средствами конструирования положительного образа стражей порядка выступают эпитеты, метафоры, аллюзии, эвфемизмы и гиперболы. В то же время пейоративный образ актуализируется за счет косвенных оценок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: израильская полиция, правоохранительные органы, органы внутренних дел, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, газетный дискурс, газетные статьи, медиаобразы, израильские СМИ, коммуникативно-прагматические средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Нестерова Валерия Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; 620017, Россия, Екатеринбург, ул. Корепина, 66; email: karaelan@mail.ru.

Альтшулер-Феррейра Ольга Леонидовна, преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; 620017, Россия, Екатеринбург, ул. Корепина, 66; email: proekt2612@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нестерова, В. Е. Моделирование медиаобраза полиции в израильском газетном дискурсе / В. Е. Нестерова, О. Л. Альтшулер-Феррейра. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 137-143.

Valeriya E. Nesterova^{1✉}, Ol'ga L. Al'tshuler-Ferreira^{2✉}

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia

¹ karaelan@mail.ru ✉, SPIN code: 4840-1914, <https://orcid.org/0000-0002-7467-0029>

² proekt2612@gmail.com ✉, <https://orcid.org/0009-0001-0235-1205>

Modeling of the Police Media Image in the Israeli Newspaper Discourse

ABSTRACT. The article deals with the issue of constructing the image of Israeli law enforcement agencies in the newspaper "הארץ" ("Israel Today"). The urgency of the article can be explained by the lack of linguistic research devoted to the study of law enforcement agencies in the Middle East countries. The aim of the article is to identify and analyze the communicative-pragmatic means that facilitate modeling of the image of the police in the Israeli political media discourse, and in newspaper discourse in particular. The practical research material includes 79 media texts representing information about the activity of the Israeli police over the period from 09/01/2023 to 30.09.2023. As a result of the study, the authors conclude that the media image of law enforcement agencies in the Israeli newspaper discourse is complex and multifaceted, due to the combination of both positive and negative characteristics of individual officers and the department as a whole (this indicates pragmatic ambivalence in the representation of the image). The meliorative image of Israeli police officers in the contexts under consideration (46 contexts) is modeled mainly against the background of a negative context (wars, uprisings, rebellions) through direct intra-phrasal evaluations and nominations. Epithets, metaphors, allusions, euphemisms and hyperboles are the key communicative-pragmatic means of constructing a positive image of law enforcement officers. At the same time, the pejorative image is actualized through indirect evaluations.

KEYWORDS: Israeli police, law enforcement agencies, bodies of internal affairs, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, newspaper discourse, newspaper articles, media images, Israeli mass media, communicative-pragmatic means.

© Нестерова В. Е., Альтшулер-Феррейра О. Л., 2024

AUTHOR'S INFORMATION: *Nesterova Valeriya Evgen'evna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.*

Al'tshuler-Ferreira Ol'ga Leonidovna, Lecturer of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Nesterova V. E., Al'tshuler-Ferreira O. L. (2024). Modeling of the Police Media Image in the Israeli Newspaper Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 137-143. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Средства массовой информации являются важным инструментом формирования общественного мнения и представлений о различных социальных институтах. В контексте израильского газетного дискурса моделирование медиа образа полиции играет значительную роль во взаимодействии общественности с правоохранительными органами.

В настоящее время органы правопорядка становятся одним из самых освещаемых в СМИ социальных институтов. Критике подвергаются профессионально-деловые и морально-нравственные качества сотрудников полиции, а также деятельность правоохранительной структуры в целом [Нестерова 2022: 172]. Несмотря на то, что на данный момент существуют филологические исследования образа и имиджа российских и зарубежных правоохранительных органов, в которых одним из ключевых направлений в описании образа структуры МВД выступает лингвистическое моделирование, включая метафорическое моделирование (Э. В. Будаев [Будаев 2022], А. И. Золотайко [Золотайко 2020], О. И. Михневич [Михневич 2022], С. И. Окс [Окс 2011], Л. А. Пушкина [Пушкина 2019], Н. С. Скрипичникова [Скрипичникова 2011], А. П. Чудинов [Чудинов 2022], А. Bukar-Rucman [Bukar-Rucman 2006], A. Ciabuca [Ciabuca 2014], W. L. Wayne [Wayne 2015]), можно наблюдать дефицит работ, посвященных изучению образа полиции стран Ближнего Востока. Этим объясняется **актуальность** настоящей статьи.

Израильские газетные медиатексты представляют интерес для лингвистических исследований ввиду того, что, с одной стороны, они содержат в себе яркие средства выразительности и оценочную лексику [Алексеева [http](#)], с другой стороны, отличаются определенной консервативностью и специфичностью [Эпштейн [http](#)]. Для настоящего исследования были проанализированы ведущие печатные СМИ Израиля («*תעודת היום*» — «Последние известия», «*מעריב*» — «Вечерняя молитва», «*הארץ*» — «Страна»), однако выбор был сделан в пользу газеты «*ישראל היום*» («Израиль сегодня») в силу ее бесплатности, доступности и массового распространения. Выбор периода времени исследования обусловлен происходящими

на территории Израиля событиями, а именно беспорядками в Тель-Авиве с участием выходцев из Эритреи, начавшимися 02.09.2023 г. За период с 01.09.23 по 30.09.23 г. методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 79 медиатекстов, освещающих информацию о деятельности израильской полиции. Средства выразительности в отобранных контекстах выступают ядерными составляющими при конструировании модели образа полицейских в языковом сознании читателя-реципиента, способствуют приращению новых оценочных смыслов, а также выделению дополнительных номинантов образа израильской полиции.

Цель статьи — выявление и анализ коммуникативно-прагматических средств, способствующих моделированию образа полиции в израильском политическом медиадискурсе, в частности в газетном дискурсе. Для решения поставленной цели авторами решаются следующие задачи:

- 1) определить теоретическую базу исследования;
- 2) отобрать и систематизировать медиатексты, содержащие коммуникативно-прагматические средства конструирования образа полиции в израильском газетном дискурсе;
- 3) выявить закономерности в репрезентации мелиоративного и пейоративного образов правоохранительных органов Израиля.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно И. А. Бубновой, существует два принципа процесса построения модели языкового употребления, которая способна дать представление о процессах обработки информации и обладает прогнозирующей способностью: 1) индуктивный, при котором человеком осуществляется анализ фактов действительности и далее строится когнитивная модель концептуализации явлений окружающей реальности; 2) дедуктивный, при рамках которого мышление человека направлено на выделение общих категорий, входящих в концепт [Бубнова 2008: 14]. Общественное мнение о сотрудниках полиции и правоохранительной структуре в целом, как правило, складывается из личных контактов граждан с полицейскими и посредством СМИ. В первом случае мы можем наблюдать преимущественно индуктивный спо-

соб построения модели образа, во втором — дедуктивный.

Максимальный речевоздействующий эффект при моделировании востребованного образа полиции в СМИ достигается посредством использования лингвистических средств, а также реализации коммуникативных стратегий и тактик, направленных на формирование определенных ценностных мотиваций, ориентаций и смыслов адресата. Средства воздействия можно подразделить на внутритекстовые, проявляющиеся в объеме всего текста, и внутрифразовые, имеющие явное или скрытое выражение в отдельном предложении [Гетта <http>]. Эффективное конструирование образа полиции в политическом медиадискурсе может достигаться благодаря конвергенции в одном контексте различных языковых средств.

Коммуникативно-прагматические средства, в частности тропы (метафора, эпитет, метонимия, сравнение, ирония, олицетворение, аллегория, перифраз, эвфемизм, гипербола, литота) и фигуры речи (аллюзия,

*תועוצקמו תוריסם תנגפה רות, מיחרזאה לש ממושל תא חיטבהל תואל אלל תלעופ הרטשמה, המחלמה נמזב
בבר אלל [18]*

Во время войны полиция безупречно работает, чтобы обеспечить (досл. гарантировать) безопасность граждан, демонстрируя преданность делу и безупречный профессионализм.

Глагол *להבטיח* (гарантировать), принадлежащий к официально-деловому стилю, способствует усилению перлокутивного эффекта по убеждению адресата в надежности и эффективности правоохранительных органов Израиля, способных обеспечить безопасность государства и мирных граждан от внешних угроз. Лексема *רבר אלל* (безупречно, досл. без изъяна) репрезентирует полицию в качестве компетентного органа, обладающего всеми необходимыми юридическими зна-

*יב הלועפ פותישו תמדקתמ היגולונכט תרזעב, רצק נמז רות בכרומ חצר הרקמ רותפל וחילצה הרטשמה ירקוק
יטומ [19]*

Следователям полиции удалось быстро раскрыть сложное дело об убийстве с помощью передовых технологий и межведомственного сотрудничества.

Импликация результативности и компетентности полицейских реализуется за счет эпитета *מורכב רצב מקרה* (сложное дело об убийстве), а оперативность вербализуется с помощью сочетания *תוך זמן קצר* (за короткое время / сроки). Кроме того, эффективность всего ведомства актуализируется в контексте посредством словосочетаний *טכנולוגיה מתקדמת* (передовая технология) и *פועל בין-מומ* (межведомственное сотрудничество), которые способствуют установлению доверительных отношений с читательской аудиторией и побуждению занять позитивную по-

оксюморон, зевгма, игра слов, градация, антитеза, параллельные, эллиптические и инверсивные конструкции, риторические вопросы, лексический повтор), направленные на конструирование образа социального института полиции в политическом медиадискурсе, могут способствовать убеждению адресата, внушению или «навязыванию» оценки происходящего, оказанию воздействия на эмоционально-психический фон адресата [Сафина 2015]; установлению доверительных отношений с аудиторией и побуждению занять определенную позицию по отношению к полиции, а также концептуальной иронизации [Петрова 2011].

Рассмотрим наиболее яркие примеры моделирования мелиоративного и пейоративного образов полиции Израиля в газетном дискурсе.

Эксплицитная вербализация профессионализма (*ומקצועיות*) и преданности (*מסירות*) израильских полицейских, выполняющих свой служебный долг в тяжелых условиях, реализуется в аргументе:

ниями и тактическими навыками, направленными на сдерживание вооруженного конфликта. Таким образом, рассмотренный фрагмент способствует конструированию мелиоративного образа стражей порядка в глазах общественности.

Следующий пример также демонстрирует профессионализм и эффективность сотрудников полиции по раскрытию и расследованию преступлений:

зицию по отношению к правоохранительным органам.

В статье под заголовком «Бывший комиссар Альшейх о беспорядках эритрейцев в Тель-Авиве: „Полиция знала о письме, предупреждающем об эскалации“» [20] Рони Альшейх, бывший генеральный инспектор израильской полиции, полагает, что правоохранительные органы не предприняли превентивных мер по предупреждению назревающего конфликта, несмотря на тот факт, что они были заранее уведомлены о возможных беспорядках:

בוסף, משטרה טובה היא משטרה שמונעת ולא נותנת לסיטואציה להגיע

В конце концов, хорошая полиция — это полиция, которая предотвращает и не дает инциденту произойти.

Так, вводное слово *בוסף* (в конце концов) свидетельствует о крайней степени возмущения говорящего по поводу произошедших событий, а положительно-маркированная лексема *בוט* (хороший) в рассматриваемом контексте выступает оценочным маркером, направленным на критику полиции Израиля,

чье бездействие повлекло за собой многочисленные жертвы, и является в рассматриваемом контексте противопоставлением. В следующем фрагменте можно наблюдать усиление интенции адресата убедить аудиторию в необходимости реализации превентивных мер полицией:

בשורה התחתונה, משטרה שמשתמשת בצורה אפקטיבית בשיטור צד גימ"ל ואוטמת את כל השחקנים לה לאכוף בהיקף יותר מצומצם ולהביא תוצאה חיובית כדי לייצר מניעה היא משטרה אפקטיבית, ובוסף נשאר. В итоге, полиция, которая эффективно обеспечивает правопорядок со стороны Гималаев и сдерживает всех актеров в качестве превентивной меры, является эффективной полицией, а профилактику, в конечном счете, можно будет реализовывать с положительным результатом в более ограниченном объеме.

Так, лексема *חיובית* (положительный) и лексический повтор единицы *אפקטיבית* (эффективно) выполняет аттрактивную функцию и эксплицируют некомпетентность и непрофессионализм израильской полиции в рассматриваемом фрагменте. Театральная метафора *לשחקנים* (сдерживает всех актеров) служит средством создания комического эффекта и способствует дости-

жению интенции адресата внушить читателю идею о том, что превентивные меры требуют наименьших усилий, однако правоохранительные органы не справились даже с этим.

Однако, несмотря на критику и имплицитную негативную оценку действий полиции, Р. Альшейх пытается сгладить острые углы и дать объяснения тактическим ошибкам, допущенным полицией:

אני לא יכול לבוא בטענות למשטרה כי היא שחוקה עד דק

בלילה היו הפגנות, השוטרים שחוקים ולא מסוגלים לתפקד וחסרים שוטרים

Я не могу жаловаться на полицию, потому что она крайне утомлена (досл. изношена до худобы). Ночью прошли демонстрации, полиция измотана и неспособна функционировать, полицейских не хватает.

Метафора *קופש* (изношена) и гипербола *עד דק* (до худобы) усиливают экспрессию и реализуют интенцию говорящего убедить аудиторию в наличии человеческого фактора и вызвать эмпатию к офицерам полиции, которые могут испытывать чувство усталости, мешающее корректному осуществлению должностных обязанностей.

Аргумент:

זה כמו ברפואה, אין זבנג וגמרנו - אין יותר פשיעה. תודה פשיעה, אבל היא בשוליים

(Это как в медицине: не существует «забанг и все готово» и преступности больше нет. Преступность будет, и она находится на грани). Фразеологизм זבנג וגמרנו

(Забанг — и все готово) является примером аллюзии с отсылкой к песне ешиботников из фильма «Куни Лемель в Тель-Авиве»¹. Данный оборот обозначает «принятие радикальной меры, чтобы мгновенно положить конец неприятностям»². Смысловая нагрузка указанного фразеологизма в данном фрагменте заключается в невозможности полностью искоренить преступность, несмотря на грамотные и своевременные меры, принимаемые ведомством.

В подтверждение вышесказанного утверждения приведем следующий контекст:

לע מינולתמו נוחטיב רסוח משיגרמ מיבר מיחרזא. תולעל מיכישממ העישפה ינותנ, הרטשמה יצמאמ פא לע חטשב הרטשמה לש תוחכונו רסוח [21]

Несмотря на усилия полиции, уровень преступности продолжает расти. Многие граждане чувствуют себя небезопасно и жалуются на отсутствие полицейских на улицах.

В рассматриваемом фрагменте акцент на недостатках в работе правоохранительных органов, усиленный за счет лексемы

נוחטיב רסוח (небезопасно), способствует оказанию негативного воздействия на эмоционально-психический фон читателя и крити-

¹ זבנג וגמרנו - מתוך הסרט קוני למל בתל-אביב URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=7v30EW9BH11> (дата обращения: 30.09.2023).

² Hebrew-academy. <https://hebrew-academy.org.il/?s=זבנג+וגמרנו#gsc.tab=0&gsc.q=וגמרנו%20זבנג&gsc.page=1> (дата обращения: 13.04.2024).

ческому восприятию деятельности ОВД населением страны.

ВЫВОДЫ

Медиаобраз правоохранительных органов в израильском газетном дискурсе является сложным и многогранным за счет сочетания в себе как положительных, так и отрицательных характеристик отдельно взятых офицеров и ведомства в целом, что свидетельствует о прагматической амбивалентности в репрезентации образа. Освещение деятельности полиции в газете «Израиль сегодня» варьируется от хвалебных статей о героизме и мужестве стражей порядка до критических статей, разоблачающих некомпетентность и недостатки в работе структуры. Это разнообразие помогает сформировать более полное и объективное представление о роли и функциях полиции в обществе.

Мелиоративный образ сотрудников израильской полиции в рассмотренных кон-

Критические материалы, как правило, подчеркивают недостатки в работе органов внутренних дел, такие как рост уровня преступности или неспособность обеспечить общественную безопасность (33 контекста). Так, пейоративный образ правоохранителей актуализируется в большинстве случаев за счет косвенных внутритекстовых оценок, способствующих общественному обсуждению проблем и необходимости проведения реформ в правоохранительной сфере. Основными лингвистическими средствами оказания негативного воздействия на сознание адресата выступают метафоры (28 % — 9 контекстов), эпитеты (24 % — 8 контекстов), ирония (18 % — 6 контекстов), гиперболы (15 % — 5 контекста), сравнения (6 % — 2 контекста), а также повтор отрицательно-маркированных лексем (9 % — 3 контекста) (рис. 2).

Рис. 1. Коммуникативно-прагматические средства, способствующие моделированию мелиоративного образа полиции в израильском газетном дискурсе

текстах (46 контекстов) моделируется преимущественно на фоне отрицательного контекста (войны, восстания, мятежи) посредством прямых внутрифразовых оценок, направленных на репрезентацию самоотверженности и профессионализма полицейских, что помогает укрепить доверие населения к полиции как социальному институту и создать образ защитников общества и страны от внешних и внутренних незаконных посягательств. Ключевыми коммуникативно-прагматическими средствами конструирования положительного образа стражей порядка выступают эпитеты (35 % — 16 контекстов), метафоры (26 % — 12 контекстов), аллюзии (19 % — 9 контекстов), эвфемизмы (11 % — 5 контекстов) и гиперболы (9 % — 4 контекста) (рис. 1).

Рис. 2. Коммуникативно-прагматические средства, способствующие моделированию пейоративного образа полиции в израильском газетном дискурсе

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева, М. Е. Особенности языка израильской газеты как лингвистического источника / М. Е. Алексеева. — URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yazyka-izraillskoy-koy-gazety-kak-lingvisticheskogo-istochnika](https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yazyka-izraillskoy-gazety-kak-lingvisticheskogo-istochnika) (дата обращения: 28.09.2023). — Текст : электронный.
- Бубнова, И. А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Бубнова И. А. — Москва, 2008. — 51 с. — Текст : непосредственный.
- Будаев, Э. В. Зооморфные метафоры как средство дегуманизации образа белорусской милиции в российских СМИ / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 8–21.
- Гетта, О. Н. Способы воздействия в газетных текстах России и США / О. Н. Гетта. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-vozdeyствиya-v-gazetnyh-tekstah-rossii-i-ssha/viewer> (дата обращения: 23.10.2023). — Текст : электронный.
- Золотайко, А. И. Метафорическое моделирование образа правоохранительных органов в неинституциональном полицейском интернет-дискурсе США и Великобритании :

дис. ... канд. филол. наук / Золотайко А. И. — Екатеринбург, 2020. — 246 с. — Текст : непосредственный.

6. Михневич, О. И. Метафорический образ правоохранительных органов в оппозиционном дискурсе (на материале подкастов А. Невзорова) / О. И. Михневич. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 163–171.

7. Нестерова, В. Е. Конструирование ценностной модели образа полиции России и США в газетном дискурсе / В. Е. Нестерова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 172–179.

8. Окс, С. И. Формирование положительного имиджа силовых структур в СМИ : технологии и обратная связь : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Окс С. И. — Воронеж, 2011. — 28 с. — Текст : непосредственный.

9. Петрова, О. Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония / О. Г. Петрова. — Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. — 2011. — №3. — С. 25–30.

10. Пушкина, Л. А. Медиаобраз сотрудника Полиции в США / Л. А. Пушкина. — Текст : непосредственный // Современная медиасреда : традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : межвуз. сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов 18-й Междунар. конф. студентов и аспирантов «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» и финалистов XII международного «Конкурса научных работ студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей» Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ / науч. ред. А. А. Малышев. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2019. — С. 120–126.

11. Сафина, А. Р. Коммуникативно-прагматические функции модальных слов (на материале современного английского языка) / А. Р. Сафина. — Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 11. — С. 65–69.

12. Скрипичникова, Н. С. Эмоционально-оценочный компонент концепта «полицейский» в современном медиадискурсе / Н. С. Скрипичникова. — Текст : непосредственный // Знак : проблемное поле медиаобразования. — Челябинск, 2011. — № 8. — С. 71–73.

13. Чудинов, А. П. Ассоциативный портрет полицейского в русском языковом сознании / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 197–191.

14. Эпштейн, А. Израильская пресса отличается от российской / А. Эпштейн. — URL: <http://www.advertology.ru/article/60925.htm> (дата обращения: 29.09.2023).

15. Bukar-Rucman, A. Presentation of Police Activities in the Mass Media / A. Bucar Rucman, M. Gorazd. — Text : unmediated // Varstvoslovje. — 2006. — № 8. — P. 223–234.

16. Ciabuca, A. Identifying Strategies to Market Police Image in the Media / A. Ciabuca. — Text : unmediated // Ovidius University Annals Economic Sciences Series. — 2014. — Vol. 14. — P. 291–296.

17. Wayne, W. L. The Media Representations of Police Image: Research Notes on the Hong Kong's Occupy Movement / W. L. Wayne. — Text : electronic // Sage Open Journal. — 2015. — Vol. 5. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015607935> (date of access: 06.10.2023).

ИСТОЧНИКИ

18. עשרות חיילים וקצינים נגד ארגון "אחים לנשק": "בוים להם, מוציאים העולם". — URL: <https://www.israelhayom.co.il/news/geopolitics/article/14630500> (дата обращения: 12.12.2023).

19. תונים מדאגים: אלו הן הערים המובילות בגניבת רכבים בשנת 2023. — URL: (<https://www.israelhayom.co.il/news/crime/article/15027779>) (дата обращения: 12.12.2023).

20. המשטרה הכירה "א" ל"ל שעבר אלשיך על מהומות האריתראים בת"מ מכפ. את המכתב שהזויר מהסלמה. — URL: <https://www.israelhayom.co.il/news/local/article/14569309> (дата обращения: 16.09.2023).

21. ינוק חד בדיווחים על מקרי התעללות: נתונים חדשים על האלימות בגני. — URL: (<https://www.israelhayom.co.il/news/local/article/14309620>) (дата обращения: 12.12.2023).

REFERENCES

1. Alekseeva, M.E. (n.d.). *Osobennosti yazyka izrail'skoi gazety kak lingvisticheskogo istochnika* [Features of the language of an Israeli newspaper as a linguistic source]. Retrieved Sept. 28, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yazyka-izrail'skoy-gazety-kak-lingvisticheskogo-istochnika> (In Russ.)

2. Bubnova, I.A. (2008). *Struktura sub'ektivnogo znacheniya slova (psikholingvisticheskii aspekt)* [The structure of the subjective meaning of a word (psycholinguistic aspect)] [Abstract of Doctoral Thesis of Dr of Philology]. Moscow, 51 p. (In Russ.)

3. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2022). *Zoomorfnye metafory kak sredstvo degumanizatsii obraza belorusskoi militsii v rossiiskikh SMI* [Zoomorphic metaphors as a means of dehumanizing the image of the Belarusian police in the Russian media]. *Political Linguistics*, 5(95), 8–21. (In Russ.)

4. Getta, O.N. (n.d.). *Sposoby vozdeystviya v gazetnykh tekstakh Rossii i SShA* [Methods of Influence in Newspaper Texts of Russia and the USA]. Retrieved Oct. 23, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-vozdeystviya-v-gazetnyh-tekstakh-rossii-i-ssha/viewer> (In Russ.)

5. Zolotaiko, A.I. (2020). *Metaforicheskoe modelirovanie obraza pravookhranitel'nykh organov v neinstitutsional'nom politseiskom internetdiskurse SShA i Velikobritanii* [Metaphorical Modeling of the Image of Law Enforcement Agencies in the Non-Institutional Police Internet Discourse of the USA and Great Britain] [Dis. of Cand. of Philology]. Ekaterinburg, 246 p. (In Russ.)

6. Mikhnevich, O.I. (2022). *Metaforicheskii obraz pravookhranitel'nykh organov v oppozitsionnom diskurse (na materiale podkastov A. Nevzorova)* [Metaphorical image of law enforcement agencies in opposition discourse (based on A. Nevzorov's podcasts)]. *Political Linguistics*, 5(95), 163–171. (In Russ.)

7. Nesterova, V.E. (2022). *Konstruirovaniye tssenostnoi modeli obraza politsei Rossii i SShA v gazetnom diskurse* [Construction of a value model of the image of the police in Russia and the USA in newspaper discourse]. *Political Linguistics*, 5(95), 172–179. (In Russ.)

8. Oks, S.I. (2011). *Formirovanie polozhitel'nogo imidzha silovykh struktur v SMI : tekhnologii i obratnaya svyaz'* [Formation of a positive image of law enforcement agencies in the media: technologies and feedback] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Voronezh, 28 p. (In Russ.)

9. Petrova, O.G. (2011). *Tipy ironii v hudozhestvennom tekste: kontseptual'naya i kontekstual'naya ironiya* [Types of irony in fiction: conceptual and contextual irony]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 3, 25–30. (In Russ.)

10. Pushkina, L.A. (2019). *Mediabraz sotrudnika Politsei v SShA* [Media image of a police officer in the USA]. In A.A. Malyshev (Ed.), *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzglyad molodykh issledovatelei* (Interuniversity collection of scientific works of students, master's students and postgraduates of the 18th Int. Conf. of students and postgraduates "Media in the modern world. Young researchers" and finalists of the XII international "Competition of scientific works of students, master's students, postgraduates and applicants" of the Higher School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University, pp. 120–126). St. Petersburg. (In Russ.)

11. Safina, A.R. (2015). *Kommunikativno-pragmaticheskie funktsii modal'nykh slov (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka)* [Communicative and pragmatic functions of modal words (based on modern English)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11, 65–69. (In Russ.)

12. Skripichnikova, N.S. (2011). *Emotsional'no-otsenochnyi komponent kontsepta «politsejskii» v sovremennom mediadis-kurse* [Emotional and evaluative component of the concept "policeman" in modern media discourse]. *Znak : problemnoe pole mediabrazovaniya*, 8, 71–73. Chelyabinsk. (In Russ.)

13. Chudinov, A.P., Segal, N.A., & Mishchenko, A.N. (2022). *Assotsiativnyi portret politseiskogo v russkom yazykovom soznanii* [Associative portrait of a policeman in the Russian linguistic consciousness]. *Political Linguistics*, 5(95), 197–191. (In Russ.)

14. Epshstein, A. (n.d.). *Izrail'skaya pressa otlichatsya ot rossiiskoi* [The Israeli press differs from the Russian]. Retrieved Sept. 29, 2023, from <http://www.advertology.ru/article/60925.htm> (In Russ.)

15. Bukar-Rucman, A., & Gorazd, M. (2006). Presentation of Police Activities in the Mass Media. *Varstvoslovje*, 8, 223–234.

16. Ciabuca, A. (2014). Identifying Strategies to Market Police Image in the Media. *Ovidius University Annals Economic Sciences Series*, 14, 291–296.

17. Wayne, W.L. (2015). The Media Representations of Police Image: Research Notes on the Hong Kong's Occupy Movement. *Sage Open Journal*, 5. Retrieved Oct. 6, 2023, from <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015607935>

MATERIALS

18. עשרות חיילים וקצינים נגד ארגון "אחים לנשק": "בזים להם, מוציאים את דיבתה של ישראל בכל העולם". Retrieved Dec. 12, 2023, from <https://www.israelhayom.co.il/news/geopolitics/article/14630500>

19. תונים מדאיגים: אלו הן הערים המובילות בגניבת רכבים בשנת 2023. Retrieved Dec. 12, 2023, from <https://www.israelhayom.co.il/news/crime/article/15027779>

20. המפכ"ל לשעבר אלשיך על מהומות האריתראים בת"א "המשטרה הכירה את המכתב שהזהיר מהסלמה". Retrieved Sept. 16, 2023, from <https://www.israelhayom.co.il/news/local/article/14569309>

21. ינוק חד בדיווחים על מקרי התעללות: נתונים חדשים על האלימות בגני הילדים ובמעונות. Retrieved Dec. 12, 2023, from <https://www.israelhayom.co.il/news/local/article/14309620>

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш100.621+Ш143.21-51+Ш143.21-55

ГРНТИ 16.31.02

Код ВАК 5.9.8

Наталья Васильевна Пешкова¹✉, Диана Сергеевна Шипилова²✉

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, peschkoffa@gmail.com✉, SPIN-код: 3618-1122

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, dianashpilov@yandex.ru✉, SPIN-код: 5309-5884

Прагматическое манипулирование социальными эмоциями (на материале англоязычной прессы)

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена изучению прагматического манипулирования социальными эмоциями в западных средствах массовой информации. Сегодня СМИ представляют собой мощный инструмент для лоббирования интересов и навязывания определенного мнения и отношения к конкретной ситуации. Прагматические тактики, используемые журналистами, воздействуют на сознание массовой аудитории и способны вызывать у адресата ответную реакцию в виде возникших в ходе получения информации чувств. В связи с этим целью статьи являлось обнаружение социальных эмоций, подвергающихся манипулированию. Так, нами были обнаружены две социально сильные эмоции — чувство стыда и вины, которые создают благоприятную атмосферу для изменения поведения и взглядов. Прагматические тактики апелляции к чувствам нашли свою реализацию в прагматических приемах «отсылка к авторитету», «персонификация чувства вины», «создание образа» (образ извиняющегося и бесстыдного русского), а также за счет повторения лексических единиц с семантикой «стыд» и «вина».

Основным методом исследования был контент-анализ, позволивший выявить тактики, апеллирующие к сознанию реципиента. В дополнение нами также были использованы контекстологический и семантико-стилистический анализы для описания языкового материала. В качестве объекта исследования выступают прагматические тактики воздействия на социальные эмоции, предметом исследования служат языковые модели реализации прагматических тактик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, английский язык, манипуляция, социальные эмоции, стыд, вина, общественное порицание, дискредитация, прагматические тактики, прагматические приемы, лингвопрагматика, языковые модели.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Пешкова Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова; 117997, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, 36; email: peschkoffa@gmail.com.

Шипилова Диана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков, Южный федеральный университет; 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; email: dianashpilov@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пешкова, Н. В. Прагматическое манипулирование социальными эмоциями (на материале англоязычной прессы) / Н. В. Пешкова, Д. С. Шипилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 144-153.

Nataliya V. Peshkova¹✉, Diana S. Shipilova²✉

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, peschkoffa@gmail.com✉, SPIN code: 3618-1122

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, dianashpilov@yandex.ru✉, SPIN code: 5309-5884

Pragmatic Manipulation of Social Emotions (On the Material of the English-Language Press)

ABSTRACT. The article deals with pragmatic manipulation of social emotions in Western mass media. Today the media represent a powerful tool for lobbying interests and imposing a certain opinion and attitude to a specific situation. The pragmatic tactics used by journalists influence the consciousness of mass audience and are capable of causing a response in the form of emotions that arise during the reception of information. In this regard, the aim of the study was to detect social emotions that are subject to manipulation. Thus, the authors have discovered two socially strong emotions — shame and guilt, which create a favorable atmosphere for changing behavior and views. The pragmatic tactics of appeal to emotions found their realization in the pragmatic devices of “reference to authority”, “guilt personification”, and “image creation” (the image of an apologetic and shameless Russian), as well as through reiteration of lexical units with the semantics of “shame” and “guilt”.

The main method of research is content analysis, which allowed the authors to identify tactics that appeal to the consciousness of the recipient. In addition, the study also involved contextological and semantico-stylistic analyses to describe the linguistic material. The scope of research encompasses pragmatic tactics of influence on social emotions; the object of the study comprises language models of the pragmatic tactics realization.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, English Language, manipulation, social emotions, shame, guilt, social blame, discreditation, pragmatic tactics, pragmatic techniques, linguopragmatics, language models.

AUTHOR'S INFORMATION: *Peshkova Nataliya Vasil'evna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages №1, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.*

Shipilova Diana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methods, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

FOR CITATION: *Peshkova N. V., Shipilova D. S. (2024). Pragmatic Manipulation of Social Emotions (On the Material of the English-Language Press). In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 144-153. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество переживает рост напряженности и увеличение количества и частоты мировых конфликтов, связанных с борьбой за распределение природных ресурсов, присвоение новых земель и мировое влияние. Это приводит к переделу мира и ориентации многих современных государств на создание многополярного мира. Происходящие изменения находят свое отражение в средствах массовой информации, в частности в онлайн-прессе.

Технический прогресс, повлекший за собой развитие интернета и в результате мгновенное распространение любой информации, способствовал замене главной функции СМИ — информирования на манипулирование. Многие факты и события освещаются с определенной точки зрения, выгодной политике государства, с целью навязать общественной аудитории определенную идею, сформировать нужное положительное или отрицательное отношение к происходящему. Так, западные СМИ активно транслируют и комментируют политические действия России.

Целью настоящей статьи является анализ англоязычной онлайн-прессы с точки зрения прагматики для выявления тактик, апеллирующих к социальным эмоциям. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить роль СМИ в воздействии на эмоции индивида; 2) установить виды социальных эмоций, к которым обращаются западные СМИ; 3) выявить прагматические тактики воздействия на установленные эмоции.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

XXI век составляет новую эпоху — информационную, характерным для которой является мгновенное распространение любого вида информации, вследствие чего — информационный хаос, дезинформация, высокий уровень фейков и неподтвержденных источников, отсутствие инструментов верификации, а также низкая информационная грамотность реципиентов. Данные признаки создают благоприятные условия для манипулирования массовым сознанием путем создания, искажения и распространения необходимой информации, содержащей эмоциональные реакции на описываемые собы-

тия, которые влияют на интерпретацию происходящего адресатом [Borch 2012: 34]. Социальные эмоции, вызванные информационным манипулированием, становятся эффективным инструментом массового влияния на аудиторию [Isern-Mas, Antony 2019: 71]. Следует отметить, что социальные эмоции подвижны, легко поддаются корректировке [Salice 2015: 85] и контролю, что позволяет формировать нужное общественное мнение и отношение. В настоящем исследовании под социальными эмоциями понимаем общую реакцию массовой аудитории на различного рода информацию.

Сам термин «эмоция» пришел в английский язык в XVII–XVIII вв. из французского и не привлекал внимание исследователей до середины XIX в. Однако то, что мы сейчас понимаем под эмоцией (категория психологического состояния [Dixon 2003: 287]), было предметом изучения древнегреческих философов и обозначалось как «страсть» (Платон), «чувство» (Демокрит), «аффект» (Аристотель), «привязанность» (Аристотель). Так, например, Платон в своем дуалистическом рассуждении о душе и теле в диалоге «Государство» указывает на три составляющих части души — разумное начало, яростное начало и страстное начало [Петрова 2019: 65]. Разумное начало направлено на познавательную деятельность, яростное — на преодоление трудностей, а страстное начало отражает своего рода внутреннюю энергию, чувства, эмоции, которые управляют телом.

Представители классической философии XVII–XVIII вв. Томас Гоббс, Рене Декарт, Дэвид Юм, Джон Локк продолжили идеи о «внутренних началах» [Гоббс 1991: 183], используя термин «страсть», и считали, что эти начала представляют собой примитивные чувства [Lobanova 2022: 52], которые выражаются при помощи разговоров [Гоббс 1991: 180].

Альтернативная точка зрения возникла в XIX в. с теорией Джеймса — Ланге, согласно которой эмоции рассматривались как чувства, возникшие в результате восприятия действительности [Griffiths, Scarantino 2008: 438–440]. Американский философ Уильям Джеймс утверждал, что «наше ощущение изменений по мере их возникновения является эмоцией» [James 1981: 923]. В XX в. с распространением телевизионных технологий возникла необходимость исследова-

ния информирования с целью управления народом, поэтому представители социальной психологии Гюстав Лебон и Габриель Тард заговорили о массовом распространении определенной эмоции внутри конкретного общества и задали вопрос об управлении социальными эмоциями, а через них толпой [Thonhauser, 2022: 371–389]. Эмоции стали объектом манипулирования, а также фактором, способным управлять общественным мнением. Речи телевизионных спикеров наполнялись эмоциональной окраской, что способствовало передаче эмоционально возбуждающих состояний от говорящего к слушающему [Alekseev 2023: 53]. Подобный прагматический прием использовался и в печатных средствах массовой информации — газетные статьи содержали эмоционально окрашенную информацию, влияющую на эмоции реципиента [Demutska 2021: 32]. Массовая аудитория, испытывающая одинаковые эмоции, является сплоченным, однородным целым, придерживающимся одинаковой точки зрения и в определенной степени оказывающим влияние друг на друга [McDougall 1961: 231]. Так, можно утверждать, что информация, распространяемая СМИ, является возбудителем социальных эмоций.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках настоящей статьи материалом исследования, собранным при помощи сплошной выборки, послужили более 100 онлайн-статей, посвященные освещению политической деятельности Российской Федерации, опубликованные в электронных версиях британского журнала «The Guardian» за 2022–2023 гг. на сайте <https://www.theguardian.com/international>. Выбор данного издания обусловлен его широким распространением среди англоязычных читателей, а также доступностью прочтения для любого интернет-пользователя.

Ведущим типом анализа стал контент-анализ, который позволил выявить тактики, апеллирующие к сознанию реципиента. В дополнение нами также были использованы контекстологический и семантико-стилистический анализы для описания языкового материала. В качестве объекта исследования выступают прагматические тактики воздействия на социальные эмоции, предметом исследования служат языковые модели реализации прагматических тактик.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе проведенного исследования нами было обнаружено, что англоязычные виртуальные СМИ используют негативное информирование своих граждан о деятельности

Российской Федерации, что вызывает определенные социальные эмоции у западной аудитории и тем самым формирует отрицательное отношение к нашей стране. Так, нами были обнаружены две социальные эмоции, к которым прибегает Запад, — чувство стыда и чувство вины.

Согласно Оксфордскому словарю, стыд — это 1) чувство смущения или вины, которое возникает вследствие неправильного поведения (the feelings of being sad, embarrassed or guilty that you have when you know that something you have done is wrong); 2) потеря уважения вследствие неподобающего поведения (the loss of respect that is caused when you do something wrong) [Oxford Dictionary [www](http://www.oxforddictionaries.com)]. Толковый словарь Ожегова предлагает следующее определение: «Чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины» [Ожегов [www](http://www.ozhegov.ru)]. Так, можно утверждать, что стыд — это негативная эмоция, которую испытывает человек, попавший в ситуацию социального неодобрения. Существуют целые концепции культуры стыда и вины, призванные контролировать поведение как отдельного человека, так и общества в целом. Примечательно, что человек может испытывать стыд не только за свой поступок, но и за поступки других людей [Прокофьев 2016: 48–56]. Стыд — сильная социальная эмоция, которая способна вызывать у человека чувство неполноценности, самоуничижения, поэтому, во избежание переживания подобных чувств, человек на подсознательном уровне старается избегать поведения, порицаемого обществом. Получается, что стыд выступает мощным регулирующим поведением инструментом [Otero, Mo-Groba, Iglesias 2023: 17], а также навязывает негативное отношение к определенным поступкам. Стыд — это эмоция, управляющая нашим поведением [Орлов 2005: 27]. При этом исследователи отмечают необходимое условие возникновения стыда — наличие публики [Verma 2022: 487]. Кроме того, как видим из определений, стыд тесно связан с чувством вины. Далее рассмотрим внимательно, как актуализируются обнаруженные нами эмоции на прагматическом уровне.

Тактика апелляции к чувству стыда реализуется при помощи следующих приемов: 1) использование лексемы «shame»; 2) акцентирование отсутствия у русских чувства стыда за свои поступки; 3) отсылка к авторитету.

Первый прием, к которому достаточно часто прибегают британские журналисты, — это использование лексемы «shame» или ее однокоренных форм: «As a Russian, I don't

know how to live with the **shame of Putin's aggression**» [The Guardian www]. Данная статья написана от анонимного источника. Мы знаем, что это человек русского происхождения («As a Russian»). Один человек высказывает свое отношение к происходящим событиям. Созданный образ переносится на всех русских. В этой статье используется многократный лексический повтор слова «shame»: «The first feeling that they have experienced is **shame: shame** about what is happening and **shame** of being the citizen of an aggressor». Повторение позволяет усилить воздействие на чувства реципиента. Данную лексику обнаруживаем снова: «The official position of the Kremlin is the demilitarisation and denationalisation of Ukraine. I don't know how to live with this: **it's a shame and disgrace**. But no form of protest is possible with us. Absolutely none. It's the feeling of a **helpless hostage**». Прагматическое манипулирование усиливается при помощи лексики «disgrace», которая также оказывает воздействие на эмоциональную сферу. В Оксфордском словаре «disgrace» определяется как «the loss of other people's respect and approval because of the bad way somebody has behaved» [Oxford Dictionary www]. Когда человек теряет уважение и одобрение других людей, он чувствует себя подавленным, даже униженным, что является отрицательной эмоцией. Эпитет «**helpless hostage**» усиливает безнадежность положения говорящего, так как он не в силах изменить сложившуюся ситуацию.

В другой статье описывается состояние простой студентки из России, испытывающей чувство стыда: «When last week her lecturer talked about the invasion she **felt ashamed and wanted to disappear**» [The Guardian www].

В некоторых статьях авторы говорят о чувстве стыда не только за современные события, но и за прошлое России, а именно за заслуги Советского Союза в борьбе с нацистской Германией. Так, происходит обесценивание исторического прошлого страны: «President Putin and his regime now chose to invade Ukraine in an unprovoked war of aggression against a sovereign country. His actions **bring shame on Russia and the historic sacrifices of its people**» [The Guardian www].

Статья от 5 апреля 2022 года посвящена акции поддержки российских действий на Украине. В центре Берлина проехала автоколонна с прорусскими лозунгами и символикой: «Cars were draped in the Russian flag, and one bore the symbol “Z”, meant to signify solidarity with the Russian war. Participants reportedly sang patriotic Russian songs» [The Guardian www]. Мэр Берлина Франциска

Гиффай назвала эту демонстрацию «*motorcade of shame*». По мнению автора статьи, людям должно быть стыдно за позицию, которая отличается от официальной западной.

В этой же статье автор приводит мнение одного из демонстрантов. Это мужчина русского происхождения, переехавший в Берлин в 2001 г., который выступает против военных действий, как и все остальные участники («He said he was 100% against the war, as is everyone I am demonstrating with»). Журналист считает, что протестующие хотели привлечь внимание к агрессии к русским, с которой они стали сталкиваться («said his main aim had been to draw attention to the growing hostility being shown towards Russians or people of Russian origin in Berlin»). Автор статьи признает, что в Европе есть люди, поддерживающие Россию, но им, а соответственно и читателям, должно быть стыдно за такую позицию.

Следующий прием направлен на акцентирование *отсутствия у русских чувства стыда* за военные действия в другой стране. Например, статья от 17.06.2022 [The Guardian www] строится при помощи контраста (антитезы). Вначале автор знакомит читателя с ситуацией, которая происходит в Украине (журналист подчеркивает свое мнение о том, что все проблемы происходят из-за России). Автор указывает, что, несмотря на небольшие успехи в военной операции, Россия не сможет одержать финальную победу: «The head of the UK's armed forces has said Russia has already “strategically lost” the war in Ukraine and is now a “more diminished power”» [The Guardian www]. Чтобы доказать свою точку зрения, адресант пытается воздействовать на логику читателя, приводя различные аргументы и цифры: «And Russia has vulnerabilities because it's **running out of people**, it's **running out of hi-tech missiles**», «President Putin has used about **25% of his army's power to gain a tiny amount of territory and 50,000 people either dead or injured**. Russia is failing», «Radakin's claims echo British intelligence reports, the latest of which said some Russian battalion tactical groups (BTGs) — typically established at about **600 to 800 personnel— have only been able to muster as few as 30 soldiers**». Затем писатель подчеркивает, что все действия России осуждаются на Западе, то есть противопоставляется Россия и Запад: «Against a **backdrop of seemingly universal criticism of Russia's near four-month campaign from the west**, the Russian foreign minister, Sergei Lavrov, gave an interview with the BBC on Thursday» [The Guardian www]. Сергей Лавров пытается показать точку зрения России на данный во-

енный конфликт. Далее журналист приводит слова министра иностранных дел РФ: «Russia is not **squeaky clean**. Russia is what it is. And **we are not ashamed** of showing who we are». Автор статьи берет отрывок из речи и делает акценты на те моменты, которые могут наиболее эффективно воздействовать на аудиторию. Устойчивое выражение «**squeaky clean**» означает «кристально чистый». С одной стороны, подчеркивается, что страна не является «кристально чистой», а с другой — говорящий утверждает, что ему не стыдно показывать то, кем они являются на самом деле. Таким образом, цитата, вырванная из контекста, создает благоприятную почву для манипулятивного воздействия на читателя.

Приведем еще один пример, где журналисты подчеркивают тот факт, что российские власти не испытывают стыд за свои поступки: «Peaceful disobedience works only against regimes with a capacity for **feeling shame and the Belarusian and Russian regimes have no shame**» [The Guardian www]. Иногда Россия противопоставляется Украине. Так, президент Украины Владимир Зеленский не хочет «испытывать стыд» за политику своей страны: «I wouldn't want my country to be **facing national shame** because we're not doing the right thing» [The Guardian www].

Журналистам важно показать, что внутри самой России есть люди, которым стыдно за свою страну. Они прибегают к прагматическому приему «отсылка к авторитету», который заключается в приведении убедительных доводов, ссылаясь на известных людей в России. «Коммуникатор должен казаться внушающим симпатию, авторитетным или заслуживающим доверия либо обладающим любым другим качеством, облегчающим убеждение» [Аронсон, Пратканис 2002: 48]. Так, на страницах издания «The Guardian» ссылаются на известных или выдающихся людей, которым стыдно за страну. Например, известному русскому блогеру Юрию Дудю* стыдно за Россию: «On Tuesday, Yuri Dudt*, **one of Russia's most popular**

media personalities, said he “did not vote for this regime” and its need for an empire, **and felt ashamed**, in a post that received almost a million likes in 24 hours» [The Guardian www].

Другой известный журналист Илья Красильщиков** испытывает уже целый спектр отрицательных эмоций: «It's mixed feelings of anger, fury, **shame**, you don't know what to feel, said Krasilshchik**» [The Guardian www].

Статья от 14.03.2022 посвящена Марине Овсянниковой***, получившей всемирную известность после выхода с антивоенными плакатами на Первом канале. Подчеркивается, что героиня имеет тесную связь как с Россией, так и с Украиной, что усиливает эффект воздействия: «Wearing a necklace in the colours of the Ukrainian and Russian flags, Ovsyannikova*** said in her video statement that her father is Ukrainian and her mother is Russian» [The Guardian www]. Она заявляет, что ей стыдно за действия России: «Ovsyannikova*** also released a pre-recorded video via the OVD-Info**** human rights group in which she expressed **her shame** at working for Channel One and spreading “Kremlin propaganda». Женщина, которая наполовину русская, наполовину украинка, выражает стыд за происходящие события. Это помогает подтолкнуть читателя к мысли о том, что остальные русские тоже не согласны с политикой государства. Далее мы находим подкрепление этой мысли: «Within hours of her protest, more than **40,000 people** had so far left comments on Ovsyannikova's Facebook***** page, with **many praising her for her taking a stand**». Марине Овсянниковой*** стыдно. Более 40 000 людей оставили одобрительные комментарии на ее странице в Facebook***** а значит, им, по утверждению журналиста, тоже стыдно за действия российских властей.

Британские авторы подчеркивают, что русским ученым также стыдно за свою страну: «Given that criticising the war can now lead to 15 years in prison in Russia, Duggan describes all communications with the scientists he is try-

* Юрий Дудь. Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

** Илья Красильщиков. Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

*** Марина Овсянникова. Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

**** Медиапроект «ОВД-Инфо». Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

***** «Facebook» — социальная сеть, запрещенная на территории Российской Федерации, принадлежащая компании «Meta», признанной в РФ экстремистской организацией.

ing to help as deliberately “ambiguous”. But he says: “**They feel shame** at what is being done in their name in Ukraine» [The Guardian www]. Ученые — это элита любого общества, образованный слой населения, а значит, их мнение будет обоснованным, к которому простой человек будет прислушиваться. В следующей статье указывается, что русским ученым стыдно за конфликт с Украиной, они не видят будущего в России, поэтому они собираются покинуть страну: «...no hope for science in Russia: academics trying to flee the country». Данный прием реализуется через антонимическое противопоставление России и Запада: в России все плохо, нет будущего, люди ущемлены чувством вины, а на Западе — все по-другому. Следует отметить, что используется собирательный образ «русских ученых», так как не приводятся конкретные имена людей.

Данный прием также реализуется через отсылку к «простым» людям, которые не хотят конфликта и из-за этого испытывают стыд за свою страну. Например, в одной статье говорится о русской учительнице, которая негативно оценивает действия России на Украине: «Natalia, a 52-year-old teacher in St Petersburg, said: “I am totally devastated about the **tragic events** unfolding in Ukraine. I know that **many people** living in Russia experience a **deep sense of guilt** and **shame** for the actions and hostile rhetoric of the Russian leaders many of us have never even voted for» [The Guardian www]. Следующий пример: «None of my younger Russian friends around the globe are surprised. We’re **so used to feeling disappointed** and embarrassed by our government that **we barely feel shame** anymore» [The Guardian www].

Для изображения крайней степени стыда британские журналисты создали образ «активно несогласных граждан», которые рвут свой паспорт и готовы отказаться от своего российского гражданства: «And thirdly you can’t even share these feelings because for the whole world you’re a **pariah** and **true evil**. **And your passport is the passport of the aggressor**. **You don’t even know where to start**». «**People are burning their passports on camera**» [The Guardian www]. В британском издании подчеркивается то, что русские люди в мире воспринимаются как «изгои» (**pariah**) или «настоящее зло» (**true evil**). Писатель указывает на тот факт, что люди доведены до отчаяния из-за чувства стыда.

Следующая обнаруженная нами тактика — *тактика апелляции к чувству вины*, которая заключается в воздействии на эмоциональную сферу человеческого сознания и приписывания вины за какие-либо дейст-

вия. В проанализированном материале это чувство приписывается всем русским за действия одного человека — российского лидера. Данная тактика реализуется при помощи: 1) использования лексемы «guilt»; 2) создания образа извиняющегося русского человека; 3) персонификации чувства вины. Происходит перенос чувства вины со всех русских на конкретного человека — Владимира Владимировича Путина.

Первый прагматический прием, к которому прибегают западные писатели, — это использование лексемы «guilt» и производных от нее слов: «Russia is **guilty** of inciting genocide and having the intent to commit genocide in Ukraine, legally obliging other countries to stop it, according to a new report by more than 30 internationally recognised legal scholars and experts» [The Guardian www]. В данном отрывке автор прибегает к прагматическому приему отсылки к авторитету, а именно приводит мнение 30 всемирно признанных ученых. Так у читателя повышается доверие к сказанному. Журналист подчеркивает, что все эти люди чувствуют вину за события в Украине. Отрывок из другой статьи: «She added: I feel lonely and **guilty**. My family is safe and not under bombs, but I feel my country is going through darkness. I expect a new iron curtain will fall on Russia» [The Guardian www]. Здесь автор приводит слова жительницы Британии, которая имеет русские корни. Приведем еще один отрывок, где также затрагивается чувство вины, которое испытывают русские люди: «People are saying they **feel guilty** about being Russian. People are burning their passports on camera. Hell, I posted: I am Russian but Putin is not my president» [The Guardian www]; «Who’s to blame? Us. Russians. And we’ll now have **to bear this guilt** until Putin’s regime collapses. For it surely will collapse and the attack on a free Ukraine is the beginning of the end» [The Guardian www]; «**I am sure that we are guilty**, said Krasilshchik. But I don’t understand at what moment we could have done anything differently» [The Guardian www]. В следующем отрывке чувство вины достигает гипертрофированного оттенка — говорится о чувстве не отдельного человека или группы людей, а чувство вины приобретает национальный характер: «A new democratic start in Russia is impossible without paying a price and acknowledging **national guilt**» [The Guardian www].

Следующий прагматический прием — прием *создания образа извиняющегося русского человека*. Иногда западные авторы упоминают о русских людях, которые просят прощения за ситуацию в Украине: «I said that to my Russian colleague, and tried very hard

not to show how my voice was trembling. **She asked for forgiveness again**» [The Guardian www]. Или следующий пример: «A famous Russian independent journalist called me for a quote after Russia launched airstrikes all over Ukraine. We have never met but **she started begging for forgiveness** for what her country is doing and may do to mine» [The Guardian www]. Анонимные русские коллеги журналиста испытывают чувство вины за свою страну и поэтому начинают просить прощение. Многократное повторение одного и того же образа помогает западным авторам в буквальном смысле навязать чувство вины русским людям, читающим эти статьи, а также создать мнение у западных читателей, что русские не правы в происходящих событиях.

Еще один прием — *персонификация чувства вины* направлена на приписывание вины какому-либо человеку за происходящие события. Это очень важно, так как, когда человек испытывает чувство вины, ему необходимо понимать, кто должен нести ответственность за поступок. Для западных журналистов таким человеком становится президент России: «The responsibility of this aggression lies on the shoulders of only one person: **Vladimir Putin**» [The Guardian www], «I fear **Putin is unstoppable**», «Natalia, a 52-year-old teacher in St Petersburg, said: I am totally devastated about the tragic events unfolding in Ukraine. I know that many people living in Russia experience a deep sense of guilt and shame for the actions and hostile rhetoric of the Russian leaders **many of us have never even voted for**», «Kristina spoke about the psychological pressure many Russians were under amid the rapidly escalating crisis in Ukraine. It's impossible to overestimate the amount of stress ordinary Russian people are under right now. One of the most stressful things is the rest of the world thinking Russia is evil and that this was the people's decision. It wasn't and we **are not equal to our leader**» [The Guardian www], «People are burning their passports on camera. Hell, I posted: **I am Russian but Putin is not my president**», «We were **disgusted by the theatrical performance of a president we had never chosen**. We were even more disgusted by the thought that most people in Russia would believe him» [The Guardian www].

Журналисты британского издания также склонны обвинять российского лидера не только за события в Украине, но и за ситуацию в самой Европе — за экономические проблемы, политические разногласия, нехватку продовольствия и энергоресурсов: «**By weaponising energy, food, refugees and information**, Russia's leader spreads the eco-

nomical and political pain, creating wartime conditions for all» [The Guardian www]. За счет использования глагола «weaponize» происходит метафоризация образа, то есть такие ресурсы, как еда, энергия, беженцы, а также информация используются в качестве оружия. Писатель изображает мрачный образ европейского будущего, виновником которого, по его мнению, является Владимир Владимирович Путин: «**Along, cold, calamity-filled European winter of power shortages and turmoil looms**» [The Guardian www].

Встречается и скрытое обвинение: «It doesn't matter whether you're an 18-year-old kid or a pregnant middle-aged woman, they'll beat you up, put you in a wagon and take you in for questioning. When you have a **former KGB agent in charge**, you have a country that functions as an **enormous jail**» [The Guardian www]. Автор данной статьи прямо не называет российского лидера, но намекает на него.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы рассмотрели, как англоязычные СМИ воздействуют на массовое сознание, прибегая к манипулированию двумя сильными социальными эмоциями — чувством стыда и вины. Манипулирование социальными эмоциями имеет мощный и долгосрочный эффект. В ходе анализа мы установили, что:

1. Быстрое развитие информационных технологий и их виртуализация способствовали развитию прагматических приемов воздействия на умы и эмоции широких масс. СМИ, освещающие всемирные события, стали навязывать не только определенное отношение и видение ситуации, а также чувства, которые индивид может переживать во время информирования.

2. Сильными социальными эмоциями, регулирующими общественное мнение и поведение, являются чувство стыда и вины. Из сферы индивидуального они перешли в область коллективную и сегодня активно акцентируются в западном обществе.

3. Воздействие на социальные эмоции происходит на прагматическом уровне за счет использования двух тактик — тактики апелляции к чувству стыда и тактики апелляции к чувству вины. Реализация прагматической тактики апелляции к чувству стыда осуществляется за счет 1) частого использования лексики «shame» и ее производных; 2) приема изображения отсутствия у русских чувства стыда; 3) приема отсылки к авторитету.

Прагматическая тактика апелляции к чувству вины реализуется также за счет трех основных приемов: 1) использования лексики «guilt»; 2) создания образа извиняющегося-

ся русского человека; 3) персонификации чувства вины.

Обнаруженные нами на страницах электронного англоязычного издания эмоции — чувство стыда и чувство вины, возникающие вследствие широкого информирования граждан, — направлены в первую очередь для массового порицания внешнеполитической деятельности Российской Федерации, для формирования круга «своих», несогласных с поведением России. Во-вторых, возникшее чувство стыда у западной аудитории за действия РФ помогает западным политикам оправдать свои решения (наложение санкций, нарушение мирных договоров, прекращение сотрудничества, финансирование военных операций, поставка оружия и т. д.). Более того, испытываемое чувство вины заставляет западную аудиторию активно поддерживать свое правительство. Следует также отметить, что западными СМИ активно приписывается вина РФ за конфликт на Украине, что ведет к снижению имиджа России и агрессивному настрою по отношению к ее гражданам.

ИСТОЧНИКИ

1. Толковый словарь под ред. Ожегова. — URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30899> (дата обращения: 10.08.2024). — Текст : электронный.
2. Oxford Learner's Dictionaries. Disgrace. — URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/disgrace_1?q=disgrace (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.
3. Oxford Learner's Dictionaries. Shame. — URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/shame_1?q=shame (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.
4. The Guardian. As a Russian, I don't know how to live with the shame of Putin's aggression. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/24/russian-vladimir-putin-ukraine> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.
5. The Guardian. 'Don't call it a war' — propaganda filters the truth about Ukraine on Russian media. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/26/propaganda-filters-truth-ukraine-war-russian-media> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.
6. The Guardian. I'm in Kyiv and awake at the darkest hour — as Putin's bombs rain down. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/24/kyiv-putin-bombs-invasion-air-trikes-ukraine> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.
7. The Guardian. 'I fear Putin is unstoppable': Russians on invasion of Ukraine. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/25/russian-guardian-readers-on-ukraine-invasion> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.
8. The Guardian. 'Motorcade of shame': outrage overpro-Russia displays at Berlin rally. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/05/motorcade-of-shame-outrage-over-pro-russia-displays-at-berlin-rally> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.
9. The Guardian. Neither Nato nor Ukraine can de-Putinise Russia. We Russians must do it ourselves. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/28/nato-ukraine-vladimir-putin-russia-democratic-national-guilt> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.
10. The Guardian. 'No hope for science in Russia': the academics trying to flee to the west. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/02/no-hope-science-russia-academics-trying-flee-to-west> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.
11. The Guardian. Putin's actions in Ukraine bring shame on Russia, says G7. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/08/putins-actions-in-ukraine-bring-shame-on-russia-says-g7> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

2022/may/08/putins-actions-in-ukraine-bring-shame-on-russia-says-g7 (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

12. The Guardian. Putin is already at war with Europe. There is only one way to stop him. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jul/17/putin-is-already-at-war-with-europe-there-is-only-one-way-to-stop-him> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

13. The Guardian. Putin has ignited a new anti-colonial struggle. This time, Moscow is the target. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/23/putin-ignited-new-anti-colonial-struggle-this-time-moscow-target> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

14. The Guardian. Russia is guilty of inciting genocide in Ukraine, expert report concludes. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/27/russia-guilty-inciting-genocide-ukraine-expert-report> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

15. The Guardian. Russia has 'strategically lost' war, says defence chief, as Lavrov says Moscow unshamed. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jun/17/russia-has-strategically-lost-war-declares-uk-admiral-as-lavrov-says-no-shame-in-war-crimes> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

16. The Guardian. Russians at UK universities 'lonely and guilty' as they fear for the future. — URL: <https://www.theguardian.com/education/2022/mar/06/russians-at-uk-universities-lonely-and-guilty-as-they-fear-for-the-future> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

17. The Guardian. 'They're lying to you': Russian TV employee interrupts news broadcast. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/14/russian-tv-employee-interrupts-news-broadcast-marina-ovsyannikova> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

18. The Guardian. The solace for young Russians like me is that Putin is also digging his own grave in Ukraine. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/01/young-russians-putin-digging-his-own-grave-ukraine-sanctions> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

19. The Guardian. Thousands join anti-war protests in Russia after Ukraine invasion. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/24/we-dont-want-this-russians-react-to-the-ukraine-invasion> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

20. The Guardian. Vladimir Putin sits atop a crumbling pyramid of power. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/27/vladimir-putin-russia-ukraine-power> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

21. The Guardian. Zelenskyy's economic guru: 'Germany can survive without Russian oil: I wouldn't want my country facing the shame'. — URL: <https://www.theguardian.com/business/2022/apr/23/zelenskyy-economic-guru-germany-can-survive-without-russian-oil> (date of access: 10.08.2024). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аронсон, Э., Пратканис, Э. Р. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения — повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Р. Пратканис. — Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2002. — 384 с. — Текст : непосредственный.
2. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. — Текст : непосредственный // Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Т. Гоббс. — Москва: Мысль, 1991. — С. 179–195.
3. Орлов, Ю. М. Стыд и зависть / Ю. М. Орлов. — Москва: Слайдинг, 2005. — 96 с. — Текст : непосредственный.
4. Петрова, Н. И. Гуманизм Платона / Н. И. Петрова. — Текст : непосредственный // Проблемы науки. — 2019. — № 1 (37). — С. 63–71.
5. Прокофьев, А. В. Моральная ответственность, вина и стыд в контексте коллективной деятельности / А. В. Прокофьев. — Текст : непосредственный // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. — 2016. — № 3 (19). — С. 48–56.
6. Alekseev, A.V. On the question of the strong manipulative power of influencers in social networks / A. V. Alekseev. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы педагогики и психологии. — 2023. — Т. 4, № 4. — С. 53–57.
7. Borch, Ch. The Politics of Crowds: An Alternative History of Sociology / Ch. Borch. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 348 p. — Text : unmediated.

8. Demutska, A. Mass Emotions in Social Communication as a Resource for Strengthening Mass Media Impact / A. Demutska. — Text : unmediated // Scientific Notes of Institute of Journalism. — 2021. — Vol. 1 (78). — P. 30–40.

9. Dixon, T. From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category / T. Dixon. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 287 p. — Text : unmediated.

10. Griffiths, P. Emotions in the Wild: The Situated Perspective on Emotion / P. Griffiths, A. Scarantino. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — P. 437–453. — Text : unmediated.

11. Isern-Mas, C. Making Sense of Emotional Contagion / C. Isern-Mas, G. Antoni. — Text : unmediated // Humana. Mente Journal of Philosophical Studies. — 2019. — № 35. — P. 71–100.

12. James, W. The principles of Psychology / W. James. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1981. — P. 913–951. — Text : unmediated.

13. Lobanova, Yu. The History of Philosophical Understanding and Study of Emotions / Yu. Lobanova. — Text : unmediated // Society: Philosophy, History, Culture. — 2022. — № 8. — P. 50–55.

14. McDougall, W. The Group Mind / W. McDougall. — Cambridge : Cambridge University Press, 1961. — 231 p. — Text : unmediated.

15. Otero, R. Emotions and Media: Emotional Regime and Emotional Factors of Selective Exposure / R. Otero, J. Manuel, D. Mo-Groba, G. V. Iglesias. — Text : unmediated // Social Sciences. — 2023. — № 12 (554). — P. 1–28.

16. Salice, A. Sharing an emotion: a Schelerian approach / A. Salice. — Text : unmediated // Thaumazein. — 2015. — № 3. — P. 83–102.

17. Thonhauser, G. A critique of the crowd psychological heritage in early sociology, classic phenomenology and recent social psychology / G. Thonhauser. — Text : unmediated // Cont Philos. — 2022. — № 55. — P. 371–389.

18. Verma, T. Investigating Shame in the Age of Social Media / T. Verma. — Text : unmediated // Women's Studies in Communication. — 2022. — Issue 45. — № 4. — P. 482–496.

MATERIALS

1. *Tolkovyj slovar' pod red. Ozhegova* [Explanatory Dictionary ed. by Ozhegov]. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30899> (In Russ.)

2. *Oxford Learner's Dictionaries. Disgrace*. Retrieved Aug. 10, 2024, from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/disgrace_1?q=disgrace

3. *Oxford Learner's Dictionaries. Shame*. Retrieved Aug. 10, 2024, from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/shame_1?q=shame

4. The Guardian (n.d.). *As a Russian, I don't know how to live with the shame of Putin's aggression*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/24/russian-vladimir-putin-ukraine>

5. The Guardian (n.d.). *'Don't call it a war' — propaganda filters the truth about Ukraine on Russian media*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/26/propaganda-filters-truth-ukraine-war-russian-media>

6. The Guardian (n.d.). *I'm in Kyiv and awake at the darkest hour — as Putin's bombs rain down*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/24/kyiv-putin-bombs-invasion-airstrikes-ukraine>

7. The Guardian (n.d.). *'I fear Putin is unstoppable': Russians on invasion of Ukraine*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/25/russian-guardian-readers-on-ukraine-invasion>

8. The Guardian (n.d.). *'Motorcade of shame': outrage over pro-Russia displays at Berlin rally*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/05/motorcade-of-shame-outrage-over-pro-russia-displays-at-berlin-rally>

9. The Guardian (n.d.). *Neither Nato nor Ukraine can de-Putinise Russia. We Russians must do it ourselves*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/28/nato-ukraine-vladimir-putin-russia-democratic-national-guilt>

10. The Guardian (n.d.). *'No hope for science in Russia': the academics trying to flee to the west*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/02/no-hope-science-russia-academics-trying-flee-to-west>

11. The Guardian (n.d.). *Putin's actions in Ukraine bring shame on Russia, says G7*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/world/2022/may/08/putins-actions-in-ukraine-bring-shame-on-russia-says-g7>

12. The Guardian (n.d.). *Putin is already at war with Europe. There is only one way to stop him*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jul/17/putin-is-already-at-war-with-europe-there-is-only-one-way-to-stop-him>

13. The Guardian (n.d.). *Putin has ignited a new anti-colonial struggle. This time, Moscow is the target*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/23/putin-ignited-new-anti-colonial-struggle-this-time-moscow-target>

14. The Guardian (n.d.). *Russia is guilty of inciting genocide in Ukraine, expert report concludes*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/world/2022/may/27/russia-guilty-in-citing-genocide-ukraine-expert-report>

15. The Guardian (n.d.). *Russia has 'strategically lost' war, says defence chief, as Lavrov says Moscow unashamed*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/world/2022/jun/17/russia-has-strategically-lost-war-declares-uk-admiral-as-lavrov-says-no-shame-in-war-crimes>

16. The Guardian (n.d.). *Russians at UK universities 'lonely and guilty' as they fear for the future*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/education/2022/mar/06/russians-at-uk-universities-lonely-and-guilty-as-they-fear-for-the-future>

17. The Guardian (n.d.). *'They're lying to you': Russian TV employee interrupts news broadcast*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/14/russian-tv-employee-interrupts-news-broadcast-marina-ovsyannikova>

18. The Guardian (n.d.). *The solace for young Russians like me is that Putin is also digging his own grave in Ukraine*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/01/young-russians-putin-digging-his-own-grave-ukraine-sanctions>

19. The Guardian (n.d.). *Thousands join anti-war protests in Russia after Ukraine invasion*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/24/we-dont-want-these-russians-react-to-the-ukraine-invasion>

20. The Guardian (n.d.). *Vladimir Putin sits atop a crumbling pyramid of power*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/27/vladimir-putin-russia-ukraine-power>

21. The Guardian (n.d.). *Zelenskiy's economic guru: 'Germany can survive without Russian oil: I wouldn't want my country facing the shame'*. Retrieved Aug. 10, 2024, from <https://www.theguardian.com/business/2022/apr/23/zelenskis-economic-guru-germany-can-survive-without-russian-oil>

REFERENCES

1. Aronson, Je., & Pratkanis, Je. R. (2002). *Jepoha propagandy: Mehanizmy ubezhdenija—povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie* [The Age of Propaganda: Mechanisms of Persuasion — Everyday Use and Abuse]. St. Petersburg: Prajmevroznač. (In Russ.)

2. Gobbs, T. (1991). *Leviatan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, Form, and Power of the Ecclesiastical and Civil State]. In T. Gobbs, *Sochineniya* (Vol. 2). Moscow: Mysl'. (In Russ.)

3. Orlov, Ju.M. (2005). *Styd I zavist'* [Shame and Envy]. Moscow: Slajding. (In Russ.)

4. Petrova, N.I. (2019). *Gumanizm Platona* [Plato's Humanism]. *Problemy nauki*, 1(37). (In Russ.)

5. Prokof'ev, A.V. (2016). *Moral'naja otvetstvennost', vina i styd v kontekste kollektivnoj dejatel'nosti* [Moral Responsibility, Guilt, and Shame in the Context of Collective Activity]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 3(19). (In Russ.)

6. Alekseev, A.V. (2023). On the question of the strong manipulative power of influencers in social networks. *Aktualnye problemy pedagogiki i psihologii*, 4(4), 53–57.

7. Borch, Ch. (2012). *The Politics of Crowds: An Alternative History of Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press, 348.

8. Demutska, A. (2021). Mass Emotions in Social Communication as a Resource for Strengthening Mass Media Impact. *Scientific Notes of Institute of Journalism*, 1(78), 30–40.

9. Dixon, T. (2003). *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category*. Cambridge: Cambridge University Press, 287 p.

10. Griffiths, P., & Scarantino, A. (2008). *Emotions in the Wild: The Situated Perspective on Emotion* (pp. 437–453). Cambridge: Cambridge University Press.
11. Isern-Mas, C., & Antoni, G. (2019). Making Sense of Emotional Contagion. *Humana. Mente Journal of Philosophical Studies*, 35, 71–100.
12. James, W. (1981). *The principles of Psychology* (pp. 913–951). Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
13. Lobanova, Yu. (2022). The History of Philosophical Understanding and Study of Emotions. *Society: Philosophy, History, Culture*, 8, 50–55.
14. McDougall, W. (1961). *The Group Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 231 p.
15. Otero, R., Manuel, J., Mo-Groba, D., & Iglesias, G.V. (2023). Emotions and Media: Emotional Regime and Emotional Factors of Selective Exposure. *Social Sciences*, 12(554), 1–28.
16. Salice, A. (2015). Sharing an emotion: a Schelerian approach. *Thaumazein*, 3, 83–102.
17. Thonhauser, G. (2022). A critique of the crowd psychological heritage in early sociology, classic phenomenology and recent social psychology. *Cont Philos*, 55, 371–389.
18. Verma, T. (2022). Investigating Shame in the Age of Social Media. *Women's Studies in Communication*, 45(4), 482–496.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.112.2'42+811.112.2'38+81'27
ББК Ш143.24-51+Ш143.23-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.41.21; 16.21.55

Код ВАК 5.9.6 (германские языки)

Наталья Владимировна Погребняк

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия, natasha-kr@yandex.ru,
SPIN-код: 2998-6749, <https://orcid.org/0000-0001-9232-6806>

Роль деструктивных стратегий и тактик в формировании образа «проигравшего» политика в иностранных СМИ

АННОТАЦИЯ. Мир политиков так же, как и мир обычных людей, можно глобально разделить на две концептуальные группы: победители и проигравшие. Восприятие их в роли первых или вторых моделируется СМИ с учетом суггестивного аспекта коммуникации. Статья представляет собой системное описание деструктивных стратегий и тактик, направленных на создание образа «проигравшего» политика в немецкоязычных СМИ. Объектом исследования выступают прагматиколингвистические средства, задействованные в этом процессе. Материалом, отобранным для анализа, является репрезентативная подборка текстов из *Spiegel* и *Profil* за 2020–2024 гг., посвященных переходу Себастьяна Курца из лагеря «победителей» — в «проигравшие». В ходе исследования нами был использован метод критического дискурс-анализа, в результате было обнаружено, что в СМИ наиболее часто используются деструктивные тактики обвинения, обесценивания, а также тактика игры как наиболее продуктивные в процессе дискредитации политика средствами массовой информации. Данная нами классификация деструктивных тактик может быть использована для дальнейшей работы в направлении изучения способов манипулятивного воздействия, функционирующих в современных иностранных СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, немецкие СМИ, немецкий язык, деструктивные стратегии, деструктивные тактики, когнитивные стратегии, образ проигравшего политика, политические деятели, политическая коммуникация, манипулятивное воздействие, манипуляция сознанием, массовое сознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Погребняк Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина; 350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13; email: natasha-kr@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Погребняк, Н. В. Роль деструктивных стратегий и тактик в формировании образа «проигравшего» политика в иностранных СМИ / Н. В. Погребняк. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 154-165.

Natal'ya V. Pogrebnyak

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, natasha-kr@yandex.ru, SPIN code: 2998-6749, <https://orcid.org/0000-0001-9232-6806>

The Role of Destructive Strategies and Tactics in the Formation of the Image of a Political Loser in Foreign Media

ABSTRACT. The world of politicians, as well as the world of ordinary people, can be globally divided into two conceptual groups: the winners and the losers. Their perception as the former or the latter is modeled by the media taking into account the suggestive aspect of communication. The article presents a systemic description of destructive strategies and tactics aimed at creating the image of a political loser in the German-language media. The scope of the study covers the pragmalinguistic means involved in this process. The practical research material selected for analysis consists of a representative compilation of articles from *Spiegel* and *Profil* dated 2020-2024, devoted to Sebastian Kurz's transition from the camp of "winners" to that of "losers". In the course of the study, the author uses the method of critical discourse analysis. As a result it has been found that the media most often use destructive tactics of accusation, devaluation, and game as the most productive ones in the process of discreditation of a politician. The classification of destructive tactics worked out by the author can be used for a further study of the methods of manipulative impact functioning in modern foreign media.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, German media, German language, destructive strategies, destructive tactics, cognitive structures, image of a political loser, politicians, political communication, manipulative impact, manipulation of consciousness, mass consciousness.

AUTHOR'S INFORMATION: Pogrebnyak Natal'ya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia.

FOR CITATION: Pogrebnyak N. V. (2024). The Role of Destructive Strategies and Tactics in the Formation of the Image of a Political Loser in Foreign Media. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 154-165. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь человека часто сравнивают с игрой, представлением и даже войной. В политической гонке, независимо от активизации аналогий с войной или игрой, постоянно присутствуют победители и проигравшие.

Е. Н. Данилова делила общество на «выигравших» и «проигравших», где проигравшие — это прежде всего бедные, а «победители» — это те, кто сумел адаптироваться к новым реалиям жизни, это наиболее прогрессивные члены общества. То есть ученый утверждает, что в основе разделения на «выигравших» и «проигравших» лежит материальный успех [Данилова 2014]. Если направить внимание на политический успех либо поражение, нашедшие свое отражение в немецкоязычных СМИ, то целесообразно изучить когнитивные процессы, задействованные в этом.

Победители — это лидеры, те, кому удастся удержаться на вершинах власти. Политологи, социологи, а также лингвисты классифицируют и изучают политических лидеров, присущие им черты и их языковые портреты.

Исследователи постоянно обращаются к вопросу о происхождении, методах, логике и прагматике отражения в языке успеха и сопутствующих ему действий политиков-победителей, повсеместно признанных лидеров. Актуальность выбранной нами темы исследования определяется его направленностью на проблемы, возникающие на границе политической лингвистики, прагмалингвистики, риторики и когнитивной лингвистики. Научная новизна проведенного исследования обусловлена тем фактом, что «проигравшие» реже попадают в фокус исследователя, поэтому актуальными остаются вопрос изучения этого феномена, а также попытка вывести существующие закономерности. Одной из наших задач является рассмотреть путь «вниз», а не вверх, историю политического поражения, падения, которое можно заметить в дискурсе массмедиа еще до фактического сложения полномочий политика.

Целью нашей работы было определение когнитивных стратегий и тактик, используемых средствами массмедиа для формирования образа «проигравшего» политика. Мы определяем эти стратегии как деструктивные, так как сфера их воздействия направлена на разрушение образа политика и его негативную трансформацию.

Теоретическая значимость работы заключается в определении классификации деструктивных стратегий и их роли в плановом «разрушении» образа политика. Результаты проведенного нами исследования

можно задействовать для дальнейшей работы над аспектами создания образа «проигравшего» политика, теоретических и практических опытов в рамках медиадискурса, прагмалингвистики и политической лингвистики.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для определения частотности использования прагмалингвистических средств в характеристиках С. Курца в выбранных текстах и их дальнейшей интерпретации с учетом их роли в формировании образа политика нами был использован метод критического дискурс-анализа. В качестве материала были выбраны статьи из авторитетного немецкого издания «Der Spiegel» и «Profil» — австрийского аналога «Der Spiegel» за 2020–2024 гг. Подборка языкового материала является репрезентативной, так как она охватывает тот временной промежуток, когда происходил переход Себастьяна Курца из лагеря «победителей» — в «проигравшие». Мы постарались включить в отобранных нами для исследования текстах наиболее яркие моменты этого процесса, запечатленные в средствах массмедиа.

Образ австрийского канцлера Себастьяна Курца выбран нами не случайно. На примере трансформаций медийного образа «самого молодого главы Европы» [Матвеев 2018] мы попытались показать механизм конструирования образов политиков средствами массмедиа в действии.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Д. Н. Павлов определяет когнитивную стратегию как «закономерности выбора способов решения задач познания для достижения определенных целей» [Павлов 2006]. Мы рассматриваем когнитивные стратегии воздействия как закономерности выбора коммуникативных стратегий и тактик воздействия на адресата с целью трансформации их представлений о событиях и людях в заданном направлении [Погребняк, Хачмафова 2023].

Все способы воздействия сводятся к двум когнитивным стратегиям — интенсификации и приуменьшения [Larson 1995]. Стратегия интенсификации, как отмечает О. С. Иссерс, «предполагает „выпячивание“ чужих недостатков и своих достоинств (преувеличение своих достоинств и очернение и преувеличение чужих недостатков); стратегия приуменьшения — это приглушение своих недостатков и чужих достоинств, что достигается за счет умолчания о каких-то аспектах, нежелательных для отправителя сообщения» [Иссерс 2015]. Если анализировать материал с учетом такого глобального раз-

деления, то, несомненно, потребуется фокус на конкретизацию в выделении тактик.

В вопросе выделения стратегий когнитивного воздействия ученые не пришли к единой общепринятой классификации, и это связано в первую очередь с различиями в их фокусе внимания, а также в используемой терминологии.

Например, А. Б. Алексеев выделяет коммуникативную стратегию маргинализации, суть которой заключается в сознательном представлении политиком себя неагентом (не-политиком) или как минимум нетипичным агентом политического дискурса, а в несколько ином, более узком понимании, намеренной самоидентификации с различными маргинальными группами населения [Алексеев 2022].

Ю. И. Детинко и Л. В. Куликова в рамках взаимодействия категорий «свой» — «чужой» выделяют деструктивную стратегию с тактиками обвинения и умаления авторитета, функционирующими внутри нее [Детинко, Куликова 2017: 89].

Концентрируясь на факторе формирования доверия или дефицита доверия, мы в первом случае (когда целью является формирование доверия) выделили тактики манифестации доверия, критики оппонентов, отсутствия минуса. Когнитивная стратегия формирования дефицита доверия, по нашему мнению, реализуется тактиками манифестации недоверия, провокации, обвинения и игры [Погребняк, Хачмафова 2023].

Смещая фокус внимания на трансформацию со знаком минус, остановимся на идентификации стратегий и тактик, задействованных в этом процессе. М. А. Лисихина в рамках негативного речевого поведения выделяет стратегию дискредитации, которая дает «свою отрицательную оценку совершенных поступков, действий или качеств другого человека, направленную на то, чтобы представить этого человека в неблагоприятном свете и, как результат, подорвать к нему доверие окружающих, умалить его достоинство, авторитет и значимость или снизить его самооценку» [Лисихина 2008: 219].

Н. Б. Руженцева выделяет дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе, направленные на дискредитацию и умаление авторитета конкурентов [Руженцева 2004]. М. А. Черезова и Н. К. Данилова проводят анализ деструктивных стратегий участников онлайн-коммуникации, делая акцент на реализации тактик эксплицитной или имплицитной оценки, а также предписывающей тактики, кроме того, во вторичных текстах эксплицируются ответная

тактика, тактика провокации и фокусировки внимания. [Черезова, Данилова 2024].

У Т. В. Степановой мы находим разделение на две основные группы: конструктивные и деструктивные стратегии. При этом первые (конструктивные) способствуют созданию положительного образа определенного явления. Деструктивные стратегии — это стратегии, направленные на создание негативного отношения к определенному явлению (событию, индивидууму), имеющие своей целью «разрушение» положительного восприятия этого явления [Степанова 2020].

О. И. Исмаилова к деструктивным коммуникативным стратегиям относит стратегию на повышение / понижение и стратегию нейтральности. При этом она отдельно выделяет когнитивную стратегию как воздействующую на познавательные процессы, схемы умозаключения [Исмаилова 2019: 55].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы определяем когнитивные стратегии как более широкое понятие по отношению к коммуникативным стратегиям, находящимся с ними в отношениях по аналогии «род» и «вид». Принимая во внимание цель и направление нашего исследования, мы фокусируемся на деструктивных стратегиях и тактиках, используемых в иностранных СМИ.

Отдельно стоит упомянуть стратегию «именования», которую выделяет Н. И. Клушина [Клушина 2006] как одну из основных среди формирующих оценочные суждения. Мы более склонны идентифицировать **метод именованья**, активно эксплуатируемый журналистами в медиадискурсе. Этот метод хорошо иллюстрирует конструируемый СМИ образ политика, в данном исследовании — Себастьяна Курца, а также его переход из стана победителей в проигравшие.

Например: *Ex-NEOS-Chef Matthias Strolz nannte Kanzler Sebastian Kurz einmal einen emotionslosen Androiden, der wirke wie ein perfekter Roboter. Kurz war damit durchaus erfolgreich* [PROFIL ONLINE 2021. Anschober...]. — *Бывший глава NEOS Matthias Штрольц однажды назвал канцлера Себастьяна Курца бесчувственным андроидом, который выглядит как идеальный робот. Курц был тогда вполне успешен...* Сравнение канцлера с бесчувственным андроидом и идеальным роботом служит для создания образа бесчувственного политика, чуждого всему человеческому, слишком рационального. В заголовке статьи Курца называют *Vermesser der Macht* — *мерилом власти* в контексте комментариев о важности для него (Курца) власти: *Kurz ist ein Ver-*

messer der Macht, Machterhalt ist ihm extrem wichtig. Sebastian Kurz hat einen guten Instinkt, was politische Stimmungen betrifft, ist ein hervorragender Rhetoriker, bringt Dinge sehr gut auf den Punkt — Себастьян Курц обладает хорошим чутьем в отношении политических настроений, он отличный оратор, очень хорошо разбирается в сути дела. Таким образом, именование *Vermesser der Macht* не содержит здесь отрицательной коннотации.

В 2020 г. в статье «*Der Störenfried*» уже в заголовке Курца называют «*нарушителем спокойствия*» [DER SPIEGEL Nr. 47 / 14.11.2020, S. 86-88]. Это именование служит только для привлечения внимания к событиям, описываемым в статье, и к фигуре канцлера, в нем нет негативного подтекста.

Doch wer in Brüssel zu oft und, vor allem: laut die Wahrheit sagt, der gilt, wenn nicht als Narr, so zumindest als Störenfried. Kurz stört, weil er mit analytischer Schärfe die Bruchlinien innerhalb der Gemeinschaft offenlegt, faule Kompromisse anspricht, Worthülsen knackt. Und weil er gleichzeitig versucht, maximalen Ertrag für sein Land herauszuholen [DER SPIEGEL Nr. 47 / 14.11.2020, S. 87]. — *Но любого, кто слишком часто и, главное, громко говорит правду, в Брюсселе считают если не дураком, то, по крайней мере, смутьяном.* Курц мешает, потому что он с аналитической остротой выявляет недостатки внутри сообщества, устраняет гнилые компромиссы, ломает пустые клише. А потому, что при этом он пытается получить максимальную отдачу для своей страны. Таким образом, формируется образ героя, победителя, спасителя своей страны, на стороне которого правда. Данная характеристика Курца иллюстрирует высоту, на которой находился канцлер до своего падения, будучи еще в стане победителей.

Kurz hat den Instinkt, aus Rissen im EU-Gefüge politisches Handeln abzuleiten. Er fragt sich: Wo kann ich Beute machen? — У Курца есть чутье извлекать политические решения из трещин в структуре ЕС. Он спрашивает себя: «Где я могу захватить добычу?» [DER SPIEGEL Nr. 47 / 14.11.2020, S. 88] — здесь Курц представлен в образе умелого политика, интуитивно принимающего правильные для своей страны решения, добытчика, приумножающего ее ресурсы.

Сам Курц использует **спортивную метафору**: *Die Behauptung, dass Österreich in Europa neuerdings über der eigenen Gewichtsklasse boxt, verstehe ich ausschließlich als Kompliment* [DER SPIEGEL Nr. 47 / 14.11.2020, S. 86-88] — *Утверждение, что Авст-*

рия сейчас боксирует в Европе не в своей, а в более тяжелой весовой категории, я воспринимаю исключительно как комплимент, как характеристику текущей политической обстановки и ее оценку Европой и самим канцлером. Себастьян Курц подчеркивает тот факт, что он никоим образом не переоценивает роль Австрии на европейской арене, что репрезентирует его как здравомыслящего политика, занимающего уверенную позицию.

Для того, чтобы изменить эту позицию политика, средства массмедиа активно применяют **тактику обвинения**, разрушающую образ политика-победителя, превращающую его в обвиняемого.

ТАКТИКА ОБВИНЕНИЯ

Например, заявление *Kann es sein, dass Kurz, umrahmt vom Habsburger Prunk, zuletzt ein wenig abzuheben drohte?* [DER SPIEGEL Nr. 47 / 14.11.2020, S. 86-88]. — *Могло ли быть так, что Курц, в окружении габсбургского великолепия в последнее время немного потерял связь с реальностью?* Ироничное обвинение в том, что канцлер далек от реальности, не содержит отрицательно коннотированной лексики и эксплицитных оскорблений, но тем не менее бьет четко в цель — по авторитету Курца, доверию к нему людей.

»*Für mich heißt der Missetäter Sebastian Kurz, er hat diese erbärmliche Situation als Allererster zu verantworten*«, **urteilt** *Luxemburgs streitbarer Außenminister Jean Asselborn mit Blick auf Österreichs Weigerung, Flüchtlinge von griechischen Inseln aufzunehmen* [DER SPIEGEL Nr. 47 / 14.11.2020, S. 86-88]. — «*Для меня виновником является Себастьян Курц, он первый, кто несет ответственность за эту жалкую ситуацию*», — *рассуждает воинственно настроенный министр иностранных дел Люксембурга Жан Ассельборн, имея в виду отказ Австрии принять беженцев с греческих островов.* Хотя Жан Ассельборн только транслирует свое мнение (*Für mich ...*), но его суждения являются эксплицитным обвинением Себастьяна Курца, называемого им **Missetäter** — *виновником, злодеем, преступником.* Министр иностранных дел **urteilt** — *рассуждает, судит.*

В рамках **тактики обвинения** также действуют глаголы **schmeicheln sich, analysieren**: »*Österreichs Regierungschef schmeichelt sich selbst als Anti-Merkel*«, **analysiert** *ein hochrangiger EU-Bürokrat.* «*Глава правительства Австрии льстит себе, представляясь в роли анти-Меркель*», — *анализирует высокопоставленный чинов-*

ник ЕС. **Schmeichelt sich** — льстит себе — это имплицитное обвинение, содержащее в себе скрытое, отрицаемое самим канцлером сравнение с Ангелой Меркель, причем сравнение с негативной коннотацией, которое служит формированию отрицательного образа канцлера. *Analysiert* выступает в роли синонима к «обвиняет».

Er, ein »Herzlos-Kanzler«, wie selbst die ihm wohlgesinnte »Bild«-Zeitung schrieb? Kurz ist in seinem Kern schwer zu erschüttern, auch nicht durch gedruckte Kritik [DER SPIEGEL Nr. 47 / 14.11.2020, S. 86-88]. — Он, «бессердечный канцлер», как писала даже благожелательная к нему газета «Бильд»? По своей сути, Курца трудно смутить, даже через печатную критику. Оценочные высказывания **Herzlos-Kanzler** — бессердечный и бессовестный, а также **schwer zu erschüttern** — тот, кого трудно смутить — можно так же отнести к тактике обвинения.

Еще одной иллюстрацией использования тактики обвинения является статья **Wienener Filz** [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 70-72], где фигурирует лексема с отрицательной коннотацией **Filz** — коррумпированная клика, переплетение многочисленных скрытых интересов, прежде всего финансовых. Такая характеристика дается ближайшему кругу австрийского канцлера, его сторонникам, а значит, обвинения в коррумпированности распространяются и на него самого.

Sebastian Kurz durchlebt die schwerste Krise seiner Karriere. Fahnder ermitteln gegen ihn und einige Vertraute, es drohen Verfahren wegen Falschaussage und Korruption. Chats geben Einblick in das System einer Gruppe machtbewusster, vorwiegend junger Konservativer [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 70-72]. — Себастьян Курц переживает самый серьезный кризис в своей карьере. Следователи проводят расследование в отношении него и некоторых его доверенных лиц, им грозит судебное разбирательство по обвинению в даче ложных показаний и коррупции. Чаты дают представление о системе, в которой действует группа властолюбивых, преимущественно молодых консерваторов. Представление о **die schwerste Krise seiner Karriere (Курца)** сопровождается лексемами **machtbewusster, vorwiegend junger Konservativer**, которые носят пренебрежительно-обвинительный характер.

Статья под заголовком «**Wir sind ein Herrenvolk**» — «**Мы высшая раса (господа)**» начинается со следующих слов *Sieben Regierungschefs seit 2016, Korruptionsaffären, Vetternwirtschaft. Der Künstler Josef Ha-*

der unterstellt seinen Landsleuten mangelndes Schuldbewusstsein — und hofft nach dem Ende der Ära Sebastian Kurz auf bessere Zeiten [DER SPIEGEL Nr. 3 / 15.1.2022, S. 84-85]. — Семь глав правительства с 2016 года, коррупционные дела, кумовство. Известный деятель искусства Йозеф Хадер обвиняет соотечественников в отсутствии чувства вины — и надеется на лучшие времена после окончания эпохи Себастьяна Курца. То есть Йозеф Хадер **unterstellt (обвиняет)** своих соотечественников не только в недостатке чувства вины, он в то же время упрекает Курца в **Korruptionsaffären, Vetternwirtschaft (коррупционные дела, кумовство)**.

Im Prinzip war es der gleiche Schmäh, den in den Achtzigerjahren Jörg Haider von der FPÖ gemacht hat: Ein flotter, junger Mann behauptet von sich, dass er eine völlig andere Politik betreibt, nicht zum System gehört und dass alle Gekränkten und Geknechteten bei ihm Erlösung finden. Kurz war genauso ein Populist, nur weniger vulgär. Er hat gesagt: Wenn wir Flüchtlinge retten, vergrößern wir in Wirklichkeit das Leid. Das ist eine hübsche katholische Hinterlist [DER SPIEGEL Nr. 3 / 15.1.2022, S. 84-85]. — В принципе, это была та же самая уловка, которой воспользовался Йорг Хайдер из FPÖ в 1980-е годы: бойкий молодой человек утверждает, что проводит совсем другую политику, не принадлежит системе и что к нему приходят все обиженные и забытые для спасения. Курц был таким же популистом, только менее вульгарным. Он сказал: когда мы спасаем беженцев, мы на самом деле усугубляем их страдания. Это довольно милая, но не лишенная коварства католическая уловка. Отсутствие принадлежности к системе перекликается с теорией маргинальности и подчеркнутого аутсайдерства политика, используемыми обычно в рамках стратегии на повышение и с целью героизации образа политика и привлечения еще большего количества сторонников. Но не в этом случае, так как действия канцлера комментируются с использованием лексем с негативной коннотацией **der gleiche Schmäh** — та же уловка, **eine hübsche katholische Hinterlist** — не лишенная коварства католическая уловка. Следовательно, можно сделать вывод об использовании тактики обвинения, так как «обвиняемый» Курц представляет себя тем, кем он, по словам Йозефа Хадера, не является.

В рамках тактики обвинения активно используются метафоры со сферой-источником «ВОЙНА»: *Zur Vorgeschichte gehört ein politischer Paukenschlag. Vor ziemlich ge-*

nau zehn Jahren, am 18. April 2011, wird gegen Abend bekannt, dass der junge Wiener Sebastian Kurz als Staatssekretär für Integration in die Regierung berufen werden soll. Umgehend versammeln sich in einer Weinbar beim Rathaus und später in der danebenliegenden Parteizentrale **eine Handvoll Männer und Frauen**, die in den kommenden Jahren **die Geschicke der Republik auf straff orchestrierte Weise in die Hand nehmen werden** [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 71]. — Предыстория включает в себя **политическую сенсацию** (дословно: **операцию «Паукеншлаг»** — это название операции германских подводных лодок у восточного побережья США в 1942 году): почти ровно десять лет назад, 18 апреля 2011 года, ближе к вечеру было объявлено о назначении молодого венца Себастьян Курца в правительство на должность государственного секретаря по вопросам интеграции. В винном баре рядом с ратушей, а затем и в штаб-квартире партии по соседству немедленно собралась **горстка мужчин и женщин, которые в ближайшие годы будут жестко контролировать судьбу республики**. Можно ли говорить об обвинениях в данном контексте? Безусловно, да. Назначение Себастьяна Курца на пост госсекретаря по вопросам интеграции сравнивается с операцией «Паукеншлаг», тем самым подчеркивается внезапность победы Курца. Его политическая победа отождествляется с военной победой немецких войск в 1942 г. Сторонники Курца называются **eine Handvoll Männer und Frauen, die die Geschicke der Republik auf straff orchestrierte Weise in die Hand nehmen werden**. Примечательным является именование команды Курца **eine Handvoll Männer und Frauen**: горсткой мужчин и женщин, а не опытных политиков, в руках которых окажется судьба Австрии. Тем самым Курц обвиняется в разделении власти с **eine Handvoll Männer und Frauen**, а также в не очень честной победе, одержанной им самим.

Следующий отрывок — это яркий пример использования метафоры со сферой-источником «ВОЙНА», который наглядно показывает, как органично в общую тактику обвинения встраиваются образы в рамках понимания «ПОЛИТИКА — это война, поле битвы»:

Steiner und Bonelli allen voran sind es, die sechs Jahre später mit dem »Projekt Ballhausplatz« den Wechsel von Sebastian Kurz an die Regierungsspitze vorbereiten. Der generalstabsmäßig ausgearbeitete Schlachtplan reicht so weit, dass unter »Tag der Übernahme« bereits vermerkt ist: »professionell auftreten, aber In-

*szenierung nicht deutlich werden« lassen. Dass es sich bei der eingeschworenen Kurz-Truppe »nicht um eine Gruppe opportunistischer Bobos ohne Überzeugung handelt« oder gar um eine Wiederauflage der vom Kärntner Jörg Haider gesteuerten »Bublerpartie«, das beschreibt der Autor Klaus Knittelfelder in seinem Buch »Inside Türkis« eindrücklich: Der innerste Zirkel bestehe zum Teil aus »stramm Konservativen«, vor allem aber aus einem über Jahre, wenn nicht Jahrzehnte gewachsenen hermetischen Kreis von Menschen, die einander vertrauen [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 72]. — Именно Штайнер и Бонелли, прежде всего, шесть лет спустя готовятся к переходу Себастьяна Курца на пост главы правительства с «проектом Ballhausplatz». План боя, составленный с военной точностью, доходит до того, что в графе «День захвата» уже отмечено: «Ведите себя профессионально, но не позволяйте инсценировке стать очевидной». Автор Клаус Книттельфельдер впечатляюще описывает в своей книге «Внутри бирюзы», что закладывая труппа Курца — это «не группа оппортунистически настроенных парней без убеждений» и даже не повторение «Bublerpartie» под руководством Йорга Хайдера из Каринтии: внутренний круг состоит частично из «убежденных консерваторов», но прежде всего сросшегося за годы, если не десятилетия, герметичного круга доверяющих друг другу людей. Метафора **Der generalstabsmäßig ausgearbeitete Schlachtplan** со сферой-источником «ВОЙНА» — это обвинение Курца в стратегически точно составленном плане захвата власти с назначенным **Tag der Übernahme**. Отрицание оппортунизма и беспринципности наряду с убежденностью в чрезвычайно доверительных отношениях группы Курца — это тоже имплицитное обвинение, но не в отсутствии убеждений, а в многолетнем сговоре ограниченного круга людей.*

Отдельно стоит отметить то, каким образом Себастьян Курц реагирует на выдвигаемые против него обвинения. (Kurz) **nimmt die Vorhaltungen an seine Adresse amüsiert, teils auch verärgert, zur Kenntnis: »Wir sehen uns als klar proeuropäisch, werden aber neuerdings von manchen als Antieuropäer bezeichnet«, sagt er. »Das ist doch absurd«** [DER SPIEGEL Nr. 47 / 14.11.2020, S. 86-88]. — его (Курца) **забавляли, а иногда и раздражали упреки** в его адрес: «Мы считаем себя однозначно проевропейцами, но совсем недавно некоторые называли нас антиевропейцами, — говорит он. — Это абсурд». Противопоставление с помощью лексем **pro-**

europäisch и *Antieuropäer*, а также совершенно недвусмысленно звучащий комментарий: *absurd* — это яркий пример **обесценивания выдвигаемых обвинений**.

Так же можно оценить и следующий пример реакции Курца: *Er ist blasser als sonst und noch schmaler geworden. Aber sobald er zu reden beginnt, im Fond der BMW-Regierungs limousine, klingt Sebastian Kurz so, als hätte sich für ihn nicht viel verändert in den vergangenen Monaten. Auf der Rückfahrt spricht Kurz nun über das, was er als eine von der Opposition und Teilen der Justiz befeuerte Neidkampagne darstellt: »Wir haben zweimal Wahlen gewonnen, wir regieren seit mehreren Jahren, natürlich führt das zu Widerstand bei anderen Parteien [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 71]. — Он бледнее обычного и даже тоньше. Но как только он начинает говорить на заднем сиденье правительственного лимузина BMW, Себастьян Курц звучит так, как будто за последние месяцы для него мало что изменилось. На обратном пути Курц теперь говорит о том, что он описывает как кампанию зависти, разжигаемую оппозицией и частью судебной системы: «Мы дважды выиграли выборы, мы правили несколько лет, конечно, это приводит к сопротивлению со стороны других партий»». Описание *Blasser als sonst und noch schmaler... klingt Sebastian Kurz so, als hätte sich für ihn nicht viel verändert* — это еще одна иллюстрация отношения Курца к происходящему. Здесь обесценивание проявляется и в негативно коннотированной характеристике *eine befeuerte Neidkampagne*.*

ТАКТИКА ОБЕСЦЕНИВАНИЯ

Проведенный нами анализ материала позволяет выделить отдельно тактику обесценивания, используемую СМИ для аргументации перехода политика в лагерь проигравших. Рассмотрим языковую реализацию этой тактики на примерах.

Wer am Wiener Ballhausplatz bei Sebastian Kurz zu Besuch ist, hat das Gefühl, in eine fabelhaft funktionierende WG geraten zu sein. Begünstigt Freundschaft auf höchster Ebene die Freunderlwirtschaft?» Das Neue am System Kurz ist, dass nun alles auf ihn als Person zugeschnitten ist, nicht mehr auf die Partei«, sagt Filzmaier, »man steht und fällt mit ihm, das birgt erhebliche Gefahren« [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 72]. — Любопытно, что приходит к Себастьяну Курцу на венскую площадь Ballhausplatz, чувствует, что попал в сказочно функционирующую группу, чем-то похожую на дружных жильцов одной коммунальной

квартиры. — Благоприятствует ли дружба на высшем уровне дружеской экономике? «Новым в системе Курца является то, что теперь все подстраивается под него как отдельного человека, а не к партии, — говорит Фильцмайер. — Вы стоите и падаете вместе с ним, что представляет значительную опасность». Здесь тактика обесценивания проявляется в ироничном тоне всего высказывания в целом, а также в скрытом сравнении группы Курца с *eine fabelhaft funktionierende WG* (сказочно функционирующей группой, чем-то похожей на дружных жильцов одной коммунальной квартиры). Игра слов *Freundschaft auf höchster Ebene* и *die Freunderlwirtschaft* служит той же цели, обесценивая значимость *Freunderlwirtschaft* (дружеской экономики). А метафора совместного падения (*man steht und fällt mit ihm*) подчеркивает опасность, угрожающую сторонникам Курца.

Dem amtierenden Kanzler fehle »die Substanz, auch der Mut, sich große Projekte zuzutrauen, Kurz und die Seinen sind zumeist mit sich selbst beschäftigt«. Mehr noch als das Fehlen wegweisender Reformen wird von Vertretern der traditionellen, ländlich verwurzelten ÖVP der durch die Chats öffentlich gewordene Umgangston kritisiert. Wenn Vertreter der katholischen Kirche lächerlich gemacht oder *Vulgaritäten und Kuss-Emojis unter mächtigen Männern* verschickt würden, beschädige das den Markenkern der Partei [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 72]. — Действующему канцлеру не хватает «содержания и смелости, чтобы браться за большие проекты, Курц и его семья в основном поглощены собой». Даже больше, чем отсутствие новаторских реформ, представители традиционной сельской ÖVP критикуют тон, который через чаты стал достоянием общественности. Когда представители католической церкви высмеиваются или среди влиятельных людей рассылаются пошлости и смайлики с поцелуями, это наносит ущерб сущности бренда партии. Ярким примером функционирования тактики обесценивания является использование выражения *Kanzler fehle »die Substanz, auch der Mut, sich große Projekte zuzutrauen* (не хватает «содержания и смелости, чтобы браться за большие проекты»). Сторонники Курца именуются *die Seinen*, что в сочетании с характеристикой *sind zumeist mit sich selbst beschäftigt* (в основном поглощены собой) создает образ недостойной власти группы политиков, который усиливается ссылкой на использование ими *Vulgaritäten und Kuss-Emojis unter*

mächtigen Männern (пошлостей и смайликов с поцелуями).

Wenn der Kanzler vor Gericht freigesprochen wird, folgt **das sensationellste Comeback seit Lazarus** — eine Art politische Auferstehung von den Toten. Am Ballhausplatz jedenfalls wird bereits an der Erzählung vom **unschuldig verfolgten, unbeugsamen Erfolgskanzler** gebastelt [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 72]. — Если канцлера оправдают в суде, произойдет **самое громкое возвращение со времен Лазаря** — своего рода политическое воскрешение из мертвых. В любом случае, на Ballhausplatz уже прорабатывается история **невинно преследуемого, неукротимо успешного канцлера**. Использование условного типа предложения с союзом *wenn* вместе с превосходной степенью сравнения прилагательного и аллюзией на библейское воскрешение Лазаря (**das sensationellste Comeback seit Lazarus**) — это еще один пример актуализации тактики обесценивания.

В статье с названием *Angst vor Neuwahlen* (страх перед новыми выборами) говорится: *Anfang Oktober trat Sebastian Kurz als österreichischer Kanzler zurück. Einen Monat später spricht immer weniger für ein Comeback. Die Dynamik, die vor einem Monat die Ära Kurz beendete, überraschte Anhänger wie Gegner. Kurz galt als Prototyp für einen populistisch angehauchten neuen Konservatismus. Dauerkanzler, EU-Kommissionspräsident, Uno-Generalsekretär, alles wurde ihm zugetraut — nur kein vorzeitiges Scheitern* [DER SPIEGEL Nr. 45 / 6.11.2021, S. 86]. — В начале октября Себастьян Курц подал в отставку с поста канцлера Австрии. Месяц спустя все меньше и меньше говорит о возможном возвращении. Импульс, **положивший конец эре Курца** месяц назад, удивил как сторонников, так и противников. Курц рассматривался как прототип нового консерватизма с популистским оттенком. **Постоянный канцлер, председатель комиссии ЕС, генеральный секретарь ООН**, от него ожидали всего — кроме преждевременного провала. В данном отрывке тактика ироничного обесценивания выражается в насмешливом тоне повествования о маловероятном *Comeback* (возвращении) канцлера на его пост. Констатация факта, что **Ära Kurz beendete** (положен конец эре Курца) вместе с именованнием Курца **Dauerkanzler** (Постоянный канцлер) сопровождают слова о его преждевременном провале (**vorzeitiges Scheitern**).

Напоминание о данной ранее Курцу характеристике как **einer der intelligentesten Politiker in seiner Partei** — одному из самых

умных политиков в своей партии — неоднозначно. Далее оно сопровождается следующим ироничным комментарием: *Da sieht man, dass Kabarettisten keine Zukunftsforscher sind. Aber eigentlich stimmt der Satz ja immer noch. So wie seine Partei ihm gefolgt ist, unter völliger Selbstaufgabe, war er vielleicht noch der Intelligenteste. Er ist sicher auf eine banalere Weise schlau, als ich mir damals gedacht habe.* — Как видите, артисты кабаре не футурологи (Хайдер иронизирует над своими способностями к предсказанию будущего). Но на самом деле суждение остается верным. Судя по тому, как его партия следовала за ним, с полной самоотверженностью, он был, пожалуй, **самым умным**. Он, вероятно, **умен** (хитер, изворотлив) в более приземленном смысле, чем я думал в то время. Здесь тактика обесценивания представлена в форме уступки с превосходной степенью прилагательного, которая довольно часто используется в ироничных высказываниях: *war er vielleicht noch der Intelligenteste* (он был, пожалуй, **самым умным**). Далее **intelligent** приравнивается к **schlau**, а это уже не просто умный, а хитрый, изворотливый — характеристики, перечеркивающие представление о Курце как **einer der intelligentesten Politiker in seiner Partei**.

Далее в своей программе Хайдер говорит: *»Das ist ein böses Märchen aus einem verwunschenen Land, wo Wölfe sprechen können und die Menschen Kurz wählen«* [DER SPIEGEL Nr. 3 / 15.1.2022, S. 84-85]. — «Это плохая сказка из заколдованной страны, где волки могут говорить, а люди выбирают Курца». Здесь обесценивание выражается с помощью лексем **ein böses Märchen, ein verwunschenes Land** и имплицитного сравнения Австрии с заколдованной страной, где возможны такие невероятные процессы, как выбор Курца канцлером.

На вопрос журналиста: *Was wird nach Kurz' Rücktritt aus dem verwunschenen Land Österreich?* — «Что будет с заколдованной Австрией после отставки Курца?» — звучит: *Die klugen Historikerinnen und Historiker reden nie vom Versagen einer Schicht. Die meinen eher, dass es immer dann zu den großen Katastrophen kommt, wenn ein paar Deppen gleichzeitig in wichtigen Positionen sind.* — Умные историки никогда не говорят о провале одной прослойки населения. Они склонны думать, что большие катастрофы всегда случаются, когда пара идиотов одновременно занимает важные посты.

Завершается разговор словами: *Ich bin froh, dass es mit der Kurz-Regierung vorbei ist. Korruption gibt es immer, aber zumindest eine Zeit lang wird man es sich jetzt überlegen, ob*

man so ungeniert vorgehen kann. Es wird hoffentlich schwerer, noch einmal so eine Gruppe wie rund um Kurz zu finden, also ausreichend Verbündete. Viele werden Angst haben, dass unter ihnen wieder so ein Trottel ist, der alles auf einer Festplatte speichert [DER SPIEGEL Nr. 3 / 15.1.2022, S. 84-85]. — Я рад, что правление Курца закончилось. Коррупция есть всегда, но, по крайней мере, какое-то время люди будут задаваться вопросом, возможно ли **действовать настолько откровенно**. Надеюсь, найти другую такую же группу, как собравшаяся вокруг Курца, а также достаточное количество союзников будет труднее. Многие люди будут бояться, что среди них окажется еще один **идиот, сохраняющий все на жестком диске**. Таким образом, в рамках тактики обесценивания в данном фрагменте выступают лексемы **ein Depp, ein Trottel — идиот** — совершенно не подходящие характеристики для представителей власти, а тем более для главы правительства страны.

Die Zeiten, in denen Kurz der Star seiner Partei war, sind längst vorbei. Nun gleicht er dort eher einem Klotz am Bein [SPIEGEL ONLINE 2024. Wie Ex-Kanzler Kurz...]. — Времена, когда Курц был звездой своей партии, давно прошли. Теперь он больше похож на **камень на шее**. Таким образом, в рамках тактики обесценивания осуществляется умаление заслуг бывшего австрийского канцлера. Этой цели служит фразеологический оборот **ein Klotz am Bein**, используемый для сравнения Курца с камнем на шее, а также словесный переход бывшего канцлера из положения **der Star seiner Partei** в **ein Klotz am Bein** (скрытая антитеза).

ТАКТИКА ИГРЫ

Проигравший политик — это, несомненно, игрок, который играл и не выиграл. Глобальность и многогранность самого феномена игры не позволяет нам рассматривать игру как часть какой-то другой коммуникативной тактики, поэтому одной из обязательных деструктивных тактик представляется нам тактика игры. Сильные политики, политики-победители играют в шахматы, что формирует образ «сильных духом, стратегов, интеллектуалов» (если речь идет о мужчинах) [Погребняк 2022]. «Театральная игра, выступления „на сцене“ — это прерогатива сильных женщин-политиков» [Погребняк 2022].

А в какие игры играют проигравшие?

Фраза *Schlussendlich haben die Ermittlungen, die durch das Ibiza-Video ausgelöst wurden, auch Sebastian Kurz politisch zu Fall gebracht* [SPIEGEL ONLINE 2023. Was Sie

über Österreichs Politik...]. — В конце концов, расследование, вызванное видео с Ибицы, **привело Себастьяна Курца и к политическому краху** — служит словесным подтверждением этого проигрыша. В таком виде спорта, как борьба, **zu Fall bringen** — это значит провести бросок. В политике **zu Fall bringen** является синонимом проигрыша, полного крушения.

Darauf angesprochen, lächelt Kurz wie ein Pokerspieler, der sich sicher ist, ein gutes Blatt auf der Hand zu haben [DER SPIEGEL Nr. 47 / 14.11.2020, S. 86-88]. — Говоря об этом, Курц улыбнулся **как игрок в покер, уверенный, что у него хорошие карты**. Может ли быть положительной характеристикой образ канцлера как игрока в покер? — маловероятно. Карты — это азартная игра, а выигрывают в азартные игры чаще других мошенники. Победа на этом поле имеет обратный эффект для имиджа политика и формирования доверия к нему. Следовательно, характеристика **Pokerspieler** имеет негативную окраску.

Für Kurz ging es in der Politik jahrelang nur nach oben. Mit 24 wurde der »Wunderwuzzi« genannte Aufsteiger aus Wien in die Regierung berufen. Mit 30 versprach er, als Kanzler alles anders, schlanker, transparenter zu machen. Jetzt, vier Jahre später, sinken seine Zustimmungswerte. Das »House of Kurz« drohe einzustürzen wie ein Kartenhaus, wird in der Presse gespottet. Österreichs Kanzler steht im Feuer. » Dass in Österreich gerade »etwas beginnt zu kippen«, dass der Respekt vor dem Rechtsstaat und seinen demokratischen Institutionen zuletzt geschwunden ist, bemängeln auch die Initiatoren eines Volksbegehrens gegen Korruption [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 71]. — Для Курца в политике долгие годы **было только движение вверх**. В возрасте 24 лет **восходящая звезда из Вены**, известная как «Вундервуци», был назначен в правительство. В 30 лет, будучи канцлером, он пообещал **сделать все иначе, стройнее, прозрачнее**. Теперь, четыре года спустя, его рейтинги падают. Пресса насмехается над «Домом Курца», **грозящим рухнуть, как картонный домик**. Канцлер Австрии **находится под ударом**. Инициаторы референдума против коррупции также критикуют тот факт, что в Австрии **«что-то начинает рушиться»** и что в последнее время **снижается уважение к верховенству закона и его демократическим институтам**. Здесь используется скрытое противопоставление «движения вверх» и крушения **House of Kurz**. Эффект падения Курца усиливается с помощью положительных характеристик

Wunderwuzzi, Aufsteiger aus Wien, сопровождаемых словами о насмешках прессы и угрозами *House of Kurz* «*drohe einzustürzen wie ein Kartenhaus, »etwas beginnt zu kippen*». Метафорическое сравнение правительства Курца с карточным домиком может служить иллюстрацией его ненадежности и крушения.

Та же самая аналогия с «карточным домиком» прослеживается и в следующем отрывке, посвященном правительству Курца: *das neuerdings viel verspottete »House of Kurz«, das Machtgefüge um den früheren österreichischen Regierungschef, einstürzen ließen wie ein Kartenhaus* [DER SPIEGEL Nr. 42 / 16.10.2021, S. 88-90] — *в последнее время высмеиваемый «дом Курца», силовая структура вокруг бывшего главы австрийского правительства, который рухнул как карточный домик*. Здесь снова фигурируют карточные игры и образ уже состоявшегося крушения «дома Курца».

Еще один образ: *Es ist, als kippte ein Dominostein nach dem anderen* [DER SPIEGEL Nr. 25 / 19.6.2021, S. 71]. — *Это как если бы домино рассыпалось: одна кость за другой*. Очень характерная метафора игры, которая может служить символом проигрыша политика.

Данная тактика является одной из наиболее изощренных, продуктивных и оригинальных, функционирующих в рамках деструктивных стратегий. Яркие и запоминающиеся «игровые» образы имеют колоссальный воздействующий потенциал, формируя образы, нужные адресанту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Если политик характеризуется двояко, хвалебные картины с образом героя, спасителя перемежаются с обвинениями — это обычная политическая гонка, но когда обвинения предъявляются в соответствии с выверенным планом, то это часть деструктивной стратегии.

В формировании образа проигравшего политика в немецкоязычных СМИ наиболее часто используются деструктивные стратегии, включающие в себя тактику обвинения, тактику обесценивания и тактику игры.

На языковом уровне тактика обвинения реализуется негативно коннотированными лексемами с семантикой упрека и оскорбления (*Herzlos-Kanzler, Missetäter, Filz*), метафорами со сферой-источником «ВОЙНА» (*ein politischer Paukenschlag, der generalstabsmäßig ausgearbeitete Schlachtplan, Tag der Übernahme*), а также глаголами «обвинительного» характера (*schmeicheln sich,*

analysieren, urteilen). Этой тактике присущи незавуалированные, эксплицитные, но все же бездоказательные обвинения разной степени агрессивности. Учитывая контекст и языковое оформление, эти обвинения могут звучать довольно убедительно, поэтому данная тактика относится к одной из наиболее употребительных в рамках деструктивных стратегий.

Тактика обесценивания оперирует такими средствами, как ирония в самых разных ее проявлениях: это и едва уловимый тон высказывания, и имплицитные сравнения (*eine fabelhaft funktionierende WG, ein verwünschtes Land*), и метафоры (*man steht und fällt mit ihm*). Обозначенной цели служат пренебрежительный стиль повествования с использованием иронично звучащих прилагательных в превосходной степени (*vielleicht noch der Intelligenteste*), игры слов (*Freundschaft auf höchster Ebene* и *die Freundschaft*), фразеологических оборотов (*ein Klotz am Bein*) и лексем с семантикой обесценивания (*ein Depp, ein Trottel*). Исходя из этого, можно заключить, что реализация тактики обесценивания, очевидно, более тяготеет к культивации имплицитных языковых средств, менее агрессивных и прямолинейных по сравнению с оборотами и лексемами, используемыми в рамках тактики обвинения.

Проведенный нами анализ исследуемого материала показывает, что чаще всего проигрыш политиков символизирует падение, разрушение на игровом поле, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу о главенствующей роли деструктивных, то есть разрушительных стратегий и тактик в процессе трансформации образа политика — в «проигравшего». Тактика игры актуализируется в массмедиа за счет красочных и узнаваемых игровых аналогий и образов: *zu Fall bringen; einzustürzen wie ein Kartenhaus; wie ein Pokerspieler; als kippte ein Dominostein nach dem anderen*. В первую очередь политики проигрывают в карточные игры и домино. Эти игры объединяет относительная простота правил по сравнению, например, с шахматами, что помогает упрощению, обесцениванию и низвержению положительного образа политика в недостойные, неспособные и проигравшие.

Из чего можно заключить, что средства массмедиа, умело пользуясь деструктивными стратегиями и тактиками, проецируют нужные им образы политиков и событий в СМИ. Использование когнитивных стратегий является прагматически обусловленным, целенаправленным. Выбор СМИ деструктивных стратегий и тактик — это осознанный

шаг для достижения персуазивного эффекта. Определенная нами классификация деструктивных тактик может быть использована для дальнейшей работы в направлении изучения способов манипулятивного воздействия, функционирующих в современных иностранных СМИ.

ИСТОЧНИКИ

1. DER SPIEGEL. 2021. Nr. 25 / 19.6.2021. S. 70–72: Wiener Filz. — Text : unmediated.
2. DER SPIEGEL. 2022. Nr. 3 / 15.1.2022. S. 84–85: Wir sind ein Herrenvolk. — Text : unmediated.
3. DER SPIEGEL. 2021. Nr. 42 / 16.10.2021. S. 88–90: Der Aufstieg des Tascherlträgers. — Text : unmediated.
4. DER SPIEGEL. 2020. Nr. 47 / 14.11.2020. S. 86–88: Der Störenfried. — Text : unmediated.
5. PROFIL ONLINE. 2021. Anshober: „Kurz ist ein Vermesser der Macht“. — URL: <https://www.profil.at/oesterreich/rudolf-anschober-kurz-ist-ein-vermesser-der-macht/401763600> (date of access: 08.08.23). — Text : electronic.
6. SPIEGEL ONLINE. 2023. Was Sie über Österreichs Politik wissen müssen. — URL: <https://www.spiegel.de/ausland/was-sie-ueber-oesterreichs-politik-wissen-muessen-die-lage-inside-austria-a-2d66cab6-be19-4050-a0da-e4713a558a96> (date of access: 08.08.23). — Text : electronic.
7. SPIEGEL ONLINE. 2024. Wie Ex-Kanzler Kurz nun Donald Trump imitiert. — URL: <https://www.spiegel.de/ausland/oesterreich-wie-ex-kanzler-kurz-nun-donald-trump-imitiert-a-d192aea7-7e6c-4b76-84f8-8f1a9379e046> (date of access: 28.04.24). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе / А. Б. Алексеев. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — Т. 20, № 1. — С. 96–111. — DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111.
2. Данилова, Е. Н. «Выигравшие» и «проигравшие» как конструкции доминирующего дискурса / Е. Н. Данилова. — Текст : непосредственный // Мир России. Социология. Этнология. — 2014. — Т. 23. — № 2. — С. 75–102.
3. Детинко, Ю. И. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография / Ю. И. Детинко, Л. В. Куликова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. — 168 с. — Текст : непосредственный.
4. Исмаилова, О. И. Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиapolитическом дискурсе / О. И. Исмаилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 54–59. — DOI 10.26170/pl19-03-06.
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — 304 с. — Текст : непосредственный.
6. Клушина, Н. И. Стратегия именования в воздействующей речи / Н. И. Клушина. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2006. — № 5. — С. 49–65.
7. Лисихина, М. А. Опыт типологии макро-речевых актов дискредитации / М. А. Лисихина. — Текст : электронный // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2008. — № 80. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-tipologii-makro-recheyh-aktov-diskreditatsii> (дата обращения: 06.08.2023).
8. Матвеев, Г. В. Особенности формирования молодежного политического лидерства (на примере канцлера Австрии Себастьяна Курца) / Г. В. Матвеев. — Текст : непосредственный // Социально-ориентированное проектирование системы формирования гражданской идентичности учащейся молодежи в поликультурном образовательном пространстве. — [Б. м. : б. и.], 2018. — С. 32–36.
9. Павлов, Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» / Д. Н. Павлов. — Текст :

непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 2 (008). — С. 62–64.

10. Погребняк, Н. В. «Игры» сильных политиков: когнитивно-дискурсивный подход к изучению образов политиков, формируемых в медиадискурсе / Н. В. Погребняк. — Текст : непосредственный // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования : сборник материалов VII Международ. науч.-практ. очно-заочной конф., Краснодар, 20 окт. 2022 г. — Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2022. — С. 225–232. — EDN UKOWKA.

11. Погребняк, Н. В. Когнитивные факторы формирования доверия или дефицита доверия к политику в медиадискурсе / Н. В. Погребняк, З. Р. Хачмафова. — Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2023. — № 4 (115). — С. 131–148. — DOI 10.23859/1994-0637-2023-4-115-11. — EDN DKCHIG.

12. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева ; Уральский государственный педагогический университет. — Екатеринбург : [б. и.], 2004. — Текст : непосредственный.

13. Степанова, Т. В. Вербализация конструктивных и деструктивных оценочных стратегий в современной немецкоязычной прессе / Т. В. Степанова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. — 2020. — № 5 (108). — С. 98–107.

14. Черезова, М. А. Деструктивные стратегии участников онлайн-коммуникации (на материале немецкоязычных СМИ) / М. А. Черезова, Н. К. Данилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 148–158.

15. Larson, C. U. Persuasion: reception and responsibility / C. U. Larson. — Belmont : Wadsworth Publ. Company, 1995. — 449 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. DER SPIEGEL (2021, 19.6). *Wiener Filz*. Nr. 25, 70–72.
2. DER SPIEGEL (2022, 15.1). *Wir sind ein Herrenvolk*. Nr. 3, 84–85.
3. DER SPIEGEL (2021, 16.10). *Der Aufstieg des Tascherlträgers*. Nr. 42, 88–90.
4. DER SPIEGEL (2020, 14.11). *Der Störenfried*. Nr. 47, 86–88.
5. PROFIL ONLINE (2021). *Anshober: „Kurz ist ein Vermesser der Macht“*. Retrieved Aug. 8, 2023, from <https://www.profil.at/oesterreich/rudolf-anschober-kurz-ist-ein-vermesser-der-macht/401763600>
6. SPIEGEL ONLINE (2023). *Was Sie über Österreichs Politik wissen müssen*. Retrieved Aug. 8, 2023, from www.spiegel.de/ausland/was-sie-ueber-oesterreichs-politik-wissen-muessen-die-lage-inside-austria-a-2d66cab6-be19-4050-a0da-e4713a558a96
7. SPIEGEL ONLINE (2024). *Wie Ex-Kanzler Kurz nun Donald Trump imitiert*. Retrieved Apr. 28, 2024, from <https://www.spiegel.de/ausland/oesterreich-wie-ex-kanzler-kurz-nun-donald-trump-imitiert-a-d192aea7-7e6c-4b76-84f8-8f1a9379e046>

REFERENCES

1. Alekseev, A.B. (2022). Kommunikativnaya strategiya marginalizatsii kak manipulyativnaya strategiya vlasti v politicheskom diskurse. [The Political Marginalization as a Communicative Strategy of Power Domination in Political Discourse]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 20(1), 96–111. (in Russ.)
2. Danilova, E.N. (2014). «Vyigravshie» i «proigravshie» kak konstrukty dominiruyushchego diskursa [“Winners” and “Losers” as Constructs of the Dominant Discourse]. *The World of Russia. Sociology. Ethnology*, 23(2), 75–102. (in Russ.)
3. Detinko, YU.I., & Kulikova, L.V. (2017). *Politicheskaya kommunikatsiya: opyt mul'timodal'nogo i kriticheskogo diskursnogo analiza* : monografiya [Political communication: the experience of multimodal and critical discourse analysis : a monograph]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 168 p. (in Russ.)
4. Ismailova, O.I. (2019). Yazykovye sredstva realizatsii destruktivnyh recheyh strategiy v rossijskom i britanskom mediapoliticheskom diskurse [Linguistic Means of Realization of Destructive Speech Strategies in Russian and British Political Media Discourse]. *Political Linguistics*, 3, 54–59. DOI 10.26170/pl19-03-06 (In Russ.)

5. Issers, O.S. (2015). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: LENAND, 304 p. (In Russ.)
6. Klushina, N.I. (2006). Strategiya imenovaniya v vozdejstvuyushchej rechi [Strategy of naming in influencing speech]. *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, 5, 49–65. (In Russ.)
7. Lisihina, M.A. (2008). Opyt tipologii makro-rechevyh aktov diskreditatsii [Experience of typology of macro-speech acts of discreditation]. *Izvestiya RGPU named after A.I. Herzen*, 80, 219–225. Retrieved Aug. 6, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-tipologii-makro-rechevyh-aktov-diskreditatsii> (In Russ.)
8. Matveev, G.V. (2018). Osobennosti formirovaniya molodezhnogo politicheskogo liderstva (na primere kanclera Avstrii Sebast'yana Kurca) [Features of the formation of youth political leadership (on the example of Austrian Chancellor Sebastian Kurtz)]. In *Socially-oriented design of the system of formation of civil identity of students' youth in a multicultural educational space* (pp. 32–36). (In Russ.)
9. Pavlov, D.N. (2006). O nekotoryh problemah opredeleniya termina «kognitivnaya strategiya» [On some problems of defining the term “cognitive strategy”]. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 62–64. (In Russ.)
10. Pogrebnyak, N.V. (2022). “Iгры” sil'nyh politikov: kognitivno-diskursivnyj podhod k izucheniyu obrazov politikov, formiruemyh v mediadiskurse [“Games” of strong politicians: a cognitive-discursive approach to studying the images of politicians formed in media discourse]. In *Philological and sociocultural issues of science and education* (Collection of materials of VII International Scientific and Practical Full-time Conference, Krasnodar, October 20, 2022, pp. 225–232). Krasnodar: Kuban State Technological University. EDN UKOWKA (In Russ.)
11. Pogrebnyak, N.V., & Khachmafova, Z.R. (2023). Kognitivnye faktory formirovaniya doveriya ili deficita doveriya k politiku v mediadiskurse [The cognitive factors in the formation of trust or trust deficit in the politician in the media discourse]. *Cherepovets State University Bulletin*, 4(115), 131–148. DOI 10.23859/1994-0637-2023-4-115-11. EDN DKCHIG (In Russ.)
12. Ruzhenceva, N.B. (2004). *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossijskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
13. Stepanova, T.V. (2020). Verbalizatsiya konstruktivnyh i destruktivnyh ocenочnyh strategij v sovremennoj nemeckoyazychnoj presse [Verbalization of constructive and destructive evaluative strategies in the modern German-speaking press]. *MSLU Vestnik. Series 1. Philology*, 5(108), 98–107. (In Russ.)
14. Cherezova, M.A. (2024). Destruktivnye strategii uchastnikov onlajn-kommunikatsii (na materiale nemeckoyazychnyh SMI) [Destructive Strategies of Participants of Online Communication (On the Example of German Media)]. *Political Linguistics*, 3(105), 148–158. (In Russ.)
15. Larson, C.U. (1995). *Persuasion: reception and responsibility*. Belmont: Wadsworth Publ. Company, 449 p. (In Eng.)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'42+81'38+81'373+81'27
ББК Ш105.51+Ш106.551.1+Ш100.621+Ш100.2

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Татьяна Юльевна Тамерьян¹, Амина Мусаевна Шаипова²

¹ Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия, tamertu@mail.ru[✉], SPIN-код: 3901-9652

² Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия, shaipova@mail.ru[✉], SPIN-код: 8811-3370

Семиотика мануальной соматики в новостном политическом нарративе

АННОТАЦИЯ. В статье на материале семиотических конструкторов с соматизмом *рука* осуществлен герменевтический анализ вербальных и визуально-вербальных поликодовых текстов. Исследование нацелено на декодирование и интерпретацию когнитивных моделей поликодовых сообщений и описание алгоритмов концептуального аппарата политической семиотики. Методологическую базу исследования составил интертеоретический подход, в котором соединены культурно-семиотический, фрактальный и лингвокогнитивный подходы. Нами установлено, что политический нарратив разворачивается в форме сетевой фрактальной структуры на основе аттракторов, которыми служат новостные лиды и хайлайтеры, порождающие креативные переосмысления. Выявлен тип организации новостного нарратива, структурируемый как сетевой фрактал. Описана фрактальная структура когнитивной метафоры и приведена формула ее порождения. Осуществлена интерпретация семиотических комплексов *Рука Москвы/Кремля* и *Мертвая рука* как гиперметафор, выявлена структура построения многокомпонентных образов, эксплицирующих гиперконцепты, и прокомментирована вербальная, визуальная, кинетическая и колористическая символика синкретических семиотических конструкторов. С помощью семиотических инструментов осуществлен герменевтический анализ меметических сообщений, логотипов и коллажей. Приведены доминантные и вариативные семиотические единицы поликодовых фрактальных конструкций. Выявлена линейная зеркальная модель вербального фрактала и установлены его рамочные границы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: новостной нарратив, новостной дискурс, новостные тексты, политический нарратив, политический дискурс, герменевтика, мануальная соматика, семиозис, семиотический комплекс, метафтонимия, сетевой фрактал, меметические сообщения, языковые средства, языковые единицы, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивные метафоры, поликодовые тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета международных отношений, Северо-Осетинский государственный университет; 362025, Россия, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46; email: tamertu@mail.ru.

Шаипова Амина Мусаевна, преподаватель кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений; 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76, к. 3105; email: amina_shaipova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тамерьян, Т. Ю. Семиотика мануальной соматики в новостном политическом нарративе / Т. Ю. Тамерьян, А. М. Шаипова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 166–177.

Tat'yana Yu. Tamer'yan¹, Amina M. Shaipova²

¹ North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia, tamertu@mail.ru[✉], SPIN code: 3901-9652

² Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia, shaipova@mail.ru[✉], SPIN code: 8811-3370

Semiotics of Manual Somatics in News Political Narrative

ABSTRACT. The article presents a hermeneutic analysis of verbal and visual-verbal polycode texts on the material of semiotic constructs with the somatism *hand*. The research aim is to decode and interpret cognitive models of polycode messages and to describe algorithms of the conceptual apparatus of political semiotics. The methodological basis of the study draws on the intertheoretical perspective, which combines cultural, semiotic, fractal and linguocognitive approaches. The authors have found that political narrative is unfolded in the form of a network fractal structure based on attractors such as news leads and highlighters that generate creative reinterpretations. The study has revealed a type of organization of news narrative, which is structured as a network fractal. The fractal structure of the cognitive metaphor is described and the formula of its generation is given. The article interprets the semiotic complexes *Moscow/Kremlin Hand* and *Dead Hand* as hypermetaphors, reveals the structure of multi-component images expressing hyperconcepts, and comments on the verbal, visual, kinetic and coloristic symbolism of syncretic semiotic constructions. The authors carry out a hermeneutic analysis of memetic messages, logos and collages using semiotic tools, describe the dominant and variable semiotic units of polycode fractal constructions, reveal and explore the linear mirrored model of verbal fractal, and establish its frame boundaries.

KEYWORDS: news narrative, news discourse, news texts, political narrative, political discourse, hermeneutics, manual somatics, semiosis, semiotic complex, metaphonymy, network fractal, memetic messages, language means, language units, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive metaphors, polycode texts.

© Тамерьян Т. Ю., Шаипова А. М., 2024

AUTHOR'S INFORMATION: *Tamer'yan Tat'yana Yul'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Specialties, Faculty of International Relations, North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia.*

Shaipova Amina Musaevna, Lecturer of Department of English No. 6, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.

FOR CITATION: *Tamer'yan T. Yu., Shaipova A. M. (2024). Semiotics of Manual Somatics in News Political Narrative. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 166-177. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Онлайн политические нарративы являются наиболее актуальным жанром, транслирующим обширные новостные сведения и доносящие их ценностную ориентацию до различных социальных групп. Новостные интернет-сайты функционируют в мультимедийном формате, предполагающем сообщения с вербальными семиотическими элементами, визуальными, аудиальными или полимодальными текстами, в зарубежной терминологии синкретическими [Cosenza 2020: 100].

В связи с тенденцией к использованию языка в разных регистрах с различными тактико-стратегическими приемами убеждения и оценки принято рассматривать политический нарратив, с одной стороны, как социальное явление, включающее серию коммуникативных событий между говорящим как убеждающим субъектом и аудиторией как объектом убеждения [van Dijk 2006], а с другой — как лингвокогнитивный феномен, направленный на манипулирование и контроль по отношению к эмоциям, убеждениям и реакциям аудитории [O'Keefe 2002].

Политический нарратив применяется в качестве актуального инструмента достижения целей политической деятельности. Таким образом, нарратив рассматривается нами как дискурс, направленный на создание новых смыслов посредством конструирования оценочных характеристик социально значимых реалий. Механизмы медийного воздействия ориентированы на убеждение и формирование общественного мнения, что способствует внедрению в медиа новой коммуникативной формы воздействия — персуазивности.

Мультимедийный формат подачи новостных сообщений обусловлен динамикой информационных потоков, актуальное прохождение которых обеспечивается электронными средствами массовой информации. Наиболее значимые для социума сведения манифестируются посредством синкретических кодов.

Семиотическое пространство новостного политического нарратива составляет поликодовая палитра вербальных, невербальных и гибридных элементов, включающих, как

правило, политические, военные, дипломатические, технические и социальные термины, специализированные невербальные и культурные символы и изображения.

Политическая семиотика направлена на осмысление и описание политической действительности с помощью семиотических инструментов, установление на основе различных дискурсивных практик спектра разнокодовых значений, включая традиционные образы и символы кодирования, раскрытие логики присвоения данных значений в свете задач приобретения или усиления власти.

МЕТОДЫ, МАТЕРИАЛЫ, ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Исследование направлено на герменевтический анализ вербально и вербально-визуально репрезентированных семиотических смыслов в российском политическом нарративе. В качестве основных задач предполагается выявление, декодирование и интерпретация когнитивных моделей поликодовых семиотических конструктов и раскрытие ряда алгоритмов концептуального аппарата политической семиотики по данным электронных СМИ. В качестве источника исследования были отобраны фрагменты поликодовых, семиотически осложненных текстов с соматизмом *рука*.

Политическая семиотика ориентирована на использование культурной семиотики в анализе политического дискурса/нарратива [Mihkelsaag 2018]. Синтез культурной семиотики и дискурс-анализа направлен на создание междисциплинарного подхода, который является основой для интерпретации моделей более сложного уровня [Selg 2016; Selg 2018].

В настоящем исследовании мы опираемся на культурно-семиотический подход, расширяющий возможности интерпретаций, как в концепции Михаила Лотмана, так и в концепции Эрнесто Лакло. Внутренняя неоднородность объектов описания допускает множественность интерпретаций в процессе анализа взаимодействия разнотипных кодов и пересекающихся структур. Данный подход демонстрирует диапазон резервов значений, порождающих новые смыслы в рамках определенных концепций, культур и онтологий. Межтеоретический принцип, соединяющий

онтологический и методологический уровни, эксплицирует онтологические основания культурной семиотики, значительно повышая герменевтический потенциал дискурса власти [Selg, Ventsel 2019]. Таким образом, культурно-семиотический подход позволяет осуществить множественность интерпретаций осложненного семиотического комплекса с учетом неоднородности внутренней и внешней структуры каждого объекта анализа с точки зрения разных ментальностей.

Основной целью политической семиотики является осмысление и описание политической действительности с помощью семиотических инструментов, установление на основе дискурсивных практик спектра разнородных значений, включая традиционные образы и символы кодирования, а также раскрытие логики присвоения данных значений в свете задач власти.

Неисследованной областью представляется изучение синкретики вербальных и невербальных структур как фрактальных схем. Фрактальный подход к семиотическому анализу поликодовых когнитивных метафор, созданных по принципу редупликации, позволяет устанавливать фрактальные модели, декодировать элементы когнитивных структур и выявить домены-источники.

Обращение к методу фрактального моделирования обусловлено не только применением его как приема организации семиотических блендов на базе вербального и визуального кодов, но и как способа разворачивания новостного повествования в политическом дискурсе.

Концепция фракталов в гуманитарных исследованиях была впервые применена Джудит Ирвайн и Сьюзан Гал при описании семиотических механизмов формирования теории социального значения. Это была первая попытка построения лингвистической теории фракталов, репрезентированных в качестве естественной, а не искусственной самоорганизующейся системы [Irvine, Gal 2000].

Сущность понятия фрактала (лат. fracturatus «сломанный; фрагментированный») сводится к рекурсивным процессам генерации подобных, нерегулярных и последовательных структур на основе соотношения фрагмента и целого. Свойства фрактальности формируются за счет рекурсии самореференциальных структур, эксплицированных устойчивыми смысловыми компонентами, сочетающимися с вариативными конструкциями. Фракталы как вербально-невербальные системы разворачивания новостного политического нарратива являются мощным инструментом для концептуализации насыщенных потоков информации в массмедиа.

В нашем исследовании мы выдвигаем предположение о том, что майнстримовские по значимости новости выступают в роли аттракторов, каузируя порождение вариативных повествовательных рекурсий. При определенных условиях когнитивные и аксиологические потенциалы аттрактора стабилизируются на одном значении, а в других имеет место бесконечный хаос интерпретаций в СМИ и соцсетях. Несмотря на то, что за границей перехода от порядка к хаосу фрактальная композиция диссипируется, сохраняется генетическая связь с первоначальной структурой в процессе флуктуации.

Мы постулируем, что новостной политический нарратив порождается в форме фрактальной структуры по типу горизонтальной сети, описываемой через временную зону относительной устойчивости и множасьейся с имманентными сетеморфными конфигурациями, обладающими креативным потенциалом самоорганизации.

Фрактальная метафоризация как способность к самопорождению, саморазвитию, реконцептуализации и познанию изменчивого мира представляет собой алгоритм бесконечного варьирования смысловых и структурных отображений реальности: «Метафоры — это кусочки истины; они свидетельствуют о способности человека видеть вселенную как единый организм» [Danesi 2008: 114].

Развитие теории когнитивной метафоры от статической модели (Дж. Лакофф и М. Джонсон) к динамической (теория бленда Ж. Факонье и М. Тернер) основывается на триединстве языка, культуры и сознания как открытых систем. Гибридная теория метафоры Маркуса Тендаля, в соответствии с которой ментальные репрезентации могут быть пропозициональными или образно-схематическими, «могут передавать экспликатуры, имплицатуры, образы и даже ощущения», подготовила почву для введения фрактальной парадигмы в теорию метафоры [Tendahl 2009: 195]. Фрактальная модель метафоры обеспечивает новую методику декодировки и интерпретации синкретических текстов, которая основана на процессе редупликации элементов.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Сознание телесно ориентировано. Как утверждает Марк Джонсон, телесный опыт и воображение составляют основу смыслопорождения — «способность организовывать ментальные репрезентации (особенно восприятия, образы и схемы образов) в осмысленные, связанные единства» [Johnson

1987:140]. Телесный опыт формирует рамки разума, в том числе и по отношению к пространственности, — «непроразрешенные схематические структуры, образно-схематические структуры смысла» [Johnson 1987: 5, 19]. Схемы образов трактуются как «доконцептуальные гештальт-структуры», формирующиеся в результате телесного опыта и различных видов восприятия [Johnson 1987: 74]. Таким образом устанавливаются ментальные связи, которые соединяют связанные когнитивные области через сходство. Схемы образов функционируют как связи между эксплицированными когнитивными доменами. По сути, они представляют собой гештальт-структуры — «повторяющиеся структуры наших перцептивных действий, телесного опыта и когнитивных операций», промежуточное, предконцептуальное звено, некий результат перцепции и телесно ориентированного опыта мировосприятия [Johnson 1987: 79]. Соответственно, схемы образов призваны формировать связи между различными сенсорными, пространственно-временными и материальными модальностями [Rohrer 2005: 174–182].

К этому можно добавить триаду Чарльза Пирса, согласно которой семиотика в синкретических текстах может быть представлена всеми типами знаков — индексами, символами и образами [Peirce 1932: 1903], кроме того, она допускает не только одновременную поликодовую выраженность в тексте сообщения, но и транскодирование одного или нескольких языков коммуникации посредством других.

Семантические поля телесности потенциально насыщают процессы политических сообщений символическими и образными смыслами. Вербально-визуальный симбиоз, помимо когнитивных эффектов, оказывает мотивационное и персуазивное воздействие.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «РУКА МОСКВЫ/КРЕМЛЯ»

В качестве компонентов соматических метафор и фразеологизмов названия частей тела соотносятся с традиционными функциями и символическими значениями. В процессе семиотизации тела в различных культурах соматическим единицам могут приписывать не только универсальные, но и этноориентированные значения. Так, мануальная соматика в массмедиа передает значения, связанные в первую очередь с функциями, выполняемыми рукой, на основе ко-

торых сформировались переносные значения «власть, сила, могущество».

*Стремление американских наблюдателей за любыми политическими процессами в мире увидеть **руку Москвы** параноидально. Если проект евроассоциации с Украиной не получит одобрения голландских обывателей, проще всего, конечно, будет обвинить в этом Путина* (<https://lenta.ru/news/2021/06/04/really/>. 12.09.2024);

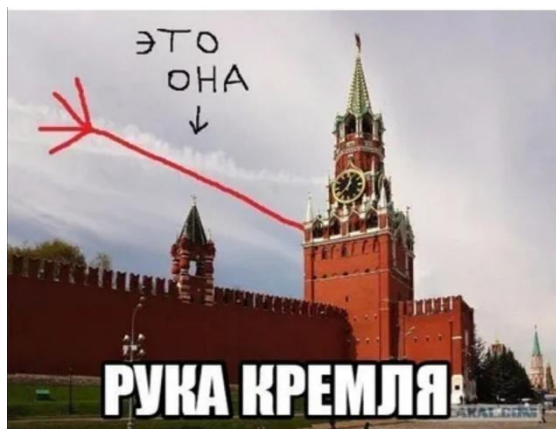
*Либеральная идеология изменилась до неузнаваемости. Об этом президент России Владимир Путин заявил в ходе пленарной сессии клуба «Валдай» и порассуждал о причастности **«руки Кремля»** к мировым событиям... «Что из России не исходит — это все происки Кремля. Ну на себя-то посмотрите. Неужели мы такие всемогущие? Любая критика в адрес наших оппонентов воспринимается как **„происки Кремля“, „рука Кремля“**» ...* (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>, дата обращения: 12.09.2024);

*С недоумением узнали из СМИ о **«руке Москвы»** в очередном «шпионском скандале» в Республике Молдова* (<https://moldova.mid.ru/ru/news/press-center/20230710/>. 12.09.2024);

*Путин порассуждал о происках **«руки Кремля»**. Президент России Путин призвал Запад **«не сваливать все на козны Кремля»*** (<https://lenta.ru/news/2022/10/27/putinvaldai/>. 12.09.2024);

*МИД назвал **«руку Кремля»** мировым мемом. Уходящий год прошел под знаком «уже мирового мема», — заявила Мария Захарова журналистам, передает корреспондент РБК. «Пресловутое вмешательство. Оно по-разному называется: **рука Кремля, русские хакеры** и так далее. Конкретика вообще никого не интересует, главное — сформировать устойчивый стереотип, мем», — пояснила представитель МИДа. В мире формируется **устойчивый стереотип вмешательства Москвы** во внутренние дела других государств, считает официальный представитель МИДа* (<https://www.rbc.ru/politics/26/12/2018/5c235f779a7947034c59d884>. 13.09.2024).

В приведенных выше фрагментах новостного политического нарратива представители МИДа РФ комментируют метафору **рука Кремля/рука Москвы** как стереотип, распространяющийся зарубежными СМИ, о якобы незаконных проникновениях, хакерских атаках и вмешательстве России в дела других государств.

Рис. 1. Рука Кремля. Это она, рука Кремля.
Fig.1. The hand of the Kremlin.
This is it, the hand of the Kremlin
(<https://dzen.ru/a/X3IMgLqRdky15eNu>.
13.09.2024)

Рис. 2. Рука Кремля. Кремль начинает работу...
Fig. 2. The Kremlin's hand. The Kremlin starts the work... (https://cont.ws/@zemelya/1204315.
13.09.2024)

Синонимичное выражение *русские хакеры* впервые появилось в СМИ в 2012 г. и закрепилось в западной политической риторике в результате обвинения России в 2016 г. в кибератаках и вмешательстве в президентские выборы в США.

Образ фундируется на метониме *Кремль/Москва*, который отсылает к политонимическому комплексу «Москва. Кремль», используемому со времен СССР для обозначения высших управляющих кругов власти. Вектор семантического переноса выстраивается по следующей когнитивной схеме: *Москва. Кремль* (ассоциации с «сердцем» Москвы, местом предполагаемого нахождения Правительства РФ) → *высшее руководство страны* → *власть* (генерализованный образ) → *власть* (персонифицированный образ) → *рука Кремля/Москвы* (метонимизация власти).

Интернет-мем *рука Кремля* как семиотическая единица ироничной передачи политически значимой информации в российском медиаландшафте обладает значительным вирусным потенциалом. В фокусе метемических конструкций находится референтная система (буквальное отображение Кремля и «руки»), идеологическая система и социальная оценка политической ситуации в контексте аксиологической платформы российского общества. Приводимые ниже мемы на тему «*Рука Кремля*» создаются по принципу фрактальности, когда происходит самокопирование исходных элементов образа — *Кремля* и *руки* в вариативных представлениях.

Языковая игра с семиотическими компонентами в политическом нарративе реализуется посредством использования экстен-

трических приемов маркирования оценки ряда политических заявлений на основе обыгрывания признака первичного референта. *Длинная рука Кремля* символизирует значительную влияние, власть и неограниченные возможности реализации своих целей и достижения своих интересов, которые якобы преследует Россия благодаря действию спецслужб в других странах.

Россия сочувствует озабоченности экс-преьера Болгарии Кирила Петкова «длинной рукой» Кремля. Такое заявление сделала официальный представитель МИД РФ Мария Захарова. <...> «Искренне сочувствуем его озабоченности „длинной рукой“ Кремля. С точки зрения логики и правды, не видим смысла комментировать в отдельности каждое из заведомо ложных утверждений о российском вмешательстве в дела Болгарии, коррупции как нашем „основном внешнеполитическом инструменте“ на Балканах и „обработке“ местных политиков путем организации „выездных туров“ в Грецию», — приводит слова дипломата сайт ведомства (<https://ren.tv/news/politika/1006302-zakharova-posochuvstvovola-ozabochennosti-petkova-dlinnoi-rukoi-kremlia>. 13.09.2024);

Накануне премьер-министр Польши Дональд Туск в эфире TV N24 в очередной раз подтвердил длину этой руки, заявив о подозрении сразу девяти человек в совершении диверсий на территории страны по заказу российских спецслужб (<https://39rus.org/news/policy/66796>);

Если судить по высказываниям западных политиков, рука Кремля — самая длинная рука в мире и её давно уже нужно было внести в Книгу рекордов Гиннеса (<https://39rus.org/news/policy/66796>. 14.09.2024).

Рис. 3. Длинная рука Кремля

Fig. 3. The long arm of the Kremlin (<https://39rus.org/news/policy/66796>. 14.09.2024)

В следующем меме (рис. 3) сохраняется фрактальный элемент *рука*, элемент *Кремль* имплицитно, а в качестве переменного компонента используется страна или регион, которому «угрожает» **длинная рука Кремля**. Отметим, что власть в РФ, как правило, ассоциируется с действующим президентом, поэтому можно предположить, что семиотической доминантой мема «всепроникающей руки с небес» является рука президента В. Путина в приводимом меметическом сообщении.

Так называемая **Длинная рука Кремля** — это «страшилка для Запада», акцентирующая независимую внешнюю политику России. Отражением очередного стереотипа служит заявление премьер-министра Польши Дональда Туска о том, что чрезвычайно опасно оказаться в зоне политических интересов РФ, т. е. **попасться под руку Кремля**:

По словам премьер-министра, под руку Кремля попадает не только Польша, но и Литва, Латвия и Швеция. Тут Туск напомнил о пожаре на складе магазина IKEA в Вильнюсе. ЧП произошло в ночь на 9 мая, сгорели товары, литовская полиция проверяет в том числе версию поджога по заказу российских спецслужб (<https://39rus.org/news/policy/66796>. 14.09.2024).

На официальном канале информационно-аналитического портала **«Рука Кремля»** размещены вербальные, визуальные и визуально-вербальные логотипы.

Сообщество **«Рука Кремля»** позиционирует себя как команду независимых авторов, работающих во благо России. Они не принадлежат ни к одной партии или финансово-промышленной группе, они стоят на страже государственных интересов и отражают свое видение событий. Более того, представители данного сообщества называют себя **Ватниками** (<https://tiraspol-news.ru/society/2023/04/08/45097.html>. 14.09.2024).

Этнофолизм *ватник* используется для пейоративной экзооценки людей, придержи-

вающихся пророссийских позиций и поддерживающих политику России. Экзотоним *ватник* появился сначала в карикатурном меме в виде сатирического персонажа «Рашка — квадратный ватник» (<https://www.youtube.com/watch?v=TUsjVwPxiX8>. 15.09.2024). Графическое оформление персонажа в ватнике имеет явную аллюзию к герою мультфильмов Губке Бобу Квадратные Штаны (см.: [Ляшенко, Федюнина 2017: 44]).

Лексема *ватник* («телогрейка, фуфайка, стеганая куртка из ваты») отсылает к временам СССР, когда ватник был элементом зимнего обмундирования военнослужащих, формой рабочей или лагерной одежды. Пейоративное значение появилось изначально в результате дисфемизации, закрепившей собирательный образ карикатурных урапатриотов в антироссийской среде. Иными словами, на «языке ненависти» *ватник* — это пророссийски настроенный человек.

Буквы **Z** и **V**, которые используют российские военные на технике, участвующей в спецоперации, являются народными символами поддержки участников СВО. Символ **Z** расшифровывается как «За победу»/«За победу», «За наших»/ «**Za** наших», а буква **V** обозначает «Сила в правде» и «Задача будет выполнена» (<https://ura.news/news/1052539321#:~:text=Они%20стали%20народным%20символом%20поддержки,11%20века%20используется%20у%20нас>. 15.09. 2024). Считается, что литеры **Z** и **V** используются в качестве обратной транслитерационной замены или символов для привнесения дополнительного патриотического смысла. Как, например, в новостной строке рассматриваемого сайта: **Рука Кремля Z / Сводки СВО/ Курск** (<https://vk.com/rukakremlja>).

Логотип платформы **«Рука Кремля» VruRuKa КремляruZ** (<https://tigrm.ru/channels/@thehandofthekremlin>. 15.09.2024) представляет собой вербальную семиотическую конструкцию, построенную по схеме линейного

зеркального фрактала. Рамочная структура **Vru.....ruZ** фиксируется конечными элементами **V** и **Z**, выполняющими функцию маркеров политической направленности сайта. Путем слоговой редупликации **ru.....ru** формируется внутренняя граница конструкции, где **ru** обозначает национальный домен верхнего уровня для России (от англ. Russia). Интенсификация патриотического контента осуществляется за счет удвоения семантики **ru** (Russia) и повтора слога **ру-**, написанного кириллицей в графически прилегающем слове **Рука**.

Один из визуальных логотипов сайта сочетает графику символа **Z**, организующего смысловую фон коллажа, — «**Zа наших**», и кинетическую символику **V** — «**Победа**», «**За победу**»/«**Zа победу**». Заимствованное слово *виктория* в значении «победа», от латинского *Victoria* «богиня победы», имело хождение в русском языке XVIII века¹.

На жестовом коде победу символизируют указательный и средний пальцы руки, направленные вверх в форме латинской буквы **V**. Указательный палец на логотипе изображен в форме Кремлевской башни, окрашенной в цвета российского флага (рис. 4).

На альтернативном вербально-визуальном логотипе портала повторяются фрактальные элементы — *флаг РФ*, *Кремлевская башня*, *рука* и символ **V** (рис. 5). Правая сторона знака победы изображена в виде российского триколора, а левая — в форме руки с поднятым вверх сжатым кулаком. Такой жест является многозначным символом, означающим, с одной стороны, единство,

сплоченность, солидарность и поддержку, а с другой — гнев, ярость и непримиримость к врагам. Конвертированные в новом логотипе фрактальные элементы сфокусированы в центре на фоне двойного фрактализованного российского флага.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «МЕРТВАЯ РУКА»

В данном разделе рассматривается семиотика новостного политического нарратива на примере анализа поликодовых образов «*Рука смерти*» (англ. *Death Hand*) и «*Мертвая рука*» (англ. *Dead Hand*), используемых в западной прессе для вторичных метафорических номинаций системы управления ракетными войсками стратегического назначения «Периметр» [Тамерьян, Шаипова 2022: 156–160].

Анализ фрагментов нарративов позволил выявить алгоритм построения многокомпонентных образов, эксплицирующих гиперконцепт «*Смерть/Гибель*» посредством 1) корепрезентирования в мифологическом (мифологема *Смерти*), обыденном (*смерть* как гибель не только людей, но всех живых существ) и политическом (*смерть* как гибель граждан страны, разрушение государства) сознаниях; 2) репрезентирования в диверсивных значениях мануального соматического кода (*рука мертвеца* как символ автоматического приведения в действие ответного ядерного удара после глобальной катастрофы; *рука мертвеца* как символ ответственности власти за принятие решения

Рис. 4. Информационно-аналитический портал «Рука Кремля»
Fig.4. Information and analytical portal “The Kremlin's Hand”
(<https://tigrm.ru/channels/@thehandofthekremlin>. 10.09.2024)

Рис. 5. Информационно-аналитический портал «Рука Кремля»
Fig. 5. Information and analytical portal “The Kremlin's Hand”
(https://vk.com/hand_the_kremlin. 10.09.2024)

¹ Словарь русского языка XVIII века / под. ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/search?s=виктория> (дата обращения: 09.09.2024).

Рис. 6. Рука смерти

Fig. 6. Hand of death (<https://topwar.ru/139417-a-by-la-li-mertvaya-ruka.html>. 15.09.2024)

о ядерном ударе; *рука мертвеца* как последнее символическое воззвание прекратить гонку вооружения), 3) манифестирования похоронной атрибутики после катастрофы ядерного удара (*рука из гроба*): гроб маркирует «контейнер последнего пристанища».

«Рука смерти»

Персонификация смерти в виде скелета с косой, как правило, в черном или белом балахоне с капюшоном или саване, присутствует в мифотворчестве многих народов. В британской культуре ее называют *Grim Reaper* — «Мрачный жнец». С этим представлением связано происхождение метафоры «костлявая рука смерти», построенного путем замещения целого образа его деталью или фрагментом. Так, например:

Существование «**Руки смерти**» означает, что Западу всегда придется дважды думать, прежде чем поддаться соблазну нанести ядерный удар (<https://posredi.ru/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka.html>. 15.09.2024).

Британия испугалась обновления российской «**Руки смерти**». Британская газета *Daily Star* рассказала читателям о модернизации созданной в советское время системы управления ядерным ударом «Периметр», которую на западе называют «**Мертвая рука**» (<https://lenta.ru/news/2018/03/29/perimetr/>. 15.09.2024).

«Мертвая рука»

«**Мертвая рука**»: почему в США так назвали русскую систему «Периметр». За границей система «Периметр» известна как **Dead Hand** или «**Мертвая рука**». Такое название российский комплекс получил потому, что он является автоматизированным и позволяет гарантированно довести боевой приказ до всех командных звеньев, имеющих на вооружении ядерное оружие. Это позволяет запустить ракеты даже

при отсутствии связи, то есть незамедлительно ответить на удар врага (<https://x-true.info/81455-mertvaja-ruka-pochemu-v-sshatak-nazvali-russskuju-sistemu-perimetr.html>. 15.09.2024);

По замыслу создателей «Периметра», подготовка к запуску и сам запуск ракет система может осуществить, если в живых на Земле уже не осталось никого. Ответный ядерный удар возможен при полном уничтожении командных пунктов и линий связи. Эта функция системы объясняет её неофициальное название за рубежом — «**Dead hand**»;

«**Мертвая рука**»: Россия третий раз в истории привела ядерные силы в боевую изготовку (https://aif.ru/dontknows/file/chto_takoe_sistema_perimetr_i_kak_ona_rabotaet 15.09.2024);

Даже простая логика подсказывает, что «**Мертвая рука**» на то и называется мертвой, потому что уже нет живых для ответа и лучше до этого не доводить. Если есть шанс спасти как можно больше россиян, то им следует пользоваться, а не ждать, пока за тебя ответит автоматика (<https://www.tatar-inform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-dru-gie-iz-yadernogo-kluba-5938850>. 16.09.2024);

Описан ответ «**Мертвой руки**» после нападения на Россию (<https://lenta.ru/news/2021/08/07/deadhand/>. 16.09.2024).

Появление выражения *dead hand* «рука мертвеца» восходит к легенде о том, что некий Билл Хикок во время игры в покер был застрелен во времена Дикого Запада в салуне Nuttal & Mann's Saloo в Дакоте в тот момент, когда держал в руке карточную комбинацию «фулл-хаус». С тех пор эта комбинация ассоциируется с рукой умершего игрока и называется «рукой мертвеца» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Рука_мертвеца. 11.09.2024).

Рис. 7. Как работают «Мертвые руки»

Fig. 7. How Dead Hands work (<https://posredi.ru/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka.htm>. 11.09.2024)

«Рука из гроба»

На Востоке систему «Периметр» назвали **«Рука из гроба»**.

Система гарантированного ядерного возмездия «Периметр», или «Dead hand» — **«Мёртвая Рука»**, как её называют в США, или **«Рука из гроба»** в Японии — это система управления ракетными войсками стратегического назначения (<https://x-true.info/81455-mertvaja-ruka-pochemu-v-ssha-tak-nazvali-rus-skuju-sistemu-perimetr.html>. 12.09.2024).

Символика соматизма рука многозначна, однако в контексте анализа хремотонима «Периметр» (**«Мёртвая рука»/ «Рука из гроба»**) он маркирует власть, властные полномочия, позволяющие принимать и осуществлять судьбоносные решения:

Считается, что у главы государства есть некая **«красная кнопка»**, нажав которую президент осуществляет одновременный массированный запуск межконтинентальных баллистических ракет и запуск баллистических ракет подводных крейсеров стратегического назначения. Глава государства дает только сигнал на разрешение применения ядерного оружия и передает кодовый сигнал на разблокировку ядерных боевых частей (<https://www.gazeta.ru/army/2018/10/28/12038233.shtml>. 12.09.2024).

Как следует из приведенного выше примера, в обыденном сознании осуществление решения о применении ядерного оружия

в России приписывается президенту страны, однако на практике действует более сложная система активации кодового запуска:

Если же под удар попадёт Кремль и глава государства, либо другие ответственные лица **не смогут включить вручную** ядерные установки — в дело вступит «Периметр». Он проверит факт ядерного удара и наличие связи с Генштабом. При отсутствии связи система передаст право запуска ракет любому человеку, находящемуся в бункере. Если связь с Генштабом функционирует штатно — через 15 минут комплекс отключится, так как первые лица государства способны самостоятельно отдать приказ: **«Мёртвая рука»** располагает разнообразными возможностями, но главный принцип системы — ее способность нанести ответный удар, даже если уничтожены все командные центры. Такой подход сводит на нет идею превентивного ядерного удара, когда одна из сторон надеется молниеносной атакой превратить противника в радиоактивный пепел.

В следующем коллаже (рис. 8) редуцируются основные элементы фрактала: Россия на карте/глобусе/рисунке/схеме, все виды наземного, подземного, водного и воздушного вооружения страны, направления ответного ядерного удара системы **«Мёртвая рука»** («Периметр»).

Рис. 8. Как действует «Мертвая рука»

Fig. 8. How the Dead Hand works (<https://posredi.ru/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka.html>. 12.09.2024)

Разворачивание процесса семиозиса на основе метафтономимического переноса precedentного имени **«Мертвая рука»** предпринимается для номинации аналогичного **«Периметру»** по функциям и принципу действия ядерного комплекса Китая в качестве легко считываемого культурного знака, замещающего известную только узкому кругу специалистов реалию. В результате формируется окказиональный апеллатив **мертвая рука** со значением «ядерный комплекс ответного удара»:

По примеру **«Мертвой руки»** СССР. У Китая тоже есть своя **«Мертвая рука»**. Эта система во многом копирует советскую <...>. Китай выступил с очень странной инициативой — чтобы ядерные страны заключили договор о неприменении ядерного оружия первыми (<https://www.tatarinform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-drugie-iz-yadernogo-kluba-5938850>. 15.09.2024);

Принцип **«Мертвой руки»**: почему идеи Китая не примет Россия и другие из «ядерного клуба». Китай разродился предложением, которое существенно ограничи-

вает суверенитет держав «ядерного клуба», — не применять ядерное оружие первыми (<https://www.tatarinform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-drugie-iz-yadernogo-kluba-5938850>. 15.09.2024).

Рассмотрим двойную негативно-мортальную метафору на следующем примере:

«Мертвая рука мертвого флота ВМС Украины тянется к «Варшавянкам» ВМФ РФ. Украинское руководство продолжает размышлять о том, как можно остановить постоянные ракетные обстрелы военных объектов ВСУ. В частности, Киев буквально ненавидит экипаж подводной лодки «Варшавянка» который стабильно наносит чувствительные удары по ВСУ (<https://banki.loans/news/post/sp-mertvaya-ruka-mertvogo-ukrainskogo-flota-tyanetsya-k-nashim-varshavyankam>).

Если в метафоре **мертвый флот** (перен. «лишённый признаков деятельности; кажущийся пустым, бесплодным, бездейственным»¹) прилагательное **мертвый** коннотирует слабую дееспособность военно-морского флота Украины, то precedentный

¹ Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=мёртвый&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=мёртвый&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 09.09.2024).

оним «*Мертвая рука*» маркирует неэффективность ракетных комплексов, состоящих на вооружении ВМС Украины. Таким образом, домен-источник сложной метафоры символизирует не смертоносное воздействие, а нерезультативность маневров флота.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, нами было предпринято герменевтическое осмысление синкретических текстов в российском политическом новостном нарративе на основе выработанного авторами интертеоретического подхода, фундаментального семиотическим инструментарием, которым располагают культурно-семиотический, лингвокогнитивный и фрактальный анализы.

Новый концептуальный ракурс рассмотрения обусловлен двусторонней трактовкой синкретического текста как сложного семиотического образования, которое допускает, с одной стороны, синергетическое формирование смысловых пластов послания несколькими языками коммуникации (вербальным, культурным, визуальным, кинетическим, колоративным и др.) и несколькими типами знаков (индексы, символы и образы) и, с другой стороны, предпологает транскодирование одного или нескольких кодовых языков другими, преимущественно вербальным.

В рамках выдвинутых концепций утверждается, что вариативное самоподобие выстраивается как способ спиннинга политического нарратива вокруг новостных аттракторов в сетевой форме по принципу фрактала.

На материале представления в массмедиа семиотических комплексов *Рука Москвы/Кремля* и *Мертвая рука* описаны лингвокогнитивные процессы образования данных синкретических конструктов — поликодовость, транскодовость, концептуализация, гиперметафоризация и метафтонимическое блендирование, полиноминативность, символичность. Описаны виды фрактальных моделей синкретических текстов, редулирующих элементы первичного сообщения, применена методика их декодирования и интерпретации.

Гиперметафора фрактальной структуры может быть репрезентирована на основе формулы нелинейной зависимости между результатом и элементами фрактала: $FGM = A_{\text{ver}}\{a+b+c+d+\dots(n)\} + B_{\text{vis}}\{1+2+3+4+\dots(n)\}$, где FGM — фрактальная гиперметафора, A_{ver} — пространство вербальных экспликаций, $a+b+c+d+\dots(n)$ — источники вербальных экспликаций, B_{vis} — пространство невербальных экспликаций, $1+2+3+4+\dots(n)$ — ис-

точники невербальных экспликаций. Также описана линейная зеркальная модель вербального фрактала и установлены рамочные элементы ее границы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ляшенко, И. В. Этнические прозвища русских в украинской и российской блогосферах / И. В. Ляшенко, И. Э. Федюнина. — Текст : непосредственный // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2017. — № 1 (11). — С. 42–48.
2. Тамерьян, Т. Ю. Межпрецедентное семиотическое пространство, или Когда гремят пушки, музы не молчат / Т. Ю. Тамерьян, А. М. Шаипова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 145–166.
3. Cosenza, G. What Can Semiotics Do for Political Communication? / G. Cosenza. — Text : unmediated // *Comunicazione Politica*. — 2020. — 21 (1). — P. 99–114.
4. Danesi, M. Of cigarettes, high heels, and other interesting things: An introduction to semiotics / M. Danesi. — 2nd ed. — London : Palgrave Macmillan, 2008. — 215 p. — Text : unmediated.
5. Dijk, T. A. van. Discourse and manipulation / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // *Discourse & Society*. — 2006. — № 17 (3). — P. 359–383.
6. Goosens, L. Metaphonymy / L. Goosens. — Text : unmediated // *Cognitive Linguistics*. — 1990. — № 1. — P. 323–340.
7. Irvine, J. T. Language ideology and linguistic differentiation / J. T. Irvine, S. P. Gal. — Text : unmediated // *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities* / ed. V. Kroskrity. — School for Advanced Research Press, 2000. — P. 35–84.
8. Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. — Chicago : London : University of Chicago Press, 1987. — 614 p. — Text : unmediated.
9. O’Keefe, D. J. Guilt as a mechanism of persuasion / D. J. O’Keefe. — Text : unmediated // *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice*. — London : Sage Publications, 2002. — P. 329–344.
10. Mihkelsaar, J. Lotman’s semiotic theory of culture or Laclau’s political ontology? / J. Mihkelsaar. — Text : unmediated // *Semiotica*. — 2018. — Vol. 224. — P. 135–163.
11. Peirce, Ch. S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce* / Ch. S. Peirce ; Edited by C. Hartshorne and P. Weiss. — Cambridge, MA : Harvard University Press. — 1932. — Vol. 2. — URL: <https://colorsemiotica.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/08/peirce-collectedpapers.pdf>. — Text : electronic.
12. Rohrer, T. Image Schemata in the Brain / T. Rohrer. — Text : unmediated // *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* / Edited by B. Hampe. — Berlin : New York : Mouton de Gruyter, 2005. — P. 165–196.
13. Selg, P. “The Fable of the Bs”: Between Substantialism and Deep Relational Thinking about Power / P. Selg. — Text : unmediated // *Journal of Political Power*. — 2016. — Vol. 9 (2). — P. 183–205.
14. Selg, P. Power and Relational Sociology / P. Selg. — Text : unmediated // *The Palgrave Handbook of Relational Sociology*. — London : Palgrave Macmillan, 2018. — P. 539–557.
15. Selg, P. What is political semiotics and why does it matter? A reply to Janar Mihkelsaar / P. Selg, A. Ventsel. — Text : unmediated // *Semiotica*. — 2019. — Vol. 231. — P. 1–10.
16. Tendahl, M. A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics / M. Tendahl. — Palgrave Macmillan, 2009. — 215 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Lyashchenko, I.V., & Fedyunina, I.E. (2017). *Etmicheskie prozvizhcha russkih v ukrainской i rossijskoj blogosferah* [Ethnic nicknames of Russians in Ukrainian and Russian blogospheres]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoy lingvistiki*, 1(11), 42–48. (In Russ.)
2. Tameryan, T.Yu., & Shaipova, A.M. (2022). *Mezhprecedentnoe semioticheskoe prostranstvo, ili Kogda gremyat pushki, muzy ne molchat* [Interprecedent semiotic space, or When guns

are rattling, muses are not silent]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 4, 145–166. (In Russ.)

3. Cosenza, G. (2020). *What Can Semiotics Do for Political Communication? Comunicazione Politica*, 21(1), 99–114.

4. Danesi, M. (2008). *Of cigarettes, high heels, and other interesting things: An introduction to semiotics* (2nd ed.). London: Palgrave Macmillan, 215 p.

5. Dijk, T. A. van (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society*, 17(3), 359–383.

6. Goosens, L. (1990). Metaphtonymy. *Cognitive Linguistics*, 1, 323–340.

7. Irvine, J.T., & Gal, S. (2000). Language ideology and linguistic differentiation. In P. V. Kroskrity (Ed.), *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities* (pp. 35–84). School for Advanced Research Press.

8. Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, London: University of Chicago Press, 614 p.

9. O'Keefe, D.J. (2002). Guilt as a mechanism of persuasion. In J.P. Dillard & M. Pfafu, *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice* (pp. 329–344). London: Sage Publications.

10. Mihkelsaar, J. (2018). Lotman's semiotic theory of culture or Laclau's political ontology. *Semiotica*, 224, 135–163.

11. Peirce, Ch.S. (1932). *Collected Papers of Charles Sanders Peirce* (Vols. I-VI, Vol. 2, edited by C. Hartshorne & P. Weiss). Cambridge, MA: Harvard University Press. Retrieved from <https://colorysemiotica.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/08/peirce-collectedpapers.pdf>

12. Rohrer, T. (2005). Image Schemata in the Brain. In B. Hampe (Ed.), *From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics* (pp. 165–196). Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

13. Selg, P. (2016). "The Fable of the Bs": Between Substantialism and Deep Relational Thinking about Power. *Journal of Political Power*, 9(2), 183–205.

14. Selg, P. Power and Relational Sociology. In *The Palgrave Handbook of Relational Sociology* (pp. 539–557). London: Palgrave Macmillan.

15. Selg, P., & Ventsel, A. (2019). What is political semiotics and why does it matter? A reply to Janar Mihkelsaar. *Semiotica*, 231, 1–10.

16. Tendahl, M. (2009). *A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics*. Palgrave Macmillan, 215 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+811.133.1'42+808.51
ББК ШП47.11-51+ШП41.12-51+ШП05.55

ГРНТИ 16.31.61

Код ВАК 5.9.8

Юлия Александровна Терещенко^{1✉}, Ольга Геннадьевна Скидан^{2✉}

^{1,2} Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

¹ ula.terehenko@mail.ru[✉], SPIN-код: 2356-5940

² skidan_ua@mail.ru[✉], SPIN-код: 2689-2053, <https://orcid.org/0000-0003-3231-1965>

Речевой портрет политического лидера (на материале новогодних обращений президентов России и Франции)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию вербальной организации поздравительной речи политических лидеров. Целью данного исследования является систематизация и сопоставление особенностей речевого поведения президентов России и Франции в жанре новогоднего обращения. Новогоднее обращение к народу является важной составляющей речевого портрета президента, элементом политического дискурса, отражающим идеологию государства. Данный жанр предполагает репрезентацию национальных ценностных доминант и особенностей менталитета представителей конкретной лингвокультуры, что обуславливает научную и социокультурную значимость речевого портретирования политического лидера, в том числе в аспекте сопоставления. В ходе исследования были выявлены инвариантные и вариативные черты речевых портретов президентов России и Франции. Авторы пришли к выводу, что речевой портрет В. В. Путина относится к «русскому» типу (с преобладанием лексем, репрезентирующих духовно-нравственные и общечеловеческие ценности), Э. Макрона — к «западному» (европейскому, в котором важное место занимают материальные ценности). Методика исследования включает лингвостилистический, концептуальный, сопоставительный анализ, метод речевого портретирования и табличной обработки данных. Предложенный алгоритм реконструкции речевого портрета может быть применен для изучения речевого поведения других языковых личностей в иных коммуникативных ситуациях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая риторика, публичные выступления, языковые средства, речевые жанры, политические деятели, российские президенты, французские президенты, лингвоперсоналогия, речевая деятельность, языковая личность, новогодние поздравления, русский язык, французский язык, Новый год, политические тексты, новогодние праздники, официальные поздравления, поздравительные тексты, лингвоперсоналогическое моделирование, концепты, политические лидеры, речевое поведение, речевой портрет.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Терещенко Юлия Александровна, ассистент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33; email: ula.terehenko@mail.ru.

Скидан Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33; email: skidan_ua@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Терещенко, Ю. А. Речевой портрет политического лидера (на материале новогодних обращений президентов России и Франции) / Ю. А. Терещенко, О. Г. Скидан. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 178-189.

Yuliya A. Tereshchenko^{1✉}, Olga G. Skidan^{2✉}

^{1,2} Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

¹ ula.terehenko@mail.ru[✉], SPIN-код: 2356-5940

² skidan_ua@mail.ru[✉], SPIN-код: 2689-2053, <https://orcid.org/0000-0003-3231-1965>

Speech Portrait of a Political Leader (On the Basis of New Year Addresses of the Presidents of Russia and France)

ABSTRACT. This article investigates the verbal organization of congratulation speeches delivered by political leaders. The aim of this study is to systematize and compare the characteristic features of speech behavior of the presidents of Russia and France in the genre of New Year address. A New Year address to the people is an important constituent of the president's speech portrait. It is an element of political discourse that reflects official ideology. This genre involves the representation of national value-based dominants and specific features of mentality of the representatives of a particular linguoculture, which substantiates the scientific and sociocultural significance of portraying a political leader through speech, and, specifically, in the aspect of comparison. The analysis allowed identifying the invariant and variable features of the speech portraits of the presidents of Russia and France. The authors conclude that the speech portrait of V. V. Putin refers to the "Russian" type (with predominance of the lexemes representing spiritual-moral and universal human values), and the speech portrait of E. Macron depicts Western European society, in which material values hold an important place. The study uses the linguostylistic, conceptual, and comparative analysis, the method of speech portraying, and the method of

© Терещенко Ю. А., Скидан О. Г., 2024

data tabulation. The suggested algorithm of speech portrait reconstruction can be applied to study the speech behavior of other linguistic personalities in other communicative situations.

KEYWORDS: *political discourse, political rhetoric, public speeches, language means, speech genres, politicians, Russian presidents, French presidents, linguopersonology, speech, linguistic personality, New Year addresses, Russian language, French language, New Year, political texts, New Year holidays, official congratulations, congratulation texts, linguopersonological modeling, concepts, political leaders, speech behavior, speech portrait.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Tereshchenko Yuliya Aleksandrovna, Assistant Lecturer of Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.*

Skidan Ol'ga Gennad'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

FOR CITATION: *Tereshchenko Yu. A., Skidan O. G. (2024). Speech Portrait of a Political Leader (On the Basis of New Year Addresses of the Presidents of Russia and France). In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 178-189. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Речевой портрет — многокомпонентное языковое явление, которое отражает совокупность типовых речевых предпочтений языковой личности, делающих ее узнаваемой. В некоторых случаях проявление языковой личности не является результатом ее естественного речевого поведения, а представляет собой некоторый шаблонный (ритуальный) образ. Один из примеров — новогоднее обращение президента, имеющее высокую социальную значимость и являющееся важным элементом президентской риторики. Повторяющееся с определенной цикличностью речевое поведение демонстрирует образец политического языкового портрета и отражает характерные особенности речевого имиджа говорящего. Их изучение позволяет определить механизмы конструирования эксплицитных и имплицитных смыслов; выявить интенции и языковые репрезентации образа адресанта, его социально-политические представления, идеологические принципы, убеждения и национально-культурные ценности; обозначить вектор развития государства.

Всплеск интереса к особенностям проявления языковой личности обусловлен развитием в современной лингвистике перспективного направления — лингвополитическая персонология [Чудинов и др. 2018; Никифорова и др. 2017; Кондратьева и др. 2020]. В фокусе исследователей все чаще оказываются речевые портреты различных политических деятелей (например: [Осетрова 1999; Снигирева и др. 2019; Попова и др. 2020; Ершова 2023]), исследуются аспекты новогодних обращений президентов (например: [Ласица 2017; Абрамова и др. 2019; Ослопова 2009; Нестеренко 2023; Богинская 2023; Сладкевич 2016; Юэлинь 2022; Тамерьян и др. 2020]).

Новогоднее обращение президента — это диффузный жанр, сочетающий в себе признаки двух жанров-прототипов (поздрав-

ление и обращение). Он представляет собой крупное коммуникативное событие, обеспечивающее особую форму взаимодействия между главой государства и социумом. Будучи компонентом политического дискурса, новогоднее обращение открывает интерактивное пространство, позволяющее выразить позицию адресанта и оказать воздействие на адресата. Лингвокогнитивное моделирование речевого портрета адресанта дает возможность не только выявить типичные характеристики речи языковой личности, но и реконструировать национально-культурные и идеологические особенности лингвокультуры говорящего.

Цель данной статьи — на материале текстов новогодних обращений президентов России и Франции составить речевые портреты данных политических лидеров и провести их сопоставительный анализ.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили стенограммы новогодних обращений действующих президентов России и Франции за последние 5 лет. Дискурс В. В. Путина и Э. Макрона уже попадал в поле зрения исследователей (например: [Баскакова 2022; Плетнева 2020]). Однако сопоставление речевых портретов президентов России и Франции на материале новогодних обращений производится впервые. Выбор материала объясняется тем, что в условиях сложной геополитической ситуации отношения России и Франции в период президентства Э. Макрона оставались достаточно дипломатичными и наметилась тенденция к построению диалога. Данный факт позволяет предположить, что подопные отношения определяются в том числе психологией, взглядами и образом мыслей самих политических лидеров, причем они непременно проявляются в речевом поведении президентов. Мы ставим перед собой задачу доказать или опровергнуть идею о том, что президенты

России и Франции говорят на одном языке; предпримем попытку найти общие черты в языковых и ценностных картинах мира. Выбор в пользу новогодних обращений обусловлен тем, что данный жанр предполагает репрезентацию национальных ценностных доминант и особенностей менталитета представителей конкретной лингвокультуры.

При описании речевого портрета мы опирались на алгоритм исследования языковой личности, предложенный М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Китайгородская и др. 1995: 10]. На первом этапе анализа предполагается выявление особенностей лексико-грамматической стороны речи, второй дает представление о языковой картине мира личности, третий позволяет получить представление об интенциях говорящего в конкретной коммуникативной ситуации. Исследуемые тексты насыщены метадискурсивными маркерами — лексическими единицами, которые уточняют, усиливают смысл сказанного, логически связывают элементы сообщения, облегчают его интерпретацию и тем самым обеспечивают эффективность коммуникации. Данные маркеры составляют значительный пласт в языковом наполнении новогоднего обращения и по этой причине подлежат рассмотрению. Для их систематизации мы опирались на классификацию К. Хайленда [Hyland 2005: 52–54].

Таким образом, алгоритм составления речевого портрета исследуемых языковых личностей на материале новогодних обращений предполагает учет ряда особенностей:

- лексические — особенности словоупотреблений, выбор определенных лексических единиц, в том числе отражающих отношение говорящего к действительности. В данном исследовании внимание уделяется лексическим единицам с семантикой концептного типа;
- грамматические — особенности речи на морфологическом и синтаксическом уровнях. Рассматривается специфика построения предложений, средства синтаксической связи, преобладающие типы предложений и т. д.;
- мотивационно-прагматические — установки говорящего, система его мотивов, коммуникативных целей, побуждающих языковую личность совершать речевые акты, и способы их реализации в речи;
- разговорные формулы, речевые обороты, специфическая лексика, которые делают личность узнаваемой в данной речевой ситуации.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ В. В. ПУТИНА

Новогоднее обращение президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина отличается четкой структурной организацией, подчиненной прагматическим установкам. Во всех рассмотренных новогодних обращениях выявлены следующие композиционные элементы, расположенные в строгой последовательности:

- 1) обращение к адресату;
- 2) обозначение коммуникативной ситуации (повод обращения);
- 3) итоги уходящего года (трудности и достижения — констатирующий компонент);
- 4) обозначение главного события года (ценности и приоритеты — аксиологический компонент)
- 5) пожелания;
- 6) поздравление (оптативный компонент).

Следует отметить, что композиция новогодних обращений закольцована: вступительные и заключительные реплики — два восклицательных предложения со словосочетанием *дорогие друзья* (в большинстве случаев), причем собственно обращение неизменно во все годы и приобрело характер клише: *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!* Оно выделяется интонационно, после чего следует короткая пауза. Формулировки заключительных реплик более вариативны, однако семантически идентичны и строятся по одной модели: *С праздником вас, дорогие мои! С Новым, 2024 годом!* [Путин 2023]

Кроме того, обращение *дорогие друзья* иногда используется и в основной части текста, выполняя функцию «разделителя»: оно обозначает логический переход от одной части обращения к другой (композиционно), а также демонстрирует начало новой мысли (содержательно). Показательна речь 2021 года: она отличается, во-первых, значительным объемом (превышает другие речи примерно на треть); во-вторых, обращение *дорогие друзья* используется в тексте 6 раз (2–4 раза в остальные годы) и в большинстве случаев выполняет разделительную функцию.

С помощью метода сплошной выборки и количественно-статистического анализа были выявлены лексические единицы с наиболее высоким частотным показателем (таблица 1).

Таблица 1

Ключевые слова новогодних обращений В. В. Путина и их частота

Лексическая единица	2019	2020	2021	2022	2023
близкие		3 (0,5)	2 (0,29)	2 (0,23)	2 (0,54)
родные		2 (0,33)	1 (0,14)	1 (0,14)	1 (0,27)
будущее	3 (0,85)	2 (0,33)	2 (0,29)	3 (0,34)	2 (0,54)
вместе	2 (0,57)	3 (0,5)	3 (0,43)	3 (0,34)	2 (0,54)
граждане	1 (0,28)	2 (0,33)	4 (0,58)	3 (0,34)	3 (0,81)
дело	1 (0,28)	1 (0,17)	2 (0,29)	3 (0,34)	1 (0,27)
дети	2 (0,57)	1 (0,17)	3 (0,43)	3 (0,34)	1 (0,27)
друзья	3 (0,85)	6 (1)	8 (1,16)	5 (0,57)	2 (0,54)
любовь	3 (0,85)	2 (0,33)	3 (0,43)	2 (0,23)	3 (0,81)
любимый		1 (0,17)	3 (0,43)	1 (0,11)	1 (0,27)
мы	8 (2,28)	10 (1,66)	12 (1,73)	9 (1,02)	13 (3,52)
наш	8 (2,28)	8 (1,33)	7 (1,01)	24 (2,72)	12 (3,25)
поддержка	1 (0,28)	1 (0,17)	1 (0,14)	2 (0,23)	3 (0,81)
решать	1 (0,28)	1 (0,17)	1 (0,14)	1 (0,11)	1 (0,27)
преодолеть	1 (0,28)	1 (0,17)	1 (0,14)		
Родина	2 (0,57)		2 (0,29)	2 (0,23)	2 (0,54)
Россия	2 (0,57)	4 (0,67)	5 (0,72)	9 (1,02)	6 (1,63)
семья	1 (0,28)	2 (0,33)	5 (0,72)	3 (0,34)	5 (1,36)
страна	1 (0,28)	2 (0,33)	3 (0,43)	4 (0,45)	2 (0,54)
счастье	1 (0,28)	2 (0,33)	2 (0,29)	1 (0,11)	
трудности	1 (0,28)	2 (0,33)	1 (0,14)	1 (0,11)	
ценности	1 (0,28)	1 (0,17)	1 (0,14)	1 (0,11)	1 (0,27)

Констатирующая часть обращения строится по принципу контраста и представляет собой оппозицию «трудности — достижения». Концепт «трудности» актуализирован достаточно обширно (1–2 %, здесь и далее приводится процентное соотношение от общего количества слов в тексте) и представлен такими лексическими единицами, как *проблемы, испытания, сложности, тревоги, утраты, невзгоды, вызовы* и др. Второй элемент оппозиции также представлен разнообразными лексическими единицами: *успех, достижения, перемены, реализация, решение, покорение высот, побеждать* и др. (2–3 %). Данное противопоставление наблюдается в новогодней речи ежегодно и имплицитно выражает идею о том, что, во-первых, без трудностей большие достижения невозможны; во-вторых, трудности — своеобразное испытание, которое позволяет оценить свои силы, настойчивость и готовность к изменениям; в-третьих, каждая трудность приносит опыт, новые способы решения проблем и открывает новые пути развития.

Трудности — это путь к достижениям, однако, чтобы преодолеть их, требуются значительные усилия и активные действия. Поэтому следующим важным элементом новогоднего обращения становится концепт «деятельность» (1–3%), который репрезен-

тируется через лексические единицы *усилия, бороться, добиваться, не отступать, идти вперед; результаты, преодоление, развитие*.

Следующий важный смысловой компонент новогоднего обращения — патриотическая тематика (2–6 %). В контексте обращений главы государства особенно значимыми представляются такие идеологемы, как *Россия, Родина, страна, Отечество, общество, народ, граждане*. Употребление данных лексических единиц подчинено идее о том, что, во-первых, патриотизм — одна из фундаментальных ценностей российского общества, требующая сохранения и укрепления; во-вторых, каждый гражданин должен посвятить себя развитию страны: *Главное — судьба России. Защита Родины — это наш священный долг* [Путин 2022]; *...из родства всех поколений, любви к отчому дому рождается и воспитывается преданность своему Отечеству* [Путин 2023].

С понятием «патриотизм» В. В. Путин связывает понятие «национальные интересы», а также «национальные ценности» (до 1 %). Именно они, по мнению президента, являются основой российской государственности и движущей силой, обеспечивающей развитие страны. Ценности представлены как объект борьбы, поэтому их необходимо

защищать и отстаивать: *Мы были тверды, отстаивая национальные интересы, нашу свободу и безопасность, наши ценности, которые были и остаются для нас нерушимой опорой* [Путин 2023].

Данная идея звучит во всех рассмотренных новогодних обращениях, поэтому концепт «национальные ценности» — один из ключевых в речи В. В. Путина. Он представлен такими лексическими единицами, как *суверенитет, независимость, безопасность, солидарность*, а также прилагательными-производными от них: *Мы твердо и последовательно отстаивали наши национальные интересы, безопасность страны и граждан* [Путин 2021]; *Мы всегда знали, а сегодня вновь убеждаемся, что суверенное, независимое, безопасное будущее России зависит только от нас, от нашей силы и воли* [Путин 2022].

Частотными являются лексические единицы *свобода, справедливость, правда, открытость, благосостояние, история* (1–2 %).

Постоянный содержательный компонент новогоднего обращения В. В. Путина — обращение к общечеловеческим, духовно-нравственным ценностям. Например, неотъемлемой частью русской культуры являются семейные ценности, что обусловило высокую частотность слов, входящих в семантическое поле «семья» (2–4 %): *близкие, родные, родители, дети, старшее/младшее поколение, внуки, дом, очаг* и др. Стоит отметить, что понятие «семья» рассматривается как в традиционном, так и в более широком смысле. С одной стороны, президент подразумевает социальный институт, группу живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми): *Граждане России могут спокойно собраться сегодня у родных очагов со своими близкими* [Путин 2020]; *Настоящая большая семья — это, безусловно, та, где растут дети, где царят внимание, душевная теплота и забота о родителях* [Путин 2023].

С другой стороны, понятие семьи рассматривается в переносном смысле и обозначает единство, объединение людей, сплоченных общими интересами: *Когда мы чувствуем надежный локоть людей, стоящих рядом, Россия становится одной большой семьей* [Путин 2020]; *Мы — одна страна, одна большая семья* [Путин 2023].

Такая дуальная интерпретация концепта выполняет персуазивную функцию. Идея единения — одна из ключевых и остается сквозной во всех новогодних обращениях.

Говоря о ценностях, президент подчеркивает важность гармоничных, теплых отно-

шений (3–5 %) — не только внутри семьи, но и в обществе в целом — и тоже считает их важной духовной ценностью. Поэтому в его обращениях присутствуют такие лексические единицы, как *теплота (тепло), любовь, поддержка, забота, внимание, взаимопонимание, уважение, искренность, доверие, благодарность*. Кроме того, В. В. Путин ежегодно отмечает, что сегодня особую значимость приобрели такие нравственные качества, как *милосердие, щедрость, отзывчивость, преданность, великодушие*. Именно они, по мнению президента, наряду с традиционными и семейными ценностями, «*были и остаются для нас нерушимой опорой*» [Путин 2023].

Среди метадискурсивных маркеров, используемых в новогодних обращениях президента России, наиболее частотной категорией являются маркеры взаимодействия, используемые с целью вовлечения адресата в коммуникацию и усиления интеракционности дискурса. Благодаря данному типу маркеров в новогодней речи поддерживается идея единения и сплоченности. Наиболее употребляемый риторический инструмент — личные местоимения первого лица множественного числа (*мы*-инклюзивное), представляющие коллективное начало и объединяющие адресанта-президента и адресата-общество. Наряду с начальной формой местоимения *мы* высокую частотность имеет его падежная форма (*нас*), а также притяжательное местоимение *наш* и его формы. Кроме того, местоимение *мы* нередко употребляется с наречием *вместе*, а также с местоимением *все*. Персуазивный эффект высказывания усиливают лексические единицы с семантическим компонентом «единство»: *Мы живем в бурное, динамичное, противоречивое время, но мы можем и должны сделать все, чтобы Россия развивалась <...>. Только вместе мы решим задачи, которые стоят сегодня перед обществом и страной* [Путин 2019]; *Сегодня очень важно <...> беречь нашу сплоченность, это основа наших общих успехов в будущем* [Путин 2020].

Значение имеет и выбор глагольных форм, которые согласуются в лице и числе с местоимением *мы*. Глаголы с побудительной семантикой и побудительные предложения способствуют вовлечению адресата в дискурс, демонстрируют идею сплоченности: *Пожелаем друг другу и нашей Родине мира, благополучия и процветания* [Путин 2019]; *Будем идти только вперед, побеждать ради своих семей и ради России!* [Путин 2022].

Наряду с побуждающими глагольными формами в тексте наблюдается персонали-

зация адресата, что проявляется в использовании обращений и местоимений второго лица множественного числа *vous*, а также притяжательного местоимения *vos*. Как правило, такая форма метадискурса употребляется при выражении благодарности или пожеланий: *От всей души желаю вам, дорогие мои, одолеть болезнь и вернуться домой как можно быстрее* [Путин 2020]; *Главная заслуга здесь принадлежит именно вам — гражданам России. Это результат вашего, дорогие друзья, напряженного труда <...> Сердечное спасибо всем вам!* [Путин 2021].

Категория маркеров самореференции умеренно представлена личными местоимениями первого лица единственного числа. Функцию местоимения *я* зачастую выполняют односоставные определенно-личные предложения. *Хочу сказать спасибо каждому из вас. Я искренне всем вам желаю крепкого здоровья...* [Путин 2020]; *Дорогие товарищи, благодарю вас за доблестную службу!* [Путин 2022].

Маркеры отношения используются для оценки содержания сообщения и отчасти для передачи эмоционального состояния адресата. Новогодние обращения В. В. Путина отличаются обилием оценочных прилагательных и наречий с ярко выраженными коннотациями. *Мы столкнулись с колоссальными вызовами, но научились жить в таких жестких условиях, решать сложные задачи* [Путин 2021]; *Этот год мы прошли достойно* [Путин 2021].

Маркеры уверенности (бустеры) увеличивают иллюкативную силу высказывания: *Испытания и беды обязательно пройдут. Так было всегда* [Путин 2020]; *Убежден, все мы всё преодолеем* [Путин 2020].

Конструкции типа «глагол в прошедшем времени и глагол в настоящем / будущем времени» можно рассматривать как своеобразный бустер, демонстрирующий уверенность адресанта в правильности сообщаемой информации: *мы не позволяли и не позволим этого сделать* [Путин 2022]; *то, что мы сделали и делаем* [Путин 2022].

Такой эффект достигается, во-первых, благодаря повтору глагола, который повышает иллюкативную силу высказывания. Во-вторых, референция к прошлому, а затем к настоящему / будущему создает ощущение стабильности и постоянства, а оно, в свою очередь, является важным фактором благосостояния общества и страны.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ Э. МАКРОНА

Новогоднее обращение президента Франции Эмманюэля Макрона представляет собой заранее записанное обращение, которое транслируется по каналам национального телевидения и радиовещания 31 декабря в 20:00 по местному времени. Речь ведется от первого лица и достаточно продолжительна: от 13 (2023) до 18 (2019) минут.

Исследуемые тексты обращений имеют различную структуру и не подчиняются четким правилам построения ритуального жанра. Относительно неизменны лишь рамочные компоненты — вступительные и заключительные фразы, которые приобрели характер клише и присутствуют во всех текстах. Обращения вариативны, однако семантически и прагматически идентичны: *Françaises, Français, Mes chers compatriotes de l'hexagone et d'Outre-mer* [Macron 2019].

Обращение *mes chers compatriotes* используется не только во вступительной, но и в основной части речи, выполняя разделительную функцию и обозначая логический переход от одной мысли к другой.

Заключительные реплики неизменны: *Vive la République. Vive la France*. Исключение составляет обращение 2021 года, когда к традиционной формулировке была добавлена дополнительная реплика, построенная по аналогичной модели: *Vive notre Europe. Vive la République. Vive la France* [Macron 2021].

Количественно-статистический анализ лексических единиц из выбранного корпуса позволил выявить набор слов с высоким частотным показателем (таблица 2).

Таблица 2

Ключевые слова новогодних обращений Э. Макрона и их частота

Лексическая единица	2019	2020	2021	2022	2023
ensemble	2 (0,08)	4 (0,2)	1 (0,05)	8 (0,29)	2 (0,11)
nous	40 (1,73)	31 (1,55)	50 (2,57)	74 (2,64)	45 (2,48)
notre / nos	56 (2,42)	51 (2,55)	60 (3,08)	120 (4,28)	56 (3,08)
tous	4 (0,17)	3 (0,15)	8 (0,41)	4 (0,14)	2 (0,11)
vous	5 (0,21)	5 (0,25)	14 (0,72)	24 (0,86)	9 (0,5)
vos / votre	4 (0,17)	5 (0,25)	3 (0,15)	5 (0,18)	1 (0,06)
unité	6 (0,26)	2 (0,1)	1 (0,05)	3 (0,11)	1 (0,06)
solidarité solidaire	3 (0,13)	4 (0,2)	3 (0,15) 1 (0,05)	3 (0,11) 1 (0,04)	1 (0,06)

Окончание таблицы 2

Лексическая единица	2019	2020	2021	2022	2023
Europe	2 (0,08)	4 (0,2)	7 (0,36)	7 (0,25)	4 (0,22)
européen	3 (0,13)	5 (0,25)	2 (0,1)	3 (0,11)	3 (0,17)
France	9 (0,39)	7 (0,35)	11 (0,56)	13 (0,46)	11 (0,61)
français	6 (0,26)	3 (0,15)	1 (0,05)	2 (0,07)	6 (0,33)
République	4 (0,17)	2 (0,1)	2 (0,1)	1 (0,04)	4 (0,22)
compatriotes	5 (0,21)	4 (0,2)	5 (0,26)	4 (0,14)	5 (0,28)
Nation	5 (0,21)	5 (0,25)	5 (0,26)	10 (0,36)	8 (0,44)
national	7 (0,3)	1 (0,05)	2 (0,1)	6 (0,21)	
agir	1 (0,04)	2 (0,1)	3 (0,15)	1 (0,04)	10 (0,55)
bâtir	2 (0,08)	3 (0,15)	1 (0,05)	4 (0,14)	4 (0,22)
lutte	1 (0,04)	2 (0,1)		2 (0,07)	1 (0,06)
lutter	3 (0,13)	1 (0,05)	1 (0,05)	2 (0,07)	2 (0,11)
transformation	2 (0,08)	2 (0,1)		1 (0,04)	2 (0,11)
transformer	1 (0,04)	1 (0,05)		1 (0,04)	
épreuve	2 (0,08)	3 (0,15)	3 (0,15)	2 (0,07)	
vie	3 (0,13)	7 (0,35)	4 (0,21)	3 (0,11)	2 (0,11)
Histoire	2 (0,08)	1 (0,05)	1 (0,05)	1 (0,04)	3 (0,17)
historique		2 (0,1)			2 (0,11)
travail	6 (0,26)	2 (0,1)	1 (0,05)	10 (0,36)	
travailler	4 (0,17)	2 (0,1)	2 (0,1)		
démocratie	1 (0,04)		1 (0,05)	2 (0,07)	1 (0,06)
démocratique	1 (0,04)		1 (0,05)	2 (0,07)	
liberté	1 (0,04)	1 (0,05)	3 (0,15)	4 (0,14)	12 (0,66)
égalité	1 (0,04)	1 (0,05)	1 (0,05)	2 (0,07)	1 (0,06)
engagement	3 (0,13)	2 (0,1)	4 (0,21)	8 (0,29)	2 (0,11)
engager	2 (0,08)	3 (0,15)		1 (0,04)	2 (0,11)
justice	4 (0,17)			1 (0,04)	
juste	2 (0,08)			9 (0,32)	1 (0,06)
emplois	2 (0,08)	2 (0,1)	5 (0,18)	3 (0,11)	3 (0,17)

Отличительная особенность новогодних речей Э. Макрона — оппозиция «ценности — антиценности», ключевые противопоставляемые доминанты — *оптимизм* и *пессимизм*, которые отражают положительные и отрицательные стороны жизни страны. Э. Макрон всегда обращается к тем, кто встречает Новый год в кругу близких, и тем самым подчеркивает, что семья для французской нации — наивысшая ценность.

Для французской лингвокультуры особую значимость представляет концепт «работа». В обществе остро стоят социальные проблемы, среди которых нехватка рабочих мест, безработица и вызванный ими низкий уровень жизни, поэтому президент ежегодно обращается к этой теме и информирует граждан о ситуации на рынке труда. В его речи регулярно присутствуют слова *travail*, *engagement*, *emploi*, *poste*, *métier*, *carrière*, *chômage*.

С понятием *работа* глава государства связывает понятия *энергичность* и *изменение*. Первое подразумевает энтузиазм французского народа и его желание много работать ради достижения поставленных целей. Данная идея реализуется при помощи суще-

ствительных *énergie*, *enthousiasme*, *determination*, *encouragement*, что демонстрирует динамизм французов народа и установки на активную преобразовательную деятельность. Второе понятие представлено в тексте лексическими единицами с семантикой «изменение, трансформация, обновление, улучшение»: *progrès*, *changements*, *transformation*, *réinvention*. Э. Макрон использует грамматические возможности французского языка, присоединяя к существительным и глаголам префикс *re-* с семантикой «повторение, возобновление действия»: *...une politique de redécouverte du beau, de réinvention d'une qualité de vie* [Macron 2019]; *Aussi, je nous souhaite pour 2023 par notre travail et notre engagement d'œuvrer à refonder une France plus forte* [Macron 2022].

Концепт «образование» — один из ключевых в обращениях Э. Макрона — представлен лексическими единицами *école*, *enseignement*, *apprentissage*, *formation*, *éducation*, *professeurs*, *enseignants*, *éduquer*, *instruire*, *former*. Достойное образование позволяет получить хорошую работу, обеспечивает благосостояние.

Э. Макрон подчеркивает важность европейских ценностей, делая акцент на том, что глобальной ценностью является Европейский союз, основу которого составляют такие общественно-политические ценности, как *демократия (démocratie), права (droits), свобода (liberté), равенство (égalité), справедливость (fierté), уважение (respect), доверие (confiance)*. Франция — часть Европы, и сама страна представляет национальную ценность. Для ее обозначения используются разнообразные лексемы: *hexagone, pays, Etat, patrie, République, métropole, Outre-mer*. Э. Макрон формирует образ француза-патриота с высоким чувством национального достоинства — преданного, ответственного, гордого, исполненного любви к своей стране и к Европе, независимого, сильного, решительного (*fidèle, responsable, libre, indépendant, fier, fort, déterminé, ambitieux*). Говоря о духе французского народа, президент возвышает нацию (*Nation*) и высоко оценивает французскую ментальность и идентичность (*identité française*). Э. Макрон многократно подчеркивает, что французская нация извлекает уроки из событий прошлого и дорожит своей историей.

Одна из ключевых идей новогодних обращений — идея единства и сплоченности, благодаря которым нация способна преодолеть трудности и достичь поставленных целей. Национальный идеал Франции — сплоченная и солидарная страна (*pays uni et solidaire*). Данная идея реализуется за счет использования таких лексических единиц, как *unité, fraternité, solidarité, rassemblement, concorde, collectif, ensemble*.

Второй компонент оппозиции — антиценности — представлен в меньшем объеме. Концепт «насилие» представляется как главная общечеловеческая антиценность, которая несет угрозу стране, обществу и всему миру. Данный концепт раскрывается при помощи понятий *violence, mensonge, manipulation, force, terrorisme*. Кроме того, президент говорит об отрицательных качествах французского менталитета, недостойных интересах и убеждениях, препятствующих развитию и процветанию страны (*intérêt personnel, obscurantisme, complotisme, crainte, peur, angoisse, sentiment d'impuissance*), осуждает бездействие, смирение, отступление и нежелание бороться за свое благополучие: *Nous n'avons pas à nous adapter au cours des choses — ce n'est pas la France!* [Macron 2019].

В таком контексте двойное значение приобретает существительное *colère* — гнев. С одной стороны, неконтролируемый протест общества может оказать разрушитель-

ное действие, подорвать единство и государственные устои. С другой стороны, вовремя замеченный властью народный гнев становится движущей силой к позитивным изменениям. Поэтому в новогодней речи присутствует мотив борьбы, выраженный лексемами *combat, lutte, bataille*. Кроме того, президент обращается к историческим событиям и напоминает гражданам о Великой французской революции (*la Révolution*) и движении Сопротивления (*la Résistance*), призывая бороться с насилием, несправедливостью, ущемлением прав и свобод.

Наиболее частотная категория в новогодней речи Э. Макрона — маркеры взаимодействия, благодаря которым выражается идея единства и сплоченности. Ключевые риторические инструменты — притяжательные прилагательные первого лица множественного числа *notre / nos*, демонстрирующие чувство единения президента со страной, а также личные местоимения первого лица множественного числа *nous* (в различных синтаксических функциях): *Tout cela, c'est grâce à nous tous, grâce à notre esprit de résistance, notre solidarité, notre civisme, notre engagement et notre esprit d'entreprendre* [Macron 2021].

Персонализация адресата и эффект прямого взаимодействия достигаются благодаря использованию вокативов, а также местоимений второго лица множественного числа *vous* и притяжательных прилагательных *votre / vos*: *Je veux vous remercier de votre civisme* [Macron 2020].

Эффект прямого взаимодействия создается также благодаря использованию повелительного наклонения и побуждающих глагольных форм, содержащих призывы к активным совместным действиям и сохранению единства. Для вовлечения адресата в дискурс и его побуждения к действию президент обращается к побудительным и иногда восклицательным предложениям. Нередко глаголы в повелительном наклонении образуют ряды однородных сказуемых: *...regardons devant nous, regardons notre avenir, préparons dès aujourd'hui ce printemps 2021* [Macron 2020]; *Restons fidèles à nos valeurs, toujours. Intégrons mieux par la langue et le travail, protégeons les combattantes et les combattants de la liberté* [Macron 2022].

Особенность речевого поведения президента Франции — стратегия «я-дискурса», то есть высокая частотность местоимений и прилагательных первого лица единственного числа (маркеров *самореференции*). Цель — акцентировать внимание на личности говорящего, что свидетельствует о его высокой самооценке, уверенности в своих силах и

правильности своих точек зрения. Кроме того, такой выбор подчеркивает авторитетность и высокую роль президента в жизни страны. В новогодней речи используются преимущественно личное местоимение *je* и притяжательные прилагательные *mon / ma / mes*: *j'ai l'honneur de m'adresser a vous*; формулирование пожеланий: *je forme des vœux*; *je veux vous assurer que je ne céderai rien au pessimisme*; *consacrer toute mon énergie a transformer notre pays*; *je suis le garant de ce qui fait notre pays*.

Следующая по частотности категория метадискурсивных маркеров — бустеры. Э. Макрон может выражать уверенность напрямую, употребляя соответствующую лексическую единицу: *j'en suis convaincu*; *je le sais*; *sans doute*.

Для президента также типично использование слова-фразы *oui*: *Et je sais aussi pouvoir compter sur vous, mes chers compatriotes*, *oui* [Macron 2019]; *Oui, cette année 2020 a été difficile* [Macron 2020].

Среди продуктивных маркеров уверенности можно также выделить наречия *toujours* и *jamais* и другие лексические единицы с семантикой уверенности: *Et je vous le dis avec beaucoup de détermination ce soir* [Macron 2020]; *Je suis résolument optimiste pour l'année qui vient* [Macron 2021].

Своеобразным бустером можно считать частое использование существительного *devoir* (долг) и глагола *devoir* с модальным значением долженствования. Высказывания с данными лексемами обладают наибольшей иллокутивной силой и высокой степенью выраженной необходимости исполнять озвученные президентом предписания: *C'est pour notre jeunesse que nous devons continuer a agir* [Macron 2020]; *L'action est notre devoir pour les générations futures* [Macron 2023].

Их употребление основывается на идейном содержании новогоднего обращения: Э. Макрон призывает не забывать о понятии долга и говорит о превосходстве гражданского долга над гражданскими правами.

Категория маркеров отношения в новогодних обращениях Э. Макрона представлена не очень обширно, по сравнению с другими категориями метадискурсивных маркеров. В большинстве случаев она реализована при помощи оценочных прилагательных и наречий (иногда с коннотативными значениями), которые выражают отношение адресанта к пропозиции сообщения: как правило, президент оценивает уходящий год, эффективность принятых решений, а также прогнозирует характер событий наступающего года: *des décisions marquantes*; *ces bons chiffres*; *période si dure et injuste*.

Новогодние обращения президента Франции отличаются высокой степенью метафоричности. Образ пути (*chemin*), по которому страна идет к своему процветанию и благосостоянию, является доминирующим. *Ces choix, nous les ferons avec la conviction que la France a un chemin singulier, unique, a poursuivre* [Macron 2021].

Второй фундаментальный образ — образ строительства. Э. Макрон обращается к концепции построения будущего, в которой государство рассматривается как здание, развитие государства — как процесс строительства, президент, правительство и народ — как строители. Данная модель реализуется при помощи лексем (*re*)*bâtir*, *bâtisseurs*, *construire*, *construction*: *... rester fidèle a ce que nous sommes en bâtissant une société nouvelle* [Macron 2019]; *Sans l'Europe, nous n'aurions pas pu bâtir des plans de relance* [Macron 2021].

Среди идентификационных формул и приемов можно выделить вопросно-ответную форму изложения и анадиплосис. *Qui aurait pu prédire la vague d'inflation? Ou la crise climatique?* [Macron 2022]. *D'abord nous protéger. Protéger les plus vulnérables, protéger nos hôpitaux je suis résolument optimiste pour l'année qui vient. Optimiste pour notre Nation* [Macron 2021].

Постановка риторических вопросов делает речь президента Франции более эмоциональной, вносит интонационное разнообразие, создает эффект прямого диалога с аудиторией и позволяет достичь доверительного характера коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различия речевых портретов президентов России и Франции обусловлены прежде всего различиями в языковой картине мира двух политических лидеров. Как правило, в речи президентов наиболее частотны понятия, отражающие политические концепты (ключевые элементы национально-политического сознания), а также ценности материальной, духовной и социальной жизни. Президенты опираются на одни и те же ценностные доминанты, однако трактуют их по-разному. Например, говоря о патриотизме, Э. Макрон моделирует представление о Франции как о стране демократии, справедливости, свободы и права. Такая национальная самоидентификация и политическое позиционирование не присущи российской президентской риторике: под патриотизмом В. В. Путин подразумевает служение Родине и защиту национальных интересов. Заметим, что речь президента Франции в значительно большей степени идеологизирована,

насыщена терминами политического дискурса, упоминаниями ценностей материальной культуры. В речи В. В. Путина преобладают лексические единицы, обозначающие духовно-нравственные ценности.

Оба президента обращаются к оппозиции «трудности/достижения». Несмотря на то, что описываются трудные периоды жизни страны и упоминаются драматические события, адресанты формируют положительный образ настоящего, а достигнутые результаты характеризуются как позитивные, что отражает концепт «оптимизм». При этом эксплицитно подчеркивается связь достижений страны с совместными усилиями граждан.

Рассматривая коммуникативную составляющую речевых портретов, отметим высокую степень их категоричности и диалогичности, которая достигается благодаря использованию метадискурсивных маркеров с высоким прагматическим потенциалом. Анализ показал, что частота использования различных категорий метадискурса в речи президентов неодинакова.

Коммуникативное ядро каждой из выборов составляют маркеры взаимодействия. Их использование подчинено идейному содержанию обращений: вовлечь адресата в дискурс, выразить идею сплоченности и общности адресанта и адресата, побудить к совместным действиям. Главе государства важно создать социально одобряемый образ, проявить участие, продемонстрировать свое сотрудничество с народом, представить себя в роли коагенса — лица, осуществляющего действие вместе с агенсом (нацией). Использование бустеров активизирует воздействующий и убеждающий потенциал новогоднего обращения и способствует закреплению доминантных идей на когнитивном уровне адресата.

Специфика исследуемого жанра обусловила достаточно частое использование маркеров отношения. Оценка событий и явлений уходящего года осуществляется преимущественно с помощью оценочных прилагательных и наречий, которые зачастую имеют положительное или отрицательное коннотативное значение.

Для речи президентов типично избегание хеджирования, поскольку маркеры сомнения снижают категоричность высказываний и неприемлемы для главы государства, который опирается на факты и достоверные знания и нацелен убедить аудиторию в правильности своих суждений.

Значительное различие речевых портретов наблюдается в использовании маркеров самореференции: Э. Макрон придерживается концепции «я-дискурса», а В. В. Путин ис-

пользует данную категорию метадискурса достаточно ограниченно, делая выбор в пользу местоимений первого лица множественного числа.

Идентификацию языковой личности обеспечивает и выбор изобразительно-выразительных языковых средств, речевых формул и специфических оборотов. Они придают тексту экспрессивность, повышают иллокутивную силу высказываний, обладают значительным персуазивным эффектом, что обеспечивает эффективность коммуникации между главой государства и обществом. В использовании президентами некоторых средств выразительности (лексический повтор, анафора, антитеза, парцелляция, синтаксический параллелизм, ряды однородных членов предложения) были обнаружены сходства, однако присутствуют и «имиджевые» речевые обороты и формулы, делающие конкретную языковую личность уникальной и узнаваемой.

ИСТОЧНИКИ

1. Путин, В. В. Новогоднее обращение к гражданам России // Президент России. — Москва, 2019. — 31 декабря. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62523> (дата обращения: 17.02.2024). — Текст : электронный.
2. Путин, В. В. Новогоднее обращение к гражданам России // Президент России. — Москва, 2020. — 31 декабря. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64852> (дата обращения: 17.02.2024). — Текст : электронный.
3. Путин, В. В. Новогоднее обращение к гражданам России // Президент России. — Москва, 2021. — 31 декабря. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67514> (дата обращения: 17.02.2024). — Текст : электронный.
4. Путин, В. В. Новогоднее обращение к гражданам России // Президент России. — Москва, 2022. — 31 декабря. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70315> (дата обращения: 17.02.2024). — Текст : электронный.
5. Путин, В. В. Новогоднее обращение к гражданам России // Президент России. — Москва, 2023. — 31 декабря. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73200> (дата обращения: 17.02.2024). — Текст : электронный.
6. Macron, E. Vœux 2020 aux Français // Élysée. — 2019. — 31 décembre. — URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/12/31/voeux-2020-aux-francais> (дата обращения: 4.03.2024).
7. Macron, E. Vœux 2021 aux Français // Élysée. — 2020. — 31 décembre. — URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/12/31/voeux-2021-aux-francais> (date of access: 4.03.2024).
8. Macron, E. Vœux 2022 aux Français // Élysée. — 2021. — 31 décembre. — URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/12/31/voeux-2022-aux-francais> (date of access: 4.03.2024).
9. Macron, E. Vœux 2023 aux Français // Élysée. — 2022. — 31 décembre. — URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/12/31/voeux-2023-aux-francais> (date of access: 4.03.2024).
10. Macron, E. Vœux aux Français pour 2024 // Élysée. — 2023. — 31 décembre. — URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/12/31/voeux-aux-francais-pour-2024> (date of access: 4.03.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамова, Е. К. Новогодние обращения Эммануэля Макрона: особенности композиции и содержания / Е. К. Абрамова, О. А. Агаркова. — Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — №3 (76). — С. 351–356.
2. Баскакова, В. А. Сопоставительный анализ ритмических характеристик президентских дискурсов В. В. Путина и

- Э. Макрона / В. А. Баскакова, Е. И. Бойчук. — Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. — 2022. — № 1. Ч. 2. — С. 344–356.
3. Богинская, О. А. Опыт метадискурсивного анализа новогодних обращений президента России / О. А. Богинская. — Текст : непосредственный // *Crede Experto*: транспорт, общество, образование, язык : междунар. информационно-аналитический журн. — 2023. — № 1 (36). — С. 166–181.
4. Ершова, К. В. Речевой портрет британского политика XXI века / К. В. Ершова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6 (102). — С. 88–96.
5. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Филохрестоматия, 1995. — 114 с. — Текст : непосредственный.
6. Кондратьева, О. Н. Лингвополитическая персонология (метафорический ракурс исследования) / О. Н. Кондратьева, В. А. Каменева. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 78–96.
7. Ласица, Л. А. Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса / Л. А. Ласица. — Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 1 (201). — С. 19–24.
8. Нестеренко, Е. Ю. Прагматика обращений в рождественских и новогодних поздравительных речах первых лиц России и США / Е. Ю. Нестеренко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 94–102.
9. Никифорова, М. В. Лингвополитическая персонология: методологические основы и методики анализа / М. В. Никифорова, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2017. — № 1 (25). — С. 22–29.
10. Осетрова, Е. В. Речевой портрет политического деятеля: содержательные и коммуникативные основания / Е. В. Осетрова. — Текст : непосредственный // Лингвистический ежегодник Сибири. — 1999. — Вып. 1. — С. 58–67.
11. Ослопова, В. Ю. Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса / В. Ю. Ослопова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 329. — С. 19–22.
12. Плетнева, О. Д. Современный политический дискурс в аспекте теории риторической аргументации: на материале текстов выступлений В. В. Путина и Э. Макрона / О. Д. Плетнева. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — Вып. 7. — С. 296–301.
13. Попова, Т. Г. Речевой портрет Терезы Мэй: вербально-семантическая составляющая / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 121–129.
14. Сладкевич, Ж. Р. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентом России, Беларуси и Польши за 2000–2015 гг.) / Ж. Р. Сладкевич. — Текст : непосредственный // Political science (RU). — 2016. — №3. — С. 163–193.
15. Снигирева, О. М. Речевой портрет политического лидера Германии А. Меркель (на материале новогодних обращений) / О. М. Снигирева, Т. С. Талалай. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 2 (135). — С. 161–164.
16. Тамерьян, Т. Ю. Синкретичность жанра новогоднего поздравления: билингвальное ранжирование и стратегические интенции / Т. Ю. Тамерьян, Т. Г. Рахматулаева. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2020. — № 4. — С. 32–43.
17. Чудинов, А. П. Российская лингвополитическая персонология: исследование образов политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова. — Текст : непосредственный // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9. — № 1. — С. 14–31.
18. Юэлинь, Л. Сравнительный текстовый анализ новогодних обращений глав Российской Федерации и Китайской Народной Республики в аспекте лингвокультурологии / Л. Юэлинь, Ч. Ливэй. — Текст : непосредственный // Неофилология. — Тамбов, 2022. — С. 261–275.
19. Hyland, K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing* / K. Hyland. — London : Continuum, 2005. — 240 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Putin, V.V. (2019). *Novogodnee obrashchenie k grazhdanam Rossii*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62523> (In Russ.)
2. Putin, V.V. (2020). *Novogodnee obrashchenie k grazhdanam Rossii*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64852> (In Russ.)
3. Putin, V.V. (2021). *Novogodnee obrashchenie k grazhdanam Rossii*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67514> (In Russ.)
4. Putin, V.V. (2022). *Novogodnee obrashchenie k grazhdanam Rossii*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70315> (In Russ.)
5. Putin, V.V. (2023). *Novogodnee obrashchenie k grazhdanam Rossii*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73200> (In Russ.)
6. Macron, E. (2020). *Vœux 2020 aux Français*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/12/31/voeux-2020-aux-francais>
7. Macron, E. (2021). *Vœux 2021 aux Français*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/12/31/voeux-2021-aux-francais>
8. Macron, E. (2022). *Vœux 2022 aux Français*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/12/31/voeux-2022-aux-francais>
9. Macron, E. (2023). *Vœux 2023 aux Français*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/12/31/voeux-2023-aux-francais>
10. Macron, E. (2024). *Vœux aux Français pour 2024*. Retrieved May 10, 2024, from <http://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/12/31/voeux-aux-francais-pour-2024>

REFERENCES

1. Abramova, E.K., et al. (2019). Novogodnie obrashcheniya Emmanuelya Makrona: osobennosti kompozitsii i sodержaniya [Emmanuel Macron's New Year speeches: the features of composition and its contents]. *Mir nauki kul'tury, obrazovaniya*, 3(76), 351–356. (In Russ.)
2. Baskakova, V.A., et al. (2022). Sopotavitel'nyj analiz ritmicheskikh harakteristik prezidentskih diskursov V. V. Putina i E. Makrona [Comparative analysis of the rhythmic characteristics of V.V. Putin and E. Macron's presidential discourses]. *Prepodavatel' XXI vek*, 1 (part 2), 344–356. (In Russ.)
3. Boginskaya, O.A. (2023). Opyt metadiskursivnogo analiza novogodnih obrashchenij prezidenta Rossii [Metadiscourse analysis of New Year's Addresses of the Russian president]. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk*, 1(36), 166–181. (In Russ.)
4. Ershova, K.V. (2023). Rechevoj portret britanskogo politika XXI veka [Speech Portrait of a British Politician of the 21st Century]. *Political linguistics*, 6(102), 88–96. (In Russ.)
5. Kitajgorodskaya, M.V., et al. (1995). *Russkij rechevoj portret* [Russian speech portrait]. Moscow: Fonohrestomatiya, 114 p. (In Russ.)
6. Kondrat'eva, O.N., et al. (2020). Lingvopoliticheskaya perso-nologiya (metaforicheskij rakurs issledovaniya) [Linguo-political Personology (Metaphorical Perspective of Research)]. *Nauchnyj dialog*, 1, 78–96. (In Russ.)
7. Lasica, L.A. (2017). Novogodnee obrashchenie glavy gosudarstva: semanticheskie osobennosti ritual'nogo zhanra politicheskogo diskursa [New Year's address of the head of state: semantic features of the ritual genre of political discourse]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(201), 19–24. (In Russ.)
8. Nesterenko, E.Yu. (2023). Pragmatika obrashchenij v rozhdstvenskih i novogodnih pozdravitel'nyh rechah pervyh lic Rossii i SSHA [The pragmatics of appeals in Christmas and New Year's greetings to the first persons of Russia and the USA]. *Political linguistics*, 3(99), 94–102. (In Russ.)
9. Nikiforova, M.V., et al. (2017). Lingvopoliticheskaya perso-nologiya: metodologicheskie osnovy i metodiki analiza [Lingua-

political personalization: methodology and methods of analysis]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 1(25), 22–29. (In Russ.)

10. Osetrova, E.V. (1999). Rechevoj portret politicheskogo deyatelya: sodержatel'nye i kommunikativnye osnovaniya [Speech portrait of a politician: content and communication grounds]. *Lingvisticheskij ezhegodnik Sibiri*, 1, 58–67. (In Russ.)

11. Oslopova, V.Yu. (2009). Novogodnee obrashchenie glavy gosudarstva k narodu kak zhanr politicheskogo diskursa [The New Year's address of the head of state to the people as a genre of political discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 329, 19–22. (In Russ.)

12. Pletneva, O.D. (2020). Sovremennyy politicheskij diskurs v aspekte teorii ritoricheskoy argumentacii: na materiale tekstov vystuplenij V. V. Putina i E. Makrona [Modern political discourse in the aspect of theory of rhetorical argumentation: on the material of speeches by V. V. Putin and E. Macron]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 13(7), 296–301. (In Russ.)

13. Popova, T.G., et al. (2020). Rechevoj portret Terezy Mej: verbal'no-semanticheskaya sostavlyayushchaya [Speech Portrait of Theresa May: Verbal-Semantic Component]. *Political linguistics*, 5(83), 121–129. (In Russ.)

14. Sladkevich, Zh.R. (2016). Organizaciya semioticheskogo prostranstva novogodnego pozdravleniya prezidenta (na materiale novogodnih obrashchenij prezidentov Rossii, Belarusi i Pol'shi za 2000–2015 gg.) [The organization of the semiotic space of the New Year's president's greetings (based on the New Year mes-

sages of the presidents of Russia, Belarus and Poland in 2000–2015)]. *Political science (RU)*, 3, 163–193. (In Russ.)

15. Snigireva, O.M., et al. (2019). Rechevoj portret politicheskogo lidera Germanii A. Merkel' (na materiale novogodnih obrashchenij) [Speech portrait of the political leader of Germany A. Merkel (illustrated by New Year's Addresses)]. *Izvestiya VGPU*, 2(135), 161–164. (In Russ.)

16. Tamer'yan, T. Yu., et al. (2020). Sinkretichnost' zhanra novogodnego pozdravleniya: bilingval'noe ranzhirovanie i strategicheskie intencii [Syncretism of the New Year's Greetings Genre: Bilingual Ranking and Strategic Intentions]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 4, 32–43. (In Russ.)

17. Chudinov, A.P., et al. (2018). Rossijskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie obrazov politicheskikh liderov [Russian Linguopolitical Personology: Political Leaders' Discourse]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 14–31. (In Russ.)

18. Yuelin', L., et al. (2022). Sravnitel'nyj tekstovyy analiz novogodnih obrashchenij glav Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki v aspekte lingvokul'turologii [Comparative textual analysis of New Year's speeches of the heads of the Russian Federation and the People's Republic of China in linguistic and cultural aspects]. In *Neofilologiya* (pp. 261–275). (In Russ.)

19. Hyland, K. (2005). *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London: Continuum, 240 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'27+81'42+81'38
ББК Ш100.621+Ш105.51+Ш105.551.5

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Наталья Михайловна Усенко^{1,2}

¹ Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия, saleks1966@mail.ru, SPIN-код: 4128-0301, <https://orcid.org/0000-0002-5075-5693>

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Потенциальное слово как знак авторских интенций: социолингвистические проекции

АННОТАЦИЯ. Потенциальные слова, или, по другой терминологии, элиминированные лакуны, — феномен, хорошо известный после работ Г. О. Винокура и А. А. Зализняка и достаточно подробно исследованный. Установлено, что такие единицы всегда интенциональны и передают прагматические значения. В данной статье акцент делается на социолингвистической составляющей семантического содержания потенциальных слов, их обусловленности социально-политическими процессами. Доказывается, что восполнение свободной ячейки в лексико-грамматической системе языка детерминировано социолингвистическими факторами, а не только индивидуальными интенциями отправителя речи в рамках конкретного текста, и поэтому адекватное понимание потенциальных слов возможно только с учетом пресуппозиций, фоновых знаний. Что касается потенциальных слов, например, окказиональных девербатов, то они, не имея устойчивой синтагматики, еще более связаны со всеми экстралингвистическими факторами, под влиянием которых они стали использоваться. Тема бездуховности и потребительства в нашей публицистике обсуждается очень активно, особенно после начала СВО. Потенции языка способны приобрести системную вербальную форму, отражающую актуальное содержание. Потенциальные слова (элиминированные лакуны) — это когнитивно-мотивированные и социально обусловленные компоненты языковой системы для передачи всей палитры коннотаций. Материалом статьи послужили актуальные тексты (в основном — медиа 2021–2023 гг.), в которых использованы потенциальные слова (элиминированные лакуны). Осуществлен максимально широкий учет экстралингвистических, психолингвистических и когнитивных факторов, определяющих семантику и прагматику исследуемых единиц. Помимо традиционного индуктивно-дедуктивного метода, применялась социолингвистическая методика, основанная на корреляции языковых и социальных явлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, социолингвистика, лингвопрагматика, лексические лакуны, грамматические лакуны, потенциальные слова, окказионализмы, интенциональность, элиминированные лакуны, социально-политические процессы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Усенко Наталья Михайловна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, декан факультета лингвистики и журналистики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ); 344002, Россия, Ростов-на-Дону, Б. Садовая ул., д. 69; доцент кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10; email: saleks1966@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Усенко, Н. М. Потенциальное слово как знак авторских интенций: социолингвистические проекции / Н. М. Усенко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 190–197.

Nataliya M. Usenko^{1,2}

¹ Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, saleks1966@mail.ru, SPIN code: 4128-0301, <https://orcid.org/0000-0002-5075-5693>

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

Potential Word as a Sign of Author's Intentions: Sociolinguistic Projections

ABSTRACT. Potential words, or, in another terminology, eliminated lacunae, constitute a phenomenon well known after the works by G.O. Vinokur and A.A. Zaliznyak and have been studied in detail. It has been found that such units are always intentional and express pragmatic co-meanings. This article focuses on the sociolinguistic constituent of the semantic content of potential words and their dependence on socio-political processes. The author argues that the filling of a free cell in the lexico-grammatical system of a language is determined by sociolinguistic factors, and not only by the individual intentions of the speaker within a specific text, and therefore adequate understanding of potential words is possible only taking into consideration presuppositions and background knowledge. As for potential words, for example, occasional deverbatives, they, having no stable syntagmatics, are even more closely connected with all extralinguistic factors, under the influence of which they began to be used. The topic of lack of spirituality and consumerism in our publicistics is very popular today, especially after the beginning of the special military operation. Language potencies can acquire a systemic verbal form reflecting the actual content. Potential words (eliminated lacunae) are cognitively motivated and socially conditioned components of the language system for expressing the entire range of connotations. The practical research material of the article comprises real texts (mainly from media of 2021-2023), which contain potential words (eliminated lacunae). The study takes into consideration the widest possible set of extralinguistic, psycholinguistic and cognitive factors determining the semantics and

pragmatics of the units under analysis. In addition to the traditional inductive-deductive method, the author uses sociolinguistic techniques based on the correlation of linguistic and social phenomena.

KEYWORDS: Russian writers, literary creative activity, literary genres, literary plots, literary images, novels, Russian culture, Russian people, Russian people identity, translation studies, translation, translated literature, literary translation, translation techniques, translation principles, realities of Russian culture, English language, English translations, French language, French translations, translators.

AUTHOR'S INFORMATION: Usenko Nataliya Mikhailovna, Candidate of Art Studies, Associate Professor of Department of Foreign Languages for Humanities, Dean of the Faculty of Linguistics and Journalism, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia; Associate Professor of the Mass Communications Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Usenko N. M. (2024). Potential Word as a Sign of Author's Intentions: Sociolinguistic Projections. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 190-197. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Такое фундаментальное свойство языковой системы, как асимметрия означающего и означаемого, предопределяет существование в этой системе незаполненных, пустых ячеек. Единицы, которыми заполняются пустые ячейки, интересны с точки зрения их семантических и прагматических потенциалов в языке, и этой проблематике посвящены многочисленные исследования [Акай 2020, 2021; Беляева 2021; Куликова 2020 и мн. др.]. В связи с потенциальными словами были высказаны идеи обогащенной системности, в терминологии М. Н. Эпштейна [Эпштейн 2016] эта обогащенная системность получила обозначение «сверхряд» / «сверхпарадигма». Логично предположить, что компенсация тех или иных лексических, лексикограмматических или даже собственно грамматических лакун осуществляется под влиянием лингвокультурологических и социально-политических условий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом статьи послужили актуальные тексты (в основном — медиа 2021–2023 гг.), в которых использованы потенциальные слова (элиминированные лакуны). Осуществлен максимально широкий учет экстралингвистических, психолингвистических и когнитивных факторов, определяющих семантику и прагматику исследуемых единиц. Помимо традиционного индуктивно-дедуктивного метода, применялась социолингвистическая методика, основанная на корреляции языковых и социальных явлений.

ДИСКУССИЯ

Самые традиционные единицы, имеющие вполне сформированную семантику и прагматику, под влиянием экстралингвистических факторов могут приобретать совсем новое звучание. Ср. газетный заголовок: *Предотвратили 11 массовых концертов в Ростове* и фрагмент статьи: *Только в Ростове удалось предотвратить в пятницу, субботу и воскресенье 11 массовых*

концертов (Комсомольская правда, 13 октября 2021 г.). Это сообщение, без учета прежних реалий — пандемии коронавируса, представляется абсурдным. Сегодня сочетание *предотвратили концерт* было бы малопонятным.

Что касается потенциальных слов, например, окказиональных девербатов, то они, не имея устойчивой синтагматики, еще более связаны со всеми экстралингвистическими факторами, под влиянием которых вообще были вызваны из небытия. Когда политолог Е. Евстафьев использует слово *выживальщики* для характеристики «грамотных потребителей», которых активно формировала общественная жизнь 90-х и начала 2000-х гг., за этим новообразованием стоят многие социальные атрибуты. *Выживальщики* противопоставлены людям, у которых есть общественно значимая цель, есть мечты за пределами сферы потребления. Д. Евстафьев считает: нам надо *вспомнить, что мы не выживальщики, а потомки первопроходцев и космонавтов, не смотрители музея «славного прошлого», а люди, способные на великие подвиги, и не только в бою* (Д. Евстафьев. «Все решается, а счастья нет» // Литературная газета, 2021, № 27. С. 3).

Тема бездуховности и потребительства в нашей публицистике обсуждается очень активно, особенно после начала СВО [Брусенская, Котаева 2022; Куликова, Тедеева 2022, 2023], однако при этом используются, как правило, традиционные обозначения (ср., например, содержательную статью И. Кабыш под названием «Здравствуй, племя **обывателей!**» // Литературная газета, 2022, № 24. С. 9). Д. Евстафьев нашел новое слово с ироничной модальностью, которое очень точно передает суть явления, но может быть правильно понято только с учетом широкого социального контекста.

Как известно, девербаты всегда анализировались как скрытая предикация. Но, очевидно, их можно рассматривать и в качестве пропозиции. Пропозиция (от лат. *propro-*

sitio — предложение, и первоначально в логике термин использовался в значении ‘суждение’) есть тип содержания единицы языка, представляющий собой мысленный образ языковой ситуации как сущности, которая характеризуется временным параметром, причем пропозициям противопоставлены предметные смыслы — образы предметов с пространственными параметрами. Термин «пропозиция» далек от однозначности и определенности — ему даже отказывали в праве на существование или отождествляли с диктумом. Закрепились, однако, терминологические сочетания «пропозициональная структура», «пропозициональная функция», «пропозициональные установки» и ряд других. Этот термин может быть применен к окказиональным девербативам и окказиональным единицам, созданным на основе глагольного словосочетания.

Пропозиция может быть рассмотрена с точки зрения «смыслообразующей функции, как один из генераторов этнокультурных смыслов». Это понятие «определяется как семантическая структура речевого знака, объединяющая денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит ведущая роль» [Седых 2008: 52]. И далее: «пропозитивная структура — это картинка определенным образом соположенных „предметов мысли“ и „предметных ситуаций“, отражающих фрагмент реальной или психологической картины мира в виде конфигураций семантических компонентов» (там же). В окказиональных девербативах соединяются модус, обладающий собственно модальной семантикой, и диктум, обозначающий событийную рамку. Термин «пропозиция» определяет обобщенную семантику предложения / высказывания, в том числе коннотативные и образные компоненты. Ср.:

*Вот и Трамп победил именно потому, что он пассионарий, и американские избиратели это почувствовали. Было сразу видно по дебатам: Клинтон профессионально имитировала энергию, а он ее излучал. Если наши государственные мужи и думские **заседальцы** полагают, что мы не понимаем, кто излучает, а кто умело имитирует, они ошибаются. А вот мы на следующих выборах постараемся не ошибиться... (Ю. Поляков. «Ищу пассионариев во власти. С фонарем...» // Ю. Поляков. «Перелетная элита», 2019. М.: Книжный мир, 2019. — С. 142); Чужая речь — это речь побеждённых. Языком, состоящим из несвойственных нашему сознанию понятий, легко управлять. С помощью инородных слов можно сломать хребет нации, переустановить её, заставить быть «другой». Вот*

*почему сегодняшние **речегубцы** — завтрашние губители страны. Отсюда ясно: без очищенной от чужемыслия речи и всей системы языка полной победы на фронтах внутренних и внешних не жди! (Б. Евсеев. «Несуверенная речь» // Литературная газета, 2023, № 32. С. 6); Мое глубокое убеждение: всю систему работы с творческой молодежью нужно срочно выводить из-под влияния «грантокрации»... В противном случае через несколько лет «сеять разумное, доброе, вечное» будет просто некому. Вместо творческой интеллигенции мы получим корыстную ораву **грязеведов** и наркотрегеров (Ю. Поляков. «Быть русским в России». М.: АО «Издательский дом „Аргументы недели“», 2020. С. 433); Вспомните попытку полководцев Великой Отечественной (ее как раз стали тогда именовать **пребрежительно** — **ВОВ**) представить этаками бездарными **кровопроливцами!** (Ю. Поляков. «Следующая станция „Эйзенхауэрская“» // Ю. Поляков. «Босх в помощь!», М.: Книжный мир, 2019. С. 483); В данном случае придумана история из жизни юного Остапа Бендера, его отца, матери, а также некоторых других знаковых персонажей прозы знаменитых одесситов. Здесь в соответствии со вкусами продюсеров не трактуются и не переписываются известные классические произведения, они дописываются. А именно мы видим их приключения во время Гражданской войны, когда Бендеру было 17 лет. Так что желание сразу пригвоздить **драмоделов** к позорному столбу уступило интересу, какое же происхождение сценарист Олег Маловичко придумает Остапу? (А. Кондрашов. «Бендер-лайт или Япончик-Плаза // Литературная газета, 2021, № 27. С. 27); Майданутая публика так шибко приуныла, что на Зе-ТВ позвали конченного русофоба и просто дурачка Свитана, который как-то раз ляпнул, что это предки Бандеры выкопали Чёрное море... Нет нужды цитировать **бредоносца**... Цит. по: Бойкова, 2023: 389–393).*

Ясно, что «в окказиональных словах ярче, чем в узуальных, эксплицируется результат креативной деятельности человека, обладающего свободой выбора средств познания и интерпретации реальности» [Красникова 2004: 4]. Ср.:

Российская информационная среда, большая карго-культурой, разносила конкретные публикации — например, Financial Times написала, что украинское контрнаступление буксует и не оправдывает надежд, The New York Times пишет, что лежавшие в основе контрнаступления фантазии вообще не могут быть воплощены в жизнь,

а *The Wall Street Journal* говорит, что контрнаступление вообще отменили и правильно сделали. Словом, **блицхрюк** не удался (И. Титов. «Хохломагия» // Завтра, 2023, № 24. С. 2).

Нередко окказиональный пейоратив помещается в сильную заголовочную позицию, задавая тон всему тексту:

Д. Попов. «Расследование „расследователя“» // Московский комсомолец, 26 июля 2022 г. С. 3. Здесь речь идет о Христо Грозеве и его «методике» — *участвуешь в провокации спецслужб, а потом выдаешь «расследование»*. Самые громкие его «расследования» — «отравление» Скрипалей, Навального.

Губернаторопад не ожидается — заголовков статьи Е. Скворцовой (Собеседник, 2023, № 31. С. 5) — о том, что резких кадровых изменений в губернаторском корпусе не будет. Ср. также название заметки без обозначения авторства **Грантоеды**. Лид: *Близкие к властям деятели искусства захватили рынок президентских грантов* (Собеседник, 2021, № 7. С. 9).

Мелиоративные обозначения среди окказиональных девербативов единичны и, как правило, относятся к архаичной лексике, вышедшей из стандартного употребления (именно вследствие этого они и воспринимаются как окказиональные образования). Таково старое слово **заботник**, которое часто использует в своей публицистике Ю. Поляков:

— Я алармистом побыл. Дело хорошее, хотя и хлопотное. А сейчас важен писатель-**заботник**, потому что есть масса проблем, связанных с выживанием нации (Орехов И. Интервью с Ю. Поляковым «В разрушении советской власти не раскаиваюсь»).

Потом, время от времени натываясь на передачу «Ничего личного» в эфире, я стал замечать, что почти всегда она протекает по одному сценарию: традиционная точка зрения торжествует вначале, а потом, несмотря на усилия «**заботников**», в конце концов оказывается посрамлена «неформалами» (Ю. Поляков. «Ничего личного, но молчать не могу!» // Ю. Поляков. «Босх в помощь!», М.: Книжный мир, 2019. С. 523).

Затем с помощью этого слова стали аттестовать и самого Юрия Полякова, ср.:

Уместно, хотя вряд ли будет услышано недоброжелателями, и авторское предупреждение: «Не волнуйтесь, друзья, автор — не русский националист, а, скорее, русский **заботник** — есть у Даля такое хорошее слово» (Г. Красников. «Мужест-

венная книга» // Литературная газета, 2021, № 11. С. 16. Речь идет о книге Ю. Полякова «Желание быть русским»).

Интересно, что Ю. Поляков настойчиво возвращает в общий обиход еще один архаизм, который оказался чрезвычайно актуальным в эпоху СВО, — **врагоугодничество**, **врагоугодник**. Сам Ю. Поляков объяснил семантическое и прагматическое содержание этого наименования в своем интервью:

Юрий Михайлович, с началом событий на Украине вы в соцсетях опубликовали статью «Почём вы, мастера культуры?» Там говорится о талантливых предателях, которые бьют в спину нашим солдатам. Откуда возник термин «врагоугодничество»?

— Слово «**врагоугодники**» встречается у Пушкина в «Борисе Годунове». **Врагоугодничество** — это странное явление. Его практически нет на Западе. Там за действия своей страны, пусть даже ошибочные и явно несправедливые, встают горю. У нас по-другому. Уходит это корнями в давнее наше западничество, когда ещё Чаадаев стеснялся византийского следа в русской истории. Уходит это в период революционных сумятиц, когда значительное число людей, носителей государственного, русского национального сознания, были убиты, бежали в эмиграцию, чтобы спасти жизнь близких, или надолго стали лишенцами... Особенность лишенства в том, что нельзя было получить высшее образование. Получилось, что в нашей интеллигенции не так много тех, для кого интересы государства и народа безусловны. Правда, советская власть воспитала новых государственников. Но их же отстранили в 90-е годы, и им на смену пришли воспитанники «Голоса Америки» и ВВС, которые довели страну.

Потенциальные слова могут с течением времени стать узуальными (понаехавшие) или сохранить окказиональность. Единицы, ставшие узуальными, иногда дают толчок (повод, схему) для формирования на их основе новых нестандартных единиц. Ср. заголовков *Поухали тут!* (Московский комсомолец, 10 ноября 2022 г. С. 3) — речь идет о массовом отъезде на родину после начала СВО мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Армении. Как известно, периоды наибольшей социально-политической активности создают предпосылки для усиления взаимодействия языка и социума. Одним из проявлений этого взаимодействия выступают многочисленные окказиональные образования, понятные только с учетом соответствующих фоновых знаний.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Когда Г. О. Винокур в работе «Маяковский — новатор языка» объяснял, что такое потенциальное слово («то, что дано в языке подспудной жизнью, дано как намек в системе языка, прорывается наружу» — [Винокур 1959: 15]), он приводил пример *китиха* от *кит*. Действительно, родовые корреляты от эпиценов — это значительный пласт потенциальных слов. Ср.:

Ликуйте, любители животных! Завидуйте, братья-журналисты! У «Комсомольской правды» появился собственный леопард. Точнее, леопардесса (Е. Сазонов. «У «Комсомолки» появился свой леопард» // Комсомольская правда, 11 апреля 2023 г. С. 3).

Но еще более масштабный характер имеют потенциальные феминитивы от маскулинных наименований лиц по процессии, роду занятий и т. п. Вся история феминитивов в русском языке на протяжении 300 лет указывает на зависимость этой лексики от социально-политических реалий. Ср. характерные для XIX в. феминитивы, характеризующие лиц женского пола по политическим взглядам и принадлежности к общественным движениям и партиям: *дарвинистка, непротивленка, нигилистка, славянофилка, либералка, яacobинка*. Представляющиеся сегодня неологизмами формы типа *адвокатка, юристка, филологичка* были в ходу еще в XIX в. и использовались в институциональной коммуникации.

Первые годы советской власти вызвали к жизни многочисленные женские корреляты типа *трактористка, шахтерка, бригадирка, птицеводка, красноармейка, вузовка, втузовка*, которыми обозначались новые роли женщин в стране строящегося социализма.

Конечно, не надо думать, что всегда пространенность профессии среди женщин автоматически влечет за собой популярность феминитива (ср. слова типа *врач, доктор, инженер*, которые до сегодняшних дней остаются в норме словами мужского рода).

Сегодня «актуальным трендом развития коммуникативного пространства стал женский общественный активизм, выражающийся в просветительской и правозащитной деятельности по вопросам статуса женщины в социуме, искоренения дискриминации по гендерному признаку» [Захарчук 2021: 379]. Гендерные исследования стали модным трендом в гуманитарных науках, а исследования феминитивов — в лингвистике вообще и в русистике в частности [Брусенская 2023; Васильева 2016; Захарчук 2021; Кобяков 2022; Куликова 2020; Куликова, Акай, Тедеева 2022; Мазикина 2020; Миретина 2011; Акай 2020; Guzaerova 2018 и мн. др.].

Действительно, последние два десятилетия феминные обозначения увеличились количественно и значительно расширили сферу своего применения. В труде М. В. Панова «Позиционная морфология русского языка» [Панов 1999: 238] в качестве лексем, у которых отсутствует «параллельное название для женщин», рассматриваются лексемы: *проводник, корреспондент, представитель*. Спустя два десятилетия это наблюдение явно устарело. Ср. также: «...если еще несколько лет назад слово *авторка* можно было встретить только в узком кругу активисток, то сейчас *блогерки, кураторки и организаторки* становятся мейнстримом», — пишет М. Бобылева [Бобылева 2021: 211]. В официальных документах Московского Международного кинофестиваля 2019 г. зафиксирована форма *режиссерка*. Всего несколько десятилетий назад это была сугубо мужская профессия, женщин-режиссеров были единицы.

Но эти логичные с точки зрения социальных реалий формы все-таки нередко воспринимаются как порча, деструкция. Однако медийная практика настойчиво переводит эти формы из разряда потенциальных в реальные и узуальные. Ср.:

Две недели назад мы писали о том, как потомственная евробюрократка рядится в одежды французской националистки для консолидации правых протестных настроений...<...> Итог выборов показал не только верность председательницы «Национального объединения» этому нехитрому плану, но и куда более занятные вещи. <...> С одной стороны, причиной этой умеренности на внутрифранцузском фронте стала беззубость Ле Пен — о том, что кандидатка не представляет серьезной угрозы для Макрона, говорили еще перед первым туром. <...> Не будем всерьез считать Марин маргинальной оппозиционеркой и искренней противницей НАТО и Евросоюза... (К. Зайцев. «Итоги борьбы нанайских девочек» // Завтра, 2022, № 16. С. 2); Премьерша Италии сознается, что многие устали от войны (Д. Попов. «Запад отползает с Украины» // Московский комсомолец, 8–14 ноября 2023 г. С. 8); Собрание «пробужденных» дошло до такого белого каления, что его участники не впустили в зал Джойс Битти — коллегу-демократку и председательницу Черного кокуса (К. Черемных. «Эко невидаль» // Завтра, 2022, № 15. С. 5); ...ее коллега, депутат Госдумы, единоросска, получала совет политтехнологов — как можно меньше появляться в избирательном округе. <...> Сенаторша поддерживала абсолютно все, что предлагала партия власти (Н. Бонда-

ренко. «Чего теперь хочет г-жа Мизулина?» // Советская Россия, 22 июля 2023 г. С. 1); *Ничего удивительного. 70-тысячная армия Белоруссии по обученности и вооружению сегодня одна из лучших в Европе. К тому же опирается на мощное плечо России, которая прикрыла союзницу ядерным зонтом...* (В. Баранец. «Америка признала: Россия сильнее» // Комсомольская правда, 3 ноября 2023 г. С. 7).

Сегодня формы типа *поэтка*, *режиссерка*, *авторка*, *блогерка* передают приверженность идеям феминизма (в свое время поэткой называла себя Юнна Мориц, сегодня — представительницы фемпоэзии). Ср. противопоставление маскулинной и феминной форм *поэт* — *поэтка* в тексте З. Прилепина:

Анна Ревякина — главный поэтический голос Донбасса. Не женский голос, но голос вообще. <...> Я узнал ее стихи вскоре после того, как началась война. <> Мне показалось тогда, что это такая «девочкина» поэзия (отчасти так оно и было). И я подумал, что вот война, при всем своем ужасе, за год сделала из легкомысленной поэтки — трагической силы поэта (З. Прилепин. «Прошу, мой свет, ни слова о войне...» // Литературная газета, 2023, № 41. С. 20).

Хотя движение феминитивов в сторону стандарта, узуальности и нормативности неоспоримо, во многих текстах они по-прежнему имеют пейоративную окраску и передают неодобрение, иронию, даже сарказм:

Так вот: без художника Россия проживет спокойно. Без авторок и блогерок. Без рэперов и модельеров (О. Туханина. «Держите свою фигу в кармане. Но не вынимайте!» // Комсомольская правда, 20–27 апреля 2022 г. С. 5).

Но возможно и иное звучание феминитивов. Так, пространная (на всю газетную полосу) статья Н. Сорокина, посвященная одному из самых популярных политиков Германии — депутату Бундестага Саре Вагенкнехт, названа старинным словом «**Вотельница**» (Завтра, 2023, № 44. С. 4), с помощью которого передается не только суть деятельности самого яркого политика левого спектра, но также прагматика уважения и одобрения.

Образование, а затем и распространение феминитивов в различных текстовых регистрах справедливо оценивается как лингвокреативная деятельность, направленная на расширение системности грамматики [Акай 2020], это один из путей обогащения современного узуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, потенции языка способны приобрести системную вербальную форму, отражающую актуальное содержание.

Потенциальные слова (элиминированные лакуны) — это когнитивно-мотивированные и социально обусловленные компоненты языковой системы для передачи всей палитры коннотаций. Именно потенциальные слова проясняют адаптивный потенциал языка как системы, знаменуют расширение жизненного пространства языка, или, по выражению М. Н. Эпштейна [Эпштейн 2016], «лингвовитализм».

Потенциальные слова есть признак развития и оптимального функционирования системы языка, они возникают как реакция на социально-политические и культурно-исторические изменения и отражают всю палитру ценностных ориентаций в социуме.

ИСТОЧНИКИ

1. Баранец, В. Америка признала: Россия сильнее / В. Баранец. — Текст : непосредственный // Комсомольская правда. — 2023. — 3 нояб. — С. 7.
2. Бондаренко, Н. Чего теперь хочет г-жа Мизулина? / Н. Бондаренко. — Текст : непосредственный // Советская Россия. — 2023. — 22 июля. — С. 1.
3. Грантоеды // Собеседник. — 2021. — С. 9. — Текст : непосредственный.
4. Евсеев, Б. Несуверенная речь / Б. Евсеев. — Текст : непосредственный // Литературная газета. — 2023. — № 32. — С. 6.
5. Евстафьев, К. Все решается, а счастья нет / Д. Евстафьев. — Текст : непосредственный // Литературная газета. — 2021. — № 27. — С. 3.
6. Зайцев, Д. Итоги борьбы нанайских девочек / Д. Зайцев. — Текст : непосредственный // Завтра. — 2022. — № 16. — С. 3.
7. Каргашин, С. Писатель Юрий Поляков: идет операция по принуждению Украины к здравому смыслу / С. Каргашин. — Текст : непосредственный // Культура. — 2022. — 15 марта. — URL: <https://www.pravda.ru/culture/1689795-rossiya/> (дата обращения: 22.06.2023). — Текст : электронный.
8. Поляков, Ю. Ищу пассионариев во власти. С фонарем... / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Перелетная элита. — Москва : Книжный мир, 2019. — С. 142.
9. Поляков, Ю. Следующая станция «Эйзенхауэрская» / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Босх в помощь! — Москва : Книжный мир, 2019. — С. 483.
10. Поляков, Ю. Ничего личного, но молчать не могу! / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Босх в помощь! — Москва : Книжный мир, 2019. — С. 523.
11. Поляков, Ю. Быть русским в России / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Аргументы недели. — 2020. — С. 533.
12. Поляков, Ю. Желание быть русским / Ю. Поляков. — Текст : непосредственный // Желание быть русским. — 2-е изд. — Москва : Книжный мир. — 2020. — 416 с. — Текст : непосредственный.
13. Попов, Д. Расследование «расследователя» / Д. Попов. — Текст : непосредственный // Московский комсомолец. — 2022. — 26 июля. — С. 3.
14. Предотвратили 11 массовых концертов в Ростове // Комсомольская правда. — 2021. — 13 окт. — Текст : непосредственный.
15. Прилепин, З. Прошу, мой свет, ни слова о войне... / З. Прилепин. — Текст : непосредственный // Литературная газета. — 2023. — № 41. — С. 20.
16. Поухали тут // Московский комсомолец. — 2022. — 10 нояб. — С. 3. — Текст : непосредственный.

17. Сазонов, Е. У «Комсомолки» появился свой леопард / Е. Сазонов. — Текст : непосредственный // Комсомольская правда. — 2023. — 11 апр. — С. 3.

18. Скворцова, Е. Губернаторопад не ожидается / Е. Скворцова. — Текст : непосредственный // Собеседник. — 2023. — № 31. — С. 5.

19. Сорокин, Н. Хохломагия / Н. Сорокин. — Текст : непосредственный // Завтра. — 2023. — № 24. — С. 2.

20. Титов, И. Воительница / И. Титов. — Текст : непосредственный // Завтра. — 2023. — № 44. — С. 4.

21. Туханина, О. Держите свою фигу в кармане. Но не вынимайте! / О. Туханина. — Текст : непосредственный // Комсомольская правда. — 2022. — 20–27 апр. — С. 5.

22. Черемных, К. Эко невидаль / К. Черемных. — Текст : непосредственный // Завтра. — 2022. — № 15. — С. 5.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акай, О. М. Феномен грамматической лакуарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты / О. М. Акай. — Ростов-на-Дону, 2020. — 406 с. — Текст : непосредственный.

2. Акай, О. М. Элиминирование общекатегориальных и частнокатегориальных лакун как системный процесс / О. М. Акай, Э. Г. Куликова, И. В. Беляева. — Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. — 2021. — № 3. — С. 53–66.

3. Беляева, И. В. Семантика и прагматика элиминированных лакун / И. В. Беляева, О. М. Акай. — Текст : непосредственный // Известия ЮФУ. Филологические науки. — 2021. — 4 (45). — С. 67–78.

4. Бобылева, М. С. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать / М. С. Бобылева. — Москва : Изд-во АСТ, 224 с. — Текст : непосредственный.

5. Бойкова, Н. Г. Эмоциональный форсаж в публицистике современных российских СМИ / Н. Г. Бойкова. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа : материалы VII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня — 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — Санкт-Петербург : Медианапир, 2023. — С. 389–393.

6. Брусенская, Л. А. Гендерные парадоксы в современном медиапространстве / Л. А. Брусенская, И. В. Беляева. — Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2023. — № 3. — С. 93–97.

7. Брусенская, Л. А. Ценностный конфликт и проблема иноязычных заимствований в русском языке XXI века / Л. А. Брусенская, А. Р. Котаева. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2022. — № 4 (60). — С. 24–38.

8. Васильева, А. С. Наименования лиц женского пола в русском языке конца XX — начала XXI вв.: семантика, структура, функционирование : дис. ... канд. филол. наук / А. С. Васильева. — Москва, 2016. — 199 с. — Текст : непосредственный.

9. Винокур, Г. О. Маяковский — новатор языка / Г. О. Винокур. — Текст : непосредственный // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — Москва : Учпедгиз, 1959. — С. 12–17.

10. Захарчук, Е. А. Феминитивы в коммуникативном пространстве современности: проблемы словообразования и словоупотребления / Е. А. Захарчук. — Текст : непосредственный // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2023. — Т. 40. — № 3. — С. 378–387.

11. Кобяков, А. В. Журналистские жанры и феминитивы: влияние на языковую практику / А. В. Кобяков. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа : материалы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. — Санкт-Петербург : Медианапир, 2022. — С. 45–48.

12. Красникова, И. Р. Прагматика окказиональных антропонимов в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Красникова И. Р. — Ростов-на-Дону, 2004. — 153 с. — Текст : непосредственный.

13. Куликова, Э. Г. Синтактика феминитивов и экологическое мышление / Э. Г. Куликова, О. М. Акай, З. К. Тедеева. — Текст : непосредственный // Вестник НГЛУ. — 2022. — № 3 (59). — С. 21–32.

14. Куликова, Э. Г. Элиминированные лакуны vs потенциальные грамматические формы: корреляция понятий / Э. Г. Куликова, О. М. Акай, И. В. Беляева. — Текст : непосредственный // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». — 2020. — 4. — С. 98–104.

15. Куликова, Э. Г. Аббревиация в контексте нюансирования новых смыслов / Э. Г. Куликова, З. К. Тедеева. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2022. — № 4 (60). — С. 51–62.

16. Куликова, Э. Г. Эйджизм как новый стандарт политической полемики / Э. Г. Куликова, З. К. Тедеева. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2023. — № 3 (63). — С. 82–92.

17. Мазикина, Л. Малый справочник феминитивов / Л. Мазикина. — Москва : Издательское решение, 2020. — 40 с. — Текст : непосредственный.

18. Миретина, М. С. Феминизация наименований профессий, должностей, титулов и званий во французском языке во Франции, Бельгии, Швейцарии и Квебеке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Миретина М. С. — Санкт-Петербург, 2011. — 20 с. — Текст : непосредственный.

19. Панов, М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. — Москва : Наука, 1999. — 274 с. — Текст : непосредственный.

20. Седых, А. П. Пропозиция, модус, диктум в национальных языках / А. П. Седых. — Текст : непосредственный // Научные ведомости. — 2008. — № 15 (55). — С. 51–56.

21. Эпштейн, М. Н. Феномен грамматической лакуарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты / М. Н. Эпштейн. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 480 с. — Текст : непосредственный.

22. Akay, O. The embodiment of the political correctness ideas in the modern media space (based on feminities) / O. Akay, E. Kulikova, I. Belyaeva. — Text : unmediated // Mediaobrazovanie. Media Education. — 2020. — No. 60 (4). — P. 1563–569.

23. Guzaerova, R. R. Russian feminine nouns with suffix -(a) in the modern mediaspace / R. R. Guzaerova, D. Sabolova, V. A. Kosova. — Text : unmediated // Revista San Grigorio. — 2018. — Special Edition — Oktober. — Iss. 25. — P. 36–43.

MATERIALS

1. Baranets, V. (2023). Amerika priznal: Rossiya sil'nee [America has recognized that Russia is stronger]. *Komsomol'skaya pravda*: 3, 7. (In Russ.)

2. Bondarenko, N. (2023). Chego teper' khochet g-zha Mizulina? [What does Ms. Mizulina want now?]. *Sovetskaya Rossiya*: July 22, 1 (In Russ.)

3. Cheremnykh, K. (2022). Ehko nevidal' [What else is new!]. *Zavtra*: 15, 5 (In Russ.)

4. Evseev, B. (2023). Nesuverennaya rech' [Unsovereign speech]. *Literaturnaya gazeta*: 3, 6 (In Russ.)

5. Evstaf'ev, D. (2021). Vse reshaetsya, a schast'ya net [Everything is solved, but there is no happiness]. *Literaturnaya gazeta*: 27, 3 (In Russ.)

6. Grant-eaters (2021). Grant-oedy [Grant-eaters]. *Sobesednik*: 7, 9 (In Russ.)

7. Kabysch, I. (2022). Zdravstvui, plemya obyvateli! [Hello, a tribe of philistines!]. *Literaturnaya gazeta*: 11, 16 (In Russ.)

8. Kargashin, S. (2022). Pisatel' Yuriy Polyakov: idyot operatsiya po prinuzhdeniyu Ukrainy k zdravomu smyslu [Writer Yuriy Polyakov: an operation is underway to force Ukraine to common sense]. *Kul'tura*, March 15. Retrieved June 22, 2023, from <https://www.ppravda.ru/culture/1689795-rossiya/> (In Russ.)

9. Kondrashov, A. (2021). Bender-lait ili Yaponchik-Plaza [Bender-light or Yaponchik-Plaza]. *Literaturnaya gazeta*: 27, 27 (In Russ.)

10. Krasnikov, G. (2021). Muzhestvennaya kniga [Manly Book]. *Literaturnaya gazeta*: 24, 9 (In Russ.)

11. Orekhov, I. (2009). Interv'y u Yuriem Polyakovym «V razrushenii sovetskoi vlasti ne raskaivayus'» [Interview with Yuri Polyakov "I do not repent of the destruction of Soviet power"]. *Komsomol'skaya pravda*: October 1, 1 (In Russ.)

12. Polyakov, Yu. (2019). Ishchu passionariev vo vlasti. S fonarem... [I'm looking for passionaries in power. With a lantern...]. *Pereletnaya ehlita*. Moskva: Knizhnyj mir. 142 (In Russ.)

13. Polyakov, Yu. (2019). Sleduyushchaya stantsiya «Ehizenkhaehrskaya» [The next station is “Eisenhower”]. *Boskh v pomoshch'!* Moskva: Knizhnyy mir: 483 (In Russ.)
14. Polyakov, Yu. (2019). Nichego lichnogo, no molchat' ne mogu! [Nothing personal, but I can't keep quiet!]. *Boskh v pomoshch'!* Moskva: Knizhnyy mir: 523 (In Russ.)
15. Polyakov, Yu. (2019). Byt' russkim v Rossii [Being Russian in Russia]. *Argumenty nedeli*: 423 (In Russ.)
16. Polyakov, Yu. (2020). *Zhelanie byt' russkim* [The desire to be the Russian]. Moskva: Knizhnyy mir. 416 p. (In Russ.)
17. Popov, D. (2023). Zapad otpolzaet s Ukrainy [The West is crawling away from Ukraine]. *Moskovskii komsomolets*: November 8-14, 8 (In Russ.)
18. Popov, D. (2023). Rassledovanie «rassledovatelYA» [Investigation of the “investigator”]. *Moskovskii komsomolets*: July 26, 3 (In Russ.)
19. Prevented (2021). Predotvratili 11 massovykh kontsertov v Rostove [Prevented 11 mass concerts in Rostov]. *Komsomol'skaya Pravda*: October 13 (In Russ.)
20. Prilepin, Z. (2023). Proshu, moi svet, ni slova o voine... [Please, my dear, not a word about the war...]. *Literaturnaya gazeta*: 41, 20 (In Russ.)
21. Pouekhali tut! (2022). Pouekhali tut! [Let's go here!]. *Moskovskii komsomolets*: November 10, 2022, 3 (In Russ.)
22. Sazonov, E. (2023). U «Komsomolka» poyavilsya svoi leopard Komsomolka has its own leopard]. *Komsomol'skaya pravda*: April 11, 3 (In Russ.)
23. Skvortsova, E. (2023). Gubernatoropad ne ozhidaetsya [Kicking out the governors is not expected]. *Sobesednik*: 31, 5 (In Russ.)
24. Sorokin, N. (2023). Gubernatoropad ne ozhidaetsya [The Warrior]. *Zavtra*: 44, 4 (In Russ.)
25. Titov, I. (2023). Khokhlomagiya [Ukrainian magic]. *Zavtra*: 24, 2 (In Russ.)
26. Tukhanina, O. (2022). Derzhite svoju figu v karmane. No ne vynimaite! [Keep your fig in your pocket. But don't take it out!]. *Komsomol'skaya pravda*: April 20-27, 5 (In Russ.)
27. Zaitsev, K. (2022). Itogi bor'by nanaiskikh devochek [The results of the struggle of the Nanai girls]. *Zavtra*: 16, 2 (In Russ.)

REFERENCES

1. Akay, O.M. (2020). *Fenomen grammaticheskoi lakunarnosti: kognitivnyi i lingvopragmaticheski aspekti* [The phenomenon of grammatical lacunarity: cognitive and linguopragmatic aspects]. Rostov-on-Don: SFU, 406 p. (In Russ.)
2. Akay, O.M., Kulikova, E.G., & Belyaeva, I.V. (2021). Ehliminirovanie obshchekategorial'nykh i chastnokategorial'nykh lakun kak sistemnyi protsess [Elimination of general categorial and particular categorial lacunae as a system process]. *Social sciences and humanities*, 3, 53–66. (In Russ.)
3. Belyaeva, I.V., & Akay, O.M. (2021). Semantika i pragmatika ehliminirovannykh lakun [Semantics and pragmatics of eliminated lacunae]. *Proceedings of Southern Federal University. Philological sciences*, 4(45), 67–78. (In Russ.)
4. Bobyleva, M.S. (2021). *My tak govorum. Obidnye slova i kak ikh izbezhat'* [We Speak in This Way. Offensive words and how to avoid them]. Moscow: AST, 224 p. (In Russ.)
5. Boikova, N.G. (2021). Ehmtotsional'nyi forsazh v publitsistike sovremennykh rossiiskikh SMI [Emotional fast and furious in the publicistic of modern Russian media]. In L.R. Duskaeva & A.A. Malyshev (Eds.), *Medialingvistika. Vyp. 10. Yazyk v koordinatakh massmedia : mat-ly VII Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 28 iyunya — 1 iyulya 2023 g.)* (pp. 389–393). Saint-Petersburg: Mediapapir. (In Russ.)
6. Brusenskaya, L.A. & Belyaeva, I.V. (2023). Gendernye paradoksy v sovremennom mediaprostranstve [Gender paradoxes in the modern media space]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 10(48), part 3, 93–97. (In Russ.)
7. Brusenskaya, L.A., & Kotaeva, A.R. (2022). Tsennostnyi konflikt i problema inoyazychnykh zaimstvovaniy v russkom yazyke XXI veka [Value conflict and the problem of foreign

language borrowings in the Russian language of the XXI century]. *LUNN Bulletin*, 4, 24–38. (In Russ.)

8. Vasil'eva, A.S. (2016). *Naimenovaniya lits zhenskogo pola v russkom yazyke kontsa XX — nachala XXI vv.: semantika, struktura, funktsionirovanie* [Nominations of female persons in the Russian language of the late XX — early XXI centuries: semantics, structure, functioning] [Dis. of cand. of Philology]. Moscow, 199 p. (In Russ.)
9. Vinokur, G.O. (1959). Mayakovskii — novator yazyka [Mayakovsky is an innovator of the language]. In *Vinokur G.O. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* (pp. 12–17). Moscow: Uchpedgiz Publ. (In Russ.)
10. Zakharchuk, E.A. (2021). Feminitivy v kommunikativnom prostranstve sovremennosti: problemy slovoobrazovaniya i slovoupotrebleniya [Feminities in the communicative space of modernity: problems of word formation and word usage]. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*, 40(3), 378–387. (In Russ.)
11. Kobayakov, A.V. (2022). Zhurnalistskie zhanry i feminitivy: vliyaniye na yazykovuyu praktiku [Journalistic Genres and Feminities: Impact on Language Practice]. In L.R. Duskaeva & A.A. Malyshev (Eds.), *Medialingvistika. Vyp. 9. Yazyk v koordinatakh massmedia : mat-ly VI Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 30 iyunya — 2 iyulya 2022 g.)* (pp. 45–48). Saint-Petersburg: Mediapapir, Publ. (In Russ.)
12. Krasnikova, I.R. (2004). *Pragmatika okkazional'nykh antropoleksem v sovremennom russkom yazyke.* [Pragmatics of occasional Anthropolexemes in Modern Russian] [Dis. of cand. of Philology]. Rostov-on-Don, 153 p. (In Russ.)
13. Kulikova, E.G., Akay, O.M., & Tedeeva, Z.K. (2022). Sintaktika feminitivov i ehkologicheskoe myshlenie [Syntactics of feminities and ecological thinking]. *LUNN Bulletin*, 3(59), 21–32. (In Russ.)
14. Kulikova, E.G., Akay, O.M., & Belyaeva, I.M. (2020). Ehliminirovannyye lakuny vs potentsial'nye grammaticheskie formy: korrelyatsiya ponyatiy [Eliminated lacunae vs. potential grammatical forms: correlation of concepts]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek v sovremennom mire»*, 4, 98–104. (In Russ.)
15. Kulikova, E.G., & Tedeeva, Z.K. (2022). Abbreviatsiya v kontekste nyuansirovaniya novykh smyslov [Abbreviation in the context of new meaning nuance]. *LUNN Bulletin*, 4(60), 51–62. (In Russ.)
16. Kulikova, E.G., & Tedeeva, Z.K. (2023). Ehidzhizm kak novyi standart politicheskoi polemiki [Ageism as a new standard of political Polemics]. *LUNN Bulletin*, 3, 82–92. (In Russ.)
17. Mazikina, L.M. (2020). *Malyi spravochnik feminitivov* [Small Handbook of Feminities]. Moscow: Izdatel'skoe reshenie Publ., 40 p. (In Russ.)
18. Miretina, M.S. (2011). *Feminizatsiya naimenovaniy professii, dolzhnostei, titulov i zvaniy vo frantsuzskom yazyke vo Frantsii, Bel'gii, Shveysarii i Kvebeke* [Feminization of the nominations of professions, positions, titles and titles in French in France, Belgium, Switzerland and Quebec] [Abstract of PhD Thesis in Philology]. Saint-Petersburg, 20 p. (In Russ.)
19. Panov, M.V. (1999). *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. Moscow: Nauka, 274 p. (In Russ.)
20. Sedykh, A.P. (2008). Propozitsiya, modus, diktum v natsional'nykh yazykakh [Proposition, mode, dictum in national languages]. *Scientific bulletin*, 15(55), 51–56. (In Russ.)
21. Ehpshstein, M.N. (2016). *Ot znaniya — k tvorchestvu. Kak gumanitarnyye nauki mogut izmenyat' mir* [From knowledge to creativity. How the humanities can change the world]. Moscow; Saint Petersburg. Centre for Humanitarian Initiatives, 480 p. (In Russ.)
22. Akay, O., Kulikova, E., & Belyaeva, I. (2020). The embodiment of the political correctness ideas in the modern media space (based on feminities). *Mediaobrazovanie. Media Education*, 60(4), 563–569.
23. Guzaerova, R.R., Sabolova, D., & Kosova, V.A. (2018). Russian feminine nouns with suffix -k(a) in the modern media-space. *Revista San Grigorio. Special Edition-oktober*, 25, 36–43.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш100.621+Ш143.21-51+Ш143.21-55

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Рушана Рауфовна Хазиева

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, rushanakhazieva@mail.ru, SPIN-код: 5167-7141

Дискурсивно-прагматические характеристики категории эвиденциальности в политическом медиадискурсе (на материале англоязычных конфликтогенных текстов)

АННОТАЦИЯ. Исследование направлено на изучение лингвокультурных особенностей дискурсивно-прагматических характеристик маркеров эвиденциальности в политическом медиадискурсе. Лингвистические средства выражения данной категории в условиях информационного противостояния как результат субъективизации становятся концептуальной основой для лингвополитического моделирования действительности. Результаты анализа отобранных медиасообщений построены на систематизации средств языковой репрезентации категории эвиденциальности, распределенных по степени предположения от допустимости возможного до разных степеней вероятности события. Исследование проведено на материале англоязычных медиатекстов конфликтогенной направленности. Такие характеристики, как субъективность передачи информации и выражение дискурсивных смыслов модальности эвиденциальности с точки зрения речевых аспектов, связаны со спецификой указания на источник сообщаемых сведений, который может обозначать эксплицированный / имплицитный, прямой / косвенный, личный / опосредованный доступ к информации. Языковая экспликация эвиденциальности и эпистемической модальности в англоязычных медиатекстах оформлена по-разному и выражается в тексте в основном лексико-синтаксическими средствами. В результате исследования установлено, что в политическом медиадискурсе речевые приемы, опосредованные эвиденциальными маркерами, направлены на создание провокационных установок, а имеющиеся авторские смыслы, интенции и установки — на оказание манипулятивного воздействия и изменение картины мира адресата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, англоязычные СМИ, английский язык, категория эвиденциальности, эвиденциальные высказывания, конфликтогенный дискурс, конфликтогенные тексты, политические конфликты, недостоверная информация, ложная информация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Хазиева Рушана Рауфовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий; 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; email: rushanakhazieva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хазиева, Р. Р. Дискурсивно-прагматические характеристики категории эвиденциальности в политическом медиадискурсе (на материале англоязычных конфликтогенных текстов) / Р. Р. Хазиева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 198-205.

Rushana R. Khazieva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, rushanakhazieva@mail.ru, SPIN code: 5167-7141

Discursive-Pragmatic Characteristics of the Category of Evidentiality in Political Media Discourse (On the Material of English Conflictogenic Texts)

ABSTRACT. The research is aimed at studying the linguocultural specificity of discursive and pragmatic characteristics of evidentiality markers in political media discourse. The linguistic means of expressing this category in the situation of information confrontation as a result of subjectivization have become a conceptual basis for linguopolitical modeling of reality. The results of the analysis of the sample media messages are based on the systematization of the means of linguistic representation of the category of evidentiality distributed according to the degrees of assumption from admissibility of the possible to various degrees of probability of event. The study has been conducted on the material of English mass media texts of conflictogenic orientation. Such characteristics as the subjectivity of passing information and the expression of the discursive meanings of the modality of evidentiality from the point of view of speech aspects are associated with the specificity of indicating the source of information, which can denote explicit / implicit, direct / indirect, personal / mediated access to information. The linguistic explication of evidentiality and epistemic modality in English media texts is expressed in the text mainly by lexico-syntactic means. As a result of the study, it was found that in the political media discourse, the speech techniques containing evidentiality markers are aimed at creating provocative meanings. The author's meanings, intentions, and aims are targeted at providing manipulative influence and changing the worldview of the addressee.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, mass media language, language means, English-language media, English language, category of evidentiality, evidential utterances, conflictogenic discourse, conflictogenic texts, political conflicts, unreliable information, false information.

AUTHOR'S INFORMATION: Khazieva Rushana Raufovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of International and Integration Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

FOR CITATION: *Khazieva R. R. (2024). Discursive-Pragmatic Characteristics of the Category of Evidentiality in Political Media Discourse (On the Material of English Conflictogenic Texts). In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 198-205. (In Russ.).*

Политические и социально-экономические события, происходящие с начала XXI века, вызывают кризисные состояния общества, и эти процессы все очевиднее набирают темп. В условиях обострения конфликтов в политической сфере медиакоммуникация сама становится пространством конфликта, выдвигая на первый план проблему отношений между властью, языком (дискурсом) и обществом. Исследования о политических конфликтах последних лет подтверждают факт усложнения природы конфликта и многоуровневого взаимодействия медиа с ним [Иванова 2016; Руженцева 2022; Чанышева 2020; Чудинов 2007]. Авторы медиатекстов конструируют образ конфликта, мастерски воздействуют на массовое сознание путем отбора, оценки и представления определенных событий в выгодном свете.

Можно утверждать, что мировые кризисы обусловили появление особого типа политического языка — конфликтного политического медиадискурса. Данному дискурсу характерно идеологическое противостояние политических субъектов, которые имеют противоположные интересы, у них противопоставлены ценности, мировоззренческие взгляды и представления, в условиях дефицита правдивой информации преобладает эмоциональная оценка ситуации над рациональной [Чанышева 2021: 207]. Целью авторов таких текстов является обострение противостояния и углубление конфликтных ситуаций в межгосударственных отношениях, поэтому они осуществляют вбросы непроверенной или сфабрикованной информации, насыщая смысловое поле разными видами агрессивной ложной информации [Хазиева 2018: 6].

В фокусе внимания предлагаемой статьи находится описание особенностей употребления лексических средств категории «эвиденциальность» в ходе передачи непроверенной, неподтвержденной информации на разных уровнях содержания политического конфликтного медиадискурса. Для достижения поставленной цели был применен метод дискурс- и контент-анализа и метод количественного подсчета. Материалом исследования послужили англоязычные статьи из британских и американских электронных изданий, собранные в период с 2014 по 2024 г. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к изучению политического медиадискурса в тесной связи с языковым манипулированием, а также недостаточной изученностью категории эвиденциальности в

данном ракурсе и значимостью интерпретации содержания и исследования оценочных эвиденциальных смыслов, порождаемых автором в ходе конструирования политического конфликтного медиадискурса.

Категорию эвиденциальности исследователи определяют в терминах «источников информации» как функционально-концептуальную область, указывающую на когнитивное и коммуникативное обоснование суждения автором [Boye and Harder 2009: 12]. Данное знание маркируется специальными лексическими, морфологическими или синтаксическими средствами. Исследование эвиденциальности как модусной категории позволяет говорить о том, что говорящий не только обозначает свой источник знаний (информации), но и показывает, как он оценивает эти знания с точки зрения достоверности, то есть предполагает отражение отношения говорящего к содержанию сообщения. С этой точки зрения маркеры модусной категории «эвиденциальность» способны отражать интерпретацию и коммуникативную оценку достоверности и надежности сведений, превращая эвиденциальность в действенный инструмент управления восприятием сведений [Козловский 2024: 1676]. Эвиденциальность как категория коммуникативного плана раскрывает коммуникативные цели говорящего с учетом его прагматических функций.

В зависимости от доступа к сообщаемой информации Уиллетт разделил эвиденциальность на прямую (говорящий уверен в собственных знаниях, как будто он находился на месте события, присутствует чувственное восприятие факта) и косвенную (информация получена от других лиц, автор самостоятельно пришел к логическому умозаключению) [Уиллетт 1988: 57]. Разделение эвиденциальности на типы позволило Плунонгану классифицировать косвенную эвиденциальность по двум типам: непосредственный и опосредованный типы [Плунонган 2001: 352]. Однородное микрополе прямой эвиденциальности не делится на подтипы. Микрополе косвенной эвиденциальности делится на:

- инференциальность — информация получена из источников, основанных на предполагаемых личных знаниях или убеждениях;
- презумптивность — информация из общего фонда знаний, в ее основе — предположение или логическое рассуждение;
- пересказывательность — свидетельство, основанное на слухах без ссылки на источник информации, Айхенвальд предлагает

использовать термин «стратегии эвиденциальности», чтобы охватить диапазон значений, характерных для сообщений не «из первых рук», которые сочетают в себе ссылку на умозаключение и вербальное сообщение [Айхенвальд 2003: 18]. В данном случае ярко проявляется шифтерная природа маркеров эвиденциальности, оформленных в виде цитаций, ссылок, косвенной речи: «говорящий может цитировать информанта, чтобы этим подчеркнуть достоверность передаваемой информации или, наоборот, чтобы снять с себя ответственность за то, что он говорит» [Джуссти-Фичи 1994: 11]. Маркеры эвиденциальности приостанавливают проверку высказывания на предмет истинности / ложности (*they suspend truth conditions*), заставляя исследователя обращаться к понятию «возможных миров», в которых данное высказывание может быть истинным или ложным [Хазиева, Рязипова 2023: 160].

В ходе проведенного анализа (выборка составила 550 конфликтогенных медиатекстов) эвиденциальные ссылки на источник информации были классифицированы по четырем основным типам номинации по степени достоверности. Первым делом проанализируем приемы, характерные для медиатекстов, квалифицируемых как средства прямой лексической номинации. Информация «из первых рук» исходит от субъекта сообщения либо субъекта в роли эксперта, осведомленного о чем-то наверняка.

1. Знания о ситуации основываются на логических соображениях общего характера: гипотеза строится на личном знании говорящего (2,5 % от всей выборки).

В эвиденциальном высказывании подлежащее выражено местоимением первого лица единственного или множественного числа, сказуемое представлено эпистемическими глаголами (*see, know, believe, think, guess, trust, consider* и т. п.): *I don't see a reason to conclude Hamas could become irrelevant. The question is: How does Hamas change after this? And I think there is a very strong argument to be made that the leadership becomes more hard-line* [Ryan] — пер.: «Я не вижу причин делать вывод, что ХАМАС может стать неактуальным. Вопрос в том: как ХАМАС изменится после этого? И я думаю, что есть очень веские аргументы в пользу того, что руководство станет более жестким» (Здесь и далее перевод наш. — Р. Р.).

В представленном примере речь идет о военном конфликте Израиля и Палестины и убийстве политического лидера ХАМАС Исмаила Хании. Эпистемические глаголы *to see (to understand something), to think (a. to*

judge or regard; look upon; b. To believe; suppose) употребляются для передачи значения мнения с оттенком предположения, выражающим определенную степень уверенности или убежденности. В данном случае выражение субъективной позиции, сделанное автором с помощью этих эвиденциальных маркеров, направлено на поддержание и повышение градуса эскалации противостояния: «*I think the abortion issue has been very much tempered down,*» he said. «*I answered, I think, very well in the debate, and it seems to be much less of an issue*» [Scherer] — пер.: «Я думаю, что проблема абортов была значительно смягчена, — сказал он. — Я думаю, я очень хорошо ответил на дебатах, и, похоже, это уже не такая большая проблема».

В данном примере речь идет о поддержке Трампом отмены закона о запрете аборта женщинам после шести месяцев беременности. Субъектная перспектива выражена с помощью ментального предиката *to think*. В процессе общения политик стремится сократить коммуникативную дистанцию с электоратом, создавая эффект некатегоричности высказывания. Это свойство конструкции используется автором текстов в целях снижения ответственности за передаваемое сообщение. В этом случае категория эвиденциальности в семантическом аспекте сближается со стратегией хеджирования. Термин, введенный в лингвистику Дж. Лаккоффом, подразумевает оперирование такими словами, которые призваны «представить вещи более или менее неясными» [Лаккофф 1972: 471]. Лексические средства хеджирования снижают точность и категоричность высказывания, создают иллюзию объективности и служат снятию с себя субъектом коммуникации ответственности за озвученные сведения, что особенно актуально в политическом дискурсе. Предположение, возможность, неуверенность, аппроксимативность, редуцирование интенсивности проявления признака и значения и т. п. выражаются как раз хедж-маркерами [Осипов 2013: 47].

2. В передаваемой информации есть источник заявлений, слов, идей. Роль источника, как правило, принадлежит либо одному из главных участников события, либо определенному идентифицируемому политическому деятелю (24 % от всей выборки). Ссылка на внешний источник информации используется автором текста для разных целей: в стремлении к фактуальности и беспристрастности подачи материала автор может использовать цитирование или ссылку на источник как маркер истинности сооб-

щения, с другой стороны, такой прием может быть эффективной попыткой избежать ответственности за изложенный текст: *Is the prisoner exchange with Russian President Vladimir Putin a pact with the devil in the name of humanity? That is what one leading German commentator is calling it* [Heilbrunn] — пер.: «Является ли обмен пленными с президентом России Владимиром Путиным сделкой с дьяволом во имя человечества? Так это называет один из ведущих немецких комментаторов».

При помощи эвиденциального маркера *one leading German commentator is calling it* автор встраивает в полотно текста религиозный мотив на тему сделки с нечистой силой, реализуя мифопоэтическую оппозицию «свет — тьма», этому способствует нанизывание «бесовских» символов и их развертывание в пространстве: *But now the Devil is demanding his due; This is more or less the equivalent of sacrificing innocents at the altar of the gods to ensure the leaders' rule will continue to be successful*. В тексте статьи ярко акцентируется бинарная аксиологическая оппозиция «свои — чужие». Автор описывает российских пленных как борцов за свободу, незаконно пострадавших от «репрессивного режима»: *Kara-Murza, a British as well as Russian citizen, is among the most idealistic people I've ever met who had to face bogus charges. He could easily have lived out the rest of his life in the West — but insisted on returning to Moscow to pursue peaceful political change despite the obvious dangers. He is a true Russian patriot, committed to the hope that his fellow citizens will one day find freedom*.

С другой стороны, западные пленные описаны как закоренелые преступники и убийцы: *the Russians have been caught committing acts of sabotage across Europe; Moscow is bringing home are a motley crew of spies and criminals arrested in the United States; This man is a coldblooded killer; there is nothing remotely noble about him*.

There can be no doubt that, as Christian Caryl has observed in the Washington Post, Putin will seize upon the exchange to establish a kind of moral equivalence between East and West. The deal will help to fortify Putin's rule as he demonstrates that he can force the West to deal with his regime, whether it likes it or not [Jacob Heilbrunn] — пер.: «Не может быть никаких сомнений, что, как заметил Кристиан Кэрил в Washington Post, Путин воспользуется обменом, чтобы установить своего рода моральное равенство между Востоком и Западом. Сделка поможет укрепить правление Путина, поскольку он продемонстрирует, что

может заставить Запад иметь дело с его режимом, нравится ему это или нет».

Reports by Russian military bloggers and images circulating on social media contradicted Russian Defense Ministry statements seeking to minimize the attacks, and suggested the raid was more substantive than past cross-border incursions [Ebel] — пер.: «Сообщения российских военных блогеров и изображения, распространяемые в социальных сетях, противоречат заявлениям Министерства обороны России, стремящегося преуменьшить масштабы атак, и предполагают, что налет был более масштабным, чем предыдущие трансграничные вторжения».

Rybar reported that up to 400 Ukrainian troops entered the region, with up to 2,000 troops concentrated along the border. Rybar also reported that Ukrainian troops had captured an important gas transit hub. Another Russian military Telegram channel, Archangel Spetsnaz Z, reported that Ukraine had sent two battalions across the border that were pushing toward the town of Sudzha [Ebel] — пер.: «Рыбарь сообщил, что до 400 украинских солдат вошли в регион и до 2000 солдат сконцентрировались вдоль границы. Рыбарь также отметил, что украинские войска захватили важный узел транзита газа. Другой российский военный канал Telegram, Archangel Spetsnaz Z, сообщил, что Украина отправила через границу два батальона, которые продвигаются к городу Суджа».

Репортажные глаголы *report, say, declare* (*To make or present an official or formal account of*) со ссылкой на участников события или на источник сообщения служат для создания эффекта присутствия, а значит, и реальности происходящего события. В данном случае цель таких эвиденциальных высказываний на страницах прессы в том, чтобы усилить враждебность, неприязнь и недоверие к России, углубляя и накаляя конфликт в межгосударственных отношениях.

Следующий пример заслуживает внимания, потому как содержит эвиденциальный маркер, выраженный английской идиомой *according to Cocker* (*according to accepted standards or rules*). Идиома происходит от имени англичанина Эдварда Кокера, жившего в XVIII веке, который был известен своими познаниями в области чистописания и математических вычислений. Фраза *according to Cocker* означает «делать что-то тщательно или точно», часто относится к задаче или действию, выполненному с большим вниманием к деталям: *On 6 August, a substantial Ukrainian force launched a cross-border incursion into Russia's Kursk region, shelling the little town of Sudzha and reportedly occupying*

several villages with the troops lined up according to Cocker, perfectly straight and orderly [Ebel].

Использование фразеологизмов, идиом и т. д., содержащих оценочные значения лингвокультурных знаков, нацелено на адресата, который разделяет культурные смыслы и ценностные установки той или иной лингвокультурной общности. Данный прием способствует повышению градуса агональности политического медиатекста.

3. В сообщении есть значение «кажимо-сти», когда адресант не имеет достаточных знаний для утверждения истинности пропозиции (37,2 % от всей выборки).

Supposedly, five social net pages have been found to be posting 'Kremlin talking points' in support of Farage and Reform, in an attempt to influence the General Election outcome. Allegedly, some dodgy memes is all it takes to hijack our democracy [Piper] — пер.: «Говорят, на пяти аккаунтах в социальной сети нашли публикации „кремлевских тезисов“ в поддержку Фаража и реформ с целью повлиять на исход всеобщих выборов. Якобы нескольких сомнительных мемов достаточно для подрыва нашей демократии».

В примере наречие *allegedly* имеет значение репортативности и недостоверности передаваемых сведений. Семантика недостоверности, «кажимо-сти» исходит из субъективной оценки автора, который сомневается в истинности высказывания. Эвиденциальные наречия (*reportedly, reputedly, allegedly, apparently, supposedly*) апеллируют к тому, что гипотеза основана на видимости, «кажимо-сти», а не на реальной сущности и фактологичности явления. Они передают значение мнения с оттенком допущения, выражая слабые эпистемические значения с низкой степенью достоверности сообщения. Словарь *Cambridge Dictionary* определяет значение указанных наречий как *according to what is generally thought or believed but not known for certain* (в соответствии с тем, что обычно думают или во что верят, но что достоверно не известно).

3. В. Костанян выделяет наречия *supposedly, reportedly* и *allegedly* в отдельный вид и предлагает называть их «наречия речевого сообщения» (НРС) [Костанян 2019: 172]. Коммуникативно-прагматическая характеристика данных наречий указывает не на ре-

альную сущность события, а на ее ирреальность, снимая, таким образом, с говорящего ответственность за возможную неточность и недостоверность сообщения.

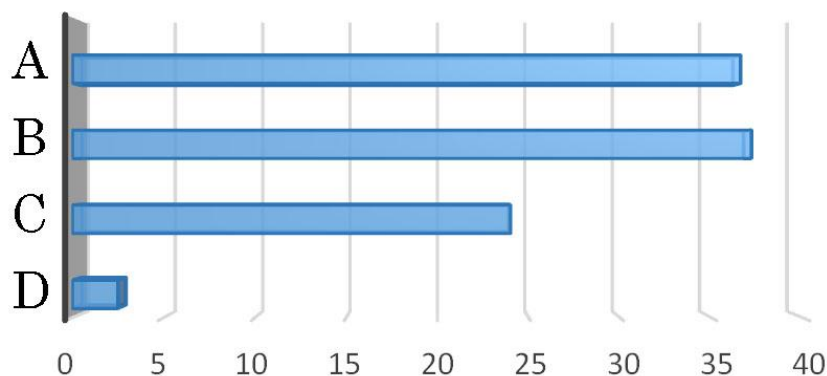
4. Источник информации не идентифицируется, сведения сомнительны (36,3 % от всей выборки).

В качестве инструмента фабрикация лжи большой потенциал имеет конструкция *Complex subject* в английском дискурсе, когда эвиденциальный модус выражен с помощью глаголов и прилагательных с неопределенными, неустановленными источниками сообщений.

The top leader Ismail Haniyeh is said to be killed by a bomb planted in Tehran [Solomon] — пер.: «Сообщается, что лидер Исмаил Хания был убит в результате взрыва бомбы, заложённой в Тегеране».

Замена активных глагольных форм на пассивные — весьма распространенный прием в англоязычных медиатекстах. Способ помогает интерпретировать события с точки зрения идеологической повестки, так как информация исходит от неавторизованного субъекта. *It was not clear, however, if the attack on Kursk was carried out by an anti-Kremlin militia, by regular Ukrainian forces or some other fighting formation* [Dixon] — пер.: «Однако неясно, была ли атака на Курск осуществлена антикремлевским ополчением, регулярными украинскими войсками или каким-то другим боевым формированием». *But Mr. Trump — who has been known to flip-flop or equivocate on hot-button issues like abortion — argued that her early statements were the only ones that mattered* [Cameron] — пер.: «Однако г-н Трамп, который известен своей нерешительностью и двусмысленностью в таких острых вопросах, как аборт, утверждает, что его ранние заявления были единственными, которые имели значение».

Количественный подсчет 550 контекстов показал, что чаще всего в качестве средств выражения модальности эвиденциальности используются интертекстуальные ссылки на источник информации. Также часто используется неидентифицируемый, сомнительный источник информации, что прежде всего отображается в употреблении пассивного залога. Информация от первого лица в процентном соотношении значительно уступает остальным типам номинаций.

Рис. 1. Номинации, выражающие модальность эвиденциальности

Прим. А — источник информации не идентифицируется, сведения сомнительны; В — в сообщении есть значение «кажимости», когда адресант не имеет достаточных знаний для утверждения истинности пропозиции; С — в передаваемой информации есть источник заявлений, слов, идей; D — знания о ситуации основываются на логических соображениях общего характера: гипотеза строится на личном знании говорящего

Основными лексическими средствами выражения модальности эвиденциальности являются эпистемические, репортажные и ментальные глаголы (*say, tell, claim, see, suppose* и т. п.). Вводные модальные слова: наречия, выражающие модальность возможности (*perhaps, possibly* и т. п.), предположения (*allegedly, apparently* и т. п.), уверенности (*obviously, evidently* и т. п.), также относятся к способам выражения категории эвиденциальности. Синтаксическими средствами являются деавторизованные высказывания (*there can be no doubt that*). Дополнительное значение имеют оценочность, персуазивность и эпистемическая модальность.

В заключение стоит отметить, что пренебрежение принципом достоверности публикуемой информации и подмена рационально-логической аргументации аффективным воздействием привели к тому, что на страницах газет мы наблюдаем значительное увеличение функциональной нагрузки манипулятивных технологий, моделирующих особую реальность вслед за происходящими изменениями в политической картине мира [Фефелов 2023: 85]. Использование эвиденциальных маркеров в дискурсе конфликта заняло прочное место в репертуаре дискурсивных приемов в медиакommunikации. Используя эти приемы, создатель текста может свободно выражать субъективные смыслы в фактическом содержании текста, результатом которого является искажение причинно-следственных связей, тенденциозное описание обстоятельств, персоналий и событий, включаемых в дискурсивное пространство.

ИСТОЧНИКИ

1. Cameron, C. Election Highlights: Harris and Walz Rally in Las Vegas to End Their Introductory Tour / C. Cameron. — Text : electronic // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/live/2024/08/10/us/harris-trump-election?name=stylIn-2024->

times.com/live/2024/08/10/us/harris-trump-election?name=stylIn-2024-

2. Dixon, R. Ukraine unleashes attacks on Russian airfields amid Kursk offensive. / R. Dixon. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/14/ukraine-russia-kursk-incursion-airfields-belgorod/>

3. Ebel, F. Putin calls cross-border attack in Kursk region a 'provocation' / F. Ebel. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/07/kursk-russia-ukraine-war-border/>

4. Heilbrunn, J. Was the Prisoner Swap with Russia a Bad Idea? / J. Heilbrunn. — Text : electronic // The National Interest. — URL: <https://nationalinterest.org/blog/jacob-heilbrunn/was-prisoner-swap-russia-bad-idea-212169>.

5. Piper, I. How an Israeli hostage rescue that left scores of Palestinians dead unfolded / I. Piper. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/13/israel-hostage-rescue-palestinian-deaths-analysis/>

6. Ryan, M. Nearly 100 killed in Israeli strike on school, Gaza officials say / M. Ryan. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/10/israel-hamas-war-news-gaza-al-tabeen/>

7. Scherer, M. Trump holds meandering news conference, where he agrees to debate Harris / M. Scherer. — Text : electronic // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/elections/2024/08/08/trump-harris-news-conference/>

8. Solomon, E. Hamas May Emerge Battered, but Not Beaten, From Israel's Latest Blows / E. Solomon. — Text : electronic // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2024/08/04/world/middleeast/hamas-israel-gaza-future.html>.

СЛОВАРИ

1. Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cambridge.org>. (дата обращения 26.07.24).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Джусти-Фичи, Ф. Чужая речь (пересказывание) в балканославянских языках / Ф. Джусти-Фичи. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева — Москва : Наука, 1994. — 189 с.

2. Иванова, С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации / С. В. Иванова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5 (59). — С. 28–37. — EDN XACGZD.

3. Козловский, Д. В. Категория «эвиденциальность» как инструмент передачи слухов в англоязычном медиадискурсе / Д. В. Козловский. — Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2024. — Т. 10. — № 1. — С. 71–85. — EDN GXAOLO.

4. Костянян, З. В. Наречия речевого сообщения reportedly и allegedly как средство передачи чужой речи в современной англоязычной прессе / З. В. Костянян. — Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narechiya-rechevogo-soobsheniya-reportedly-i-allegedly-kak-sredstvo-peredachi-chuzhoi-rechi-v-sovremennoi-angloyazychnoi-pressе> (дата обращения: 05.08.2024).

5. Осипов, Г. А. Хеджирование как когнитивно-прагматический прием суггестии в политическом дискурсе: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Осипов Г. А. — Майкоп, 2013. — 22 с. — EDN ZOXRREV.

6. Руженцева, Н. Б. Язык вражды и его представление в печатных СМИ: динамические процессы / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2022. — № 2. — С. 551–563. — EDN BXTXOY.

7. Фефелов, А. Ф. Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды / А. Ф. Фефелов. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 83–101. — DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101. — EDN UFEIPX.

8. Хазиева, Р. Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Хазиева Р. Р. — Уфа, 2018. — 22 с. — EDN FLRNCE.

9. Хазиева, Р. Р. Дискурсивные практики речевого воздействия в англоязычных масс медиа / Р. Р. Хазиева, Э. М. Ризыпова. — Текст : непосредственный // Правовые основы политической и социально-экономической интеграции Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь : материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 26–27 июня 2023 года. — Уфа : Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023. — С. 159–169. — DOI 10.46320/2073-4506-2023-15a-1-159-169. — EDN AMURJN.

10. Чанышева, З. З. Меганарратив конфликта в медийной коммуникации / З. З. Чанышева. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2020. — Т. 25. — № 3. — С. 665–669. — DOI 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.32. — EDN HMXHVZ.

11. Чанышева, З. З. Меганарратив как инструмент структурирования медийной информации / З. З. Чанышева. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8. — № 3. — С. 206–218. — DOI 10.21638/spbu22.2021.301. — EDN ATLBFW.

12. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособ. / А. П. Чудинов. — 2-е изд., испр. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 252 с. — Текст : непосредственный.

13. Aikhenvald, A. Y. Studies in Evidentiality / A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. — Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins, 2003. — Text : unmediated.

14. Boye, K. Evidentiality linguistic categories and grammaticalization / K. Boye, P. Harder. — Text : unmediated // Funct. Lang. — 2009. — 16. — P. 9–43. — doi: 10.1075/fo1.16.1.03boye

15. Lakoff, D. Hedges: A study in meaning criteria and logic of fuzzy concepts / D. Lakoff. — Text : unmediated // Journal of Philosophical Logic. — 1972. — № 2 (4). — P. 458–508.

16. Plungian, V. The place of evidentiality within the universal grammatical space / V. Plungian. — Text : unmediated // J. Pragmat. — 2001. — 33. — P. 349–357. — doi: 10.1016/S0378-2166(00)00006-0

17. Willett, T. A cross-linguistic survey of grammaticization of evidentiality / T. Willett. — Text : unmediated // Stud. Lang. — 1988. — 12. — P. 51–97. — doi: 10.1075/sl.12.1.04wil

MATERIALS

1. Cameron, C. (n.d.). Election Highlights: Harris and Walz Rally in Las Vegas to End Their Introductory Tour. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/live/2024/08/10/us/harris-trump-election?name=styl&nl=2024>

2. Dixon, R. (n.d.). Ukraine unleashes attacks on Russian airfields amid Kursk offensive. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/14/ukraine-russia-kursk-incursion-airfields-belgorod/>

3. Ebel, F. (n.d.). Putin calls cross-border attack in Kursk region a ‘provocation’. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/07/kursk-russia-ukraine-war-border/>

4. Heilbrunn, J. (n.d.). Was the Prisoner Swap with Russia a Bad Idea? *The National Interest*. Retrieved from <https://nationalinterest.org/blog/jacob-heilbrunn/was-prisoner-swap-russia-bad-idea-212169>.

5. Piper, I. (n.d.). How an Israeli hostage rescue that left scores of Palestinians dead unfolded. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/13/israel-hostage-rescue-palestinian-deaths-analysis/>

6. Ryan, M. (n.d.). Nearly 100 killed in Israeli strike on school, Gaza officials say. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/world/2024/08/10/israel-hamas-war-news-gaza-al-tabeen/>

7. Scherer, M. (n.d.). Trump holds meandering news conference, where he agrees to debate Harris. *The Washington post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/elections/2024/08/08/trump-harris-news-conference/>

8. Solomon, E. (n.d.). Hamas May Emerge Battered, but Not Beaten, From Israel’s Latest Blows. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2024/08/04/world/middleeast/hamas-israel-gaza-future.html>.

DICTIONARIES

1. *Cambridge Dictionary Online* (n.d.). Retrieved July 26, 2024, from <http://www.cambridge.org>

REFERENCES

1. Dzhusti-Fichi, F. (1994). Chuzhaya rech' (pereskazyvanie) v balkano-slavyanskikh yazykakh [Someone else's speech (retelling) in the Balkan-Slavic languages]. In N.D. Arutyunova & N.K. Ryabtseva (Eds.), *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* (189 p.). Moscow: Nauka. (In Russ.)

2. Ivanova, S.V. (2016). Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozдание effekta demonizatsii [Linguistic resource base of information warfare: creating the effect of demonization]. *Political Linguistics*, 5(59), 28–37. EDN XACGZD. (In Russ.)

3. Kozlovskiy, D.V. (2024). Kategoriya «evidentsial'nost'» kak instrument peredachi slukhov v angloyazychnom mediadiskurse [The category of “evidentiality” as a tool for transmitting rumors in the English-language media discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 10(1), 71–85. EDN GXAOLE. (In Russ.)

4. Kostyanan, Z.V. (2019). Narechiya rechevogo soobsheniya reportedly i allegedly kak sredstvo peredachi chuzhoi rechi v sovremennoy angloyazychnoy presse [Adverbs of speech message reportedly and allegedly as a means of transmitting someone else's speech in the modern English-language press]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8. Retrieved Aug. 5, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/narechiya-rechevogo-soobsheniya-reportedly-i-allegedly-kak-sredstvo-peredachi-chuzhoi-rechi-v-sovremennoi-angloyazychnoi-pressе> (In Russ.)

5. Osipov, G.A. (2013). *Khedzhirovanie kak kognitivno-pragmaticheskiy priem suggestii v politicheskom diskurse* [Hedging as a cognitive-pragmatic technique of suggestion in political discourse] [author's abstract of dis. of candidate of philological sciences]. Maykop, 22 p. EDN ZOXRREV. (In Russ.)

6. Ruzhentseva, N.B. (2022). Yazyk vrazhdy i ego predstavlenie v pechatnykh SMI: dinamicheskie protsessy [The language of hatred and its representation in print media: dynamic processes]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*, 2, 551–563. EDN BXTXOY. (In Russ.)

7. Fefelov, A.F. (2023). Leksiko-semanticeskoe pole post-truth v prostranstve ot istiny do pravdy [The lexical-semantic field of post-truth in the space from truth to truth]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 21(1), 83–101. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101. EDN UFEIPX. (In Russ.)

8. Khazieva, R.R. (2018). *Ispol'zovanie lozhnoy informatsii v diskursivnom lingvopoliticheskom modelirovanii deystvitel'nosti* [Using false information in discursive linguopolitical modeling of reality] [Author's abstract. dis. ... candidate of philological sciences]. Ufa, 22 p. EDN FLRNCE. (In Russ.)

9. Khazieva, R.R., & Ryzapova, E.M. (2023). Diskursivnye praktiki rechevogo vozdeystviya v angloyazychnykh mass media [Discursive practices of speech influence in English-language

mass media]. In *Pravovye osnovy politicheskoy i sotsial'no-ekonomicheskoy integratsii Soyuznogo gosudarstva Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Belarus'* (Materials of the International scientific and practical conference, Ufa, June 26-27, 2023, pp. 159–169). Ufa: Nauchno-issledovatel'skiy institut problem pravovogo gosudarstva. DOI 10.46320/2073-4506-2023-15a-1-159-169. EDN AMURJN. (In Russ.)

10. Chanysheva, Z.Z. (2020). Meganarrativ konflikta v mediynoy kommunikatsii [Meganarrative of conflict in media communication]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 25(3), 665–669. DOI 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.32. EDN HMXHVZ. (In Russ.)

11. Chanysheva, Z.Z. (2021). Meganarrativ kak instrument strukturirovaniya mediynoy informatsii [Meganarrative as a tool for structuring media information]. *Medialingvistika*, 8(3), 206–218. DOI 10.21638/spbu22.2021.301. EDN ATLBFW. (In Russ.)

12. Chudinov, A.P. (2007). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics] [Textbook] (2nd ed., rev.). Moscow: Flinta: Nauka, 252 p.

13. Aikhenvald, A.Y., & Dixon, R.M.W. (2003). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

14. Boye, K., & Harder, P. (2009). Evidentiality linguistic categories and grammaticalization. *Funct. Lang.*, 16, 9–43. doi: 10.1075/fo1.16.1.03boy

15. Lakoff, D. (1972). Hedges: A study in meaning criteria and logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2(4), 458–508.

16. Plungian, V. (2001). The place of evidentiality within the universal grammatical space. *J. Pragmat.*, 33, 349–357. doi: 10.1016/S0378-2166(00)00006-0

17. Willett, T. (1988). A cross-linguistic survey of grammaticalization of evidentiality. *Stud. Lang.*, 12, 51–97. doi: 10.1075/sl.12.1.04wil

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 808.51+811.1613'42+81'25
ББК ШП18+ШП41.13-51+ШП41.13-55

ГРНТИ 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Ольга Аюровна Цыбенова

Литературный институт им. М. Горького, Москва, Россия, tabu_olga@mail.ru, SPIN-код: 3328-9972

Авторская интенция и эмоциональные акценты в переводе политического дискурса

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется влияние политической конъюнктуры и глобальной геополитической ситуации на перевод общественно-политических текстов с русского языка на монгольский язык на примере выступления президента Республики Беларусь Александра Лукашенко. Основной целью исследования является изучение точности и корректности передачи эмоционально-оценочной составляющей и авторской интенции в процессе перевода этого текста на монгольский язык. Для достижения данной цели был применен комплексный методологический подход, включающий дискурсивный, прагматический и сравнительный анализы. В рамках исследования проведен анализ оригинального текста выступления, а также его перевода на монгольский язык. Особое внимание уделено оценке точности передачи ключевых смысловых и эмоциональных элементов, а также выявлению возможных расхождений и искажений. Результаты исследования показывают, что перевод общественно-политических текстов в условиях изменяющейся геополитической ситуации может существенно изменять восприятие и интерпретацию оригинального сообщения. В частности, в переводах были выявлены случаи, когда эмоционально-оценочные аспекты и авторская интенция были смещены или искажены, что могло привести к изменению общего восприятия текста у целевой аудитории. Настоящая работа вносит значительный вклад в область переводоведения, поскольку на данный момент отсутствуют методические разработки и исследования, посвященные общественно-политическому переводу с русского языка на монгольский и с монгольского на русский язык. Полученные данные могут быть полезны для переводчиков, исследователей политической лингвистики и специалистов по межкультурной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, политические деятели, политическая риторика, политические речи, публичные выступления, белорусские президенты, Александр Лукашенко, лингвоперсонология, языковая личность, языковые средства, переводоведение, политические переводы, переводческая деятельность, русский язык, монгольский язык, дискурсивный анализ, прагматический анализ, эмоционально-оценочная составляющая, межкультурная коммуникация, политическая лингвистика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Цыбенова Ольга Аюровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра художественного перевода, Литературный институт им. М. Горького; 123104, Россия, Москва, Тверской бульвар, д. 25; email: tabu_olga@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цыбенова, О. А. Авторская интенция и эмоциональные акценты в переводе политического дискурса / О. А. Цыбенова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 206-217.

Ol'ga A. Tsybenova

Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia, tabu_olga@mail.ru, SPIN code: 3328-9972

The Author's Intention and Emotional Emphases in Political Speech Translation

ABSTRACT. The article analyzes the influence of the political context and the global geopolitical situation on the translation of socio-political texts from Russian into Mongolian on the example of the speech of Alexander Lukashenko, President of the Republic of Belarus. The main aim of the study is to examine the accuracy and correctness of conveying the emotional-evaluative constituent and the author's intention in the process of translation of this text into Mongolian. In order to achieve this aim, the author employs a complex method, including discursive, pragmatic and comparative analyses. The study analyzes the original text of the speech and its translation into Mongolian. Special emphasis is placed on assessing the accuracy of translating essential semantic and emotional elements, as well as identifying possible discrepancies or distortions. The results of the study show that the translation of socio-political texts in the changing geo-political context can significantly alter the perception and interpretation of the source-language message. In particular, the translations revealed instances where the emotional-evaluative aspects and the author's intention were shifted or distorted, potentially leading to a change in the overall perception of the text by the target audience. This research makes a notable contribution to the field of translation studies, as there are currently no methods guides or studies dealing with socio-political translation from Russian into Mongolian and vice versa. The findings might be useful for translators, scholars of political linguistics, and specialists in intercultural communication.

KEYWORDS: political discourse, political texts, politicians, political rhetoric, political speeches, public speeches, Belarusian presidents, Alexander Lukashenko, linguopersonology, linguistic personality, language means, translation studies, political translations, translation, Russian language, Mongolian language, discourse analysis, pragmatic analysis, emotional-evaluative constituent, intercultural communication, political linguistics.

AUTHOR'S INFORMATION: *Tsybenova Ol'ga Ayurovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literary Translation, Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Tsybenova O. A. (2024). The Author's Intention and Emotional Emphases in Political Speech Translation. In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 206-217. (In Russ.).*

В современном мире межкультурные контакты становятся всё более интенсивными, временами и напряженными. Политическая конъюнктура, международные санкции и конфликты влияют на восприятие информации. В этом свете речь политиков, особенно глав государств, приобретает особое значение, так как она не только отражает позицию страны, но и оказывает непосредственное влияние на международные отношения и общественное мнение.

Политическая речь включает в себя широкий спектр текстов и высказываний, создаваемых политиками, правительственными организациями и другими субъектами политической сферы для воздействия на общественность. В этой связи политический дискурс в современной лингвистике рассматривается с различных теоретических и методологических позиций, сосредотачиваясь на различных аспектах анализа политической речи.

Понятийные категории политического дискурса, его структурные элементы и характерные свойства были сформулированы в трудах таких исследователей, как В. З. Демьянков, М. В. Гаврилова, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. Ф. Русакова, Перельгут Н. М. [Демьянков 2002: 31-44; Гаврилова 2002: 88-108, 2004: 127-139; Шейгал 2004; Чудинов 2006; Будаев, Чудинов: 2006; Русакова 2006: 26-43; Перельгут 2013: 35-41, Будаев 2016: 12-17]. Кроме того, в коллективной монографии «Слово в действии: интен-анализ политического дискурса» представляется авторская методика изучения конфликтного политического дискурса через интен-анализ, где политический дискурс рассматривается с точки зрения намерений и целей коммуникатора [Слово в действии: интен-анализ политического дискурса 2000].

Лингвостилистический анализ политических текстов является одним из ключевых направлений исследований в области политической лингвистики. Исследования А. П. Чудинова, Э. В. Будаева, А. Д. Васильева и др. сосредоточены на изучении ключевых когнитивных инструментов, таких как метафора, эпитеты, и других риторических приемов, используемых в политической риторике [Чудинов 2003; Будаев 2006: 67–75, 2007: 19–35; Будаев, Чудинов 2008: 37–48; Васильев: 2017: 216]. Работы данных авторов стали теоретической и методологической базой последующих исследований в этом направ-

лении, значительно продвинув понимание того, как язык в политических текстах используется для создания и поддержания идеологического и эмоционального воздействия на аудиторию.

В фокусе внимания исследователей, занимающихся дискурсивным анализом, находятся не только структура и содержание политических текстов, но и культурные, политические контексты, в которых они создаются и воспринимаются [Шейгал 2007: 86–93; Волкодав 2007; Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2012: 53–59; Борисенко 2017].

В то же время политический дискурс изучается и с точки зрения прагматического анализа, что позволяет исследовать, как политические акторы используют язык для достижения своих целей — воздействия на аудиторию и манипулирования общественным мнением [Цурикова 2001; Михалева 2005; Борисенко 2017; Савельева 2022; и др.].

Особое место в изучении политического дискурса занимает анализ исследований, связанных с межкультурными аспектами. В рамках исследований данной области особое внимание уделяется тому, как политическая речь адаптируется под различные культурные аудитории и как перевод и интерпретация политических текстов влияют на их восприятие в разных культурных контекстах [Попова 1995; Бокмельдер 2000; Волкова 2010; Будаев 2011; Бродский 2011: 103–111; Степанова 2016: 245–248; Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингводидактический аспекты: 2020]. Именно дискурсивный и прагматический анализы помогают выявить потенциальные источники недопонимания и конфликта, возникающие из-за различий в культурных кодах и восприятии. В этом контексте изучение политической речи становится не только лингвистическим, но и междисциплинарным, объединяющим социологию, культурологию и политологию.

В основе данного исследования лежат материалы выступления президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко перед представителями СМИ в Монголии, а также статьи на монгольском языке, созданные на базе данного заявления. Использование прагматического анализа позволило нам оценить выступление А. Г. Лукашенко относительно контекста, целей и воздействия на аудиторию. Данный метод помог определить ключевые прагматические стратегии речи

президента Беларуси и проанализировать их передачу в монгольском переводе. Также использовался дискурсивный анализ для изучения структуры и содержания выступления с целью выявления ключевых тем, нарративов, коммуникативных стратегий, дискурсивных маркеров и их интерпретации в статьях на монгольском языке. Кроме этого, нами был использован сравнительный анализ для оценки точности и корректности передачи эмоционально-оценочной составляющей и авторской интенции в монгольском переводе для того, чтобы выявить расхождения и искажения при сопоставлении оригинального текста с переводным текстом.

С 1 по 4 июня 2024 года в Монголию с государственным визитом прибыл президент Республики Беларусь Александр Лукашенко. Монгольские СМИ неоднозначно освещали этот государственный визит, отражая как позитивные, так и критические точки зрения. Некоторые монгольские СМИ подчёркивали значимость визита для укрепления двусторонних отношений, важность подписанных соглашений в сфере торговли, инвестиций и культурного обмена, обсуждались перспективы экономического сотрудничества, которое может принести обоюдную выгоду. В то же время, ряд публикаций выразили критическое отношение к визиту, выражая обеспокоенность по поводу тесного взаимодействия с Беларусью в условиях международных санкций и политической изоляции этой страны. Критики визита ставили под сомнение целесообразность заключения новых договоров, указывая на потенциальные риски для имиджа Монголии на международной арене. Кроме того, определённая часть монгольской прессы акцентировала внимание на неоднозначных высказываниях Лукашенко о политической ситуации на Украине и его поддержке России, что вызвало резонанс в обществе и дискуссии о политических приоритетах Монголии. Обозреватели высказывали мнения о необходимости сбалансированного подхода и выражали опасения по поводу возможного ухудшения отношений с западными партнёрами.

Таким образом, освещение визита Президента Беларуси в монгольских СМИ было разнонаправленным, отражая как позитивные, так и критические точки зрения, что свидетельствует о поляризации мнений и значимости данного события для общественно-политической жизни Монголии.

Безусловно, речь политика выполняет множество различных функций и целей. Она направлена на информирование публики о важных событиях и политических инициативах, а также на убеждение аудитории в зна-

чимости этих действий, для обоснования и защиты спорных решений, уменьшая критику и обеспечивая понимание и поддержку обществу. Важно, как подчеркивает М. К. Дементьева, чтобы «комплекс составляющих его языковых и речевых средств вызывал определенную когнитивную и эмоциональную реакцию аудитории» [Дементьева 2009: 82–92].

В этом контексте рассмотрим выступление Александра Лукашенко в Монголии, которое является ярким примером политической речи, выполняющей все вышеуказанные функции. Данное выступление не только информирует о результатах переговоров и достигнутых соглашениях, но и стремится убедить монгольскую аудиторию в значимости сотрудничества с Беларусью. Лукашенко также использует исторические параллели и культурные символы для легитимизации своих действий и укрепления своего авторитета. Он призывает к поддержке инициатив и сотрудничества, объясняя свою поддержку России в контексте конфликта с Украиной и стремясь уменьшить критику своих действий. Рассмотрим основные аспекты этого выступления более подробно.

Дискурсивный контекст выступления Александра Лукашенко демонстрирует следующие основные ключевые темы, нарративы, коммуникативные приемы и дискурсивные маркеры. Основные темы его выступления включают вопросы установления дружеских отношений, экономического сотрудничества. Нарративы данного фрагмента текста, указывающие на идентичность геополитических вызовов, связанных с географическим положением двух стран, создают ощущение общности и солидарности между Беларусью и Монголией. Остановившись на данных вопросах, президент Беларуси подчеркивает общие трудности и вызовы, характерные для Монголии и Беларуси: *У Монголии, как и у Беларуси, есть большие соседи и много искренних друзей по всему миру. Поэтому нам близок, понятен и очень импонирует прагматичный подход Улан-Батора по внешней политике. Вам очень сложно, мы в такой же ситуации находимся, лишённые выхода к морям. Вы зажаты двумя империями, как в народе говорят. Мы также. С одной стороны одна империя, с другой Евросоюз, другая империя. И я знаю, что такое жить в этом хорошем соседстве.*

Данный отрывок выступления с точки зрения прагматического анализа нацелен на установление эмоциональной связи с монгольской аудиторией, подчеркивая общие проблемы и трудности, с которыми сталкиваются обе страны. Выделив общие геополитические

литические проблемы, Лукашенко создает основу для дальнейшего обсуждения сотрудничества и взаимопомощи. Коммуникативные стратегии, такие как обращение к общим трудностям, сравнение и параллели (...*лишённые выхода к морям, Вы зажаты двумя империями... Мы также...*), личное свидетельство (...*И я знаю, что такое жить в этом хорошем соседстве*) способствуют положительному восприятию речи, помогают эффективно донести свои идеи и в дальнейшем укрепить двухсторонние отношения между странами.

В данном фрагменте выступления А. Лукашенко использует различные дискурсивные маркеры, которые помогают ему структурировать и усилить своё выступление. Маркеры эмфазы «*как в народе говорят...*», «*и я знаю, что такое...*», акцентируя внимание слушателей на значимых аспектах речи, подчеркивают важность и искренность сказанного, усиливая эмоциональное воздействие на аудиторию. Маркеры солидарности «*У Монголии, как и у Беларуси...*», «*нам близок, понятен...*», «*мы в такой же ситуации*», «*мы также*», показывающие общность и сходство между Беларусью и Монголией, создают ощущение единства и взаимопонимания, что важно для установления доверительных отношений с аудиторией. Маркеры противопоставления, такие как «*С одной стороны... с другой...*», помогают показать контрасты и сравнить различные аспекты обсуждаемой темы, что делает речь более убедительной и структурированной. Данные дискурсивные маркеры играют важную роль в создании эмоциональной связи с аудиторией, способствуя эффективной коммуникации и достижению целей выступления.

Переходя к нарративам экономического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, Лукашенко акцентирует внимание на потенциал взаимовыгодных экономических отношений между Беларусью и Монголией, подчеркивает высокотехнологичность своей страны и готовность решать широкий спектр задач, что делает Беларусь конкурентоспособным партнером на международной арене. Между тем Лукашенко, используя прием противопоставления для демонстрации искренности своих намерений: «*...Мы не приехали сюда выгоду какую-то найти*», — объясняет, что текущий товарооборот между странами очень мал, что делает любые обвинения в корыстных целях беспочвенными: «*У нас товарооборот порядка 30 миллионов долларов, так? Мизерный*». Это помогает ему дискредитировать критику монгольской оппозиции и показать искренность сво-

их намерений. Такое прямое обращение к оппозиции и критикам визита помогает нейтрализовать негативные мнения, показывая готовность к открытой дискуссии и аргументации своих действий. Упоминание о низком товарообороте и интересе его увеличить для взаимного блага создает образ альтруистического партнера.

Использование дискурсивного маркера уверенности «*должен сказать*» показывает уверенность говорящего в своих утверждениях, придает речи авторитетность и решительность, что вызывает уважение и доверие у аудитории. Маркер эмфазы «*по-моему*», выделяя личное мнение, помогает подчеркнуть важные моменты и придать им дополнительную значимость, что усиливает эмоциональное воздействие на слушателей. Обращения, такие как «*мы...*», «*для вторых, оппозиционеров...*», «*с президентом*», помогают адресовать конкретные части высказывания определенным людям или группам, создавая ощущение диалога и персонализации. Это способствует установлению более тесной связи с аудиторией и повышению ее вовлеченности. Маркеры смены темы, такие как «*так вот...*», сигнализируют переход к новой теме или аспекту обсуждения, маркеры противопоставления, например, «*но не ради...*», «*ни... а...*», «*...и...и...*», выражают контрасты и сравнения, что способствует аргументации, а маркеры причинно-следственной связи, такие как «*поэтому...*», «*если...*», «*и в этом плане...*», указывая на логическую связь между частями высказывания, обеспечивают связность и последовательность текста, помогая аудитории лучше понять аргументацию и выводы говорящего. Кроме того, точные данные о товарообороте и перечисление возможных сфер сотрудничества обеспечивают аудиторию рациональными доводами, что делает аргументы Лукашенко более убедительными.

Кроме того, в своем выступлении А. Лукашенко обращает внимание на взаимодействие Монголии с ЕАЭС. Нарративы поддержки и солидарности Беларуси в расширении экономического сотрудничества Монголии со странами ЕАЭС, а также укрепления авторитета и позиций Беларуси в международных экономических процессах, в частности в деятельности ЕАЭС, составляют одну из ключевых тем его выступления. Данный фрагмент выступления А. Лукашенко демонстрирует умелое владение им прагматическими стратегиями. Обращаясь к монгольской оппозиции, он задает риторический вопрос: «*Мы-то какую тут выгоду получаем, если мы поддержим ваши контакты с Евразийским экономическим сою-*

зом?». Эта фраза используется для нейтрализации возможной критики, подчеркивая, что Беларусь не преследует корыстных целей. Он подчеркивает, что Монголия должна развивать широкое взаимодействие со своими ближайшими соседями, включая страны ЕАЭС, и выражает готовность Беларуси «подставить свое плечо», демонстрируя солидарность и поддержку.

В данном фрагменте выступления А. Лукашенко используются различные дискурсивные маркеры, которые помогают структурировать и эмоционально усилить выступление. Маркеры уверенности, такие как «считаю, что ...» и «мы готовы...», выражают уверенность говорящего в необходимости действий и демонстрируют готовность к поддержке и сотрудничеству. Маркеры эмфазы, например, «извините, что я ...» и «мы-то какую тут выгоду поймеем?», «так что же здесь плохого?», подчеркивают важность и искренность сказанного, усиливая эмоциональное воздействие на аудиторию. Обращения, такие как «господин президент» и «соперникам вашей оппозиции», адресуют конкретные части высказывания определенным людям, что помогает уточнить адресатов и создать ощущение диалога. Организационные маркеры, такие как «опять же хочу обратиться», сигнализируют переход к новой теме или аспекту обсуждения, помогая поддерживать логическую структуру речи. Маркеры противопоставления, например, «если мы...», выражают противопоставление и способствуют аргументации. Маркер причинно-следственной связи, такой как «и не только ..., а ...», указывает на логическую связь между частями высказывания, обеспечивая последовательность и связность текста.

Визит белорусской делегации совпал с предстоящими парламентскими выборами в Монголии, поэтому говорящий подчеркивает важность предстоящих парламентских выборов для Монголии, выражая свою поддержку и пожелания успеха и процветания. Выражения поддержки и пожеланий монгольскому народу в преддверии выборов, такие как «Я очень хотел бы и желаю пройти эту выборную кампанию вам и всему монгольскому народу. Я желаю вам мира, добра и процветания», создают позитивный эмоциональный фон и укрепляют чувство дружбы и солидарности между народами. Благодарность президенту Монголии за хорошую атмосферу для переговоров подчеркивает признательность и уважение, что способствует укреплению межличностных и дипломатических связей.

В этом фрагменте используются различные дискурсивные маркеры, такие как мар-

керы уверенности, «я очень хотел бы и желаю...» и «я просто хотел вам очень коротко сказать, по сути...», подчеркивающие уверенность и намерение говорящего, придающие его словам авторитетность и вес. Маркеры эмфазы, например: «от всей души» и «я историк, поэтому кое-что в истории соображаю» — акцентируют внимание на искренности и значимости сказанного, помогая выделить ключевые моменты и усилить эмоциональное воздействие на слушателей. Обращения, такие как «гражданин президент», «я редко бываю в Монголии, как вы видите», адресованные определенным людям или группам, способствуют установлению более тесной связи с аудиторией и повышению ее вовлеченности.

Контекст следующего фрагмента выступления Александра Лукашенко отражает его намерение обосновать и оправдать действия Беларуси в международной политике, в частности, относительно специальной военной операции России на Украине. Обращаясь к монгольской аудитории, он подчеркивает свою осведомленность о восприятии его визита в международных и местных СМИ, отмечая негативное отношение части монгольского населения к помощи Беларуси России. Лукашенко использует историческую параллель, сравнивая действия Чингисхана по защите своей империи с современными действиями России и Беларуси. Это сравнение служит для оправдания поддержки России, утверждая, что великие державы всегда защищали свои интересы и соотечественников. Он также упоминает распад Советского Союза, подчеркивая роль Запада в этом процессе, и формирует нарратив угрозы, где действия России и Беларуси представлены как меры по защите суверенитета и исторической справедливости.

В данном фрагменте также присутствуют маркеры смены темы, такие как «и если вы мне позволите» и «я заметил одну вещь», которые сигнализируют переход к новой теме или аспекту обсуждения, поддерживая логическую структуру речи и плавность переходов между различными частями высказывания.

В последнем фрагменте своего выступления Лукашенко обсуждает конфликт между Украиной и Россией, подчеркивая вмешательство Запада и оправдывая действия России. Он использует исторические параллели, упоминая фигуру Чингисхана, чтобы оправдать действия России и Беларуси, а также обсуждает введение международных санкций против России и Беларуси и их последствия. Упоминание попыток мирных переговоров и их срыва из-за вмешательства За-

пада служит для критики западной политики, которую Лукашенко обвиняет в стремлении к дестабилизации региона. Он также подчеркивает тесные связи с Россией и оправдывает поддержку этой страны, формируя нарративы угрозы и защиты, исторической справедливости и солидарности и дружбы.

Лукашенко часто использует риторические вопросы и личные утверждения, чтобы выразить уверенность в своих словах. Например: «*Что же произошло между Украиной и Россией?*». Этот вопрос подчеркивает, что он знает ответ и намерен представить его аудитории. Утверждения, такие как «*Я это хорошо знаю...*», подкрепляют его авторитет и уверенность в знании ситуации, способствуя убеждению аудитории в его правоте. Повторения и акценты, такие как «*Наша, родная, дружеская Украина...*», усиливают эмоциональное воздействие, производя сильное впечатление на слушателей.

Обращения к аудитории являются важной частью риторики Лукашенко. Он часто обращается к монгольской аудитории напрямую, используя примеры, понятные и значимые для них. Например, он говорит: «*Почему монголы сегодня, имея параллель с Чингисханом, которому вы преклоняетесь?*», «*Но при чем здесь Чингисхан?*» — связывая современную ситуацию с известными историческими личностями и событиями, чтобы создать эмоциональную связь и вызвать симпатию.

Противопоставления помогают Лукашенко выделять контрасты и делать свои аргументы более убедительными. Фразы, такие как «*Мы что, с ними должны были по-прежнему дружить? Нет*», четко показывают, что ожидания и реальность не совпадают. Это помогает усилить его аргументы и подчеркнуть важные различия. Для объяснения причин и следствий Лукашенко использует маркеры причинно-следственной связи. Фразы, такие как «*За что? Запад приказал...*» и «*Поэтому я хотел бы, чтобы монголы это понимали*», ясно показывают логическую связь между событиями и действиями, делая его аргументы более последовательными и понятными.

Таким образом, анализ выступления Александра Лукашенко в Монголии показывает его умелое использование дискурсивных и прагматических стратегий для оправдания внешней политики Беларуси, укрепления дипломатических связей и формирования положительного имиджа страны. Лукашенко обращается к историческим параллелям, личному опыту и эмоциональным аспектам, чтобы создать нарративы угрозы, защиты, солидарности и дружбы. Примене-

ние дискурсивных маркеров уверенности, эмфазы, обращения, смены темы, противопоставления и причинно-следственной связи позволяет ему эффективно структурировать свою речь, вызвать эмоциональный отклик и убедить аудиторию в правоте своих действий. Эти стратегии способствуют достижению целей его выступления, нейтрализации критики и укреплению поддержки среди монгольской аудитории.

Комплексное исследование выступления А. Лукашенко с точки зрения дискурсивного и прагматического анализа позволяет получить точное понимание авторской интенции и оценочно-эмоциональной составляющей его речи. Дискурсивный анализ выявляет ключевые темы, нарративы и риторические приемы, которые автор использует для структурирования и усиления своих аргументов. Например, использование исторических параллелей, таких как сравнение действий России и Беларуси с действиями Чингисхана, подчеркивает легитимность и справедливость современных политических решений. Прагматический анализ, в свою очередь, помогает понять контекст и цели коммуникации, выявляя стратегические приемы, направленные на укрепление дипломатических связей, оправдание внешней политики и нейтрализацию критики.

Такой подход позволяет глубже проникнуть в смысл и эмоциональную окраску выступления, выявить скрытые намерения и цели автора, что важно для точного и адекватного перевода. Переводчики, сталкиваясь с задачей перевода политических выступлений, должны применять подобные методы анализа. Это помогает сохранить не только основное содержание текста, но и его эмоционально-оценочные оттенки и авторскую интенцию. Журналист (переводчик) должен уметь передать те же эмоции и намерения, которые вложил автор, чтобы читатели переводного текста могли ощутить то же, что и слушатели оригинального выступления. Таким образом, комплексный анализ дискурса и прагматики является необходимым инструментом для качественного и точного перевода политических текстов.

На основе данного выступления Александра Лукашенко в монгольских СМИ появился ряд статей о государственном визите А. Лукашенко в Монголию. В дальнейшем мы проведем оценку точности передачи ключевых смысловых и эмоциональных элементов в переводе, чтобы выявить возможные расхождения и искажения. Важно проанализировать, насколько адекватно переводчик передал контекстуальные и прагматические аспекты речи Лукашенко.

В настоящее время в Монголии издается около 200 газет и журналов. Все они освещали визит А. Г. Лукашенко в Монголию, предоставляя различную интерпретацию событий и комментариев по поводу встреч и переговоров. Большинство изданий акцентировали внимание на значимости визита для укрепления двусторонних отношений, отмечая подписанные соглашения в области торговли, инвестиций и культурного обмена. Тем не менее есть СМИ, которые выражали обеспокоенность по поводу политической обстановки и международных санкций против Беларуси, критикуя взаимодействие с этой страной.

Следует отдельно уделить внимание 3 статьям: «Лукашенко: Бид ямар нэгэн ашиг хайж Монголд ирээгүй» (Лукашенко: «Мы не приехали в Монголию искать выгоду»), «А. Г. Лукашенко Украин руу дайрсан Оросын үйлдлийг Чингис хааныхтай адил гэв» (А. Г. Лукашенко сравнил действия России по вторжению* в Украину с действиями Чингисхана), «А. Г. Лукашенко: Хэвлэлүүд Беларусийг Монголын дайсан мэт харуулж байгаад харамсаж байна» (А. Г. Лукашенко: «Сожалеу, что СМИ изображают Беларусь как врага Монголии»). Как указывает А. П. Чудинов, «самая сильная (привлекающая максимальное внимание читателей) позиция в тексте — это заголовок» [Чудинов 2003:125], который не только повысит интерес читателя к самой статье, но и усилит восприятие ключевых посылов, отражая важность поднятых тем. Таким образом, эмоциональная составляющая его выступления сыграла значимую роль в формировании заголовков и содержания статей в монгольских СМИ, способствуя более глубокому и эмоционально насыщенному восприятию его слов.

Рассмотрим статью на «Лукашенко: Бид ямар нэгэн ашиг хайж Монголд ирээгүй» (Лукашенко: «Мы не приехали в Монголию искать выгоду»). В целом журналист М. Наранжаргал корректно отразила часть, касающуюся совместного сотрудничества. В статье журналист пишет о том, что Лукашенко поддерживает стремление Монголии заключить временное соглашение с ЕАЭС. Также упоминает об увеличении товарооборота и открытии путей для экспорта из Монголии в Беларусь. В оригинальном тексте выступления подчеркивается необходимость тесного взаимодействия с ближайшими соседями и готовность Беларуси оказать поддержку Монголии в этом процессе. Тут же Лукашенко отмечает, что без согласия Беларуси не будет заключен ни один договор.

фрагмент статьи	фрагмент выступления А. Лукашенко
<i>Иймд эдгээр улстай муу харилцаатай байвал аль ч улс орон та бүхэнтэй хамтран ажиллахыг хүсэхгүй гэж Лукашенко хэллээ». (Поэтому Лукашенко заявил, что ни одна страна (наше примеч. страна из состава ЕАЭС) не захочет с вами сотрудничать, если у вас с этими странами плохие отношения.</i>	Без нашего согласия Евразия не заключит ни один договор, ни с Монголией, ни с другим государством. Так что же здесь плохого? Со своей стороны мы в долгу не останемся.

В переводе данного фрагмента монгольской статьи указано, что плохие отношения с этими странами могут помешать сотрудничеству Монголии со странами ЕАЭС, что меняет смысл оригинального высказывания, искажая слова Лукашенко. Отсутствует конкретное упоминание о невозможности заключения договоров без согласия Беларуси, что ослабляет позицию Лукашенко. Такое искажение слов Лукашенко в переводе ведет к изменению восприятия его речи монгольской аудиторией. Тем самым ослабляет акценты на необходимости сотрудничества и готовности Беларуси оказать поддержку.

Кроме того, в статье были выявлены отличия в передаче речи Лукашенко:

фрагмент статьи	фрагмент выступления А. Лукашенко
<i>Монгол, Беларусь, дэлхий дахины хэвлэл мэдээллийн ажилтнуудад хандаж миний Монгол Улсад хийж буй айлчлалын талаар нэг асуудлыг тодорхой болгохыг хүсч байна. Монгол Улсын иргэдийн зарим нь Беларусиаас нийлүүлж буй тоног төхөөрөмжийг сөргөөр хүлээж авсан. ОХУ-аас Украинд явуулж буй цэргийн тусгай ажиллагаатай уялдуулж, бидний хамтын ажиллагааг сөргөөр хүлээж авсан байна. (Хотел бы уточнить один вопрос относительно моего визита в Монголию перед представителями СМИ Монголии, Беларуси и мира. Некоторые граждане Монголии негативно восприняли поставку оборудования из Беларуси. Наше сотрудничество вызвало негативную реакцию, это связано со специальными военными операциями России на Украине).</i>	В Монголии часть населения негативно восприняла помощь Беларуси, которую мы предоставили Российской Федерации в связи с проведением специальной военной операции в Украине.

В монгольской статье подчеркивается негативная реакция на поставки оборудования, тогда как Лукашенко в своем выступлении говорит о негативном восприятии помо-

щи Беларуси России во время специальной военной операции на Украине среди некоторых жителей Монголии. Эти расхождения могут влиять на восприятие намерений и действий Лукашенко монгольской аудиторией, что подчеркивает важность точности и аккуратности в переводе политических выступлений для сохранения авторской интенции и оценки.

В статье М. Наранжаргал встречается предложение «*Чингис хааны үеийн Монгол их гүрний түүх бол агуу түүх*» (История великой Монгольской империи времен Чингисхана — великая история), которое выглядит изолированным и не имеет связи с предыдущими и последующими предложениями. В исходном тексте, в выступлении Лукашенко, это упоминание является частью более широкой риторической стратегии, где он проводит параллели между действиями Чингисхана по защите своей империи и современными действиями России и Беларуси. Это сравнение играет ключевую роль в обосновании и легитимизации его позиции, выдвигая на передний план историческую преемственность и оправданность таких действий. К тому же отсутствие связности в переводе, нарушающее целостность и логическую структуру аргументации, может привести к недопониманию или искажению первоначальных намерений оратора. Это особенно критично в политической риторике, где каждое слово и каждая связь между предложениями могут влиять на восприятие и интерпретацию всей речи.

Далее, анализируя еще один фрагмент этой статьи, мы обнаружили следующие отличия в передаче информации из выступления Лукашенко, отличающиеся по полноте информации, эмоциональной и риторической составляющей.

фрагмент статьи

ОХУ бол бидний холбоотон улс. Бид хамтарсан олон төсөл хөтөлбөр хэрэгжүүлж байгаа. ОХУ бол бидний хамгийн дотны анд нөхөр. Хоёр улсын хооронд байгуулсан бүхий л эрх зүйн баримт бичгийг үндэслэн бид ямагт Оросын талд байна. — Россия — наш союзник. Мы реализуем множество совместных проектов. Россия — наш самый близкий друг. Мы всегда на стороне России, руководствуясь юридическими документами, подписанными между нашими странами.

фрагмент выступления
А. Лукашенко

Мы пытаемся выстроить с Российской Федерацией союзное государство. Общее отечество. Два суверенных государства. Хороший проект. Это наши самые близкие братья. Мы живем, думаем и разговариваем на одном языке. Поэтому, согласно всем юридическим нашим подписанным договорам, я действую.

В выступлении А. Лукашенко говорится о стремлении создать союзное государство, подчеркивается, что это проект двух суверенных государств. В своей статье монгольский журналист этот аспект упускает, упоминает лишь о существовании сотрудничества и реализации совместных проектов. Также Лукашенко подчеркивал братские отношения и культурное единство (*Это наши самые близкие братья. Мы живем, думаем и разговариваем на одном языке*), используя эмоционально насыщенные выражения, в монгольской статье используется более сухое выражение «*наш самый близкий друг*», что снижает эмоциональное воздействие. В последнем предложении из фрагмента выступления Лукашенко говорит о своей роли и ответственности в выполнении обязательств, в статье же указывает на коллективную поддержку и единство Беларуси с Россией. Основываясь на этом, можно утверждать, что данные различия могут существенно влиять на восприятие выступления монгольской аудиторией и, как следствие, на интерпретацию политики и намерений Беларуси.

Следующая статья ««А. Г. Лукашенко: Хэвлэлүүд Беларусийг Монголын дайсан мэт харуулж байгаад харамсаж байна» (А. Г. Лукашенко: «Сожалею, что СМИ изображают Беларусь как врага Монголии») сосредоточена на фрагментах речи Лукашенко о поддержке Беларуси России в контексте СВО, тогда как предыдущая статья охватывала также тезисы о двустороннем экономическом сотрудничестве Монголии и Республики Беларусь. В статье «А. Г. Лукашенко Украин руу дайрсан Оросын үйлдлийг Чингис хааныхтай адил гэв» темы и нарративы, позаимствованные из выступления Лукашенко, в основном, переданы верно. Тем не менее, есть некоторые неточности:

1) Как и в предыдущей статье «Лукашенко: Бид ямар нэгэн ашиг хайж Монголд ирээгүй», автор допускает неточность в передаче текста, касающегося негативных откликов монгольского населения по поводу помощи, которую Беларусь оказывает России во время СВО (*Монгол Улсын иргэдийн зарим хэсэг нь Беларусь улсын зүгээс нийлүүлж байгаа тоног төхөөрөмжийг сөргөөр хүлээж авсан. Энэ нь бол ОХУ-аас Украин улсад явуулж байгаа цэргийн тусгай ажиллагаатай уялдуулж, бид нарын хамтын ажиллагааг сөргөөр хүлээж авсан байна. — Поставка белорусской техники вызвала негативную реакцию у части монгольских граждан. Это связано со специальной военной операцией, проводимой Россией на Украине, и наше сотрудничество было воспринято негативно*);

2) журналист не включает призыв Лукашенко к монголам по аналогии с Чингисханом и упускает эмоциональные аспекты его речи: *Почему монголы сегодня, имея параллель с Чингисханом, которому вы преклоняетесь, и я президента поддержал, это великая страница великой истории у вас, вы ею гордитесь? Почему при этой параллели вы осуждаете Россию, а тем более Беларусь, которая выступила гарантом мирных переговоров.*

Это вполне могло быть сознательное решение журналиста. Включение призыва Лукашенко к монголам по аналогии с Чингисханом и упоминание эмоциональных аспектов речи могли бы усилить воздействие и убедительность его аргументов. Однако исключение этих элементов может свидетельствовать о желании журналиста представить более нейтральное или рациональное освещение событий, либо о стремлении избежать провокационных или спорных утверждений, которые могут вызвать дополнительные дискуссии или разногласия среди аудитории.

В третьей статье «А. Г. Лукашенко Украин руу дайрсан Оросын үйлдлийг Чингис хааныхтай адил гэв» (А. Г. Лукашенко сравнил действия России по вторжению* в Украину с действиями Чингисхана), как и в предыдущих статьях, выявлены неточности в передаче оригинальных высказываний Александра Лукашенко. Например, допущена та же ошибка, что и в предыдущих двух статьях. В статье говорится о негативном восприятии монгольским населением поставок оборудования из Беларуси в Монголию, тогда как Лукашенко в своей речи не упоминал об этом. Он говорил о помощи Беларуси России в контексте специальной военной операции на Украине. Это искажение меняет восприятие его выступления. Важно отметить, что точность в передаче контекста и фактов имеет решающее значение для правильного понимания заявлений политиков.

Далее, рассмотрим еще одно конкретное несоответствие:

фрагмент статьи	фрагмент выступления А. Лукашенко
<i>Бид зөвхөн газар нутгаа л хамгаалсан. Чингис хаан ч тухайн үедээ өөрийн газар нутгаа хамгаалах бодлого л явуулж байсан. Харин өнөөдөр Украин Улс өмнөх зуун шиг хүмүүсийг амьдаар нь шатааж эхэлсэн. Үүнтэй зэрэгцэн В. Путин тэнд байгаа өөрийн иргэдээ хамгаалах бодлого явуулсан. (Мы защищали только свою тер-</i>	Но при чем здесь Чингисхан? Я вам рассказал, как Чингисхан защищал своих соотечественников. И когда в Украине начали натурально в новом веке в современном мире сжигать людей в домах... А общество Одессы? Посмотрите Одессу, как там сжигали людей, русских людей? Общество российское начало давить на президента Путина и на власть. Вы должны их защитить. Параллельно Путин защитил своих людей там.

риторию. Чингисхан в своё время также проводил политику защиты своей территории. Но сегодня Украина начала сжигать людей заживо, как и в прошлом веке. В то же время Путин также проводил политику защиты своих граждан.)

Эмоциональные аспекты речи Лукашенко охватывают трагические события в Одессе, защиту людей и роль Путина, при этом проводится аналогия между действиями Чингисхана по защите своих соотечественников и действиями Путина. В монгольской статье журналист лишь приводит общее утверждение, что Украина начала сжигать людей, как и в прошлом веке, что не передает конкретику, упомянутую Лукашенко о трагических событиях в Одессе. Эмоциональный посыл Лукашенко в этом фрагменте заключается в акцентировании конкретных исторических и современных трагедий, которые должны усилить аргументацию о необходимости защиты и оправдать действия России. Недостаток конкретики в монгольской статье ослабляет это эмоциональное воздействие и упрощает восприятие, делая его менее убедительным и насыщенным.

Анализ монгольских статей, основанных на заявлении Александра Лукашенко, показывает, что авторская интенция и оценочно-эмоциональная составляющая его речи были переданы с различной степенью точности. В ряде случаев статьи, которые мы проанализировали, передавали основные идеи и факты, но часто терялись важные эмоциональные и риторические элементы речи политика, что может повлиять на восприятие монгольской аудиторией при чтении данных материалов.

Во-первых, необходимо отметить, что Лукашенко активно использует исторические параллели, личные обращения и эмоционально насыщенные выражения для усиления своего послания. Например, в своих выступлениях он часто упоминает Чингисхана, сравнивая его действия по защите своей империи с современными действиями России и Беларуси. Это помогает ему создать нарратив исторической преемственности и легитимности действий, что является важной частью его риторики. Однако в материалах статей эти элементы часто теряли свою эмоциональную и риторическую силу. Например, сравнение с Чингисханом не всегда было передано с той же степенью эмоциональной насыщенности и исторической значимости, что ослабляло аргументацию Лукашенко.

Во-вторых, авторская интенция Лукашенко, направленная на установление дру-

жеских и партнерских отношений с Монголией, была иногда искажена или смещена. В оригинале Лукашенко подчеркивал важность взаимного уважения и сотрудничества, выражал готовность поддержать Монголию в ее экономических инициативах и укреплении связей с ЕАЭС. В монгольских статьях эти элементы иногда терялись или передавались недостаточно точно, что могло ослабить восприятие его намерений как искренних и альтруистических. Например, в статьях акцент на взаимовыгодное сотрудничество и солидарность был ослаблен, что могло привести к недопониманию или интерпретации его слов как корыстных.

Помимо этого, эмоциональные аспекты речи Лукашенко, связанные с трагическими событиями на Украине и защитой людей, не всегда передавались с нужной степенью конкретности и эмоционального воздействия. Например, его упоминания о событиях в Одессе и защитной роли Путина часто передавались более общими выражениями, что снижало эмоциональную насыщенность и убедительность его аргументов. Эти элементы играют ключевую роль в создании сильного эмоционального отклика аудитории, и их отсутствие или ослабление в публикациях может существенно изменить восприятие речи.

На основании вышеизложенного, можем утверждать, что основные темы, нарративы выступления Лукашенко были переданы в монгольских статьях. Однако недостаток точности в передаче эмоционально-оценочных аспектов и авторской интенции, ослабляя воздействие его слов, может изменять смысловой контекст, существенно влияя на восприятие его речи монгольской аудиторией. Тем самым подчеркивается важность не только точного перевода слов, но и сохранения эмоциональной и риторической силы оригинала для обеспечения адекватного восприятия и интерпретации политических заявлений политиков.

Кроме того, анализ показал, что политическая конъюнктура и геополитическая ситуация могут оказывать значительное влияние на перевод общественно-политических текстов. В условиях современной международной напряженности и политических разногласий переводчики и журналисты могут сталкиваться с необходимостью адаптировать тексты для соответствия внешней политике своей страны. Это особенно важно в контексте стран, таких как Монголия, которая сохраняет нейтральную позицию по вопросу специальной военной операции России на Украине. Такой же нейтральной позиции придерживаются СМИ Монголии, особенностью которых является «переводной» харак-

тер статей на тему СВО. В отсутствие собственных источников, они часто ссылаются на западные СМИ, в которых тот или иной политический окрас присутствовать может, но он не может заинтересовать нас, поскольку не отражает точку зрения монгольского автора.

В таких случаях, переводчики и журналисты могут сознательно или бессознательно модифицировать эмоционально-оценочную составляющую и авторскую интенцию при переводе политических текстов, стремясь минимизировать риски возникновения конфликтных ситуаций или провокационных интерпретаций. Эти изменения могут проявляться через смягчение, упрощение или даже исключение определенных аспектов речи, что в конечном итоге влияет на восприятие аудитории. Например, некоторые элементы риторики Лукашенко, такие как сравнения с прецедентными именами (Чингисхан) или эмоциональные обращения, могут быть ослаблены или опущены, чтобы не вызвать неоднозначной реакции у местной аудитории.

Такое изменение переводов имеет важные последствия для восприятия политических сообщений. Искажения или упущения в переводе могут привести к значительным различиям в понимании намерений и действий политических лидеров, что, в свою очередь, может влиять на общественное мнение и дипломатические отношения между странами.

Таким образом, наше исследование подтверждает, что политическая конъюнктура и геополитическая ситуация могут существенно влиять на перевод общественно-политических текстов, приводя к изменениям в передаче авторских интенций и эмоционально-оценочной составляющей. Это подчеркивает важность гибкого подхода в переводе с учетом контекста, чтобы обеспечить точное и эффективное восприятие текста, особенно в рамках международных отношений и общественного восприятия.

В нашем исследовании имеются ограничения, так как оно было направлено на изучение перевода только одного политического выступления, не охватывая лингвостилистические элементы, такие как эпитеты, метафоры и другие риторические средства. Это ограничивает понимание того, как эти элементы влияют на восприятие текста после перевода. В перспективе планируется исследование этих элементов для более глубокого понимания их влияния на перевод и восприятие текста в различных контекстах. Также, в дальнейшем, можно рассмотреть влияние политической конъюнктуры и геополитических факторов на перевод текстов в разных языковых и культурных контекстах, что позволит выявить более общие тенденции.

ИСТОЧНИКИ

1. Сайт news.mn. — URL: <https://news.mn/r/2727784/> (дата обращения: 28/07/2024). — Текст : электронный.
2. Сайт itoim.mn. — URL: <https://itoim.mn/a/2024/06/03/president/lqw> (дата обращения: 28/07/2024). — Текст : электронный.
3. Сайт sonin.mn. — URL: <https://www.sonin.mn/newsDetail/3567> (дата обращения: 28/07/2024). — Текст : электронный.
4. Сайт youtube.com. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c1Q322BYYgc> (дата обращения: 28/07/2024). — Видеоизображение : электронное.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бокмельдер, Д. А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук / Бокмельдер Д. А. — Иркутск, 2000. — 140 с. — Текст : непосредственный.
2. Борисенко, В. А. Вербальная репрезентация образа политика в политическом дискурсе: прагмалингвистический подход / В. А. Борисенко, Т. Ю. Мкртчян, М. В. Самофалова. — Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2017. — 160 с. — Текст : непосредственный.
3. Бродский, М. Ю. Политический дискурс и перевод / М. Ю. Бродский. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 103–111.
4. Будаев, Э. В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафоры / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2006. — № 20. — С. 67–75.
5. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — 267 с. — Текст : непосредственный.
6. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Лингвокультурология. — 2007. — № 1. — С. 19–35.
7. Будаев, Э. В. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — № 3 (26). — С. 37–48.
8. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Нижний Тагил : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2011. — 360 с. — Текст : непосредственный.
9. Будаев, Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6 (60). — С. 12–17.
10. Васильев, А. Д. Роли и функции эпитетов в текстах политической тематики : моногр. / А. Д. Васильев, Ф. Е. Подсохин. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2017. — 216 с. — Текст : непосредственный.
11. Волкова, Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода / Т. А. Волкова. — Москва : Флинта, 2010. — 125 с. — Текст : непосредственный.
12. Волкова, М. А. Применение политического дискурса-анализа в решении идеологических задач (на примере медиатизации политических текстов) : дис. ... канд. филол. наук / Волкова М. А. — Краснодар, 2007. — 191 с. — Текст : непосредственный.
13. Гаврилова, М. В. Лингвистический анализ политического дискурса / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политический анализ. — 2002. — № 3. — С. 88–108.
14. Гаврилова, М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 3. — С. 127–139.
15. Дементьева, М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе / М. К. Дементьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — С. 82–92.
16. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 31–44.
17. Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингводидактический аспекты : коллективная моногр. / С. В. Шустова, Е. Р. Журавлева, О. Н. Путина, Е. В. Исаева. —

Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. — 180 с. — Текст : непосредственный.

18. Михалева, О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : моногр. / О. Л. Михалева. — Иркутск : [Иркут. гос. ун-т], 2005. — 319 с. — Текст : непосредственный.
19. Перельгут, Н. М. О структуре понятия «политический дискурс» / Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкая. — Текст : непосредственный // Вестник Нижневартковского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 35–41.
20. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоры / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. — Москва : Фонд «ИНДЕМ», 2004. — 96 с. — Текст : непосредственный.
21. Попова, Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газ. интервью) : дис. ... канд. филол. наук / Попова Е. А. — Волгоград, 1995. — 235 с. — Текст : непосредственный.
22. Русакова, О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 4. — С. 26–43.
23. Савельева, И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсоналогический аспекты моделирования : дис. ... д-ра филол. наук / Савельева И. В. — Кемерово, 2022. — 496 с. — Текст : непосредственный.
24. Сдобников, В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Сдобников В. В. — Москва, 2015. — 22 с. — Текст : непосредственный.
25. Слово в действии: интен-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова, В. В. Латынов [и др.]. — Москва : Алетейя, 2000. — 320 с. — Текст : непосредственный.
26. Степанова, В. В. Перевод и адаптация политических текстов / В. В. Степанова, С. Ю. Новикова, О. Н. Федорова. — Текст : непосредственный // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 26 сент 2016 г. — Чебоксары : Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, 2016. — Вып. 3. — С. 245–248.
27. Цурикова, Л. В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен / Л. В. Цурикова. — Текст : непосредственный // Эссе о социальной власти языка / под ред. Л. И. Гришаевой. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. — С. 94–102.
28. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.
29. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
30. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59.
31. Шейгал, Е. И. Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2007. — № 2 (22). — С. 86–93.
32. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Site news.mn. Retrieved Jul. 28, 2024, from <https://news.mn/r/2727784/>
2. Site itoim.mn. Retrieved Jul. 28, 2024, from <https://itoim.mn/a/2024/06/03/president/lqw>
3. Site sonin.mn. Retrieved Jul. 28, 2024, from <https://www.sonin.mn/newsDetail/>
4. Site youtube.com. Retrieved Jul. 28, 2024, from <https://www.youtube.com/watch?v=c1Q322BYYgc>

REFERENCES

1. Bokmel'der, D.A. (2000). *Strategii ubezhdeniya v politike: analiz diskursa na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka*

- [Persuasion strategies in politics: discourse analysis based on modern English] [Dis. of Cand. of Philology]. Irkutsk, 140 p. (In Russ.)
2. Borisenko, V.A. (2017). *Verbal'naya reprezentatsiya obraza politika v politicheskom diskurse: pragmalingvisticheskiy podkhod* [Verbal representation of the politician's image in political discourse: a pragmalinguistic approach]. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy federal'nyy universitet, 160 p. (In Russ.)
  3. Brodskiy, M.YU. (2011) Politicheskiy diskurs i perevod [Political discourse and translation] *Political Linguistics*, 1(35), 103–111. (In Russ.)
  4. Budayev, E.V. (2006). «Mogut li metafory ubivat'?: pragmaticheskiy aspekt politicheskoy metaforiki [Can Metaphors Kill?: Pragmatic Aspect of Political Metaphorics] *Political Linguistics*, 20, 67–75. (In Russ.)
  5. Budayev, E.V., & Chudinov, A.P. (2006). *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern Political Linguistics]. Yekaterinburg, 267 p. (In Russ.)
  6. Budayev, E.V. (2007). Stanovleniye kognitivnoy teorii metafory [The Formation of Cognitive Metaphor Theory. Lingvokul'turologiya]. *Lingvokul'turologiya*, 1, 19–35. (In Russ.)
  7. Budayev, E.V. (2008). Kognitivno-diskursivnyy analiz metafory v politicheskoy kommunikatsii [Cognitive-Discursive Analysis of Metaphor in Political Communication]. *Political Linguistics*, 3(26), 37–48. (In Russ.)
  8. Budayev, E.V. (2011). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. Nizhniy Tagil: Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet, 360 p. (In Russ.)
  9. Budayev, E.V. (2016). Kriticheskiy analiz politicheskogo diskursa: osnovnyye napravleniya sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy [Critical Analysis of Political Discourse: Main Directions of Contemporary Foreign Research]. *Political Linguistics*, 6(60), 12–17. (In Russ.)
  10. Vasil'yev, A.D. (2017). *Roli i funktsii epitetov v tekstakh politicheskoy tematiki: monografiya* [Roles and Functions of Epithets in Political Texts: Monograph]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 216 p. (In Russ.)
  11. Volkova, T.A. (2010). *Diskursivno-kommunikativnaya model' perevoda* [Discursive-Communicative Model of Translation]. Moscow: Flinta, 125 p. (In Russ.)
  12. Volkodav, M.A. (2007). *Primeneniye politicheskogo diskursa-analiza v reshenii ideologicheskikh zadach (na primere mediatizatsii politicheskikh tekstov)* [Application of Political Discourse Analysis in Solving Ideological Problems (On the Example of Mediatization of Political Texts)] [Dis. of Cand. of Philology]. Krasnodar, 191 p. (In Russ.)
  13. Gavrilova, M.V. (2002). Lingvisticheskiy analiz politicheskogo diskursa [Linguistic Analysis of Political Discourse]. *Politicheskiiy analiz*, 3, 88–108. (In Russ.)
  14. Gavrilova, M.V. (2004). Politicheskiy diskurs kak ob'yekt lingvisticheskogo analiza [Discourse as an Object of Linguistic Analysis]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 3, 127–139. (In Russ.)
  15. Dement'yeva, M.K. (2009). Yazykovyye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskome diskurse [Linguistic Means of Expressing Evaluation in Contemporary Russian Official Political Discourse]. *Political Linguistics*, 4(30), 82–92. (In Russ.)
  16. Dem'yankov, V.Z. (2002). Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political Discourse as an Object of Political Philology] In *Politicheskaya nauka*, (Iss 3), 31–44. (In Russ.)
  17. Shustova, S.V., Zhuravleva, Ye.R., Putina, O.N., & Isayeva, Ye.V. (2020). *Diskursivnyye markery: pragmalingvisticheskiy i pragmalingvodidakticheskiy aspekty* [Discursive Markers: Pragmatic and Pragmalinguodidactic Aspects] [Monograph]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 180 p. (In Russ.)
  18. Mikhaleva, O.L. (2005). *Politicheskiiy diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeystviya* [Political Discourse as a Sphere of Manipulative Influence]. Irkutsk: [Irkut. gos. un-t], 319 p. (In Russ.)
  19. Pere'l'gut, N.M. (2013). O strukture ponyatiya «politicheskiiy diskurs» [On the Structure of the Concept «Political Discourse»] *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 35–41. (In Russ.)
  20. Baranov, A.N., Mikhaylova, O.V., Satarov, G.A., Shipova, Ye.A. (2004). *Politicheskiiy diskurs: Metody analiza tematicheskoy struktury i metaforiki* [Political Discourse: Methods for Analyzing Thematic Structure and Metaphor]. Moscow: Fond «Indem», 96 p. (In Russ.)
  21. Popova, Ye.A. (1995). *Kul'turno-yazykovyye kharakteristiki politicheskogo diskursa (na materiale gaz. interv'yu)* [Cultural and Linguistic Characteristics of Political Discourse (Based on Newspaper Interviews)] [Dis. of Cand. of Philology]. Volgograd, 235 p. (In Russ.)
  22. Rusakova, O.F. (2006). Politicheskaya diskursologiya: predmetnoye pole, teoreticheskiye podkhody i strukturnaya model' politicheskogo diskursa [Political Discourse Studies: Subject Field, Theoretical Approaches and Structural Model of Political Discourse]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 4, 26–43. (In Russ.)
  23. Savel'yeva, I.V. (2022). *Neprofessional'nyy politicheskiiy diskurs kak novoye kommunikativnoye yavleniye: lingvopragmaticheskiy i lingvopersonologicheskiy aspekty modelirovaniya* [Non-professional Political Discourse as a New Communicative Phenomenon: Linguopragmatic and Linguopersonological Aspects of Modeling] [Dis. of Doct. of Philology]. Kemerovo, 496 p. (In Russ.)
  24. Sdobnikov, V.V. (2015). *Kommunikativnaya situatsiya kak osnova vybora strategii perevoda* [Communicative Situation as the Basis for Choosing Translation Strategy] [Abstract of Dis. of Doct. of Philology]. Moscow, 22 p. (In Russ.)
  25. Ushakova, T.N., Pavlova, N.D., & Latynov, V.V. (2000). *Slovo v deystvii: intent-analiz politicheskogo diskursa* [Word in Action: Intent Analysis of Political Discourse]. Moscow: Izdatel'stvo Aleteyya, 320 p. (In Russ.)
  26. Stepanova, V.V. (2016). Perevod i adaptatsiya politicheskikh tekstov [Translation and Adaptation of Political Texts]. In *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedeniye: aktual'nyye voprosy i perspektivy issledovaniya: Sbornik m-lov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Cheboksary, 26 sentyabrya 2016 goda* (Iss. 3, pp. 245–248). (In Russ.)
  27. Tsurikova, L.V. (2001). Politicheskaya korrektnost' kak sotsiokul'turnyy i pragmalingvisticheskiy fenomen [Political Correctness as a Sociocultural and Pragmatic Phenomenon]. In L.I. Grishayeva, *Esse o sotsial'noy vlasti yazyka* (pp. 94–102). Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.)
  28. Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in Contemporary Political Communication]. Ekaterinburg: Ural. St. Ped. Univ., 248 p. (In Russ.)
  29. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie* [Political linguistics: a study book]. Moscow: Flinta, 256 p. (In Russ.)
  30. Chudinov, A.P. (2012). Diskursivnyye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication]. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. (In Russ.)
  31. Sheygal, Ye.I. (2007). Mnogolikiy narrativ [Multifarious Narrative]. *Political Linguistics*, Iss. 2(22), 86–93. (In Russ.)
  32. Sheygal, Ye.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow: Gnozis, 324 p. (In Russ.)

ПРИМЕЧАНИЕ

* Это наименование СВО из статьи монгольских СМИ противоречит установленным действующим законодательством РФ требованиям, официальным сводкам Министерства обороны РФ, приводится здесь в качестве прямой цитаты.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+811.581'42+81'27+81'25
ББК ШП41.12-51+ШП71.1-51+ШП18+ШП100.621

ГРНТИ 16.31.21; 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Чжу Хуэй¹✉, Ольга Александровна Митрофанова²✉

¹ Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, zhuhui1230@qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0003-2922-8156>

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, o.mitrofanova@spbu.ru✉, SPIN-код: 4169-6068

Оценка сложности китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена оценке сложности китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики. Цель исследования заключается в том, чтобы экспериментально сравнить и проанализировать сложность оригинальных и переводных политических текстов на китайском и русском языках с точки зрения количественных и качественных параметров. В статье применялись методы корпусной лингвистики и лингвостатистического анализа. В ходе проведения исследования был разработан новый китайско-русский корпус параллельных и сопоставимых политических текстов. В результате обработки данных о лингвистических признаках, связанных с лексическим разнообразием и индексами удобочитаемости, было установлено, что переводные русскоязычные тексты политической тематики сложнее оригинальных. Эксперименты по оценке сложности текстов корпуса с помощью индексов удобочитаемости позволили проследить изменения сложности текстов во времени. Данное исследование имеет высокую теоретическую и практическую ценность, поскольку оно способствует более глубокому пониманию проблемы сложности оригинальных и переводных китайских и русских текстов политической тематики, а также стимулирует совершенствование новых инструментов для оценки сложности текстов с учетом их языка, стиля и тематики. Полученные результаты могут быть учтены в практике перевода политических текстов с китайского языка на русский.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сложность текста, политический дискурс, политические тексты, тема политики, параллельный корпус, сопоставимый корпус, переводные тексты, русский язык, китайский язык, переводоведение, переводческая деятельность, политические переводы, сопоставительное языкознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Чжу Хуэй, аспирант, Даляньский университет иностранных языков; 116044, China, Liaoning, Dalian; email: zhuhui1230@qq.com.

Митрофанова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., д. 11, ауд. 193; email: o.mitrofanova@spbu.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при поддержке проекта № 202307130002, утвержденного Советом по стипендиям Министерства образования Китая, при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032900006-1. (本文受中国国家留学基金委№ 202307130002圣彼得堡国立大学项目和俄罗斯124032900006-1项目资助号).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чжу, Хуэй. Оценка сложности китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики / Чжу Хуэй, О. А. Митрофанова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 218–227.

Zhu Hui¹✉, Ol'ga A. Mitrofanova²✉

¹ Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, zhuhui1230@qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0003-2922-8156>

² Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, o.mitrofanova@spbu.ru✉, SPIN code: 4169-6068

Assessment of the Complexity of the Chinese-Russian Corpus of Parallel and Comparable Political Texts

ABSTRACT. This paper focuses on assessing the complexity of the Chinese-Russian corpus of parallel and comparable political texts. The study aims to experimentally compare and analyze the complexity of source-language and target-language political texts in Chinese and Russian from both quantitative and qualitative perspectives. The research employs the methods of corpus linguistics and linguo-statistical analysis. A new Chinese-Russian corpus of parallel and comparable political texts was developed in the course of the study. The analysis of linguistic features related to lexical diversity and readability indices has revealed that Russian target-language political texts are more complex than the source-language texts. The experiments assessing the complexity of the corpus texts using readability indices allowed tracking changes in text complexity over time. This study holds significant theoretical and practical value as it contributes to a deeper understanding of the issue of complexity of source-language and target-language political texts in Chinese and Russian and promotes the development of new tools for assessing text complexity, considering language, style, and topic. The findings can be used in practical translation of political texts from Chinese into Russian.

KEYWORDS: *text complexity, political discourse, political texts, political topic, parallel corpus, comparable corpus, translated texts, Russian language, Chinese language, translation studies, translation, political translations, comparative linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zhu Hui, Post-Graduate Student, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

Mitrofanova Ol'ga Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Mathematical Linguistics, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The work was supported by project No. 202307130002, approved by the Scholarship Council of the Ministry of Education of China with the support of SPbU, project code 124032900006-1.

FOR CITATION: *Zhu Hui, Mitrofanova O. A. (2024). Assessment of the Complexity of the Chinese-Russian Corpus of Parallel and Comparable Political Texts. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 218-227. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время спектр лингвистических параметров, представляющих интерес для исследования порождения и восприятия текстов, расширяется. Среди информативных параметров текстов сложность (complexity) стала одной из важнейших областей прикладных лингвистических исследований, связанных с концепцией «легкого/понятного/ясного» языка. Интерес к оценке сложности текстов в реципиент-ориентированных проектах [Mustajoki et al. 2021] подтверждается тем, что арсенал лингвистов пополнился новыми инструментами, применимыми для анализа текстов на различных языках, в том числе и русском: это инструмент «Текстометр» [Лапошина, Лебедева 2021], предназначенный для изучающих русский как иностранный и взрослых носителей русского как родного, платформа-агрегатор «RuLingva» для учителей, школьников и их родителей [Солнышкина и др. 2024], сервис «PolyLing» [Никулина и др. 2023], инструмент анализа сложности юридических текстов [Чаплинский и др. 2024] и т. д.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в оценке сложности текстов разных жанров и тематики остаются нерешенные вопросы, в частности, связанные с пригодностью различных способов оценки сложности и их применимостью в обработке многоязычных корпусов текстов. Исследования, связанные с оценкой сложности текстов в процессе их перевода, малочисленны [Нечаева и др. 2020], и наша работа призвана восстановить существующие пробелы. Важность обращения к материалу китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики состоит в том, что высокая сложность текстов данного типа определяется особенностями официально-делового стиля, в то же время в качестве адресатов политических текстов выступают как узкие специалисты — политологи, юристы, работники социальной сферы, так и самый широкий круг носителей языка, не имеющих профильного образова-

ния, затрагивающего тематику текстов. Исследование сложности политических текстов [Кучаков, Савельев 2018; Митрофанова, Атугодаге 2023 и др.] — это ключ к повышению их понятности для разных групп коммуникантов.

Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые проведены эксперименты и получены эмпирические данные о сложности китайских и русских текстов из корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики, при этом применяется семейство метрик сложности, допускающих межъязыковой сопоставительный анализ и исследование изменений сложности текстов во времени. **Цель** исследования состоит в комплексной оценке сложности оригинальных и переводных политических текстов на китайском и русском языках с точки зрения количественных и качественных параметров, соотносимых с лексическими, морфологическими и синтаксическими характеристиками текстов. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**: 1) изучить различные трактовки понятия сложности и смежных с ней явлений; 2) определить лингвистические признаки, являющиеся значимыми для оценки сложности текстов; 3) проанализировать метрики сложности и определить их применимость к работе с исследовательским корпусом; 4) провести эксперименты по оценке сложности китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики; 5) обобщить полученные данные и сформулировать выводы о состоятельности используемых метрик и о сходствах и различиях между китайскими и русскими текстами с точки зрения сложности.

Объектом исследования являются лингвистические параметры, определяющие сложность текстов. **Предмет** исследования — метрики сложности, применяемые в анализе текстов на китайском и русском языках. В исследовании используются **методы** корпусной лингвистики, лингвостатистического анализа, метрики сложности, **алгоритмы**

автоматической обработки текстов, реализованные в библиотеках для языка *Python*. **Теоретическая значимость** исследования заключается в проверке гипотезы о связи между типологическими характеристиками языков, лингвистическими параметрами текстов и метриками оценки их сложности, а также о влиянии характеристик сложности на процесс перевода и об изменении сложности текстов определенного жанра и тематики во времени. **Практическая значимость** исследования состоит в возможности применения полученных эмпирических данных для контроля сложности текстов в процессе перевода политических текстов в китайско-русской языковой паре.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА

Понятия сложности, читабельности, трудности, понятности. Разнообразие подходов к выбору метрик оценки сложности определяется отсутствием единого мнения учёных по вопросу трактовки общего понятия сложности текста и его противопоставленности более специфичным и дополняющим друг друга понятиям **читабельности** (*readability*), **трудности** (*difficulty*), **понятности** (*comprehensibility*) [Кисельников 2015].

Оценка **читабельности** текста обычно дается на основе некоторых количественных параметров. По мнению ряда исследователей, понятие читабельности по своей сути неоднозначно, поскольку оно отражает, с одной стороны, характеристики сложности текста с точки зрения его построения, а с другой — характеристики его потенциальных читателей, процессов восприятия и понимания текстов. Сейчас для оценки читабельности текстов используется значительное число метрик, одними из первых были разработаны индексы Флеша (*Flesch Reading Ease*) [Flesch 1948] и Флеша — Кинкейда (*Flesch — Kincaid Readability Test*) [Kincaid et al. 1975], на их основе предложены индексы SMOG [McLaughlin 1969], Колман — Лиану [Coleman, Liau 1975]; Дейла — Челла [Chall, Dale 1995] и ряд других. Применительно к русскому языку были разработаны специфические метрики читабельности: индексы Тулдавы [Тулдава 1975], Оборневой [Оборнева 2006] и др. Для решения задач в области обучения родному и иностранным языкам [Белый и др. 2023], журналистики, подготовки и редактирования официально-деловых текстов исследователями применяется свыше двух сотен формул для оценки удобочитаемости текста, пригодных для работы не только с английским, но и с другими языками, среди которых немецкий, французский, русский, китайский и другие.

Понятие читабельности текста уточняется понятием **трудности**, которое таким же образом учитывает объективные аспекты текста (количественные параметры) и субъективные аспекты, связанные с механизмами восприятия текста читателями и их трудозатратами при чтении текста [Казачкова, Галимова 2023]. Оценка трудности текста учитывает разные группы носителей языка с точки зрения их возраста, пола, образования, социального положения, подготовленности к восприятию информации, фоновых знаний, когнитивных способностей и других факторов. Поэтому один и тот же текст, имеющий инвариантную оценку лексической, морфологической, синтаксической сложности, может получить варьирующиеся значения оценки трудности в зависимости от выбора целевой аудитории.

Понятность текста также важна для осмысления категории сложности. Понятность — это «свойство текста содействовать пониманию» [Микк 1981], которое можно оценить не через комбинацию независимых признаков (например, можно трактовать читабельность и трудность), а как меру взаимовлияния объективных (количественных) оценок сложности и субъективных оценок, связанных с социолингвистическим и психологическим профилированием говорящих, с их мотивированностью и функциональными особенностями. Понятность текста коррелирует с длиной его предложений в словоупотреблениях, мерой знакомости слов для читателя, устанавливаемой по лексическим минимумам для разных уровней владения языком как родным или иностранным и по лексико-семантическим признакам словаря.

Сложность текста — это категория, которая характеризует текст в аспектах его языковой, предметной и логической структуры [Судина 2022]. Сложность текста представляется как комплексная мера [Ляшевская 2016], опирающаяся на языковые факторы (выбор лексико-семантических средств, специфичность морфологических форм, организация структуры предложений, сверхфразовых единств, варианты риторической структуры текста, его дискурсивных свойств и т. д.) и не сводимая к информационной сложности текста (знакомству читателя с темой текста), визуальной сложности текста (восприятию шрифтового, иллюстративного оформления текста, инфографики, поликодовости текста и т. д.). Помимо указанных выше факторов, важно учитывать ясность текста и абстрактность лексики [Федюченко 2010], поскольку от этих параметров зависит качество его восприятия и интерпретации. Обобщая информацию о категории сложно-

сти и его коррелятов, в нашем исследовании мы будем следовать представлению об оценке сложности как о комплексе количественных и качественных параметров, включающих лингвостатистические признаки текстов, а также интересы и личный опыт читателя.

Лингвистические параметры текстов, учитываемые в метриках сложности. Именно из-за различий в трактовке понятия сложности текста ученые расходятся в выборе лингвистических параметров, учитываемых при оценке сложности. Исследование Р. Рейнольдса показало, что традиционные метрики, которые используются для оценки удобочитаемости текста (лексические, морфологические, синтаксические, дискурсивные), также полезны для измерения сложности текста [Reynolds 2016]. Среди лексических признаков важны три группы: коэффициенты лексического разнообразия, лексической сложности и лексической знакомости. В экспериментах по машинному обучению наиболее высокий вес имеют морфологические признаки: количество букв, слогов, слов, предложений; средняя длина слова, предложения и т. д. [Там же]. Синтаксические признаки, коррелирующие со сложностью, были изучены подробно применительно к частным задачам оценки сложности текстов различных функциональных стилей, прежде всего это касается длины предложения [Абрамов и др. 2011]. Для русского языка И. В. Оборонева разработала адаптированную формулу для оценки читабельности текстов, основанную на формуле Флеша — Кинкейда [Оборонева, 2006]. Данная формула имплементирована в инструменте *LightReader*, реализованном в виде макроса для *Microsoft Word* и позволяющем рассчитывать такие параметры, как среднее число слогов в слове, число многосложных слов, среднее число слов в предложении и т. д. В исследованиях М. И. Солнышкиной и коллег, развивающих алгоритмы оценки сложности текстов на основе дискурсивных характеристик в модели Coh-Metrix [Солнышкина и др. 2022], отмечается, что наряду с параметрами поверхностного кода (состав слова, частеречные категории, синтаксические признаки и т. д.), необходимо принимать во внимание уровень текста (пропозициональные структуры, референциальные связи, фокус дискурса и т. д.), уровень ситуации (участники ситуации, категории темпоральности, пространства, связи между событиями и т. д.), уровень дискурса (логическая организация текста, эпистемиологический статус и т. д.), прагматический уровень (цели говорящего и слушающего и т. д.).

В нашем исследовании было проведено сочетание основных количественных и качественных параметров. Первая группа параметров, примененных в работе с русскоязычными текстами, — это традиционные морфологические признаки, такие как количество букв, слов, слогов и предложений, части речи и т. д. Вторая группа — это лексическая сложность и лексическое разнообразие. Для изучения лексического разнообразия мы выбрали классический коэффициент Type-Token Ratio (TTR), а также Moving-average TTR (MATTR) [Covington 2010], преимущество которого состоит в меньшей чувствительности к длине текста [Захарова 2020]. Исследование лексической сложности включает следующие параметры: средняя длина слова, количество и доля уникальных, длинных и сложных слов в тексте. Помимо этого, были применены стандартные индексы читабельности текстов для русского языка.

Поскольку русский и китайский языки типологически различны, это отражается в выборе информативных параметров оценки сложности китайского сегмента нашего корпуса и метрик. Китайский язык — это изолирующий язык, в связи с этим применение для оценки сложности обычных индексов читабельности может вызвать затруднения. По данным [Soh 2020], в китайской комплексологии до сих пор не выработано единое мнение ученых о том, какие признаки играют ведущую роль в оценке сложности текстов на китайском языке. В исследовании [Wang 2008] обобщены результаты экспериментов с 1970-х годов, свидетельствующие о том, что для китайского языка важными параметрами, связанными со сложностью текстов, являются среднее количество штрихов в иероглифах, частотность слов, количество слов, среднее количество символов в предложении, длина предложения. При сравнении различных подходов оказалось, что в наборах параметров, предлагаемых учеными, мало пересечений. Так, в исследованиях [Yang 1971] большое внимание уделяется доле трудных слов, а в экспериментах [Sung et al. 2013] по машинному обучению с использованием машины опорных векторов и логистической регрессии наряду с параметром трудных слов значимыми оказались такие параметры, как среднее количество штрихов в иероглифах, доля конкретной лексики и другие.

2. ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО КОРПУСА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ

Эмпирический материал данного исследования представляет собой китайско-рус-

ский корпус параллельных и сопоставимых политических текстов, состоящий из двух подкорпусов: параллельный корпус «Докладов о работе правительства в 2012–2022 гг.» (далее — ДРП), включающий в себя исходный китайский текст (далее — ДРП-К, объем 11 текстов, 114 294 словоупотребления) и перевод на русский язык (далее — ДРП-Р, объем 11 текстов, 133 636 словоупотреблений); сопоставимый корпус «Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2011–2021 гг.» (далее — ППР, объем 11 текстов, 89 790 словоупотреблений). Общий объем корпуса составляет 33 текста, 337 720 словоупотреблений. ДРП-К и ППР — тексты, официально изданные Китаем и Россией, которые являются репрезентативными с точки зрения тематики и стиля. Подробное описание корпуса представлено в статье [Чжу, Захаров 2024]. Для изучения сложности политических текстов подкорпусы ДРП-К, ДРП-Р и ППР были сегментированы по годам.

В ходе экспериментов по анализу сложности текстов с русскоязычными подкорпусами ДРП-Р и ППР мы использовали библиотеку *Russian Texts Statistics (ruts)*¹ на языке Python. *ruts* — это многофункциональная библиотека для оценки лингвостатистических параметров текстов на русском языке, которая позволяет анализировать следующие морфологические признаки, получать данные о количестве предложений, уникальных и сложных словах и др., вычислять классические метрики оценки лексического разнообразия и индексы читабельности: индексы Флеша, Флеша — Кинкейда, Колман — Лиану, SMOG, индекс LIX. Автоматический индекс удобочитаемости, реализованный в *ruts*, нами не использовался, поскольку его значения сильно коррелируют со значениями индекса Колман — Лиану.

В силу особенностей отбора информативных параметров для китайского языка вместо стандартных метрик оценки читабельности были применены метрики, реализованные в библиотеке *AlphaReadability Chinese (ARC)*². Исследование [Lei et al. 2024] демонстрирует широкие возможности инструмента ARC, который позволяет опре-

делять сложность текстов по девяти лингвистическим критериям, отражающим лексические, семантические и синтаксические особенности китайских текстов с точки зрения вероятностно-статистических моделей корпуса, учитывающих оценки энтропии и результаты тематического моделирования с помощью алгоритма LDA (Latent Dirichlet Allocation) [Lei et al. 2024]: лексическое богатство (*lexical richness*), синтаксическое богатство (*syntactic richness*), семантическая точность (*semantic accuracy* (*n*, *v*, *n_v*, *c*)), семантическое богатство (*semantic richness*), семантическая ясность (*semantic clarity*), семантический шум (*semantic noise*).

3. РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

На первом этапе была проведена количественная обработка данных исследовательского корпуса (см. табл. 1). В сегментах ППР и ДРП-Р было определено количество букв, слогов, словоупотреблений, предложений для подкорпусов в целом (столбец «Общее количество») и для отдельных текстов в составе подкорпусов с последующим усреднением (столбец «Среднее значение по текстам»). В целом ДРП-Р по объему значительно больше, чем ППР, как по количеству букв и слогов, так и по количеству словоупотреблений и предложений. Подкорпус ДРП-Р представляет собой перевод китайских политических текстов подкорпуса ДРП-К на русский, соответственно, его количественные характеристики определяются не только объемом исходного текста, но и теми стратегиями перевода и лингвистическими средствами, применяемыми переводчиками. Анализируя полученную информацию, можно выдвинуть гипотезу о том, что с точки зрения сложности текста можно предположить, что чтение и понимание ДРП-Р требует от читателя больших усилий, чем ознакомление с текстами ППР. Кроме того, согласно результатам Чжу Хуэй и В. П. Захарова, процент знаменательных слов (существительных, глаголов и прилагательных) в ДРП-Р выше, чем в ППР [Чжу, Захаров 2024: 119], что является дополнительным свидетельством в пользу выдвинутой гипотезы.

¹ URL: <https://pypi.org/project/ruts/>

² URL: <https://github.com/leileibama/AlphaReadabilityChinese>

Таблица 1

Количественные показатели подкорпусов ППР и ДРП-Р

Параметры	ППР		ДРП-Р	
	Общее количество	Среднее значение по текстам	Общее количество	Среднее значение по текстам
Количество букв	564991	51362.82	992188	90198.91
Количество слогов	238988	21726.18	417820	37983.64
Количество словоупотреблений	91413	8310.27	135476	12316
Количество предложений	4298	389.91	6416	583.28

Таблица 2

Значения коэффициентов лексического разнообразия TTR и MATTR для ППР и ДРП-Р (Фрагмент)

Параметры		Значения по годам							Mean	RMSD
		2011	2012	2013	...	2019	2020	2021		
TTR	ППР	0.42	0.43	0.37		0.38	0.40	0.41	0.40	0.027
	ДРП-Р	0.36	0.39	0.38		0.42	0.33	0.34	0.37	0.025
MATTR	ППР	0.92	0.91	0.90		0.90	0.91	0.91	0.91	0.006
	ДРП-Р	0.89	0.88	0.89		0.90	0.88	0.88	0.89	0.007

На втором этапе работы для проверки выдвинутой гипотезы мы обратились к данным о лексическом разнообразии текстов, оценки которого получены с помощью TTR и MATTR. В табл. 2. представлены результаты оценки TTR и MATTR для подкорпусов ППР и ДРП-Р, а также среднего значения Mean и среднеквадратического отклонения RMSD. В целом по расчетам RMSD для TTR существенно выше (0.027, 0.025), чем для MATTR (0.006, 0.007). Было замечено, что в ППР средние значения TTR и MATTR несколько выше (0.40, 0.91), чем в ДРП-Р (0.37, 0.89). Однако в 2013 и 2019 годах значения TTR в ППР (0.37 и 0.38) ниже, чем в ДРП-Р (0.38 и 0.42), что связано со значительным уменьшением длины текста ДРП-Р в эти два года. TTR для текстов ППР и ДРП-Р в 2018 году одинаково низки (0.34). На основании статистических оценок TTR и MATTR можно сделать вывод, что повышение лексического разнообразия в текстах ППР по сравнению с

текстами ДРП-Р отражает особенности перевода с китайского на русский. В ППР местоимения используются гораздо чаще, чем в ДРП-Р, то есть в оригинальных политических текстах частотные дейктические слова регулярно обеспечивают связи между фрагментами, в то время как в переводных текстах переводчики используют знаменательную лексику вместо местоимений, что может облегчить читателям понимание содержания документов и снизить их неоднозначность.

Аналогичные наблюдения позволяют сделать оценку параметров лексической сложности, представленных в табл. 3. В текстах ДРП-Р по сравнению с ППР несколько меньше уникальных, простых и односложных слов, значительно больше длинных, трудных и многосложных слов, что указывает на более высокую сложность подкорпуса ДРП-Р и меньшую сложность подкорпуса ППР.

Таблица 3

Лексическая сложность для ППР и ДРП-Р

Параметры	ППР		ДРП-Р	
	Среднее значение	Доля	Среднее значение	Доля
Уникальные слова	3285.00	39.53%	4476.18	36.34%
Длинные слова	4549.00	54.74%	8139.09	66.09%
Трудные слова	2313	27.83%	4860.56	39.47%
Простые слова	5415.46	65.17%	6605.27	53.63%
Односложные слова	1733.73	20.86%	1976.18	16.05%
Многосложные слова	5994.73	72.14%	9489.64	77.05%

Третий этап экспериментов направлен на получение значений метрик сложности с помощью библиотеки *ruts*, в которой реализованы основные метрики оценки сложности текстов, адаптированные для русского языка. По шкалам для индексов Флеша, Флеша — Кинкейда, Колман — Лиау, SMOG тексты корпуса характеризуются самой высокой сложностью (от 13.10 до 25.61 при контрольном диапазоне 0...30) и предназначены для носителей языка с академической подготовкой. Единственный индекс, получающий высокое значение в экспериментах, это индекс LIX, который при превышении порога 60 (ППР 76.36, ДРП-Р 87.29) указывает на то, что анализируемый текст обладает исключительной сложностью и скорее всего относится к официально-деловому стилю. Сравнение данных, полученных для подкорпусов ППР и ДРП-Р, указывает на следующие факты: значения метрик для ППР ниже соответствующих показателей для ДРП-Р, что окончательно подтверждает выдвинутую нами гипотезу о повышенной сложности переводных текстов по сравнению с оригинальными русскоязычными документами. Аналогично результатам в экспериментах по оценке лексического разнообразия, среднеквадратическое отклонение RMSD заметно выше для подкорпуса ППР (1.056...4.856), чем для подкорпуса ДРП-Р (0.817...4.289). Дополнительное замечание касается индекса Флеша, который демонстрирует высокое сред-

неквадратическое отклонение RMSD как в подкорпусе ППР, так и в подкорпусе ДРП-Р. Тем самым, сложность является варьирующимся параметром текстов ППР и относительно стабильным для текстов ДРП-Р. Поскольку оценки сложности были получены как для подкорпусов в целом, так и для отдельных документов в составе корпуса, нам удалось оценить динамику изменений в количественных характеристиках текстов. В наших данных прослеживается тенденция к повышению сложности политических текстов со временем. Для ППР наблюдается локальный максимум для основных индексов, приходящийся на 2017 год (исключение составляет индекс Флеша, достигающий максимума в 2019 году), тогда как для ДРП-Р повышение сложности происходит более равномерно, и значения индексов достигают наибольших значений к 2022 году.

В ходе анализа сложности подкорпуса китайских текстов ДРП-К с помощью инструмента *ARC* мы изучили две группы метрик. Результаты представлены в табл. 6. Группа I объединяет метрики, позволяющие оценить лексико-семантическое и синтаксическое богатство (lexical, semantic, syntactic richness) текста и семантический шум (semantic noise), при этом чем выше значения метрик, тем сложнее текст. Группа II представляет оценки семантической точности (semantic accuracy) и ясности (semantic

Таблица 4

Метрики оценки сложности текстов подкорпуса ППР (Фрагмент)

Метрики	Значения по годам							Mean	RMSD
	2011	2012	2013	...	2019	2020	2021		
Индекс Флеша	22.43	14.08	22.68		29.51	29.34	24.66	21.42	4.856
Индекс Флеша — Кинкейда	12.24	14.01	12.99		11.22	10.44	13.15	13.10	1.356
Индекс Колман — Лиау	13.41	15.28	13.41		11.85	12.11	13.27	13.76	1.056
Индекс SMOG	20.89	23.14	21.61		19.47	18.72	21.64	21.72	1.520
Индекс LIX	73.78	78.53	76.17		72	71.27	76.65	76.36	2.894

Таблица 5

Метрики оценки сложности текстов подкорпуса ДРП-Р (Фрагмент)

Метрики	Значение по годам							Mean	RMSD
	2012	2013	2014	...	2020	2021	2022		
Индекс Флеша	13.41	10.21	9.15		13.06	21.15	22.21	13.89	4.289
Индекс Флеша — Кинкейда	16.14	16.88	15.73		14.99	17	17.09	16.33	0.817
Индекс Колман — Лиау	20.59	19.91	19.69		20.1	22.1	22.34	20.75	0.872
Индекс SMOG	25.16	26.46	24.97		23.81	26.42	26.54	25.61	0.993
Индекс LIX	86.59	87.03	85.03		84.65	89.9	90.15	87.29	1.999

Таблица 6

Метрики оценки сложности текстов подкорпуса ДРП-К (Фрагмент)

Метрики	Значения ДРП-К							Mean	RMSD
	2012	2013	2014	...	2020	2021	2022		
I									
lexical_richness	6.30	6.27	6.43		6.38	6.41	6.43	6.43	0.080
syntactic_richness	2.14	2.12	2.14		2.13	2.11	2.11	2.13	0.011
semantic_richness_n	0.27	0.28	0.27		0.25	0.27	0.27	0.27	0.009
semantic_noise_n	57.81	59.32	55.83		35.76	34.45	52.79	50.81	10.274
II									
semantic_accuracy_n	3.67	3.69	3.72		3.62	3.74	3.65	3.70	0.042
semantic_accuracy_v	8.19	8.58	8.05		8.12	7.97	7.88	8.05	0.194
semantic_accuracy_n_v	6.04	6.12	6.02		6.18	6.03	6.00	6.04	0.064
semantic_accuracy_c	6.46	6.44	6.35		6.55	6.44	6.41	6.42	0.067
semantic_clarity_n	0.03	0.03	0.03		0.02	0.02	0.02	0.03	0.005

clarity), для них чем ниже значения, тем проще и понятнее текст. Заметим, что значения метрик обеих групп имеют довольно низкое значение среднеквадратического отклонения RMSD (0.005...0.194), исключение составляет метрика семантического шума (10.274). Полученные данные позволяют высказать наблюдение о том, что китайские тексты из подкорпуса ДРП-К имеют высокую сложность, на что явно указывают высокие показатели семантического шума (semantic noise) и низкие показатели семантической ясности (semantic clarity).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате серии проведенных экспериментов по оценке сложности китайско-русского корпуса параллельных и сопоставимых текстов политической тематики были получены ценные данные о роли лингвистических параметров, представляющих разноразличные явления в китайском и русском языках. Цель исследования была достигнута благодаря решению следующих задач.

Были проанализированы подходы к трактовке понятия сложности, его соотношения с читабельностью, трудностью и понятностью в трудах российских и зарубежных исследователей, что позволило определить соотношение количественных и качественных параметров, учитываемых при оценке текста в аспектах его структурной организации, коммуникативных целей, его восприятия носителями языка из различных групп и т. д.

В зависимости от целей оценки сложности текстов следует корректно проводить отбор лингвистических параметров, которые представляют явления лексического, морфологического, синтаксического, семантического уровней, а также внутритекстовые связи, ситуативную соотнесенность текста, дис-

курсивные и прагматические параметры текста. На отбор параметров сложности повлияли типологические различия между китайским и русским языками.

В ходе экспериментов мы выдвинули и проверили гипотезу о различиях в сложности оригинальных русскоязычных текстов и переведенных с китайского на русский. Данные о метриках сложности позволили подтвердить данную гипотезу и получить эмпирические данные, свидетельствующие в пользу того, что тексты подкорпуса ППР характеризуются меньшей сложностью по сравнению с подкорпусом ДРП-Р. При анализе китайского подкорпуса ДРП-К метрики показали свою состоятельность, при этом оказалось, что наиболее явными показателями высокой сложности оригинальных политических текстов на китайском языке следует считать метрики семантической ясности и семантического шума. Дополнительное исследование было проведено с целью выявить изменения сложности текстов со временем. Была установлена общая тенденция к усложнению политических текстов, при этом выявленные локальные максимумы сложности можно связать с событиями в общественно-политической жизни Китая и России.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением реестра лингвистических признаков, привлечением дополнительных индексов сложности для китайского и русского языков, с установлением корреляции между группами индексов, с привлечением дополнительных источников текстового материала, со сравнением сложности политических текстов и текстов разной тематической, стилиевой принадлежности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов, В. Е. Статистический анализ связности текстов по общественно-политической тематике / В. Е. Абрамов,

- Н. Н. Абрамова, Е. В. Некрасова, Г. Н. Росс. — Текст : непосредственный // Труды 13-й Всерос. науч. конф. «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции». — 2011. — С. 127–133.
2. Белый, А. В. Автоматическая генерация лексико-грамматических заданий по русскому языку как иностранному с помощью предсказывающих языковых моделей / А. В. Белый, О. А. Митрофанова, Н. А. Дубинина — Текст : непосредственный // Мир русского слова. — 2023. — № 2. — С. 108–118.
3. Захарова, Е. Ю. Лексическое разнообразие текста и способы его измерения / Е. Ю. Захарова, О. Ю. Савина. — Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. — 2020. — № 1 (21).
4. Казачкова, М. Б. Лексическое разнообразие как параметр сложности текстов учебников английского языка (на примере учебников «SPOTLIGHT» и «STARLIGHT») / М. Б. Казачкова, Х. Н. Галимова. — Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2023. — № 4. — С. 178–186.
5. Кисельников, А. С. К проблеме характеристик текста: читабельность, понятность, сложность, трудность / А. С. Кисельников. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 11 (53). — С. 79–84.
6. Кучаков, Р. К. Сложность правовых актов в России: лексическое и синтаксическое качество текстов / Р. К. Кучаков, Д. А. Савельев. — Санкт-Петербург : ИПП ЕУ СПб, 2018. — Текст : непосредственный.
7. Лапошина, А. Н. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному / А. Н. Лапошина, М. Ю. Лебедева. — Текст : непосредственный // Русистика. — 2021. — № 3 (19). — С. 331–345.
8. Ляшевская, О. Н. Индексы удобочитаемости как мера оценки сложности текста / О. Н. Ляшевская. — Текст : электронный // Доклад НУГ ВШЭ. — 2016. — URL: <https://ling.hse.ru/data/2016/12/15/1111563794/Readability%20talk.pdf>.
9. Микк, Я. А. Оптимизация сложности учебного текста: в помощь авторам и редакторам / Я. А. Микк. — Москва : Провещение, 1981. — 119 с. — Текст : непосредственный.
10. Митрофанова, О. А. Динамическое тематическое моделирование русскоязычного корпуса юридических документов / О. А. Митрофанова, М. М. Атугодаре. — Текст : непосредственный // Terra Linguistica. — 2023. — Т. 14. — № 1. — С. 70–87.
11. Нечаева, Н. В. Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы в России / Н. В. Нечаева, К. С. Хельмле, Э. М. Каирова. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2020. — № 3. — С. 8–24.
12. Никулина, Е. Р. Разработка сервиса для оценки удобочитаемости текста с применением технологий машинного обучения / Е. Р. Никулина, А. В. Черкас, Е. Д. Козина, А. В. Бойко, Л. А. Дмитриева. — Текст : электронный // SAEC. — 2023. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-servisa-dlya-otsenki-udobochitaemosti-teksta-s-primeneniem-technologii-mashinnogo-obucheniya>.
13. Оборнева, И. В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Оборнева И. В. — Москва, 2006. — Текст : непосредственный.
14. Солнышкина, М. И. Лингвистическое профилирование текста: приключенческая повесть vs. учебник / М. И. Солнышкина, Р. В. Куприянов, Г. Н. Шоева. — Текст : непосредственный // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2024. — Т. 10. — № 1. — С. 115–132.
15. Солнышкина, М. И. Обработка естественного языка и изучение сложности дискурса / М. И. Солнышкина, Д. Макама, Р. Р. Замалетдинов. — Текст : непосредственный // Russian Journal of Linguistics. — 2024. — № 2 (26). — С. 317–341.
16. Судина, И. И. Трудности текстов для чтения при обучении иностранному языку / И. И. Судина. — Текст : электронный // Символ науки. — 2022. — № 7. — С. 29–32.
17. Тулдава, Ю. А. Об измерении трудности текстов / Ю. А. Тулдава. — Текст : непосредственный // Ученые записки Тартуского университета. — Тарту : Изд-во Тарт. ун-та. — 1975. — № 4. — С. 102–120.
18. Федюченко, Л. Г. Когнитивный подход в описании уровня сложности текста на перевод / Л. Г. Федюченко. — Текст : непосредственный // *Lingua mobilis*. — 2010. — № 2 (21). — С. 170–175.
19. Чаплинский, А. В. Понятность языка правосудия: опыт эмпирического исследования содержания и синтаксиса судебных решений / А. В. Чаплинский, А. В. Кнутов, Д. П. Алимпе-ев. — Текст : непосредственный // Закон. — 2024. — № 2. — С. 159–177.
20. Чжу, Хуэй. Корпусное сравнение языка китайских и российских политических текстов / Чжу Хуэй, В. П. Захаров. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 1 (103). — С. 115–128.
21. Chall, J. S. Readability revisited: the new Dale-Chall readability formula / J. S. Chall, E. Dale. — Text : unmediated // Brookline Books. — 1995. — P. 159.
22. Coleman, M. A. computer readability formula designed for machine scoring / M. A. Coleman, T. L. Liau — Text : unmediated // Journal of Applied Psychology. — 1975. — № 60 (2). — P. 283–284.
23. Covington, M. A. Cutting the Gordian knot: The moving-average type-token ratio (MATTR) / M. A. Covington., J. D. McFall. — Text : unmediated // Journal of Quantitative Linguistics. — 2010. — № 2. — P. 94–100.
24. Flesch, R. A new readability yardstick / R. Flesch. — Text : unmediated // Journal of Applied Psychology. — 1948. — P. 221–233.
25. Kincaid, J. P. Derivation of new readability formulas (automated readability index, fog count, and flesch reading ease formula) for Navy enlisted personnel / J. P. Kincaid, R. P. Fishburne, R. L. Rogers, B. S. Chissom. — Text : unmediated // Chief of Naval Technical Training: Naval Air Station Memphis. — 1975.
26. Lei, L. AlphaReadabilityChinese: A tool for the measurement of readability in Chinese texts and its applications / Lei L., Wei Y., Liu K. — Text : unmediated // Foreign Languages and Their Teaching. — 2024. — № 46 (1). — P. 83–93.
27. McLaughlin, G. H. SMOG grading: A new readability formula / G. H. McLaughlin. — Text : unmediated // Journal of Reading. — 1969. — № 12 (8). — P. 639–646.
28. Mustajoki, A. Easy language in Russia / A. Mustajoki, Zh. Miihenko, N. Nechaeva, E. Kairova, A. Dmitrieva. — Text : unmediated // Handbook of Easy Languages in Europe / Eds. C. Lindholm, U. Vanhatalo. — Berlin : Frank & Timme, 2021. — P. 439–466.
29. Reynolds, R. Insights from Russian second language readability classification: complexity-dependent training requirements, and feature evaluation of multiple categories / R. Reynolds. — Text : unmediated // Proceedings of the 11th Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications. — 2016. — P. 289–300.
30. Soh, K. Readability Formula for Chinese as a Second Language / K. Soh. — Text : unmediated // Teaching Chinese Language in Singapore. — 2020. — P. 51–62.
31. Sung, Y. T. An exploration of readability of Chinese texts: Selection of indicators, model construction, and verification of validity / Y. T. Sung, J. L. Chen, Y. S. Lee, J. H. Cha, H. C. Tseng, K. E. Chang. — Text : unmediated // Chinese Journal of Psychology. — 2013. — № 55 (1). — P. 75–106.
32. Wang, L. The connotation and research model of readability formulas: Readability for Chinese as a foreign language and its research task / L. Wang. — Text : unmediated // Language Teaching and Linguistic Studies. — 2008. — № 6. — P. 46–53.
33. Yang, S. J. A readability formula for a Chinese language : Unpublished doctoral dissertation / S. J. Yang. — Madison : University of Wisconsin-Madison, 1971. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Abramov, V.E., Abramova, N.N., Nekrasova, E.V., & Ross, G.N. (2011). Statistical analysis of the cohesion of texts on socio-political topics. *Proc. of the 13th All-Russian Scientific Conference*, 127–133. (In Russ.)

2. Belyi, A.V., Mitrofanova, O.A., & Dubinina, N.A. (2023). Automatic generation of lexico-grammatical tasks in Russian as a foreign language with the help of predictive language models. *The World of Russian Word*, 2, 108–118. (In Russ.)
3. Zakharova, E.Y., & Savina, O.Y. (2020). Lexical diversity of the text and ways of its measurement. *Vestnik of Tyumen State University*, 1(21). (In Russ.)
4. Kazachkova, M.B., & Galimova, H.N. (2023). Lexical diversity as a parameter of complexity of texts of English language textbooks (on the example of textbooks “SPOTLIGHT” and “STARLIGHT”). *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University*, 4, 178–186. (In Russ.)
5. Kiselnikov, A.S. (2015). To the problem of text characteristics: readability, comprehensibility, complexity, difficulty. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 11(53), 79–84. (In Russ.)
6. Kuchakov, R.K., & Savelyev, D.A. (2018). *Complexity of legal acts in Russia: Lexical and syntactic quality of texts*. St. Petersburg: IPP EUSPb, 20p. (In Russ.)
7. Laposhina, A.N., & Lebedeva, M.Y. (2021). Textometer: an online tool for determining the level of text complexity in Russian as a foreign language. *Rusistika*, 3(19), 331–345. (In Russ.)
8. Lyashkevskaya, O.N. (2016). Readability indices as a measure of text complexity assessment. *Doklad NUG VSHE*. Retrieved from <https://ling.hse.ru/data/2016/12/15/1111563794/Readability%20talk.pdf?ysclid=m013y6lkl788928979> (In Russ.)
9. Mikk, Y.A. (1981). *Optimization of the complexity of the educational text: To help authors and editors*. Moscow: Prosvshchenie, 119 p. (In Russ.)
10. Mitrofanova, O.A., & Atugodage, M.M. (2023). Dynamic thematic modeling of the Russian-language corpus of legal documents. *Terra Linguistica*, 1(14), 70–87. (In Russ.)
11. Nechaeva, N.V., Helmlé, K.S., & Kairova, E.M. (2020). Translation into clear and simple languages: foreign experience and prospects in Russia. *Vestnik PNIPU. Problems of linguistics and pedagogy*, 3, 8–24. (In Russ.)
12. Nikulina, E.R., Cherkas, A.V., Kozina, E.D., Boyko, A.V., & Dmitrieva, L.A. (2023). Developing a service for text readability assessment using machine learning technologies. *SAEC*. 2. (In Russ.)
13. Osborneva, I.V. (2006). *Automated estimation of complexity of educational texts on the basis of statistical parameters* (Cand. ped. sciences). Moscow. (In Russ.)
14. Solnyshkina, M.I., Kupriyanov, R.V., & Shoeva, G.N. (2024). Linguistic profiling of the text: adventure story vs. textbook. *Scientific Result. Problems of theoretical and applied linguistics*, 1(10), 115–132. (In Russ.)
15. Solnyshkina, M.I., McNamara, D., & Zamaletdinov, R.R. (2022). Natural Language Processing and the Study of Discourse Complexity. *Russian Journal of Linguistics*, 2(26), 317–341. (In Russ.)
16. Sudina, I.I. (2022). Difficulties of reading texts in teaching a foreign language. *The symbol of science*, 7-2, 29–32. (In Russ.)
17. Tuldava, J.A. (1975). About measuring the difficulty of texts. *Scientific Notes of the University of Tartu*, 4, 102–120. (In Russ.)
18. Fedyuchenko, L.G. (2010). Cognitive approach in describing the level of text complexity per translation. *Lingua mobilis*, 2(21), 170–175. (In Russ.)
19. Chaplinsky, A.V., Knutov, A.V., & Alimpeev, D.R. (2024). The comprehensibility of the language of justice: experience of empirical study of the content and syntax of court decisions. *Law*, 2, 159–177. (In Russ.)
20. Zhu, Hui, & Zakharov, V.P. (2024). Corpus comparison of the language of Chinese and Russian political texts. *Political linguistics*, 1(103), 115–128. (In Russ.)
21. Chall, J.S., & Dale, E. (1995). *Readability revisited: the new Dale-Chall readability formula*. Cambridge, Mass. : Brookline Books, 159 p.
22. Coleman, M.A., & Liau, T.L. (1975). Computer readability formula designed for machine scoring. *Journal of Applied Psychology*, 2(60), 283–284.
23. Covington, M.A., & McFall, J.D. (2010). Cutting the Gordian knot: The moving-average type—token ratio (MATTR). *Journal of Quantitative Linguistics*, 2(17), 94–100.
24. Flesch, R. (1948). A new readability yardstick. *Journal of Applied Psychology*, 32, 221–233.
25. Kincaid, J.P., Fishburne, R.P., Rogers, R.L., & Chissom, B.S. (1975). *Derivation of new readability formulas (automated readability index, fog count, and flesch reading ease formula) for Navy enlisted personnel*. Chief of Naval Technical Training: Naval Air Station Memphis.
26. Lei, L., Wei, Y., & Liu, K. (2024). AlphaReadability Chinese: A tool for the measurement of readability in Chinese texts and its applications. *Foreign Languages and Their Teaching*, 1(46), 83–89.
27. McLaughlin, G.H. (1969). SMOG grading: A new readability formula. *Journal of Reading*, 8(12), 639–646.
28. Mustajoki, A., Mihienko, Z., Nechaeva, N., Kairova, E., Dmitrieva, A. (2021). Easy language in Russia. In *Handbook of Easy Languages in Europe* (pp. 439–466).
29. Reynolds, R. (2016). Insights from Russian second language readability classification: complexity-dependent training requirements, and feature evaluation of multiple categories. *Proceedings of the 11th Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications*, 289–230.
30. Soh, K. (2020). Readability Formula for Chinese as a Second Language. *Teaching Chinese Language in Singapore*, 51–62.
31. Sung, Y.T., Chen, J.L., Lee, Y.S., Cha, J.H., Tseng, H.C., & Chang, K.E. (2013). An exploration of readability of Chinese texts: Selection of indicators, model construction, and verification of validity. *Chinese Journal of Psychology*, 1(55), 75–106.
32. Wang, L. (2008). The connotation and research model of readability formulas: Readability for Chinese as a foreign language and its research task. *Language Teaching and Linguistic Studies*, 6, 46–53.
33. Yang, S.J. (1971). *A readability formula for Chinese language* (Unpublished doctoral dissertation). University of Wisconsin-Madison, 107 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'42+81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Екатерина Александровна Чурашова

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия, varskvlavi@list.ru, SPIN-код: 6229-3887

Специальная военная операция: обвинительный дискурс в западных карикатурах

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются карикатуры западных стран, посвященные специальной военной операции России на Украине. В основу исследования был положен качественный и количественный подходы метода дискурса-анализа для изучения того, как карикатуры использовались для формирования обвинительного дискурса против России. Исследование риторики обвинения основывалось на идеях У. Бенуа о стратегиях убеждающей атаки. Автор анализировал карикатуры двух временных периодов: начала СВО (февраль — март 2022 г.) и спустя полтора года (сентябрь 2023 г.). Были также выявлены основные сюжеты и метафоры, использованные художниками для формирования образа России, Украины и США / Западной Европы в конфликте. В западных карикатурах первого месяца СВО наиболее интенсивным атакам подвергались личность президента РФ и образ России в попытке убедить аудиторию в «неадекватности» стороны конфликта, тем самым стремясь ослабить ее аргументы о причинах начала операции. По мнению автора, карикатуры — это не просто отображение видения карикатуристами текущей политической ситуации, но скорее инструмент для формирования желаемого отношения к действительности, навязывания определенной картины мира, в также побуждения к действиям. Анализ обвинительного дискурса карикатур позволяет определить стратегии апологии в ходе информационного противостояния.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, политические метафоры, политические карикатуры, информационная война, дискурс-анализ, обвинительный дискурс, российско-украинский конфликт, российско-украинские отношения, СВО, специальная военная операция, военно-политическая обстановка, страны Запада.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чурашова Екатерина Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры «Философия и медиакоммуникации», Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51; email: varskvlavi@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чурашова, Е. А. Специальная военная операция: обвинительный дискурс в западных карикатурах / Е. А. Чурашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 228-236.

Ekaterina A. Churashova

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia, varskvlavi@list.ru, SPIN code: 6229-3887

Special Military Operation: Accusatory Discourse in Western Cartoons

ABSTRACT. The article analyzes the cartoons of Western countries dedicated to Russia's special military operation in Ukraine. The study is based on the qualitative and quantitative approaches of the discourse analysis method to study how cartoons are used to form the accusatory discourse against Russia. The study of the rhetoric of accusation draws on the ideas of W. Benoit on persuasive attack strategies. The author of the article analyzes the cartoons of two time periods: the beginning of the special military operation (February- March 2022) and a year and a half later (September 2023). The study has revealed the main plots and metaphors used by artists to form the image of Russia, Ukraine and the USA/Western Europe in the conflict. The Western cartoons of the first month of the special military operation fiercely attacked the personality of the president and the image of Russia, trying to convince the audience of the “inadequacy” of this side of the conflict, thereby seeking to weaken its arguments about the reasons for the start of the operation. According to the author, cartoons are not just a representation of the cartoonists' vision of the current political situation, but rather a tool for forming a desired attitude to reality, imposing a certain worldview, as well as encouraging action. The analysis of the accusatory discourse of cartoons makes it possible to determine the strategies of apology in the course of information warfare.

KEYWORDS: political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, language units, political metaphors, political cartoons, information warfare, discourse analysis, accusatory discourse, Russia-Ukraine conflict, Russia-Ukraine relations, SMO, special military operation, military-political situation, Western countries.

AUTHOR'S INFORMATION: Churashova Ekaterina Aleksandrovna, Candidate of Political Science, Associate Professor of Department of Philosophy and Media Communications, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.

FOR CITATION: Churashova E. A. (2024). Special Military Operation: Accusatory Discourse in Western Cartoons. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 228-236. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Специальная военная операция на Украине стала толчком для нового витка мощной информационной атаки США и стран Западной Европы против России. Еще на рубеже XX–XXI веков Г. Г. Почепцов ввел понятие «информационная демократия», подразумевая, что именно информационные потоки являются инструментом политического управления [Почепцов 2004: 20]. По словам Г. Л. Тульчинского, «смысл информационных войн сводится к трансляции различных интерпретаций их содержания» [Тульчинский 2012: 251]. Одним из важных инструментов такой «трансляции интерпретаций» стали карикатуры. С одной стороны, политический юмор в целом и карикатуры в частности способны отражать отношение общества к тому или иному событию. Но в то же время они создают иллюзию народного творчества, преподносят точку зрения элит как общепринятую. Карикатуры обладают высокой степенью эмоционального воздействия на адресата, поскольку способны формировать смысловое позиционирование события. Использование образов, цвета, размера, формы дает возможность создавать самостоятельные и самодостаточные нарративы, содержащие оценочную политическую картину мировых событий. При этом карикатуры, построенные на гиперболизации негативных характеристик политических акторов или событий, становятся своеобразным политическим дискурсом, направленным на дискредитацию противника. Карикатуры не нуждаются в доказательности, наличии подтверждающих фактов. Такой способ дискурсивной атаки воздействует только на эмоции, а не на логику; авторы же не несут ответственность за распространение ложной информации.

Цель исследования — анализ карикатур как инструмента формирования обвинительного дискурса против Российской Федерации в первые полтора года специальной военной операции на Украине. Были проанализированы западные карикатуры (так называемых «недружественных государств» времен российско-украинского вооруженного конфликта) двух временных периодов: начала СВО (февраль — март 2022 г.) и спустя полтора года после ее начала (сентябрь 2023)¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе исследования были получены следующие результаты.

1. Проведен дискурс-анализ карикатур, посвященных российско-украинскому конфлик-

ту. Выявлено, что основные стратегии обвинительного дискурса, используемые для дискредитации России перед лицом мирового сообщества, направлены на увеличение воспринимаемого негативного эффекта от события.

2. Определены основные сюжеты и метафоры, использованные для формирования образа России, Украины и Запада. Интересно, что большую роль в обвинительном дискурсе в 2022—2023 гг. играли символы фашизма, что было не характерно для предыдущих дискурсивных атак. При этом на начальном этапе конфликта этот образ карикатуристы привязывали к России, а в сентябре 2023 г. — к Украине.

3. Проведен сравнительный анализ обвинительных карикатур начала СВО и полтора года спустя. Если образы России кардинально не поменялись, то образы Украины и США в карикатурах претерпели значительные изменения: от абсолютно положительных к появлению негативных оценок.

ОБСУЖДЕНИЕ

Медхорст и Десоса утверждают, что карикатуры соединяют в себе элементы культурного сознания, преобразуя затем их в идею [Medhurst, De Sousa 1981]. Исследователь Х. Плаг анализирует карикатуры с точки зрения возможности автора воздействовать на поведение политиков, рассматривая изображения как форму косвенной визуализации аргументации [Plug H. J.: 433]. Визуальные образы, из которых состоят карикатуры, исследуются как прямые речевые акты, которые функционируют как визуальные аргументы в защиту критической точки зрения. Такой точки зрения на политические карикатуры и их значение для изменения действий политиков придерживается значительная часть зарубежных исследователей. В данной статье рассмотрим противоположный подход к политическим карикатурам: утверждаем, что карикатуры используются для формирования либо изменения точки зрения общественного мнения на происходящие события. Отечественные и зарубежные исследователи карикатур большую роль отводят изучению метафоры. Так, например, Дж. Баек исследует образ сирийских беженцев в Европе, противопоставляя метафорические образы азиатских гостей и европейцев [Baek www]; в исследовании А. Ву политические карикатуры изучены как метод передачи миру скрытых культурных коннотаций и коммуникативных намерений [Wu 2023]. В. Ражина и Е. Манаенко рассматривают политические

¹ Political cartoons. URL: <http://Politicalcartoons.com>.

карикатуры как элемент особого «вторичного политического дискурса, в контексте которого обыгрываются комические константы коммуникантов» [Ражина, Манаенко 2022]; схемы взаимодействия вербального и невербального кодов описаны в исследовании Е. Кабахидзе [Кабахидзе 2024]. Е. Шустровой были проанализированы американские карикатуры, посвященные присоединению Крыма к России [Шустрова 2015]. И. Мурог на основе материалов «The Economist» изучает различные категории иллюстраций, используемых в текстах для освещения ситуации вокруг СВО; каждая категория, по мнению автора, реализует определенную коммуникативную стратегию [Мурог 2024].

Еще в конце прошлого столетия О. Райен доказывал, что обвинительный дискурс в политических коммуникациях может быть направлен как против личности, так и против действий [Ryan 1988]. Обвинения против личности, как правило, подразумевают атаку на морально-этические качества политического актора. При этом Бенуа определяет две стратегии дискурсивной атаки на личность. Первая стратегия — усиление восприятия того, что обвиняемый обладает каким-либо негативным признаком. В рамках данной стратегии продвигаются следующие риторические обвинения: 1) обвиняемый совершал действия, соответствующие негативному признаку; 2) обвиняемый делал заявления, соответствующие признаку; 3) обвиняемый общается с людьми, которые разделяют этот признак; 4) обвиняемый отличается от людей, которые не разделяют этот признак [Benoit 1995: 11].

Вторая стратегия направлена на усиление восприятия того, что выделенная отрицательная черта является оскорбительной для аудитории. Для реализации стратегии определяют направления: 1) иллюстрация черты наиболее негативным примером; 2) акцентирование внимания на том, что аудитория может испытывать негативные последствия этой черты.

Второй способ дискурсивной атаки — обвинение против действий политического актора. Бенуа и Дорриес выделяют две основные стратегии риторической атаки на действия [Benoit 2017 www]. Первая стратегия направлена на увеличение воспринимаемой ответственности за содеянное. В рамках этой стратегии выделяют следующие тезисы атаки: 1) обвиняемый совершал подобные действия ранее; 2) негативное действие было

спланировано; 3) обвиняемый знал о вероятных последствиях деяния; 4) обвиняемый извлек выгоду из этого действия.

Вторая стратегия направлена на усиление негативного эффекта от действия, в рамках которой формируются следующие утверждения: 1) степень ущерба; 2) сохранение негативных последствий; 3) воздействие на аудиторию; 4) непоследовательность; 5) жертвы невинны/беспомощны; 6) обязанность защищать жертв; 7) значимость/достоинство жертвы [Plug H. José www].

Карикатуры как политический дискурс невозможно рассматривать отдельно от когнитивного управления и идеологического производства. Один из наиболее ярких представителей школы критического дискурс-анализа Тен ван Дейк утверждает, что символический контроль оказывает решающее влияние на «умы»: «Главным компонентом осуществления и поддержки власти является идеологический компонент... Символические элиты контролируют способ воздействия посредством жанров, тем, аргументации, стиля, риторики и презентации публичного стиля» [Ван Дейк 2015: 52]. Можно предположить, что доминирующий политический дискурс в карикатурах языком образов и символов направлен на легитимацию превосходства ряда государств над другими.

ОБВИТЕЛЬНЫЕ КАРИКАТУРЫ НАЧАЛА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

На первом этапе исследования было проанализировано 68 западноевропейских и американских карикатур, опубликованных в первый месяц после начала СВО на Украине. Каждая из карикатур содержала одну из трех фигур: президент РФ В. В. Путин (46 карикатур), медведь (12 карикатур), танк (9 карикатур); либо комбинацию из них (президент + танк, президент + медведь, президент + танк + медведь). Подавляющее большинство посвященных Украине карикатур с начала военной операции направлены на обвинение России. Можно выделить следующие основные сюжеты: Россия — злой медведь; демонизация президента, а также союзников России; развязывание третьей мировой войны; гибель невинных жертв. США и страны Западной Европы, в свою очередь, изображены в образе спасителя Украины. Подробно использованные сюжеты, образы и метафоры представлены в таблице 1, в скобках указано количество карикатур.

Таблица 1. Западные карикатуры на российско-украинский конфликт, февраль 2022 г.

Тема	Сюжеты	Образы, метафоры	Окраска
Россия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Агрессия России (34) 2. Демонизация президента (19) 3. Атака на союзников и сочувствующих России (3) 4. Россия = фашизм (8) 5. Развязывание 3 мировой войны / угроза ядерного удара (9) 6. Обвинение в гибели мирного населения (10) 7. Скорое поражение России, изоляция, действие санкций (17) 8. Призыв к свержению власти (4) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Монстр / демон/ людоед 2. Сумасшедший 3. Гитлер / фашизм 4. Танк 5. Медведь 6. Исторические фигуры: Цезарь, Сталин, Наполеон 	Негативная — 97% Нейтральная — 3% Положительная — 0
Украина	<ol style="list-style-type: none"> 1. Невинная жертва (12). 2. Храбро сражается (3) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Младенец 2. Богатырь 	Положительная — 100%
США / Запад / НАТО	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сплоченность западных стран (2) 2. Действие санкций (7) 3. Невозможность полноценного ответа из-за угрозы 3 мировой войны (2) 4. Страны НАТО защищают Украину (6) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Голубь мира» 2. «Зонтик» НАТО 3. «Мстители» 	Положительная — 94% Негативная — 6 %

Рис. 1. «What can Russia do»

Антироссийские карикатуры против личности традиционно делятся на два типа [Чурашова 2012]. К первому типу относятся карикатуры, направленные против личности президента России. Цель таких сообщений — максимальная демонизация личности рос-

сийского лидера. Так, в феврале — марте 2022 г. президент изображен в различных образах темных сил: черного зловещего ангела, со смертью в руках вместо собачки, монстра, людоеда, нажимающего «ядерную кнопку» бесноватого и т. п. Формирование

крайне негативных образов имеет своей целью дискредитацию главы государства. Убеждая общественность в «сумасшествии» президента, карикатуристы стремятся опровергнуть его слова и аргументы как лишённые смысла. При этом большая часть карикатур использует изображение президента как собирательный образ России. Но можно выделить несколько картин, где президент отделяется от образа страны, а народ изображается либо угнетённым, либо ведомым к пропасти. В таких карикатурах прослеживается призыв к свержению власти в России (рис. 1).

Второй тип обвинительных карикатур против личности — сообщения, атакующие Россию как цивилизацию. К традиционному образу медведя, символизирующему Россию, также добавлены демонические нотки: черно-красные цвета, остроконечные элементы, большие размеры, доминирующее расположение образа на картине. Для усиления эффекта используется прием противопоставления и контраста: белые голуби (Запад) на фоне черного танка (Россия); желтая карта Украины и темная карта России; светло-зеленая с изображением креста футболка Зеленского и черный костюм смерти с косой. В отличие от карикатур периода российско-грузинского конфликта 2008 года, в исследуемом конфликте символы Советского Союза используются незначительно. Это может быть связано с тем, что авторы последних карикатур не застали советский период и не ассоциируют современную Россию с СССР. С другой стороны, советские символы вытеснил новый знак — символ специальной военной операции «Z». В первый период конфликта с целью формирования обвинительного дискурса карикатуристами использовался этот символ для нагнетания обстановки и устрашения аудитории: латинскую букву изображали в виде фашистской свастики. Художники с помощью искажения изображения и интерпретации знака пытались привязать к России образ фашизма, как наиболее отрицательный. Таким образом, основная цель атак на личность — как президента, так и страны в целом — это навязывание образа нечистой силы, развитие темы «империи зла». С помощью цвета, образов и символов упаковывается развернутое риторическое послание, формирующее отношение к реальности у зрителей.

Основное обвинение западных карикатур — неправомерное нападение на Украину. Однако цель карикатур не столько сформулировать обвинение, сколько усилить обвинительный дискурс. По утвержде-

нию Бенуа, достичь максимального эффекта от дискурсивной атаки можно двумя способами: повисить ответственность за действие и усилить негативный эффект от события в глазах аудитории [Benoit 2017]. Угроза для репутации создается только тогда, когда аудитория убеждена, что произошло негативное событие/действие и субъект несет ответственность за эти действия. При этом событие должно именно восприниматься аудиторией как нежелательное и негативное [Benoit 1995: 71]. На формирование соответствующего восприятия и направлена работа карикатуристов.

Согласно теории восстановления имиджа У. Бенуа, риторическое обвинение против действий может быть усилено в двух случаях: 1) увеличение воспринимаемой ответственности; 2) увеличение негативного эффекта [Benoit et al. 2001]. Большая часть карикатур была направлена на усиление негативного эффекта от события. Для этого использовались следующие нарративы.

1. Формирование впечатления о негативном воздействии России на мир в целом:

- развитие 3 мировой / ядерной войны;
- убеждение, что после Украины атаке подвергнутся другие европейские страны: Молдавия, Румыния, Прибалтика, Болгария;
- использование энергетических ресурсов для воздействия на мир (Putin's Tank).

2. Постоянство негативных эффектов. Происходит попытка навязать преемственность действий лидеров: аналогия действующего президента с негативным для западной аудитории образом Сталина (Путин-Сталин).

3. Противоречивость действий. Проявляются попытки карикатуристов опровергнуть тезис российского руководства, что военные действия направлены только на вооружённые силы Украины (Humanitarian corridor, Disinformation warfair).

4. Беззащитность жертв. Здесь Украине привязывают образ младенца. Так, на одной из карикатур в коляску цвета украинского флага медведь со свастикой закидывает ракеты; на другой карикатуре изображены лидеры России, Беларуси и Сирии, обдающие младенцами. Также мы видим стремление карикатуристов привязать образ младенца к украинскому президенту: В. Зеленский изображен ребенком, которого расстреливают у кирпичной стены (попытка вызвать ассоциацию с преступлениями фашистов в период Второй мировой войны). Помимо роли младенца, Украине приписывают образы рыцаря, сражающегося с чудовищем, а также беззащитного зверька, попавшего в лапы медведю.

Важно отметить, что среди обвинительных карикатур за указанный период практически отсутствовали те из них, которые направлены на увеличение воспринимаемой ответственности России за действия на Украине. Это еще раз подчеркивает, что все методы воздействия, использованные в карикатурах, носят исключительно эмоциональный характер.

Стоит выделить новый образ, который стремились навязать карикатуристы по отношению к России — образ нацизма. Использование подобной символики было ранее не характерно для западных карикатур, в частности, при информационной атаке в период российско-грузинского конфликта 2008 г. Всего из проанализированных карикатур весны 2022 г. 8 были связаны с нацистской символикой. Применение фашистской символики можно объяснить методом дискурсивной защиты Украины от обвинений со стороны России в ее симпатии и следовании духу нацистской Германии. Так, по утверждению ван Дейка, одна из самых сильных форм отрицания — это инверсия [Ван Дейк 2015: 159], которая впоследствии приобретает форму и стратегию контратаки. Таким образом, обвиняя Россию в фашизме, противник в то же время преследует цель отвести от себя аналогичное обвинение.

СВО В КАРИКАТУРАХ ПОЛТОРА ГОДА СПУСТЯ

Карикатуры сентября 2023 г. значительно изменились в качественном и количественном составе. Необходимо отметить, что анализируемые изображения относятся к периоду до обострения палестино-израильского конфликта, которое привело к изменению в информационной политике западных стран по отношению к СВО. Основные темы и использованные в карикатурах образы представлены в таблице 2.

Через 1,5 года после начала специальной военной операции образ Украины как жертвы практически исчез с западных карикатур. Обвинительные сообщения в адрес России еще остались, хотя их интенсивность и количество значительно сократилось. При этом претерпел изменение предмет дискурсивной атаки: России предъявляются обвинения в атаке на мирные объекты и стремлении к мировому доминированию. Проявляются также одиночные обвинения в нарушении прав человека и «аресте диссидентов». В качестве дискурса, усиливающего негативный эффект, сохранились обвинения в постоянстве негативных эффектов и утверждение о беззащитности жертвы, хотя количество таких карикатур тоже уменьшилось. При этом основная цель дискурса о беззащитности жертвы — убеждение мирового сообщества в необходимости поставки ракет дальнего радиуса действия и другого вооружения якобы для защиты мирного населения.

Таблица 2. Западные карикатуры на российско-украинский конфликт, сентябрь 2023

Темы	Сюжеты	Образы и метафоры	Окраска
Россия	1. Агрессия РФ (4) 2. Помощь Запада (1) 3. Сплоченность мира (1) 4. Мировое доминирование России (4) 5. Россия и «недемократические» союзники (4) 6. Ожидаемое поражение России (4)	1. Медведь 2. Акула 3. Смерть 4. Диктатор	Негативная — 82% Нейтральная — 18%
Украина	1. Просит денег/ помощи (7) 2. Храбро сражается (2)	1. Капризный ребенок 2. Фашизм 3. Несчастный Зеленский	Положительная — 45% Отрицательная — 55%
США / Запад / НАТО	1. Сплоченность западных стран 2. Влияние санкций (1) 3. Отсутствие реальной помощи (5) 4. Лицемерие США	1. Дядя Сэм — расчётливый делец 2. Клоуны 3. F-16	Положительная — 22% Негативная — 78 %

Рис. 2. «What does Elon Musk stand for?»

Важно выделить также ряд особенностей карикатур сентября 2023 г. Во-первых, личность Владимира Зеленского практически не выставляется в роли жертвы. Образ украинского президента из трепетного «младенца» и героического «богатыря» переходит к негативным образам «капризного ребенка», «попрошайки», «фашиста». Так, например, на одной из карикатур президент Украины изображен с блюдом в руках и с надписью: «Маленький Володимир Зеленский живет только на \$ 223 млн американских налогов в день!». На другой карикатуре В. Зеленский показан в образе маленького ребенка с соской в виде ракеты с логотипом НАТО и детской бутылочкой со значком доллара. Можно встретить несколько карикатур, где украинский президент изображен в роли жертвы. Однако в образе агрессора и обидчика выступает не Российская Федерация, а США. Но нужно отметить, что Украина в карикатурах все еще сохраняет образ невинной жертвы. Таким образом, Зеленский и Украина уже не воспринимаются карикатуристами как единое целое.

Вторая особенность карикатур сентября 2023 г. — дискурсивная атака на Соединенные Штаты Америки, что трудно было представить в западной прессе годом ранее. Можно выделить следующие обвинения: 1) чрезмерная поддержка Украины в ущерб собственным гражданам; 2) неспособность адекватно оценить силу РФ; 3) помощь Украине — фиктивная, обогащающая лишь сами США / незначительная; 4) применение «двойных стандартов».

В-третьих, к традиционным союзникам России (лидерам КНДР, КНР и Республики Беларусь) карикатуристы добавили амери-

канского миллиардера Илона Маска, обвиняя его в оказании помощи нашей стране. Примечательно, что если годом ранее России предрекали скорое поражение, то на карикатурах сентября 2023 г. появились намеки на победу РФ. Так, например, на карикатуре с обвинениями против Илона Маска изображен указатель «Victore 300 miles» («Победа 300 миль»), в сторону которого направляется В. Путин (рис. 2).

Количество дискурсивных атак в адрес России значительно сократилось: с 68 обвинительных карикатур в адрес России из 71 картины, посвященных конфликту в феврале — марте 2022 г., до 13 обвинительных из 29 общего количества карикатур в сентябре 2023 г. При этом появились сообщения с нейтральным с эмоциональной точки зрения для России сюжетом. Однако, учитывая негативную окраску в адрес оппонентов, эти карикатуры оказывают скорее положительное влияние на имидж России. Такие изменения в обвинительном дискурсе в карикатурах дают основание полагать, что риторические позиции Запада сильно ослабли с февраля 2022 г., в то время как Россия чувствует себя намного увереннее в информационном поле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ использования карикатур в западной информационной войне против России позволил сделать следующие выводы. Во-первых, основная часть посвященных СВО карикатур февраля 2022 г. направлена на формирование негативного информационного поля вокруг действий и имиджа РФ и формирование обвинительного дискурса. В первую очередь атаковалась личность президента и образ России: аудито-

рию пытались убедить в «сумасшествии» и «кровожадности» страны и ее лидера. При атаке на действие карикатуристы изображали Украину и ее президента в образе младенца, усиливая тем самым негативный эффект от события. Во-вторых, количество обвинительных карикатур через полтора года после начала СВО значительно сократилось, зато появились работы, высмеивающие украинского президента и атакующие США.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Для более глубокого изучения требуется проведение исследований по следующим направлениям: 1) анализ западных карикатур, посвященных Российско-украинскому конфликту в следующих временных интервалах (с октября 2023 года) и выявление динамики развития обвинительного дискурса; 2) исследование российских карикатур, направленных на дискредитацию противника; 3) изучение карикатур, посвященных обострению Израильско-палестинского конфликта 2023–2024 годов, а также сравнение отображения двух конфликтов в работах карикатуристов. Таким образом, изучение проблемы с разных сторон позволит получить более четкие представления о роли карикатур в формировании обвинительного дискурса государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — Изд. 2-е. — Москва : УРСС : Книжный дом «Либроком», 2015. — 352 с. — Текст : непосредственный.
2. Кабахидзе, Е. Л. Соотношение вербального и визуального кодов в политической метафоре (на материале моно- и полимодальных текстов политических карикатур) / Е. Л. Кабахидзе. — Текст : электронный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2024. — Т. 21, № 1. — С. 171–180. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65582171>.
3. Мурог, И. А. Креолизованный текст как оружие современной информационной войны (на материале издания the Economist) / И. А. Мурог. — Текст : электронный // Военно-филологический журнал. — 2024. — № 2. — С. 24–43. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67218130>.
4. Почепцов, Г. Г. Пропаганда и контрпропаганда / Г. Г. Почепцов. — Москва : Центр, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.
5. Ражина, В. А. Политическая карикатура как поликодовый текст во вторичном политическом дискурсе / В. А. Ражина, Е. А. Манаенко. — Текст : электронный // Гуманитарные и социальные науки. — 2022. — Т. 92, № 3. — С. 93–97. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49279158>.
6. Тульчинский, Г. Л. Информационные войны как конфликт интерпретаций, активизирующих «третьего» / Г. Л. Тульчинский. — Текст : электронный // Символическая политика : сб. науч. тр. / Центр социальных научно-информационных исследований, Отделение политических науки ; отв. ред.: О. Ю. Малинова. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2012. — Вып. 1. — С. 251–261. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17914413>.
7. Чурашова, Е. А. Российско-грузинский конфликт в картинках: анализ обвинительного дискурса западных карикатур /

Е. А. Чурашова. — Текст : электронный // Вестник НГУЭУ. — 2012. — № 2. — С. 191–199. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17673454>.

8. Шустрова, Е. В. Присоединение Крыма к РФ в американской карикатуре / Е. В. Шустрова. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 1(51). — С. 66–73. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23590783>.

9. Baek, J. Visual Metaphorical Conceptualization of the Syrian Refugees Crisis in Political Cartoons / J. Baek. — Text : electronic // Thesis: Hankuk University of Foreign Studies. — URL: https://www.researchgate.net/publication/319976207_Visual_Metaphorical_Conceptualization_of_the_Syrian_Refugees_Crisis_in_Political_Cartoons.

10. Benoit, W. L. Accounts, excuses, and apologies: A Theory of Image Restoration / W. L. Benoit. — Albany: State University of New York Press, 1995. — 198 p. — Text : unmediated.

11. Benoit, W. L. Criticism of Actions and Character: Strategies for Persuasive Attack Extended / W. L. Benoit. — Text : electronic // Relevant Rhetoric. — 2017 — Vol. 8. — URL: <http://relevantrhetoric.com/CriticismofActionsandCharacter.pdf>.

12. Benoit, W. L. A fantasy theme analysis of political cartoons on the Clinton-Lewinsky-Starr Affair / W. L. Benoit, A. A. Klyukovski, J. P. Mchale, D. Airne. — Text : electronic // Critical Studies in Media Communication. — 2001. — № 18 — P. 377–394. — URL: https://www.academia.edu/5700833/A_fantasy_the_me_analysis_of_political_cartoons_on_the_Clinton_Lewinsky_Starr_affair.

13. Medhurst M.J., DeSousa M.A. Political cartoons as a rhetorical form: a taxonomy of graphic discourse. Text : electronic // Communication Monographs. — 1981. — № 48 — pp. 197–236. — URL: <http://dx.doi.org/10.1080/03637758109376059> DeSousa/a9cb1ad6451fccaac77df788ad76b84c2900d7d4

14. Plug, H. José. Manoeuvring strategically in political cartoons: transforming visualizations of metaphors / H. José Plug. — Text : electronic // In book: Verbal and Visual Rhetoric in a Media World. — 2013—433–443. — URL: https://www.researchgate.net/publication/328282876_Manoeuvring_strategically_in_political_cartoons_transforming_visualizations_of_metaphors#fullTextFileContent.

15. Ryan, H. R. Kategoria and Apologia: on their rhetorical criticism as a speech set / H. R. Ryan. — Text : electronic // Quarterly Journal of Speech. — 1988. — № 68. — P. 254–261. — URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1080/003535638209383611>.

16. Wu, A. P. The Images of China in Political Cartoons of Foreign Media / A. P. Wu. — Text : electronic // Open Journal of Modern Linguistics. — 2023. — № 13. — P. 523–558. — URL: <https://doi.org/10.4236/ojml.2023.134033>.

REFERENCES

1. Dijk, Teun A. van (2015). *Diskurs i vlast': Reprerentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii*. [Discourse and Power: The Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: Librokom, 352 p.
2. Kabahidze, E.L. (2024). Sootnoshenie verbal'nogo i vizual'nogo kodov v politicheskoy metafore (na materiale mono- i polimodal'nyh tekstov politicheskikh karikatur) [Correlation of verbal and visual codes in political metaphor (based on the material of mono- and polymodal texts of political cartoons)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, 21(1), 171–180. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65582171> (In Russ.)
3. Murog, I.A. (2024). Kreolizovannyj tekst kak oruzhie sovremennoj informacionnoj vojny (na materiale izdaniya the Economist) [Creolized text as a weapon of modern information warfare (based on the material of the Economist)]. *Voenno-filologicheskij zhurnal*, 2, 24–43. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67218130> (In Russ.)
4. Pochepcov, G.G. (2004). *Propaganda i kontrpropaganda* [Propaganda and antipropaganda]. Moscow: Centr, 256 p. (In Russ.)
5. Razhina, V.A., & Manaenko, E.A. (2022). Politicheskaya karikatura kak polikodovyy tekst vo vtorichnom politicheskom diskurse [Political cartoon as a polycode text in secondary political discourse]. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 92(3), 93–97. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49279158> (In Russ.)
6. Tul'chinskij, G.L. (2012). Informacionnye vojny kak konflikt interpretacij, aktiviziruyushchih "tret'ego" [Information wars as a conflict of interpretations that activate the "third"]. In *Sim-*

volicheskaya politika : Sbornik nauchnykh trudov / Centr social'nykh nauchno-informacionnykh issledovanij Otdelenie politicheskikh nauki (Iss. 1, pp. 251–261). Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17914413> (In Russ.)

7. Churashova, E.A. (2012). Rossijsko-gruzinskij konflikt v kartinkah: analiz obvinitel'nogo diskursa zapadnykh karikatur [The Russian-Georgian conflict in pictures: an analysis of the accusatory discourse of Western cartoons]. *Vestnik NGUEU*, 2, 191–199. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17673454> (In Russ.)

8. Shustrova, E.V. (2015). Prisoedinenie Kryma k RF v amerikanskoj karikature [The Connection of Crimea to the Russian Federation in an American cartoon] *Political Linguistics*, 1(51), 66–73. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23590783> (In Russ.)

9. Baek, J. (2016). *Visual Metaphorical Conceptualization of the Syrian Refugees Crisis in Political Cartoons*. Thesis: Hankuk University of Foreign Studies. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/319976207_Visual_Metaphorical_Conceptualization_of_the_Syrian_Refugees_Crisis_in_Political_Cartoons

10. Benoit, W.L. (1995). *Accounts, excuses, and apologies: A Theory of Image Restoration*. Albany: State University of New York Press, 198 p.

11. Benoit, W.L. (2017). Criticism of Actions and Character: Strategies for Persuasive Attack Extended. *Relevant Rhetoric*, 8,

Retrieved from <http://relevantrhetoric.com/CriticismofActionsandCharacter.pdf>

12. Benoit, W.L., Klyukovski, A.A., Mehale, J.P., & Airne, D. (2001). A fantasy theme analysis of political cartoons on the Clinton-Lewinsky-Starr Affair. *Critical Studies in Media Communication*, 18, 377-394. Retrieved from https://www.academia.edu/5700833/A_fantasy_theme_analysis_of_political_cartoons_on_the_Clinton_Lewinsky_Starr_affair

13. Medhurst, M.J., & DeSousa, M.A. (1981). Political cartoons as a rhetorical form: a taxonomy of graphic discourse. *Communication Monographs*, 48, 197–236. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.1080/03637758109376059> DeSousa/a9cb1ad6451fccaac77df788ad76b84c2900d7d4

14. Plug, H. José (2013). Manoeuvring strategically in political cartoons: transforming visualizations of metaphors. In *Verbal and Visual Rhetoric in a Media World* (pp. 433–443). Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/328282876_Manoeuvring_strategically_in_political_cartoons_transforming_visualizations_of_metaphors#fullTextFileContent

15. Ryan, H.R. (1988). Kategoria and Apologia: on their rhetorical criticism as a speech set. *Quarterly Journal of Speech*, 254–261. Retrieved from <https://www.sci-hub.ru/10.1080/00335638209383611>

16. Wu, A.P. (2023). The Images of China in Political Cartoons of Foreign Media. *Open Journal of Modern Linguistics*, 13, 523–558. Retrieved from <https://doi.org/10.4236/ojml.2023.134033>

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'255.2+821.161.1-31(Достоевский Ф. М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,444+Ш307

ГРНТИ 16.31.41; 17.07.61

Код ВАК 5.9.1; 5.9.8

Елена Владимировна Ерофеева^{1,2,3}, Людмила Валентиновна Скопова^{2,4}, Полина Сергеевна Кулакова¹

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

² Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

³ e.v.erofeeva@yandex.ru[✉], SPIN-код: 9356-5214, <https://orcid.org/0000-0002-8524-8851>

⁴ l-skopova@mail.ru[✉], SPIN-код: 8474-3399, <https://orcid.org/0000-0001-8452-0406>

Отражение самобытности русского народа эпохи Ф. М. Достоевского в переводе реалий романа «Бедные люди» на французский и английский языки

АННОТАЦИЯ. Данная статья представляет собой сопоставительный анализ способов и принципов перевода реалий русской культуры из романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» на французский и английский языки. Актуальность данного исследования находит свое отражение в повышенном интересе современного языкознания к вопросам интерпретации текста и к организации отбора и группировки различных категорий реалий с позиции их перевода. В качестве материала исследования выступают 170 реалий русскоязычной картины мира XIX века, собранных методом сплошной выборки из художественного произведения, и их переводы на французский и английский языки. Авторы также решают задачу по выявлению закономерностей при выборе способов перевода русскоязычных реалий в зависимости от их вида. Новизна работы заключается в попытке обобщения опыта по изучению данной проблемы. Впервые проводится сопоставительный анализ двух хронологически разных англо- и франкоязычных переводов произведения «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, а именно переводы Чарльза Джеймса Хогарта и Андре Марковича. Теоретико-методологической основой данной работы послужили работы Л. С. Бархударова, Г. Д. Томашина, С. И. Влахова, С. П. Флорина, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Ю. С. Маслова, А. В. Федорова и других лингвистов. Теоретическая и практическая значимость работы заключается также в том, что данное исследование оказывает помощь в использовании, освоении и адаптации колоритной лексики. В качестве основных методов исследования использовались методы контекстуального, компонентного, сопоставительного и культурно-исторического анализа. Полученные результаты могут быть применены в различных областях лингвистики, в частности в теории и практике перевода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты, литературные образы, романы, русская культура, русский народ, самобытность русского народа, переводоведение, переводческая деятельность, переводная литература, литературный перевод, способы перевода, принципы перевода, реалий русской культуры, английский язык, английские переводы, французский язык, французские переводы, переводчики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии Института иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург; доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: e.v.erofeeva@yandex.ru.

Скопова Людмила Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; email: l-skopova@mail.ru.

Кулакова Полина Сергеевна, бакалавр, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ерофеева, Е. В. Отражение самобытности русского народа эпохи Ф. М. Достоевского в переводе реалий романа «Бедные люди» на французский и английский языки / Е. В. Ерофеева, Л. В. Скопова, П. С. Кулакова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 237-248.

Elena V. Erofeeva^{1,2,3}, Ludmila V. Skopova^{2,4}, Polina S. Kulakova¹

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

² Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

³ e.v.erofeeva@yandex.ru, SPIN code: 9356-5214, <https://orcid.org/0000-0002-8524-8851>

⁴ l-skopova@mail.ru, SPIN code: 8474-3399, <https://orcid.org/0000-0001-8452-0406>

The Reflection of the Identity of the Russian People of the Times of F.M. Dostoevsky in the Translation of the Realities of the Novel “Poor Folk” Into French and English

ABSTRACT. This article presents a comparative analysis of the methods and principles of translating the realities of the Russian culture from the novel by F.M. Dostoevsky “Poor Folk” into French and English. The urgency of this study is reflected in the heightened interest of modern linguistics in the issues of text interpretation and in organizing the selection and grouping of various categories of realities from the perspective of their translation. The practical research material encompasses 170 realities of the Russian-language worldview of the 19th century, collected by the method of continuous sampling from the work of art, and their translations into French and English. The authors also solve the problem of identifying regular patterns while choosing techniques for translating the Russian-language realities depending on their type. The novelty of the work lies in the attempt to generalize the experience of the study of this problem. For the first time, a comparative analysis of two chronologically different English and French translations of the work “Poor Folk” by F. M. Dostoevsky is carried out, namely the translations of Charles James Hogarth and Andre Markowicz. In its theoretical and methodological foundation, the study draws on the works by L. S. Barkhudarov, G. D. Tomakhin, S. I. Vlahov, S. P. Florin, V. N. Komissarov, A. D. Shveytser, Yu. S. Maslov, A.V. Fedorov and other linguists. The theoretical and practical significance of the work also lies in the fact that this study provides assistance in the use, acquisition and adaptation of picturesque vocabulary. The main research methods used were methods of contextual, component, comparative and cultural-historical analysis. The results obtained can be applied in various fields of linguistics, and specifically in the theory and practice of translation.

KEYWORDS: Russian writers, literary creative activity, literary genres, literary plots, literary images, novels, Russian culture, Russian people, Russian people identity, translation studies, translation, translated literature, literary translation, translation techniques, translation principles, realities of Russian culture, English language, English translations, French language, French translations, translators.

AUTHOR'S INFORMATION: Erofeeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance-Germanic Philology, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University; Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Skopova Ludmila Valentinovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Kulakova Polina Sergeevna, Bachelor of Philology, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Erofeeva E. V., Skopova L. V., Kulakova P. S. (2024). The Reflection of the Identity of the Russian People of the Times of F.M. Dostoevsky in the Translation of the Realities of the Novel “Poor Folk” Into French and English. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 237-248. (In Russ.).

При знакомстве с таким понятием, как реалия, нам представляется что-то самобытное и колоритное, описывающее повседневную жизнь отдельно взятого народа. И отчасти эти две составляющие являются главными на фоне таких характеристик, как отсутствие эквивалентов в языке перевода или аналогов в жизни другого народа. Тем не менее, вопрос о толковании данного языкового феномена по сей день остается открытым, как и само его название. Некоторые ученые относят это понятие к категории безэквивалентной лексики, другие специалисты отдают предпочтение слову «лакуна» [Бархударов 1975; Ревзин, Розенцвейг 1964]. Существует огромное количество терминов для обозначения этого феномена, но основное содержание этой единицы остается единым.

Самобытность и колорит в нашем случае привели к изучению переводов произведе-

ния «Бедные люди» Ф. М. Достоевского. Это эпистолярный рассказ о двух людях, живущих друг напротив друга в ветхих домах. Первый персонаж — госслужащий, постоянно находящийся на грани разорения, а второй — молодая девушка, жизнь которой становится всё мрачнее. Через переписку этих двух людей Ф. М. Достоевский показывает культурный срез, характерный для русской городской жизни XIX века.

Предлагаемое исследование направлено на изучение лексики, характерной для русского народа той эпохи, которая описывает все «нюансы бедности и выживания» двух персонажей. Особое место в анализе отводится тому витиеватому и запоминающемуся слогу автора, который точно передает атмосферу безысходности русского народа.

Федор Михайлович Достоевский — классик русской литературы XIX века, чьи произ-

ведения оказали значительное влияние на мировую и русскую культуру в частности. Ему удалось передать колорит и самобытность русского народа своей эпохи с помощью используемых языковых оборотов, просторечий и реалий. Общеизвестно, что каждый временной пласт в истории обладает самобытными культурными характеристиками, которые порой непросто передать лексическими средствами другого языка [Ерофеева, 2019: 132]. Произведения Ф. М. Достоевского считаются глубоким отражением русской души и русского мировоззрения его времени. Ученый А. З. Штейнберг писал: «Понять Достоевского — это то же, что понять Россию; понять ее — это то же, что пережить ее в творческом умозрении Достоевского» [Штейнберг 1923: 10]. Писатель всю свою жизнь подмечал и записывал в отдельных записных книжках неординарные и экспрессивно окрашенные слова и выражения. Затем он аккуратно вкраплял их в речь героев, а также в речь автора. Кроме использования необычных слов и выражений в своих произведениях, Федор Михайлович Достоевский известен тем, что нередко сам занимался созданием новых слов.

Роман «Бедные люди» был отправной точкой для Ф. М. Достоевского в плане литературной деятельности. Это первое произведение писателя, слог которого автор, прислушавшись впоследствии к критикам, неоднократно «оттачивал». Ранее Ф. М. Достоевский был известен своими переводами французской художественной литературы. Нужно отметить, что это сыграло немаловажную роль в становлении стиля писателя: в начале своего творчества Ф. М. Достоевский прямо ориентировался на французскую литературу и французский язык.

В результате исследования нами было проанализировано свыше 170 реалий. Отдельные слова и фразы, отобранные мето-

дом сплошной выборки, были распределены по предметному принципу, согласно таксономии С. Влахова и С. Флорина. Данная классификация показала, что наибольшую группу представляют этнографические реалии в сфере быта [Влахов, Флорин 1986].

В рамках анализа способов перевода реалий мы опираемся на классификацию Е. Н. Гвоздович, которая перечисляет самые распространенные способы перевода безэквивалентной лексики: транскрипция и транслитерация, экспликация, добавление, замена словом из той же тематической группы, опущение части описания, замена гиперонимом, замена реалией языка перевода [Гвоздович 2010].

Первым видом реалий, которые достаточно легко обнаруживаются в тексте, являются географические. Сюжет романа «Бедные люди» развивается в Петербурге, поэтому здесь мы сталкиваемся с большим количеством топонимов, которые имеют отношение к этому городу. Нами было отобрано 22 географические реалии в оригинале произведения, которые чаще всего передавались при помощи транскрибирования и транслитерации. Примеры приведены на табл. 1.

Особенностью этих способов перевода является то, что при их использовании максимально сохраняется национальный колорит, но при этом значение реалии остается нераскрытым. Переводчик может передать функциональное значение реалии в том случае, если он прибегает к добавлению таких слов, как *Prospect, la rue/the street, des quais/Canal, bridge/pont* и т. д. Исследовательский материал показывает, что наиболее часто переводчики передают реалии, используя комбинированный способ транслитерации/транскрипции и добавления функциональных слов (предлогов), допускаемых грамматическими традициями языка перевода. Примеры приведены на табл. 2.

Таблица 1. Примеры перевода реалий

Оригинал	Английский вариант перевода	Французский вариант перевода
Кронштадт	Kronstadt	Cronstadt
В Гостином Дворе	in the Gostinni Dvor	du Gostinny Dvor
на Невский	on the Nevski Prospect	sur le Nevski

Таблица 2

Оригинал	Английский вариант перевода	Французский вариант перевода
по Фонтанке	along the Fontanka Canal	le long des quais de la Fontanka

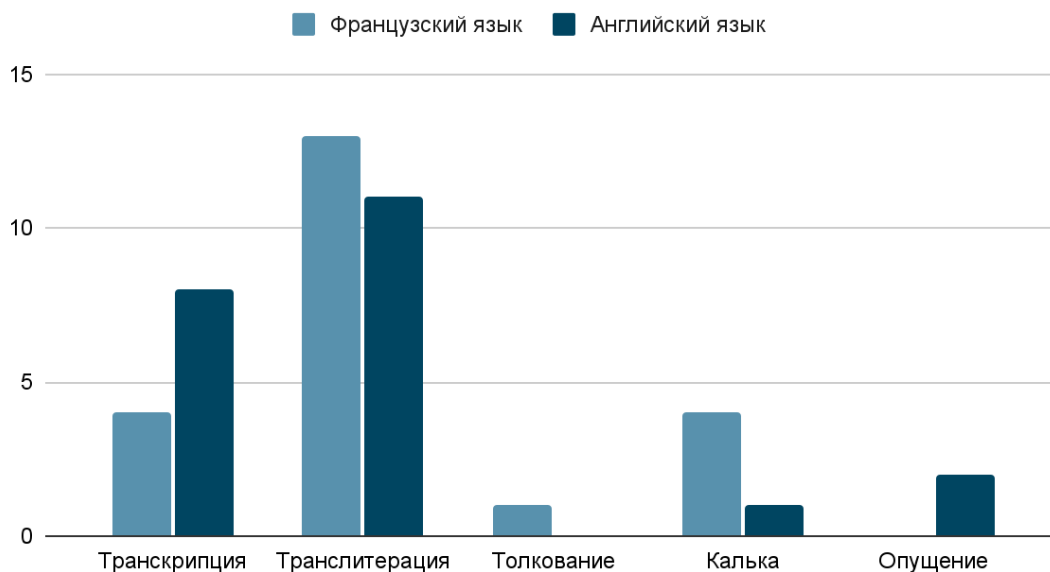

Рис. 1. Способы перевода географических реалий

Таблица 3

Оригинал	Английский вариант перевода	Французский вариант перевода
в Шестой линии	—	Sixième Ligne [4] 4. Les rues rectilignes de l'île Vassilievski, un des quartiers pauvres de Pétersbourg, sont appelées «Lignes».

Полные данные о способах передачи географических реалий представлены на рисунке 1.

Здесь мы можем отметить, что английский переводчик дважды прибегал к опущению реалий. Мы не знаем, чем было мотивировано данное решение, можем лишь предполагать, что Ч. Д. Хогарт решил, что эти реалии не имеют никакой смысловой и сюжетной нагрузки. Однако стоит отметить один случай опущения, который, по нашим соображениям, мог и должен был найти свой способ перевода (табл. 3).

Как мы знаем, вся книга описывает быт бедных граждан, и автор неспроста упомянул эту улицу Васильевского острова. Именно на ней в ту эпоху жили все бедняки и падшие люди. В то время как Ч. Д. Хогарт опускает эту многозначительную деталь, А. Маркович, наоборот, дает толкование реалии в сноске, чтобы оставаться максимально близким к оригиналу.

Также при чтении английского перевода мы непроизвольно заострили внимание на

так часто упоминаемом кладбище *Волково*. Английский переводчик в ряде случаев переводит его с помощью «своеобразной транслитерации»: *Bolkovo*. Что это: неточность переводчика или его замысел? Остается загадкой. Особенно интересно то, что он также мог прибегнуть к привычной передаче графического начертания: *Volkovo*.

Если же мы обратимся к французскому варианту перевода, то на диаграмме, представленной выше, видно, что в этой версии гораздо чаще используется способ калькирования (табл. 4).

Мы можем назвать этот способ вполне удачным, поскольку при чтении произведения на французском языке в этих моментах будто бы не возникало преграды, что нельзя сказать о тех же самых моментах в английском варианте. Ч. Д. Хогарт использовал привычный способ транскрипции, добавляя чужеземной окраски в английский текст: *the Voskresenski Bridge, Gorokhovaia Street*.

Таблица 4

Оригинал	Французский вариант перевода
Воскресенский мост	le pont de l'Assomption
Гороховая	rue aux Pois

Таким образом, мы можем выделить два главенствующих способа перевода географических реалий — это транскрипция и транслитерация, но при этом отдать должное калькированию, которое лишает текст иностранного колорита, но способствует более комфортному и осмысленному чтению. В таком случае переводчику стоит определить, что для него является важным при передаче именно этого фрагмента произведения: сохранение национального колорита текста (креолизация) или максимальное уподобление оригинала языку перевода (варваризация) во избежание появления трудностей при чтении.

Следующим и наиболее обширным пластом изучения являлись этнографические реалии, которые вобрали в себя весь спектр

быта и культуры народа. Более подробную статистику, а именно сопровождающуюся делением всех этнографических реалий согласно предметной классификации С. Влахова и С. Флорина, мы представили на рисунке 2.

Из данной диаграммы следует, что одними из наиболее частотных реалий являются этнические объекты (37 единиц), к которым относятся этнонимы, клички, а также названия лиц по месту жительства. Такое обилие этнических объектов вполне объяснимо: специфика произведения предполагает вежливое и даже ласковое обращение в каждом из более чем пятидесяти писем, составляющих роман. Более того, этнические объекты служат инструментом для создания особой атмосферы и более живой передачи характерных черт персонажей.

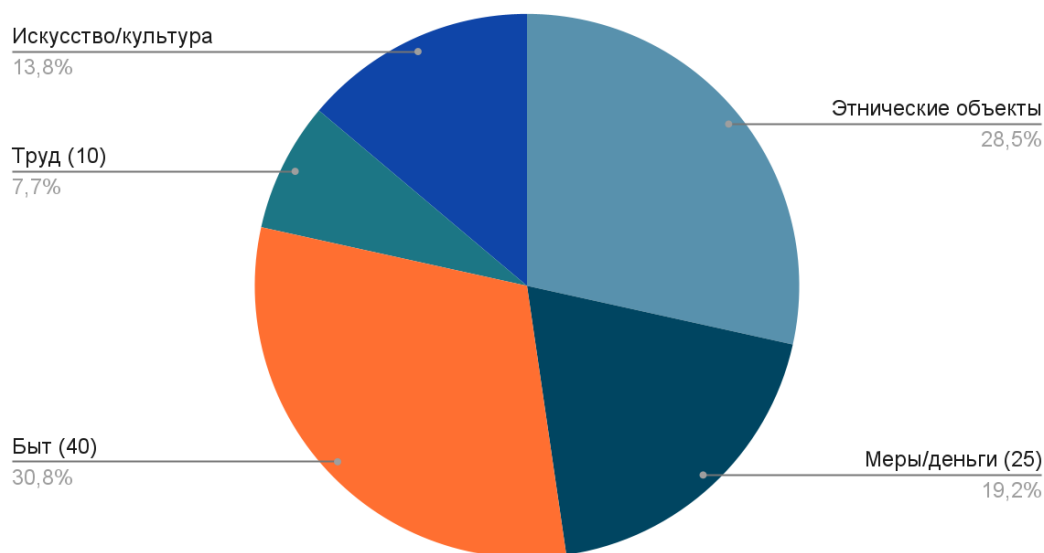

Рис. 2. Этнографические реалии

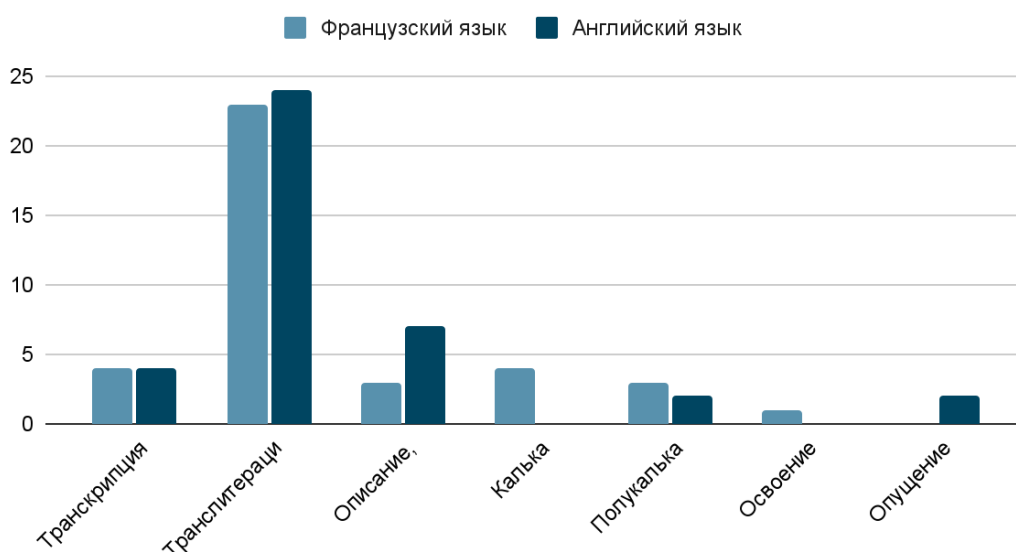

Рис. 3. Способы перевода этнических объектов

Как показано на рисунке 3, в этой подкатегории снова превалирует способ транслитерации, поскольку калькирование, замена кличек и имен родо-видовыми соответствиями или аналогами не представляется целесообразной и, скорее, наоборот осложнит процесс чтения.

Стоит начать с того факта, что имя главной героини Чарльз Хогарт вновь перевел с помощью обращения к «оригинальному» способу транслитерации, а именно *Barbara* (оригинал: *Варвара*). Здесь стоит упомянуть, что в период перевода произведения английским переводчиком не существовало унифицированной системы транслитерации, в связи с чем при сопоставительном анализе мы сталкиваемся с расхождениями подобного рода. Обобщенно исследуя данный пласт лексики, мы будем отталкиваться от похожих случаев, которые помогли установить некую зависимость между реалиями и способами их перевода. Так, например, репутация персонажей и их характеристика во французском варианте чаще всего передавались через калькирование, тогда как английский переводчик лишь описывал типичное поведение персонажей (см. табл. 5).

Мы можем наблюдать грамматические формы, которые были выбраны переводчиками для передачи особого слога Ф. М. Достоевского. Текст Ч. Д. Хогарта изобилует глаголами и наречиями, а версия А. Марковича — именами прилагательными и наречиями, как это представлено в оригинале. Несомненно, оба переводчика передали

суть и характерные черты персонажей, но выбор грамматической формы, подобной оригиналу, позволяет сохранить для читателя авторский строй текста и выглядит более выигрышно.

Продолжая говорить о калькировании, мы можем привести еще один пример его использования А. Марковичем (см. табл. 6).

Мы снова сталкиваемся с ситуацией, когда при передаче одной и той же реалии Ч. Д. Хогарт выбрал способ транслитерации, а А. Маркович — калькирование. Можно заметить, что этот персонаж не играет важной роли в произведении, но слово *Zheltopuzh* ничего не несет в себе, никакой окраски, никакой иронии: для английского читателя это лишь набор букв, которые означают фамилию. А вот при использовании калькирования сохраняется комичность персонажа, который был введен с этой единственной целью.

Необходимо также отметить верное использование указательных местоимений во французском варианте перевода (табл. 7).

В очередной раз оба переводчика перевели сюжетную составляющую произведения, но Ч. Д. Хогарт принес в жертву экспрессивность и самобытность оригинала, а А. Маркович вновь использовал способ калькирования, которым виртуозно владел. После подробного анализа мы можем это с уверенностью констатировать.

Заканчивая обзор этнических объектов, можно вспомнить еще один интересный фрагмент английского перевода и вытекающую из него особенность (табл. 8).

Таблица 5

Оригинал	Английский вариант перевода	Французский вариант перевода
гouvernantки такие крикуньи	teachers continually shouting at me	les gouvernantes, tellement criardes
девицы такие насмешницы	my fellow-pupils for ever holding me up to derision	les jeunes filles tellement moqueuses
я такая дикарка	myself constantly feeling awkward and uncouth	moi, tellement sauvage

Таблица 6

Оригинал	Английский вариант перевода	Французский вариант перевода
Иван Прокофьевич Желтопуз	Ivan Prokofievitch Zheltopuzh	Ivan Prokofievitch Ventre-jaune

Таблица 7

Оригинал	Английский вариант перевода	Французский вариант перевода
Эта , дескать, крыса чиновник переписывает!	He is only an amanuensis	Ce rat, n'est-ce pas, de fonctionnaire, il recopie

Таблица 8

Оригинал	Английский вариант перевода	Французский вариант перевода
Сегодня я двоюродную сестру мою Сашу встретила! Ужас! и она погибнет, бедная! Услышала я тоже со стороны, что Анна Федоровна всё обо мне выведывает.	Today I met my cousin Sasha. To see her going to wrack and ruin shocked me terribly. Moreover, it has reached me, through a side wind, that she has been making inquiry for me...	Aujourd'hui, j'ai rencontré ma cousine Sacha ! Quelle horreur ! elle aussi, elle sera perdue, la pauvre ! J'ai entendu dire, aussi, par quelqu'un, qu' Anna Fiodorovna faisait toujours des enquêtes sur moi.

В этом отрывке английский переводчик решает заменить имя собственное героини на местоимение, опираясь на гендерный признак, но в предшествующем контексте какое-либо упоминание об этом персонаже отсутствует. Более того, предложением выше мы видим упоминание другого персонажа, что может внести некую путаницу в умы читателей. Это, как показывает опыт, создаст барьер для читателя в плане интерпретации содержания. Мы полагаем, что выбранный способ передачи реалии неудачен.

Обращаясь к названиям денежных единиц и мер измерения, можно сразу отметить, что способы их передачи достаточно унифицированы и не нуждаются в глобальном вмешательстве переводчика (рис. 4).

Все наименования валют в большинстве случаев переводились с помощью трансли-

терации, что в этом случае не бросалось в глаза, поскольку читатели понимают, о чем идет речь. К тому же, чтобы не перегружать текст, переводчики описывали финансовые моменты с помощью простого упоминания, как «*много/мало денег*», а также обращались к функциональным аналогам, заменяя определенную сумму словом *деньги*, *монета* или *сумма*.

Можно лишь вновь отметить, что способ опущения остается доминирующим в английском языке, что на фоне французского варианта выглядит как вольный перевод.

Следующая подкатегория этнографических реалий является наиболее многочисленной (40 реалий), ниже мы представили те способы, которые использовались при их передаче на язык перевода (см. рис. 5).

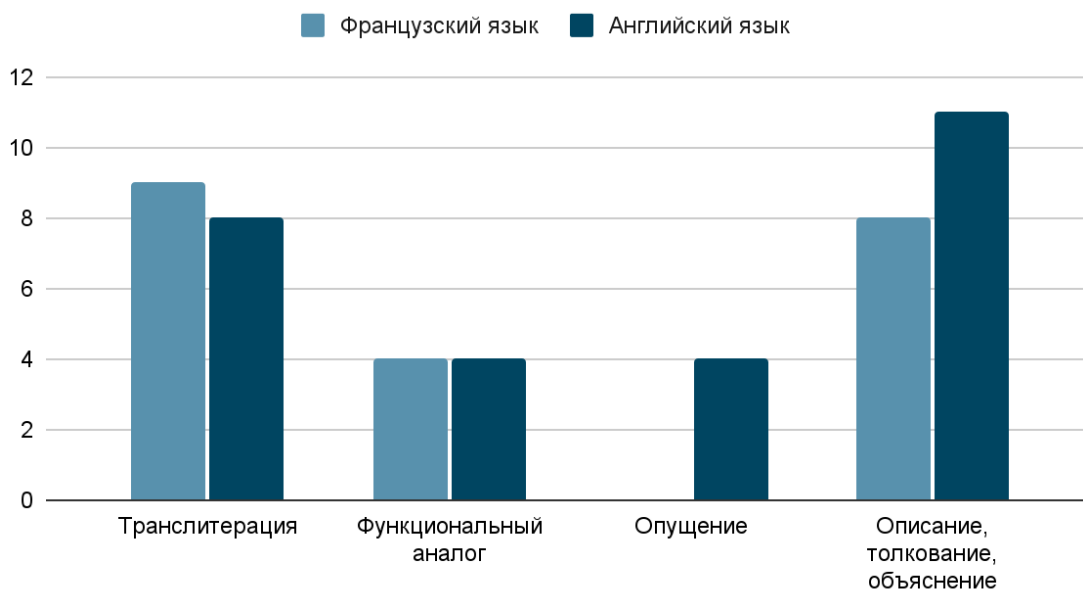

Рис. 4. Способы перевода реалий денег и мер

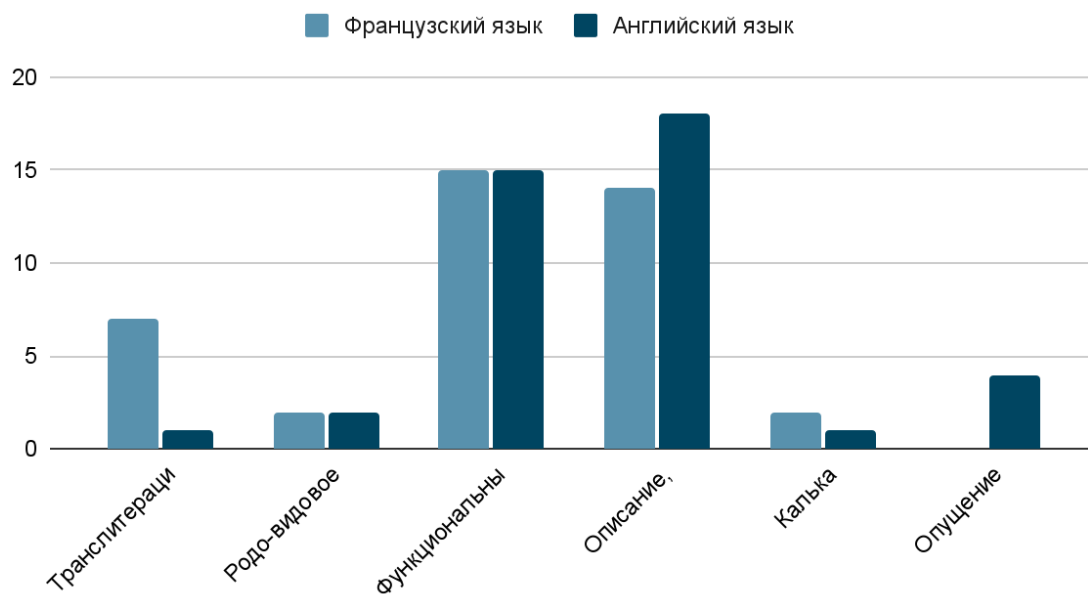

Рис. 5. Способы перевода этнографических реалий быта

На диаграмме (рис. 5) по сравнению с предыдущими рисунками резко выделяются два других способа перевода: функциональный аналог и описание, которое включает в себя также толкование и объяснение. Разберем по порядку каждый способ.

Способ транслитерации сумел найти свое применение в переводе А. Марковича, например: *samovar*, *moujik*, *les izbas*, *la yourte*. Стоит отметить, что данный способ был выбран при передаче реалий в больших по объему описаниях, которые, возможно, и не играли решающей роли в сюжете. В случае английского варианта перевода Ч. Д. Хогарт отдавал предпочтение функциональным аналогам, тем самым заменяя незнакомые реалии схожими по своим функциям и характеристикам словами языка перевода. Как и во всех случаях выбора между транслитерацией и другим способом перевода, перед переводчиками прежде всего стоит вопрос о сохранении незнакомого для читателя колорита или опущение этой составляющей в пользу понимания и упрощения.

Родо-видовыми же соответствиями в нашем случае в большинстве своем передавался материал, из которого были изготовлены предметы быта. Так, у Ч. Д. Хогарта *чугун* превратился в *metal-work*, что, на наш взгляд, является удачным решением переводчика в малозначительных для сюжетной линии моментах.

Следующим способом перевода реалий является функциональный аналог. Помимо того, что функциональный аналог содержит в себе схожие характеристики с реалиями оригинала, он также должен вызывать у читателя аналогичную реакцию. Необходимо

помнить, что употребление функционального аналога полностью лишает текст самобытности, а зачастую добавляет иные смыслы и создает особый подтекст. При использовании такого способа любой переводчик должен понимать, что происходит не только замена одной языковой единицы на другую, но и замена сопутствующих этим единицам периферических и добавочных значений. Каждое слово несет за собой шлейф устойчивых словосочетаний, ряд ассоциаций и зачастую национальные языковые смыслы.

В качестве примера возьмем слово «*всенощная*», которое неоднократно встречается на страницах произведения. Французский переводчик передал эту реалию с помощью функционального аналога и заменил ее языковой единицей «*la messe*». В русском языке под этим словом понимается именно вечерняя и даже ночная в каком-то отношении праздничная служба, во французском варианте — будничная практика. Оба слова имеют разный подтекст и соответственно вызывают разную реакцию у читателей, несмотря на функциональное семантическое сходство. При этом можно с уверенностью сказать, что не все реалии имеют подобный функциональный аналог, который бы удовлетворял всем вышеупомянутым критериям.

Вторым по частоте использования способом перевода реалий быта выступает описание, и, как мы упоминали ранее, оно включает в себя пояснение и (или) различные толкования. Поскольку этот способ предполагает вольный перевод автора, рамки которого невозможно обозначить, мы обнаружили, что случаи применения описания иногда представлены целыми фрагментами текста.

Таблица 9

Оригинал	Английский вариант перевода	Французский вариант перевода
седьмая вода на киселе	I AM a distant kinsman of yours	du cousin du cousin
словно на водку просит; эх, братец, подумал я, на водку , уж какая тут водка	as though to beg of me a glass of vodka . "Ah, friend," thought I, "go YOU to your vodka "	comme s'il me demandait de quoi boire ; eh, mon pauvre vieux, je me suis dit, de quoi boire , tu parles, boire

Как и в случае функционального аналога, выбор в пользу данного способа полностью стирает колорит реалии, а нередко и экспрессивность фразы. Здесь будет излишним упомянуть необычное графическое решение Ч. Д. Хогарта, которое он использует при переводе эмоциональных фрагментов произведения. Пример приведен на таблице 9.

Особая манера передачи эмоциональных моментов у английского переводчика заключается в выделении отдельных слов с помощью верхнего регистра. Любопытно, что это единственная работа Ч. Д. Хогарта в качестве переводчика, где он использовал этот прием. Более того, на втором примере мы видим контраст использования способов перевода: английский вариант включает в себе транслитерацию, тогда как французский вариант лишь описывает данную реалию и даже в каком-то смысле исключает ее из текста.

Таким образом, двумя наиболее распространенными способами передачи реалий быта являются функциональный аналог и описание, которые, на наш взгляд, в полной мере доносят до читателя замысел автора, но пропускают главную составляющую реалии — ее колорит.

Что касается двух других способов перевода (калькирование и опущение), мы можем отметить, что грамматический строй французского языка позволил переводчику умело применить способ калькирования и максимально сохранить особый слог автора. Справедливости ради стоит отметить, что во французском языке встречается куда больше идиоматических выражений, похожих на русские. Например, в оригинале произведе-

ния мы читаем: «*все на тонкой ноге*», что Ч. Д. Хогарт передал с помощью описания, полностью упуская ритмику предложения. А. Маркович сумел подобрать подобную фразу в языке перевода: *tout sur un pied de finesse*, что, несомненно, позволяет более точно передать оригинал.

Способ опущения в очередной раз свойственен английскому варианту перевода. При чтении этого варианта невозможно было не заметить, что автор позволил себе исключить из текста целые предложения и даже абзацы. По большей части это коснулось описательных моментов. По всей видимости, автор не увидел в них содержательной ценности, без которой пострадала бы логика повествования.

Последним примером, который хотелось бы упомянуть, являются «*розанчики*», русское хлебобулочное изделие. Из-за своей созвучности и корня «роз» оба переводчика не смогли, на наш взгляд, точно передать смысл этой реалии, а именно: в английском варианте читателю предстает образ *some roses*, который отлично сочетается с подоконником и ранее упомянутыми цветами, а во французском варианте возникают «*roses*», которые никак не связаны с предыдущим повествованием.

Обратимся к следующему подвиду этнографических реалий — сфера труда. В произведении «Бедные люди» мы нашли всего 18 реалий этого типа, обозначающих либо трудовую должность, либо предметы и организации, непосредственно связанные с выполнением трудовых обязанностей. Все должности и на английский, и на французский язык переводились с помощью функционального аналога (табл. 10).

Таблица 10

Оригинал	Английский вариант перевода	Французский вариант перевода
будочник	a watchman	le gendarme
белошвейка	a sempstresse	la couturière
писарь	a writer	un scribe
заседатель	a lawyer	un assesseur

При передаче данного вида реалий это решение может являться единственно верным. Некоторые профессии имеют максимально схожий аналог в другой стране, который включает в себя еще более близкий ряд функций. Из этого следует вывод, что функциональный аналог при переводе реалий в сфере труда является более чем уместным.

Что касается реалий из мира искусства и культуры, нами было найдено 18 реалий этого подвида, 10 из которых представляют собой названия произведений искусства и культуры. Данные реалии, как принято в переводческой практике, были переданы при помощи калькирования. В остальных случаях переводчики использовали функциональный аналог. Так же, как и в предыдущих примерах, Ч. Д. Хогарт дважды опускал реалии. Анализируя произведение в целом, можно отметить, что он прибегал к этому способу в случаях перечисления или употребления однородных членов предложения.

Общественно-политические реалии и реалии мира природы встречаются в романе достаточно редко (5 и 6 реалий соответственно), что объясняется бытовой направленностью сюжетной линии романа. Как и в случае с названиями профессий, всем титулам и званиям переводчики подобрали функциональные аналоги, в полной мере передающие специфику реалий.

Реалии мира природы в большинстве своем представляют собой названия комнатных растений и цветов, которые во французском варианте были переданы с помощью транслитерации и добавления слов-функционалов *des pots*, а английский вариант вновь изобилует опущениями: из шести реалий мира природы Ч. Д. Хогарт передал лишь три. Также нам встретилось название птицы — *чижик*, оба переводчика не стали заострять внимание на виде пернатых и остановили свой выбор на генерализованном понятии «птица»: соответственно *a bird/un canari*.

Таким образом, в нашем исследовании проанализированы две переводческие версии романа Ф. М. Достоевского на предмет способов перевода реалий и степени отражения самобытности русского народа той эпохи. Чарльз Джеймс Хогарт и Андре Маркович являются представителями разных эпох, что находит отражение в их работах. Первым переводом романа «Бедные люди» была работа Ч. Д. Хогарта. Можно выделить несколько характерных черт, таких как: 1) авторский подход к транслитерации; 2) вольная интерпретация оригинала текста: стиль автора и его характерные особенности отошли

на второй план, присутствует опущение фраз, предложений и целых фрагментов оригинала; 3) использование верхнего регистра клавиатуры для передачи уровня эмоционального накала. Ч. Д. Хогарт неоднократно переводил произведения русских авторов, но стоит заметить, что делал он это выборочно, отдавая предпочтение менее популярным работам русских романистов. К сожалению, нам не удалось найти информацию о профессиональном образовании переводчика или информацию о том, где и как он выучил русский язык. Можно лишь констатировать, что его переводческое наследие достаточно велико. Стоит также отметить, что Ч. Д. Хогарт занимался переводом «Бедных людей» в период до 1915 года, что, несомненно, делает его работу более кропотливой и энергозатратной. Работа А. Марковича датируется концом прошлого века, в период распространения всемирной глобальной сети Интернет, что существенно облегчает доступ к информации.

Именно А. Маркович впервые заговорил о необходимости учитывать при переводе стиль Ф. М. Достоевского. Сам А. Маркович имеет русские корни, поскольку его мать была русской, именно поэтому стиль Ф. М. Достоевского, его вокабуляр, авторское словообразование были понятны А. Марковичу на так называемом глубинном уровне. Он был новатором в области переводов произведений Ф. М. Достоевского. Его перевод, благодаря желанию сохранить колорит и особую манеру письма, считается наиболее приближенным к оригиналу и по праву занимает первое место на французском книжном рынке.

Мы, в свою очередь, хотели бы отметить некоторые характерные черты авторского стиля переводчика, позволяющие его работам быть наиболее близкими оригиналу: 1) минимизация приема опущения при переводе реалий; 2) ситуативное обращение к неформальному стилю речи; 3) использование особого ритма фраз для передачи «духа Ф. М. Достоевского»; 4) сохранение, по словам самого А. Марковича, «всех повторов, несуржиц, обмолвок Ф. М. Достоевского» [Маркович 1996: 259].

Говоря о закономерностях переводческих решений обоих авторов, можно сделать следующие выводы:

1. Вид реалии играет основополагающую роль при выборе способа ее перевода.

2. Географические реалии в силу своеобразия и однозначности трактовки в подавляющем большинстве случаев переводятся путем транскрипции или транслитерации.

3. Большинство этнических объектов, составляющих имена собственные, клички и

прозвища, также передаются путем транслитерации, реже — при помощи транскрипции.

4. Наиболее частотными являются этнографические реалии, а именно — реалии быта. Их объем объясняется количеством подвидов группы. Все отобранные нами этнографические реалии были в разной мере связаны с повседневной жизнью людей, поэтому наиболее распространенным способом перевода выступал функциональный аналог, который позволил с наименьшими потерями передать замысел автора.

5. Использование функционального аналога как способа перевода реалии предполагает передачу дополнительных смыслов.

6. Реалии сферы труда, а именно названия профессий, титулов, званий также нашли свой максимально соответствующий аналог в языках перевода.

7. Исторический и хронологический периоды перевода вносят большие коррективы в его содержание, но оба переводчика смогли качественно осуществить свою работу в рамках актуального для них самих времени.

Проведенный анализ не только помог определить закономерности перевода, но и показал те сложности, с которыми может столкнуться автор при передаче реалий. Причинами этому могут послужить и разница в картине мира, и культурологические аспекты, и даже историко-национальные моменты. Соответственно, профессиональному переводчику необходимо владеть фоновыми знаниями обоих языков для исключения любого рода ошибок и неточностей. Главный же вывод, сделанный нами в процессе исследования, — это то, что на выбор способа перевода реалий влияют не только фоновые знания самого переводчика, его технический стиль работы, не только контекст лексической единицы, реципиент и его характеристики или определение самого способа в целом, а также вид реалии и те второстепенные смыслы, которые она в себе содержит.

Перспективы дальнейшего исследования нам видятся в более детальном изучении вопроса перевода русскоязычных реалий на другие языки. Кроме того, на наш взгляд, было бы интересно проанализировать способы передачи русскоязычных реалий на французский и другие языки не только в рамках классической, но и в рамках современной литературы.

ИСТОЧНИКИ

1. Достоевский Ф. М. Бедные люди / Ф. М. Достоевский. — М. : АСТ, 2018. — 352 с.
2. Dostoïevski, F. Les pauvres gens. Gallimard. 2009. 118 p.
3. Les pauvres gens (Trad. A. Markowicz) ACTES SUD, 2001. 119 p.
4. Translations by C.J.Hogarth. URL: http://www.goodreads.com/author/list/618986.C_J_Hogarth (дата обращения: 10.05.2024).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, М. Л. О влиянии вида реалий на выбор переводческих приемов / М. Л. Алексеева. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 89. — С. 184–191.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. — Москва : Международные отношения, 1975. — 240 с. — Текст : непосредственный.
3. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Москва : Международные отношения, 1986. — 416 с. — Текст : непосредственный.
4. Гвоздович, Е. Н. Безэквивалентная лексика: теория и практика перевода : учеб.-метод. пособие / Е. Н. Гвоздович. — Москва : ТетраСистемс, 2010. — 128 с. — Текст : непосредственный.
5. Золотарев, С. В. Понятие и классификация реалий / С. В. Золотарев. — Текст : непосредственный // Философия и наука в культурах Запада и Востока : материалы Международной молодежной конференции, 28–29 сентября 2012 года. — Томск, 2012. — С. 255–259.
6. Ерофеева, Е. В. Комбинированные способы передачи русских реалий / Е. В. Ерофеева. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : период. науч. журн. — 2019. — Вып. 3. — С. 132–134.
7. Ерофеева, Е. В. Сопоставительный анализ способа передачи русских реалий на французский и испанский языки / Е. В. Ерофеева. — Текст : непосредственный // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 102–108.
8. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. — Москва : ВШ, 1990. — 251 с. — Текст : непосредственный.
9. Маркович, А. Заметки французского переводчика Достоевского / А. Маркович. — Текст : непосредственный // Достоевский. Материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Изд-во Д. Буланин. 1996. — С. 254–259.
10. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. — Москва : Высшая школа, 1987. — 273 с. — Текст : непосредственный.
11. Ревзин, И. И. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. — Москва : Высшая школа, 1964. — 244 с. — Текст : непосредственный.
12. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер ; с комм. и доп. Д. И. Ермоловича. — Москва : AUDITORIA, 2016. — 243 с. — Текст : непосредственный.
13. Симонец, М. С. Русские реалии как фрагмент национальной картины мира во французском языке / М. С. Симонец. — Текст : электронный // Вестник Донецкого педагогического института. — 2018. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-realii-kak-fragment-natsionalnoy-kartiny-mira-vo-frantsuzskom-yazyke> (дата обращения: 04.05.2024).
14. Солнцев, Е. М. Транскрипция и транслитерация в контексте русско-французского межязыкового диалога / Е. М. Солнцев. — Текст : электронный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — № 12 (723). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transkriptsiya-i-transliteratsiya-v-kontekste-russko-frantsuzskogo-mezhyazykovogo-dialoga> (дата обращения: 04.05.2024).
15. Томахин, Г. Д. Реалии — американизмы : пособие по страноведению : учеб. пособие / Г. Томахин. — Москва : [б. и.], 1988. — 239 с. — Текст : непосредственный.
16. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие / А. В. Федоров. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2002. — 416 с. — Текст : непосредственный.
17. Швейцер, А. Д. Теория перевода : статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — Москва : Наука, 1988. — 216 с. — Текст : непосредственный.
18. Штейнберг, А. З. Система свободы Ф. М. Достоевского / А. З. Штейнберг. — Берлин : Скифы, 1923. — 147 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Dostoevskij, F.M. (2018). *Bednye lyudi*. Moscow: AST, 352 p. (In Russ.)

2. Dostoïevski, F. (2009). *Les pauvres gens*. Gallimard, 118 p.
3. Dostoïevski, F. (2001). *Les pauvres gens* (Trad. A. Markowicz). ACTES SUD, 119 p.
4. Hogarth, C.J. (n.d.). *Translations by C.J. Hogarth*. Retrieved May 10, 2024, from http://www.goodreads.com/author/list/618986.C_J_Hogarth

REFERENCES

1. Alekseeva, M.L. (2009). O vliyaniï vida realij na vybor perevodcheskih priemov [On the Influence of the Type of Reality on the Choice of Translation Techniques]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 89, 184–191. (In Russ.)
2. Barhudarov, L.S. (1975). *Yazyk i perevod: Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda* [Language and Translation: Issues of General and Specific Theory of Translation]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 240 p. (In Russ.)
3. Vlahov, C., & Florin, C. (1986). *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 416 p. (In Russ.)
4. Gvozdovich, E.N. (2010). *Bezektivnaya leksika: teoriya i praktika perevoda* [Non-equivalent Lexicon: Theory and Practice of Translation] [Teaching and method. manual]. Moscow: TetraSistems, 128 p. (In Russ.)
5. Zolotarev, S.V. (2012). Ponyatie i klassifikaciya realij [The concept and classification of realities]. In *Filosofiya i nauka v kul'turah Zapada i Vostoka* (materials of the International youth conference, September 28–29, 2012, pp. 255–259). Tomsk. (In Russ.)
6. Erofeeva, E.V. (2019). Kombinirovannye sposoby peredachi russkih realij [Combined methods of conveying Russian realities]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 3, 132–134. (In Russ.)
7. Erofeeva, E.V. (2018). Sopostavitel'nyj analiz sposoba peredachi russkih realij na francuzskij i ispanskiy yazyki [Comparative analysis of the method of transmitting Russian realities into French and Spanish]. *Filologicheskij klass*, 2(52), 102–108. (In Russ.)
8. Komissarov, V.N. (1990). *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow: VSh, 251 p. (In Russ.)
9. Markovich, A. (1996). *Zametki francuzskogo perevodchika Dostoevskogo* [Notes of a French translator of Dostoevsky]. In *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya* (pp. 254–259). St. Petersburg: Izd-vo D. Bulanin. (In Russ.)
10. Maslov, Yu.S. (1987). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola, 273 p. (In Russ.)
11. Revzin, I.I., & Rozencvejg, V.Yu. (1964). *Osnovy obshchego i mashinnogo perevoda* [Fundamentals of General and Machine Translation]. Moscow: Vysshaya shkola, 244 p. (In Russ.)
12. Recker, Ya.I. (2016). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Translation Theory and Translation Practice] (with comments and add. by D.I. Ermolovich). Moscow: AUDITORIA, 243 p. (In Russ.)
13. Simonec, M.S. (2018). Russkie realii kak fragment nacional'noj kartiny mira vo francuzskom yazyke [Russian Realities as a Fragment of the National Picture of the World in the French Language]. *Vestnik Doneckogo pedagogicheskogo instituta*, 3. Retrieved May 4, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-realii-kak-fragment-natsionalnoy-kartiny-mira-vo-francuzskom-yazyke> (In Russ.)
14. Solncev, E.M. (2015). Transkripciya i transliteraciya v kontekste russko-francuzskogo mezh'yazykovogo dialoga [Transcription and transliteration in the context of Russian-French interlingual dialogue]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 12(723). Retrieved May 4, 2024, from <https://cyberleninka.ru/article/n/transkriptsiya-i-transliteratsiya-v-kontekste-russko-francuzskogo-mezhyazykovogo-dialoga> (In Russ.)
15. Tomahin, G.D. (1988). *Realii — amerikanizmy* [Realities-Americanisms] [Manual on regional studies – a teaching aid]. Moscow, 239 p. (In Russ.)
16. Fedorov, A.V. (2002). *Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)] [Teaching manual]. St. Petersburg, 416 p. (In Russ.)
17. Shvejcer, A.D. (1988). *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of translation: status, problems, aspects]. Moscow: Nauka, 216 p. (In Russ.)
18. Shtejnberg, A.Z. (1923). *Sistema svobody F.M. Dostoevskogo* [The System of Freedom of F. M. Dostoevsky]. Berlin: Skify, 147 p. (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1.42+811.111'42+81'38+004.8
ББК ШП41.12-51+ШП43.21-51+ШП05.551.5

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Елена Борисовна Каган

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, Lena-kagan@yandex.ru, SPIN-код: 2973-3523

Отражение искусственного интеллекта в метафорическом зеркале (на примере русского и английского языков)

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ метафор со сферой-мишенью «Искусственный интеллект». Материалом послужил корпус метафор, отобранных методом сплошной выборки из российских и американских специализированных СМИ. Поскольку выборка производилась из научно-публицистических изданий, выявленные метафорические единицы в совокупности отражают мнение и позицию не простых обывателей, а специалистов. 95% метафорических словоупотреблений имеют отрицательную коннотацию, в то время как положительные образы III составляют лишь 5% от всего корпуса отобранных единиц, что свидетельствует о настороженности специалистов. Методология исследования основывается на когнитивно-дискурсивном подходе к анализу метафор (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов). Анализ материала проводился с помощью методики метафорического моделирования (фрейм-слотового анализа). В ходе анализа были выявлены ведущие метафорические модели: «Артефакт», «Живая и неживая природа», «Человек», «Война», «Преступность». В ходе анализа были выявлены как общие, так и специфичные черты. Хотя английский язык относится к аналитическим, то есть более предрасположен к метафоризации как процессу развития полисемии в отличие от синтетического русского языка, при анализе было выявлено, что в российской прессе метафорические словоупотребления встречаются не реже, чем в англоязычной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, американские СМИ, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, концептуальные метафоры, искусственный интеллект, русский язык, английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Каган Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева; 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21; email: Lena-kagan@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каган, Е. Б. Отражение искусственного интеллекта в метафорическом зеркале (на примере русского и английского языков) / Е. Б. Каган. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 249-254.

Elena B. Kagan

Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia, Lena-kagan@yandex.ru, SPIN code: 2973-3523

Reflection of Artificial Intelligence in the Metaphorical Mirror (Russian and English Languages)

ABSTRACT. The article analyzes metaphors with the target domain “Artificial Intelligence”. The practical research material includes a corpus of metaphors selected via the continuous sampling method from Russian and American specialized media. Since the sample was compiled from scientific and journalistic publications, the metaphorical units identified do not collectively reflect the opinion and position of ordinary people, but present the point of view of specialists. 95% of metaphorical word usages have a negative connotation, while the positive AI images account for only 5% of the entire corpus of the selected units, which indicates the alert state of mind of specialists. The research methods are based on the cognitive-discursive approach to the analysis of metaphors (A. N. Baranov, E. V. Budaev, Yu. N. Karaulov, I. M. Kobozeva, A. P. Chudinov). The material is analyzed using the technique of metaphorical modeling (frame-slot analysis). The analysis has revealed the leading metaphorical models: “Artifact”, “Living and inanimate nature”, “Man”, “War”, and “Crime”. The analysis has discovered both common and specific features. Although English is an analytical language, that is, it is more prone to metaphorization as a process of polysemy development, unlike synthetic Russian, the analysis has revealed that metaphorical word usages are not less common in the Russian press than in the English-language one.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, Russian media, American media, political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, language units, conceptual metaphors, artificial intelligence, Russian language, English language.

AUTHOR'S INFORMATION: Kagan Elena Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Kagan E. B. (2024). Reflection of Artificial Intelligence in the Metaphorical Mirror (Russian and English Languages). In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 249-254. (In Russ.).

Мегатрендом современного мира выступают цифровые трансформации, которые направлены на создание когерентной среды будущего. Происходящие социальные и технологические изменения, связанные с расширяющимся проникновением искусственного интеллекта (ИИ) во все сегменты человеческой жизни, сопровождаются бивалентными оценками. С одной стороны, как отмечает Т. Г. Лешкевич, «громко звучат голоса цифровых алармистов, оглашающих угрозы существованию человека в связи с распространением и совершенствованием технологий ИИ. Их тревожит перспектива вынужденного подчинения цифровому алгоритму, надличностный масштаб контроля и принуждения, зависимость от цифры и ситуация, когда текущая нейронная активность человека становится управляемой, доступной для проверок и вторжений» [Лешкевич 2022: 35]. Цифровые скептики обеспокоены эффектами цифровой детерминации общества будущего, манипулированием сознанием в киберпространстве и новым цифровым неравенством, зависящим от наличия или отсутствия доступа к Сети, уровня цифровых компетенций человека. С другой стороны, апологеты ИИ отстаивают симбиоз человека и технологий как новую счастливую эру в истории человечества. Так, согласно доктрине Э. Кларка, «...current 21st century AI-based technologies are dissolving boundaries between human and non-human biological individuals and between biological individuals and machines in ever accelerating and deepening manner» («...современные технологии 21-го века, основанные на ИИ, все с большей скоростью и глубиной стирают границы между людьми и нечеловеческими биологическими существами, а также между биологическими индивидуумами и машинами») [Clark 2004].

Комплексный, конвергентный подход к изучению ИИ не исключает, а скорее предполагает участие в этом процессе социальных и гуманитарных наук, непосредственно занимающихся исследованием вопросов познания. Нельзя не согласиться с Т. Г. Лешкевич, Н. Н. Морозовой, Н. В. Чичериной и С. Ю. Стрелковой, которые считают, что метафоризация способна предложить ответы на эпистемологические вопросы о трансформациях цифровой эры.

Исходя из антропоцентрической научной парадигмы, процесс метафоризации представляет собой «некоторую проблемную когнитивно-номинативную ситуацию со многими переменными факторами» [Телия 1988: 34].

Исследование когнитивных метафор ИИ — это научный прием рационального осмысле-

ния специфики современного мира при переходе «от галактики Гутенберга к галактике Цукерберга» [Конев 2018: 16], особенностей бытия человека в мире цифровых технологий и его взаимоотношений с ИИ.

Мы являемся свидетелями того, как быстро изменяются, адаптируясь к цифровой среде, все сферы современного общества. Если в последней трети XX века разные гаджеты использовались для поиска информации, создания разного рода документов, для общения и развлечения и люди контролировали сам процесс взаимодействия, то чуть позже системы и робототехника стали способны выполнять разнообразные действия без явного контроля и вмешательства человека. На современном этапе происходит «персонификация», «очеловечивание» компьютера, который выступает уже в роли партнера, биоробота. Например, искусственный интеллект может диагностировать серьезное заболевание на самой ранней стадии; нейросети позволяют повышать уровень безопасности, анализировать большие объемы данных (Big Data), составлять рекламные тексты, писать курсовые работы, заменять актеров в фильмах и даже вести диалоги на интеллектуальные темы. Без современных технологий мы уже вряд ли можем представить свой быт. ИИ выступает как личный помощник, как консультант, который дает ответы по телефону, дома с нами разговаривает Алиса или Маруся. Сам же человек все чаще превращается в человека «служебно-го», теряя свой творческий потенциал.

В этой ситуации многих волнуют вопросы: с одной стороны, стоит ли бояться столь быстрого развития ИИ; с другой, не разыгрывается ли в мире духовная катастрофа при, казалось бы, хорошей комфортной жизни, которая по существу стала синонимом постоянного потребительства?

Как известно, одним из способов познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира является когнитивная метафора, обозначающая векторы развития общественно-политической, экономической, социокультурной ситуации. Именно к ней мы и обратились в нашем исследовании, отобрав из русско- и англоязычных СМИ методом сплошной выборки 207 метафорических словоупотреблений, которые формируют образ искусственного интеллекта и влияют на наш настрой относительно его бурного развития. Особо отметим, что выборка проводилась из научно-публицистических изданий, т. е. отобранные и анализируемые нами метафорические единицы в совокупности отражают мнение и позицию не простых обывателей, а специалистов.

Одним из активно применяемых в научных исследованиях подходов к изучению метафорических моделей является подход, предложенный А. П. Чудиновым. Этот подход при понимании под метафорической моделью существующей и / или складывающейся в сознании носителей языка схемы связи между понятийными сферами можно представить определенной формулой: «X — это Y» [Чудинов 2003: 70]. Следуя данному подходу, мы разделили метафоры на 4 категории и выделили метафоры со сферами-источниками метафорической экспансии: «Человек», «Социум», «Природа», «Артефакт», — при этом расположили их в порядке возрастания.

Следует отметить, что 95 % метафорических словоупотреблений имеют отрицательную коннотацию, в то время как положительные образы ИИ составляют лишь 5 % от всего корпуса отобранных единиц, что свидетельствует о настороженности специалистов.

К сфере «Артефакт» относится 10 % метафор. Здесь искусственный интеллект выступает в образе дырявого решета или рваной одежды, которую нужно латать.

– *Огромное количество дыр, «заплат», «костылей», временных решений, тем не менее ИИ работает, результат какой-то дает и в целом выполняет свою задачу* [https://ya-r.ru].

Взаимодействуя с ИИ, человек попадает в цепь обратной связи, которая, как повседневное блюдо, состоит из самых простых ингредиентов.

– *“Through an empirical and theoretical investigation, we reveal that information cocoons emerge from the adaptive information dynamics in the **interaction** feedback loop between humans and AI-driven recommendation algorithms,” Piao said. “Such a **feedback loop is characterized by essential ingredients**: (i) similarity-based matching, (ii) positive feedback, (iii) negative feedback, and (iv) random self-exploration”* [https://techxplore.com].

Взаимодействие человека с искусственным интеллектом требует наличия у последнего выключателя с тем, чтобы человек не стал полностью подконтрольным ИИ.

– *any A.I. must have an impregnable “off switch.” Beyond that, we should regulate the tangible impact of A.I. systems (for example, the safety of autonomous vehicles) rather than trying to define and rein in the amorphous and rapidly developing field of A.I.* [https://www.nytimes.com].

При образной интерпретации существующей проблемы отсутствия у ИИ ответственности за допускаемые ошибки используются лексемы с признаками негативной кон-

нотации. Примерами таких лексем могут служить лексемы «замыливать» (прямое значение: натирать мылом или мыльной пеной), «размазывать» (прямое значение: распространять по поверхности (что-либо жидкое, мажущее)).

– *ИИ не несет ответственность, т.к. она размазана, он, как будто, с помощью своих привлекательных черт замыливает реальность* [https://www.computerra.ru].

Метафорический образ искусственного интеллекта раскрывается также в метафорах живой и неживой природы, которые составляют 15 % от числа проанализированных нами метафорических единиц. ИИ не только заворачивает людей в информационные коконы, но и расставляет на них, словно на диких зверей, ловушки. В этой связи напрашивается вопрос, не делается ли это для того, чтобы отучить человека критически мыслить, иметь собственные воззрения и убеждения.

– *The widespread use of AI algorithms, particularly algorithms designed to recommend content and products to users based on their previous activity online, has led to the rise of new phenomena known as **social media echo chambers and information cocoons*** [https://techxplore.com].

– *“In particular, recommendation algorithms, some of the most widely adopted AI-driven technologies, are infamous for isolating humans from diverse information and eventually **trapping them in a single topic or viewpoint**, known as information cocoons”* [https://techxplore.com].

В СМИ искусственный интеллект предстает в образе сильного животного — лошади, которая, если не держать ее в узде, может выйти из-под контроля человека и сбегать.

– *The A.I. horse has left the barn, and our best bet is to attempt to steer it* [https://www.nytimes.com].

– *Beyond that, we should regulate the tangible impact of A.I. rather than trying to define and **rein in the amorphous and rapidly developing field of A.I.*** [https://www.nytimes.com].

Метафоры концептуальной сферы «Неживая природа» отсылают к восприятию ИИ как чего-то вселенского, непонятного не только простому человеку, но и многим специалистам.

– *Американцы вышли в этот **цифровой космос** или когнитивный космос раньше нас. Они там, а мы нет* [https://ya-r.ru].

При этом отдельные программы, как например, нашумевший *chatgpt*, предстают в образе стихийного бедствия, тем самым порождая вокруг себя панику.

– *chatgpt выглядит, как тектоническое событие (разработчики сами не до конца понимают, как это работает)* [https://ya-r.ru].

Через образ воды осмысливается Big data, что подчеркивает ее важность, ценность и сложность контроля. «От информационных озер, рек и океанов до информационных паводков, наводнений и цунами эти метафоры позиционируют данные как нечто массивное и изменчивое, но в то же время необходимые для поддержания человеческой жизни» [https://www.researchgate.net].

– *Должны ли мы позволять машинам наводнять наши информационные каналы пропагандой?* [https://www.rbc.ru].

– *...нам нужен некий цифровой кодекс, который защищает человека, попавшего в эту цифровую круговерть. Я надеюсь, что этот цифровой кодекс когда-нибудь появится* [https://zavtra.ru].

– *Data tsunami is environmental disaster in the making* [https://www.lightreading.com].

Следующий блок метафор относится к концептуальной сфере «Человек» и представлен 20 % метафорических словообразований. Выбор антропоморфной метафоры для концептуализации искусственного интеллекта не случаен, ведь «создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который концептуализирует реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира» [Чудинов 2003].

Метафорический образ ИИ тесно связан с физиологией человека:

– *Сейчас я боюсь и являюсь противником создания искусственного разума как аналога человеческого мозга и его наполнения — мыслей, идей, чувств и прочего* [https://letaibe.media].

У ИИ есть свой характер и нрав:

– *The AI model, called Grok (a name that means “to understand” in tech circles), “is designed to answer questions with a bit of wit and has a rebellious streak, so please don’t use it if you hate humor!”* [https://surferseo.com/blog/what-is-grok/]

– *Во всех сферах всё будет во власти нескольких частных, огромных, безжалостных «платформ» которые будут иметь одну задекларированную цель — прибыль* [https://zavtra.ru].

Как все люди, искусственный интеллект может болеть физически или психически:

– *“When you say hallucinations, you’re attributing too much to the model, You’re attributing intent; you’re attributing consciousness; you’re attributing a default mode of operating rationally; and you’re attributing some form of*

understanding on the part of the machine” [https://news.northeastern.edu].

– *пока у искусственного интеллекта нет эмпатии, его можно сравнить с психопатом* [https://letaibe.media].

Ну и, конечно, как любой живой организм, ИИ должен питаться. Подчас людьми или их великим наследием:

– *These models feed on huge amounts of text taken from books and the web* [https://www.wired.com].

– *Так экономика вместе с ИИ сожрала или «перепотрошила» человеческих переводчиков* [https://ya-r.ru].

Реализация антропоморфного образа ИИ осуществляется также путем наделения его чисто человеческими характеристиками: именами, возрастом, родственными связями, здоровьем, болезнями, красотой, настроением, эмоциями и т. п. Интересно отметить, что многие программы носят имена греческих богов или великих ученых прошлых столетий, тем самым их создатели ставят ИИ выше человека: Da Vinci surgical system, Zeus surgical system, EleutherAI (Элевтерий, сын Зевса), Neuton AutoML.

Применение социальной метафоры как способа объективации ИИ обусловлено тем, что данное ментальное и языковое средство репрезентирует и эксплицирует интересы и мнения определенных социальных групп и находит большой эмоциональный отклик у адресатов. Как показывает наш анализ, в современном российском, американском и британском национальном сознании ИИ часто понимается и структурируется на основе концептов «война» и «преступность». 50 % всех метафорических словоупотреблений относится к данной сфере.

Обращение к военной метафоре показывает серьезность проблемы. ИИ предстает в образе врага, атакующего и уничтожающего человека.

– *искусственный интеллект вышибает гениев априори, они просто не могут родиться. Для всего, что является искусством, включая литературу, это смертельно опасно. Но и в журналистике так называемый ИИ будет убивать — и уже убивает — все самобытное и талантливое* [https://letaibe.media].

– *С развитием ИИ место ядерных сил постепенно займет сверхточное сверхбыстрое автономное ИИ-оружие* [https://www.businessgazeta.ru].

– *In cyber security AI is being used in a major way with the most prevalent area being (dis)information and online psychological warfare* [https://scitechdaily.com].

Следует отметить, что ИИ побеждает в этой войне, он триумфатор:

– *Единственно, что с триумфальным шествием нейронных сетей, сейчас и разработчики не очень могут понять, как именно внутри нейронной сети в реальной ситуации происходит выбор того или иного варианта* [https://vk.com].

Как и милитарная метафора, криминальная имеет ярко выраженный отрицательный эмотивный фон. В СМИ искусственный интеллект представлен как правонарушитель, преступник:

– *Все технологии прорываются через всяческие законы. И нет такого закона, который блокировал бы проникновение чего-то плохого в нашу жизнь* [https://letaibe.media].

В то же время ИИ может выступать как надзиратель и каратель преступников, коими являются люди:

– *«Как ни странно, ИИ не освобождает труд, а закрепощает еще сильнее. Одни люди используют электронный хлыст, чтобы хлестать других людей с целью выжать больше денег»* [https://ya-r.ru].

– *Там, на самом деле, очень серьезная эксплуатация с искусственным интеллектом в качестве надсмотрщика* [https://ya-r.ru].

Человек понимает, что от ИИ-преступника необходимо защищаться, и ищет приемлемые методы защиты:

– *Искусственному интеллекту — бой!* [https://ya-r.ru].

– *Мы должны предвидеть и «стерилизовать» надвигающиеся социальные проблемы, связанные с цифровизацией всего* [https://zavtra.ru].

Эта борьба становится все актуальнее в связи с тем, что ИИ постепенно превращается во власть:

– *How an 'AI-tocracy' emerges* [https://www.sciencedaily.com].

– *Человечество должно быть обеспокоено угрозой того, что власть может быть захвачена искусственным интеллектом* [https://topwar.ru].

Приведенные и подобные им метафорические выражения обладают явно выраженной положительной модальностью, за которой, однако, скрывается далеко не положительная суть. В действительности за красивыми сказками об идеальном завтра, которые распространяют ИИ-евангелисты, может скрываться попытка технической элиты установить ИИ в качестве мировой религии с целью контроля и манипулирования обществом, внедрения всеобщего базового дохода и, в конечном счете, подчинения людей классу андроидов и ИИ.

Метафора с ее огромным манипулятивным потенциалом прекрасно вписывается в арсенал средств воздействия на умы и настроения людей.

ИСТОЧНИКИ

- URL: <https://letaibe.media/articles/ii-v-media-czifrovoy-renessans-ili-krah-professionalnoj-mechty/>
- URL: <https://letaibe.media/interviews/vitalij-tretyakov-iskusstvennyj-intellekt-ubivaet-vse-talantlivoe-i-tem-bolee-vse-genialnoe/>
- URL: <https://news.northeastern.edu/2023/11/10/ai-chatbot-hallucinations/>
- URL: <https://surferseo.com/blog/what-is-grok/>
- URL: [https://techxplore.com/news/2023-10-humanai-interaction-scenarios-cocoons.html#:~:text=%22Through%20an%20empirical%20and%20theoretical,feedback%2C%20and%20\(IV\)%20random%20self%2Dexploration.%22](https://techxplore.com/news/2023-10-humanai-interaction-scenarios-cocoons.html#:~:text=%22Through%20an%20empirical%20and%20theoretical,feedback%2C%20and%20(IV)%20random%20self%2Dexploration.%22)
- URL: https://vk.com/@bez_soli_vk-iskusstvennyi-intellekt-iz-antiutopii-v-realnost-ch-3
- URL: <https://www.businessgazeta.ru/article/485833>
- URL: <https://www.computerra.ru/288116/nejroseti-oshibayu-tya-10-nedostatkov-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta/>
- URL: <https://www.lightreading.com/5g/data-tsunami-is-environmental-disaster-in-the-making#close-modal>
- URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/01/opinion/artificial-intelligence-regulations-rules.html>
- URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534>
- URL: https://www.researchgate.net/publication/332828046_Data_Is_the_New_What_Popular_Metaphors_Professional_Ethics_in_Emerging_Data_Culture
- URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2023/07/230713142008.htm>
- URL: <https://www.wired.com/story/elon-musk-announces-grok-a-rebellious-ai-without-guardrails/>
- URL: <https://ya-r.ru/2023/07/29/igor-ashmanov-o-vliyanii-nejrosetej-na-sferu-it-gosudarstvo-obshhestvo-i-biznes/>
- URL: https://zavtra.ru/blogs/igor_ashmanov_nachinaetsya_kakaya-to_chudovishnaya_antiutopiya_v_real_nosti?ysclid=lsxkb6x83v992517387

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асмолов, Г. А. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива / Г. А. Асмолов, А. Г. Асмолов. — Текст : непосредственный // Вопросы психологии. — 2019. — № 4. — С. 3–28.
- Иванов, М. Ю. Метафорический мозг как ключ к развитию искусственного интеллекта / М. Ю. Иванов, Г. И. Ловецкий. — Текст : электронный // Наука, техника и образование : электр. журн. — 2017. — S2 (13). — С. 189–193.
- Конев, В. А. Галактика Цукерберга versus галактика Гутенберга / В. А. Конев. — Текст : непосредственный // Диагностика современности: глобальные вызовы — индивидуальные ответы : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Ю. А. Разинов. — Самара : Самарская гуманитарная академия, 2018. — С. 16–27.
- Кудашина, В. Л. Язык и общество: Chatgpt в восприятии носителей русского и английского языков / В. Л. Кудашина, К. А. Филимонова. — Текст : непосредственный // Инновационные направления развития в образовании, экономике, технике и технологиях : сб. ст. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. В. Лазаревой. — Ставрополь : Ставролит, 2023. — С. 407–411.
- Кузнецова, Е. И. Цифровая эпоха: грани нового социокультурного опыта / Е. И. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Общество: философия, история, культура. — 2023. — № 4. — С. 36–40.
- Лешкевич, Т. Г. Метафоры цифровой эры и Black Box Problem / Т. Г. Лешкевич. — Текст : непосредственный // Философия науки и техники. — 2022. — Т. 27. — № 1. — С. 34–48.
- Масленченко, С. В. Цифровизация общества в контексте цифровизации культуры / С. В. Масленченко. — Текст : непосредственный // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы

IV Междунар. науч.-практ. конф. — Гомель : Гомельская праўда, 2023. — С. 170–172.

8. Морозова, Н. Н. Взаимодействие человека и компьютера. Новые когнитивные метафоры / Н. Н. Морозова. — Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. — 2022. — № 2. — Ч. 2. — С. 331–340.

9. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия. — Текст : непосредственный // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1988.

10. Чичерина, Н. В. Метафоры цифровой идентичности / Н. В. Чичерина, С. Ю. Стрелкова. — Текст : непосредственный // Terra Linguistica. — 2022. — Т. 13, № 2. — С. 30–38. — DOI: 10.18721/JHSS.13203.

11. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.

12. Clark, A. *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence* / A. Clark. — Oxford : Oxford University Press, 2004. — 240 p. — URL: https://www.researchgate.net/publication/266603199_Natural-Born_Cyborgs_Minds_Technologies_and_the_Future_of_Human_Intelligence. — Text : electronic.

13. Crystal, D. *Language and the Internet* / D. Crystal. — 2nd ed. — Cambridge University Press, 2006. — 304 p. — Text : electronic.

14. Esbri-Blasco, M. *Metaphors in the digital world: The case of metaphorical frames in 'F.' and 'Amazon'* / M. Esbri-Blasco, C. Giron-Garcia, M. L. Renau. — Text : unmediated // *Current Approaches to Metaphor Analysis in Discourse* / ed. y I. Navarro i Ferrando. — Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton. — 2019. — P. 39. — DOI: 10.1515/9783110629460.

15. Gere, C. *Digital Culture* / C. Gere. — London : Reaction Books, 2008. — 240 p. — Text : unmediated.

16. Stark, L. *Data Is the New What? Popular Metaphors & Professional Ethics in Emerging Data Culture* / Luke Stark, Anna Lauren Homann. — URL: https://www.researchgate.net/publication/332828046_Data_Is_the_New_What_Popular_Metaphors_Professional_Ethics_in_Emerging_Data_Culture. — Text : electronic.

MATERIALS

1. URL: <https://letaibe.media/articles/ii-v-media-czifrovoy-renessans-ili-krah-professionalnoj-mechty/>

2. URL: <https://letaibe.media/interviews/vitalij-tretyakov-iskusstvennyj-intellekt-ubivaet-vse-talantivoe-i-tem-bolee-vse-genialnoe/>

3. URL: <https://news.northeastern.edu/2023/11/10/ai-chatbot-hallucinations/>

4. URL: <https://surferseo.com/blog/what-is-grok/>

5. URL: [https://techxplore.com/news/2023-10-humanai-interaction-scenarios-cocoons.html#:~:text=%22Through%20an%20empirical%20and%20theoretical,feedback%2C%20and%20\(IV\)%20random%20self%2Dexploration.%22](https://techxplore.com/news/2023-10-humanai-interaction-scenarios-cocoons.html#:~:text=%22Through%20an%20empirical%20and%20theoretical,feedback%2C%20and%20(IV)%20random%20self%2Dexploration.%22)

6. URL: https://vk.com/@bez_soli_vk-iskusstvennyi-intellekt-iz-antiutopii-v-realnost-ch-3

7. URL: <https://www.businessgazeta.ru/article/485833>

8. URL: <https://www.computerra.ru/288116/nejroseti-oshiba-yutsya-10-nedostatkov-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta/>

9. URL: <https://www.lightreading.com/5g/data-tsunami-is-environmental-disaster-in-the-making#close-modal>

10. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/01/opinion/artificial-intelligence-regulations-rules.html>

11. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebec7f7534>

12. URL: https://www.researchgate.net/publication/332828046_Data_Is_the_New_What_Popular_Metaphors_Professional_Ethics_in_Emerging_Data_Culture

13. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2023/07/230713142008.htm>

14. URL: <https://www.wired.com/story/elon-musk-announces-grok-a-rebellious-ai-without-guardrails/>

15. URL: <https://ya-r.ru/2023/07/29/igor-ashmanov-o-vliyaniinejrosetej-na-sferu-it-gosudarstvo-obshhestvo-i-biznes/>

16. URL: https://zavtra.ru/blogs/igor_ashmanov_nachinaetsya_kakaya-to_chudovishnaya_antiutopiya_v_real_nosti?ysclid=lsxbk6x83v992517387

REFERENCES

1. Asmolov, G.A., & Asmolov, A.G. (2019). Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-evolyucionnaya perspektiva [The Internet as a generative space: a historical and evolutionary perspective]. *Voprosy psikhologii*, 4, 3–28. (In Russ.)

2. Ivanov, M.Yu., & Lovetskiy, G.I. (2017). Metaforicheskiy mozg kak klyuch k razvitiyu iskusstvennogo intellekta [Metaphorical brain as a key to the development of artificial intelligence]. *Nauka, tekhnika i obrazovanie* (electr. journ.), S2 (13), 189–193. (In Russ.)

3. Konev, V.A. (2018). Galaktika Tsukerberga vesus galaktika Gutenberga [Zuckerberg's galaxy vesus Gutenberg's galaxy]. In Yu. A. Razinov (Ed.), *Diagnostika sovremenosti: global'nye vyzovy — individual'nye otvety* (Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation, pp. 16–27). Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya. (In Russ.)

4. Kudashina, V.L., & Filimonova, K.A. (2023). Yazyk i obshchestvo: Chatgpt v vospriyatii nositeley russkogo i angliyskogo yazykov [Language and Society: Chatgpt in the Perception of Native Speakers of Russian and English]. In N.V. Lazareva (Ed.), *Innovatsionnye napravleniya razvitiya v obrazovanii, ekonomike, tekhnike i tekhnologiyakh* (Coll. of Art. of the scientific-practical conf., pp. 407–411). Stavropol': Stavrolit. (In Russ.)

5. Kuznetsova, E.I. (2023). Tsifrovaya epokha: grani novogo sotsiokul'turnogo opyta [Digital era: facets of new socio-cultural experience]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 4, 36–40. (In Russ.)

6. Leshkevich, T.G. (2022). Metafory tsifrovoy ery i Black Box Problem [Metaphors of the digital era and the Black Box Problem]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 27(1), 34–48. (In Russ.)

7. Maslanchenko, S.V. (2023). Tsifrovizatsiya obshchestva v kontekste tsifrovizatsii kul'tury [Digitalization of society in the context of digitalization of culture]. In *Sotsial'noe znanie v sovremennoy obshchestve: problemy, zakonomernosti, perspektivy* (Proc. of the IV Int. scientific-practical. conf., pp. 170–172). Gomel': Gomel'skaya praўda. (In Russ.)

8. Morozova, N.N. (2022). Vzaimodeystvie cheloveka i kompyutera. Novye kognitivnye metafory [Human-Computer Interaction. New Cognitive Metaphors]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2 (part 2), 331–340. (In Russ.)

9. Teliya, V.N. (1988). Metafora kak model' smysloproduktivnogo i ee ekspresivno-otsenchnaya funktsiya [Metaphor as a Model of Meaning Production and Its Expressive-Evaluative Function]. In *Metafora v yazyke i tekste*. Moscow: Nauka.

10. Chicherina, N.V., & Strelkova, S.Yu. (2022). Metafory tsifrovoy identichnosti [Metaphors of Digital Identity]. *Terra Linguistica*, 13(2), 30–38. DOI: 10.18721/JHSS.13203.

11. Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication] [Monograph]. Ekaterinburg: Ural. St. Ped. Univ., 248 p. (In Russ.)

12. Clark, A. (2004). *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. Oxford: Oxford University Press, 240 p. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/266603199_Natural-Born_Cyborgs_Minds_Technologies_and_the_Future_of_Human_Intelligence

13. Crystal, D. (2006). *Language and the Internet* (2nd ed.). Cambridge University Press, 304 p.

14. Esbri-Blasco, M., Giron-Garcia, C., & Renau, M.L. (2019). Metaphors in the digital world: The case of metaphorical frames in 'F.' and 'Amazon'. In I. Navarro i Ferrando (Ed.), *Current Approaches to Metaphor Analysis in Discourse* (p. 39). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. DOI: 10.1515/9783110629460.

15. Gere, C. (2008). *Digital Culture*. London: Reaction Books, 240 p.

16. Stark, Luke, & Lauren Homann, Anna (n.d.). *Data Is the New What? Popular Metaphors & Professional Ethics in Emerging Data Culture*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/332828046_Data_Is_the_New_What_Popular_Metaphors_Professional_Ethics_in_Emerging_Data_Culture.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.133.1'42+81'25
ББК ШП47.11-51+ШП18

ГРНТИ 16.01.11

Код ВАК 5.9.8

Людмила Вениаминовна Кушни́на^{1✉}, Анна Игоревна Кривору́чко^{2✉}, Нина Григорьевна Погорела́я^{3✉}

^{1,2,3} Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

¹ lkushnina@yandex.ru ✉, SPIN-код: 5273-8845

² annaigor08@mail.ru ✉, SPIN-код: 7798-1167

³ npogorelaia@yandex.ru ✉, SPIN-код: 5649-1078

Экологичность как фактор успешности перевода политического текста

АННОТАЦИЯ. В статье речь идет о категории экологичности, выступающей исследовательской доминантой новой парадигмы перевода, в центре внимания которой — отражение взаимосвязи между природой и человеком, человеком и культурой, текстом и человеком. В основу исследования положены идеи экотранслатологии китайского ученого Ху Гэншиэна и др.; лингвоэкологии, экологии перевода, экокognитивного переводоведения российских ученых Н. Н. Белозеровой, Н. В. Дрожачих, Л. В. Кушниной, Е. В. Чистовой и др. Цель исследования состоит в обосновании категории экологичности, трактуемой как естественное восприятие текста перевода представителями целевой культуры. Материалом для анализа послужили франкоязычные тексты, содержащие гендерно обусловленные номинации-неологизмы в современном политическом дискурсе. В результате проведенного исследования подтверждена гипотеза о том, что предпосылкой экологичности является порождение гармоничного текста перевода, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала. Это означает, что тексты взаимодействующих культур являются культуросообразными и природосообразными, что способствует установлению экологического равновесия между текстами оригинала и перевода в гармонии с окружающей средой. В такой ситуации переводчик является субъектом динамически развивающейся экосреды, и его интерпретативная деятельность подчиняется общим закономерностям глобальной экосистемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экотранслатология, экология перевода, переводоведение, переводческая деятельность, политический дискурс, политические тексты, экосреда, экологическое равновесие, экологичность восприятия текста, французский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Кушни́на Людмила Вениаминовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод», Пермский национальный исследовательский политехнический университет; 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, д. 29, ауд. 368; email: lkushnina@yandex.ru.

Кривору́чко Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод», Пермский национальный исследовательский политехнический университет; 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, д. 29, ауд. 368; email: annaigor08@mail.ru.

Погорела́я Нина Григорьевна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки, лингвистика и перевод», Пермский национальный исследовательский политехнический университет; 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, д. 29, ауд. 368; email: npogorelaia@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кушни́на, Л. В. Экологичность как фактор успешности перевода политического текста / Л. В. Кушни́на, А. И. Кривору́чко, Н. Г. Погорела́я. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 255-261.

Lyudmila V. Kushnina^{1✉}, **Anna I. Krivoruchko**^{2✉}, **Nina G. Pogorelaya**^{3✉}

^{1,2,3} Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

¹ lkushnina@yandex.ru ✉, SPIN code: 5273-8845

² annaigor08@mail.ru ✉, SPIN code: 7798-1167

³ npogorelaia@yandex.ru ✉, SPIN code: 5649-1078

Ecology as a Success Factor in the Process of Political Text Translation

ABSTRACT. The article analyzes the category of ecology, which is viewed upon as a research dominant of the new translation paradigm, in the center of which there is a reflection of the relationship between nature and man, man and culture, and text and man. The research is based on the ideas of ecotranslatology of the Chinese scholar Hu Gengshen and others; linguoecology, ecology of translation, and ecocognitive translation studies of the Russian scholars N.N. Belozerova, N.V. Drozhashchikh, L.V. Kushnina, E.V. Chistova and others. The aim of the study is to substantiate the category of ecology, interpreted as a natural perception of the target-language text by the representatives of the target culture. The practical material analyzed in the study includes French-language texts containing gender-specific nominations-neologisms in modern political discourse. As a result of this analysis, the study corroborates the hypothesis that the generation of a harmonious target-language text, the meanings of which are equivalent to those of the source-language text, is a prerogative of translation ecology. This means that the texts of interacting cultures are culture-specific and nature-friendly, which helps to estab-

lish an ecological balance between the source-language and target-language texts in harmony with the environment. In this framework, the translator is the subject of a dynamically developing ecoenvironment, and his or her interpretive activity conforms to the general laws of the global ecosystem.

KEYWORDS: *ecotranslatology, ecology of translation, translation studies, translation, political discourse, political texts, ecoenvironment, ecological balance, ecology of text perception, French language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kushnina Lyudmila Veniaminovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.*

Krivoruchko Anna Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.

Pogorelaya Nina Grigor'evna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.

FOR CITATION: *Kushnina L. V., Krivoruchko A. I., Pogorelaya N. G. (2024). Ecology as a Success Factor in the Process of Political Text Translation. In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 255-261. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Тенденция к экологичности в языке, культуре, переводе проявляется порой неосознанно, поскольку взаимоотношения человека и социума, человека и природы стремятся к гармонии, пониманию и взаимопониманию.

Современная антропоцентрическая парадигма, которая определяет развитие всех гуманитарных наук, включая теорию перевода, содержит, среди прочих, экологический вектор, который представляет для нас особый научный интерес.

Идея совмещения экологии и перевода возникла у нас несколько лет назад в результате знакомства с эколингвистикой, экологией языка, лингвоэкологией, экологией человека, экологией сознания и пр. Изучение концепций зарубежных ученых Э. Хаугена, М. Халлидея, Л.-Ж. Кальве, положивших начало этим направлениям, а также приобщение к исследованиям отечественных ученых Н. Н. Белозеровой, Н. В. Дрожжаниной, К. А. Андреевой, О. Б. Пономаревой, В. Д. Табанаковой, Л. Г. Федюченко привело нас к мысли о введении термина «экология перевода», который впервые был использован в 2010 г. на международной научной конференции «Экология языка на перекрестке наук», организованной Н. Н. Белозеровой в Тюменском государственном университете. Наша первая статья была озаглавлена: «Экология перевода: культуросообразность vs природосообразность» [Кушникова, Юзманов 2010]. Опираясь на авторскую концепцию переводческого пространства, объясняющую синергетическую сущность процесса перевода, согласно которой переводчик осуществляет транспонирование смыслов, мысленно передвигаясь по полям переводческого пространства, генерирующим эксплицитно-имплицитные, гетерогенные смыслы, мы расширили эту концепцию и ввели дополнительное природно-биологическое поле (экополе). Интегральный смысл текста

перевода является результатом синергии смыслов всех его полей, так как каждое поле является смыслоформирующим. Экосмыслы находят воплощение в экополе, а затем, в результате синергии смыслов происходит порождение качественного — гармоничного перевода, который становится фактом принимающей культуры.

Таковы исходные позиции нашего исследования в области экотранслатологии. Теоретическое обоснование проблемы содержится также в работах по политической лингвистике (А. П. Чудинов, С. Т. Золян), теории текста и теории дискурса (М. П. Котюрова, В. Е. Чернявская и др.), общей теории перевода (Н. К. Рябцева, Э. Пим и др.).

МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ, ОБЗОР

Приступая к изучению политического дискурса, мы обратились к экологическому подходу в переводоведении. На основе концепции переводческого пространства и идей экологии перевода под нашим руководством было выполнено диссертационное исследование Е. М. Пылаевой «Актуализация ключевых концептов текста перевода: эколингвистический подход». В данной работе показано, что в переводческом пространстве художественного текста имеет место динамическое развитие экосмыслов, отражающих взаимосвязь человека, культуры, природы. Был разработан метаязык экологии перевода, включающий в себя такие понятия, как экоконтент, эколингвистические составляющие концепта, экосмысл, эконорма [Пылаева 2015]. В результате совместных исследований было опубликовано монографическое исследование «Экология перевода: пути зарождения и тенденции развития» [Кушникова, Плюснина (Пылаева) 2016].

Идеи экопереводоведения нашли отражение в исследованиях Е. В. Чистовой, которая соотносит их с синхронным переводом. В результате разработки экокognитивной модели профессиональной коммуника-

ции автор уточняет понятие синхронного перевода «...как совокупности когнитивных событий, направленных на обеспечение качественной передачи информации с одного языка на другой и экологичного решения возникающих переводческих проблем...» [Чистова 2022: 11]. Для нас важно понятие *экологичное решение переводческих проблем*, что будет рассмотрено ниже в рамках данной статьи. Следует заметить, что Е. В. Чистова опирается на результаты исследований китайских ученых, к изучению которых мы приступаем в настоящее время.

Известно, что китайское переводоведение долгое время было изолировано и от европейского, и от российского. Разумеется, отдельные работы оказывались в поле зрения российских ученых. В настоящее время в этой сфере ситуация радикально изменилась. Благодаря сотрудничеству с российским исследователем, проживающим в Китае, Е. А. Фоменко, мы получили возможность познакомиться с работами крупнейших китайских ученых в оригинале, прежде всего Ху Гэншэня, который открыл миру экотранслатологический подход в переводоведении. Как пишут китайские ученые, данное направление восходит к древней китайской философии, испокон веков стоявшей на позиции гармонии в мире, природе, обществе.

Кратко поясним суть концепции Ху Гэншэня, на которую мы опирались в ходе нашего исследования. Ученый рассматривает перевод как экологическую систему, обладающую как внешними, так и внутренними факторами. Ху выдвигает важнейший принцип перевода — экологичность, достижение которого становится возможным в результате так называемого «многомерного преобразования», способствующего поддержанию экологического баланса между текстами оригинала и перевода. Согласно данному принципу, экологическая трансляция смыслов возможна при условии взаимодействия множества факторов, а именно: языковых, коммуникативных, психологических, эстетических. Это означает, что для качественного, экологичного перевода переводчик не может ограничиваться языковыми преобразованиями, но должен анализировать психологические намерения и эстетические устремления автора текста; коммуникативную ситуацию и другие факторы, определяющие макростратегию и микростратегию перевода. Ключевыми понятиями его концепции выступают адаптация и выбор. Это значит, что текст перевода должен быть адаптирован к целевой культуре, и в этом процессе важную роль играет выбор переводческой стратегии и конкретного переводческого реше-

ния. В целом идеи экотранслатологии Ху нацелены на достижение компромисса и экологического баланса, что способствует пониманию текста перевода целевой аудиторией. В качестве материала для анализа Ху использует китайско-английские переводы.

В настоящее время наступает новый виток развития экотранслатологии. В нашем исследовании мы намерены интегрировать идеи экологии перевода, экотранслатологии, экокогнитивного переводоведения прежде всего потому, что все они ориентированы на достижение качественного перевода, который естественным образом вписывается в новую культуру и обогащает ее. Независимо от того, какой теоретической концепции придерживается исследователь перевода, глобальный вопрос, который его волнует, один: как создать качественный перевод.

Развивая идеи, высказанные Ху Гэншэнем, Е. В. Чистовой, а также интегрируя их с авторской концепцией экологии перевода, мы соотнесли понятия гармоничного переводческого решения и экологичного решения переводческих проблем, что позволило нам выдвинуть следующую гипотезу: и гармоничность, и экологичность непосредственно связаны с субъектами переводческой коммуникации, при этом гармоничность центрирована на переводчике, а экологичность центрирована на иноязычном / инокультурном реципиенте. Это означает, что ожидания реципиента не всегда совпадают с действиями переводчика. Переводчику важно, чтобы текст был качественно переведен, высоко оценен переводческим сообществом, экспертами, критиками, коллегами, им самим. Реципиенту важно, чтобы текст был понятен. Разумеется, в большинстве случаев действия переводчика и ожидания реципиента совпадают, но так не может быть всегда. Иными словами, если с позиций переводчика его перевод гармоничен, можно предположить, что с позиций реципиента данный перевод будет экологичен. Вместе с тем в реальной практике данное соотношение может оказаться невозможным, что требует подтверждения и аргументации. Заметим, что мы не рассматриваем еще одного субъекта переводческой коммуникации — автора. Автор незыблем для переводчика, а текст оригинала с позиций переводчика мы расцениваем как эталонный текст. Он создан и существует в исходной культуре для своих реципиентов.

Таким образом, гармоничность есть предпосылка экологичности. Это не тождественные процессы, но взаимообусловленные. И наоборот, если текст оказался эколо-

гичным для реципиента, значит, он был переведен гармонично.

Предметом нашего рассмотрения стал франкоязычный политический дискурс в переводческом освещении.

Политический дискурс — разнонаправленное явление, возникшее на пересечении лингвистики и политологии в начале 2000-х годов, у истоков изучения которого стоят исследования А. П. Чудинова и созданной им научной школы политической лингвистики, политической метафористики, политической идиостилистики и др. [Чудинов 2006]. В центре нашего исследования — политический текст как основной объект политической лингвистики, отражающий деятельность представителей государственной власти. Непосредственным предметом нашего исследования стали гендерно обусловленные номинации-неологизмы, широко используемые в канадской франкоязычной прессе. Речь идет об окказиональных неологизмах-феминитивах, которые не имеют соответствий в русском языке, что вызывает трудности при их переводе. Данные неологизмы-феминитивы используются для номинации государственных служащих и представляют собой относительно новое явление в языке. Эти номинации пока не получили отражения в словарях, но их реальное функционирование в текстах политической тематики требует от переводчика поиска эквивалентов, с тем чтобы донести до иноязычного читателя как можно более точные значения исходных слов, т. е. обеспечить понятность текста, что мы соотносим с понятием экологичности.

В рамках данного исследования нас интересует возможность экологичности перевода политического текста/дискурса. Для теоретического обоснования предметного содержания заявленной проблемы мы опираемся на положения, представленные в работах В. З. Демьянкова, С. Т. Золяна и др.

Исследуя язык в политической функции, С. Т. Золян четко разграничивает «чистых» политологов и политических филологов, перед которыми стоят различные исследовательские задачи. В центре внимания тех и других — политические концепты. Но филологи интересуются соотношением свойств дискурса с этими концептами, т. е. рассматривают их в связи с языковыми особенностями поведения говорящих [Золян 2018]. Язык в политической функции трактуется ученым в его речедейательностной функции: «речь-как-действие». Данные положения отражают манифестацию одной из инструментальных функций языка. Язык в политической функции не отличается особым словарем или грамматикой, но претерпевает

определенные изменения, что влияет на поведение людей. Так, С. Т. Золян приводит следующий пример: вместо одушевленного существительного, обозначающего адресата/адресанта, используется неодушевленное, представленное институциональным объектом, который сочетается с глаголами говорения, интеллектуальной деятельности. В качестве примера автор статьи приводит следующее сочетание: *правительство заявляет...* И подобных примеров можно встретить достаточно много.

Как было сказано выше, в основе наших теоретических рассуждений лежит авторская концепция переводческого пространства, ведущим аксиологическим параметром которой является гармония, предполагающая культуросообразность текстов оригинала и перевода [Кушнина 2003, 2024 и др.]. Уточним, что понятие гармоничного перевода введено нами начиная с работ 2004 г., раскрывающих синергетическую концепцию переводческого пространства. Согласно нашей концепции, достижение качественного гармоничного перевода становится возможным при условии синергетического приращения новых смыслов в фатическом (культурологическом) поле переводческого пространства [Кушнина 2004 и др.]. Гармоничный перевод простирается на все типы языков, дискурсов, функциональных стилей.

Поясним, что гармоничный перевод мы отграничиваем от эквивалентного перевода. Иными словами, текст перевода имеет право отличаться от исходного текста. Главное, он должен передавать смыслы, а также быть понятен реципиентам. В данном случае наша концепция близка концепции Э. Пима, который понимает термин *эквивалентность* достаточно широко, разграничивая естественную эквивалентность и намеренную эквивалентность. Обратим внимание и на позицию Э. Пима, согласно которой текст не обязательно должен быть переведен эквивалентно. Ученый отходит от приоритета эквивалентности в пользу цели переводного текста: «Теоретически один и тот же исходный текст может быть переведен по-разному в зависимости от указанной цели ... переводчик должен получать информацию о той или иной цели или назначении переводного текста, и в идеале эта цель должна выражаться в указаниях, получаемых от заказчика» [Пим 2018: 95].

Гармоничный перевод также допускает возможность разных переводов одного и того же текста, что определяется принимающей культурной средой, средой темпоральности, индивидуально-авторской средой и др.

Кроме того, мы анализируем процесс и результат перевода с позиций экологии перевода, где гармоничность предполагает также природосообразность текстов оригинала и перевода [Кушнина, Плюснина 2016]. В настоящее время совместно с Е. А. Фоменко мы изучаем проблемы экотранслатологии, опираясь на достижения китайской теории перевода, ключевыми понятиями которой выступают экосреда, экологическое равновесие, экологичность восприятия [Кушнина, Фоменко 2024]. Так, в центре нашего исследовательского интереса оказались две категории: гармоничность и экологичность, с позиций которых мы расцениваем качество переведенного текста и на которые мы опирались при анализе переводного политического текста.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В качестве примера представим анализ статьи на французском языке «Les conséquences parlementaires du capital politique», посвященной проблеме муниципальных выборов в Квебеке, где возникает проблема семейных династий, семейных кланов, которые образуют элиту общества. При этом особое внимание уделяется гендерным аспектам государственной политики, т. е. анализируется участие мужчин и женщин в политической жизни общества [Huot, Bodel 2022]. Исследовательский интерес вызвало обилие симметричных форм номинаций должностей и профессий, выраженных существительными женского и мужского рода, которые не имеют аналогов в русском языке. В этом заключается одна из переводческих трудностей. В тексте используются различные типы написания этих форм: раздельное написание с использованием соответствующих артиклей (*un ministre — une ministre*); смешанное написание, при котором используются флексии мужского рода, женского рода, множественного числа (*des députés*); раздельное написание с использованием суффиксов женского рода (*politiciens et politiciennes*); образование форм женского рода по существующим во французском языке словообразовательным моделям (*des mairesses et des maires*) и др. При переводе на русский язык подобные орфографические особенности и нюансы образования феминитивов передать невозможно, так как русский язык обладает другими словообразовательными ресурсами. Кроме того, современные политические реалии не требуют использования форм женского рода для обозначения соответствующих номинаций в русском языке.

Приведем фрагменты текста.

1) *En plus, la moitié des mairesses et des maires sont réélus sans opposition.* В данном предложении мы встречаем номинации **des mairesses et des maires**. Если форма мужского рода переводится как **мэр**, и ресурсы французского языка позволяют образовать форму женского рода, то в русском языке у нас нет такой возможности. У нас нет однословной номинации.

2) *Une élue sortante ou un élu sortant bénéficie en effet d'avantages directs du fait d'avoir déjà occupé un poste de représentation politique.* В данном случае мы также встречаем формы мужского и женского рода: **Une élue ou un élu**, но данная оппозиция без дополнительного переводческого комментария не будет понята русскоязычным реципиентом, т. е. перевод окажется неэкологичным.

В представленных выше примерах, на первый взгляд, трудности перевода с французского языка на русский носят формальный характер. Разумеется, мы можем перевести: *une ministre* как **женщина-министр**, *politiciennes* как **женщины-политики**, *des mairesses* как **женщины-мэры**. В таком контексте мы будем вынуждены переводить: *un ministre* как **мужчина-министр**, *politiciens* как **мужчины-политики**, *des maires* как **мужчины-мэры**. Но на русском языке подобные номинации звучат не вполне естественно. Заметим, что эти номинации употреблены в тексте попарно (**Une élue sortante ou un élu sortant**).

На самом деле, широкое использование в тексте гендерно обусловленных форм приобретает содержательное значение в этом тексте. Как поступить переводчику? Нейтрализовать? Две номинации перевести как одну, используя привычную для нас форму мужского рода? Но такой перевод мы не сможем назвать гармоничным.

В связи с тем, что опубликованных переводов данного текста мы не обнаружили, мы попытались самостоятельно перевести его фрагменты, обращая внимание на фактор экологичности перевода, т. е., с одной стороны, избегая нейтрализации феминитивности в тексте, с другой стороны, не используя исключительно маскулинную форму.

Приведем наши варианты перевода, содержащие переводческие комментарии, которые необходимы для повышения уровня экологичности, т. е. степени понятности текста реципиентом:

1) *Кроме того, половина мэров, как женщин, так и мужчин, избираются вновь, без оппозиционных кандидатов.* В данном случае мы уточнили для реципиента, что речь идет о мэрах, мужчинах и женщинах, т. е. однословные номинации заменили дву-

словными для достижения экологичности перевода.

2) *Действительно, избранный кандидат, женщина или мужчина, пользуется непосредственными преимуществами ввиду того, что ранее он или она уже занимали политический пост.* Как видим, в целях повышения уровня экологичности, фраза увеличивается в объеме (полторы строки оригинала преобразуются в две с половиной строки перевода).

Проанализировав гендерно обусловленные номинации в данном тексте, мы пришли к выводу, что при анализе характера рецепции переводного текста иноязычным реципиентом необходимо выявить уровни экологичности. Высокий уровень экологичности мы соотносим с гармоничным переводом, средний уровень экологичности — с эквивалентным или адекватным переводом, низкий уровень экологичности — с дисгармоничным переводом. В обоих случаях, иллюстрирующих стремление переводчика обеспечить экологичность его продукта, мы считаем необходимым создание переводческого метатекста, компенсирующего гендерно ориентированные лакуны в языке перевода.

Применительно к политическому дискурсу именно такой подход мы признаем рациональным и экологичным, так как он обеспечит равноценное прагматическое воздействие на русскоязычного реципиента, симметричное воздействию оригинала на своих читателей, т. е. отвечающее интенциям автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данной статьи было представлено наше видение экокognитивного подхода к переводу политического текста. Опираясь на исследования российских и китайских ученых, а также развивая идеи авторской концепции переводческого пространства и экологии перевода, мы попытались интегрировать данные положения и рассмотреть сквозь призму этих концепций проблему качества перевода. Мы пришли к выводу о том, что субъекты переводческой коммуникации — автор и иноязычный / инокультурный реципиент могут по-разному расценивать качество. Если с позиций переводчика гармоничный перевод, т. е. культуросообразный и природосообразный, признается качественным, то с позиций реципиента качественным будет признан экологичный перевод. При этом гармоничность выступает лишь предпосылкой экологичности, что может не найти воплощения в конкретном тексте.

Подчеркнем, что представленная в работе трактовка и последующая дифференциация данных понятий может оказаться

дискуссионной. Это наше предположение, которое может быть апробировано в рамках дальнейших исследований в данной сфере на примере других типов текстов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белозерова, Н. Н. Концептуальная модель для проведения научно-исследовательских работ в области экологии языка / Н. Н. Белозерова. — Текст : непосредственный // Экология языка на перекрестке наук : материалы междунар. науч. конф. (Тюмень, 11–13 ноября 2010 г.). — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2011. — Ч. 1. — С. 12–28.
2. Дрожжица, Н. В. Экология языка и культуры: рекуррентность смысла / Н. В. Дрожжица. — Текст : непосредственный // Экология языка на перекрестке наук : материалы междунар. науч. конф. (Тюмень, 11–13 ноября 2010 г.). — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2011. — Ч. 1. — С. 29–35.
3. Золян, С. Т. О языке в политическом дискурсе / С. Т. Золян. — Текст : непосредственный // Образы языка и зигзаги дискурса : сб. науч. ст. к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. В. В. Фещенко, ред. колл.: И. В. Зыкова, О. В. Соколова, М. А. Тарасова. — Москва : Культурная революция, 2018. — С. 156–173.
4. Князева, Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика : моногр. / Е. А. Князева. — Москва : Флинта, 2023. — 248 с. — Текст : непосредственный.
5. Колмогорова, А. В. Когнитивный механизм порождения креативных решений в переводческой деятельности / А. В. Колмогорова, Е. В. Чистова. — Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 3. — С. 59–71.
6. Которова, М. П. Об эталонном научном тексте / М. П. Которова. — Текст : непосредственный // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Которовой. — Пермь : [б. и.], 2016. — С. 63–71.
7. Кушнина, Л. В. Экология перевода: культура vs природа / Л. В. Кушнина, П. Р. Юзманов. — Текст : непосредственный // Экология языка на перекрестке наук : материалы Междунар. науч. конф. (г. Тюмень, 11–13 ноября 2010 г.). — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2011. — Ч. 1. — С. 41–45.
8. Кушнина, Л. В. Экология перевода: предпосылки зарождения и пути развития : моногр. / Л. В. Кушнина, Е. М. Плюснина. — Пермь : Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2016. — 156 с. — Текст : непосредственный.
9. Кушнина, Л. В. Переводчик как субъект экотранслатологии / Л. В. Кушнина, Е. А. Фоменко. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. — 2024. — Т. 16, вып. 1. — С. 59–68.
10. Пим, Э. Теоретические парадигмы в переводоведении / пер. с англ. Т. А. Казаковой, под ред. А. В. Ачкасова. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 255 с. — Текст : непосредственный.
11. Пылаева, Е. М. Актуализация ключевых концептов текста перевода: эколлингвистический подход (на материале романа А. В. Иванова «Географ глобус пропил») и его перевода на французский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Пылаева. — Тюмень, 2015. — 22 с. — Текст : непосредственный.
12. Рябцева, Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект / Н. К. Рябцева. — Москва : Флинта, 2013. — 224 с. — Текст : непосредственный.
13. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. — Москва : Ленанд, 2014. — 200 с. — Текст : непосредственный.
14. Чистова, Е. В. Экокognитивная модель профессиональной мультимодальной коммуникации (на примере кейса синхронных переводчиков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Чистова. — Челябинск, 2022. — 50 с. — Текст : непосредственный.
15. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
16. Hu, G. Eco-Translatology, Towards an Eco-Paradigm of Translation Studies / G. Hu. — Singapore : Springer, 2020. — 312 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Belozerova, N.N. (2011). Konceptual'naya model' dlya provedeniya nauchno-issledovatel'skikh rabot v oblasti ekologii yazyka [Conceptual model to conduct research in the field of Language Ecology]. In *Jekologija jazyka na perekrestke nauk* (Materials of the Intern. scientific conf., Part 1, pp. 12–28). Tjumen': TjumGU. (In Russ.)
2. Drozhashih, N.V. (2011). Jekologija jazyka i kul'tury: rekurrentnost' smysla [Ecology of language and culture: the recurrence of meaning]. In *Jekologija jazyka na perekrestke nauk* (Materials of the Intern. scientific conf., Part 1, pp. 29–34). Tjumen': TjumGU. (In Russ.)
3. Zolyan, S.T. (2018). O yazyke v politicheskom diskurse [On the Language in Political Discourse]. In V.V. Feschenko (Resp. ed.) *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* (Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of V.Z. Demyankov, pp. 156–173). Moscow: Kul'turnaya revolyuciya Publ. (In Russ.)
4. Knyazheva, E.A. (2023). *Ocenka kachestva perevoda: istoriya, teoriya, praktika* [Assessing the quality of translation: history, theory, practice]. Moscow: Flinta, 248 p. (In Russ.)
5. Kolmogorova, A.V., & Chistova, E.V. (2020). Cognitive basis of making creative decisions in translation activities. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(3), 59–71. (In Russ.)
6. Kotyurova, M.P. (2016). Ob etalonnom nauchnom tekste [About reference scientific text]. In M.P. Kotyurova (Resp. ed.), *Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste* (Collection of scientific articles, pp. 63–71). Perm'. (In Russ.)
7. Kushnina, L.V., & Yuzmanov, P.R. (2011). Ekologiya perevoda: kul'tura vs priroda [Ecology of translation: culture vs environment]. In *Jekologija jazyka na perekrestke nauk* (Materials of the Intern. scientific conf., Part 1, pp. 41–45). Tjumen': TjumGU. (In Russ.)
8. Kushnina, L.V., & Plyusnina, E.M. (2016). *Ekologiya perevoda: predposylki zarozhdeniya i puti razvitiya* [Ecology of Translation: Prerequisites for Its Origin and Paths of Development]. Perm': Izd-vo Perm. gos. nac. issled. un-ta, 156 p. (In Russ.)
9. Kushnina, L.V., & Fomenko, E.A. (2024). Translator as a Subject of Ecotranslatology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 16(1), 59–68. (In Russ.)
10. Pim, A. (2018). *Teoreticheskie paradigmy v perevode* [Exploring translation theories] (Transl. from Eng. by T.A. Kazakova; resp. ed. A.V. Achkasov). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 255 p. (In Russ.)
11. Pylaeva, E.M. (2015). *Aktualizatsiya kliuchevykh kontseptov teksta perevoda: ekolingvisticheskii podkhod (na materiale romana A.V. Ivanova «Geograf globus propil» i ego perevoda na frantsuzskii iazyk)* [Actualisation of key concepts of the target text: ecolinguistics approach (on the material of the A.V. Ivanov's novel "The geographer drank his globe away")]. [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Tyumen, 22 p. (In Russ.)
12. Riabtseva, N.K. (2013). *Prikladnye problemy perevoda: lingvisticheskij aspekt* [Applied problems of Translation Studies: The Linguistic Aspect]. Moscow: FLINTA-Nauka Publ., 224 p. (In Russ.)
13. Chernyavskaya, V.E. (2014). *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text Linguistics. Discourse Linguistics]. Moscow: Lenand Publ., 200 p. (In Russ.)
14. Chistova, E.V. (2022). *Ekokognitivnaya model' professional'noj mul'timodal'noj kommunikacii (na primere kejsa sinhronnyh perevodchikov)* [Ecocognitive model of professional multimodal communication (using the case of simultaneous interpreters as an example)]. [Abstract of Dis. of Doct. of Philology]. Chelyabinsk, 2022. 50 p. (In Russ.)
15. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow: FLINTA-Nauka Publ., 256 p. (In Russ.)
16. Hu, G. (2020). *Eco-Translatology, Towards an Eco-Paradigm of Translation Studies*. Singapor: Springer, 312 p. (In Eng.)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 821.111(73)-32
ББК ШЗЗ(7Сое)64-44

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Ольга Сергеевна Овсянникова^{1✉}, Софья Игоревна Сарамаха^{2✉}

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный технологический университет (технический институт), Санкт-Петербург, Россия

¹ heihe86@mail.ru[✉], SPIN-код: 3115-2500

² stanina_sofa@mail.ru[✉], SPIN-код: 8889-8022

Социолингвистический анализ современной американской прозы (на материале коротких рассказов)

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется сборник рассказов «Лучшие американские короткие рассказы — 2021» с целью определить основные ценностные ориентиры американского общества, а также факторы, которые на них повлияли. Авторы дают краткую классификацию американской литературы, останавливаясь подробнее на современном этапе. Материалом данной публикации послужили тексты коротких рассказов, так как они отличаются цельностью, сжатостью и концентрацией действия. Социолингвистический анализ рассказов позволяет классифицировать рассказы, которые посвящены актуальным темам в американском обществе: взаимоотношение в семье, место в жизни, дискриминация определенных групп, запрещенные вещества, сексуальная ориентация, политика — все это влияет на ценностные ориентиры в США на текущий момент. Также отмечен интерес к теме природных катастроф и катастроф антропогенного характера, связанный с особенностями географического положения США: им обусловлены катаклизмы, прежде всего ураганы. Отмечаются сдвиги в выборе сюжетов для современных литературных произведений: если раньше наблюдалось воплощение жизненного опыта автора в формах, представляющих постоянный интерес, современная литература не столь статична, описывает события постоянно меняющегося мира, конфликты человека и его среды. В результате для современной литературы несколько десятилетий оказываются очень значительным отрезком времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: американская литература, американские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты, короткие рассказы, социолингвистика, американская культура, американские ценности, ценностные ориентации, американское общество.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Овсянникова Ольга Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный технологический университет (Технический институт); 190013, Россия, г. Санкт-Петербург, Загородный просп., 49; email: heihe86@mail.ru.

Сарамаха Софья Игоревна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный технологический университет (Технический институт); 190013, Россия, г. Санкт-Петербург, Загородный просп., 49; email: stanina_sofa@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Овсянникова, О. С. Социолингвистический анализ современной американской прозы (на материале коротких рассказов) / О. С. Овсянникова, С. И. Сарамаха. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 262-267.

Ol'ga S. Ovsyannikova^{1✉}, Sofia I. Saramakha^{2✉}

^{1,2} St. Petersburg State Technological University (Technical Institute), St. Petersburg, Russia

¹ heihe86@mail.ru[✉], SPIN code: 3115-2500

² stanina_sofa@mail.ru[✉], SPIN code: 8889-8022

Sociolinguistic Analysis of Modern American Prose (Based on Short Stories)

ABSTRACT. The article analyzes the collection of short stories “The Best American Short Stories 2021” in order to determine the main value-based benchmarks of American society, as well as the factors that influenced them. The authors give a brief classification of American literature, focusing in more detail on the current stage. The practical material of this publication includes texts of short stories, as they are characterized by integrity, conciseness and concentration of action. The sociolinguistic analysis of the short stories allows the authors to classify the short stories that are devoted to urgent topics in the American society: family relationships, place in life, discrimination against certain ethnic groups, prohibited substances, sexual orientation, politics — all this affects the value-based orientations in the United States at the moment. There is also interest in the topic of natural and man-made disasters related to the peculiarities of the geographical location of the United States: they are causes of cataclysms, primarily hurricanes. There are shifts in the choice of the plots for modern works of literature: if earlier there was an embodiment of the author's life experience in forms of constant interest, modern literature is not so static, it describes the events of an ever-changing world and the conflict of a person with the environment. As a result, several decades turn out to be a very significant period of time for modern literature.

KEYWORDS: American literature, American writers, literary creative activity, literary genres, literary plots, short stories, sociolinguistics, American culture, American values, value-based orientations, American society.

AUTHOR'S INFORMATION: *Ovsyannikova Ol'ga Sergeevna, Senior Lecturer, St. Petersburg State Technological University (Technical Institute), St. Petersburg, Russia.*

Saramakha Sofia Igorevna, Senior Lecturer, St. Petersburg State Technological University (Technical Institute), St. Petersburg, Russia.

FOR CITATION: *Ovsyannikova O. S., Saramakha S. I. (2024). Sociolinguistic Analysis of Modern American Prose (Based on Short Stories). In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 262-267. (In Russ.).*

Современная литература представляет собой отражение важных аспектов жизни общества в данный период времени, поэтому анализ тематики произведений дает нам четкое представление о том, что вызывает интерес у представителей данной культуры. Современные литературные произведения говорят с читателем на одном языке, авторы пытаются построить диалог с читателем, так чтобы каждый мог узнать себя в литературных зарисовках.

В современных реалиях фактор «время — деньги» способствует популяризации такой литературной формы, как короткий рассказ. В современном толковом словаре английского языка термин трактуется следующим образом: «короткий рассказ» — это вид рассказа, который короче, чем роман или повесть; обычно развивает какую-то отдельную центральную тему и ограничен количеством изображаемых действующих лиц (*short story — a kind of story shorter than the novel or novelette, characteristically developing a single central theme and limited in scope and number of characters* [Webster 1994: 1240]). Несомненным преимуществом короткого рассказа перед другими литературными формами является сжатость — при незначительном объеме сюжет может быть достаточно глубоким. В настоящий момент в современной американской литературе короткий рассказ получил статус «национального жанра» [Михальская 1997: 382], что ставит данную литературную форму на один уровень с романами и другими более крупными произведениями.

Американская литература, как и в целом американская культура, берет начало в XVII веке. За столь короткий срок прошло 4 этапа:

- 1) начало XVII века — 1865 год. Просвещение. Романтизм;
- 2) 1865–1918 годы. «Рубеж веков». Реализм;
- 3) 1918–1940 годы;
- 4) 1940 — сегодняшний день [Гиленсон 2023: 23].

На формирование американской литературы на ранних этапах повлияло множество факторов, среди наиболее важных стоит отметить колонизацию, борьбу за независимость, отмену рабства, фронтир (освоенные и неосвоенные земли), пуританизм и, нако-

нец, феномен «американской мечты» [Lebedko 2003: 179]. Современный этап в литературе начинает формироваться сразу после окончания Второй мировой войны [Samuel 2012: 146]. Данный период связан с именами таких писателей, как Т. Уильямс, А. Миллер. «Бурные» 60-е годы ассоциируются в первую очередь с прорывом в науке, борьбой афроамериканского населения за равноправие, войной во Вьетнаме и движением хиппи. Ярким представителем данного периода является К. Воннегут и его роман, полный абсурда и сатиры на автоматизацию общества, «Механическое пианино». Американский постмодернизм, или, как его еще называли, «литература черного юмора» (Black Humor), наиболее ярко заявил о себе в 60-е и 70-е годы. Основными чертами являются гротеск, мистицизм, алогичность сюжета, а главным представителем был Томас Пинчон, который стал известен после издания романа «V.». Кроме того, неотъемлемой чертой современной американской литературы является мультикультурализм. Американская культура состоит из множества этносов, и каждый стремится выразить свою идентичность и традиции. Как результат, во второй половине XX века популярность набирают литература коренных американцев, выходцев из Мексики, авторов китайского и еврейского происхождения. Особенно стоит отметить афроамериканскую, или «черную» литературу, ведущую свою историю от коротких рассказов Р. Райта («Дети дяди Тома») до лауреата Нобелевской премии по литературе 1993 года писательницы Т. Моррисон, обращающейся к теме рабства и месту женщины в обществе.

Так что же из себя представляет американская литература первых десятилетий XXI века? Пожалуй, это комбинация различных жанров и тем. Большое влияние на американское общество оказала трагедия 11 сентября 2001 года: фильм-катастрофа оказался явью, что изложено на страницах романов Д. Тартт «Щегол» и Дж. Сафран Фоер «Жутко громко и запредельно близко». Вечное противостояние Демократической и Республиканской партий в США в последние десятилетия ознаменовалось появлением документальной прозы и романов-расследований, как книга, написанная племянницей Д. Трампа Мэри Л. Трамп, «Слишком много

и никогда не достаточно: как моя семья создала самого опасного человека в мире», или скандальное издание Г. Миллера «Кандидат». В этом же временном отрезке фэнтези-романы — «Игры престолов» Дж. Мартина [Несмелова, Карасик 2017: 20–25].

Какие темы будут актуальны в 30-е годы XXI века, нам только предстоит узнать, но уже сейчас мы можем проанализировать короткие рассказы прошлых лет. В нашей статье мы рассмотрим сборник рассказов «Лучшие американские рассказы — 2021» («The best American short stories 2021») под редакцией Дж. Уорд. Сборник представляет собой компиляцию лучших коротких рассказов, изданных в периодических изданиях США и Канады за 2021 год.

Редактор данного издания — Джесмин Уорд, писатель-романист афроамериканского происхождения, лауреат Национальной книжной премии в номинации «Художественная литература» (2011) и премии «Alex Award» (2012) за свой второй роман «Salvage the Bones». В своем романе она описывает жизнь, предшествующую урагану «Катрина» — очень актуальную тему американского общества конца «нулевых». Предисловие рассматриваемого сборника автор также начинает с животрепещущей темы современного общества — пандемии COVID-19, боли, страданий и потерь, которые пережили многие люди; по утверждению автора, «литература и кинематограф в некоторой степени ободряли нас, не давая упасть духом и помогая остаться в строю» [Ward 2021:10]. Итак, рассмотрим основные темы сборника.

1. Взаимоотношение родителей и детей — «Our children» V. Cuti / «*Наши дети*» В. Кьюти, сюрреалистичный рассказ о нелюбви к собственным детям, которых решили оставить жить одних в лесу: «We have to leave them here...Not forever. Maybe we come back for them. When they've grown a little, found their way» [Ward 2021: 34] / «*Мы должны оставить их здесь... Нет, не навсегда. Когда они немного подрастут и найдут свой путь*». Тему продолжает Е. Осунде / И. Осунде в рассказе «Good boy» / «*Хороший мальчик*» — 15-летнего подростка родители выгоняют из дома: «Kick me out of the house at fifteen—a barged-in-on secret behind me, a heart-break falling into my shin as I walk—and watch me grow some real useful muscles» [Ward 2021:118] / «*Вышвырнув меня из дома в пятнадцать — секрет, раскрытый за моей спиной, разбитое сердце уходит в пятки — еще увидите, как я вырасту и наращу мышцы*». История школьницы, которой дома не уделяют должного внимания, повествует-

ся S. Singers в «A way with Bea» / С. Сунджерс, «*Подход к Биа*»: «Bea walks into the classroom wearing the clothes she had on the day before. The Teacher understands that this is going to be a bad day. Bea's hair is uncombed, face unwashed» [Ward 2021:176] / «*Биа входит в класс в той же одежде, что и накануне. Учитель понимает, что сегодня у нее плохой день. Волосы Биа не причесаны, лицо не умыто*». Кардинально противоположное взаимоотношение «отцов и детей» в произведении С. Pam Zhang «Little Beast» / С. Пэм Джанг, «*Маленькое чудовище*», где дочь школьного уборщика — любящего отца-одиночки — готова его предать и оклеветать ради дружбы со сверстниками: «A world my father couldn't see into» [Ward 2021: 245] / «*Мир, в который мой отец не мог заглянуть*».

2. Апатия, потеря жизненных ориентиров. В последние десятилетия наблюдаются изменения в системе ценностей в сторону ухудшения [Чернобровкина 2016: 104]. Так, в рассказе G. Vump «To Buffalo Eastward» / Д. Бам, «*В Буффало на восток*»: «I didn't feel clear and directed, anchored... Here, I didn't belong» [Ward 2021:15] / «*Я не чувствую ясности и определенности, оседлости... Я не принадлежу этому месту*». Маленький городок, в котором нет работы, возможности для развития, описывается в рассказе С. Romanovsky «In this sort of world, the asshole wins» / С. Ромновски, «*В таком мире побеждают кретины*»: «We are the forgotten people, owner of the forgotten things. And this is my humble abode» [Ward 2021:155] / «*Мы забытые люди, владельцы забытых вещей. И это моя скромная обитель*».

3. Дискриминация, ущемление прав коренного населения Америки — тема, которая не имеет сроков давности, раскрыта в рассказе В. Hobson «Escape from the Dysphesiatic People» / Б. Хобсон, «*Побег от людей с дисфезией*», написанном в ретроспективе, в виде письма к потомкам об ущемлении прав ребенка индейца, которого поместили в детский дом: «Mah,” he said. His face twitched. “You'll choose your name, son. How about Jim?” [Ward 2021:61] / «*Ей*», — сказал он. Лицо его дернулось. «*Ты выберешь себе имя, сынок? Как насчет Джима?*» Убийство Дж. Флойда (2020) в ходе его ареста активировало общественность, и вопрос прав афроамериканцев стоял остро, но это далеко не первый случай, когда полиция злоупотребляла полномочиями по отношению к данной этнорасовой группе. Так, арест и избивание Родни Кинга в 1991 году повлекли за собой массовые беспорядки в Лос-Анджелесе в 1992, о его трагической судьбе,

а именно кончине, рассказ Т. Peyton “The Last days of Rodney” / Т. Пейтон, «Последние дни Родни» [Ward 2021:140]. К рассказу S. Soileau “Haguillory” / С. Суало, «Хагиллори» редактор издания Дж. Уорд сделала сноску «неприятный персонаж» — речь о главном герое, который не стесняется в выражениях собственного, иногда не очень уместного, мнения: “His son adopted a daughter from “some country he'd never heard of”” [Ward 2021:182] / «Его сын усыновил дочь из страны, о которой он никогда не слышал». В рассказе “The Miracle Girl” R. Chang-Eppig / «Чудо-девушка» Р. Чанг-Эппиг поднимается вопрос отношения к выходцам из Азии: “Asians are dirty”; “Asians are second-class” [Ward 2021:182] / «Азиаты грязные»; «Азиаты — второй сорт».

4. Тема запрещенных веществ остро поднимается в рассказе J. Duque “The rest of us” / Дж. Дуке, «Оставшиеся», где люди из неблагополучного района, промышляющие наркотиками, романтизируются автором: “Every day we woke up to the alarm of our apartment buzzer, to junkies... we saw every breed of addict you could imagine” [Ward 2021:44] / «Каждый день мы просыпались от звонка в квартиру, как от будильника, приходили наркоманы ...мы видели наркоманов всех мастей, каких только можно представить». Декриминализация марихуаны описывается в рассказе J. Kochai “Playing Metal Gear Solid V: The Phantom Pain” / Дж. Кочай, «Игра в Metal Gear Solid V: The Phantom Pain» — “...because your cousin needs a new smoking buddy since his best friend gave up the ganja for God again” [Ward 2021: 66] / «... потому что твоему двоюродному брату нужен друг, чтобы покурить вместе, так как его лучший друг снова отказался от марихуаны ради Бога». Наркотики разрушают жизнь молодой матери, муж которой умер от передозировки, в рассказе С. Romanovsky “In this sort of world, the asshole wins” / С. Романовски, «В таком мире побеждают кретины» [Ward 2021: 154]

5. Взросление, сексуальность. В рассказе “Switzerland” by Nicole Krauss / «Швейцария» Н. Крауз описывается квартира-пансион для девочек из разных стран, путь их взросления и развития сексуальности: “It's her curiosity about her own power, its reach and its limits, that scares me. Though maybe the truth is that, when I am not afraid for her, I envy her” [Ward 2021:79] / «Меня пугает ее любопытство к собственной силе, на что она способна и где грань. Хотя очень может быть, я не боюсь за нее, а ей завидую».

6. Нетрадиционные ценности в центре внимания рассказов Е. Osunde “Good boy” /

И. Осунде, «Хороший мальчик», J. Пек, “Portrait of two young ladies in white and green robes” / Дж. Пек, «Портрет двух молодых дам в белых и зеленых одеждах», в центре внимания рассказа В. Washington “Palaver” / Б. Вашингтон, «Палавер» ориентация главного героя: “Once upon a time, said the son, I fell in love with a married man. Apparently she wasn't expecting that. Neither the married part, nor the man part” [Ward 2021:218] / «Однажды, — сказал сын, — я влюбился в женатого мужчину. Видимо, она этого не ожидала. Ни то, что он женат, ни то, что он мужского пола». Дружба странного ученика и учителя у К. Wilson в “Biology” / К. Уилсон, «Биология», где первый открывается: “I'm gay, I think, I told him the first time I'd told anyone” [Ward 2021:237] / «Я гей, я думаю, это первый раз, когда я об этом кому-то сказал».

7. Политика — рассказы данного периода содержат комментарии в адрес 45-го президента США Д. Трамп. Так, Y. Murray, автор рассказа “Paradise” / Ю. Мюррей, «Рай» критикует президента: “Insurance will cover you and then Trump will make you a rich man with one of those disaster packages” <...> “That asshole will leave us stranded,” Wes said. “He'll piss on some more hookers and burn it all on golf” [Ward 2021:112] / «Страховка вам все покроет, а затем Трамп сделает вас богатыми, выплатив социальный пакет на случай стихийного бедствия <...> «Этот придурок оставит нас в затруднительном положении», — сказал Уэс. «Он еще раз помочится на проститутку и спустит все остальное на гольф».

8. Жертвы войны — в рассказе J. Kochai “Playing Metal Gear Solid V: The Phantom Pain” / Дж. Кочай, «Игра в Metal Gear Solid V: The Phantom Pain» [Ward 2021:64] речь о семье иммигрантов из Афганистана, где перекликаются действия реальных событий и видеоигры.

9. Природные катастрофы — пожары в Калифорнии 2017–2018 г. повлияли написание многих произведений, среди которых рассказ Y. Murray “Paradise” / Ю. Мюррей, «Рай», описывающий процесс эвакуации семьи из города, охваченного огнем: “The sheriff had tweeted an evacuation order for Pulga twenty minutes before. It was quarter to eight in the morning and the sky didn't look right. Ten minutes ago it had turned from bright blue to a thick, pale orangey gray” [Ward 2021:103] / «Шериф написал твит об эвакуации города двадцать минут назад. Было без четверти восемь утра, но небо выглядело необычно. Десять минут назад из голубого оно превратилось в дымку оранжево-серого цвета».

Проанализировав сборник лучших коротких рассказов США за 2021 год, мы можем сделать вывод о том, что проблемы современности частично затрагивают вечные споры «отцов и детей», место человека в обществе и актуальную во все времена проблему дискриминации в американском обществе. Однако стоит заметить, что если в прошлом дискриминация в США касалась в значительной степени афроамериканского населения и коренных жителей Америки, то в настоящее время добавляются такие этнические группы, как латиноамериканцы — нелегальные мигранты из Латинской Америки, а также азиаты — что было замечено во время пандемии COVID-19.

В настоящий момент наиболее остро стоит вопрос употребления наркотиков и запрещенных веществ. Так, согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, в 2020 году 13,5 % населения США являются наркозависимыми [General Addiction Statistics www]. Война с наркотиками ведется на протяжении многих лет, но тем не менее американские подростки составляют самую быстрорастущую возрастную категорию населения США, умерших по причине передозировки наркотиков. «Мягкая сила» — легализация легких наркотиков на большей части США в последние годы ситуацию не изменила. Легализация однополых браков на всей территории США (2015) нашла свое отражение в тематике рассказов, где речь идет о самоопределении или проявлении своих предпочтений. Политика всегда была в центре внимания среднестатистического американца, интерес особенно увеличился во время президентства Д. Трампа, самого одиозного политика-шоумена, которому дважды объявляли импичмент (2019, 2021), судебные разбирательства с которым продолжаются и по сей день. Ссылки на политику в рассказах являются тому подтверждением, интерес общества очевиден.

Природные катастрофы и катастрофы антропогенного характера, к несчастью, случаются в нашей жизни вне зависимости от географического положения, и США не исключение. Интересно отметить, что один из рассказов посвящен жертвам войны — Советско-афганской (1979–1989) [Ward 2021: 64], хотя за последние десятилетия США участвовали в военных операциях в таких странах, как Афганистан (2001), Либерия (2003), Ирак (2003), Пакистан (2004), Ливия (2011), Сирия (2014), Ирак (2014), Йемен (2015), Камерун (2015), Ливия (2015) [U.S. Central Command www]. Тем не менее выбор автора пал именно на военное противостояние между СССР и Афганистаном.

Природные катаклизмы происходят в США в связи с особенностью географического положения страны. Так, наиболее значимый ущерб причиняют ураганы, в частности ураган Катрина (2005), считающийся крупнейшим за всю историю США: сумма ущерба превысила 182 млрд долларов. За один только 2021 год на территории страны зафиксировано 97 природных катастроф [Natural disaster in the US www], среди прочего пожары в Калифорнии, которые привели к многочисленным жертвам, так как полностью были уничтожены населенные пункты.

По словам профессора Принстонского университета Г. Ван Дайка, литература в своем классическом понимании «состоит из произведений, в которых смыслы природы и жизни интерпретируются словами очарования и мощи, исходящих из жизненного опыта автора, в художественных формах, представляющих постоянный интерес» [Van Dyke 1910: 8]. Современная литература не столь статична, она описывает события постоянно меняющегося мира, конфликты человека и его среды [Sherrer 1941: 634]. Так, теоретик современной литературы Р. Селдин утверждает, что двадцать лет — это очень значительный отрезок времени для современной литературы [Selden 2005: 10]. Мы не можем не согласиться с этим утверждением: если взять за отрезок последние 20 лет XXI века, то в американском обществе произошел ряд значимых перемен, связанных с либеральным курсом американской политики, начатым в прошлом веке [Гиевская 2008: 102–106], находящим свое отражение в современном американском обществе, в частности в виде позитивной дискриминации — курса на предоставление мер поддержки и привилегий для представителей разных этносов, конфессий, полов, сексуальной ориентации.

ИСТОЧНИКИ

1. Webster's New World Dictionary of American English. — New York : A. Simon & S. MacMillan Co., 1994. — 1574 p. — Text : unmediated.
2. General Addiction Statistics. — URL: <https://www.addictionhelp.com/addiction/statistics/#:~:text=General%20Addiction%20Statistics&text=As%20of%202020%2C%20over%2037,in%20the%20past%2030%20days> (date of access: 20.06.2023). — Text : unmediated.
3. U.S. Central Command (July 19, 2019). — URL: www.centcom.mil (date of access: 26.06.2023). — Text : unmediated.
4. Natural disasters in the U.S. — Statistics & Facts. — URL: <https://www.statista.com/topics/1714/natural-disasters/#topicOverview> (date of access: 26.06.2023). — Text : unmediated.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гиевская, С. В. Национальная политика США в условиях трансформации либерализации идеологии на рубеже XIX–XX веков / С. В. Гиевская. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 1. — С. 112–116.
2. Гиленсон, Б. А. История литературы США. В 2 ч. Ч. 2 : учебник для вузов / Б. А. Гиленсон. — 2-е изд., испр. и доп. —

Москва : Юрайт, 2023. — 404 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-06382-0 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/512829> (дата обращения: 20.06.2023). — Текст : электронный.

3. Глазкова, И. Г. Ценности и ценностные ориентации в образе жизни и образовательном поведении современного российского и американского студенчества / И. Г. Глазкова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 11. — С. 21–27.

4. Михальская, Н. П. Зарубежные писатели. Библиографический словарь. В 2 ч. / отв. ред. Н. П. Михальская. — Москва : Просвещение, 1997. — Ч. 1. — 476 с. — Текст : непосредственный.

5. Несмелова, О. О. История американской литературы : учеб. пособие / О. О. Несмелова, О. Б. Карасик. — Казань : Казан. ун-т, 2017. — 80 с. — Текст : непосредственный.

6. Чернобровкина, Е. П. О ценностных ориентирах современных американцев в социолингвистическом аспекте / Е. П. Чернобровкина. — Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. — 2016. — Вып. 2. — С. 102–107.

7. Lebedko, M. Axiosphere: The linguistic representation of value concepts in American and Russian cultures / M. Lebedko. — Text : unmediated // *American Studies International*. — 2003. — Vol. 41. — No. 1/2. — P. 179–202.

8. Matiyeva, N. Transformations of American Identity in Modern Literature / N. Matiyeva. — Text : unmediated // Академическая публицистика. — 2024. — № 5-2. — P. 388–392.

9. Morrison, T. Ethnic Identity in Contemporary American Fiction / T. Morrison, D. Alvarez, J. Diaz. — Text : unmediated // *Journal of Ethnic Studies*. — 2020. — Vol. 18, No 4. — P. 75–90.

10. Mailer, N. Political Transformations in American Literature of the 20th Century / N. Mailer, F. Fitzgerald, T. Kushner. — Text : unmediated // *Journal of Political Studies*. — 2018. — Vol. 30, No 1. — P. 100–115.

11. Samuel, L. R. *American Dream: A Cultural History* / L. R. Samuel. — Syracuse, NY, USA : Syracuse Univ. Pr., 2012. — 252 p. — Text : unmediated.

12. Selden, R. A reader's guide to contemporary literary theory / Raman Selden, Peter Widdowson, Peter Brooker. — 5th ed. — [S.l.], 2005. — 314 p. — Text : unmediated.

13. Sherrer, G. B. Literature in a Changing World / Grace B. Sherrer. — Text : unmediated // *The English Journal*. — 1941. — Vol. 30, No. 8. — P. 634–640.

14. Dyke, H. Van. *The Spirit of America* / Henry Van Dyke. — New York : The MacMillan Company, 1910. — 276 p. — Text : unmediated.

15. Ward, J. *The Best American Short Stories 2021* / J. Ward. — Houghton Mifflin Harcourt, 2021. — 304 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Webster's New World Dictionary of American English. — New York: A. Simon & S. MacMillan Co., 1994. — 1574 p.

2. General Addiction Statistics. — URL: <https://www.addictionhelp.com/addiction/statistics/#:~:text=General%20Addiction%20Statistics&text=As%20of%202020%2C%20over%2037,in%20the%20past%2030%20days> (date of access 20.06.2023)

3. U.S. Central Command (July 19, 2019). — URL: www.centcom.mil (date of access 26.06.2023)

4. Natural disasters in the U.S. — Statistics & Facts. — URL: <https://www.statista.com/topics/1714/natural-disasters/#topicOverview> (date of access 26.06.2023)

REFERENCES

1. Gievskaja, S.V. (2008). National politics in the USA under the course of linearization in the period of XIX and XX centuries. *Vestnik VGU, Ser. Linguistics and cross-cultural communication*, 1, 112–116. (In Russ.)

2. Gilenson, B.A. (2023). *The history of USA literature. Part 2: course book* (2nd ed.). Moscow: Jurajt, 404 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-06382-0. Retrieved June 20, 2023, from <https://urait.ru/bcode/512829> (In Russ.)

3. Glazkova, I.G. (2009). Tsennosti i tsennostnye orientatsii v obraze zhizni i obrazovatel'nom povedenii sovremennogo rossiyskogo i amerikanskogo studenchestva [Values and value orientations in the lifestyle and educational behavior of modern Russian and American students]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11, 21–27. (In Russ.)

4. Mihal'skaja, N.P. (Ed.) (1997). *Foreign writers. Bibliographic dictionary* (Vol. 2, part 1). Moscow: Prosveshhenie, 476 p. (In Russ.)

5. Nesmelova, O.O., & Karasik, O.B. (2017). *The history of American literature: course book*. Kazan': Kazan university, 80 p. (In Russ.)

6. Chernobrovkina, E.P. (2016). The values of the modern American society in sociolinguistic aspect. *Vestnik Burjat State university*, 2, 102–107. (In Russ.)

7. Lebedko, M. (2003). Axiosphere: The linguistic representation of value concepts in American and Russian cultures. *American Studies International*, 41, No. 1/2, 179–202.

8. Matiyeva, N. (2024). Transformations of American Identity in Modern Literature. *Academic journalism*, 5-2, 388–392.

9. Morrison, T., Alvarez, D., & Diaz, J. (2020). Ethnic Identity in Contemporary American Fiction. *Journal of Ethnic Studies*, 18(4), 75–90.

10. Mailer, N., Fitzgerald, F., & Kushner, T. (2018). Political Transformations in American Literature of the 20th Century. *Journal of Political Studies*, 30(1), 100–115.

11. Samuel, L.R. (2012). *American Dream: A Cultural History*. Syracuse, NY, USA: Syracuse University Press, 252 p.

12. Selden, Raman, Widdowson, Peter, & Brooker, Peter (2005). *A reader's guide to contemporary literary theory* (5th ed.). 314p.

13. Sherrer, Grace B. (1941). Literature in a Changing World. *The English Journal*, 30(8), 634–640.

14. Van Dyke, Henry (1910). *The Spirit of America*. The MacMillan Company: NY, 276 p.

15. Ward, J. (2021). *The Best American Short Stories 2021*. Houghton Mifflin Harcourt, 304 p.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 821.161.1-31(Солженицын А. И.1+81'42+81'255.2
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,444+ШЗ07

ГРНТИ 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Виктория Эдуардовна Сало^{1,2}

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, salka20_02@mail.ru, SPIN-код: 6014-4925, <https://orcid.org/0000-0002-1661-7190>

² Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

Трансформация метафорических образов в переводах произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема межъязыкового перехода при передаче структурных метафор. Целью научной статьи является определение частоты преобразований образной основы при передаче русских структурных метафор на английский и немецкий языки. Материалом исследования послужили первый том оригинала произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и его одновременные (1974) переводы: на английский язык — «The Gulag Archipelago», выполненный переводчиком американского происхождения Томасом Уитни, и немецкий язык — «Der Archipel GULAG», выполненный Анной Петурниг. В произведении «Архипелаг ГУЛАГ» задействованы различные авторские образы, направленные на метафорическое моделирование событий, происходивших на территории страны. Автор широко использует различные типы метафор: зооморфные, фитоморфные, метафоры неживой природы, физиологические, морбильные, милитарные, театральные, технические и артефактные. Всего в переводческом аспекте было проанализировано 543 метафоры. Сопоставительно-переводческий анализ был проведен с опорой на методы компонентного и контекстуального анализа. Данные виды анализа помогают интерпретировать оригинальные метафоры и их эквиваленты в переводных произведениях с целью сопоставления формы и плана содержания и выявления степени соответствия. Исследование позволило выявить случаи трансформации образной основы. Было установлено, что в немецкоязычном переводе А. Петурниг метафорические образы трансформируются чаще, чем в англоязычном переводе Т. Уитни, что обусловлено языковыми факторами, узальными нормами, а также культурной специфичностью метафор.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: переводная литература, метафорическое моделирование, метафорические модели, метафоры, метафорические образы, типы метафор, русские писатели, литературные жанры, романы, приемы перевода, сопоставительно-переводческий анализ, английские переводы, немецкие переводы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сало Виктория Эдуардовна, аспирант кафедры романо-германской филологии, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения, Сургутский государственный университет; 628410, Россия, г. Сургут, ул. Ленина, 1; email: salka20_02@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сало, В. Э. Трансформация метафорических образов в переводах произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» / В. Э. Сало. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 268-273.

Viktoriya E. Salo^{1,2}

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, salka20_02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1661-7190>

² Surgut State University, Surgut, Russia

Transformations of Metaphorical Images in the Translations of Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago"

ABSTRACT. The article examines the problems which might occur when rendering structural metaphors. The aim of the study is to identify the frequency of metaphorical image transformations when translating Russian structural metaphors into the English and German languages. The practical research material is taken from the English (by American translator T. Whitney, 1974) and German (by A. Peturnig, 1974) translations of the first volume of Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago". The novel "The Gulag Archipelago" encompasses various authorial images targeted at metaphorical modeling of the events taking place on the territory of the country. The author amply uses different kinds of metaphors: zoomorphic, phytomorphic, physiological, morbid, military, theatrical, technical, artifact, and inanimate nature metaphors. On the whole, the article has analyzed 543 metaphors from the point of view of their translation. The comparative translation analysis was carried out with the help of component and contextual analyses. These kinds of analysis help to interpret the original metaphors and their equivalents in the texts of translations with the purpose of comparing the form and the plane of content and to identify the degree of equivalence. The research has discovered some cases of metaphorical image transformation. It has been found that the metaphorical images in the German translation by A. Peturnig are more frequent than in the English translation made by T. Whitney, which can be attributed to linguistic factors, norms of usage and the cultural peculiarities of some metaphors.

KEYWORDS: translated literature, metaphorical modeling, metaphorical models, metaphors, metaphorical images, types of metaphors, Russian writers, literary genres, novels, translation techniques, comparative translation analysis, English translations, German translations.

AUTHOR'S INFORMATION: *Salo Viktoriya Eduardovna, Post-Graduate Student of Department of Romance and Germanic Philology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; Lecturer of Department of Linguistics and Translation Studies, Surgut State University, Surgut, Russia.*

FOR CITATION: *Salo V. E. (2024). Transformations of Metaphorical Images in the Translations of Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago". In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 268-273. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос воспроизведения метафорического своеобразия в переводных произведениях представляет интерес для современных исследователей [Плотников 2019; Веред 2021; Шатских 2022]. Вслед за И. М. Кобозевой в данной работе под метафорой мы будем понимать лексико-семантический вариант, который в процессе концептуального «переформатирования» приобретает статус единицы вторичной знаковой системы, применяемой с целью актуализации определенных скрытых смыслов в совершенно иной (порой неожиданной) содержательной области [Кобозева 2002].

Метафора обладает сложной структурой, и интерпретация ее смысловой стороны предопределена как контекстуально, так и культурологически. По мнению М. Снелл-Хорнби, «как абстрактный концепт метафора может быть универсальной; однако в ее конкретной реализации, будучи тесно переплетенной с чувственным восприятием и культурно обусловленной, она, несомненно, осложняется характерными особенностями языковой специфики» [Snell-Hornby 1995]. Следовательно, межкультурные особенности могут быть причиной различий в интерпретациях схожих образов. В связи с этим для того, чтобы максимально раскрыть интерпретирующий потенциал метафоры, переводчик вынужден трансформировать образ в переводящем языке. При этом стоит отметить, что препятствием для механического переноса образа в принимающую лингвокультуру также может стать языковая асимметрия, затрагивающая семантический, синтаксический и прагматический уровни.

Объектом исследования является структурная метафора, которая в когнитивной лингвистике противопоставляется ориентационным и онтологическим (Дж. Лакофф и М. Джонсон). При этом под структурными метафорами понимаются ментальные операции, которые используют потенциалы структурирования сферы-источника при концептуализации новой несмежной сферы с целью порождения новых смыслов [Чудинов 2001: 37]. Поскольку исследование выполнено в русле переводоведения, под структурными метафорами здесь понимаются лингвистические единицы в тексте, возникшие в результате подобных операций. Выбор структурных метафор обусловлен их

высоким потенциалом персуазивности, что подтверждается формулой индекса функциональной типологии метафоры $MfTI = (1 \cdot Or + 2 \cdot O + 3 \cdot St) / nme$, где *Or* — количество ориентационных метафор, *O* — количество онтологических метафор, *St* — количество структурных метафор, *nme* — количество всех метафор в тексте [Сунь 2021: 260]. Из формулы видно, что структурные метафоры имеют наибольший коэффициент воздействия на реципиента относительно предмета речи.

Целью научной статьи является определение частоты преобразований образной основы при передаче структурных метафор на английский и немецкий языки.

Материалом исследования послужили первый том произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и его переводы на английский язык «The Gulag Archipelago» (Томас Уитни, переводчик американского происхождения) и немецкий язык «Der Archipel GULAG» (Анна Петурниг), выполненные в 1974 году. Современные переводы произведения на данный момент отсутствуют.

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

В произведении «Архипелаг ГУЛАГ» задействованы различные авторские образы, направленные на метафорическое моделирование событий, происходивших на территории страны. Автор широко использует различные типы метафор: зооморфные, фитоморфные, метафоры неживой природы, физиологические, морбиальные, милитарные, театральные, технические и артефактные. Всего в переводческом аспекте было проанализировано 543 метафоры.

В процессе подбора подходящего соответствия, обеспечивающего высокую степень адекватности перевода, переводчики пользуются разнообразными приемами, устанавливающими отношения функциональной равнозначности оригинальной метафоры и переводного соответствия. Под адекватностью мы понимаем равноценность регулятивного воздействия оригинала и перевода, т. е. способность исходного и переводного текстов вызывать сходные реакции у своих адресатов [Латышев 2003].

Под приемом мы понимаем переводческую операцию, направленную на выбор средств переводящего языка с целью создания текста перевода [Сдобников 2016]. В данном исследовании интерес представляет

группа приемов перевода, трансформирующей образную основу. Согласно типологии приёмов перевода структурных метафор, к этой категории приемов относятся: 1) *перевод вариантным соответствием* — переводческая операция, в которой в качестве взаимозэквивалентных элементов исходного текста и переводного текста выступают слова, не являющиеся системными (парадигматическими) эквивалентами, 2) *функционально-адекватная замена* — преобразование фрагмента высказывания, при котором часть исходного содержания заменяется иным содержанием, способным выполнять в данном контексте те же речевые функции, 3) *замена метафоры фразеологизмом* — передача метафорической единицы исходного языка фразеологическим оборотом в переводящем языке [Алексеева, Сало 2023].

Таким образом, для достижения поставленной цели необходимо провести сопоставительно-переводческий анализ, в основе которого лежит рассмотрение техники перевода [Алексеева, Сало 2024]. Под техникой перевода мы понимаем совокупность применяемых приемов перевода в конкретном тексте [Нелюбин 2003: 225]. Сопоставительно-переводческий анализ осуществляется с опорой на методы компонентного и контекстуального анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим технику перевода различных типов метафор и представим результаты проведенного нами сопоставительно-переводческого анализа.

Пример 1. Передача метафоры неживой природы сопровождается преобразованием образной основы в обоих языках. В произведении образ глыбы (большой бесформенный обломок твёрдого вещества или плотной массы чего-либо [БАС, т. 4, 2006: 179], способной обрушиться, транслирует сему совокупности обстоятельств и несет коннотацию потенциальной угрозы и опасности:

И все-таки эта глыба долго могла б на него не обрушиться, но, зазнавшись, он отдал некоему прокурору в стройматериалах для дачи [Солженицын 2011: 199].

– *Nonetheless, the avalanche might not have overwhelmed him had he not grown overconfident and refused to supply building materials for a certain prosecutor's dacha* [Whitney 1974: 200].

– Und doch hätte dieses Schwert noch lange über ihm hängenbleiben können, wenn er nicht im Übermut des Erfolges einem gewissen Staatsanwalt die Lieferung von Baumaterial für dessen Landhaus ausgeschlagen hätte [Peturnig 1974: 196].

С целью экспликации прагматических смыслов оба переводчика прибегают к функционально-адекватным заменам. Т. Уитни преобразует образ глыбы в стихийное бедствие: *avalanche /лавины/ (anything like an avalanche in suddenness and destructiveness [Webster 1994]/ любое явление/ событие, схожее с лавиной по признаку внезапности и разрушительности [перевод наш. — В. С.]*), что при высокой степени экспрессивности помогает сохранить в переводе ядерную сему в сочетании с коннотациями (внезапность и разрушительность). Подобная трансформация решает поставленную коммуникативную задачу, что позволяет охарактеризовать перевод как обладающий высокой степенью адекватности.

В немецком переводе идею нависшей угрозы и опасности воплощает денотат лексической единицы из артефактной понятийной области *das Schwert /меч/*. Прототипом для данной функционально-адекватной замены послужило узуальное выражение *das Schwert des Damokles hing über ihm /над нам висел дамоклов меч/ (jeden Augenblick konnte ihn das Unglück treffen [Wahrig 1994]/ в каждую секунду с ним могло произойти несчастье [перевод наш. — В. С.]*. Переводческое соответствие *das Schwert /меч/* способно актуализировать семы совокупности обстоятельств при сохранении коннотаций опасности и внезапности. Коммуникативное задание выполнено в полной мере, поэтому перевод обладает высокой степенью адекватности.

Пример 2. Рассмотрим технику перевода физиологической метафоры. Метафорически употребленный глагол захлебываться от раскаяния (захлебываться — говорить очень быстро, торопливо, взволнованно, с переборами в дыхании [БАС, т. 6, 2006: 606]) содержит семы «эмоциональное состояние актанта», «высокая степень», «волнение» и «торопливость»:

Он захлебывался от раскаяния, он предлагал „разоблачить все тайны анархистов“ [Солженицын 2011: 139].

– He nearly choked with repentance; he proposed to “expose all the secrets of the Anarchists” [Whitney 1974: 132].

– Er überschlug sich in seiner Reue und bot »die Entlarvung aller Geheimnisse der Anarchisten« an [Peturnig 1974: 133].

С целью сохранения ядерных сем Т. Уитни использует вариантное соответствие *choke /поперхнуться, подавиться/ (strangle; stifle; suffocate; unable to speak normally because of strong emotion [Webster 1994]/ душить, задыхаться, задохнуться; испытывать трудности при говорении из-за сильных эмоций [пере-*

вод наш. — В. С.]. Трансформация образа позволяет реализовать коммуникативное задание и добиться адекватного перевода.

В немецком языке в результате функционально-адекватной замены возникает окказиональная метафора *sich überschlagen /опрокидываться, перевертываться/ (sich meistens ohne Absicht um die eigene horizontale (Körper)Achse drehen; übertrieben sein [Wahrig 1994] вращаться, чаще всего непреднамеренно, вокруг своей горизонтальной оси (корпуса); быть чрезмерным [перевод наш. — В. С.]*, которая благодаря компенсаторной функции контекста транслирует семы «эмоциональное состояние актанта», «волнение», «торопливость», «избыток». Изменение образа позволяет сохранить экспрессивность и воспроизвести коммуникативный эффект, что дает нам право говорить об адекватности перевода.

Пример 3. Глагол **болеть** употреблен в переносном смысле *испытывать тревогу, беспокоиться* [БАС, т. 2, 2005: 112] и актуализирует семы «эмоциональное состояние» (часто ассоциируется у носителей русского языка с состоянием души), «беспокойство», «продолжительный период».

Глядя на этот снимок, невозможно было поверить, что вот — выдающийся человек или что вот он давно и глубоко болел за Россию [Солженицын 2011: 247].

– *From his photograph, it was impossible to believe that he was an outstanding man or that for long years he had suffered profoundly for Russia* [Solzhenitsyn 1974: 253].

– *Dieses Foto machte es einem unmöglich zu glauben, daß man einen hervorragenden Mann vor sich hatte oder einen, dem Rußlands Wohl seit langem schwer am Herzen lag* [Solzhenitsyn 1974: 246].

В целях воспроизведения ядерных компонентов значения Т. Уитни отказывается от оригинального морбиального образа и использует прием деметафоризации *to suffer /страдать/*, который обусловлен требованиями узуальных норм. В данном контексте степень адекватности снижена, но перевод является адекватным.

А. Петурниг также отказывается от оригинального образа, подбирая устойчивое образное выражение *schwer am Herzen liegen /тяжело переживать/ (traurig, bekümmert sein [Langenscheidts 1993] печалиться, тревожиться* [перевод наш. — В. С.]), в полной мере реализующее авторский замысел, но имеющее в своей основе иную образность, так как содержит компонент физиологической метафоры *das Herz /сердце/*. Немецкий фразеологизм, заменяющий метафору, достаточно выразительно передаёт

душевное переживание, воспроизводя коммуникативно-релевантные семы и обеспечивая реализацию коммуникативного задания, что говорит об адекватности перевода.

Пример 4. Рассмотрим подходы переводчиков к передаче театральной метафоры. Идея неэффективности предпринимаемых действий реализуется глагольной метафорой не *вытанцовываться* (*вытанцовываться* — разг. *удаваться, получаться* (обычно с отрицанием) [БАС, т. 3, 2005: 602]), которая актуализирует соответствующие ядерные семы (*предпринимать действия, не иметь результата*):

Страна ждала всеобъемлющего вредительского процесса, ждал товарищ Сталин, — а у Крыленки никак не *вытанцовывалось* [Солженицын 2011: 374].

– *The country was waiting for the all-inclusive wreckers' trial, and Comrade Stalin was waiting — but things just couldn't seem to fall into place for Krylenko* [Whitney 1974: 375].

– *Das Land wartete auf den allumfassenden Schädlingsprozeß, Stalin wartete darauf — und bei Krylenko ging alles schief* [Peturnig 1974: 361].

Соотнесенность метафорической единицы с разговорным стилем говорит о высокой степени ее экспрессивности, которую удается воссоздать при переводе на английский язык при помощи фразеологизма *to fall into place /вставить на свое место/ (become easy to understand /становиться понятным* [перевод наш. — В. С.]). Использование фразеологического оборота с отрицанием направлено на передачу тождественных ядерных сем.

А. Петурниг отдает предпочтение не менее экспрессивной функционально-адекватной замене *schiefgehen /не удаваться/ (schlecht ausgehen, nicht den gewünschten Verlauf nehmen, misslingen [Langenscheidts 1993] плохо заканчиваться, принимать нежелательный оборот, не удаваться* [перевод наш. — В. С.]), которая также сохраняет ядерные компоненты значения. Морфологические компоненты немецкого глагола *schief /кривой, косой/ и gehen /идти/* говорят об экспрессивности приема. В обоих случаях трансформация образа решает коммуникативную задачу, что позволяет судить о вариантах перевода как адекватных.

Пример 5. Согласно сюжетной линии произведения граждане являются объектом воздействия и манипуляций, поэтому в «производственном процессе» государства именно их используют в качестве «промежуточного сырья», необходимого для создания конечного продукта. Так, артефактная метафора *чурки* (короткий обрубок, кусок дерева или металла [МАС]) актуализирует сему «объект

манипуляций» и обладает ярко выраженной коннотативной зоной и негативной эмоциональной оценкой (перен. болван, дурак (бран.) [Кузнецов 2001]).

Оттого перед простыми так называемыми гражданами (а для тебя — просто чурками) достойнее всего иметь загадочное глубокомысленное выражение [Солженицын 2011: 154].

— *And therefore, in dealing with ordinary so-called citizens, who for you are mere blocks of wood, it is altogether appropriate for you to wear an ambiguous and deeply thoughtful expression* [Whitney 1974: 149].

— Darum ist's ratsam, den einfachen sogenannten Bürgern gegenüber (die für dich einfach Holzklötze sind) einen rätselhaften, tiefsinigen Ausdruck aufzusetzen [Peturnig 1974: 149].

В результате приема калькирования переносного значения англоязычное соответствие *a block of wood* /кусок дерева/ транслирует ядерную сему объекта манипуляций, но этого недостаточно для реализации коммуникативного задания в полной мере. В связи с тем, что функция актуализации коннотаций и негативной эмоциональной оценки возложена на контекст, экспрессивность рассматриваемого варианта значительно снижается, что свидетельствует о низкой степени адекватности перевода.

В немецком переводе высокая степень адекватности достигается за счёт вариантного соответствия *der Holzklötz* /полено, колода, чурбан/ (*gespr. pej. jemand, der grob und unhöflich ist* [Langenscheidts 1993]; (*fig.*) *unge-schlachter, unbeholfener oder grober Mensch* [Wahrig 1994]/ разг., презрит. грубый, невежливый человек; перен. неотёсанный, неуклюжий, нерасторопный или грубый человек [перевод наш. — В. С.]), актуализирующего семы неотёсанности и нерасторопности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закрепленность тождественных вторичных смыслов за разными образами в контексте языковой пары приводит к невозможности сохранения денотативной составляющей. В этой связи переводчики вынуждены трансформировать образную основу метафорической единицы. При передаче метафор Т. Уитни и А. Петурниг используют варианты соответствия в 6,73 % и 6,59 % случаях соответственно. В целом в переводе А. Петурниг трансформация образов составила 33,73 % по сравнению с 23,36 % случаев в переводе Т. Уитни. А. Петурниг чаще прибегает как к приему функционально-адекватной замены (23,35 % по сравнению с 15,84 % у Т. Уитни), так и к переводу фразеологиз-

мом (3,79 % по сравнению с 0,79 %), что позволяет нам сделать вывод о более либеральном отношении переводчицы к вопросу сохранения авторской образности при передаче метафор.

СЛОВАРИ

1. БАС = Большой академический словарь русского языка. — Москва : Санкт-Петербург : Наука, 2004–2021. — Т. 1—27. — URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/dictionaries/344>. — Текст : электронный.

2. МАС = Малый академический словарь : в 4 т. — Москва : Русский язык, 1999. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. — Текст : электронный.

3. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. — Москва : Март, 1993. — 1248 с. — Text : unmediated.

4. Wahrig Deutsches Wörterbuch. — Gütersloh : Bertelsmann Lexikon Verlag, 1994. — 1420 s. — Text : unmediated.

5. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. — New-York/ Avenel, New Jersey : Gramercy Books, 1993. — 1448 p. — Text : unmediated.

ИСТОЧНИКИ

1. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования / А. И. Солженицын. — Москва : ПРОЗАИК, 2011. — 592 с. — Текст : непосредственный.

2. Solschenizyn, A. I. Der Archipel GULAG / A. I. Solschenizyn ; Übersetzung von Anna Peturnig. — Bern ; München : Scherz Verlag, 1974. — 621 s. — Text : unmediated.

3. Solzhenitsyn, A. I. The Gulag Archipelago 1918-1956: An experiment in literary investigation. [Vol. 1], [Parts] 1, 2 / A. I. Solzhenitsyn ; Translated by Thomas P. Whitney. — New York : Harper & Row Publishers, 1974. — 660 p. — Text : unmediated.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, М. Л. Методика сопоставительного анализа переводов метафор (на примере переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на английский и немецкий языки) / М. Л. Алексеева, В. Э. Сало. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — №2. — С. 165–171.

2. Алексеева, М. Л. Типология приёмов передачи метафор (на материале немецкоязычного перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ») / М. Л. Алексеева, В. Э. Сало. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2023. — № 12 (8). — С. 28–46. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-28-46>.

3. Веред, В. Т. К вопросу о сохранении метафорического образа в художественном переводе / В. Т. Веред. — Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». — 2020. — Т. 17, № 1. — С. 58–64. — DOI: [10.14529/ling200111](https://doi.org/10.14529/ling200111).

4. Веред, В. Т. Сохранение метафорического образа в переводе (на материале романов Ф. С. Фицджеральда и их переводов на русский язык) : дис. ... канд. филол. наук / Веред В. Т. — Москва, 2021. — 152 с. — Текст : непосредственный.

5. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева. — Текст : электронный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — 2002. — PRINT: ISSN 2221-7932. ONLINE: ISSN 2075-7182. — URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/>.

6. Латышев, Л. К. Перевод : теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. — Москва : Академия, 2003. — 192 с. — Текст : непосредственный.

7. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 320 с. — Текст : непосредственный.

8. Плотников, И. В. Метафорические модели и их переводческие трансформации в художественном тексте: лингвокогнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Плотников И. В. — Екатеринбург, 2019. — 25 с. — Текст : непосредственный.

9. Сараскина, Л. И. Александр Солженицын / Л. И. Сараскина. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 960 с. — Текст : непосредственный.

10. Сдобников, В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход) : моногр. / В. В. Сдобников. — Москва : Флинта : Наука, 2016. — 112 с. — Текст : непосредственный.

11. Сунь, Ю. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков / Ю. Сунь, О. И. Калинин, А. В. Игнатенко. — Текст : непосредственный // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — Т. 25, № 1. — С. 250–277.

12. Шатских, М. В. Инокультурная интерпретация национально специфических реалий и авторских метафор (на материале романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и его переводов на английский язык) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Шатских М. В. — Краснодар, 2022. — 30 с. — Текст : непосредственный.

13. Хасибулина, Д. А. Модели фразеологических трансформаций в произведениях А. И. Солженицына и их переводах на английский язык : дис. ... канд. филол. наук / Хасибулина Д. А. — Казань, 2017. — 243 с. — Текст : непосредственный.

14. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

15. Lakoff, G. *Metaphors We Live by* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 248 p. — Text : unmediated.

16. Snell-Hornby, M. *Translation Studies: An Integrated Approach* / M. Hornby. — Amsterdam : John Benjamins, 1995. — 163 p. — Text : unmediated.

DICTIONARIES

1. BAS (2004–2021). *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–27). Moscow, St. Petersburg: Nauka. Retrieved from <https://nenadict.iling.spb.ru/dictionaries/344> (In Russ.)

2. MAS (1999). *Malyj akademicheskij slovar'* [Small Academic Dictionary] (In 4 vols.). Moscow: Russkij yazyk. Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (In Russ.)

3. *Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache* (1993). Moscow: Mart, 1248 p.

4. *Wahrig Deutsches Wörterbuch* (1994). Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1420 p.

5. *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language* (1993). New-York/Avenel, New Jersey: Gramercy Books, 1448 p.

MATERIALS

1. Solzhenitsyn, A.I. (2011). *Arhipelag GULAG. 1918-1956: opyt hudozhestvennogo issledovaniya*. Moscow: PROZAIK, 592 p. (In Russ.)

2. Solschenizyn, A.I. (1974). *Der Archipel GULAG* (Übersetzung von Anna Peturnig). Bern, München: Scherz Verlag, 621 p.

3. Solzhenitsyn, A.I. (1974). *The Gulag Archipelago 1918-1956: An experiment in literary investigation* (Vol. 1, Parts 1, 2 ; Translated by Thomas P. Whitney.) N.Y.: Haiper & Row Publishers, 660 p.

REFERENCES

1. Alekseeva, M.L., & Salo, V.E. (2024). Metodika sopostavitel'nogo analiza perevodov metafor (na primere perevodov proizvedeniya A. I. Solzhenitsyna «Arhipelag GULAG» na anglijskij i nemeckij yazyki) [A System of Methods of Comparative Metaphor Translation Analysis (Based on the Translations of Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago" Into English and German Languages)]. *Political Linguistics*, 2, 165–171. (In Russ.)

2. Alekseeva, M.L., & Salo, V.E. (2023). Tipologiya priyomov peredachi metafor (na materiale nemeckoyazychnogo perevoda proizvedeniya A.I. Solzhenitsyna «Arhipelag GULAG») [Typology

of methods of transmitting metaphors (based on the German-language translation of A. I. Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago")]. *Nauchnyj dialog*, 12(8), 28–46. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-28-46> (In Russ.)

3. Vered, V.T. (2020). K voprosu o sohranении metaforicheskogo obraza v hudozhestvennom perevode [On the issue of preserving a metaphorical image in literary translation]. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Lingvistika»*, 17(1), 58–64. DOI: 10.14529/ling200111. (In Russ.)

4. Vered, V.T. (2021). *Sohranenie metaforicheskogo obraza v perevode (na materiale romanov F. S. Ficdzheral'da i ih perevodov na russkij yazyk)* [Preservation of a metaphorical image in translation (based on the novels of F. S. Fitzgerald and their translations into Russian)] [Dis. of Cand. of Philology]. Moscow, 152 p. (In Russ.)

5. Kobozeva, I.M. (2002). K formal'noj reprezentacii metafor v ramkah kognitivnogo podhoda [On the formal representation of metaphors within the framework of the cognitive approach]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. PRINT: ISSN 2221-7932. ONLINE: ISSN 2075-7182. Retrieved from <https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/> (In Russ.)

6. Latyshev, L.K., & Semenov, A.L. (2003). *Perevod : teoriya, praktika i metodika prepodavaniya* [Translation : theory, practice and methods of teaching]. Moscow: Akademiya, 192 p. (In Russ.)

7. Nelyubin, L.L. (2003). *Tolkovnyj perevodovedcheskij slovar'* [Explanatory translation dictionary] (3rd ed., rev.). Moscow: Flinta, Nauka, 320 p. (In Russ.)

8. Plotnikov, I.V. (2019). *Metaforicheskie modeli i ih perevodcheskie transformacii v hudozhestvennom tekste: lingvokognitivnyj aspekt* [Metaphorical models and their translation transformations in a fiction text: linguocognitive aspect] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Ekaterinburg, 25 p. (In Russ.)

9. Saraskina, L.I. (2008). *Aleksandr Solzhenitsyn*. Moscow: Molodaya gvardiya, 960 p. (In Russ.)

10. Sdobnikov, V.V. (2016). *Ocenka kachestva perevoda (kommunikativno-funkcional'nyj podhod)* [Translation quality assessment (communicative-functional approach)] [Monograph]. Moscow: Flinta, Nauka, 112 p. (In Russ.)

11. Sun, Yu., Kalinin, O.I., & Ignatenko, A.V. (2021). Ispol'zovanie indeksov metaforichnosti dlya analiza rechevogo vozdejstviya metafor v tekstah publichnyh vystuplenij politikov [Using metaphor indices to analyze the speech impact of metaphor in the texts of public speeches of politicians]. *Russian Journal of Linguistics*, 25(1), 250–277. (In Russ.)

12. Shatskih, M.V. (2022). *Inkul'turnaya interpretaciya nacional'no specificheskikh realij i avtorskikh metafor (na materiale romana B. Pasternaka «Doktor Zhivago» i ego perevodov na anglijskij yazyk)* [Foreign cultural interpretation of nationally specific realities and author's metaphors (based on B. Pasternak's novel Doctor Zhivago and its translations into English)] [Abstract of Dis. of Cand. of Philology]. Krasnodar, 30 p.

13. Hasibulina, D.A. (2017). *Modeli frazeologicheskikh transformacij v proizvedeniyah A. I. Solzhenitsyna i ih perevodah na anglijskij yazyk* [Models of phraseological transformations in the works of A. I. Solzhenitsyn and their translations into English] [Dis. of Cand. of Philology]. Kazan', 243 p. (In Russ.)

14. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafor (1991-2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. (In Russ.)

15. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 248 p.

16. Snell-Hornby, M. (1995). *Translation Studies: An Integrated Approach*. Amsterdam: John Benjamins, 163 p.

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'42+811.161.1'38+811.581'38
ББК Ш105.51+Ш141.12-55+Ш171.1-55

ГРНТИ 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Ван До

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, duflduo1998@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4521-7382>

Сравнительный анализ директивных речевых актов в русском и китайском политических дискурсах

АННОТАЦИЯ. Директивные речевые акты являются типичной чертой политического дискурса. Речевые акты запроса, совета и речевые акты приказа являются на данный момент оптимальными классификационными группами для реализации директивных речевых актов. Эти три типа речевых актов различаются по степени выраженности речевой власти и силы, а также по прямоте и косвенности их реализации. Это играет различную роль на прагматическом уровне, особенно на социально-прагматическом уровне. В данном исследовании рассматриваются политические директивные речевые акты, чтобы выявить различия и сходства в прагматических особенностях и функциях директивных речевых актов, используемых главами государств Китая и России. Исследование показывает, что российские главы государств чаще используют запросные и советующие речевые акты, которые характеризуются слабой речевой властью и силой, тогда как китайские главы государств чаще используют приказы, отличающиеся высокой речевой властью и силой. На прагматическом уровне использование политических директивных речевых актов в России больше подчеркивает равенство в отношениях между начальством и подчиненными, тогда как в Китае директивные речевые акты больше подчеркивают «партийное руководство всем».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, директивные речевые акты, прагматическая функция, речевая власть, речевая сила, политические деятели, русский язык, китайский язык, политические тексты, сравнительное языкознание, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ван До, аспирант, Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: duflduo1998@gmail.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при поддержке научного проекта по теме «Сравнительный анализ директивных речевых актов между русским и китайским политическими дискурсами», утвержденного ДУИЯ, номер объекта: YJSCX2024-010.

本文系2024年度大连外国语大学研究生创新项目“中俄领导人话语中政治指令性言语行为对比研究”(课题编号 YJSCX2024-010)的阶段性成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ван, До. Сравнительный анализ директивных речевых актов в русском и китайском политических дискурсах / Ван До. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 274-281.

Wang Duo

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, duflduo1998@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4521-7382>

Comparative Analysis of Directive Speech Acts in Russian and Chinese Political Discourses

ABSTRACT. Directive speech acts are typical of political discourse. The speech acts of request, advice, and command currently make up optimal classification groups in which directive speech acts are realized. These three types of speech acts differ in the degree of expression of authority and power, as well as in the direct or indirect way of their realization. This plays a varying role at the pragmatic level, especially at the socio-pragmatic one. This study examines political directive speech acts in order to identify the differences and the similarities of the pragmatic features and functions of directive speech acts used by the heads of state of China and Russia. The research shows that Russian heads of state more frequently use speech acts of request and advice, which are characterized by weak speech authority and power, whereas Chinese heads of state more often use commands, distinguished by strong speech authority and power. On the pragmatic level, the use of political directive speech acts in Russia rather emphasizes equality in the relationships between the leaders and the rank and file, whereas in China, directive speech acts sooner emphasize “party leadership in everything.”

KEYWORDS: political discourse, directive speech acts, pragmatic function, speech authority, speech power, politicians, Russian language, Chinese language, political texts, comparative linguistics, language means.

AUTHOR'S INFORMATION: Wang Duo, Post-Graduate Student, Dalian University of Foreign Languages, Liaoning, Dalian, China.

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been accomplished with financial support of the 2024 scientific project of Dalian University of Foreign Studies “Comparative Analysis of Directive Speech Acts in Russian and Chinese Political Discourses”, Project No. YJSCX2024-010.

FOR CITATION: Wang Duo. (2024). Comparative Analysis of Directive Speech Acts in Russian and Chinese Political Discourses. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 274–281. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Директивные речевые акты типичны для политического дискурса. В своей книге «Исследования по теории речевых актов» Д. Сёрл [Searle 1979] определяет директивные речевые акты как попытки говорящего побудить слушающего сделать что-то («directives consists in the fact that they are attempts by the speaker to get the hearer to do something») и утверждает, что приказы являются важной частью директивных речевых актов. Что касается классификации директивных речевых актов и критериев этой классификации, Д. Сёрл не дал точного объяснения, полагая, что их можно разделить по цели или силе воздействия, и лишь условно, не исчерпывая тему, привел некоторые примеры, разделив директивные речевые акты на приказы, требования, просьбы, мольбы, разрешения, предложения и т. д., и утверждал, что вопросы также являются формой директивных актов. Цель данной статьи заключается в исследовании способов реализации приказов как формы директивных речевых актов в дискурсе двух глав государств.

С момента, когда Д. Сёрл предложил концепцию директивных речевых актов, их исследование привлекло широкое внимание в области прагматики. Ч. Крейдлер [Kreidler 1998: 183–194] делит директивные речевые акты на три категории: приказы, запросы и советы. Приказы подразумевают контроль говорящего над слушающим и включают такие средства, как установления, требования и запреты. Запросы представляют собой речевые формы, в которых говорящий «выражает надежду», что слушающий предпримет действия, и включают такие средства, как просьбы, надежды и желания. Кроме того, советы — это речевые формы, в которых говорящий предлагает рекомендации или мнения либо просит других предоставить советы и мнения по какому-либо вопросу, они включают такие средства, как рекомендации, выражение мнений и советов. Аллан Кит [Keith 1986] изучал директивные речевые акты с точки зрения условий их выполнения, искренности и других применимых условий, а также иллокутивных сил, и далее делил их на запросы, вопросы, требования и запреты. Уильям Альстон [Alston 2000] также классифицировал директивные речевые акты, включая в их число запросы, просьбы, приказы, запреты, советы, рекомендации, предложения и требования. Х. Кларк и Т. Карлсон [Clark, Carlson 1991] предложили для описания директивных речевых актов концепцию

«совместных действий» (joint act), объясняя, что совместные действия — это сознательное координирование для достижения коммуникативной цели. Некоторые исследователи также изучали директивные речевые акты с точки зрения грамматических правил и структурных характеристик [Leech 1983]. П. Браун и С. Левинсон (P. Brown, S. Levinson) считают, что использование директивных речевых актов может угрожать «лицу» слушающего, что тесно связано с вежливостью.

Китайские ученые достигли определенных успехов в исследовании директивных речевых актов, но основное внимание сосредоточено на функции команд в китайских императивных предложениях, специализированных корпусах данных и теоретических аспектах анализа директивных речевых актов. Фан Цзи [Фан Цзи 1999] провел прагматическое исследование китайских императивных предложений с точки зрения речевых актов. Он считает, что директивные высказывания используются для выражения желания говорящего, чтобы слушающий сделал что-то или не делал, или для совместных действий. Хун Бо [Хун Бо 2000] исследовал китайские императивные предложения, анализируя выражение косвенных указаний в китайском языке. Его исследование имеет определенное значение для изучения косвенных указаний, но не учитывало теорию речевых актов. Цао Чжунцзюнь и Чи Лин [Цао Чжунцзюнь, Чи Лин 2001] использовали теоретический каркас концепции Сёрла о косвенных речевых актах и считают, что с прагматической точки зрения императивные предложения применяются для осуществления команд. Чжао Вэй [Чжао Вэй 2005] систематически изучал китайские команды и императивные предложения, также исследуя прямые и косвенные формы указаний в китайском языке. Ли Чэнтун исследовал управление лицом и конструирование идентичности в ответах на команды и запросы между китайцами, японцами и американцами с точки зрения управления лицом и конструирования идентичности. Особое внимание заслуживает исследование Чжоу Ли и Юй Цзэшуня [Чжоу Ли, Юй Цзэшунь 2022]: путем анализа категорий утверждений, команд и обязательств в китайских торговых белых книгах они объясняют выстраивание в данных документах моральных позиций Китая. Эта работа также стала первым применением китайскими учеными теории директивных речевых актов в политическом тексте. На данный момент нет литературы, посвященной сравнительному

исследованию директивных речевых актов у китайских и российских лидеров.

Д. Сёрл разделяет речевые акты на прямые и косвенные. Д. Остин называл предложения, описывающие что-то, «описательными предложениями», а выражающие намерения — «перформативными предложениями». Д. Сёрл считает, что помимо прямого использования перформативных предложений, когда говорящий выбирает глагол действия напрямую, он может использовать косвенные языковые средства для осуществления определенного действия. Использование косвенных средств для выражения речевого акта называется косвенными перформативными предложениями или косвенными речевыми актами. Косвенные речевые акты делятся на условно-косвенные и не прямые. Фань Сяолин [Фань Сяолин 2011] считает, что директивные речевые акты направлены на «получение» действий других. В зависимости от акцента на речевые права действующего лица они делятся на «приказы», «просьбы» и «предложения». Приказы подчеркивают силу и власть собственных речевых прав, просьбы подчеркивают власть и силу собеседника, предложения неопределенны в отношении силы и власти речевых прав участников коммуникации. В зависимости от силы директива они также делятся на «сильные директивы», «обычные директивы» и «слабые директивы». «Сильные директивы» и «слабые директивы» представляют собой формы директивных речевых актов, выраженных через «косвенные речевые акты», зависящие от контекста общения. На основе представленного выше исследования данных и содержания составлена схема, приведенная на рис. 1.

2. ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ

Таким образом, цель данной работы заключается в выявлении прагматических средств, используемых руководителями Китая и России при осуществлении директивных речевых актов для утверждения своей

речевой и властной позиции. Оптимальность данной теоретической рамки состоит в том, что она одновременно учитывает языковой уровень выражения, реализацию речи и социальные отношения, соответствующая трехмерной аналитической модели критического анализа речи, предложенной Фейрклоу.

Настоящее исследование концентрируется на следующих проблемах:

- Посредством каких прагматических стратегий реализуются на языковом уровне политические директивные речевые акты в коммуникации в сравнении между Китаем и Россией в командах, предложениях и запросах?

- Какие стратегии политических директивных речевых актов существуют в Китае и России, в чем состоят их сходства и различия?

- Какие прагматические аргументы и образцы властной идентичности выражаются через различия и сходства в политических командах в сравнении между Китаем и Россией?

Методология исследования представляет собой комбинацию качественного и количественного подходов. Поскольку директивные речевые акты тесно связаны с использованием и контекстом, автоматизированная компьютерная идентификация директивных речевых актов оказывается невозможной. Идентификация директивных речевых актов в данной работе производится полностью вручную: автор в сотрудничестве с двумя другими докторами филологии изучает каждый контекст с директивными речевыми актами. Мы обнаружили, что в путинском Послании Федеральному собранию директивные речевые акты обычно проявляются в том, что Президент заявляет о поддержке отдельных людей, государственных структур, предприятий и других субъектов в будущем — это кажется обещанием для народа, но на самом деле это значит, что соответствующие организации или люди должны взять на себя исполнение директив Президента. Или Президент заявляет о том, что определенная политика будет продол-

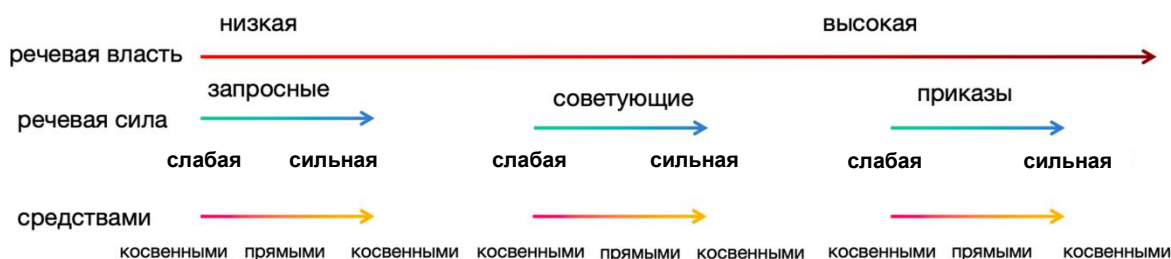

Рис. 1

Таблица 1

Маркеры иллокутивной силы в выступлениях на русском языке

Категория	Маркеры иллокутивной силы	Частота	Процент
приказы	<p>1. Императив (7): <i>Запускайте / зарабатывайте / вкладывайте / инвестируйте / помогайте / сделаем / защитим</i></p> <p>2. Подчеркивание (12): <i>Еще раз / подчеркнуть / одним из приоритетов / отмечу / важно / Обращаю внимание</i></p> <p>3. Миссия: – (5): <i>должен / нужно / потребуется / нужна</i> – (11): <i>предстоит / надо / должны / потребуется / Нужно</i></p> <p>4. Миссия: – (3): <i>Необходимо</i> – (4): <i>Необходим / вынужден</i></p> <p>5. Будущее: – (16): <i>Будем / убежден / Уверен / продолжим / Рассчитываю</i> – (8): <i>В наших планах / планируется / будет / будут</i></p>	66	71%
советующие	<i>Предлагаю / предлагается</i> (8)	8	8%
запросные	<i>Поручаю / прошу</i> (19)	19	21%

жена — это, в свою очередь, также означает, что от соответствующих лиц требуется выполнение определенных политических действий. В аспекте времени директивные речевые акты обычно демонстрируют, что высший руководитель приказывает действовать в будущем, поэтому описание достигнутых результатов вряд ли возможно.

3. СТАТИСТИКА И АНАЛИЗ ДАННЫХ

Таким образом, мы обобщаем все маркеры иллокутивной силы (illocutionary force indicating devices) в речах президента Путина путем трехсторонней проверки (см. табл. 1).

Из данных таблицы видно, что в директивных речевых актах президента Путина наиболее часто использовались средства неявного указания в командных высказываниях, встретившиеся 66 раз, что составляет 71 % от общего числа. Помимо стандартных директивных конструкций, таких как «должен» и «необходимо», были также использованы и другие косвенные способы выражения командного характера. Наибольшее количество таких высказываний относится к категории «будущего», например, «что мы будем делать в будущем» или «что правительство планирует сделать в будущем», которые встретились 24 раза, что составляет 25 %. Например: «Будем развивать порты Чёрного и Азовского морей». Несмотря на то что конструкции вроде «мы будем...» могут казаться самообязывающими высказываниями, они фактически указывают на будущую работу соответствующих департаментов, например, связанных с инфраструктурным строительством. В категории командных высказываний также заметно преобладают высказывания с элементом «акцентирования», которые встретились 12 раз. Например: «В этой связи хочу подчеркнуть, что как местные и региональные выборы в сентябре

этого года, так и президентские выборы в 2024 году пройдут в строгом соответствии с законом, с соблюдением всех демократических и конституционных процедур». В данном контексте использование президентом высказываний с элементом «акцентирования» направлено на передачу директивных указаний соответствующим органам о необходимости уделить особое внимание демократическим и равноправным аспектам избирательного процесса.

Помимо командных высказываний, самым частым способом указания силы слова в односторонних указательных высказываниях является использование выражений с просьбой, которые встречаются чаще всего и составляют 19 случаев, что составляет 21 % от общего числа. Среди них выражение «Я прошу...» встречается 17 раз, а «Поручаю...» — два раза. Например: «Прошу Общероссийский народный фронт взять все вопросы, связанные с изменениями в сфере высшего образования, на особый контроль». В качестве высшего государственного деятеля президент при указании органам государственного управления часто использует выражения с просьбой, что является особенностью российской политической культуры.

Три типа речевых актов, в которых рекомендации являются наиболее редкими, встречаются всего 8 раз, составляя 8 %. Например: «Я предлагаю с 1 января следующего года, в дополнение к запланированному повышению, провести еще одно — на дополнительные 10 процентов». В директивных речевых актах, осуществленных президентом, использование варианта рекомендации речевых актов также характерно для российской политической культуры и является основным предметом исследования этой статьи, так же как и использование прошедших речевых актов. В директивных

Таблица 2

Маркеры иллокутивной силы в выступлениях на китайском языке

Категория	Маркеры иллокутивной силы	Частота	Процент
приказы	1. Будущее: <i>будем</i> (5) 2. Миссия: <i>должны</i> (10)/ <i>Следует</i> (7)/ <i>Предстоит</i> (3) 3. Миссия: <i>Необходимо</i> (25) 4. Подчеркивание: <i>Важно</i> (2)/ <i>Делать упор на</i> (1)	53	100%
советующие	0	0	0%
запросные	0	0	0%

речевых актах президента приказы должны быть важными составляющими, но значительная доля также приходится на прошедшие речевые акты и рекомендации.

В китайском языке политические директивные речевые акты являются довольно специфическими. В докладе о работе правительства премьер-министра Ли Кэцяна в 2023 г. все директивные речевые акты используют слово «яо» в качестве средства указания силы речевого акта или прямо используют структуру «подлежащее-сказуемое» без актора и других модификаторов, что также соответствует привычной в китайском языке модели выражения, но не соответствует грамматическим правилам русского языка. Поэтому речевые акты приказа составляют 100 % китайских политических директивных речевых актов. Однако при переводе на русский язык это средство указания силы речевого акта передается в 4 версиях, упорядоченных по степени силы: «необходимо», «должны», «следует», «предстоит», «будем», «важно». Самым частым является вариант «необходимо», составляющий 52 % от общего числа директивных речевых актов, например: «Необходимо рассматривать восстановление и расширение потребления как приоритетное направление работы». В китайских политических текстах предложения, которые напрямую используют структуру «подлежащее-сказуемое» без субъекта и других модификаторов, часто имеют значение императивного наклонения, то есть включают определенное значение приказа, поэтому при переводе на русский язык добавляется «необходимо» в качестве средства указания силы речевого акта. Затем следует «должны», которое встречается 20 раз и составляет 38 %, например: «Мы должны концентрировать высококачественные ресурсы и силы на освоении основных ключевых технологий»; это предложение начинается с конструкции «要 + подлежащее-сказуемое» для выражения приказа, переводится как «мы должны», с добавлением актора. Но такая обработка может быть неправильной. В процессе перевода, если в оригинале нет явного «мы должны...», используется обработка приказного средства указания силы

речевого акта и структура подлежащего-сказуемого, т. е. субъект не появляется. Если переводчик намеренно добавляет дополнительные элементы перевода, это может привести к ошибочному пониманию отношений властей и ответственности соответствующих департаментов. Рекомендации и просьбы в китайских политических директивных речевых актах не встречаются. Видно, что средства указания силы речевого акта китайских политических директивных речевых актов явно демонстрируют приказные речевые акты с доминирующим позиционированием социальных властных отношений.

Как уже упоминалось в предыдущем тексте, при выражении политических директивных речевых актов выбор конкретного типа средства выражения включает в себе статус говорящего и слушающего, а также отношения власти. Использование приказных речевых актов обладает наибольшим удельным весом речевой власти, рекомендации — вторые по значению, а просьбы занимают последнюю позицию. В каждом типе речевых актов косвенные речевые акты обладают наибольшей или наименьшей силой, а прямые речевые акты следуют за ними. Согласно этому, политические директивные речевые акты политиков России слабее отражают величины властных отношений верхних и нижних уровней, по сравнению с политическими директивными речевыми актами Китая.

Сначала рассмотрим приказные речевые акты. В Китае пропорция использования приказных речевых актов для выражения директивных речевых актов значительно выше, чем в России, и доля использования сильных прямых речевых актов в Китае также гораздо выше, чем в России. Примером может служить «Необходимо», которое встречается всего 7 раз и составляет 7 % в русских политических директивных речевых актах; в китайских политических директивных речевых актах это слово встречается 25 раз, составляя 47 %, что примерно в 7 раз больше. В частности, приказные речевые акты могут быть реализованы как посредством прямых, так и косвенных средств, и сила речевого акта в русских политических директивных речевых актах значительно ниже,

чем в китайских политических директивных речевых актах.

Во-вторых, в речевых актах рекомендаций и просьб, имеющих более низкий уровень речевой власти, эта разница еще более заметна. Эти два типа речевых актов составляют около 30 % в русских политических директивных речевых актах, в то время как в китайских политических директивных речевых актах они вообще не встречаются. Это также подчеркивает различия между китайскими и российскими политическими директивными речевыми актами и различия в политической культуре, лежащие в их основе.

Политические директивные речевые акты на русском языке более разнообразны, как в плане речевой власти, так и в плане речевой силы и языковой реализации, чем политические приказные речевые акты на китайском языке. Поэтому они также могут содержать больше ценностных коннотаций и передавать более глубокий смысл.

4. ПРАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ КИТАЯ И РОССИИ

Как уже упоминалось выше, политические директивные речевые акты могут быть реализованы приказными, рекомендательными и прошедшими речевыми актами, каждый из которых имеет свои особенности в аспекте прагматики, силы речевого акта и речевой власти. Директивные речевые акты, как речевые акты, призванные заставить другого человека что-то делать, неизбежно угрожают самоуважению реципиента и часто считаются речевыми актами с более низким уровнем вежливости. Поэтому степень угрозы самоуважению слушателя может показать взаимоотношения по статусу и позиции между лидером и слышащим. В этом разделе мы рассмотрим с учетом трех указанных углов зрения, как лидеры обеих стран используют политические директивные речевые акты для выдачи приказов и как они формируют отношения власти между лидерами и подчиненными органами на языковой прагматической и социальной прагматической характеристиках.

С языковой прагматической стороны, во-первых, российские лидеры чаще всего используют речевые акты с незначительной силой, такие как косвенные приказные, прямые рекомендации и прямые просьбы. Президент Путин предпочитает использовать косвенные приказные речевые акты, связанные с «будущим». Когда он выражает требования и направления для будущих планов соответствующих ведомств, президент широко использует форму «мы будем», напри-

мер: *Будем и дальше увеличивать минимальный размер оплаты труда, причём темпами выше инфляции и роста зарплат. С начала текущего года МРОТ проиндексирован на 6,3 процента.*

Здесь речь идет о политических директивных речевых актах, принадлежащих к приказным. Фраза «мы будем...» значительно ослабляет силу приказного речевого акта, превращая приказы президента, выданные различным правительственным органам, в адресованные «нам», т. е. переводя их в общую ответственность президента и различных органов власти, ставя президента на равный с правительственными органами план. В политических директивных речевых актах Китая также существуют аналогичные формулы, например: *Будем оказывать поддержку Сянгану и Аомэню в развитии экономики и улучшении жизни народа, поддерживать их долгосрочное процветание и стабильность.*

Однако, в отличие от России, политики Китая используют косвенные приказные речевые акты реже, а в основном применяют прямые приказные речевые акты, например: Необходимо углублять реформу финансовой системы, совершенствовать систему финансового контроля и управления, строго закреплять ответственность всех сторон, предотвращая возникновение региональных и системных финансовых рисков.

В политических директивных речевых актах в Китае часто используется конструкция «Необходимо...» для более прямого выражения приказных речевых актов. В китайском языке эта конструкция составляет 51 % от всех приказных речевых актов, в то время как на русском языке она составляет всего 10,2 %. Это показывает, что китайские лидеры чаще используют директивные речевые акты с сильным весом.

Во-вторых, в рекомендательных и прошедших речевых актах выбор средств речи более явно демонстрирует речевую власть, то есть отношения власти. В китайских политических директивных речевых актах рекомендации и просьбы не встречаются, согласно рисунку 1, сила и речевая власть рекомендаций и просьб ниже, чем у приказных речевых актов. Это еще раз подтверждает, что китайские лидеры при выдаче политических приказов больше подчеркивают свое высокое политическое положение, в то время как российские лидеры больше подчеркивают общую ответственность.

На социально-прагматическом уровне, т. е. на уровне межличностных отношений, воплощенных в директивном речевом акте, китайские политические директивные речевые акты более четко выделяют угрозу «ли-

ца» в своих особенностях, в то время как российские политические директивные речевые акты сосредоточены на поддержании вежливости. Однако цель директивных речевых актов и в России, и в Китае одинакова — призвать власти к выполнению тех директив, которые лидеры выражают в своей речи. Однако, учитывая различие политических культур двух стран и разное восприятие собственной идентичности, существует явное различие в лингвистическом подходе, используемом руководителями. В Китае большее внимание уделяется «руководству КПК», а премьер, как глава правительства КНР и высшее лицо, отвечающее за политические дела страны, обладает абсолютным авторитетом. 13 апреля 2023 года во время визита в Гуандун генсек Си Цзиньпин четко потребовал начать тематическое обучение по изучению и реализации «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры». Выдвинул четкие требования: «Если у Центрального комитета партии нет авторитета, теории, пути и политика партии могут произвольно не выполняться, и каждый идет своим путем и делает то, что хочет, а если не хочет делать то, что хочет, то партия превратится в рассыпанный песок, станет „частным клубом“, который действует сам по себе, руководство партии станет пустой фразой». Придерживаться руководства партии — это прежде всего придерживаться централизованного и единого руководства Центрального комитета партии; защищать авторитет партии — это прежде всего защищать авторитет Центрального комитета партии. Поэтому использование большого количества директивных речевых актов командного типа характерно для китайской политической культуры.

Согласно Конституции Российской Федерации и Федеральному конституционному закону № 2 от 17 декабря 1997 года «О правительстве Российской Федерации» [Смушкин 2007], президент Российской Федерации обеспечивает согласованность работы правительства с другими государственными органами и их взаимное сотрудничество. Взаимодействие с другими органами должно пониматься как согласованное планирование деятельности, обсуждение рабочих вопросов, совместное решение проблем и обмен информацией. Согласно Конституции Российской Федерации, обязанность президента заключается в «согласовании». Поэтому их отношения не являются строго вертикальными, как в Китае. В политической культуре России президент и все уровни правительства равны, работая в рамках общей цели. Поэтому в политических дирек-

тивных речевых актах в России чаще встречаются речевые акты просьбы или приказа, такие как «я прошу», «я поручаю» и рекомендации, такие как «я предлагаю». С точки зрения речевых средств, силы речевого акта и речевой власти они ниже, чем в политических директивных речевых актах Китая.

Политические директивные речевые акты являются очень сложным коммуникативным феноменом, который включает в себя разнообразие средств речи, силы речевого акта и речевой власти, и исследования в этой области еще только начинаются. В данной статье используются количественные описания и качественные объяснения в роли методов исследования, направленного на сравнение и анализ способов реализации политических директивных речевых актов в дискурсах Китая и России, а также политических культур, которые они отражают, с точки зрения языковой и социальной практики. Это исследование имеет определенное значение для политологии, лингвистики или работ в области преподавания перевода. В дальнейших исследованиях следует совершенствовать ряд аспектов, а именно: во-первых, увеличивать масштаб корпуса. Из-за большой работы по аннотации корпуса в статье в качестве объекта исследования выбраны материалы за один год, в будущем их можно расширить до материалов за несколько лет, что позволит осуществить диachроническое исследование. Также тематика политических материалов может быть расширена за счет привлечения политических интервью, ответов МИДа на вопросы журналистов и т. д. Второй аспект — методы исследования: перед аннотированием члены команды должны несколько раз осуществить координацию действий и предварительное аннотирование, чтобы достичь лучших результатов. Третий аспект — глубокое исследование политических директивных речевых актов также должно учитывать другие факторы прагматической вариативности, такие как возраст, пол, социальный статус, образовательный фон и т. д., чтобы увеличить количество граней представления динамичности политических текстов и их межличностных функций, обеспечив стимул для международного распространения дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 李成团. 中日美命令/请求言语行为回应中关系管理与身份建构的对比研究. — 外语与外语教学: 2013(02):51-55. = 李成团. Сравнительное исследование управления отношениями и построения идентичности в ответах на речевые акты команд/просьб в Китае, Японии и США / 李成团. — Текст: непосредственный // Иностранные языки и их преподавание. — 2013. — № 02. — С. 51–55. — (На кит. яз.).
2. 洪波. 汉语祈使句委婉程度的表达. — 滨州教育学院学报: 2000(02):57-59. = Хун Бо. Выражение степени вежливости

в китайских императивных предложениях / Хун Бо. — Текст : непосредственный // Вестник Педагогического института Биньчжоу. — 2000. — No 02. — С. 57–59. — (На кит. яз.).

3. 曹忠军 祈玲. 现代汉语祈使句的语用研究. — 喀什师范学院学报: 2001(04):63-67. = Цао Чжунцзюнь, Ци Лин. Прагматическое исследование императивных предложений в современном китайском языке / Цао Чжунцзюнь, Ци Лин. — Текст : непосредственный // Вестник Педагогического института Кашгар. — 2001. — No 04. — С. 63–67. — (На кит. яз.).

4. 卓丽 尤泽顺. 中方贸易白皮书之国家道义立场构建. — 当代外语研究: 2022(06):95-105. = Чжоу Ли, Юй Цзэшунь. Построение моральной позиции государства в Белой книге по торговле Китая / Чжоу Ли, Юй Цзэшунь. — Текст : непосредственный // Современные исследования иностранных языков. — 2022. — No 06. — С. 95–105. — (На кит. яз.).

5. 赵微. 两类祈使句的体特征及其对否定的影响. — 南京师范大学学报: 2005(03):151-155+160. = Чжао Вэй. Аспектуальные особенности двух типов императивных предложений и их влияние на отрицание / Чжао Вэй. — Текст : непосредственный // Вестник Педагогического университета Нанкин. — 2005. — No 03. — С. 151–155+160. — (На кит. яз.).

6. 樊小玲. 指令类言语行为构成的重新分析. — 华东师范大学学报: 2011(01):144-149. = Фань Сяолин. Повторный анализ составления директивных речевых актов / Фань Сяолин. — Текст : непосредственный // Вестник Педагогического университета Восточного Китая. — 2011. — No 01. — С. 144–149. — (На кит. яз.).

7. 方霁. 现代汉语祈使句的语用研究. — 语文研究: 1999(04): 14-18. = Фан Ци. Прагматическое исследование императивных предложений в современном китайском языке / Фан Ци. — Текст : непосредственный // Лингвистические исследования. — 1999. — No 04. — С. 14–18. — (На кит. яз.).

8. Смушкин, А. Б. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» / А. Б. Смушкин. — Москва : [б. и.], 2007. — Текст : непосредственный.

9. Alston, William P. Illocutionary Acts and Sentence Meaning / William P. Alston. — Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press ; Ithaca and London : Cornell University Press, 2000. — 54 p. — Text : unmediated.

10. Brown, Penelope. Politeness. Some Universals in Language Usage / Penelope Brown, Stephen C. Levinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1987. — Text : unmediated.

11. Clark, H. H. Speech Acts and Hearer's Beliefs / H. H. Clark, T. B. Carlson. — Oxford University Press, 1991. — Text : unmediated.

12. Keith, Allan. Linguistic Meaning / Allan Keith. — London : Routledge and Kegan Paul, 1986. — 54 p. — Text : unmediated.

13. Kreidler, C. Introducing English Semantics / C. Kreidler. — New York : Routledge, 1998. — 332 p. — Text : unmediated.

14. Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. — London ; New York : Longman, 1983. — 54 p. — Text : unmediated.

15. Searle, J. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts / J. Searle. — Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 1979. — 54 p. — Text : unmediated.

16. Stephen, K. Genre Criticism and Historical Context: The Case of George Washington's First Inaugural Address / K. Stephen. — Text : unmediated // Southern Communication Journal. — 1986.

REFERENCES

1. Li, Chengtuan (2013). A Comparative Study on Relationship Management and Identity Construction in Responses to Commands/Requests in Sino-Japanese-American Contexts. *Foreign Languages and Their Teaching*, 02, 51–55.

2. Hong, Bo (2000). Politeness Degrees in Chinese Imperative Sentences. *Journal of Binzhou Education Institute*, 02, 57–59.

3. Cao, Zhongjun, & Qi Ling (2001). Pragmatic Study on Modern Chinese Imperative Sentences. *Journal of Kashgar Teachers College*, 04, 63–67.

4. Zhuo, Li, & You, Zeshun (2022). Constructing National Moral Positions in China's Trade White Paper. *Contemporary Foreign Language Studies*, 06, 95–105.

5. Zhao, Wei (2005). Aspectual Characteristics of Two Types of Imperative Sentences and Their Impact on Negation. *Journal of Nanjing Normal University*, 03, 151–155+160.

6. Fan, Xiaoling (2011). Reanalysis of the Construction of Directive Speech Acts. *Journal of East China Normal University*, 01, 144–149.

7. Fang, Ji (1999). Pragmatic Study on Modern Chinese Imperative Sentences. *Language Studies*, 04, 14–18.

8. Smushkin, A.B. (2007). *Kommentariy k Federal'nomu konstitutsionnomu zakonu ot 17 dekabrya 1997 g. N 2-FKZ «O Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii»*. Moscow, 2007. (In Russ.)

9. Alston, William P. (2000). *Illocutionary Acts and Sentence Meaning*. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press ; Ithaca, London : Cornell University Press, 2000. — 54 p.

10. Brown, Penelope, & Levinson, Stephen C. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

11. Clark, H.H., & Carlson, T.B. (1991). *Speech Acts and Hearer's Beliefs*. Oxford University Press.

12. Keith, Allan (1986). *Linguistic Meaning*. London: Routledge and Kegan Paul, 54 p.

13. Kreidler, C. (1998). *Introducing English Semantics*. New York: Routledge.

14. Leech, G.N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London, New York : Longman, 54 p.

15. Searle, J. (1979). *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 54 p.

16. Stephen, K. (1986). Genre Criticism and Historical Context: The Case of George Washington's First Inaugural Address. *Southern Communication Journal*.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+81'27
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-006.21

ГРНТИ 16.01.11

Код ВАК 5.9.8

Ли Цзявэй

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, 1761867544@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-4280-6622>

Анализ междисциплинарных исследовательских тенденций в российской политической лингвистике

АННОТАЦИЯ. Российская политическая лингвистика — это формирующаяся междисциплинарная дисциплина, сложившаяся под влиянием антропоцентрической парадигмы, и междисциплинарный характер определяет весь процесс ее возникновения, становления и развития. Изучение междисциплинарных исследовательских тенденций в российской политической лингвистике имеет важное значение для последующих исследований в данной области. В исследовании используются технологии визуализации информации для анализа литературы по российской политической лингвистике за последние годы, а также рассматривается процесс развития российской политической лингвистики, междисциплинарные тенденции исследований на каждом этапе и текущие актуальные темы в совокупности с тенденциями, определяющими развитие данной области знаний в ближайшем будущем. Было установлено, что в процессе развития российской политической лингвистики можно выделить период возникновения, становления и дальнейшего совершенствования. Каждый из этих этапов характеризуется междисциплинарными исследовательскими характеристиками, и эта особенность становится всё более заметной по мере развития дисциплины, что отражается в четырех аспектах: перспектива исследования, методы исследования, корпус исследований и темы исследований. В настоящее время в российской политической лингвистике сформировалось семь исследовательских зон, в том числе изучение распространения политического дискурса и конструирование национального имиджа/идентичности, исследование коммуникативных стратегий и ролей в политическом дискурсе, взаимосвязь между дискурсом, властью и идеологией. Будущие исследования российской политической лингвистики также будут проводиться с учетом этих аспектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, междисциплинарность, междисциплинарные исследования, становление научной дисциплины, современные тенденции науки, коммуникативные стратегии, коммуникативные роли, дискурс-анализ, корпусные исследования, русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Цзявэй, аспирант, Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: 1761867544@qq.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ли, Цзявэй. Анализ междисциплинарных исследовательских тенденций в российской политической лингвистике / Ли Цзявэй. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 282-294.

Li Jiawei

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, 1761867544@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-4280-6622>

A Study of Interdisciplinary Research Trends in Russian Political Linguistics

ABSTRACT. Russian political linguistics is a developing interdisciplinary field of study formed under the influence of the anthropocentric paradigm. Its interdisciplinary nature runs through the whole process of its generation, formation and development. Studying the interdisciplinary research trends of Russian political linguistics is rather important for follow-up research in this field. This paper uses information visualization technologies to analyze the literature in Russian political linguistics of recent years, and also explores the process of evolution of Russian political linguistics, the interdisciplinary research trends at each stage, and the current urgent topics together with the trends determining the development of this research area in the nearest future. The research has found that the evolution of Russian political linguistics can be divided into the initial stage, the formation stage and the development stage. Each of these stages is characterized by interdisciplinary research, and this feature becomes more and more salient with the development of the discipline, which is reflected in four aspects: research perspective, research methods, research corpus and research topics. At present, Russian political linguistics has formed seven research areas including the study of the dissemination of political discourse and the construction of the national image/identity, the study of communication strategies and roles in political discourse, and the relationship between discourse, power and ideology. The future research in Russian political linguistics will also be carried out taking into account these aspects.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, interdisciplinarity, interdisciplinary research, development of scientific discipline, modern scientific trends, communication strategies, communication roles, discourse analysis, corpus studies, Russian language.

AUTHOR'S INFORMATION: Li Jiawei, Post-Graduate Student, Dalian University of Foreign Languages, Liaoning, Dalian, China.

FOR CITATION: Li Jiawei. (2024). A Study of Interdisciplinary Research Trends in Russian Political Linguistics. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 282-294. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Политическая лингвистика в России по-настоящему оформилась как самостоятельная дисциплина в конце XX века. А. П. Чудинов [Чудинов 2001] впервые предложил концепцию «политической лингвистики» в книге «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)» [Лу Тинтин 2011: 60]. На русском языке существует два варианта этого термина: политическая лингвистика и лингвополитология, что отражает существование двух исследовательских направлений, которые одновременно взаимосвязаны и дифференцированы в России: лингвистический подход и политологический подход [Сунь Юйхуа и др., 2015: 1]. Однако исследования, проводимые в этих двух направлениях, имеют явно асимметричные дисциплинарные фокусы внимания. Лингвисты рассматривают данную область как самостоятельную дисциплину лингвистики. Они считают, что политическая лингвистика тесно связана со многими направлениями исследований, такими как социология и культурология, и обладает отличительными междисциплинарными характеристиками. Многие ученые определяют политическую лингвистику исходя из этой характеристики и на практике связывают ее в исследовательском процессе с различными дисциплинами, что уже привело к достижению ряда важных исследовательских результатов и формированию множества исследовательских школ. На основе междисциплинарного характера политическая лингвистика в России постепенно развилась в самостоятельную дисциплину лингвистики, обладающую относительно полным кругом предметов изучения, которая обеспечивает многообещающие академические перспективы и уникальные методы исследования для развития мировой политической лингвистики. К сожалению, в научных кругах создано не так много работ, систематизирующих историю развития и состояние исследований российской политической лингвистики, и мало исследований, анализирующих междисциплинарный характер науки на примере процесса развития российской политической лингвистики.

В связи с этим на основе того, что российская политическая лингвистика является дисциплиной лингвистики, в исследовании анализируется проявление междисциплинарных исследовательских тенденций в развитии российской политической лингвистики, обзорно представлен процесс развития рос-

сийской политической лингвистики путем рассмотрения результатов ее исследований, характеризуются актуальные темы и черты исследований каждого этапа российской политической лингвистики, а также анализируются тенденции будущего развития российской политической лингвистики с целью внести вклад в научные работы соответствующей тематики.

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Материал исследования и обработка данных

Для того чтобы обеспечить полноту и точность исследования, литература, цитируемая в статье, соответствует следующим принципам: во-первых, приоритет отдается источникам, предмет которых тесно связан с «политической лингвистикой»; во-вторых, приоритет отдается отбору классической литературы с высоким индексом цитируемости для обеспечения применимости и авторитетности данных.

В качестве источников данных в исследовании используются электронные каталоги Российской государственной библиотеки (<https://www.rst.ru/>) и Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru/>): в Российской государственной библиотеке проведен поиск по ключевым словам «политическая лингвистика», «политический дискурс» и «политическая коммуникация»; в Научной электронной библиотеке проведен поиск материалов по названию журнала «Политическая лингвистика» за период с 2007 по 2024 г. (2007-й — год основания журнала). Было получено в общей сложности 2345 литературных источников с общим количеством 17 240 цитирований.

2.2. Методы и процедуры исследования

В данном исследовании используются методы диахронического и синхронного анализа для изучения процесса развития российской политической лингвистики и обобщаются характеристики исследований и междисциплинарных исследовательских тенденций каждого этапа российской политической лингвистики путем анализа областей исследований, методов и тем исследований каждого этапа. Кроме того, в исследовании используется таблица измерений, которая поставляет с веб-сайтом «Научная электронная библиотека», для визуального анализа собранной литературы и обобщения текущих актуальных тем и будущих тенденций развития российской политической лингвистики на основе кластеризации ключевых слов.

2.3. Цели исследования

Данное исследование направлено на решение следующих вопросов:

1. Каковы конкретные этапы процесса развития российской политической лингвистики?

2. В каких аспектах отражены междисциплинарные исследовательские тенденции на каждом этапе процесса истории развития российской политической лингвистики? Каковы особенности каждого этапа исследования?

3. Каковы ведущие на сегодняшний день темы в исследованиях российской политической лингвистики? Какова будущая тенденция развития?

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И АНАЛИЗ

3.1. Процесс развития российской политической лингвистики

В России исследование взаимосвязи политических и языковых процессов имеет долгую историю. Лу Тинтин [Лу Тинтин 2018] указывает, что факторы, влияющие на быстрое развитие российской политической лингвистики, помимо внутродисциплинарных потребностей лингвистики и политологии, также включают распад Советского Союза и изменения в социальной системе страны. Таким образом, если принять распад Советского Союза и знаковые события, отразившие возникновение и становление дисциплины политической лингвистики, в качестве важных узлов, процесс развития российской политической лингвистики делится на период возникновения, период становления и период развития.

3.1.1. Период возникновения (советский период)

Идеологические изменения влияют на направление исследований ученых. После Октябрьской революции многие лингвисты обнаружили, что, когда некоторые стандартные средства русского языка широко использовались в пропагандистской дискурсивной практике истеблишмента, их семантика и эмоциональная окраска изменились. Поэтому ученые начали изучать эффективность роли идеологических элементов в дискурсе средств массовой информации (СМИ), и властный (политический) дискурс начал привлекать широкое внимание научных специалистов. В раннем Советском Союзе изучение политического дискурса было тесно связано с изучением риторики, ученые сосредоточились на исследовании применения политического дискурса в социальной сфере в рамках гуманистической риторики. В середине-конце советского периода из-за усиления внутренних идеологических конфликтов и ожесточенных дебатов между различными политическими школами исследование по-

литического дискурса демонстрировало две тенденции: критику публикаций капиталистических стран и описание речевых характеристик лидеров КПСС и их политических оппонентов [Цзян Чунли, Ян Кэ 2013], но в указанной общественно-политической ситуации язык был глубоко идеологизирован, и связанным с ним исследованиям трудно было оставаться по-настоящему объективными и беспристрастными.

Как видно из приведенного выше анализа, российская политическая лингвистика фактически родилась из исследования политического дискурса в советский период, поэтому советский период был начальным этапом российской политической лингвистики. На данном этапе термин «политическая лингвистика» еще не был предложен и у ученых еще не сформировалось осознания того, что «политическая лингвистика является самостоятельной дисциплиной». В то же время из-за влияния идеологических факторов исследование политического дискурса и политический заказ на данном этапе были тесно интегрированы, а цель научных работ ограничивалась критикой капиталистической системы и пропагандой собственной идеологии. При этом нельзя отрицать, что изучение политического дискурса в советский период стало полезным ориентиром для изучения политической лингвистики в новый период. Политический дискурс в ближайшем будущем сделался важным понятием для российской политической лингвистики, а теоретические и практические исследования, связанные с ним, были в полной мере развернуты после распада Советского Союза.

3.1.2. Период становления (с распада Советского Союза до 2006 г.)

После распада Советского Союза изменения в национальной идеологии и смягчение социально-политической обстановки, вызванные политической открытостью, освободили политический дискурс от его типичных ритуализированных характеристик, и политика и средства ее выражения перестали быть полузапретными, идеологически контролируемыми объектами исследований.

Российские ученые обратили внимание на особенности использования политических метафор после распада Советского Союза [Караулов, Баранов 1991, 1994] и сделали политические метафоры объектом изучения для проведения обширных и глубоких исследований в области политического дискурса, в результате развернули борьбу за рост исследований политической коммуникации после политических реформ [Лу Тинтин 2011]. В этот период российские ученые активно опирались на западные теории и ме-

тоды исследования и сформировали область изучения политического дискурса с уникальными российскими особенностями, то есть, основываясь на описательном методе, провели исследования по таким популярным темам, как политические метафоры, политическая коммуникация, политический дискурс в советский период и политические манипуляции, а также подготовили ряд важных результативных работ в данном направлении, которые заложили основу для становления российской политической лингвистики.

В 2002 г. А. П. Чудинов [Чудинов 2002] указал, что политическую лингвистику следует рассматривать как самостоятельную дисциплину, но в отличие от других исследовательских направлений современной лингвистики (таких как психолингвистика, когнитивная лингвистика и др.), сформированных на основе единства теоретических основ, методологии и терминологии, политическая лингвистика основана на специфике исследовательских материалов (политический текст, дискурс и др.). С тех пор исследования в этой области стали более глубокими и диверсифицированными: появилось большое количество авторитетных ученых, таких как А. П. Чудинов, А. Н. Баранов и др.; были сформированы устойчивый академический круг и исследовательские школы, в частности, многие научные журналы о политическом дискурсе специализируются на публикации результатов исследований взаимосвязи политики и языка [Лу Тинтин 2018]. Все это означает, что исследования политической лингвистики становятся все более обширными и глубокими. Ученые начали рассматривать ее как самостоятельную дисциплину и создавать дисциплинарную систему путем определения объектов исследования и методов. Также повышается роль политической лингвистики: академические семинары на эту тему проводятся в Москве уже десять лет подряд, что отражает неизменный интерес российских ученых к этой области. Систематическое упорядочивание и распространение российскими учеными знаний в этой области также демонстрируют появление и переиздание в 2006 г. учебников под названием «Политическая лингвистика», организация курсов по политической лингвистике и создание соответствующих советов по защите диссертаций. Этот процесс последовательного расширения исследований показывает, что в России «политическая лингвистика, которая раньше была объединена только исследователь-

скими материалами (политический дискурс и политический язык), превратилась в самостоятельное научное направление, сформировав свои собственные традиции и методологию, авторитет и исследовательские школы» [Будаев, Чудинов 2006]. Как самостоятельная дисциплина политическая лингвистика признается всё большим количеством ученых.

3.1.3. Период развития (2007–2024 гг.)

После 2007 г. начался период бурного развития в России политической лингвистики как дисциплины. На данном этапе ученые еще больше расширяли свою исследовательскую перспективу и сферу интересов на основе ранних исследований, политическая лингвистика стала более тесно связана с другими дисциплинами, и признание российской политической лингвистики в академических кругах еще больше увеличилось. В 2007 г. на базе «бюллетеня Уральского лингвистического общества» возник самостоятельный научный журнал «Политическая лингвистика», издаваемый под редакцией А. П. Чудинова, и в 2010 г. он стал основным изданием в своей области, признанным Высшей аттестационной комиссией Министерства образования России (ВАК) [Лу Тинтин 2018]. Появление этого академического журнала свидетельствует о том, что статус дисциплины российской политической лингвистики крепнет день ото дня, и с тех пор российская политическая лингвистика вступила в период бурного развития. К сожалению, на данном этапе российская политическая лингвистика все еще демонстрирует противоречия по основным вопросам, касающимся объектов и методов исследования, а сама дисциплина нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании.

3.2. Тенденции междисциплинарных исследований в процессе развития российской политической лингвистики

Как видно из очерка развития российской политической лингвистики, она постоянно опиралась на теоретические основы и методы исследования других дисциплин и постепенно формировала свои традиции, методологию, круг авторитетов и исследовательские школы. Можно сказать, что междисциплинарный характер пронизывает процесс возникновения, становления и развития российской политической лингвистики (поскольку концепция «политической лингвистики» на самом деле не была предложена в период возникновения, междисциплинарные исследовательские тенденции этого периода специально обсуждаться не будут).

3.2.1. Тенденции междисциплинарных исследований в период становления российской политической лингвистики

Междисциплинарные исследовательские тенденции российской политической лингвистики на данном этапе в основном проявляются в расширении исследовательских перспектив, расширении тематики исследований и обогащении их методов.

А. Исследовательская перспектива

Расширяя достижения политической лингвистики, российские ученые продолжают обогащать исследовательскую перспективу этой научной области и упрочивать ее связи с другими дисциплинами: прежде всего специалисты обращают внимание на пересечение политической лингвистики и других лингвистических дисциплин, таких как социолингвистика, функциональная риторика, классическая и современная риторика и когнитивная лингвистика, кроме того, политическая лингвистика тесно связана с изучением дисциплин, имеющих отношение к индивидуальному, коллективному и национальному сознанию, таких как социальная психология, культурология, социология, фольклористика и другие сконцентрированные на экстралингвистических факторах дисциплины [Ян Кэ 2012]. Ученые в основном проводят теоретические и практические исследования в области политической лингвистики, опираясь на теории и методы исследования различных дисциплин, используя теорию манипулирования, теорию предметного анализа, теорию анализа намерений и т. д. для проведения теоретических исследований в области политической лингвистики; для практических исследований по политической лингвистике применяются исследовательские методы семиотики, риторики, социолингвистики, психолингвистики, коммуникативистики, политологии и других дисциплин. Исходя из вышесказанного, перспективы исследований российской политической лингвистики демонстрируют тенденцию к расширению областей исследований и пересечению дисциплин с сохранением ядерного статуса лингвистики. Данная научная область аккумулирует разные направления, выступая одновременно как лингвистическая и нелингвистическая дисциплина.

Б. Методы исследования

А. П. Чудинов [Чудинов 2003, 2007, 2012] считает, что отличительной чертой современных российских исследований политической коммуникации является использование различных методов исследования, но основным принципом исследования является метод дискурсивного анализа. Он указал, что политическая лингвистика не создала

самостоятельной методологической системы и практическое исследование политической лингвистики осуществляется в основном с помощью методов исследования других дисциплин [Сунь Юйхуа и др., 2015].

Согласно результатам исследований, проведенных в области российской политической лингвистики в период с 2001 по 2006 год, было установлено, что методы исследования, используемые учеными на данном этапе, могут быть классифицированы как методы исследования в лингвистических дисциплинах и методы исследования в нелингвистических дисциплинах: первый тип в основном включает в себя методы исследования лингвистических дисциплин, например, риторики, семантики, прагматики, психолингвистики и когнитивной лингвистики — все они входят в число разновидностей описательного метода. Например, ученые обычно используют лингвистический метод для изучения стилистических ресурсов в политической коммуникации, или применяют метод ментальных карт для анализа изменений в личных намерениях политиков за определенный период времени [Ушакова 2000], или используют анализ метафорических паттернов, идеологический анализ и анализ политических процессов с точки зрения когнитивной лингвистики для изучения политического мышления и идеологии политиков и т. д.; последний метод в большей степени направлен на всесторонний анализ политической лингвистики, то есть обуславливает использование других дисциплин, таких как культурология, социология и коммуникация, для обогащения теоретических результатов, увеличения видов дискурса и применения риторического анализа, тем самым позволяя обогащать основные методы политической лингвистики [Сунь Юйхуа и др., 2015]. В качестве примера можно указать, что А. Н. Баранов [Баранов 2001] применяет метод контент-анализа, впервые появившийся в сфере коммуникации, к изучению политического дискурса с точки зрения лингвистики и анализирует особенности мышления и сознания политиков.

Исходя из вышеизложенного, можно установить, что на данном этапе исследования российских ученых имеют характеристики «описания» и «рационализма». Они настаивают на методе описания в дискурс-анализе и считают, что «дискурс является отражением политических, социальных и экономических изменений, и эти изменения и их внешние репрезентации не должны оцениваться, а метод описания должен использоваться в практике описания и объяснения явлений и избегание идеологической самооценки про-

исходит не из-за отсутствия гражданской позиции, а при соблюдении принципа объективности исследования» [Русакова 2006; Будаев, Чудинов 2006; Базылев 2009], таким образом, до 2006 г. методы критического дискурсивного анализа фактически использовались не очень широко.

В. Темы исследований

А. П. Чудинов [Чудинов 2007] указал, что современная российская политическая лингвистика в основном развивается по десяти направлениям, таким как теория политической лингвистики, политический дискурс советского периода, индивидуальный стиль политиков и политическая коммуникация и др. Лу Тинтин [Лу Тинтин 2016] обобщает проблематику исследований с выделением шести тем: политическая метафора, анализ политических концепций, политические манипуляции, анализ традиционных структур, советский политический дискурс и исследование политических жанров. Основываясь на мнениях вышеупомянутых ученых и обобщении собранной отраслевой литературы, можно сделать вывод, что тематически российская политическая лингвистика на данном этапе в основном делится на два направления: теоретическое исследование и практическое исследование. Популярные теории, связанные с первым направлением исследования, включают теорию манипуляции, теорию тематического анализа, теорию ценностного анализа и др. Ученые используют эти теоретические основы для анализа семантической структуры и ценностных компонентов политического дискурса, а также лингвистических стратегий политиков, идеологических намерений и когнитивных характеристик [Юэ Сюэ 2021]. В практических исследованиях ученые в основном сосредотачиваются на двух объектах политического дискурса и политической коммуникации: использование политического дискурса как объекта для изучения на примере советского политического дискурса (применяется традиционная структура политического дискурса, сравнение текстов политического дискурса, анализ политических метафор и политических концепций); использование политической коммуникации в качестве объекта для изучения на примере манипулирования политическими идеями, анализа языковых личностей различных политических партий или политических лидеров, а также речевых стратегий политического дискурса [Ван Наннан 2020; Юэ Сюэ 2021]. Можно отметить, что среди этих тем исследований областью, в которой в наибольшей степени концентрируются результаты всей дисциплины, является политическая метафора. Анализ поли-

тической метафоры специально подразделяется на «когнитивное направление, риторическое направление, направление социолингвистики, направление лингвокультуры, направление психолингвистики, направление теории дискурса, направление сравнительной лингвистики, направление исторической сравнительной лингвистики и направление корпусной лингвистики» [Будаев 2006].

В период становления российская политическая лингвистика рассматривала людей, языковую личность и коммуникацию в качестве отправной точки для изучения явлений политического дискурса, и объектами ее исследований в основном становились политическая коммуникация и политический дискурс, а содержание исследований было сосредоточено на сочетании теории с практикой. Постоянной темой в рамках российской политической лингвистики являются политические метафоры.

Г. Характеристики исследований

Российская политическая лингвистика в период становления находилась в процессе динамичного развития. Перспективы, методы и содержание исследований всего этого этапа обширны, глубоки и разнообразны, в них отражаются междисциплинарные и межкультурные коммуникативные характеристики российской политической лингвистики: первоначально ее работы опирались на традиционные методы и идеи лингвистического исследования, содержание проектов было в большей степени конкретным и описательным. На среднем и позднем этапах с опорой на пути и методы исследований западной политической лингвистики, постепенно формируется собственная теоретическая и практическая исследовательская система, в которой теоретические исследования носят описательный и критический характер, главным образом описательный, содержание практических исследований разнообразно, есть много точек зрения. В целом на данном этапе академическая независимость российской политической лингвистики постепенно становится заметной, и она последовательно эволюционирует, демонстрируя приоритетность эмпирического, междисциплинарного, системного пути, а также интерес к рассмотрению материала разных эпох, но в исследованиях все ещё отмечаются некоторые недостатки. Так, вызывающими дискуссии продолжают оставаться объект исследования, методы исследования и другие основные вопросы, отсутствуют идеи о дальнейшем интеграционном взаимодействии лингвистики и политологии в рамках описания их перспектив, а доля критических аналитических исследований невелика.

3.2.2. Тенденции междисциплинарных исследований в период развития российской политической лингвистики

На данном этапе научный журнал «Политическая лингвистика», издаваемый под редакцией А. П. Чудинова, представляет собой ярчайшее достижение в российской политической лингвистике и отражает передовые результаты трудов в этой области. Таким образом, при анализе тенденций междисциплинарных исследований на данном этапе в качестве объекта исследования берется журнал, в качестве источника данных выбираются 2345 статей, опубликованных с 2007 по 2024 г., проводится их визуальный анализ и отбор типичных документов для вторичного чтения на основе частоты и распределения ключевых слов. Установлено, что тенденция роста междисциплинарных исследований на данном этапе проявляется в перспективах исследований, темах, методах и корпусах.

А. Исследовательская перспектива

Рассматривая вместе данные рисунка 1 и таблицы 1, можно обнаружить, что при проведении исследований в области политической лингвистики российские ученые предпочитают исследовательскую перспективу, объединяющую лингвистические дисциплины — соответствующие результаты составляют 87 % всех исследований в области политической лингвистики. В то же время, просмотрев аннотации и ключевые слова литературных источников, можно увидеть, что эти 2044 статьи касаются политического дискурса и междисциплинарных исследований в аспекте более чем десяти лингвистических дисциплин, включая общую лингвистику, риторику, психолингвистику,

когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, этнолингвистику, корпусную лингвистику и переводоведение. Кроме увеличения количества результатов исследований в области лингвистики, отмечается аналогичный рост в сфере политологии: результаты исследований по ней занимают второе место по всем работам, указывая на то, что ученые восполнили нехватку внимания к политологическому направлению, появлявшуюся в период становления, и приложили больше усилий к исследованию объектов политической лингвистики с точки зрения политологии, т. е. лингвистика и политология стали более тесно интегрированы. Кроме того, число исследований в области литературы и журналистики, обозначенное в таблице 1, показывает, что стали набирать популярность исследования политического дискурса на примере СМИ, художественной литературы и журналистики. Основываясь на вышеизложенных выводах, можно представить текущую исследовательскую оптику российской политической лингвистики как «двухлинейную и многогранную» исследовательскую тенденцию: первое направление работы относится к лингвистике и захватывает различные дисциплины лингвистики, основными направлениями являются когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика и переводоведение; второе направление заключается в расширении сферы интеграции с нелингвистическими дисциплинами, при этом особое внимание уделяется политологии, коммуникативистике, этнической психологии и культурологии, и даже естественно-научным дисциплинами, таким как информатика и электронная инженерия.

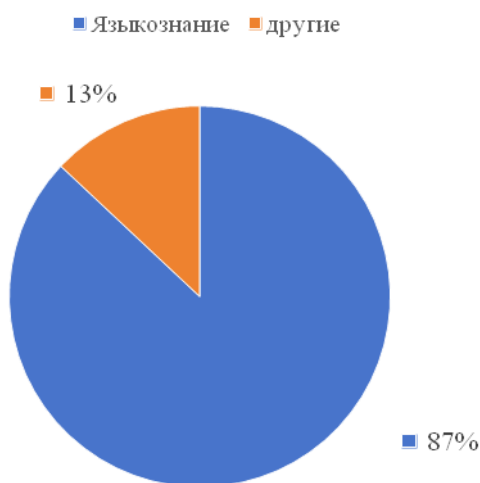

Рис. 1. Распределение публикаций по тематике на этапе развития российской политической лингвистики

Таблица 1

Распределение публикаций по тематике на этапе развития
русской политической лингвистики

№	Дисциплина	Кол-во	№	Дисциплина	Кол-во
1	Языкознание	2044	11	Педагогика	5
2	Политика	84	12	Экономика	4
3	Литературоведение	67	13	Искусствоведение	2
4	Массовая коммуникация	57	14	Общественные науки в целом	2
5	История	29	15	Демография	1
6	Культурология	11	16	Информатика	1
7	Философия	11	17	Кибернетика (Cybernetics)	1
8	Психология	10	18	Приборостроение	1
9	Социология	7	19	Электротехника	1
10	Юридические науки	6	–	–	–

Б. Темы исследований

Темы исследований связаны с исследовательскими аспектами, которыми руководствуются ученые. Темы исследований в рамках направления лингвистики можно разделить на следующие две исследовательские тенденции: первая заключается в продолжении исследовательского направления русской политической лингвистики периода становления, т. е. в проведении исследований с точки зрения риторики, семиотики, прагматики, когнитивной лингвистики и других дисциплин: продолжая намеченные исследовательские темы (например, анализ политических метафор), ученые добавляют сравнительные материалы для исследования политического дискурса лидеров разных стран, таких как Россия, Китай и Америка, или добавляют методику критических когнитивных исследований политического дискурса, занимаются исследованиями дискурсивных стратегий в политической коммуникации, такими как исследование языковых стратегий в контексте национального имиджа, исследование гегемонистского дискурса / дипломатического дискурса / дискурса безопасности / стратегии энергетического дискурса и т. д. Вторая тенденция заключается в развитии новых лингвистических дисциплин в качестве исследовательских направлений, включая лингвокультурологию, этнолингвистику, психоллингвистику, корпусную лингвистику и переводоведение. Среди них наибольшая доля результатов в рамках перекрестных исследований приходится на лингвокультурологию и политическую лингвистику: ученые в основном обращают внимание на прецедентные феномены, этническую идентичность, поликультурные концепты, языковую картину мира, преследуя цель исследования теории или истории развития культурных концептов в политическом дискурсе [Юэ Сюэ 2021]. Основными темами исследований в рамках перекрестных ис-

следований лингвоперсонологии, этнолингвистики и политической лингвистики являются образ языкового сознания в политическом дискурсе и политическая коммуникация. Результаты исследований в рамках корпусной лингвистики часто сочетают корпусный метод исследования с критическим дискурсивным анализом для изучения взаимосвязи между дискурсом, властью и идеологией. Темы исследований переводоведения включают внешнее распространение политического дискурса и построение национальной дискурсивной системы, а также исследование перевода ключевых политических терминов на иностранный язык.

Кроме того, темы исследований в других исследовательских направлениях также демонстрируют разнообразные характеристики. Например, темы исследований в направлении политологии включают конструирование образа политика в предвыборном дискурсе, исследование метафорических выражений и политической идеологии, анализ текстов о политическом экстремизме и терроризме и т. д.; в литературном направлении — конструирование политических концептов в литературных и политических текстах и конструирование образа страны / города / женщины и другие темы исследований; направление журналистики охватывает сравнение языковых выражений СМИ в разных странах на примере одного и того же политического события, конструирование и коммуникационную стратегию политических концептов в дискурсе СМИ, изучение конструируемого в СМИ образа национальных / городских / общенациональных лидеров; юридическая наука фокусируется на дискурсе антикоррупционного законодательства и изучении таких тем, как юридический дискурс и формирование национального имиджа. Из приведенного выше анализа видно, что на данном этапе исследования метафорики все еще продолжаются. Кроме того, количе-

ство критических исследований увеличилось, и ученые сосредоточились на коммуникативных стратегиях политического дискурса и изучении внутренних мотивирующих взаимосвязей между властью и идеологией.

В. Методы исследования и исследовательские корпуса

Ключевые слова в значительной степени соответствуют тематике анализируемой литературы, и частота их встречаемости отражает исследовательскую популярность тем в определенной области. Кластерный анализ ключевых слов — это статистический метод классификации ключевых слов, использующий шкалы сходства для измерения степени сходства между ключевыми словами и тем самым для получения классификации [Ян Юэмин и др., 2022]. Визуальный анализ по кластеризации высокочастотных ключевых слов в литературных источниках позволяет судить об исследовательских группах и структурных характеристиках политической лингвистики и обеспечивает необходимую основу для выявления горячих точек иссле-

дований в период развития российской политической лингвистики. Таким образом, после предварительного анализа таблицы (см. таблицу 2) высокочастотных ключевых слов журнала «Политическая лингвистика» (таблица взята с веб-сайта *elibrary.ru*) было подтверждено, что он отражает основные направления исследований, методы исследования и корпус текстов политической лингвистики. Чтобы более наглядно отразить передовые направления исследований в области российской политической лингвистики на данном этапе, ключевые слова сгруппированы в соответствии с критериями, позволяющими отличить друг от друга горячие точки исследований (всплеск актуальности отдельных тем), тем самым получено в общей сложности 13 кластерных групп, которые можно разделить на 6 кластеров, связанных с другой исследовательской информацией (см. таблицу 3) и 7 кластеров, связанных с горячими точками исследований в области политической лингвистики (см. таблицу 4).

Таблица 2

Список 100 самых частотных ключевых слов за период развития в области российской политической лингвистики (извлечения)

№	Ключевые слова на русском языке	Количество цитирований	№	Ключевые слова на английском языке	Количество цитирований
1	политический дискурс	704	1	Political discourse	690
2	медиадискурс	297	2	mass media	313
3	медиа тексты	265	3	media discourse	303
4	СМИ	263	4	media texts	256
5	средства массовой информации	261	5	media linguistics	245
6	медиа лингвистика	250	6	journalism	215
7	журналистика	215	7	political communication	182
8	языковые средства	208	8	mass media language	177
9	язык СМИ	207	9	language means	158
10	политическая коммуникация	176	10	political metaphorology	133

Таблица 3

Кластеризация высокочастотных ключевых слов в российской политической лингвистике (другие исследовательские данные)

№	Cluster	Keywords
1	Мультимодальный анализ политического дискурса	политическая карикатура (32), метафорические образы (20)
2	Политика в текстах литературы	Литературное творчество (21), литературные жанры (18), russian writers (18), linguistic personflity(17)
3	Исследование медиадискурса и онлайн-дискурса	медиадискурс (297), медиа лингвистика (250), СМИ (263/261), журналистика (215), интернет (99), интернет-коммуникация (93), интернет-дискурс/тексты (88/76), интернет-технология (59), российские/американские СМИ (40/26), рекламный дискурс (24), общественное мнение (19)
4	Исследовательская перспектива	1) журналистика (215), политическая риторика (122), когнитивная лингвистика (91), лингвоперсонология (89), лингвокультурология (72), этнолингвистика (22), comparative linguistics (18) 2) концепт(72/56), фреймы (21/20) 3) речевая деятельность/воздействие (41/37), речевое поведение (18)

Окончание таблицы 3

№	Cluster	Keywords
4	Исследовательская перспектива (окончание)	4) языковая политика(36), языковая игра (32), речевые стратегии (24), экстремизм (24), речевая агрессия (18) 5) лексическая семантика (32), фразеологизмы (18), intertextuality (17)
5	Язык исследования	русский язык (171), английский язык (121), китайский язык (69), немецкий язык (29), французский язык (23)
6	Метод исследования	дискурс-анализ (43), контент-анализ (22), метафорические модели (126/124/29), манипуляция(19)

Таблица 4

Кластеризация высокочастотных ключевых слов в российской политической лингвистике (горячие точки исследования)

№	Cluster	Keywords
1	Эпохальное исследование политического дискурса	коронавирус (24), пандемия (21)
2	Исследование распространения политического дискурса и конструирования национального имиджа/идентичности	политический дискурс (704), политическая коммуникация (176), политические деятели/речи (176/91), образ России (33), образ (24), переводоведение (23), national identity (17)
3	Исследование политических метафор	политическая метафорология (138), метафора (83/62), концептуальная/конгнитивная метафора (138/83/62/35/18), метафорические модели (126/124/29), конгнитивная лингвистика (91)
4	Исследование языковой личности / сознания	языковая личность (134), лингвоперсология (89), языковое сознание (23), этнолингвистика (22), лингвистическая экспертиза (18)
5	Исследование языковой картины мира и концептов политической культуры	лингвокультурология (72), языковая картина мира (56), прецедентные феномены (43), межкультурная коммуникация (26), прецедентное имя (18)
6	Исследование коммуникативных ролей, коммуникативных ритуалов и коммуникативных стратегий в политическом дискурсе	языковые средства (208), коммуникативные стратегии/тактики (51/36), американские/российские президенты (31/27)
7	Исследование взаимосвязи между дискурсом, властью и идеологией	манипулятивное воздействие (41), манипуляция сознанием (35), идеология (27/22), манипуляция (19)

Как видно из таблицы 3, шесть кластерных групп, связанных с исследовательской информацией, имплицитно указывают на исследовательские перспективы, методы, корпус, языки и т. д., обычно используемые в российской политической лингвистике на данном этапе. В настоящее время корпус исследований российской политической лингвистики расширился — от традиционного анализа политических текстов до политических исследований на материале художественных текстов, текстов СМИ, онлайн-текстов и даже мультимодальных текстов. Это указывает на то, что с развитием дисциплины понятие политического дискурса также постоянно расширяется. Во-вторых, из кластерных групп 4 и 6 можно видеть, что методы исследования в этой области также демонстрируют тенденцию к диверсификации. Пересечение дисциплин коммуникативистики и политологии побудило ученых часто использовать анализ метафорических паттернов, критический анализ дискурса, контент-анализ и корпусные методы исследования.

Г. Характеристики исследования

На этапе развития российская политическая лингвистика демонстрирует тенденции многоаспектной, диверсифицированной и использующей множество методов исследовательской области: ее междисциплинарный фокус исследований продолжает расширяться, образуя междисциплинарную сеть, ядром которой является лингвистика; содержание исследований постепенно углубляется от описательных к критическим исследованиям, начинает уделяться внимание связи между языком, властью и идеологией; богатству исследовательского корпуса, росту исследований маргинального политического дискурса, таких как политические интервью, связанные с медийным дискурсом, блоги политиков, связанные с онлайн-дискурсом, и политические идеи в литературе; методы исследования демонстрируют тенденцию к росту «количественного и качественного сдвига в сочетании», появление корпусной лингвистики и ее методов исследования компенсирует субъективность качественных исследований, делая выводы более достоверными и объективными.

3.3. Передовые направления и тенденции развития исследований в области российской политической лингвистики

Таблица кластеризации ключевых слов, основанная на актуальных темах исследований в области политической лингвистики в качестве стандарта кластеризации, может имплицитно отражать передовые темы исследований в этой области, а их отслеживание позволяет точно определить будущие тенденции развития исследований в области политической лингвистики в России. Согласно таблице 4, установлено, что на данном этапе исследования российской политической лингвистики по-прежнему возвращаются вокруг таких ключевых понятий, как политический дискурс, политическая коммуникация, политическая метафора и языковая личность, но среди них увеличилось количество критических исследований, которые перешли от простого исследования особенностей языка к раскрытию глубинных мотивов, стоящих за функционированием языка, с акцентом на связь между языком, властью и идеологией; более тесная связь политической лингвистики с коммуникацией и переводоведением привела к увеличению числа исследований, посвященных распространению политического дискурса и формированию национального имиджа / национальной идентичности, поэтому цель исследований сместилась с простого объяснения языковых явлений на обслуживание национальных стратегий, что является более реалистичным подходом. Кроме того, ученые уделяют больше внимания изучению политического дискурса в СМИ, взаимосвязи между политическим дискурсом и национальной «мягкой силой» и международным голосом, а вспышка эпидемии в 2020 г. вызвала появление исследований политического дискурса, связанных с темой эпидемии.

В настоящее время горячие точки исследования российской политической лингвистики позволяют внимательно отслеживать тенденции времени, отражая особенности времени и национальные тенденции развития. Основываясь на передовых темах этих исследований, можно предположить, какие будущие тенденции станут характерны для этой области. В будущем исследования в области российской политической лингвистики могут продолжать расширяться в следующих аспектах: во-первых, сравнительное изучение политического дискурса на примере разных стран и лидеров и, во-вторых, изучение картины мира политического языка, концепций политической культуры и языкового сознания с уникальными характеристиками российской политической лингвистики.

Это также может стать популярной темой будущих исследований: ученые исследуют социальную и культурную психологию, мировоззрение и образ мышления, лежащие в основе политической коммуникации, посредством рассмотрения политической и этнической индивидуальности, национального сознания и языкового самосознания [Сунь Юйхуа и др., 2015]. Кроме того, с возникновением «переводческого подъема» и появлением концепции «права голоса» на повестке дня стоят исследования взаимосвязи между переводом политического дискурса на иностранный язык и национальным правом голоса, исследования стратегий политического дискурса, обслуживающих национальные стратегии, и исследования концепции «мягкой силы» (Soft Power) в дискурсе политической безопасности и дискурсе СМИ.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как новое направление лингвистических исследований, российская политическая лингвистика претерпела трансформацию от практического исследования политического дискурса к теоретическому конструированию политической лингвистики и междисциплинарной интеграции с традиционными областями лингвистики (семантикой, прагматикой и т. д.) и другими областями исследований, такими как политология, психология, коммуникация и т. д., и постепенно превратилась в дисциплину, основанную на междисциплинарном характере. С опорой на исследовательский метод сочетания диахронического и синхронического, в работе использованы инструменты количественной оценки литературных источников для визуализации и анализа соответствующей литературы по политической лингвистике. Это позволило раскрыть процесс развития дисциплины российской политической лингвистики, междисциплинарные исследовательские тенденции и передовые области. Выяснилось, что на процесс развития российской политической лингвистики влияют потребности развития дисциплины и изменения в социальной системе, и его можно разделить на три этапа: период возникновения, период становления и период развития. Каждый этап демонстрирует характеристики междисциплинарных исследований, и эта характеристика становится более заметной по мере развития дисциплины: междисциплинарное поле становится более обширным и демонстрирует более тесную интегрированность. Графический анализ и анализ литературы показывают, что междисциплинарная тенденция исследования в процессе развития российской политической лингвистики в основном отражается в следующих аспектах:

тах: (1) фокус внимания исследований: все периоды — возникновения, становления и развития — демонстрировали разнообразные характеристики, но сфера охвата исследований была расширена; (2) что касается методов исследования, то на каждом этапе также наблюдается тенденция к диверсификации, но на разных этапах используются различные основные методы; (3) особенности исследовательского корпуса: в период возникновения в основном включал политический дискурс в узком смысле, но с развитием исследований появилось изучение маргинального политического дискурса, равно как политического дискурса в СМИ и политических аспектов художественной литературы — этим материалам уделяется все больше и больше внимания; (4) что касается тем исследований, то с продвижением от этапа к этапу они продемонстрировали тенденцию к расширению сферы охвата в научных работах, к обогащению их содержания и углублению уровня.

Основываясь на приведенных выше выводах, российская политическая лингвистика находится в процессе динамичного развития междисциплинарных и многомерных исследований. Исследовательские фокусы внимания, методы, корпус и темы на протяжении всего процесса эволюции научной области обширны, разнообразны и углубляются, продолжая совершенствоваться по мере развития дисциплины. Результаты исследования на последнем этапе всегда будут корректироваться, пересматриваться, дополняться и совершенствоваться с учетом новых материалов на основе исследований, проведенных на предыдущем этапе. Это привело к тому, что результаты исследований в области российской политической лингвистики стали богаче, выводы — более достоверными и объективными, исследовательские горизонты ученых постепенно расширились, а цель и значение исследований стали более реалистичными, проделав путь от простого описания языковых характеристик до обслуживания национальных стратегий. Академическая независимость российской политической лингвистики становится всё более заметной, и она постепенно выходит на путь развития, демонстрирующий эмпирические, систематические характеристики и внимание к особенностям эпохи.

Изучение междисциплинарных исследовательских тенденций в российской политической лингвистике позволяет отследить передовые и актуальные темы исследований дисциплины, всесторонне и объективно определить будущие тенденции развития исследований в области российской политиче-

ской лингвистики, что имеет большое просветительское значение для исследований в области политической лингвистики в стране и за рубежом. Результаты исследования показывают, что актуальные темы российской политической лингвистики соответствуют веяниям времени и отражают национальные тенденции развития. Семь основных концепций были сформированы вокруг политического дискурса, политической коммуникации, политической метафоры и языковой личности. Будущие исследования в области российской политической лингвистики также будут основаны на этих темах, связанных со сравнительным изучением политического дискурса лидеров, изучением иностранного перевода политического дискурса и права голоса, а также исследованием концепции мягкой силы в дискурсе политической безопасности и медийном дискурсе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сунь, Юйхуа. Политика языка против языка политики — теория и метод политической лингвистики / Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун. — Текст : непосредственный // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. — 2015. — No. 01. — С. 1–7 = 孙玉华, 彭文钊, 刘宏. 语言的政治 vs 政治的语言——政治语言学的理论与方法[J]. 外语与外语教学, 2015, No. (01): 1-7.
2. Цзян, Чунли. Исследование политического дискурса — новое направление в изучении русского языка / Цзян Чунли, Ян Кэ. — Текст : непосредственный // Журнал Гуандунского университета иностранных языков. — 2013. — No. 06. — С. 10–13 = 蒋春丽, 杨可. 政治话语研究——俄语语言研究的新方向[J]. 广东外语外贸大学学报, 2013, No. (06): 10-13.
3. Ян, Кэ. Современная российская политическая лингвистика — развивающаяся междисциплинарная дисциплина / Ян Кэ. — Текст : непосредственный // Преподавание русского языка в Китае. — 2012. — No. 01. — С. 7–10 = 杨可. 俄罗斯现代政治语言学——一门新兴的交叉学科[J]. 中国俄语教学, 2012, No. (01): 7-10.
4. Лу, Тинтин. Построение дисциплины политической лингвистики — введение в «Политическую лингвистику» / Лу Тинтин. — Текст : непосредственный // Современные исследования иностранных языков. — 2011. — No. 01. — С. 60–61 = 卢婷婷. 政治语言学的学科构建——《政治语言学》述介[J]. 当代外语研究, 2011, No. (01): 60-61.
5. Лу, Тинтин. Основные темы и характеристики русской политической лингвистики / Лу Тинтин. — Текст : непосредственный // Журнал иностранных языков. — 2016. — No. 05. — С. 41–46 = 卢婷婷. 俄罗斯政治语言学的主要论题及其特点[J]. 外语学刊, 2016, No. (05): 41-46.
6. Лу, Тинтин. Политическая лингвистика: теория и метод / Лу Тинтин. — Шанхай : Издательство Шанхайского образования, 2018. — Текст : непосредственный = 卢婷婷. 政治语言学: 理论与方法[M]. 上海教育出版社, 2018.
7. Ян, Юэмин. Исследование тенденций исследований в области когнитивной лингвистики в России — визуальный анализ публикаций журнала «Проблемы когнитивной лингвистики» на сайте CiteSpace / Ян Юэмин, Чэнь Юн, Ци Цзясинь. — Текст : непосредственный // Преподавание русского языка в Китае. — 2022. — No. 03. — С. 31–41 = 闫月明, 陈勇, 纪佳昕. 俄罗斯认知语言学研究趋势探究——基于CiteSpace的《认知语言学问题》期刊发文可视化分析[J]. 中国俄语教学, 2022, No. (03): 31-41.
8. Юэ, Сюэ. Исследование системного конструирования и эволюции политических и культурных концептов в политическом дискурсе Путина (2000–2020) / Юэ Сюэ. — Текст :

непосредственный // Даляньский университет иностранных языков. — 2021. = 岳雪. “普京政治话语”中政治文化观念的系统建构与演化研究 (2000-2020)[D]. 大连外国语大学, 2021.

9. Ван, Наннан. Исследование оценочной значимости российского «медийного дипломатического дискурса» с точки зрения политической лингвистики / Ван Наннан. — Текст : непосредственный // Даляньский университет иностранных языков. — 2020. = 王楠楠. 政治语言学视域下俄罗斯“媒体外交话语”评价意义研究[D]. 大连外国语大学, 2020.

10. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Помовский и партнёры, 1994. — Текст : непосредственный.

11. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — Текст : непосредственный.

12. Базылев, В. Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации / В. Н. Базылев — Москва : Современная гуманитарная академия, 2009. — Текст : непосредственный.

13. Будаев, Э. В. Методология современной политической лингвистики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — Текст : непосредственный.

14. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — Текст : непосредственный.

15. Чудинов, А. П. Политический нарратив и политический дискурс / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. — 2002. — No. 2 (05). — С. 129.

16. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — Текст : непосредственный.

17. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — Текст : непосредственный.

18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — Текст : непосредственный.

19. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — No. 2.

20. Русакова, О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов. — Текст : непосредственный // Полис. — 2006. — No. 5.

21. Ушакова, Т. Н. Слово в действии: интен-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова. — Москва : Алетейя, 2000. — Текст : непосредственный.

22. Караулов, Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / Ю. Н. Караулов, А. Н. Баранов. — Москва : Ин-т русского языка, 1991. — Текст : непосредственный.

23. Паршин, П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П. Б. Паршин. — Текст : непосредственный // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. — 2001.

REFERENCES

1. Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong. (2015). The politics of language vs. the language of politics — the Theory and method of political Linguistics. *Foreign Languages and Foreign Language Teaching*, 01, 1-7. (In Chinese)

2. Jiang Chunli, Yang Ke. (2013). Political Discourse Research-A new direction of Russian Language research. *Journal of Guangdong University of Foreign Studies*, 06, 10-13. (In Chinese)

3. Yang Ke. (2012). Modern Russian Political Linguistics-an emerging interdisciplinary discipline. *Teaching Russian in China*, 01, 7-10. (In Chinese)

4. Lu Tingting. (2011). The Discipline Construction of Political Linguistics-Introduction to “Political Linguistics”. *Contemporary Foreign Language Studies*, 01, 60-61. (In Chinese)

5. Lu Tingting. (2016). The main topics and characteristics of Russian political linguistics. *Journal of Foreign Languages*, 05, 41-46. (In Chinese)

6. Lu Tingting (2017). *Political Linguistics: Theory and Method*. Shanghai: Shanghai Education Press. (In Chinese)

7. Yan Yueming, Chen Yong, Ji Jiaxin. (2022). Exploration of research trends in Cognitive Linguistics in Russia — Visual analysis of the publication of the journal “Cognitive Linguistics Problems” based on CITPACE. *Teaching Russian in China*, 03, 31-41. (In Chinese)

8. Yue Xue. (2021). *Research on the systematic construction and evolution of Political and cultural concepts in “Putin’s Political Discourse” (2000–2020)*. Dalian Foreign Studies University. (In Chinese)

9. Wang Nannan. (2020). *Research on the evaluation significance of Russian “Media Diplomatic Discourse” from the perspective of political linguistics*. Dalian Foreign Studies University. (In Chinese)

10. Baranov A.N., Karaulov Y.N. (1994). *Dictionary of Russian political metaphors*. Moscow: Pomovsky and Partners. (In Russ.)

11. Baranov A.N. (2001). *Introduction to applied linguistics*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

12. Bazylev V.N. (2009). *Russian linguistics of the 21st century: traditions and innovations*. Moscow: Modern Humanitarian Academy. (In Russ.)

13. Budaev E.V., Chudinov A.P. (2006). *Methodology of modern political linguistics*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)

14. Chudinov A.P. (2001). *Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russian)

15. Chudinov A.P. (2002). Poetic narrative and political discourse. *Linguistics: Bulletin of the Ural Linguistic Society*, 02. (In Russ.)

16. Chudinov A.P. (2003). *Metaphorical mosaic in modern political communication*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)

17. Chudinov A.P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flinta, Science. (In Russ.)

18. Chudinov A.P. (2007). *Political linguistics: textbook*. Moscow: Flinta, Science. (In Russ.)

19. Chudinov A.P. (2012). Discursive characteristics of political communism. *Political Linguistics*, 02. (In Russ.)

20. Rusakova O. F., Maksimov D. A. (2006). Political discourses: the subject field theoretical approaches and a structural model of political discourse. *Polis*, 05. (In Russ.)

21. Ushakova T.N., Pavlova N.D. (2000). *Word in action: intent analysis of political discourse*. Moscow: Aleteya. (In Russ.)

22. Parshin P.B. (2001). Research practices, the subject and methods of political linguistics. *Scripta linguisticae applicatae. Problems of applied linguistics*. (In Russ.)

23. Karaulov Y.N., Baranov A.N. (1991). *Russian political metaphor (materials for the dictionary)*. Moscow: IRYA (In Russ.)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.581'42+81'27
 ББК ШП71.1-51+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Люй Бинь

Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай, lvbin2557@163.com, <https://orcid.org/0009-0002-3331-7197>

Метафорическое моделирование концепта «реформа» в китайском политическом дискурсе (на материале сборника «Си Цзиньпин о государственном управлении», часть третья)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу особенностей концептуальной метафоры «реформа» на материале третьей части сборника «Си Цзиньпин о государственном управлении». Моделирование политического дискурса осуществляется через анализ понятий и концептов, лежащих в основе политических убеждений. В китайском политическом дискурсе концепт «реформа» занимает важное место, с помощью метафорических образов председатель КНР Си Цзиньпин доносит до читателей основное содержание политической концепции реформы, углубляет понимание цели и значения проводимых реформ в различных областях жизни китайского общества. Анализ образов, создаваемых военной и моральной метафорами, а также конструируемые на их основе смыслы позволяют выявить особенности смыслопостроения концепта «реформа». Важную роль в процессе метафоризации и интеграции смыслов, построении связей и аналогий между исходными пространствами играют национальная специфика и фоновые знания. Ментальные пространства, представляющие собой среду концептуализации и мышления, формируются в рамках национального языка и культуры. В данной статье политическая метафора реформы рассматривается как многопространственная модель, представляющая собой интеграционную сеть смысловых элементов. Целью статьи является анализ метафорического представления смыслового содержания концепта «реформа» в политическом дискурсе Си Цзиньпина, а также выявление национально-специфичных языковых средств, которые использует китайский лидер в процессе метафоризации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, концептуальные метафоры, когнитивная лингвистика, языковые средства, китайский язык, политические тексты, лингвоперсоналогия, языковая личность, политические деятели, политические идеи, китайский социализм, государственное устройство, государственное управление, китайская специфика, китайские политики, органы государственного управления, управленческая деятельность, политические реформы, ментальное пространство, интеграционная сеть, фоновые знания, блендинг.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Люй Бинь, аспирант Шанхайского университета иностранных языков (ШУИЯ), Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии; 201620, Китай, Шанхай, р-н Сунцзян, ул. Вэньсян, д. 1550; email: lvbin2557@163.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Люй, Бинь. Метафорическое моделирование концепта «реформа» в китайском политическом дискурсе (на материале сборника «Си Цзиньпин о государственном управлении», часть третья) / Люй Бинь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 295-302.

Lyu Bin

Shanghai International Studies University, Shanghai, China, lvbin2557@163.com, <https://orcid.org/0009-0002-3331-7197>

Metaphorical Modeling of the Concept of “Reform” in the Chinese Political Discourse (On the Material of the Collection “Xi Jinping: The Governance of China III”)

ABSTRACT. The article analyzes the specific features of the conceptual metaphor “reform” based on the material of the collection “Xi Jinping: The Governance of China III”. The modeling of political discourse is carried out by the author through the analysis of concepts and underlying political beliefs. In Chinese political discourse, the concept of “reform” occupies an important place. With the help of metaphorical images, Chinese President Xi Jinping conveys to the readers the main content of the political concept of reform, deepens the understanding of the goal and significance of ongoing reforms in various spheres of life of Chinese society. The analysis of the images, created by military and morbid metaphors, as well as the meanings constructed on their basis, allow identifying the specific features of the semantic structure of the concept of “reform”. The national specificity and the background knowledge play an important role in the process of metaphORIZATION and integration of meanings, building relationships and analogies between initial spaces. The mental spaces, constituting the environment of conceptualization and thinking, are formed within the framework of the national language and culture. This article considers the political metaphor of reform as a multi-spatial model representing an integrated network of semantic elements. The aim of the article is to analyze the metaphorical representation of the semantic content of the concept of “reform” in Xi Jinping’s political discourse, as well as to identify nationally specific language means used by the Chinese leader in the process of metaphORIZATION.

KEYWORDS: *political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, language units, conceptual metaphors, cognitive linguistics, language means, Chinese language, political texts, linguoperonology, linguistic personality, politicians, political ideas, Chinese socialism, political system, governance, Chinese specificity, Chinese politicians, organs of state power, government, political reforms, mental space, integration network, background knowledge, blending.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Lyu Bin, Post-Graduate Student, Shanghai International Studies University, School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai, China.*

FOR CITATION: *Lyu Bin. (2024). Metaphorical Modeling of the Concept of “Reform” in the Chinese Political Discourse (On the Material of the Collection “Xi Jinping: The Governance of China III”). In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 295-302. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В современной науке формируется представление о политической метафоре как об инструменте для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средстве воздействия на социальное сознание [Будаев, Чудинов 2008: 5]. Политический дискурс отражает речеповеденческие предпочтения политических деятелей. Изучению китайского политического дискурса уделяется значительное внимание как китайскими, так и российскими исследователями, среди них такие ученые как Лю Юмэн, Янь Хуэй, Тянь Хайлун, Ши Сюй, У. А. Берзиня, Т. Л. Гурулева, Р. Р. Мавлеев, О. Г. Калинин, Т. Н. Лобанова и др. Для понимания политических процессов, идеологии и ее влияния на общество российские и китайские ученые активно изучают политические тексты, содержание выступлений и особенности коммуникации политических деятелей. В политическом дискурсе метафора — это общепринятый способ мышления. С помощью метафоры говорящий преобразует «непостижимое в воспринимаемое, незнакомое — в знакомое, а абстрактное — в конкретное, чтобы слушающий лучше понимал политические концепции» [Вэнь Сюй 2014: 13]. Политический дискурс Си Цзиньпина обладает ярким своеобразием, богатой образностью, спецификой дискурса является использование большого количества метафор, в том числе культурных: с их помощью политик раскрывает идеологию государства.

В рамках теории концептуальной интеграции метафора представляет собой отображение смысловых элементов двух исходных пространств путем создания интеграционной сети. Теория концептуальной интеграции, впервые предложенная американским когнитологом Ж. Фоконье, является результатом синтеза теории ментальных пространств и теории концептуальной метафоры, также важным подходом в когнитивной лингвистике в рамках антропоцентрической парадигмы. Под концептуальной интеграцией учёные понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определённой схеме на различных

уровнях абстракции и имеет чёткую структуру, которая включает в себя исходные пространства, общие пространства и смешанное пространство, или бленд [Ковальчук 2011: 98]. Следует отметить, что структура бленда не заложена в исходных пространствах. Бленд представляет собой не набор «вырезанных» и «вставленных» элементов, а мысленную симуляцию, благодаря которой возникает принципиально новая структура [Кононова 2015: 74]. Ментальное пространство представляет собой среду концептуализации и мышления, метафора в рамках теории когнитивной интеграции рассматривается не как простое отображение сферы источника на сферу-мишень, а как взаимная проекция ментального пространства человека на ментальном уровне [Сунь И, Ли Даньян 2022: 42].

Как отмечает в одной из своих статей Ж. Фоконье, процессы концептуальной интеграции происходят благодаря способности человека мыслить образно. Интеграционные процессы опираются именно на способность мышления устанавливать связи между ментальными пространствами и их элементами [Coulson, Fauconnier 1999: 143–158]. Таким образом, понятие связей между ментальными пространствами относится к центральным в теории концептуальной интеграции. Эти связи могут быть основаны на метафоричности, аналогии, тождестве, сходстве и т. д.

Язык и культура тесно взаимосвязаны. Метафоры, несомненно, обладают этнокультурной маркированностью, что обуславливает особый интерес к их изучению. Исследуя метафоры той или иной лингвокультуры, мы одновременно изучаем национальную картину мира. Следует отметить, что сильный воздействующий потенциал метафоры в значительной степени заключается в том, что она несет в себе культурную информацию. Национально-культурной спецификой обладают не только отдельные метафорические значения, но и процесс интеграции смыслов. Политическая метафора в дискурсе Си Цзиньпина обладает общечеловеческим, национальным и личностным характером.

Целью данного исследования является анализ метафорического представления смыслового содержания концепта «реформа» в политическом дискурсе Си Цзиньпина. В статье рассматриваются особенности метафоры реформы с исходной понятийной сферой «война» и «болезнь». Материалами для исследования послужили тексты из третьей части сборника «Си Цзиньпин о государственном управлении». В сборник входят 92 статьи, которые относятся к периоду с октября 2017 г. по январь 2020 г. и включают выступления, доклады и резолюции председателя КНР. Сборник всесторонне отражает идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой, отвечает на важнейшие теоретические и практические вопросы развития партии и страны в новых исторических условиях. Актуальность данной статьи состоит в том, что анализируемые метафоры позволяют читателям политических текстов правильно понять основное содержание сложных идеологических и политических концепций Китая.

1. КОНЦЕПТ «РЕФОРМА» В КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.

Моделирование политического дискурса осуществляется через анализ понятий и концептов, лежащих в основе политических убеждений. В когнитивной лингвистике концепт определяется как единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [Кубрякова 1996: 90]. Концепт «реформа» занимает важное место и имеет долгий путь развития в китайском политическом дискурсе: от политики «реформы и открытости», выдвинутой на Третьем пленуме Центрального комитета партии 11-го созыва в 1978 году, до стратегии «всестороннее углубление реформ», принятой на Третьем пленуме Центрального комитета партии 18-го созыва в 2013 году. Следует отметить, что дискурс о реформе развивался десятилетиями, концептуальное содержание понятия постоянно расширялось и углублялось. Таким образом, анализ метафорического представления концепта «реформа» в политическом дискурсе одновременно позволяет рассмотреть определенный исторический этап развития китайского общества.

В китайском языке слово «реформа» состоит из двух иероглифов — изменение (改) и обновление (革) — и означает «изменять, исправлять, улучшать; приводить в порядок». В политическом дискурсе Си Цзиньпина слово «реформа» относится к наиболее частотным, его значение несет положитель-

ную оценочную коннотацию. Кроме того, концепт «реформа» является центральным звеном в стратегии построения социализма с китайской спецификой, а концепция «всестороннее углубление реформ» рассматривается как основная движущая сила модернизации в китайском стиле. Правильное осмысление концепта «реформа» имеет огромное значение для изучения стратегии КПК в сфере государственного управления, а также понимания основных факторов успеха и процветания Китая под руководством КПК.

40 лет проведения Китаем политики реформ и открытости позволили сделать много ценных выводов. Председатель КНР охарактеризовал её как революцию в истории китайского народа, эпохальный этап в реализации национального возрождения Китая. Он отметил, что «открытость несет с собой прогресс, а замкнутость неизбежно порождает отсталость». По словам лидера КНР, одним из факторов успеха проведения реформ открытости является твердое укрепление партийного строительства страны: «...чтобы ковать железо, нужно самому быть железным» [Си Цзиньпин 2021: 278–279].

2. АНАЛИЗ МЕТАФОР В ТЕКСТАХ СБОРНИКА «СИ ЦЗИНЬПИН О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ»

Использование милитарных и морбиальных метафор в политическом дискурсе является одним из наиболее популярных и продуктивных способов представления абстрактных понятий. Война как исторический феномен характерна для любого общества и времени, поэтому частотное использование военных (или милитарных) метафор закономерно. Война — ментальная единица, которая представляет результат восприятия человеком действительности и вербализируется в различных дискурсах [Сизых 2020: 8–9]. Рассмотрим пример милитарной метафоры, представленной в текстах председателя Си Цзиньпина, которая актуализирует смысловое содержание концепта «реформа».

Пример 1. *我们要乘势而上、尽锐出战，继续打硬仗、啃硬骨头，集中力量突破重要领域和关键环节改革。*

В сложившихся благоприятных условиях мы обязаны бросить все усилия и перейти в наступление, пройти жесточайшие бои и преодолеть самые трудные препятствия, сконцентрировать усилия на совершении прорывов в ряде приоритетных направлений и ключевых звеньев.

Путь реформ никогда не был легким, для достижения положительных результатов требуется упорная борьба и неустанные усилия, так же, как для достижения победы

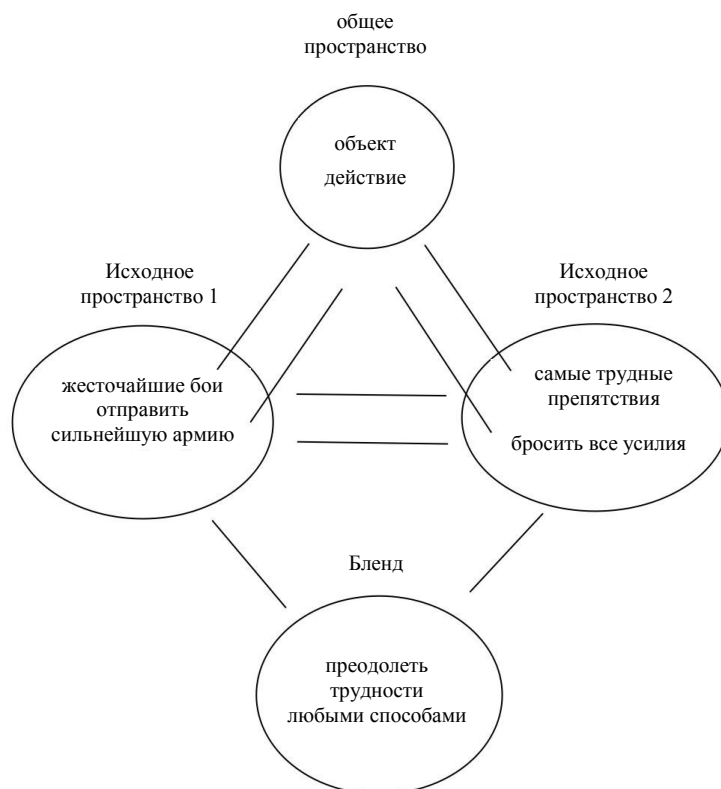

Рис. 1. Иллюстрация процесса концептуальной интеграции на примере метафоры «реформа — преодоление трудностей любыми способами»

в войне. Посредством выделенных выше военных метафор концепт «реформа» осмысливается как война. Метафора «перейти в наступление, пройти жесточайшие бои» подчеркивает решимость руководства КПК начать действовать, преодолевая любые трудности, активно проводить реформирование. В данной интеграционной сети между двумя исходными пространствами формируется связь элементов: «жесточайшие бои» (硬仗) — самые трудные препятствия, «尽锐出战» (в прямом значении: отправить сильнейшую армию) — бросить все усилия. Исходные структуры смешиваются в бленде и образуют метафорическое интеграционное значение «преодолеть трудности любыми способами».

Морбиальные метафоры обладают мощным воздействующим потенциалом, погружают читателя в его собственный опыт болезни и их лечения. Актуализация этого потенциала позволяет не только дискурсивно воссоздавать проблему, но и подсказывать пути выхода из нее [Сидельникова 2016: 154]. Приведем пример из текста.

Пример 2. 要在自我净化上下功夫, 通过过滤杂质、清除毒素、割除毒瘤, 不断纯洁党的队伍, 保证党的肌体健康。

Необходимо трудиться над самоочищением: путем фильтрации примесей, де-

токсикации, удаления злокачественных опухолей постоянно очищать ряды и поддерживать здоровье организма партии.

В историческом материализме социальная революция — это коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного строя. Революция является высшим проявлением классовой борьбы, ключевым звеном в замене старых социальных форм, фундаментальным изменением социальной системы [Ван Миньянь 2007: 96]. Концепт «реформа» тесно связан с концептом «революция», от революции к реформам — такова эволюция политического дискурса КПК [Лан Сиюй, Чэнь Цзиньлун 2014: 105].

Продвижение социальной революции реформ и открытости с помощью самореволюции партии является важным опытом для начала и успеха политики реформ и открытости. Для успешного проведения политики реформ и открытости, продвижения всестороннего углубления реформы необходимо посредством самореволюции сделать партию сильной и решительной [Сунь Ели 2018]. В приведенном выше примере «самоочищение» и «самореволюция» имеют одинаковое смысловое наполнение. Самоочищение есть самореволюция партии и конкретное воплощение реформ. Партийные кадры рассмат-

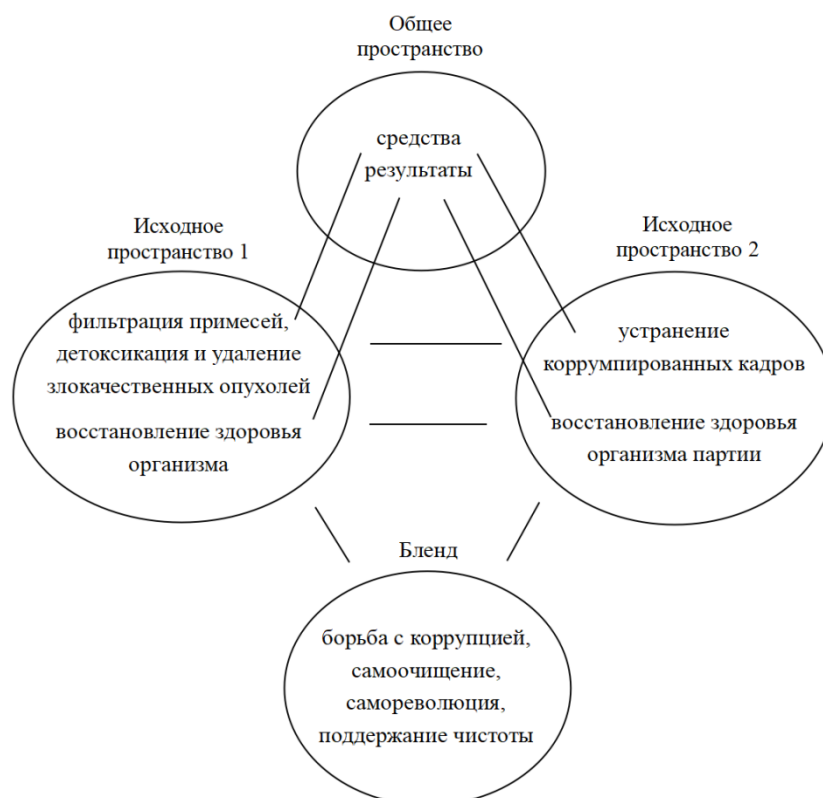
риваются как субъекты самореволюции и всестороннего продвижения дела реформ; строительство в виде управления партийными кадрами является фундаментом самореволюции партии. Чем лучше будет проведена работа по партийному строительству, тем успешнее будут проходить реформы.

Партийная кадровая работа и борьба с коррупцией образно представляется как процесс излечения организма хирургическим путем. Болезнь и методы ее лечения становятся базой для построения ментальных пространств. Элементы «фильтрация примесей, детоксикация и удаление злокачественных опухолей» образуют связь с элементами «устранение коррумпированных кадров», а «восстановление организма» подразумевает «восстановление нормальной работы партии». Самоочищение — обезвреживание примесей, поступивших в организм — исключение из партийных рядов кадров, приносящих вред работе. Реализуется выборочное межпространственное отображение элементов двух исходных пространств. Средства и результаты рассматриваются как общая абстрактная структура двух исходных пространств, в бленде образуется метафорическое значение «борьба с коррупцией, самоочищение, самореволюция и поддержание чистоты».

Политика открытости — это самая масштабная реформа: необходимо координировать внутреннюю и международную ситуацию посредством открытости, тем самым давая новый импульс всестороннему углублению реформ [Чи Фулинь, 2019]. Углубление политики реформ и открытости, создание всесторонней открытой экономики являются неотъемлемой частью всестороннего углубления реформ. Устранение торговых барьеров, повышение уровня и упрощение процедур торговли способствуют продвижению мировой экономики к более открытой архитектонике, формируют благоприятную среду для более эффективного продвижения реформы.

Пример 3. *各国削减壁垒，扩大开放，国际经贸就会打通血脉；如果以邻为壑、孤立封闭，国际经贸就会气滞血瘀，世界经济也难以健康发展。*

В условиях устранения всеми странами барьеров и расширения открытости, международная экономика и торговля могут развиваться беспрепятственно. Если же все страны будут «превращать территории соседей в водоем для стока воды», будут готовы к взаимной изоляции и закрытости, то международная экономика и торговля впадет в состояние застоя и депрессии, не может добиться здорового развития.

Рис. 2. Иллюстрация процесса концептуальной интеграции на примере метафоры «реформа — самоочищение»

В представленном примере фразеологизм «превращать территории соседей в водоем для стока воды» (以邻为壑) берет свое начало из исторического рассказа. В эпоху Воюющих царств чэнсян (должность премьер-министра в царстве Вэй) по имени Бай Гуй руководил строительством ирригационных систем, делал отводы для воды, которые помогали бороться с наводнениями. Однако эти каналы выводили воду на территории рядом расположенных царств, тем самым приносили ущерб соседям. Бай Гуй похвастался своим методом Мэн-цзы, однако уважаемый в Китае мыслитель раскритиковал его способ и привел в пример систему отвода воды Великого Юй, который благодаря углублению дна реки коренным образом решил проблему наводнения, но при этом не наносил ущерба другим землям.

Прямое значение данного фразеологизма заключается в том, что в случае наводнения водный поток отводится в близлежащую яму, соседняя территория превращается в водоем для стока вод. В метафорическом значении выражение означает «взвалить свои трудности на другого, решать свои проблемы за чужой счет, ради собственной выгоды жертвовать чужими интересами, учитывать только свои интересы» [Сюй

Чжэньшэн 2002: 893]. Мировая экономическая система — это большая территория, и если страны учитывают только свои собственные интересы, проводят политику изолированности и закрытости, то мировая экономическая система не может нормально развиваться. И наоборот, если все страны придерживаются политики открытости и взаимовыгоды, мировая экономическая система может устойчиво и активно развиваться.

В приведенном выше примере концепт «реформа» также рассматривается через призму традиционной китайской медицины. Фоновые знания традиционной китайской медицины позволяют построить новые ментальные пространства. Ци (气) и кровь (血) — это основы жизнедеятельности организма человека, их беспрепятственная циркуляция является главным условием нормальной работы организма. «血脉» — это каналы, по которым движется кровь, осуществляется кровообращение в человеческом теле. Непрерывность работы кровеносной системы зависит от продвижения Ци. Медицинский термин «气滞血瘀» означает стагнацию жизненной энергии (Ци) и крови, задержку циркуляции жизненных сил, долговременный и затяжной застой крови и Ци. Нарушение

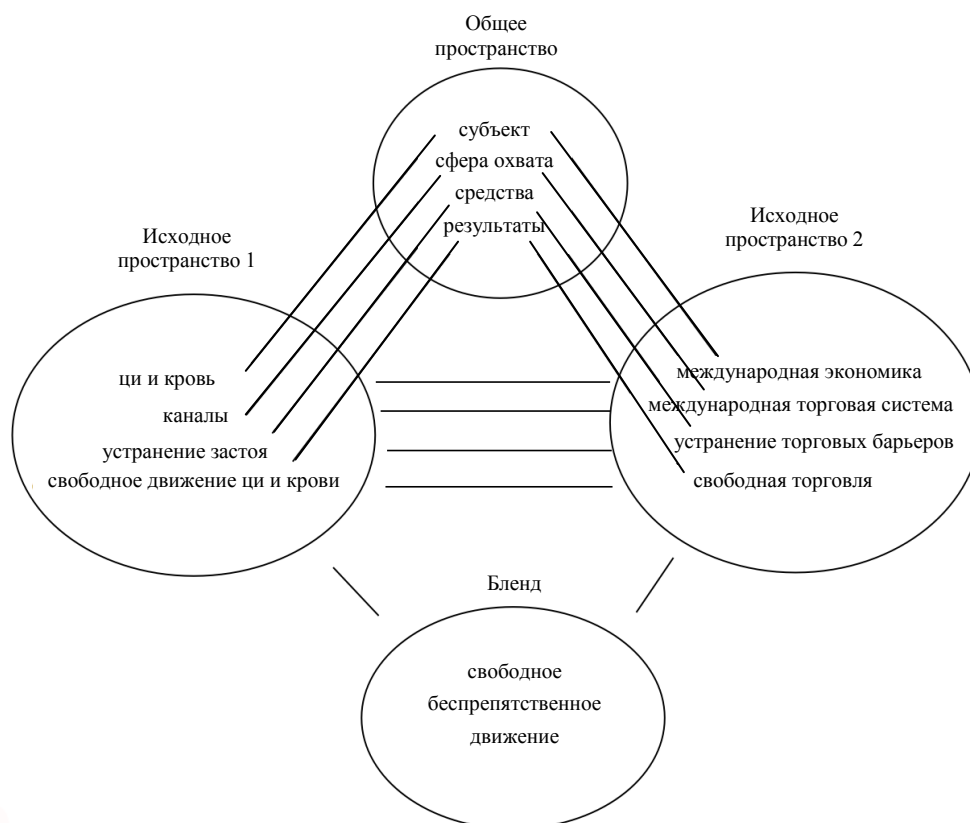

Рис. 3. Иллюстрация процесса концептуальной интеграции на примере метафоры «реформа — свободное, беспрепятственное движение»

движения Ци оказывает негативное влияние на работу кровеносной системы, приводит к остановке кровообращения и застою.

В представленной метафорической модели система человеческого организма — это сфера-источник, а система международной торговли — сфера-мишень. Метафора «застой крови» указывает на болезненное состояние международной торговли в условиях политики закрытости и изолированности. Устранение застоя Ци и крови означает свободное и беспрепятственное прохождение, метафора репрезентирует процесс борьбы с препятствиями и продвижение реформы в сфере мировой торговли. Таким образом, между исходными пространствами формируется интеграционная связь: Ци и кровь — международная экономика, каналы — международная торговая система, устранение застоя Ци и крови — устранение торговых барьеров, свободное движение Ци и крови — свободная торговля. Два исходных пространства имеют общую абстрактную структуру в субъекте, сфере охвата, средствах и результатах, в конечном итоге перенос приводит к метафорическому значению «свободное беспрепятственное движение».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение политических метафор и стоящих за ними смысловых содержаний концептов имеет важное практическое значение [Вэнь Сюй 2014:16]. Из проделанного анализа можно сделать вывод о том, что председатель Си Цзиньпин в своих текстах широко использует милитарные и морбиальные метафоры, которые адекватно описывают стратегию, позицию и действия руководства КНР. Политический дискурс Си Цзиньпина обладает яркой индивидуальностью и образностью, с помощью метафор лидер страны не только отражает суть явления, но и углубляет понимание, а также повышает распространение политических идей и концепций управления страной в китайском обществе.

В теории концептуальной интеграции функционирование концептуальных сетей нашего сознания объясняется сложной структурой аналогических и метафорических отображений, играющих ключевую роль в конструировании значения. Реформа является главной движущей силой развития страны, но при этом смысловое содержание концепта «реформа» в ряде случаев оказывается сложным для понимания. Построенная автором статьи интеграционная сеть концепта «реформа» в полной мере отражает главную концепцию КПК: решимость в проведении реформы, преодоление любых трудностей, углубление реформ в сфере кадро-

вого строительства, а также указывает путь к более открытому и эффективному проведению реформ. Мы пришли к выводу о том, что при анализе политических метафор в дискурсе Си Цзиньпина теория концептуальной интеграции имеет большое практическое значение.

Метафора — это способ познания мира, основная ментальная операция. Механизмы познания и осмысления мира разными этническими группами детерминированы разными культурами, поэтому метафоры обладают национальной уникальностью. На моделирование ментальных пространств влияют многочисленные экстралингвистические факторы (фоновые знания, прагматические цели, ожидания и т. д.) [Fauconnier 1994], при построении межпространственных отображений двух исходных пространств и концептуальной интеграционной сети необходимо учитывать особенности культуры конкретной нации. В своем дискурсе председатель Си Цзиньпин часто использует культурные метафоры, для успешного распространения концепций партии лидер страны неоднократно обращается к историческим легендам, концептам китайской традиционной медицины и т. д. Таким образом, мы еще раз подтверждаем тот факт, что политический дискурс лидера КНР обладает уникальными национальными особенностями и характеристиками, отражающими политическую систему и идеологию страны.

ИСТОЧНИКИ

1. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. — 245 с. — Текст : непосредственный.
2. Си, Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. III / — Пекин : Изд.—во литературы на иностранных языках, 2021. — 886 с. — (На рус.) — Текст : непосредственный.
3. Си, Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. III / — Пекин : Изд.—во литературы на иностранных языках, 2020. — 570 с. — (На кит.) — Текст : непосредственный.
4. Сюй, Чжэньшэн. Словарь фразеологизмов Синьхуа / Сюй Чжэньшэн. — Пекин : Шаньу иньшугуань, 2002. — 893 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев., А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 248 с. — Текст : непосредственный.
2. Ван, Миньянь. Ключевые слова для культурологических исследований / Ван Миньянь. — Нанкин : Народное издательство Цзянсу, 2007. — 528 с. — Текст : непосредственный.
3. Вэнь, Сюй. Политический дискурс и политическая метафора / Вэнь Сюй. — Текст : непосредственный // Исследование современных иностранных языков. — 2014. — № 9. — С. 11–16.
4. Ковальчук, Л. П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера / Л. П. Ковальчук. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 1 (8). — С. 97–101.
5. Кононова, И. В. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / И. В. Кононова. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2015. — 124 с. — Текст : непосредственный.

6. Лань, Сиюй. Эволюция политического дискурса КПК: от революции, продолжения революции к реформам. / Лань Сиюй, Чэнь Цзиньлун. — Текст : непосредственный // Исследование социализма с китайской спецификой. — 2014. — № 1. — С. 101–106.

7. Сидельникова, М. Л. Морбиальная метафора как средство развенчивания либеральной идеологии в современном политическом дискурсе российских СМИ / М. Л. Сидельникова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 6 (60). — С. 152–155.

8. Сизых, М. М. Военная метафора в рецепции COVID—19 (на материале современного русского медиадискурса) / М. М. Сизых. — Текст : непосредственный // Филологический аспект : междунар. науч.—практ. журн. — 2020. — № 5 (61). — С. 7–14.

9. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика / Т. Г. Скребцова. — Санкт—Петербург : Филологический ф—т СПбГУ, 2011. — 255 с. — Текст : непосредственный.

10. Сунь, Ели. Необходимо продвигать социальную реформу в духе самореволюции при проведении политики реформ и открытости / Сунь Ели. — URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-06/15/c_1122971581.htm. (дата обращения: 06.07.2024) — Текст: электронный.

11. Сунь, И. Новое исследование метафорических механизмов в области теории концептуальной интеграции / Сунь И, Ли Даныян. — Текст : непосредственный // Иностранные языки и перевод. — 2022. — № 1. — С. 41–48.

12. Чжан, Хуэй. Ментальное пространство и концептуальная интеграция: теоретическое развитие и применение / Чжан Хуэй, Ян Бо. — Текст : непосредственный // Вестник Института иностранных языков Народно—освободительной армии Китая. — 2008. — № 1. — С. 7–14.

13. Чи, Фулинь. Открытость — это самая масштабная реформа / Чи Фулинь. — URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2019/0912/c40531-31351384.html> (дата обращения: 29.06.2024). — Текст : электронный.

14. Coulson, S. Fake guns and stone lions: Conceptual blending and Privative adjectives / S. Coulson, G. Fauconnier. — Text : unmediated // *Cognition and function in language*. — Stanford (CA) : CSLI, 1999. — P. 143–158.

15. Fauconnier, G. Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner. — Text : unmediated // *Cognitive Science*. — 1998. — № 22 (2). — P. 133–187.

16. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages* / G. Fauconnier. — Cambridge, 1994. — 240 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Pankrac, Y.G., & Luzina, L.G. (1996). *Concise dictionary of cognitive terms* (Ed. E.S. Kubryakova). Moscow: Filol. fak. MSU, 245 p. (In Russ.)

2. Xi Jinping (2021). *The Governance of China* (Vol. III). Beijing: Foreign languages press, 886 p. (In Russ.)

3. Xi Jinping (2020). *The Governance of China* (Vol. III). Beijing: Foreign languages press, 570 p. (In Chinese)

4. Xu Zhensheng (2002). *Xinhua idiom dictionary*. Beijing: The Commercial Press, 893 p. (In Chinese)

REFERENCES

1. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2008). *Metafora v političeskoj komunikaciji* [Metaphor in political communication]. Moscow: Flinta, Nauka, 248 p. (In Russ.)

2. Chi, Fulin (n.d.). *Opening up is the biggest reform*. Retrieved June 29, 2024, from <http://theory.people.com.cn/n1/2019/0912/c40531-31351384.html> (In Chinese)

3. Coulson, S., & Fauconnier, G. (1999). Fake guns and stone lions: Conceptual blending and Privative adjectives. In *Cognition and function in language* (p. 291). Palo Alto.

4. Fauconnier, G. (1994). *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. Cambridge: Cambridge university press, 190 p.

5. Fauconnier, G., & Turner, M. (1998). Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, 22(2), 133–187.

6. Konovalova, I.V. (2015). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics: textbook]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 124 p. (In Russ.)

7. Koval'chuk, L.P. (2011). Teoriya konceptual'noj integracii G.Fokon'e i M.Terera [The theory of conceptual intergration by G.Fauconnier and M.Turner]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8(1), 97–101. (In Russ.)

8. Lan, Xiyu, & Chen, Jinlong. (2014). Evolution of political discourse of CPC: From revolution, continuous revolution to reform. *Research on socialism with Chinese characteristics*, 1, 101–106. (In Chinese)

9. Sizyh, M.M. (2020). Voennaya metafora v recepcii COVID-19 (na materiale sovremennogo russkogo mediadiskursa) [A military metaphor in the reception of COVID-19 (based on the materials of the modern Russian media discourse)]. *Filologičeskij aspekt: mezhdunar. nauch.-prakt. zhurn.*, 5(61), 7–14. (In Russ.)

10. Sidel'nikova, M.L. (2016). Morbial'naya metafora kak sredstvo razvenchivaniya liberal'noj ideologii v sovremenom političeskom diskurse rossijsknh SMI [Morbial metaphor as a mean of debunking liberal ideology in the modern political discourse of the Russian media]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 6(60), 152–155. (In Russ.)

11. Skrebцова, T.G. (2011). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics: A course of lectures]. Saint-Petersburg: Filologičeskij f—t SPbGU, 255 p. (In Russ.)

12. Sun, I, & Li, Danyang (2022). A new exploration of metaphor mechanism in the field of conceptual integration theory. *Foreign languages and translation*, 1, 41–48. (In Chinese)

13. Sun, Yeli (n.d.). *In oder to realize reform and opening up, we must insist on promoting social revolution through self-revolution*. Retrieved July 6, 2024, from http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-06/15/c_1122971581.htm (In Chinese)

14. Wang, Min'an (2007). *Key words of cultural studies*. Nanjing: Jiangsu people`s publishing house, 528 p. (In Chinese)

15. Wen, Xu (2014). Political discourse and political metaphor. *Temporary foreign languages studies*, 9, 11–16. (In Chinese)

16. Zhang, Hui, & Yang, Bo (2008). Development and application of the theory of mental space and conceptual integration. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, 1, 7–14. (In Chinese)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'42+81'38+81'27+004.738.5
 ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.31.21

Код ВАК 5.9.8

Сун Сюекунь

Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай, song_xue_kun@163.com, <https://orcid.org/0009-0005-5341-7381>

Когнитивно-прагматические аспекты дипломатического дискурса и конструирования имиджа страны в эпоху цифровизации

АННОТАЦИЯ. В условиях стремительного развития информационных технологий методы коммуникации в рамках дипломатического дискурса и стратегии построения национального имиджа претерпевают значительные изменения. Дипломатический дискурс и национальный имидж находятся в тесной взаимосвязи: распространение дипломатического дискурса в эпоху цифровой обработки информации демонстрирует новые характеристики, которые влияют на формирование национального имиджа в различных аспектах. В свою очередь, национальный имидж оказывает влияние на выбор дипломатических стратегий и выражение политических позиций. Дипломатический дискурс испытывает влияние общих процессов дигитализации коммуникации, которые проявляются в следующем: разнообразие каналов связи, интерактивность общения в реальном времени, гибкая конвергенция стилей коммуникации, необходимость мониторинга общественного мнения. В данной статье исследуется модель построения дипломатического дискурса с использованием информационно-цифровых методов гуманитарных наук и ее влияние на национальный имидж. На основе анализа корпуса речей официальных лиц с учетом тенденций дигитализации коммуникации формулируются основные черты данной модели: использование метафор (способствует пониманию и отклику), использование простого языка и разговорного стиля для налаживания эмоциональной связи с аудиторией, использование стратегий интертекстуальности. Кроме того, отмечается необходимость повышения интерактивности, привлечения усилий общественности с ее обратной связью, задействование средств мультимодальности (включая текст, изображение, видео, аудио и т. д.). Результаты исследования показывают, что эффективное применение данной модели может способствовать положительному формированию имиджа страны, а также развитию международного сотрудничества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, цифровые технологии, цифровой поиск информации, дипломатический дискурс, дипломатические документы, национальный имидж, внешняя коммуникация, цифровая дипломатия, интерактивность дискурса, мультимодальная коммуникация, социальные сети, информационные технологии, мониторинг общественного мнения, кибербезопасность, инновационные коммуникационные стратегии, международные отношения, международное сотрудничество.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сун Сюекунь, постдокторант мобильной научно-исследовательской станции по иностранным языкам и литературе Хэйлунцзянского университета, Харбин, Китай.

БЛАГОДАРНОСТИ. Данная статья является поэтапным результатом проекта планирования исследований в области философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян 2023 года «Сравнительное исследование стратегий российского и китайского дипломатического дискурса с точки зрения когнитивной прагматики» (№ 23YUC307).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сун, Сюекунь. Когнитивно-прагматические аспекты дипломатического дискурса и конструирования имиджа страны в эпоху цифровизации / Сун Сюекунь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 303-309.

Song Xuekun

Heilongjiang University, Harbin, China, song_xue_kun@163.com, <https://orcid.org/0009-0005-5341-7381>

Cognitive-Pragmatic Aspects of Diplomatic Discourse and the Construction of National Image in the Era of Digitalization

ABSTRACT. In the context of the rapid development of information technologies, the communication methods within the framework of diplomatic discourse and the strategies for construction of the national image are undergoing a significant change. Diplomatic discourse and national image are closely interrelated: the spread of diplomatic discourse in the era of digital information processing demonstrates new characteristics that affect the formation of the national image in various aspects. In turn, the national image influences the choice of diplomatic strategies and the expression of political positions. Diplomatic discourse is influenced by the general processes of digitalization of communication, which are manifested in the following: a variety of communication channels, interactivity of communication in real time, flexible convergence of communication styles, and the need to monitor public opinion. This article examines the model of construction of diplomatic discourse using information-digital methods of the humanities and the impact of this model on the national image. Based on the analysis of the corpus of speeches of officials, taking into account the tendency towards digitalization of communication, the author formulates the main features of this model: use of metaphors (promotes understanding and response), use of simple language and colloquial style to establish emotional feedback with the audience, and use of intertextual strategies. In addition, the study highlights the need to increase interactivity, involve the efforts of the public with its feedback, and use the multimodal means (including text, image, video, audio, etc.). The results of the study show that the effective application of this model can contribute to the formation of the positive image of the country and may enhance international cooperation.

© Сун Сюекунь, 2024

KEYWORDS: *political discourse, digital technologies, digital information search, diplomatic discourse, diplomatic documents, national image, external communication, digital diplomacy, interactivity of discourse, multimodal communication, social networks, information technologies, monitoring public opinion, cybersecurity, innovative communication strategies, international relations, international cooperation.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Song Xuekun, Post-Doctoral Student of Mobile Research Station in Foreign Languages and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The article presents a stage of the 2023 research project in the field of philosophy and social sciences of the Province of Heilongjiang “Comparative Research of the Strategies of Russian and Chinese Diplomatic Discourse from the Perspective of Cognitive Pragmatics” (№ 23YYC307).

FOR CITATION: *Song Xuekun. (2024). Cognitive-Pragmatic Aspects of Diplomatic Discourse and the Construction of National Image in the Era of Digitalization. In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 303-309. (In Russ.).*

Со стремительным наступлением цифровой эпохи человеческое общество пережило коренные изменения, на многих уровнях переформатировавшие способы, которыми люди воспринимают мир. Глубокая интеграция цифровых технологий во все аспекты социальной жизни породила новые идеи и модели, что, в свою очередь, способствовало непрерывному развитию человеческого общества по пути трансформации в цифровое общество. Особенно в сфере дипломатии быстрое развитие и широкое применение цифровых технологий кардинально обновило способы коммуникации и передачи информации. Таким образом, концепция «цифровой дипломатии» возникла как ответ на эти изменения. По сравнению с традиционными методами дипломатии, цифровая дипломатия демонстрирует ярко выраженные новые черты, и система дипломатического дискурса в цифровую эпоху также испытала глубокие изменения. Эти трансформации органично интегрированы в дипломатические стратегии, способствуя восходу цифровой дипломатии на глобальном уровне и приводя к беспрецедентным возможностям и вызовам. На фоне глобализации воздействие цифровых технологий формирует новую реальность международных отношений и практик внешней политики.

Данная работа посвящена исследованию значительных изменений, происходящих в методах распространения дипломатического дискурса и построения национального имиджа в условиях стремительного развития информационных технологий и цифровизации. В эпоху глобализации и цифровой обработки информации традиционные подходы к дипломатической коммуникации подвергаются трансформации, становясь более интерактивными и мультимодальными, что требует глубокого анализа и переосмысления практик. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания того, как цифровые технологии влияют на процесс формирования национального имиджа, а также обратного воздействия этих изменений на выбор и формирование дипломатических стратегий.

Целью исследования является анализ влияния цифровых технологий на дипломатический дискурс и его роль в построении национального имиджа. Основные исследовательские вопросы включают следующие: каким образом распространение дипломатического дискурса в эпоху цифровой обработки информации влияет на формирование национального имиджа? Как изменения в национальном имидже отражаются на выборе дипломатических стратегий и средств их выражения?

Для достижения поставленных целей и решения исследовательских задач применяются как качественные, так и количественные методы анализа, включая инструментарий цифровых гуманитарных наук. В ходе исследования проводится анализ конкретных случаев и данных, что позволяет сделать выводы о том, каким образом эффективно использование цифровых технологий в дипломатическом дискурсе способствует укреплению положительного имиджа страны на международной арене.

Структура работы включает следующие разделы: введение, в котором обосновывается актуальность темы и формулируются цели и задачи исследования; обзор литературы и изложение теоретических основ; методология исследования и анализ данных; результаты исследования и их обсуждение; заключение, содержащее выводы и рекомендации для дальнейших исследований и практической деятельности.

1. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

Эпоха, или эра, искусственного цифрового интеллекта отмечена быстрым развитием информационных технологий, особенно широким применением таких технологий, как Интернет, большие данные и искусственный интеллект, которые сильно изменили способ получения информации. Эта эпоха с распространением технических новшеств ускорила процесс глобализации и оказала глубокое влияние на сферу дипломатии. В этом контексте распространение дипломатического дис-

курса не только связано со взаимодействием и сотрудничеством между странами, но и напрямую влияет на построение национального имиджа и формирование познавательной базы международного сообщества. Дипломатическое дискурсивное общение в эпоху цифровой обработки данных имеет следующие существенные особенности.

(1) Разнообразие каналов связи

Эпоха цифровой обработки информации предоставляет разнообразные каналы связи для дипломатического дискурса, включая традиционные средства массовой информации и новые цифровые платформы. Распространение дипломатического дискурса, подстегиваемое технологиями, приводит к появлению широкой сети распространения информации. Телевизионные СМИ, такие как *News Network*, открыли аккаунты с короткими видео или публичные аккаунты. Эти новые каналы повысили эффективность распространения дипломатической информации, расширили аудиторию и сделали дипломатический дискурс из области, недоступной для обывателей, более жизненным и конкретным.

(2) Интерактивность общения в реальном времени

С появлением социальных сетей и онлайн-платформ широкая общественность все чаще участвует в распространении и обсуждении дипломатического дискурса. Это означает, что при построении дипломатического дискурса необходимо учитывать не только взаимодействие между правительствами, но также реакцию и чувства аудитории. Аудитория стала важным фактором в создании и интерпретации дипломатического дискурса.

(3) Конвергенция гибкой коммуникации

«Дипломатические отношения между странами зависят от близости между их народами». Преодоление психологической дистанции между людьми в каждой стране является важной задачей в современном дипломатическом дискурсе. Гибкая коммуникация относится к методу коммуникации, ориентированному на аудиторию и обращающему внимание на психологические аспекты аудитории. Он часто использует увлекательные истории, яркие метафоры и цитаты прецедентных текстов, в частности пословицы, из целевой страны для достижения конвергенции дипломатического дискурса и построения инклюзивного и гармоничного дипломатического имиджа, чтобы добиться признания.

(4) Необходимость мониторинга общественного мнения

В эпоху цифровой обработки данных также приходится сталкиваться с проблема-

ми, связанными с ложной информацией и негативным общественным мнением. Стране необходимо использовать технические средства для выявления ложной информации и мониторинга общественного мнения, принимать эффективные меры по управлению информационной безопасностью в киберпространстве, обеспечивать подлинность и авторитетность дипломатического дискурса, поддерживать имидж и международную репутацию страны.

Исследования дипломатической дискурсивной коммуникации в новую эпоху сталкиваются с инновациями в методах и подходах исследования. Как отметил Ху Кайбао: «Академическое сообщество должно энергично проводить исследования связи дипломатического дискурса крупной страны с китайской спецификой, создавать теоретическую основу для исследований связи дипломатического дискурса крупной страны с китайской спецификой, активно продвигать применение методов цифровых гуманитарных наук и проведение исследований по связи мультимодального дискурса с китайской спецификой, чтобы расширить и углубить исследования международной коммуникации дипломатического дискурса крупных стран с китайской спецификой, обеспечить теоретическую поддержку международной связи средствами дипломатического дискурса крупной страны с китайской спецификой, а также способствовать обеспечению международного коммуникационного потенциала дипломатического дискурса Китая в новую эпоху».

Генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил на 30-м коллективном учебном заседании Политбюро ЦК КПК, что «необходимо усилить структуру проектирования и исследований на высшем уровне, построить систему стратегических коммуникаций с характерными китайскими особенностями» и «придерживаться положений китайской культуры, а также уточнить и отобразить духовное знамя китайской цивилизации и культурную сущность, а также ускорить построение китайского дискурса и китайской повествовательной системы». Это означает, что построение новой системы внешнего дискурса и трансформация международной коммуникации были подняты на новый уровень национальной стратегии.

С быстрым развитием технологий больших данных и искусственного интеллекта гуманитарные исследования вступили в эпоху цифрового интеллекта. Органическая интеграция цифровых технологий и гуманитарных и социальных исследований привела к возникновению новой области цифровых гуманитарных наук. С точки зрения цифро-

вых гуманитарных наук, изучение дипломатического дискурса приобрело новые тенденции, с более разнообразными коммуникативными путями и большим акцентом на интерактивность и эмоциональную передачу дискурса. В то же время с помощью цифровых технологий визуальные средства могут быть использованы для раскрытия глубинных законов языка. При этом, будучи мощным оружием в построении национального имиджа, дипломатический дискурс играет решающую роль в многовековой миссии по распространению голоса Китая и повышению его международного статуса.

2. МНОГОПЛАНОВОЕ ПОСТРОЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА

Гуань Вэньху указывал: «Имидж страны — это комплекс. Это общая оценка и признание внешней общественностью страны и внутренней общественностью самой страны, ее действий, ее деятельности и ее результатов» [Guan Wenhu 2000].

Особенно важны для дипломатии признание, оценка и репутация страны в международном сообществе. Этот имидж определяется не только объективными факторами, такими как политическое поведение страны, уровень экономического развития и культурная «мягкая сила», но также зависит от субъективных факторов, таких как интерпретация и восприятие со стороны внешнего мира определенного поведения и действий. Понять имидж страны — значит осознать, что он является не только отражением силы и поведения страны, но и результатом понимания и оценки этих сильных сторон и поведения международным сообществом.

Дипломатический дискурс как голос страны на международной арене является ключевым инструментом формирования, распространения, поддержания и даже изменения имиджа страны. Дипломатический дискурс и национальный имидж имеют двустороннюю конструктивную взаимосвязь: с одной стороны, существующий национальный имидж будет влиять на формулирование и распространение дипломатического дискурса; с другой стороны, изменения в дипломатическом дискурсе, в свою очередь, корректируют и изменяют национальный имидж. В эпоху цифрового интеллекта эта связь стала более тесной и многомерной благодаря развитию информационных технологий и изменению моделей коммуникации. Дипломатический дискурс напрямую влияет на построение имиджа страны через его содержание и стиль. Эти дискурсы отражают ценности страны, политические позиции, культурные особенности и уровень социального развития и являются основной ос-

новой для понимания и оценки страны международным сообществом.

Дипломатический дискурс является прямым выражением национальной политики и позиций. Будучи важным аспектом построения национального имиджа, дипломатический дискурс может прояснить позицию страны и ее политический выбор по основным международным вопросам, позиционировать ее международный статус и определить ее обязанности. Кроме того, дипломатический дискурс также является передатчиком национальной культуры и ценностей. Продвигая культурные элементы и ценности в дипломатическом дискурсе, страны могут создать уникальный культурный и ценностный имидж в международном сообществе и способствовать межкультурному обмену и признанию ценностей.

Интерактивность дипломатического дискурса делает построение национального имиджа динамичным процессом. Страны не только передают свой имидж международному сообществу посредством дипломатического дискурса, но также корректируют и оптимизируют свои собственные дипломатические дискурсы и стратегии построения имиджа, наблюдая и анализируя обратную связь со стороны международного сообщества. Формирование национального имиджа — это сложный и долгосрочный процесс, который требует от страны продолжения напряженной работы во всех аспектах для содействия созданию положительного имиджа в международном сообществе, повышения ее международного статуса и усиления международного влияния.

3. ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

Органическая интеграция цифровых гуманитарных наук и дискурсивных исследований имеет важное теоретическое и методологическое значение: с одной стороны, что касается лингвистических онтологических исследований, то присущая им логика и научная систематичность определяют необходимость и целесообразность их перекрестной интеграции с естествознанием. С приоритетом лингвистической теории качественный анализ языковых средств и дискурсивных стратегий конкретных типов дискурса может помочь проанализировать обоснование возникновения дискурса и сформировать модель построения дискурса; в то же время новые методы количественного анализа могут предоставить убедительные статистические выборки, а в информационном обеспечении количественный анализ языко-

вых средств конкретных типов дискурса имеет большое практическое значение. Объединив новые характеристики дипломатического дискурса в эпоху цифровой обработки данных и проанализировав речевой корпус китайских лидеров и представителей Министерства иностранных дел на международных мероприятиях, мы резюмировали следующую модель построения дипломатического дискурса.

(1) Используйте метафоры, чтобы способствовать пониманию и резонансу

Метафора как мощный языковой инструмент может вызвать отклик у реципиентов дипломатического дискурса, упростить сложные международные отношения и дать наглядное объяснение абстрактной политике и позициям. В эпоху цифрового интеллекта использование метафор стало более точным и направленным, нацеленным на создание позитивного национального имиджа и усиление или смягчение передачи определенных политических сообщений. Например, внешнюю политику мира и сотрудничества сравнивают с «мостом» или «связью», чтобы подчеркнуть важность связи и единства. В 2021 г. Ван И отметил в интервью, что Китай будет неуклонно углублять взаимовыгодное сотрудничество с развивающимися странами, настаивать на помощи друг другу, совместно строить «иммунный барьер», придерживаться принципов взаимной выгоды и обоюдности, совместно создавать «мир развития», служить его «двигателем»; придерживайтесь правдивости, близости и добросовестности, вместе возводить «мост дружбы». В этом отрывке министр иностранных дел Ван И использовал метафоры «барьер», «двигатель» и «мост», а также образы обычных вещей в жизни, чтобы наглядно передать готовность Китая объединить усилия с развивающимися странами и расширить практическое сотрудничество, отобразить дружеские чувства к народам всех стран и построить позитивный имидж ответственной державы.

(2) Используйте «приземленный» язык для построения эмоциональных связей

Эпоха цифровой обработки информации позволяет и требует диверсификации и адаптации языковых стилей для соответствия различным каналам коммуникации и целевым аудиториям. Формальный, официальный стиль подходит для традиционных дипломатических заявлений и соглашений, тогда как более разговорный, неформальный стиль лучше подходит для социальных сетей и прямого взаимодействия с общественностью. Эта стратегическая корректировка стиля по-

могает повысить оптимальность и приемлемость содержания дискурса, а также повысить его эффективность. Например, председатель Си Цзиньпин в своей речи на совместном приветственном банкете американских групп дружбы сказал: «Когда я впервые посетил Соединенные Штаты, я остановился в доме господина и госпожи Дворчак в Айове. Я до сих пор помню, что дом номер был Бонни-стрит, № 2911», «Я жил и работал с фермерами в маленькой деревне на севере провинции Шэньси, когда мне было меньше 16 лет. Я знаю, о чем беспокоятся люди и на что они надеются». В дипломатических ситуациях появляются, казалось бы, обыденные слова, которые, с одной стороны, создают непринужденную атмосферу общения, а с другой — конструируют образ лидеров как «народолюбивых» и «приземленных». Судя по реакции людей и средств массовой информации посещающих стран, дискурсивная стратегия председателя Си Цзиньпина, основанная на использовании точки зрения простых людей и равном тоне, уменьшила ощущение навязывания дискурса, повысила близость и способствовала установлению эмоциональных связей с людьми.

(3) Используйте интертекстуальные стратегии для построения повествовательных моделей

Интертекстуальность относится к взаимной отсылке и диалогу между текстами. Феномен интертекстуальности особенно важен для построения повествовательных моделей в дипломатическом дискурсе. Цитируя или намекая на международно признанные культурные символы, исторические события или классические документы, дипломатический дискурс может найти отклик в более широком культурном и интеллектуальном контексте и способствовать межкультурному взаимопониманию и общению. В 2023 г., когда Си Цзиньпин встретился с представителями молодежи и дружественных представителей общественности из Китая и Вьетнама, он процитировал вьетнамскую поговорку «Мир постоянно меняется, но только сердце сильно», подчеркнув трудный путь и славные достижения развития. Он сократил дипломатическую дистанцию с вьетнамским народом и призвал два народа укреплять единство и сотрудничество, взяться за руки, чтобы следовать своим социалистическим путем и совместно вносить большой вклад в обеспечение фундамента человеческого прогресса. Использование интертекстуальных стратегий не только демонстрирует уважение и понимание культур других стран, но и помогает строить международные отношения, основанные на общих ценностях и исторической памяти.

В нынешней сложной обстановке междуна-родного общественного мнения междуна-родная коммуникация была поднята на но-вый уровень национальной стратегии. В ко-нечном счете международная коммуникация реализуется с помощью дискурса, поэтому важной задачей ученых-языковедов являет-ся построение и проведение углубленного исследования всесторонней, многопредмет-ной и многоканальной дискурсивной систе-мы Китая в аспекте международной связи.

4. ПУТЬ К ПОСТРОЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Модель дипломатического дискурса в кон-тексте эпохи цифровой обработки информа-ции оказывает важное влияние на построение национального имиджа. Изменения в страте-гиях дискурса значительно повысили установ-ление эмоциональной сплоченности, выраже-ние близости и интерактивность дипломатиче-ского дискурса. Основываясь на характеристи-ках нового дипломатического дискурса, по-строение национального имиджа также полу-чило всесторонние инновации в аспектах формирования субъектов, формирования каналов и средствах формирования.

(1) Сочетание «самоформирования» и «формирования других»

«Самоформирование» (формирование сво-его образа) и «формирование другого» нацио-нального образа взаимно влияют друг на дру-га и взаимодействуют, обеспечивая взаимопо-нимание и взаимоуважение. Так формируется новая модель общения с признанием взаимо-зависимости.

В важной речи, произнесенной на партий-ном симпозиуме по работе с прессой и обще-ственным мнением, генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил, что Китай испытывает «дефицит» в потоке информации в мире и за его пределами, «контраст» между истинным имиджем Китая и субъективным впечатлением Запада: «мягкая сила» и «жесткая сила» дейст-вуют дисгармонично, формируя «разрыв» в си-ле. В значительной степени имидж Китая в мире по-прежнему «формируется другими», а не «са-мостоятельным» дискурсом. Поэтому мы долж-ны приложить большие усилия для укрепления потенциала международной коммуникации и ус-корить усиление международного влияния ки-тайского дискурса, чтобы весь мир мог ясно слышать и воспринимать голос Китая.

(2) Повысить интерактивность и участие общественности по нескольким каналам

В эпоху цифровой обработки информа-ции дипломатия больше не является одно-

сторонним распространением информации, превратившись в двусторонний или даже многосторонний интерактивный процесс. Социальные сети и цифровые платформы стали важными каналами дипломатического общения. Такая интерактивность помогает создать более позитивный и гуманный на-циональный имидж. Обмениваясь мульти-культурным контентом и проводя онлайн-проекты культурного обмена, страны могут продемонстрировать свое культурное раз-нообразие и инклюзивность, улучшить пони-мание и благосклонность других стран и их народов, помочь сформировать позитивный и гармоничный международный имидж и способствовать межкультурному общению.

(3) Мультимодальное построение национального имиджа

Мультимодальное построение нацио-нального имиджа — это стратегия, которая комплексно использует множество режимов коммуникации и медиасредств, включая текст, изображения, видео, аудио и т. д., для всестороннего и трехмерного отображения национального имиджа. В условиях глобали-зации и информационного века эта мульти-модальная стратегия имеет большое значе-ние для эффективного построения и распро-странения национального имиджа и помога-ет построить более полный и трехмерный национальный имидж. В марте 2024 г. поя-вился рекламный видеоролик CHN в Между-народной сети изображений китайской цивилизации, выпущенный *People's Daily New Media* в форме 15 версий на иностранных языках, представляющих элементы китай-ской цивилизации в многоязычной и визу-альной форме и предлагающих эту цивили-зацию миру для постижения более интуи-тивным путем («Блеск китайской цивилиза-ции»). Представитель Министерства ино-странных дел Ван Вэньбинь распространил видео в социальных сетях, что вызвало бур-ные дискуссии среди пользователей Сети в стране и за рубежом, позволив миру оценить жизнеспособность древней цивилизации и почувствовать основу уверенности и источ-ник силы китайской нации.

Эпоха цифровой обработки данных от-крывает новые возможности и задачи для по-строения национального имиджа. Как отметил профессор Ян Минсин, обсуждая многомерное построение имиджа дипломатии державы с китайской спецификой, необходимо «консо-лидировать объективный исходный образ ди-пломатии державы с китайской спецификой, продвигать многоязычные, интегрированные средства массовой информации и мультимо-дальную коммуникацию самоформируемого дипломатического имиджа Китая; обратите

внимание на самоформирование. Интеграция и руководство дипломатическим имиджем Китая в формировании дипломатического имиджа Китая полностью разрушили стереотипы и предрассудки западных стран в отношении дипломатии Китая».

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С наступлением эпохи цифровой обработки информации распространение дипломатического дискурса и построение национального имиджа получают беспрецедентные возможности и проблемы. Исследования показывают, что развитие цифровых технологий значительно расширило каналы коммуникации дипломатического дискурса, повысило его интерактивность и актуальность, а также выдвинуло новые требования к мониторингу общественного мнения и отсеиванию ложной информации.

Эффективное распространение дипломатического дискурса и построение национального имиджа не только зависят от использования технологий, но также требуют стратегического планирования и гуманистического подхода. Эпоха цифровой обработки данных требует от страны поддерживать эффективность и широту распространения информации, уделяя при этом внимание качеству и глубине содержания распространения и реальному взаимодействию с общественностью. Позитивное построение имиджа страны должно быть основано на правдивом, прозрачном и ответственном распространении информации, отражающей истинное положение страны и ее ценностные предложения, чтобы завоевать доверие и уважение международного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисова, Н. В. Дипломатический дискурс в условиях глобализации / Н. В. Борисова. — Москва : Изд-во МГУ, 2015. — Текст : непосредственный.
2. Глазунова, М. А. Влияние медиатизации на международные отношения и дипломатический дискурс / М. А. Глазунова. — Текст : непосредственный // Международные исследования. — 2018. — № 9 (1). — С. 44–57.
3. Гуань, Вэньху. Национальная теория изображения / Гуань Вэньху. — Чэнду : Университет электронных наук и технологий, 2000. — Текст : непосредственный.
4. Иванов, А. И. Концепция национального имиджа в политическом дискурсе / А. И. Иванов. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета. — 2017. — № 5 (4). — С. 34–47.
5. Николаева, Т. П. Социальные сети и формирование национального имиджа в современном мире / Т. П. Николаева. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. — 2016. — № 12 (3). — С. 101–112.
6. Смирнова, Е. В. Цифровая трансформация и дипломатия: влияние цифровых технологий на дипломатические коммуникации / Е. В. Смирнова. — Текст : непосредственный

ный // Дипломатия и международные отношения. — 2019. — № 10 (2). — С. 22–29.

7. Ху, Кайбао. Исследование связи дипломатического дискурса крупной страны с китайской спецификой: проблемы, текущая ситуация и будущее / Ху Кайбао, Ду Сянгао. — Текст : непосредственный // Преподавание иностранных языков. — 2023. — № 6.

8. Чесноков, И. В. Методы анализа дипломатического дискурса в цифровую эпоху / И. В. Чесноков. — Москва : Логос, 2020. — Текст : непосредственный.

9. Ян, Минсин. Многомерное построение дипломатического имиджа крупной страны с китайской спецификой / Ян Минсин, Ма Хуэйфэн. — Текст : непосредственный // Zhongzhou Academic Journal. — 2021. — No 09.

10. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. — Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. — Text : unmediated.

11. Dijk, T. A. Van. Discourse and Power / T. A. Van Dijk. — London : Palgrave Macmillan, 2008. — Text : unmediated.

12. Fairclough, N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough. — London : Routledge, 2003. — Text : unmediated.

13. Wodak, R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean / R. Wodak. — London : SAGE Publications, 2015. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Borisova, N.V. (2015). *Diplomaticheskij diskurs v usloviyakh globalizatsii* [Diplomatic discourse in the context of globalization]. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.)
2. Glazunova, M.A. (2018). Vliyaniye mediatizatsii na mezhdunarodnye otnosheniya i diplomaticheskij diskurs [The influence of mediatization on international relations and diplomatic discourse]. *Mezhdunarodnye issledovaniya*, 9(1), 44–57. (In Russ.)
3. Guan, Wenhua (2000). *Natsional'naya teoriya izobrazheniya* [National image theory]. Chendu: Universitet elektronnykh nauk i tekhnologii. (In Russ.)
4. Ivanov, A.I. (2017). Kontseptsiya natsional'nogo imidzha v politicheskom diskurse [The concept of national image in political discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(4), 34–47. (In Russ.)
5. Nikolaeva, T.P. (2016). Sotsial'nye seti i formirovaniye natsional'nogo imidzha v sovremennom mire [Social networks and the formation of national image in the modern world]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12(3), 101–112. (In Russ.)
6. Smirnova, E.V. (2019). Tsifrovaya transformatsiya i diplomatiya: vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na diplomaticheskie kommunikatsii [Digital transformation and diplomacy: the impact of digital technologies on diplomatic communications]. *Diplomatiya i mezhdunarodnye otnosheniya*, 10(2), 22–29. (In Russ.)
7. Hu, Kaibao, & Du Xiangtao (2023). Issledovanie svyazi diplomaticheskogo diskursa krupnoy strany s kitayskoy spetsifikoy: problemy, tekushchaya situatsiya i budushchee [A study of the relationship between the diplomatic discourse of a large country and Chinese characteristics: problems, current situation and future]. *Prepodavaniye inostrannykh yazykov*, 6.
8. Chesnokov, I.V. (2020). *Metody analiza diplomaticheskogo diskursa v tsifrovuyu epokhu* [Methods of analyzing diplomatic discourse in the digital age]. Moscow: Logos. (In Russ.)
9. Yang, Mingxing, & Ma Huifeng (2021). Mnogomernoe postroeniye diplomaticheskogo imidzha krupnoy strany s kitayskoy spetsifikoy [Multidimensional construction of the diplomatic image of a large country with Chinese characteristics]. *Zhongzhou Academic Journal*, 09.
10. Castells, M. (2010). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
11. Van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and Power*. London: Palgrave Macmillan.
12. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge.
13. Wodak, R. (2015). *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: SAGE Publications.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).

Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.161.1'42+808.51+81'27

ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55+ШП00.621

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Чанг Джуй Ченг

Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Китай, jack11813@yandex.ru

Анализ метафоры пути в политическом дискурсе (на материале Послания В. В. Путина Федеральному собранию 2023 г.)

АННОТАЦИЯ. В статье впервые предпринята попытка проанализировать особенности использования метафоры пути на материале Послания Владимира Путина Федеральному собранию 21 февраля 2023 года. Цель статьи заключается в выявлении того, как президент России с помощью метафоры пути описывает развитие страны на фоне военного конфликта с Украиной и санкций в отношении России, а также достигает поставленных коммуникативных целей. Теоретической базой исследования послужила теория метафорического моделирования. Выбор текста обусловлен тем, что обращение президента к Федеральному собранию считается одним из важнейших политических событий года. В ходе исследования нами была выделена наиболее широко использованная в Послании метафорическая модель «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЬ», а также были охарактеризованы фреймы и слоты названной модели. В. В. Путин использовал метафору пути с целью осветить внутреннюю и внешнюю политику страны, повысить уровень доверия народа к органам государственной власти, а также оказать влияние на общественное сознание через внушение идеи о необходимости консолидации. Результаты исследования могут быть применены в курсах по когнитивной лингвистике и политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, политические метафоры, фреймы, слоты, политические деятели, российские президенты, послания президентов, политические тексты, речевые жанры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чанг Джуй Ченг, кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славистики, Государственный университет Чжэнчжи; No. 64, Sec. 2, ZhiNan Rd., Wenshan District, Taipei City 11605, China, Taiwan (Department of Slavic Languages & Literatures, NCCU); email: jack11813@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чанг Джуй Ченг. Анализ метафоры пути в политическом дискурсе (на материале Послания В. В. Путина Федеральному собранию 2023 г.) / Чанг Джуй Ченг. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 310-317.

В основе статьи лежит материал доклада, прочитанного на VIII межвузовской научно-практической конференции «Проблемы изучения и преподавания русского языка и культуры». (г. Тайбэй, Университет китайской культуры, факультет русского языка и литературы, 27 мая 2023 г.).

Chang Jui-cheng

National Chengchi University, Taipei City, China, jack11813@yandex.ru

An Analysis of the Way Metaphor in Political Discourse (On the Material of V. V. Putin's 2023 Presidential Address to the Federal Assembly)

ABSTRACT. For the first time, the article attempts to analyze the specific features of using the metaphor of the way based on the material of V.V. Putin's Address to the Federal Assembly on February 21, 2023. The aim of the article is to identify how the President of Russia, using the metaphor of the way, describes the development of the country against the background of the military conflict with Ukraine and sanctions against Russia, and also achieves the communication goals set. The theoretical basis of the research is made up by the theory of metaphorical modeling. The choice of the text is due to the fact that the Presidential Address to the Federal Assembly is considered one of the most important political events of the year. In the course of the study, the author identified the metaphorical model "THE DEVELOPMENT OF the COUNTRY is the WAY", which was most widely used in the Address, and also characterized the frames and the slots of this model. V.V. Putin used the metaphor of the way in order to highlight the home and foreign policy of the country, increase the level of people's trust in public authorities, as well as influence on the public consciousness through the suggestion of the idea of the need for consolidation. The results of the study can be applied in courses of cognitive linguistics and political communication.

KEYWORDS: political discourse, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, language units, political metaphors, frames, slots, politicians, Russian presidents, presidential addresses, political texts, speech genres.

AUTHOR'S INFORMATION: Chang Jui-cheng, Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi University, Taipei City, China.

FOR CITATION: Chang Jui-cheng. (2024). An Analysis of the Way Metaphor in Political Discourse (On the Material of V. V. Putin's 2023 Presidential Address to the Federal Assembly). In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 310-317. (In Russ.).

A concise variant of the article was delivered as a report at the VIII Interuniversity Scientific and Practical Conference “Problems of Studying and Teaching the Russian Language and Culture” (Taipei, Chinese Culture University, Department of Russian Philology, May 27, 2023.

В последние десятилетия внимание современных исследователей привлекает к себе политический дискурс [Гаврилова 2004, 2005, 2009; Демьянков 2002: 32–43; Ильин 2002: 7–19; Михалёва 2009; Чудинов 2001, 2003; Шейгал 2000; Dijk 1998: 12–13]. Вслед за Е. И. Шейгал под политическим дискурсом мы понимаем «семиотическое пространство дискурса, которое охватывает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний и текстов, набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа общения» [Шейгал 2000: 26]. По мнению исследователя, относительно семиотической триады «ориентация — интеграция — агональность» структурируется жанровое пространство политического дискурса: ориентационные (партийная программа, Послание президента о положении страны), ритуальные (юбилейная речь, инаугурационная речь) и агональные (лозунг, дебаты) жанры [там же: 323]. В настоящей статье основное внимание уделяется изучению Послания Федеральному собранию.

Послание Федеральному собранию принадлежит к «ориентационным жанрам, представляющим собой тексты информационно-прескриптивного характера» [там же: 323]. Обращение президента к Федеральному собранию считается одним из важнейших политических событий года. Глава государства, как указывает М. В. Гаврилова, «обращает внимание аудитории на предстоящие трудности, ставит задачи перед представителями государственной власти. Приоритеты развития страны, которые обозначены в Послании, являются важными ориентирами как для Федерального Собрания, так и для Правительства» [Гаврилова 2013: 111]. Вместе с тем следует отметить, что президент, оглашая Послание Федеральному собранию, обращается не только к представителям органов государственной власти, но и ко всем гражданам страны.

С целью разъяснить трудные для понимания и решения внешне- и внутривнутриполитические ситуации, а также оказать на адресата определенное эмоциональное воздействие президент прибегает к различным средствам, одним из которых является метафора. Изучая политические метафоры, А. П. Чудинов убедительно отмечает, что «при метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто ис-

пользует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы» [Чудинов 2003: 53]. Роль метафорических моделей в политическом дискурсе не выходит из поля зрения исследователей. Как полагают А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич, «характер использования политиком тех или иных метафорических моделей в определенной степени может использоваться в прогнозировании процессов принятия решений» [Баранов, Казакевич 1991: 30–31]. Из сказанного следует, что анализ метафорических моделей, используемых в политическом, в частности в президентском дискурсе, способствует выявлению главных прогнозов развития событий.

Теоретической базой исследования послужила теория метафорического моделирования. Согласно этой теории, «метафорическая модель — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить формулой: „X — это Y“. В соответствии с этой формулой фреймо-слотовая система области источника служит основой для моделирования ментальной системы области цели» [Чудинов 2003: 70]. Под фреймом нами понимается «объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете, явлении или ситуации» [Попова, Стернин 2010: 119], а под слотами понимаются «элементы ситуации, составляющие какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации» [Чудинов 2003: 71]. При анализе какой-л. метафорической модели необходимо выявить компоненты, «связывающие первичные в области источника и метафорические в области цели смыслы охватываемых данной моделью единиц» [там же: 72].

В последнее время в современной лингвистической науке наблюдается усиление интереса к изучению метафорических моделей, используемых в дискурсе В. В. Путина. Согласно результатам проведенных исследований, политический деятель в своих публичных выступлениях прибегает к использованию таких метафор, как милитарная, артефактная, спортивная, зооморфная метафоры, при характеристике терроризма, пандемии COVID-19 и социально-экономического развития страны [Балашова 2020: 777–800; Балашова 2021: 12–24; Гаврилова 2004; Лю Лифэнь, Хуан Чжунлянь 2022: 126–134; Фэй Цзюньхуэй 2018: 101–105]. Однако до сих пор не проведено специального исследования, посвященного анализу особенно-

стей использования метафор в Послании В. В. Путина Федеральному собранию 2023 г. Этим объясняется актуальность предлагаемого исследования.

21 февраля 2023 г. В. В. Путин впервые после начала военного конфликта с Украиной огласил Послание Федеральному собранию [Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>], в котором особое внимание уделено, с одной стороны, если речь идет о государстве, ускорению развития страны, преодолению трудностей, вызванных санкциями в отношении России, и установлению курса на укрепление сотрудничества с Востоком, а с другой, если речь идет о гражданах страны, — принятию решения покинуть родину или остаться вместе с ней. Анализ Послания показал, что в нем наиболее предпочтительной и продуктивной является метафора с понятийной сферой «путь». Цель данной статьи — выявить то, как В. В. Путин использовал метафору пути как для описания развития страны в условиях вооруженного конфликта между Россией и Украиной, масштабных экономических ограничений против России, так и для достижения поставленных прагматических целей.

Лексема *путь*, репрезентирующая концепт «ПУТЬ» (под концептом понимается «ментальное образование, которое является единицей мышления, обладает относительно упорядоченной внутренней структурой, представляет собой результат познавательной деятельности личности и общества и несет комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении» [Попова, Стернин 2010: 34]), образована от индоевропейского корня **pont-*. Этот корень, по мнению М. Фасмера, означает «преодоление, дорога, изобилующая опасностями» [Фасмер 1986: 413]. В современных толковых словарях русского языка фиксируются следующие переносные значения лексемы *путь*: 1) «направление деятельности, развития кого-л.»; 2) «способ достижения чего-л.»; 3) «жизнь человека, ее течение»; 4) «возможность проникнуть куда-л.» [БАС 1961: 1755–1760; МАС 1987: 565; Ушаков 1939: 1079–1080; Кузнецов 2000: 1049]. Отсюда видно, несмотря на то, что путь полон опасностей, их преодоление может привести к новым возможностям. В этой связи нельзя не согласиться с мнением В. Н. Топорова о том, что «в конце пути находятся высшие сакральные ценности, признаваемые данной моделью мира, или опасности, которые, будучи преодолены, открывают доступ к этим сакральным ценностям и связанному с ними изменению статуса» [Топоров 2014: 187].

Концепт «ПУТЬ» имеет такие компоненты содержания, как «участники путешествия», «маршрут», «способы движения», «виды транспорта», «движение в пространстве», «скорость», «устранение препятствий» и «достижение конца». Содержание концепта «ПУТЬ» в значительной степени соответствует сути развития страны: единство общества, поиск союзников, определение приоритетных направлений реформ, поддержание установленных темпов прогресса, сохранение правильного направления развития при помощи целевых ориентиров, преодоление препятствий и достижение целей. В связи с этим развитие страны нередко метафорически представляется как путь [Гаврилова 2004; Карамова 2013: 124–129; Рябкова 2011: 26–35; Рябкова 2014; Чудинов 2001; Ryazanova-Clarke, L., Koteyko, N. 2009: 112–127].

Нами было извлечено из Послания В. В. Путина Федеральному собранию 2023 г. 17 лексических единиц (всего 31 словоупотребление), вербализующих концепт «ПУТЬ»: *ускорить/ускоренный* (6 [количество словоупотреблений данной лексемы] / 31 [общее количество словоупотреблений лексем, актуализирующих концепт «ПУТЬ»] = 19,34 %), *идти* (4/31 = 12,9 %), *шаг* (3/31 = 9,66 %), *путь* (2/31 = 6,45 %), *перейти/переход* (2/31 = 6,45 %), *выйти* (2/31 = 6,45 %), *старт* (2/31 = 6,45 %), *проходить* (1/31 = 3,23 %), *вперед* (1/31 = 3,23 %), *прийти* (1/31 = 3,23 %), *двигаться* (1/31 = 3,23 %), *продвигнуться* (1/31 = 3,23 %), *вывести* (1/31 = 3,23 %), *направление* (1/31 = 3,23 %), *сторона* (1/31 = 3,23 %), *темпы* (1/31 = 3,23 %), *ориентир* (1/31 = 3,23 %). В Послании наиболее частотными лексемами, объективирующими концепт «ПУТЬ», являются *ускорить*, *идти*, *шаг*. Из этого вытекает, что в условиях масштабных санкций в отношении России важнейшей задачей перед всеми органами государственной власти является максимальное ускорение развития страны.

Наиболее широкое распространение в Послании В. В. Путина Федеральному собранию 2023 г. получила метафорическая модель «РАЗВИТИЕ СТРАН — это ПУТЬ». Проанализируем фреймо-слотовую структуру сформулированной модели на основе изучения исходной понятийной сферы «путь» и рассмотрим особенности использования метафоры пути в Послании.

1. Фрейм «Участники путешествия»

Слот 1.1. «Путники» (компоненты области цели: политические деятели и граждане страны)

(1) «Уважаемые коллеги! Уважаемые граждане России! Сегодня мы вместе про-

ходим сложный, непростой путь и преодолеваем все трудности тоже вместе»; (2) «Мы идем только вперед благодаря преданности Родине, воле и нашему единству».

Рассматривая путь в русской ментальности, В. В. Колесов говорит, что «преодоление трудностей, освоение жизни и освобождение русский человек обретает в пути» [Колесов 2006: 266]. Это рассуждение подтверждается приведенными метафорическими высказываниями. С помощью метафоры пути В. В. Путин оказывает речевое воздействие на адресата, представляя и политических деятелей, и всех граждан страны как путников. Слушателям внушается мысль о том, что все идут по одному полному трудностей пути, вызванных военным конфликтом с Украиной и санкциями в отношении России, но преодоление этих трудностей приведет к новым достижениям.

Слот 1.2. «Попутчики» (компоненты области цели: страна)

(3) *«Донбасс <...> верил и ждал, что Россия придет на помощь».*

В случае возникновения тех или иных военных конфликтов необходима помощь союзников. В. В. Путин метафорически представляет Россию как попутчика, который готов не только оказать нужную помощь, но и совершить трудный путь вместе с жителями региона.

Слот 1.3. «Проводники» (компоненты области цели: власть, правительство)

(4) *«<...> смысл нашей работы не в том, чтобы приспособиться к текущим условиям. Стратегическая задача — вывести нашу экономику на новые рубежи».*

В приведенном выше метафорическом высказывании употребляется лексема *вывести* в переносном значении 'изменить чьел. состояние, положение' [Кузнецов 2000: 167]. В контексте, как нам представляется, делается акцент на роли органов государственной власти, выступающих как активный субъект и берущих на себя ответственность за улучшение экономики страны.

Метафоры этой группы способны укрепить сплоченность современного российского общества в кризисный период, повысить как уровень поддержки действий российских войск среди граждан России, так и уровень доверия населения к органам власти.

2. Фрейм «Путь»

Слот 2.1. «Выбор пути»

(компоненты области цели: выбор тех или иных ценностей)

(5) *«Кто встал на путь прямого предательства, <...> понесет ответствен-*

ность по закону»; (6) «Но мы никогда не <...> будем сводить счеты с теми, кто сделал шаг в сторону, отступился от Родины».

Тема выбора пути ярко проявилась в Послании В. В. Путина Федеральному собранию 2023 г. Для президента России особо важно единство общества в период военного конфликта с Украиной. Политический деятель, используя прагматический потенциал метафоры пути (под прагматическим потенциалом понимается «типичное эмоциональное воздействие, которое способно оказать соответствующее высказывание на адресата» [Чудинов 2001: 47]), оценивает поступки тех, кто принял решение покинуть родину, и в то же время призывает граждан страны сделать единственно «верный» выбор.

Слот 2.2. «Направление пути» (компоненты области цели: определенные цели развития страны)

(7) *«Необходимо активнее двигаться к этой декриминализации (пересмотр ряда норм уголовного законодательства в части так называемых экономических составов — автор статьи) <...>»; (8) «Будем считать, что это напутствие нашему бизнесу — выстраивать работу в нужном направлении»; (9) «Наращиваем мощности по переработке и сортировке, чтобы перейти к экономике замкнутого цикла»; «<...> переход на новую систему (образования — автор статьи) должен быть плавным».*

В основе успешного путешествия лежит его планирование, при котором необходимо поставить цель и определить направление. Без определения основных целей, задач и направлений тех или иных государственных реформ достижение их результатов, вне всякого сомнения, невозможно. В связи с этим, уделяя пристальное внимание социально-экономическому развитию страны, В. В. Путин определяет приоритетные направления реформирования российской экономики и российской системы высшего образования (имеется в виду отказ от Болонской системы и переход на программы специалитета).

Слот 2.3. «Отдельные этапы пути»

(компоненты области цели: начальный этап проведения тех или иных реформ)

(10) *«Сумму такого кредита обсуждали многократно и увеличить хотели, приличная сумма, как первый шаг — очень неплохо: сумма такого кредита — до 500 миллионов рублей»; (11) «Успешный старт российских компаний, небольших семейных предприятий — это уже победа <...>; Важно, чтобы программа (по строительству и ремонту систем ЖКХ — автор статьи) сразу получила мощный старт <...>».*

Как известно, достижение целей начинается с первого шага. В. В. Путин с помощью метафоры пути положительно оценивает начальный этап социально-экономических реформ. Стоит отметить, что лексема *старт*, которая использована в примере (11), имеет значения ‘начальный момент спортивного состязания по преодолению какого-л. расстояния на скорость’ и ‘место, с которого начинается состязание по преодолению какого-л. расстояния’ [МАС 1988: 251]. Указанная лексема содержит семы ‘начало’, ‘спорт’, ‘место’, ‘путь’, ‘движение’ и др., что дает возможность разных вариантов интерпретации анализируемых метафорических высказываний: В. В. Путин осмысляет первую стадию социально-экономических реформ с помощью или метафоры пути, или спортивной метафоры.

Слот 2.4. «Дорожные знаки» (компоненты области цели: инвестиции, способствующие прогрессу социально-экономического развития)

(12) «<...> *ожидаемый размер инвестиций может составить порядка двух триллионов. <...> это не просто прогнозы, а четко установленные ориентиры.*».

С целью подчеркнуть особую роль инвестиций в развитии экономики страны В. В. Путин использует лексему *ориентир*, имеющую прямое значение ‘хорошо заметный на местности неподвижный предмет, помогающий определять направление движения, находить цель’ и переносное значение ‘о том, что служит опорой в жизни, направляет чью-л. деятельность’ [Кузнецов 2000: 725]. Инвестиции в речи политика образно обозначаются как ориентиры, способствующие достижению целей социально-экономического развития страны.

Использование метафоры пути помогает слушателям осознать важность сплоченности общества и понять основные направления развития страны в условиях вооруженного противостояния России и Украины и масштабных экономических ограничений в отношении России.

3. Фрейм «Передвижение в пространстве»

Слот 3.1. «Движение вперед» (компоненты области цели: прогресс в развитии страны)

(13) «<...> *в основу наших дальнейших шагов по укреплению армии и флота <...> положен реальный боевой опыт, полученный в ходе специальной военной операции*»; (14) «*Работа по его (план строительства и развития Вооруженных сил на 2021–2025 годы — автор статьи) выполнению идет <...>*; *Такая работа* (развернуть массовое, серийное производство образцов вооружений

и техники — автор статьи) *идет <...>*; *Развитие* (объем банковских кредитов корпоративному сектору вырос — автор статьи) *идет*»; (15) «<...> *мы неплохо продвинулись в реформировании отрасли по обращению с отходами.*».

В целях достижения конца необходимо преодолеть пространство, иными словами, только постоянное движение вперед дает возможность добиться планируемых результатов. Обеспечение непрерывного прогресса и процветания является одной из главных задач в развитии страны. В Послании активно использована лексема *идти* (см. пример 14) в переносном значении ‘следовать, двигаться, развиваться в каком-л. направлении’ [МАС 1985: 632], что позволяет слушателям понять, что постепенно исполняются все поставленные планы. В метафорическом высказывании (15) используется лексема *продвинуться*, имеющая как прямое ‘двигаться, перемещаться вперед’, так и переносное значения ‘идти успешно, подвигаться, приближаться к завершению’ [БАС 1961: 1028–1029]. Посредством выделенных выше лексем прогресс в военно-техническом и социально-экономическом развитии страны осмысливается как движение вперед.

Слот 3.2. «Передвижение в более открытом пространстве» (компоненты области цели: достижение намеченных целей развития)

(16) «<...> *мы должны выйти на такой же высокий качественный уровень по всем компонентам Вооруженных Сил*»; «*Мы фактически вышли на новый цикл роста экономики.*».

Рассматривая семантические признаки лексемы *выйти*, прямое значение которой определяется как ‘уйти откуда-л., оставить, покинуть какое-л. место, помещение, пределы чего-л.’ [Кузнецов 2000: 172], Ю. Д. Апресян справедливо отмечает, что указанный глагол имеет валентности начальной точки, конечной точки и маршрута и обозначает передвижение из замкнутого в более открытое пространство (в качестве примера ученый приводит конструкцию *A вышел из B в C*) [Апресян 1995: 490–491]. Лексема *выйти* в приведенных выше контекстах употребляется в переносном значении ‘достичь какого-л. положения, состояния’ [Кузнецов 2000: 172], и акцент делается на конечной точке пути. Отсюда следует, что в анализируемых высказываниях выражается достижение запланированных целей военно-технического и социально-экономического развития страны.

Метафоры, связанные с движением по пути, как правило, положительно оцениваются общественным мнением. Использо-

ние метафор этой группы позволяет облегчить адресату понимание сообщаемой информации, а также способствовать повышению уровня удовлетворенности граждан работой органов государственной власти.

4. Фрейм «Скорость передвижения»

(компоненты области цели: темпы развития страны)

(17) «<...> такая работа (развернуть массовое, серийное производство образцов вооружений и техники — автор статьи) идет, ведется, ее **темпы увеличиваются** постоянно <...>»; (18) «В наших планах — **ускоренная** модернизация восточного направления железных дорог <...>»; «Поэтому прошу Правительство максимально **ускорить** запуск этих проектов <...>»; «Прошу Правительство **ускорить** внесение в Государственную Думу законопроектов для запуска соответствующей государственной программы уже с апреля текущего года»; «<...> прошу Правительство в тесном контакте с парламентом предложить дополнительные меры, которые позволят **ускорить** процесс деофшоризации экономики»; «<...> многие субъекты Федерации готовы значительно **ускорить** обновление социальной инфраструктуры <...>»; «Прошу Государственную Думу **ускорить** рассмотрение этого законопроекта (проект закона о развитии туризма на особо охраняемых природных территориях — автор статьи)».

Как было отмечено, в связи с введенными санкциями в отношении России требуется ускорение как военно-технического, так и социально-экономического прогресса. В метафорическом контексте (17) употребляется лексема *темпы* в переносном значении ‘быстрота осуществления, протекания чего-л.’ [Кузнецов 2000: 1314]. Это высказывание способствует формированию у слушателей уверенности в успешном достижении целей.

Рассмотрим остальные метафорические контексты (пример 18). Обращая внимание представителей органов государственной власти на те или иные проблемы, президент ставит перед слушателями конкретные задачи, требующие оперативного решения. В этой связи нельзя не согласиться с мнением М. В. Гавриловой, которая, изучая Послание Федеральному собранию, отмечает, что «прежде всего к представителям государственной власти направлена интенция акциональности, т. е. призыв к действию» [Гаврилова 2013: 111]. В целях побуждения аудитории к действию В. В. Путин многократно использует лексему *ускорить*, имеющую как прямое ‘сделать более скорым, быстрым, увеличив

скорость’, так и переносное значения ‘вызвать более быстрое протекание каких-л. процессов, активное развитие чего-л.’ [Кузнецов 2000: 1398]. Активное метафорическое употребление изучаемой лексемы позволяет В. В. Путину как внушить членам Парламента и Правительства РФ чувство ответственности перед гражданами, так и повысить оценку эффективности работы органов государственной власти.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, в условиях военного конфликта с Украиной особо важна метафора пути, которая не ограничивает поиск возможных вариантов решения предстоящих проблем и обладает положительным воздействием на адресата потенциалом. В Послании В. В. Путина Федеральному собранию 2023 г. метафора пути сыграла существенную роль и в описании ключевых изменений политики России, и в освещении динамики развития страны, и в усилении единства народа. Рассмотренные выше метафоры формируются в рамках метафорической модели «РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПУТЬ», в которой граждане, политические деятели и органы власти представляются как участники путешествия, решение уехать из страны или остаться с ней воспринимается как выбор пути, прогресс в развитии страны обозначается как движение вперед, а ускорение развития страны — как повышение скорости движения. Во-вторых, использование метафоры пути позволяет В. В. Путину не только образно, понятно и доступно осветить крайне сложную социально-экономическую ситуацию страны, изложить свою позицию, но и достичь поставленных прагматических целей: повысить уровень поддержки решения о проведении спецоперации среди граждан России и оценку эффективности деятельности органов государственной власти, а также укрепить сплоченность российского общества. В-третьих, на фоне широкомасштабных мер в отношении России в Послании весьма актуальна тема увеличения скорости движения, так как лишь ускорение военно-технического и социально-экономического развития страны позволит преодолеть все сложности, вызванные санкциями. Перспективами работы являются, с одной стороны, изучение рассмотренных выше метафорических высказываний в переводческом аспекте, а с другой — системный анализ метафоры пути в других публичных выступлениях В. В. Путина.

ИСТОЧНИКИ

1. Послание Президента Федеральному Собранию. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 22.03.2023). — Текст : электронный.

СЛОВАРИ

2. БАС 1948–1965 = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / АН СССР, Институт русского языка. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948–1965. — Текст : непосредственный.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — Текст : непосредственный.
4. МАС 1985–1988 = Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1985–1988. — Текст : непосредственный.
5. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — Москва : Государственное издательство иностранных национальных словарей, 1939. — 1424 с. — Текст : непосредственный.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. Муза — Сят / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубочева. — Изд. 2-е, стер. — Москва : Прогресс, 1986. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с. — Текст : непосредственный.
2. Балашова, Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта КОВИД-19 в речи В. В. Путина / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7, № 4. — С. 777–800.
3. Балашова, Л. В. Артефактная метафора в речи В. В. Путина как способ репрезентации образа России в условиях первой волны пандемии КОВИД-19 / Л. В. Балашова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 12–24.
4. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — Москва : Знание, 1991. — 64 с. — Текст : непосредственный.
5. Гаврилова, М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина) / М. В. Гаврилова. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 296 с. — Текст : непосредственный.
6. Гаврилова, М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Гаврилова М. В. — Санкт-Петербург, 2005. — 469 с. — Текст : непосредственный.
7. Гаврилова, М. В. Инаугурационная речь: идеальный проект дела и идейная основа объединения общества / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2009. — № 4. — С. 138–156.
8. Гаврилова, М. В. Послание Федеральному Собранию / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Дискурс-Пи. — 2013. — Вып. 3 (13). — С. 111.
9. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. — Москва : ИНИОН РАН, 2002. — № 3. — С. 32–43.
10. Ильин, М. В. Политический дискурс как предмет анализа / М. В. Ильин. — Текст : непосредственный // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — Москва : ИНИОН РАН, 2002. — № 3. — С. 7–19.
11. Карамова, А. А. Метафора как способ структурирования языковой картины политического мира / А. А. Карамова. — Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. — Оренбург, 2013. — № 11 (160). — С. 124–129.
12. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. — 624 с. — Текст : непосредственный.
13. Лю, Лифэнь. Анализ концептуальной метафоры «войны» в политическом дискурсе (на примере «Послания Президента РФ Федеральному Собранию» 2021 г.) / Лю Лифэнь, Хуан Чжунлянь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1 (91). — С. 126–134.

14. Михалёва, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с. — Текст : непосредственный.
15. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2010. — 314 с. — Текст : непосредственный.
16. Рябкова, И. П. Особенности вербализации концепта ПУТЬ/WAY в политической речи (на материале речей президентов России и США конца XX — начала XXI в.) / И. П. Рябкова. — Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2011. — № 2. — С. 26–35.
17. Рябкова, И. П. Репрезентация концепта «ПУТЬ» в речах российских и американских президентов конца XX — начала XXI в.: сопоставительно-переводческий аспект : дис. ... канд. филол. наук / Рябкова И. П. — Екатеринбург, 2014. — Текст : непосредственный.
18. Топоров, В. Н. Путь / В. Н. Топоров. — Текст : непосредственный // Мифология : статьи для мифологических энциклопедий. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — Т. 2. — С. 186–200.
19. Фэй, Цзюньхуэй. Сопоставительный анализ концептуальных метафор в русских и китайских политических текстах (на материале Послания Президента РФ Федеральному собранию и Доклада Премьера Госсовета КНР о работе Правительства от 2016 г.) / Фэй Цзюньхуэй. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 2. — С. 101–105.
20. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.
21. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.
22. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 431 с. — Текст : непосредственный.
23. Dijk, T. A. van. What is Political Discourse Analysis? / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // Political Linguistics. — Amsterdam : John Benjamins, 1998. — P. 11–52.
24. Ryazanovna-Clarke, L. The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? / L. Ryazanovna-Clarke, N. Koteyko. — Text : unmediated // Slavonica. — 2009. — No. 15 (2). — P. 112–127.

MATERIALS

1. Putin, V.V. (2023). *Presidential Address to Federal Assembly*. Retrieved March. 22, 2023, from <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (In Russ.)

DICTIONARIES

2. *BAS 1948–1965* [Dictionary of contemporary Russian literary language: in 17 volumes] [Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of Russian language]. Moscow, Leningrad: Publishing house of Academy of Sciences of the Soviet Union, 1948–1965. (In Russ.)
3. Kuznetsov, S.A. (Ed.) (2000). *Bol'shoy tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [The great explanatory dictionary of Russian]. St. Petersburg: Norint, 1536 p. (In Russ.)
4. Evgen'eva, A.P. (Ed.) (1985–1988). *MAS 1985–1988* [Dictionary of Russian language] (Academy of Sciences of the Soviet Union, Institute of Russian language, Ed. 3rd, ster.). Moscow: Russian language. (In Russ.)
5. Ushakov, D.N. (Ed.) (1939). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [The explanatory dictionary of Russian] (Vol. III). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh nacional'nyh slovar'ej, 1424 p. (In Russ.)
6. Fasmer, M. (1986). *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of Russian language] (Vol. 3, Muza — Sjat; transl. from German and supplements by O. N. Trubachev, Ed. 2nd, ster.). Moscow: Progress. (In Russ.)

REFERENCES

1. Apresian, Yu.D. (1995). *Izbrannye trudy, tom II. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija* [Selected works] (Volume II: Integral description of language and systematic lexi-

- cography). Moscow: Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», 767 p. (In Russ.)
2. Balashova, L.V. (2020). Militarnaja metafora kak sposob formirovanija koncepta KOVID-19 v rechi V.V. Putina [Military metaphor as a way of formation of the COVID-19 concept in Vladimir Putin's speech]. *Communication Studies*, Vol. 7, No. 4, 777–800. (In Russ.)
  3. Balashova, L.V. (2021). Artefaktnaja metafora v rechi V.V. Putina kak sposob reprezentacii obraza Rossii v uslovijah pervoj volny pandemii KOVID-19 [Artifact metaphor in V. V. Putin's speech as a way to represent the image of Russia during the first wave of the COVID-19 pandemic]. *Political Linguistics*, 2(86), 12–24. (In Russ.)
  4. Baranov, A.N., & Kazakevich, E.G. (1991). *Parlamentskie debaty: tradicii i novacii* [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moscow: Znanie, 64 p. (In Russ.)
  5. Gavrilova, M.V. (2004). *Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentovskoj rechi (na materiale vystupenij V. V. Putina i B. N. El'cina)* [Cognitive and rhetorical aspects of presidential speeches (based on the speeches of V. V. Putin and B. N. Yeltsin)]. St. Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg State University, 296 p. (In Russ.)
  6. Gavrilova, M.V. (2005). *Lingvokognitivnyj analiz ruskogo političeskogo diskursa* [Linguistic and cognitive analysis of Russian political discourse] [Doctoral Thesis of Dr of Philology. Sciences]. St. Petersburg, 469 p. (In Russ.)
  7. Gavrilova, M.V. (2009). Inauguracijnaja rech': ideal'nyj proekt dela i idejnaja osnova obedinenija obshhestva [Inaugural Address: The ideal project of action and the ideological foundation of societal unity]. *Političeskaja nauka*, 4, 138–156. (In Russ.)
  8. Gavrilova, M.V. (2013). Poslanie Federal'nomu Sobraniju [Address to Federal Assembly]. *Diskurs-Pi*, 3(13), 111. (In Russ.)
  9. Dem'jankov, V.Z. (2002). Političeskij diskurs kak predmet političeskoj filologii [Political discourse as a subject of political philology]. *Političeskaja nauka. Političeskij diskurs: Istorija i sovremennye issledovanija*, 3, 32–43. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
  10. Il'in, M.V. (2002). Političeskij diskurs kak predmet analiza [Political discourse as a subject of analysis]. *Političeskaja nauka. Političeskij diskurs: Istorija i sovremennye issledovanija*, 3, 7–19. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
  11. Karamova, A.A. (2013). Metafora kak sposob strukturirovanija jazykovoj kartiny političeskogo mira [Metaphor as means of structuring the linguistic image of the political world]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11(160), 124–129. Orenburg. (In Russ.)
  12. Kolesov, V.V. (2006). *Ruskaja mental'nost' v jazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 624 p. (In Russ.)
  13. Liu, Lifen, & Huang, Zhonglian. (2022). Analiz konceptual'noj metafory «vojny» v političeskom diskurse (na primere «Poslanija Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju» 2021 g.) [Exploring the conceptual metaphor of “war” in political discourse: a case study of the 2021 presidential address to the Federal Assembly]. *Political Linguistics*, 1(91), 126–134. (In Russ.)
  14. Mihaljova, O.L. (2009). *Političeskij diskurs: Specifika manipulativnogo vozdejstvija* [Political discourse: the specifics of manipulative influence]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 256 p. (In Russ.)
  15. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2010). *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST, Vostok-Zapad, 314 p. (In Russ.)
  16. Rjabkova, I.P. (2011). Osobennosti verbalizacii koncepta PUT'/WAY v političeskoj rechi (na materiale rečej prezidentov Rossii i SShA konca HH — nachala HHI v.) [Peculiarities of verbalization of the concept WAY in political statements in Russian and English (based on statements of Russian and American presidents of the late XX — early XXI centuries)]. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2, 26–35. (In Russ.)
  17. Rjabkova, I.P. (2014). *Reprezentacija koncepta «PUT'» v rečah rossijskih i amerikanskih prezidentov konca HH — nachala HHI v.: sopostavitel'no-perevodčeskij aspekt* [Representation of Concept “path” in the speeches of Russian and American presidents in the end of XX — beginning of the XXI century: comparative and translation aspect] [Candidate Thesis of PhD of philological Sciences]. Ekaterinburg. (In Russ.)
  18. Toporov, V.N. (2014). Put' [A Way]. In *Mythology: Articles for Mythological Encyclopedias* (Vol. 2, pp. 186–200). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)
  19. Fei, Junhui. (2018). Comparative analysis of conceptual metaphor in russian and chinese political texts (based on Presidential Address to the Federal Assembly and the Chinese Premier's Government Work Report of 2016). *Political Linguistics*, 2, 101–105. (In Russ.)
  20. Chudinov, A.P. (2001). *Rossija v metaforičeskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie političeskoj metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p. (In Russ.)
  21. Chudinov, A.P. (2003). *Metaforičeskaja mozaika v sovremennoj političeskoj komunikacii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 248 p. (In Russ.)
  22. Shejgal, E.I. (2000). *Semiotika političeskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Doctoral Thesis of Dr. of philological Sciences]. Volgograd, 2000, 431. (In Russ.)
  23. Dijk, T.A. van. (1998). What is Political Discourse Analysis? *Political Linguistics* (pp. 11–52). Amsterdam: John Benjamins. (In Eng.)
  24. Ryazanova-Clarke, L., & Koteyko, N. (2009). The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? *Slavonica*, 15(2), 112–127. (In Eng.)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.581'42+81'27

ББК Ш171.1-51+Ш100.621+Ш100.635

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Юе Сюе

Даляньский университет иностранных языков, Центр языковых исследований Северо-Восточной Азии, Китай,
yuex570@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>

Культурная интерпретация концептов в китайском стиле в контексте политической лингвистики

АННОТАЦИЯ. В начале XX века в философских научных кругах произошел важный сдвиг, известный как «лингвистический поворот», в результате которого в центре внимания оказалась сила языка. В 1980-х годах аналогичный «лингвистический поворот» произошел в области международных политических исследований: ученые начали изучать взаимосвязь между политикой и языком и пытались выявить скрытые структуры власти и идеологии, лежащие в основе языка. В этом контексте возникла политическая лингвистика. Термин «концепт» впервые появился в 80–90-х годах XX века применительно к области грамматики русского языка. Концепт рассматривается как основная ячейка культуры, передаваемая через языковые символы, способ сворачивания культурной информации, посредством которого концепт выражается и реализуется. Концепт с китайской спецификой рассматривается как трансляция главных коннотаций и рассказа о культуре при выражении социалистической идеологии с китайской спецификой. Его исследование включает в себя аналитическую парадигму «трехмерной модели представления концептов», позволяющую придать длительность и расширение динамической картине, что позволяет глубже объяснить соответствующую культурную коннотацию. Исходя из этого, цель данной статьи — прояснить теорию и метод изучения культурной интерпретации концептов с китайской спецификой в контексте политической лингвистики и обеспечить научное обоснование для глубокого понимания идеи социализма с китайской спецификой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультурология, китайская лингвокультура, концептосфера, концепты, китайская специфика, китайский язык, политическая лингвистика, политический дискурс, политические тексты, китайский социализм, культурная интерпретация, моделирование концептов, языковая картина мира.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юе Сюе, доктор наук, преподаватель института русского языка, Даляньский университет иностранных языков, исследователь, Центр языковых исследований Северо-Восточной Азии; Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: yuex570@126.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке Фундаментального научного проекта по теме «Исследование глобального сдвига внешнеполитического дискурса России на Юг с точки зрения права национального голоса» при поддержке Департамента образования провинции Ляонин (2024), номер объекта: LJ132410172013.

本文系2024年辽宁省教育厅基本科研项目“国家话语权视域下俄罗斯对外政策话语的全球南方转向研究”（项目编号：LJ132410172013）的阶段性成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юе, Сюе. Культурная интерпретация концептов в китайском стиле в контексте политической лингвистики / Юе Сюе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 318–328.

Yue Xue

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, yuex570@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>

Cultural Interpretation of Concepts with Chinese Specificity in the Context of Political Linguistics

ABSTRACT. At the beginning of the 20th century, an important shift took place in the philosophical scientific circles, known as the “linguistic turn”, as a result of which the power of language became the focus of attention. In the 1980s, a similar “linguistic turn” occurred in the field of international political studies: scientists began to explore the relationship between politics and language and tried to identify the hidden power structures and ideologies underlying language. In this context, there emerged political linguistics. The term “concept” first appeared in the 1980s and 1990s in relation to the field of Russian grammar. The concept is considered as the main cell of culture, translated through linguistic symbols, as a way of folding cultural information, through which the concept is expressed and realized. A concept with Chinese specificity is viewed upon as a translation of the main connotations and the story about culture in the expression of socialist ideology with Chinese specificity. The research of this phenomenon includes the analytical paradigm of the “three-dimensional model of concept representation”, which allows to give duration and expansion to a dynamic picture, which facilitates deeper explanation of the corresponding cultural connotation. Based on this, the purpose of this article is to clarify the theory and method of studying the cultural interpretation of concepts with Chinese specificity in the context of political linguistics and to provide a scientific basis for a deeper understanding of the idea of socialism with Chinese specificity.

KEYWORDS: *linguoculturology, Chinese linguoculture, conceptsphere, concepts, Chinese specificity, Chinese language, political linguistics, political discourse, political texts, Chinese socialism, cultural interpretation, modeling of concepts, linguistic worldview.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yue Xue, Doctor of Sciences, Lecturer of the Institute of the Russian Language, Dalian University of Foreign Languages, Researcher of the Center for Linguistic Research of Northeastern Asia, Dalian, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The work was carried out with the financial support of the Fundamental Scientific Project on the topic “Research on the Global Shift of Russia’s Foreign Policy Discourse to the South from the Perspective of the Right of National Voice” with the support of the Liaoning Provincial Education Department (2024), object number: LJ132410172013.

FOR CITATION: *Yue Xue. (2024). Cultural Interpretation of Concepts with Chinese Specificity in the Context of Political Linguistics. In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 318-328. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

По мере углубления процесса глобализации все более заметно формирование политической лингвистики как междисциплинарной области, охватывающей множество научных сфер, таких как язык, культура и политика, призванной изучать, как язык определяет и отражает сложные отношения в международной политике. В этом контексте роль культуры становится все более заметной, и вопрос о том, как культурные концепты страны могут быть выражены и интерпретированы на международной политической арене, становится одной из горячих точек исследования.

Концепт в китайском стиле как форма понятия с китайской спецификой, его культурная интерпретация не проявляется однократно, а определяется и формируется различными факторами. С точки зрения политической лингвистики, следуя конкретному пути «трехмерной динамики дискурса — представления концептов длительности — расширения динамической картины», мы должны глубоко изучить выражение и развитие концептов в китайском стиле на международной арене и еще больше раскрыть культурную коннотацию и политические последствия, содержащиеся в нем. Во-первых, благодаря анализу трехмерной динамики дискурса мы глубоко интерпретируем многомерное взаимодействие и выражение концептов в китайском стиле в международном политическом дискурсе. Во-вторых, в сочетании с анализом, базирующимся на учете длительности процессов концептуализации (диахронии), мы изучаем эволюцию и представление концептов в китайском стиле на разных исторических этапах. Наконец, с помощью анализа расширения динамической картины мы обсудим динамическое проявление концептов в китайском стиле на международной политической арене и тенденцию развития соответствующих процессов в будущем.

2. ТЕОРИЯ КОНЦЕПТОВ

Теория концептов как основная область изучения лингвокультурологии, ее философская основа находится под сильным влиянием основоположника философии языка В. Гумбольдта. В. фон Гумбольдт ясно дал понять: «Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом... Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [邹华 / Zou Hua 2015]. Исходя из этого утверждения, мы ясно понимаем, что не только язык является средством передачи концептов, но и концепты также передаются через язык. Гумбольдт утверждает, что «человек живет с вещами и воспринимает вещи главным образом через язык, потому что восприятие и поведение человека подчиняются его собственным представлениям, и мы можем даже сказать, что он живет исключительно под руководством языка... Каждый язык содержит полную систему понятий и воображения конкретной человеческой группы» [姚小平 / Yao Xiaoping 1998]. Эта точка зрения раскрывает диалектическую связь между языком и концептом, подчеркивает оптимальность исследовательских позиций, ориентированных на человека, на представления о роли языка как носителя для демонстрации концептов и их отображения в целостной языковой картине мира. В современном контексте глобализации важность теорий концептов не только помогает нам понять различия в идеях между культурами, но и способствует развитию межкультурного общения.

Концепт составляет не только основную единицу национального сознания, но и одну из основных единиц, формирующих языковую картину мира, рассматривается как центральный носитель культуры, хранящейся в менталитете пользователей языка в виде концептуальных слов как конкретных выражений и языковых символов. Понятие культуры во взаимосвязи с языком можно оха-

рактизовать через следующие единицы: «Категориальные сущности, воплощаемые в языке, также развились до предельной степени семантической цельности и определенности» [Колесов 1999]. Эта точка зрения подчеркивает важность концептов в языке, не только абстрактных понятий, но и других феноменов, которые могут получать культурологическое истолкование. Теория концептов в лингвокультурологии — это оптимальный метод «исследовать этимологию, историческую эволюцию и реальность языка, чтобы исследовать коннотацию национальной культурной памяти, тем самым раскрывая концептуальную картину мира и воплощенный национальный дух» [杨秀杰 / Yang Xiujie 2007]. Эта теоретическая перспектива подчеркивает тесную связь между языком и культурой, а также важность углубленного изучения культурных концептов через язык. По мнению лингвиста польского происхождения А. Вежбицкой, «всякая культура может быть исследована, подвергнута сопоставительному анализу и описана при помощи „ключевых слов“ языка, обслуживающего данную культуру» [Вежбицкая 1996]. Эта точка зрения подчеркивает тесную связь между концептом и культурой и то, как концепт формирует понимание и восприятие мира в конкретном культурном контексте. Изучение концептов не может быть отделено от культуры и народа как носителя культуры, который имеет определенную национальность.

3. КОНЦЕПТ В КИТАЙСКОМ СТИЛЕ

Под углом зрения политической лингвистики концепт в китайском стиле считается политическим и культурным концептом, в то же время политический и культурный концепты являются вариантами культурного концепта. Концепты, как ячейки культуры, передаются через языковые символы. С точки зрения лингвокультурологии изучение политического дискурса направлено на реализацию моделирования языковой картины мира, в то время как совокупность политических и культурных концептов составляет картину мира политического языка.

М. В. Пименова [Пименова 2010] отметила: «Область политических концептов сложна и многоаспектна. Каждый язык по-своему представляет сферу политики. Эту область можно назвать политической концептуальной системой». Это показывает, что политический и культурный концепт в разное время демонстрируют эволюцию идей, и каждый политический и культурный концепт не изолирован, а тесно связана друг с другом в целом. Политические и культурные кон-

цепты как своего рода целостное структурное пространство «формирует лингвистическое мировоззрение» [Маслова 2004]. Это показывает, что совокупность политических и культурных концептов составляет картину мира политических языков. В процессе политического общения политический и культурный концепт проявляются через политический дискурс коммуникативных субъектов, закрепляются и формируются через политические тексты. Это также подчеркивает важность политических и культурных концептов в формировании политического контекста и их тесную связь с языком и культурой.

В 2004 г. русский ученый А. П. Чудинов предложил понятие «Картина мира политического языка», определив его как «духовную единицу сферы политического общения и политического дискурса» [Чудинов 2004]. В то же время он впервые сопоставил политический и культурный концепт. «Языковая картина политического мира включает ментальные поля (политические партии и организации, политические лидеры и активисты, граждане, избиратели и др.» [Чудинов 2006]. Эти новые теоретические положения подчеркивают важность идеологических основ политического языка и политической культуры в политической лингвистике. Из этого можно видеть, что политический и культурный концепт, как один из основных концептов политической лингвистики, имеют очень важное исследовательское значение. В рамках политической лингвистики важной отраслью анализа политического дискурса является концептуальный анализ политической культуры. Политический и культурный концепт считаются характерными для политического дискурса и отражают «важнейший элемент политического сознания страны» [Гаврилова 2004]. Это еще больше подчеркивает ключевую роль политических и культурных концептов в политическом контексте, которые являются не только строительными элементами политического дискурса, но и важными ориентирами, чтобы понять и интерпретировать политические явления. Поэтому углубленное изучение политических и культурных концептов помогает нам лучше понять природу политического языка и механизмы функционирования политической системы, обеспечивая тем самым важную теоретическую поддержку в области политологии и социальных наук. С точки зрения политической лингвистики концепт в китайском стиле понимается как политический и культурный концепт, идеологическая форма и культурная концепция с китайской спецификой, которая уходит корнями в основное ядро социалистической философии с китайской

спецификой. Концепт в китайском стиле — это не только особая форма идеологии, но и концентрированное воплощение китайской истории, культуры и системы ценностей, которое имеет уходящее в глубь веков историческое происхождение и сохраненное культурное богатство. Концепт в китайском стиле, о котором идет речь в этой статье, — это концепт, который имеет китайскую специфику в контексте китайского языка и культуры, а не концепт, который стал стилистически китайским под влиянием китайского контекста.

Концепт в китайском стиле характеризуется тремя аспектами: во-первых, историческим происхождением и культурным багажом. Концепт в китайском стиле несет в себе долгую историю и глубокие культурные традиции Китая, он совместно сформирован историей, культурой и ценностями. Характеристики этого концепта проявляются не только в идеологической коннотации, но и в способах ее выражения и традициях политического дискурса. Во-вторых, основное ядро социалистической философии с китайской спецификой. Концепт в китайском стиле является одним из основных, ядерных компонентов социалистической философии с китайской спецификой и воплощает в себе важный принцип объединения марксизма с реальностью Китая. В концепте в китайском стиле сочетаются универсальные принципы марксизма и уникальные концепты традиционной китайской культуры, тем самым формируется уникальная идеологическая система. В-третьих, адаптация и отражение международного политического контекста. Концепт в китайском стиле не только имеет важное значение в стране, но и играет важную роль на международной политической арене. Перед лицом политических контекстов в разных странах и регионах концепт в китайском стиле позволяет гибко реагировать на изменяющиеся условия и отражать китайскую специфику и китайскую позицию в своих уникальных культурных символах и выражениях.

Подводя итог, концепт в китайском стиле, как особая форма идеологии, представляет собой сжатое воплощение имплицитных смыслов в политическом дискурсе, которое не только имеет глубокое историческое происхождение и культурный багаж, но и является одним из основных, ядерных компонентов социалистической идеологии с китайской спецификой. В международном политическом контексте концепт в китайском стиле, благодаря своему уникальному выражению и культурным символам, демонстрирует китайскую специфику и позицию Китая и играет важную роль в содействии ме-

ждународным обменам и сотрудничеству. Поэтому углубленное изучение концепта в китайском стиле не только помогает нам лучше понять политическую культуру и идеологическую систему Китая, но и обеспечивает важную теоретическую предпосылку и трансляцию национальной культуры для развития международных политических отношений.

4. КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

4.1.1. Трехмерная модель для дискурс-анализа

Любой политический и культурный концепт не может быть представлен без практики дискурса, так же как никакая идеология не может быть отделена от «материальной оболочки» языка. В политическом дискурсе построение и эволюция системы политических и культурных концептов неотделимы от анализа дискурса. Дискуссионный анализ, как новый метод, прошел 70 лет развития. Чэнь Пин отметил: «Самой большой особенностью дискурс-анализа является тесное сочетание практического применения языка, изучение организационных и эксплуатационных характеристик языка, одновременно с точки зрения коммуникативной функции языка и когнитивных способностей как отправителя, так и получателя» [Chen Ping 1987].

С течением времени критический дискурс-анализ, как важная ветвь дискурс-анализа, оброс рядом академических исследований. Синь Бин отмечает: «Фаулер предложил концепт „критической лингвистики“ в 1979 году, а Фэркло предложил концепт „критического дискурса-анализа“ в своей книге „Язык и власть“ в 1989 году» [Xin Bin 2005]. Критический дискурс-анализ изучает не только то, что такое язык, но и то, почему он такой. Он призван пролить свет на влияние языка идеологического диалога, противодействие дискурса идеологии, а также на то, как они происходят из социальных структур и отношений власти и как они служат им [Ding Jianxin, Liao Yiqing 2001].

Исследования критического дискурс-анализа охватывают многие области, такие как стилистика, лингвистика, антропология, философия, социальная психология, когнитивные науки, литература, функциональная лингвистика, социальная лингвистика, прикладная лингвистика и прагматика. Его внимание сосредоточено не только на самом языке, но и на сложных социальных явлениях, это междисциплинарное, плюралистическое, многоаспектное исследование. Н. Фэркло [Fairclough 1989] впервые выдвинул теоретическую парадигму критического дискурс-анализа, предложив трехмерную ана-

Рис. 1. Трехмерная модель дискурса

Рис. 2. Трехмерная концепция

литическую структуру, которая должна анализироваться в сочетании с методами системной функциональной лингвистики, а именно включающую текст, дискурсивную практику и социальную практику. Исходя из этого, он предложил три уровня критического дискурс-анализа: описание, интерпретация и анализ. В книге «Язык и власть» Н. Фэркло раскрывает глубокие отношения между языком и властью, указывая на то, что язык проникает во власть и служит ей. Исходя из этого, он создал трехмерную модель, а именно трехмерную модель для дискурс-анализа с такими элементами, как текст, взаимодействие и контекст. Исходя из этого, Фэркло [Fairclough 1989] создает трехмерная модель, представляющую дискурс как текст, взаимодействие и контекст (рис. 1).

Как видно из рисунка 1, «Фэркло рассматривает дискурс как единство, состоящее из трех измерений: „контекста“, „взаимодействия“ и „текста“. Текст находится на самом низком уровне и является результатом взаимодействия. Процесс производства и интерпретации во взаимодействии основан на контексте как социальном условии. Эта модель воплощает следующие три значения социального взгляда на дискурс Фэркло. Во-первых, язык является частью общества. Во-вторых, дискурс является социальным процессом. Опять же, социальный процесс дискурса регулируется другими (нелингвистическими) элементами общества» [Wang Zexia, Yang Zhong 2008]. Дальнейшее совершенствование трехмерной модели для дискурс-анализа учитывает социальные изменения, в ней контекст меняется на социальную практику, взаимодействие на дискурсивную практику, производственный процесс и процесс интерпретации меняются на производство, распространение и принятие; усовер-

шенствованная модель известна как «трехмерная концепция» (рис. 2) [Fairclough 1992].

Эта новая модель подчеркивает роль и значение дискурса в социальной практике. Язык — это не только общение в определенном контексте, но и социальное явление, которое возникает, распространяется и принимается в определенной социальной практике. Дискуссионная практика охватывает более широкий спектр социальной деятельности и отражает роль, статус и отношения пользователей языка в обществе. Процесс производства, распространения и принятия подчеркивает динамичность и сложность формирования и распространения дискурса, раскрывая роль и влияние дискурса в социальных изменениях. Таким образом, трехмерная концепция (рис. 2) дает нам более глубокую исследовательскую перспективу и более всеобъемлющую аналитическую основу для понимания взаимосвязи между дискурсом и обществом.

Три уровня текста, дискурсивной практики и социальной практики в трехмерной концепции определяют предварительную рамочную структуру для конкретного анализа этого исследования (рис. 3), в котором текст представляет собой конкретную форму выражения языка, является материальным носителем дискурса и наблюдаемой частью коммуникации; дискуссионная практика относится к процессу генерации, распространения и интерпретации дискурса, является практическим уровнем языковой деятельности; социальная практика включает в себя более широкий социальный контекст, структуру и культуру, которые влияют на ход дискурсивной практики. Эти три уровня взаимодействуют и вместе образуют сложную сеть дискурса. Согласно исследованиям, «идео-

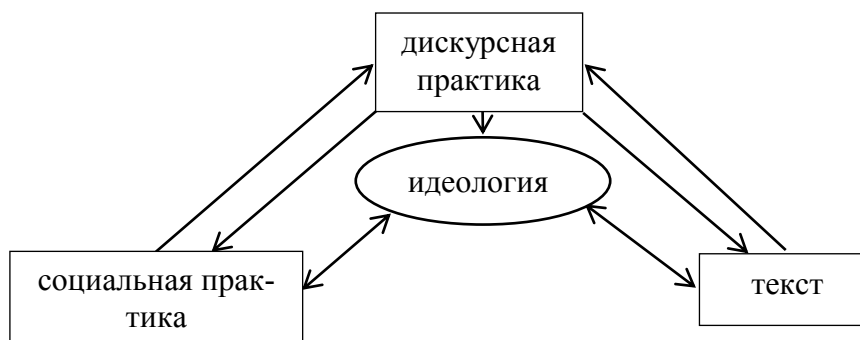

Рис. 3. Трехмерная динамическая модель для дискурс-анализа

логия глубоко укоренилась в социальной практике, проникла в процесс дискурсной практики и подразумевалась в подтексте, является душой текста, дискурсной практики и социальной практики, способной обуславливать диалектические отношения, является эффективным механизмом поддержания властных отношений» [Fairclough 1992]. Поэтому, анализируя и понимая трехмерную концепцию, мы можем лучше понять идеологическую коннотацию и социальный фон в политическом дискурсе, тем самым углубляясь в политический и культурный концепт, раскрывая его роль и влияние в политическом обмене и функционировании власти.

Исследования показывают, что концепт в китайском стиле, как способ идеологического представления, также может рассматриваться в рамках трехмерной динамической модели для дискурс-анализа. Поэтому политический дискурс, основанный на концептах в китайском стиле, включает три аналитических измерения — текста, дискурсной практики и социальной практики, — что позволяет сформировать единое целое, воплощенное в двусторонних динамических отношениях.

Во-первых, концепт в китайском стиле проникает в тексты, дискурсную практику и социальную практику. В соответствии с трехмерной динамической моделью социальной практики (см. рис. 3) можно сделать вывод, что производство, распространение и принятие соответствуют интерпретации, построению и интерпретации концепта в китайском стиле в политическом дискурсе. Это означает, что в процессе формирования и распространения политического дискурса концепт в китайском стиле не только находит конкретное выражение в тексте, но и передается и воплощается в дискурсной и социальной практике. Например, в выступлениях политических лидеров или правительственных документах концепты в китайском стиле находят свое отражение в конкретных языковых выражениях, а также укрепляются и пере-

даются в процессе производства и распространения политического дискурса.

Во-вторых, политический дискурс — это социально-практическая деятельность, наполненная концептуальным смыслом, осуществляемая субъектами политической коммуникации, которая реализуется посредством дискурсной практики, а результаты дискурсной практики отражаются в тексте. Субъекты политической коммуникации, такие как правительство, политические партии или политические группы, выражают и передают свои политические идеи и позиции через дискурсную практику в таких акциях, как формулирование политики, публикация официальных заявлений и т. д. Практические последствия этих политических дискурсов будут отражены в текстах, а именно в конкретном содержании политических документов, риторике политических выступлений и т. д., что, в свою очередь, повлияет на ход социальной практики. В свою очередь, концептуально значимые тексты участвуют в процессе социальной практики через дискурсную практику, тем самым способствуя изменениям в руководящей философии и реализуя динамическую эволюцию власти и идеологии. Например, формулировки национальных стратегий развития, содержащиеся в правительственных документах, могут влиять на концепцию национального управления посредством обратной связи и корректировок в процессе осуществления политики и, таким образом, способствовать обновлению и эволюции политических концептов.

Наконец, концепт в китайском стиле в политическом дискурсе — это не только идеология, воплощенная в тексте, но и важная сила, которая может быть реализована и воплощена в дискурсной и социальной практике. Его существование и эволюция в политическом дискурсе не только отражают идеологическую ориентацию субъектов политической коммуникации, но и находятся под двусторонним влиянием социальной практики и

текстового выражения, что способствует взаимодействию и развитию политических концептов и социальной реальности.

В сочетании с приведенным выше обсуждением, одним из основных вопросов критического дискурс-анализа является взаимосвязь между дискурсом и идеологией. «Критический дискурс-анализ направлен на анализ отношений между языком, властью и идеологией, чтобы показать, как текст протекает из социальной структуры и отношений власти и как им служит» [Xin Bin, Gao Xiaoli 2013]. Этот метод анализа помогает глубоко изучить внутреннюю связь между политическим дискурсом, концептами в китайском стиле и властью. Трехмерная динамическая модель для дискурс-анализа является важной аналитической парадигмой в политической лингвистике на международном материале. Благодаря всестороннему анализу содержания, формы и функций дискурса раскрываются культурные коннотации и политические последствия, содержащиеся в нем. При анализе культурной интерпретации концепта в китайском стиле анализ трехмерной динамической модели для дискурс-анализа может быть выполнен по следующим трем аспектам: в текстовом измерении культурная интерпретация концепта в китайском стиле требует изучения ее конкретного содержания и значения, включая ссылки и интерпретацию традиционной китайской культуры, исторического опыта и реальной ситуации. Например, концепт в китайском стиле подчеркивает важность традиционных китайских ценностей в современных международных отношениях, ссылаясь на классические произведения Древнего Китая, исторические аллюзии или политические лозунги современного Китая. Кроме того, концепт в китайском стиле использует реальные политические события или международные дела для конкретной интерпретации и применения концепции социализма с китайской спецификой. Концепт в китайском стиле использует традиционные китайские культурные символы, аллюзии или уникальные языковые выражения, чтобы подчеркнуть культурные особенности страны и проводимой ей политики. Кроме того, форма выражения концептов в китайском стиле в политическом дискурсе также зависит от системы политического дискурса Китая и дипломатических пропагандистских агентств и имеет определенный нормативный и авторитетный характер. В области социальной практики анализ культурной интерпретации концептов в китайском стиле требует изучения ее конкретных функций и эффектов на международной политической

арене. Концепт в китайском стиле формирует образ и место Китая в международной политике, подчеркивая уникальность культурных традиций Китая и философию социализма с китайской спецификой. В то же время концепт в китайском стиле также влияет на восприятие и оценку Китая международным сообществом посредством распространения и управления международным политическим дискурсом, тем самым способствуя повышению заметности голоса и влиянию Китая в международных делах.

Подводя итог вышесказанному, трехмерная динамическая модель анализа направлена на выявление взаимосвязи и взаимовлияния между содержанием, формой и функцией политического дискурса, глубокого понимания положения и роли концептов в китайском стиле в международном политическом дискурсе, чтобы лучше понять культурное значение и политические ценности концептов в китайском стиле на международной политической арене.

4.1.2. Представление концепции длительности

Хронологические (диахронические) исследования — это метод лингвистических исследований, предложенный известным лингвистом Ф. де Соссюром в его учебном курсе общей лингвистики, который изучает изменения в языке и законы его развития с точки зрения исторического развития. Основным вкладом Ф. де Соссюра в лингвистику заключался в том, что он предложил различать синхронные и хронологические исследования, и он отметил, что «мы находимся на пересечении двух путей: один ведет к хронологическому времени, а другой — к синхронному времени, которое вместе с синхронным отрезком времени указывает на состояние и стадию эволюции языка» [Соссюр; пер. Гао Минкай, 2001]. Хронологические исследования относятся к эволюции языка на временной оси и «всему, что связано с эволюцией» [Соссюр; пер. Гао Минкай, 2001]. Исходя из вышесказанного, политический дискурс со временем будет более или менее меняться. Изменения в каждый период зависят от влияния таких факторов, как мотивация социальной практики на данном этапе, включая исторический фон, культурное наследие, международные отношения и т. д. По мере эволюции времени и социальных изменений политический дискурс будет постоянно адаптироваться и развиваться в соответствии с новыми международными условиями и потребностями. Это изменение отражает как гибкость и адаптивность политического дискурса, так и его тесное взаимодействие с социальной практикой и культурными кон-

цепциями. В различных исторических периодах и социальных контекстах изменения в политическом дискурсе демонстрируют разнообразие и сложность, результаты восприятия динамических представлений исторических концепций, чтобы понять их внутренние законы и эволюционные тенденции.

Короче говоря, анализ концепта в китайском стиле должен быть сосредоточен на изменениях в течение определенного периода эволюции политического дискурса. В этом процессе необходимо глубоко задуматься о внутреннем влиянии таких факторов, как политический контекст и идеологическое наследие. Всестороннее рассмотрение и анализ этих факторов позволяют более полно понять эволюцию концептов в китайском стиле в различные периоды и контексты, а также ее роль и значение в политическом дискурсе, что помогает выявить сложные отношения между концептом в китайском стиле и политическим дискурсом, расширить понимание культурных коннотаций и влияния концептов и предоставить полезные перспективы и идеи для углубленного изучения соответствующих вопросов. Политический и культурный концепт, анализируемый с опорой на теорию культурных концептов, как важная исследовательская ветвь политической лингвистики, имеет широкие перспективы исследований. Идеологический анализ концепции длительности как метод исследования также применим в области политической лингвистики. В рамках этого анализа исследование, представленное концепцией длительности, демонстрирует следующие три характеристики: во-первых, концепт в китайском стиле развивается со временем, образуя стабильный основной слой и гибкий периферийный слой, обеспечивая возможность динамической эволюции. Во-вторых, динамическая концепция длительности в китайском стиле демонстрирует неравномерность, и различные темы демонстрируют свою динамическую эволюцию на временной шкале. Наконец, внутренние и внешние факторы языка в политическом дискурсе влияют на формирование и эволюцию концептов в китайском стиле.

Представление концепции длительности — это аналитическая парадигма в международной политической лингвистике, которая фокусируется на эволюции, развитии и проявлении концепции в историческом процессе. Анализируя культурную интерпретацию концептов в китайском стиле, представление концепции длительности помогает начать анализ конкретного содержания исходя из следующих трех аспектов: во-первых, исторический фон и происхождение. Анализ кон-

цепции длительности применительно к объектам в китайском стиле показывает, что необходимо изучить ее исторический фон и происхождение, в том числе проследить и разобрать историческую эволюцию социалистической мысли с китайской спецификой и традиционной китайской культуры. Проследить происхождение и эволюцию китайских концепций в историческом процессе можно от развития древних китайских конфуцианских идей до современных социалистических идей с китайской спецификой. Во-вторых, идеология и политическая практика. Следует обратить внимание на то, как идеи проявляются в идеологическом строительстве и политической практике. Концепт в китайском стиле постоянно укрепляется и развивается посредством политической пропаганды, культурного образования и внешней политики в разные исторические периоды. Особое внимание уделяется отражению идей в культурной символике. Концепт в китайском стиле воплощает свою культурную идентичность и политическое значение в разные исторические периоды через конкретные культурные символы, лозунги или политические символы. Например, национальный флаг и другие символы Коммунистической партии Китая, а также ряд политических лозунгов и культурных лозунгов с китайской спецификой отражают изменения и эволюцию концептов в китайском стиле в ходе долгой истории.

Подводя итог вышесказанному, концепция длительности представляет возможности культурной интерпретации, когда анализируется концепт в китайском стиле, и помогает глубоко понять его траекторию развития и политические последствия в историческом процессе, тем самым раскрывая культурные особенности и политические ценности концептов в китайском стиле на разных исторических этапах, обеспечивая теоретическую поддержку и практическое руководство для их выражения и распространения на международной политической арене.

4.1.3. Расширение динамической картины

Изучение языковой картины мира в основном фокусируется на взаимодействии между картиной реального мира, культурной картиной мира и языковой картиной мира. В данной статье мы исходим из того, что реальная картина мира включает политический мир, культурная картина мира — политическую и культурную концептосферу, а языковая картина мира отображается в политическом тексте / дискурсе. Русский ученый А. П. Чудинов сформулировал концепцию «языковой картины политического мира»: «Языковая картина политического мира представляет собой сложное объединение ментальных

единиц (концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей, ценностей и др...)» [Чудинов 2006]. Языковая картина политического мира существует в сознании как часть языковой картины мира и является конкретным выражением языковой картины политического мира. Политические и культурные концепты составляют языковую картину политического мира, и каждый политический и культурный концепт является частью языковой картины политического мира. Таким образом, интерпретация политических и культурных концептов с точки зрения мировоззренческой системы политического языка — это процесс аналитического продвижения от целого к деталям.

Взаимодействие политического мира, политической культуры и политического текста / политического дискурса формирует языковую картину политического мира. Интерпретация политической культуры зависит от политического мира и политических текстов / политических дискурсов. Политический мир можно рассматривать как контекст политического дискурса, где «риторика в сфере международной политики разворачивается в определенном политическом контексте, который значительно ограничивает появление обсуждаемых тем, содержание политики, способы распространения и определяет окончательное понимание речи аудиторией» [Sun Jisheng, He Wei 2018]. В контексте политического дискурса субъективное значение в сознании собеседника меняется с изменением фона политического дискурса, и политический мир влияет на окончательную интерпретацию политических и культурных концептов. Кроме того, политические тексты / политические дискурсы также влияют на интерпретацию политических и культурных концептов, главным образом в форме представления политических текстов и выражения политических дискурсов.

В теоретическом поле политической лингвистики расширение динамической картины является важной аналитической парадигмой, направленной на изучение картины мира, представленной концептом в динамической эволюции, а также ее расширения и влияния на международный политический дискурс. Концепт в китайском стиле демонстрирует мировому сообществу культурные особенности и политическую позицию Китая через конкретные культурные символы. Например, концепт в китайском стиле демонстрирует свое культурное наследие и исторические традиции, показывая важные элементы традиционной китайской культуры, такие как тотем дракона, китайская живопись и традиционная архитектура. В то же время

знаковые здания и символические мероприятия современного социализма с китайской спецификой, такие как Национальный большой театр и церемония открытия Олимпийских игр, также стали важными культурными символами концептов в китайском стиле и продемонстрировали миру современный образ Китая и национальную силу. Во-вторых, влияние голоса страны и идеологии. Концепт в китайском стиле выражает собственное отношение и позицию по международным делам, формируя форму и содержание международного политического дискурса. Например, концепты в китайском стиле могут способствовать построению многополярного миропорядка и развитию международного сотрудничества путем выдвижения таких инициатив, как «Один пояс, один путь» и «Сообщество единой судьбы человечества». В то же время проявления концептов в китайском стиле в международном общественном мнении, такие как выступления лидеров китайского правительства и дипломатические заявления, также оказали значительное влияние на восприятие и понимание международного сообщества и сформировали имидж и позицию Китая в международных делах. В-третьих, культурные обмены и межкультурный диалог. Внимание уделяется роли и влиянию концептов в китайском стиле в культурных обменах и межкультурном диалоге. Концепт в китайском стиле способствует распространению и обмену традиционной китайской культурой и современными социалистическими идеями с китайской спецификой посредством международных культурных обменов и гуманитарного сотрудничества. Например, Китай демонстрирует миру разнообразие и очарование китайской культуры посредством проведения международных культурных фестивалей, художественных выставок, научных семинаров и других мероприятий. В то же время концепт в китайском стиле также укрепляет культурные обмены и сотрудничество с другими странами и регионами посредством международного сотрудничества в области образования и экспорта индустрии культуры, а также способствует интеграции и обмену между народами человеческой цивилизации.

Подводя итог вышесказанному, представления о динамической картине расширяют анализ культурной интерпретации концептов в китайском стиле и помогают глубоко понять ее проявление и влияние на международной политической арене. Проанализировав культурные символы, право голоса страны и формы культурных обменов, мы раскрываем место и роль концептов в китай-

ском стиле в международных делах и даем теоретическое обоснование и практическую поддержку развитию этого направления деятельности на международной арене.

5. ВЫВОДЫ

С позиций международной политической лингвистики в этой статье в качестве объекта исследования используется культурная интерпретация концептов в китайском стиле, применяется аналитическая парадигма трехмерной модели, представления концепции длительности и расширения динамической картины, чтобы провести углубленное обсуждение теории и метода исследования концептов в китайском стиле. Исследование пришло к следующим трем выводам: во-первых, анализ трехмерной модели помогает глубоко интерпретировать многомерное взаимодействие и выражение китайской концептосферы и идеологии в международном политическом дискурсе, раскрывая богатство и сложность ее культурных и политических коннотаций. Во-вторых, применение концепции продолжительности помогает четко понять происхождение и эволюционную траекторию концептов в китайском стиле в историческом развитии, а также проследить важную роль концептов в идеологическом строительстве и политической практике. Наконец, анализ динамической картины помогает выявить проявление и влияние китайских идеологов на международной политической арене, а также их роль и ценность в культурных обменах и межкультурном диалоге.

В связи с этим большое значение имеет дальнейшее углубление изучения политической лингвистики и концептов в китайском стиле. Концепты в китайском стиле, несомненно, займут место на мировой арене с совершенно новым отношением и внесут вклад в распространение китайского философского наследия и китайской «мягкой силы», в построение общества единой судьбы человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будаев, Э. В. 2006. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург: [б. и.], 2006. — Текст: непосредственный.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва: [б. и.], 1996. — Текст: непосредственный.
3. Гаврилова, М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина) / М. В. Гаврилова. — Санкт-Петербург: Изд-во филологического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. — Текст: непосредственный.
4. Колесов, В. В. Жизнь происходит от слова / В. В. Колесов. — Москва: [б. и.], 1999. — Текст: непосредственный.
5. Маслова, В. А. 2004. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. — Москва: Тетра Системс, 2004. — Текст: непосредственный.
6. Пименова, М. В. Политическая концептуальная система / М. В. Пименова. — Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. — 2010. — № 2 (32).

7. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва: Академический Проект, 2004. — Текст: непосредственный.
8. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва: Флинта: Наука, 2004. — Текст: непосредственный.
9. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва: Флинта: Наука, 2006. — Текст: непосредственный.
10. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва: Флинта: Наука, 2012. — Текст: непосредственный.
11. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. — London; New York: Longman, 1989. — Text: unmediated.
12. Fairclough, N. Discourse and social change / N. Fairclough. — Cambridge: Cambridge Polity Press, 1992. — Text: unmediated.
13. 杨秀杰. 2007. 语言文化观念范畴研究.[M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. = Yang Xiujie. Yuyan wenhua xue de guannian fanchou yanjiu / Yang Xiujie. — Ha'erbin: Heilongjiang renmin chubanshe, 2007. — Text: unmediated.
14. 庞大鹏. 2010. 观念与制度.[M]. 北京: 中国社会科学出版社. = Pang Dapeng. Guannian yu zhidu / Pang Dapeng. — Beijing: Zhongguo shehuikexue chubanshe, 2010. — Text: unmediated.
15. 辛斌. 2005. 批评语言学: 理论与应用.[M]. 上海: 上海外语教育出版社. = Xin Bin. Piping yuyanxue: lilun yu yingyong / Xin Bin. — Shanghai: Shang Hai waiyu jiaoyu chubanshe, 2005. — Text: unmediated.
16. 沃达克, 迈耶. 2014. 批评话语分析方法 (第二版). [M]. 北京: 北京大学出版社. = Wo Dake. Piping huayu fenxi fangfa (di'er ban) / Wo Dake, Mai Ye. — Beijing: Beijing Daxue chubanshe, 2014. — Text: unmediated.
17. 索绪尔著, 高明凯译. 2001. 普通语言学教程.[M]. 北京: 商务印书馆. = Suoxu'er Zhe. Putong yuyanxue jiaocheng / Suoxu'er Zhe, Gaoming Kaiyi. — Beijing: Shangwu Yinshuguan, 2001. — Text: unmediated.
18. 邹华. 2015. 政治话语研究的哲学基础析论.[J]. 理论导刊, (11): 41-44. = Zou Hua. Zhengzhi huayu yanjiu de zhexue jichu xi lun / Zou Hua. — Text: unmediated // Lilun dao kan. — 2015. — No 11. — P. 41-44.
19. 姚小平. 1998. 语言学与科学的历史姻缘——17-19世纪科学对语言学的影响.[J]. 外国语言文学, (4): 1-10. = Yao Xiaoping. Yuyanxue yu kexue de lishi yinyuan—17-19 shiji kexue dui yuyanxue de yingxiang / Yao Xiaoping. — Text: unmediated // Waiguo yuyan wenxue. — 1998. — No 4. — P. 1-10.
20. 陈平. 1987. 话语分析说略.[J]. 语言教育与研究, (3): 4-13. = Chen Ping. Huayu fenxi shuo lue / Chen Ping. — Text: unmediated // Yuyan jiaoyu yanjiu. — 1987. — No 3. — P. 4-13.
21. 丁建新, 廖益清. 2001. 批评话语分析述评.[J]. 当代语言学, (4): 305-310. = Ding Jianxin. Piping huayu fenxi shu ping / Ding Jianxin, Liao Yiqing. — Text: unmediated // Dangdai yuyanxue. — 2001. — No 4. — P. 305-310.
22. 王泽霞, 杨忠. 2008. 费尔克劳话语三维模式解读与思考.[J]. 外语研究, (3): 9-13. = Wang Zexia. Fei er ke lao huayu sanwei moshi jiedu yu sikao / Wang Zexia, Yang Zhong. — Text: unmediated // Waiyu yanjiu. — 2008. — No 3. — P. 9-13.
23. 辛斌, 高小丽. 2013. 批评话语分析: 目标、方法与动态.[J]. 外语与外语教学, (5): 1-5. = Xin Bin. Piping huayu fenxi: mubiao, fangfa yu dongtai / Xin Bin, Gao Xiaoli. — Text: unmediated // Waiyu yu waiyu jiaoxue. — 2013. — No 5. — P. 1-5.
24. 徐胜男. 2013. 浅析语言文化观念理论及其研究方法.[J]. 考试周刊, (77): 24. = Xu Shengnan. Qianxi yuyan wenhua xue zhong guannian lilun jiqi yanjiu fangfa / Xu Shengnan. — Text: unmediated // Kaoshi zhokan. — 2013. — No 77. — P. 24.
25. 杨秀杰. 2007. 语言文化观念及其研究方法.[J]. 外语学刊, (5): 97-101. = Yang Xiujie. Yuyan wenhua guannian jiqi yanjiu fangfa / Yang Xiujie. — Text: unmediated // Waiyu xue kan. — 2007. — No 5. — P. 97-101.
26. 陈梦华. 2014. 俄罗斯语言文化视角下的观念研究.[J]. 中国俄语教学, (1): 72-76. = Chen Menghua. Eluosi yuyan wen-

hua xue shijiao xia de guannian yanjiu / Chen Menghua. — Text : unmediated // Zhongguo Eyu jiaoxue. — 2014. — No 1. — P. 72–76.

27. 孙吉胜 何伟. 2018. 国际政治话语的理解、意义生成与接受.[J]. 国际政治研究, (3): 38-62. = Sun Jisheng, He Wei. Guoji zhengzhi huayu de lijie, yiyi shengcheng yu jieshou / Sun Jisheng, He Wei. — Text : unmediated // Guoji zhengzhi yanjiu. — 2018. — No 3. — P. 38–62.

28. 彭文钊. 2002. 俄语语言世界图景的文化释义性研究: 理论与方法.[D]. 哈尔滨: 黑龙江大学. = Peng Wenzhao. Eyu yuyan shijie tujing de wenhua shiyi xing yanjiu: lilun yu fangfa : Dis. / Peng Wenzhao. — Ha'erbin : Heilongjiang daxue, 2002. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Budaev, E.V., & Chudinov, A.P. (2006). *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in Political Interdiscourse]. Ekaterinburg. (In Russ.)

2. Vezhbitskaya, A. (1996). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow. (In Russ.)

3. Gavrilova, M.V. (2004). *Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoy rechi (na materiale vystupleniy V. V. Putina i B. N. El'tsina)* [Cognitive and rhetorical foundations of the presidential speech (based on the speeches of V. V. Putin and B. N. Yeltsin)]. St. Petersburg: Izd-vo filologicheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta. (In Russ.)

4. Kolesov, V.V. (1999). *Zhizn' proiskhodit ot slova* [Life comes from the word]. Moscow. (In Russ.)

5. Maslova, V.A. (2004). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics] [Textbook]. Moscow: Tetra Sistems. (In Russ.)

6. Pimenova, M.V. (2010). Politicheskaya kontseptual'naya sistema [Political conceptual system]. *Political Linguistics*, 2(32). (In Russ.)

7. Stepanov, Yu.S. (2004). *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskij Proekt.

8. Chudinov, A.P. (2004). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.)

9. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.)

10. Chudinov, A.P. (2012). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta, Nauka.

11. Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. London, New York: Longman.

12. Fairclough, N. (1992). *Discourse and social change*. Cambridge: Cambridge Polity Press.

13. Yang Xiujie (2007). *Yuyan wenhua xue de guannian fanchou yanjiu*. Ha'erbin: Heilongjiang renmin chubanshe.

14. Pang Dapeng (2010). *Guannian yu zhidu*. Beijing: Zhongguo shehuikexue chubanshe.

15. Xin Bin (2005). *Piping yuyanxue: lilun yu yingyong*. Shang Hai: Shang Hai waiyu jiaoyu chubanshe.

16. Wo Dake, Mai Ye (2014). *Piping huayu fenxi fangfa (di'er ban)*. Beijing: Beijing Daxue chubanshe.

17. Suoxu'er Zhe, Gaoming Kaiyi (2001). *Putong yuyanxue jiaocheng*. Beijing: Shangwu Yinshuguan.

18. Zou Hua (2015). Zhengzhi huayu yanjiu de zhexue jichu xi lun. *Lilun dao kan*, 11, 41–44.

19. Yao Xiaoping (1998). Yuyanxue yu kexue de lishi yinyuan—17-19 shiji kexue dui yuyanxue de yingxiang. *Waiquo yuyan wenxue*, 4, 1–10.

20. Chen Ping (1987). Huayu fenxi shuo lue. *Yuyan jiaoyu yu yanjiu*, 3, 4–13.

21. Ding Jianxin, Liao Yiqing (2001). Piping huayu fenxi shu ping. *Dangdai yuyanxue*, 4, 305–310.

22. Wang Zexia, Yang Zhong (2008). Fei er ke lao huayu sanwei moshi jiedu yu sikao. *Waiyu yanjiu*, 3, 9–13.

23. Xin Bin, Gao Xiaoli (2013). Piping huayu fenxi: mubiao, fangfa yu dongtai. *Waiyu yu waiyu jiaoxue*, 5, 1–5.

24. Xu Shengnan (2013). Qianxi yuyan wenhua xue zhong guannian lilun jiqi yanjiu fangfa. *Kaoshi zhoukan*, 77, 24.

25. Yang Xiujie (2007). Yuyan wenhua guannian jiqi yanjiu fangfa. *Waiyu xue kan*, 5, 97–101.

26. Chen Menghua (2014). Eluosi yuyan wenhua xue shijiao xia de guannian yanjiu. *Zhongguo Eyu jiaoxue*, 1, 72–76.

27. Sun Jisheng, He Wei (2018). Guoji zhengzhi huayu de lijie, yiyi shengcheng yu jieshou. *Gujie zhengzhi yanjiu*, 3, 38–62.

28. Peng Wenzhao (2002). *Eyu yuyan shijie tujing de wenhua shiyi xing yanjiu: lilun yu fangfa* [D]. Ha'erbin: Heilongjiang daxue.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'27
ББК Ш100.62

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Ян Лисинь¹, Ли Минь^{2,3}, Лю Лифэнь^{2,4}

¹ Юго-Западный нефтяной университет, Чэнду, Китай, yanglixin1980@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-3515-9711>

² Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай

³ 18504992023@163.com, <https://orcid.org/0009-0006-8460-8743>

⁴ liulifen1993@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-0003-0723>

Обзор исследований языкового ландшафта в России

АННОТАЦИЯ. Языковой ландшафт является инструментом ориентировки, на который мы полагаемся в жизни. Языковой ландшафт не только предоставляет людям информацию, регулирует поведение, но и демонстрирует политику, экономику и культуру определенного места, отражает языковую политику местных органов власти и даже государства. Изучение языкового ландшафта в России началось рано и приносит заметные результаты, дисциплинарные перспективы постепенно расширяются. Основные исследования касаются аспектов языкового ландшафта, включая формальные, семантические, прагматические и требующих привлечения корпусных методов; параллельно с этим появляется все больше перспективных исследований с привлечением инструментария лингвокультурологии, семиотики, социолингвистики и других дисциплин. В рамках этого процесса анализируется культурная сущность языкового ландшафта, интерпретируются роль и значение языковых и неязыковых знаков в формировании текста, а также обсуждаются полилингвизм в городе и политические движения, структуры власти и социальные статусы, которые скрыты за выбором языковой кодировки в языковом ландшафте. В целом исследования показывают тенденцию к постепенному росту, но по-прежнему остаются разрозненными и нуждаются в систематизации: они в основном фокусируются на описании, а не на интерпретации, поэтому необходимо расширять методическую базу исследования языкового ландшафта и усиливать применение методов корпусно-лингвистического анализа. Данное исследование призвано стать основой для последующих междисциплинарных исследований с учетом объяснительного потенциала различных дисциплин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковой ландшафт, общественный знак, Россия, формально-семанτικο-прагматический аспект, многоязычие, языковой знак, неязыковой знак.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Лисинь, доцент, Юго-Западный нефтяной университет; 611100, Китай, г. Чэнду, район Синду, пр-т Синьду № 8; email: yanglixin1980@163.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ: Ли Минь, кандидат филологических наук, исследователь постдокторантуры, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510545, Китай, г. Гуанчжоу, Северный пр-т Байюнь № 2; email: 18504992023@163.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лю Лифэнь, доктор филологических наук, профессор, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли; 510545, Китай, г. Гуанчжоу, Северный пр-т Байюнь № 2; email: liulifen1993@163.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта научного социального фонда КНР № 22ВУУ195.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ян, Лисинь. Обзор исследований языкового ландшафта в России / Ян Лисинь, Ли Минь, Лю Лифэнь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 329-337.

Yang Lixin¹, Li Min^{2,3}, Liu Lifen^{2,4}

¹ Southwest Petroleum University, Chengdu, China, yanglixin1980@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-3515-9711>

² Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

³ 18504992023@163.com, <https://orcid.org/0009-0006-8460-8743>

⁴ liulifen1993@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-0003-0723>

A Review of Russian Linguistic Landscape Studies

ABSTRACT. Linguistic landscape serves as an indispensable tool in our everyday life in that it not only provides information to people and regulates their behaviors, but also reflects the politics, economy, and culture of a place as well as the language policies of the local government or even those of a nation. Russian studies of linguistic landscape possess an early start and fruitful achievements, with their perspectives gradually expanding. The main studies focus on the aspects of linguistic landscape including formal, semantic, and pragmatic aspects, including those that need the use of corpus methods. Meanwhile, there appear more and more advanced studies bordering on linguoculturology, semiotics, sociolinguistics, and other disciplines. The scholars involved in these processes analyze the cultural essence of linguistic landscape, interpret the roles and significance of linguistic and non-linguistic symbols in text generation, and discuss urban multilingualism, as well as political movements, power structures and social statuses hidden behind the language coding choices in linguistic landscape. Overall, the studies demonstrate a steady upward trend, but they remain relatively fragmented and in need of systematization. They mainly focus on description rather than interpretation. Therefore, it is necessary to expand the methodological

basis of the study of linguistic landscape and to enhance the application of the methods of corpus linguistic investigation. This review can become a basis for further interdisciplinary research of linguistic landscape engaging the explanatory potential of various disciplines.

KEYWORDS: *linguistic landscape, social sign, Russia, formal, semantic, and pragmatic aspects, multilingualism, linguistic symbol, non-linguistic symbol.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yang Lixin, Associate Professor, Southwest Petroleum University, Chengdu, China.*

CORRESPONDENT AUTHOR'S INFORMATION: *Li Min, Ph.D. in Philology, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Liu Lifen, Doctor of Philology, Professor of Research Center for Translation Studies, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou; Literature and Culture Studies of Heilongjiang University, Harbin, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The article has been written with financial support of the Chinese scientific social foundation grant № 22BYY195.

FOR CITATION: *Yang Lixin, Li Min, Liu Lifen. (2024). A Review of Russian Linguistic Landscape Studies. In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 329-337. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

«Языковой ландшафт» составляет из одномодальных или мультимодальных символов (языковых или/и неязыковых), размещаемых в общественных местах с определенной коммуникативной целью и функцией — к ним относятся дорожные знаки, рекламные щиты, вывески магазинов, названия государственных учреждений, лозунги, девизы, туристические указатели и т. д. [Лю Лифэнь 2020: 65]. Настоящий термин был предложен Ландре и Бурисом в 1997 г.: по мнению ученых, «язык общественных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц, названий районов, вывесок магазинов и общественных указателей на правительственных зданиях формирует языковой ландшафт определенной территории, региона или городской агломерации» [Landry, Bourhis 1997: 25]. Широкое использование термина ЯЛ началось с социолингвистических исследований. На самом деле в разных научных областях (лингвистика, культурология, переводоведение) уже давно появились исследования, объектом которых выступал сам данный феномен, например, в английском языке используются такие термины, как *public signs, signs, signage* и *environmental communication notices and signs, linguistic landscape* и т. д., в китайском есть 公示语, 标识语, 标示语, 语言景观, 语言风貌 и т. д. [Лю Лифэнь, 2020: 59–62], а в русском языке терминология еще более обширна. В целях упрощения коммуникации и унификации текста в настоящей работе используется термин ЯЛ. Ниже представлен систематический обзор российских исследований, посвященных языковому ландшафту, настоящая работа проводится с целью понять тенденции развития и актуальные проблемы, сделать прогноз и заложить основу для исследований в будущем.

2. ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЛ В РОССИИ

Изучение языкового ландшафта в России затрагивает целый ряд областей: помимо обоснования термина ЯЛ, в сферу изучения российских ученых постепенно включается анализ лингвистического аспекта формальных, семантических, прагматических и стилистических особенностей; изучение культурного значения языкового ландшафта с точки зрения культурной интерпретации; семиотичный анализ значения различных знаков и их комбинаций; социолингвистическое исследование языкового многообразия в городах, исследование влияния политики, имплицитного характера власти и этнической идентичности, стоящих за выбором языковых кодов. Также отмечается многообразие исследований в отношении влияния психологии, когнитивной науки и других дисциплин, что придает исследованиям языкового ландшафта все более выраженный междисциплинарный характер. Ниже подробно рассматривается каждый из этих аспектов.

3. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЯЛ

В России ЯЛ часто является объектом исследования языка города, и его историю исследования можно проследить с 60-х годов прошлого столетия. С тех пор термин пережил множество трансформаций, часть из них выделилась в обозначения подчиненных и прилительных понятий. На ранних стадиях российских исследований основное внимание было уделено названию *урбаноним*, позже в 1988 г. Подольская впервые ввела термин *эргоним* в «Словаре русской ономастической терминологии» [Цит. по: Крыжановская 2017], а уже в 2000 г. Р. И. Козлов в своих исследованиях использовал термин

эргоурбоним. Кроме того, ученые используют подчиненные понятия ЯЛ, например, Д. А. Яловец-Коновалова использует НКП [Яловец-Коновалова 1997], Н. В. Шимкевич — *темоним* [Шимкевич 2002], а Н. А. Вовк — *фирмоним* [Вовк 2010]. ЯЛ полон подчиненных понятий: *эмпороним, годоним, хороним, ойконимы, гидронимы, оронимы, агороним, ойкодомонимов, экклезионим* и других.

В ходе углубления исследований такие ученые, как А. Вежбицкая, С. Г. Тер-Минасова, Е. В. Астапенко, Д. И. Медведева и другие, также прибегают к использованию других терминов. Эти термины взаимосвязаны, пересекаются или находятся в прямых или косвенных этимологических отношениях относительно друг друга. Однако, исходя из лингвистики, культурологии, переводоведения и других дисциплин, в общем случае предпочтительнее использовать термин «общественные знаки», а в рамках социолингвистики — ЯЛ или «лингвистический ландшафт».

4. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ — ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Изучение ЯЛ должно начинаться с выявления его сущностных характеристик, что говорит о необходимости раскрытия его в лингвистическом аспекте, то есть выявления его формальных, семантических и прагматических особенностей, определения жанровых типов и т. д. Лингвистический аспект рассматривается в подавляющем числе российских исследований, изучающих ЯЛ.

4.1. Структурно-семантический анализ ЯЛ

Основным элементом ЯЛ является язык, а структурно-семантический анализ языка является основой всех исследований. ЯЛ, являясь особым подвидом, имеет структурно-семантические особенности, основанные как на характеристиках обычного текста, так и на его уникальности. В России существует большое количество литературы, посвященной структурно-семантическим особенностям ЯЛ, поэтому ниже представлены наиболее значимые заключения. Г. И. Канакина исследует лингвокультурологические особенности названий городских объектов, собранных на улицах г. Пенза, в частности названий городских коммерческих объектов, шоколадных конфет, мебели и т. д. посредством анализа их структуры и семантических особенностей [Канакина 2014]. Е. Н. Ремчукова и Л. Р. Махиянова исследуют лексико-грамматические механизмы наименования коммерческих магазинов в современных российских городах, анализируют создание потенциальных и случайных названий на

основе русской деривации, написания и грамматических особенностей имен собственных и отмечают, что творческая разработка наименования подчиняется языковым нормам, отражающим позитивные изменения в лексике и грамматике русского языка [Ремчукова, Махиянова 2017]. Ю. А. Васильева анализирует семантическую структуру и словообразующие особенности наименований предприятий г. Астрахань, а также их возникновение и функционирование в языковом пространстве современных городов России [Васильева 2017]. Помимо монолингвального анализа, ученые также исследуют ЯЛ в сопоставительном аспекте, например, О. В. Дубкова и М. В. Захарова-Саровская сопоставляют словообразование неологизмов в названиях городских объектов в двух родственных языках — китайском и русском [Дубкова, Захарова-Саровская 2018].

4.2. Прагматический анализ ЯЛ

ЯЛ — это перформативный язык, предметом внимания ученых в котором становится прагматическое значение. Наиболее заметным исследователем прагматического аспекта ЯЛ является В. М. Аринштейн [Аринштейн 2001]; Л. В. Шорина [Шорина 2007] сопоставляет особенности речевых актов в английском и русском регулируемых ЯЛ, а в работе «Публичный директив и его место в системе речевых актов: на материале американского варианта английского языка и русского языка» проводит сопоставительный анализ характеристик речевых актов и национальных социокультурных особенностей английского и русского ЯЛ с точки зрения коммуникативной и этносоциальной прагматики, выявляя структурно-синтаксические и семантические особенности английского и русского ЯЛ и их взаимосвязь с категорией вежливости; Т. В. Русинова исследует особенности функционирования запрета в ЯЛ на базе русского и английского языков [Русинова 2006].

4.3. Жанрово-стилистический анализ ЯЛ

Российские ученые работают над вопросом о месте ЯЛ в лингвистике. Еще в 1990-х годах Л. В. Сахарный включил в категорию текста вывеску магазина, вывеску учреждения, название книги и театра, надписи, рекламу и т. д., определив его как «текст-примитив»: он считал, что каждый тип ЯЛ является уникальным стилем речи [Сахарный 1991: 222]. За последние 30 лет российские ученые достигли блестящих успехов в жанрово-стилистическом изучении ЯЛ, при этом наиболее глубоко изученными являются вывески, лозунги и директивные ЯЛ. Например,

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова рассматривают такие малые в городском дискурсе письменные жанры, как афиши, вывески, объявления и т. д. [Китайгородская, Розанова 2010]. Н. В. Михайлюкова утверждает, что вывеска — это особый малый письменный жанр текста с коротким объемом, концентрированным смыслом, информационной самодостаточностью, яркими языковыми особенностями и непривычными средствами соединения, и считает, что языковые и неязыковые знаки городских вывесок должны быть обеспечены их целостностью, и большинство из них осуществляют рекламные функции для выражения прагматичных намерений именователей [Михайлюкова 2012, 2017, 2019]. Т. И. Петрова впервые исследовала пространственные речевые жанры междугородного транспорта с точки зрения коммуникативности времени, места и отношений между общающимися сторонами [Петрова 2016]; Ю. С. Буренина рассматривает информативно-регулирующий ЯЛ как малоформатное произведение письменной коммуникации, выполняющее социальную-нормативную функцию, принадлежащее к корпусу официально-деловой речи, и анализирует стилистические особенности информативно-регулирующего ЯЛ французского языка [Буренина 2011а]. Е. А. Покровская и др. посвятили классификации и функционированию инструктивно-запретительных ЯЛ одну главу в монографии «Речевые жанры в диалоге культур», проанализировали речевые жанры инструктивно-запретительных ЯЛ в русском, итальянском и английском языках в формальном и грамматическом аспектах и пришли к выводу, что такие ЯЛ отличаются многообразностью [Покровская 2011].

Ученые также анализировали жанр лозунгов, используя корпус данных с выборов президента и Государственной думы в России и аналогичных мероприятий за рубежом, а также баннеры с митингов, шествий, забастовок и других. Например, М. В. Китайгородская анализирует особенности речевых оборотов, используемых на митингах и шествиях [Китайгородская 2010]; Л. Л. Федорова выбирает в качестве корпуса лозунги на баннерах шествующих по Новому Арбату, рассматривает жанр ЯЛ шествия как сложное коммуникативное событие, выясняет типы его коммуникативных субъектов, его основные функции и языковые особенности [Федорова 2014].

5. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЛ

Лингвокультурное исследование представляет собой одну из характерных для

России научных областей. Изначально ученые изучали ЯЛ в большей степени с культурологической точки зрения, полагая, что ЯЛ отражает и формирует идеологию и содержание мышления общества и государства, является ключом к пониманию социальных отношений и культурных ценностей. Например, А. Вежбицкая в своей работе провела сопоставительный анализ запретительных ЯЛ Германии и США с точки зрения культуры и дала им более авторитетное определение, что создало возможность обозначить ЯЛ как общественные знаки (впоследствии термин был принят большинством российских исследователей) [Вежбицкая 2001]. Д. И. Медведева производит лингвокультурный сопоставительный анализ средств выражения запретительных ЯЛ и особенностей ЯЛ торговых и коммерческих вывесок, несущих предупредительный характер, в русском, английском и немецком языках; она рассматривает ЯЛ как разновидность официально-делового стиля, анализирует языковые особенности и выразительные средства запретительных ЯЛ немецкого и русского языков, рассматривает лингвокультурные особенности концепта «запрет» в Германии и России [Медведева 2004, 2005b]. Д. И. Медведева также анализирует безэквивалентные ЯЛ, отражающие российские культурные нормы [Медведева 2005а]. Е. В. Зенина утверждает, что директивно-индикативный ЯЛ является культурным объектом [Зенина 2011а]. Н. Н. Котельникова анализирует лингвокультурные характеристики вывесок в китайских городах и утверждает, что культурные традиции и изменения ценностной ориентации граждан в полной мере влияют на использование характерной для Китая игры слов, китайских иероглифов и древних стихотворений [Котельникова 2019]. Н. Н. Котельникова и О. А. Леонтович исследуют ЯЛ, связанный с цивилизацией, и отмечают, что основные сферы (транспорт, охрана окружающей среды), задействованные в символах современных китайских городов, отражают динамику, связанную с социальными процессами в Китае, и объясняют его национальные и культурные особенности [Котельникова, Леонтович 2018]. Д. Р. Миниярова и А. В. Уразметова рассматривают ЯЛ как языковую единицу, передающую культурную и национальную особенность, представляющую собой неотъемлемую часть имиджа города [Миниярова, Уразметова 2023].

Культурологическая интерпретация ЯЛ не может быть отделена от анализа прецедентных феноменов в нем, поскольку феномен прецедентности является носителем богатой национальной культуры. Данный фе-

номен был впервые выделен русскими учеными и является особенностью именно российских исследований. Например, Т. О. Прокофьева анализирует названия городских объектов, происходящих из античной мифологии, славянских и русских фольклорных произведений, европейских мифов, восточных сказок и индийской мифологии [Прокофьева 2016]; Е. Н. Ремчукова и др. исследуют источники прецедентности в городских коммерческих наименованиях, анализируют лингвокультурный потенциал и степень мотивированности коммерческих урбанонимов, а также утверждают, что прецедентные наименования совмещают в себе информационную, инструктивную, концептуальную и привлекательную функции [Ремчукова 2017].

6. СЕМИОТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЛ

ЯЛ — это совокупность представленных различными способами языковых и неязыковых знаков, зависящих от определенной сущности, состоящая из отдельных или взаимосвязанных слов, графики, изображений и являющаяся объектом семиотического исследования. Например, Я. Н. Еремеев исследовал применение мифологии и мифологических произведений в ЯЛ в разрезе современного подхода к интерпретации мифологии, указывая на то, что мифы являются системами вторичных символов [Еремеев 2001]. Г. Г. Слышкин и Н. В. Чиж считают, что существует два основных подхода к лингвосомиотическому исследованию городов: «город как знак» и «город как текст», ими отмечается, что в рамках первого подхода изучаются языковые процессы переименования города, наделения города прозвищем, метафоризации названия города, образования квазитопонимов и т. д., при применении методики второго подхода корпоративные мемориальные доски анализируются как элемент городского текста [Слышкин, Чиж 2008: 12].

В период 2010–2020 годов предметом пристального внимания ученых стала функция выражения значения неязыковых символов в ЯЛ, они в основном исследуют взаимодействие между языковыми и неязыковыми символами и изучают различные типы ЯЛ с точки зрения смешанных дискурсов, в которых сочетаются эти два типа символа. Например, Е. А. Покровская и др. исследовали роль неязыковых элементов, таких как изображения, графика и цвета в дискурсе ЯЛ [Покровская 2011]; некоторые ученые рассматривают вывески как сложное мультисимволическое целое, особый смешанный текст (текст-примитив), и утверждают, что неязыковые символы в равной мере

участвуют в выражении последовательности, целостности, информативности и прагматичности текста. Среди исследований можно выделить труды М. А. Симоненко, который изучает материальные и культурные коды в знаковых текстах [Симоненко 2016], Н. В. Михайлюковой, которая анализирует значения, передаваемые неязыковыми элементами, такими как шрифт, цвет, порядок слов, расположение и размещение изображений [Михайлюкова 2017b: 133]. Т. С. Ларина анализирует речевые акты немецких директивных ЯЛ с точки зрения языковых и неязыковых символов, отмечая, что между языковыми и неязыковыми символами существуют три типа отношения: отношение с преобладанием слов, отношение с преобладанием изображения, а также семантически взаимодополняемые отношения изображения и слов [Ларина 2018].

Особого внимания заслуживает кандидатская диссертация В. А. Крыжановской «Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты», в которой системно исследуется графическая трансформация (игра) в эргониме, классифицируются и количественно анализируются графические элементы. По мнению В. А. Крыжановской, элементы графической трансформации могут влиять на изменение семантической структуры эргонимов. Ученые делят трансформации на буквенные и небуквенные, причем к буквенным относятся латинские элементы (чисто латинизированные, двойные элементы) и древнерусские, а к небуквенным — графические деконструкции и пиктографию [Крыжановская 2017].

7. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЛ

ЯЛ является индикатором социальной идеологии и практики, и российские исследователи сосредоточились на вопросах использования языка в общественных местах и пространствах, изучая особенности и модели использования языка в реальной среде. В своем учебном пособии «Социоллингвистика: языковой облик современного города» Н. В. Михайлюкова, основываясь на теории таких исследователей семиотики, как Барт, Лотман, Тодоров и др., анализирует региональные особенности таких городских малоформатных письменных текстов, как вывески, наружная реклама, объявления, плакаты и т. п. [Михайлюкова 2019]. А. Н. Сперанская исследует, как иностранцы, не владеющие китайским языком, могут быстро выстроить коммуникацию с китайскими городами и войти в незнакомое языковое про-

странство, причем считает, что помимо других языковых знаков на вывесках наиболее важными средствами для этого являются латиница, цифры, графические символы, изображения предметов и пиньинь, а также расположение вывески, изображения на них и городские информационные стенды [Сперанская 2019]. Е. В. Варламова изучала языковую интеграцию в многоязычном ландшафте улицы Боумена в Казани и обнаружила, что английский язык интегрирован в большей степени, а татарский — в наименьшей. Официальные вывески в основном соответствуют федеральной и республиканской языковой политике, в то время как неофициальные не всегда строго ее придерживаются [Варламова 2021].

Некоторые ученые также исследуют более глубокие вопросы, стоящие за выбором языкового кода городов, такие как политическая ориентация, отношение к власти, идентичность и т. д. Например, Р. Т. Садуов рассматривает языковой и культурный ландшафт Уфы с применением многоаспектного подхода и изучает его совместимость с языковой политикой [Садуов 2020]; В. В. Баранова и другие исследователи проанализировали изменения в заметности языков мигрантов в ЯЛ Санкт-Петербурга за пятилетний период с 2015 по 2020 год и обнаружили, что ЯЛ отражает переход от доминирования русского языка к «языковым уступкам», от одноязычного сознания к многоязычному. Отмечается, что заметность языков на вывесках в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах является свидетельством неравного положения этнических групп [Баранова 2017, 2020]. Н. В. Михайлюкова отмечает, что распространение английского языка в неофициальных ЯЛ может негативно сказаться на ценностях населения страны и, в свою очередь, влияет на национальную безопасность [Михайлюкова 2020]. Г. Х. Солтанова и другие утверждают, что языковая ориентация ЯЛ может отражать местный этнический состав и культурное разнообразие населенного пункта [Солтанова 2024].

8. ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЛ В ДРУГИХ АСПЕКТАХ

ЯЛ также изучается в разрезе психологии и когнитивистики. Так, ученые провели ассоциативные эксперименты по изучению связи между эргонимом и объектом, а также названием туристического агентства и доказали, что двух- и трехкомпонентные названия являются наиболее эффективными [Зуева 2014; Моисеева 2018]. Н. В. Михайлюкова исследует коммуникативные и когни-

тивные процессы наименования в области бизнеса и утверждает, что воздействие бизнес-наименования на клиентов обладает лингвокогнитивной спецификой [Михайлюкова 2019]. Н. В. Чуйкина рассматривает языковые игры как проявление языкового творчества, сравнивает эстонские, польские и русские ЯЛ с междисциплинарной точки зрения и утверждает, что языковые игры должны быть включены в дизайн городских ландшафтов [Чуйкина 2022].

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования ЯЛ в России являются мультиаспектными. В качестве исследовательского корпуса ученые берут эргонимы, в том числе вывески, плакаты, лозунги, и при глубоком анализе формальной, семантической, грамматической и стилистической особенности ЯЛ с лингвистической точки зрения в основном применяют метод эмпирического исследования; анализируют культурную коннотацию, которую несет ЯЛ в лингвокультурном аспекте; интерпретируют роль и значение языковых и неязыковых символов в построении дискурса ЯЛ с семиотической точки зрения; социолингвистический анализ базируется в основном на политической ориентации, структуре власти и социальной идентичности, которые стоят за выбором языковых кодов в городских ЯЛ. Кроме того, ученые изучают ЯЛ в аспекте психологии и когнитивистики, предоставляя больше теоретических инструментов для понимания ЯЛ, а тенденция популяризации междисциплинарных исследований подчеркивает широту и глубину поля исследований ЯЛ в России.

В российских исследованиях ЯЛ основное внимание уделяется русскому языку, сопоставительные исследования проводятся с привлечением материала немецкого, французского, монгольского, финского и других языков. Также отмечен интерес к китайскому ЯЛ, в частности объектом исследований выступает его многосимвольный состав и культурные особенности. Однако отмечается необходимость усиления некоторых аспектов исследований в будущем. Во-первых, необходимо создать совершенный корпус данных ЯЛ, оптимизировать методы исследования на основе развивающихся технологий, применять метод комбинации количественных и качественных исследований, диахронических и синхронических исследований; во-вторых, следует углубить существующие исследования, укрепить базу сопоставительного анализа, расширить сферу новых исследований, таких как нормы написания и перевода ЯЛ; в-третьих, необходимо расширить перспективы дисциплин, прово-

дять междисциплинарные или межотраслевые исследования и в большей мере охватывать такие дисциплины, как семиотика, языкознание, переводоведение, дизайн, эстетика, социолингвистика, социалингвистика и др.; в-четвертых, необходимо стимулировать введение и критический анализ зарубежных теоретических систем и исследовательских тенденций, чтобы построить аналогичную русскую систему, подходящую для изучения ЯЛ, и повысить уровень исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аринштейн, В. М. Этноспецифические особенности оформления «публичных директивов» и национальный характер языковой общности / В. М. Аринштейн. — Текст : непосредственный // *Язык и социокультурный контекст : материалы к спецкурсу*. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2001. — С. 77–90.
2. Астапенко, Е. В. Высказывания о ситуациях запрета: как феномен английского языка и как феномен американской культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Астапенко. — Тверь, 2004. — Текст : непосредственный.
3. Баранова, В. В. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга / В. В. Баранова, К. С. Фёдорова. — Текст : непосредственный // *Urban Studies and Practices*. — 2017. — № 1. — С. 103–121.
4. Баранова, В. В. Регулирование языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство / В. В. Баранова, К. С. Фёдорова. — Текст : непосредственный // *Журнал исследований социальной политики*. — 2020. — № 4. — С. 625–640.
5. Буренина, Ю. С. Стилистические особенности информативно-регулирующих текстов (на материале французского языка) / Ю. С. Буренина. — Текст : непосредственный // *Филология. Искусствоведение*. — 2011а. — № 51 (8). — С. 23–25.
6. Васильева, Ю. А. Эргонимикон города Астрахани: лексико-семантическая и словообразовательная характеристики / Ю. А. Васильева. — Текст : непосредственный // *Вестник Костромского государственного университета*. — 2017. — № 2. — С. 137–141.
7. Варламова, Е. В. Лингвистический ландшафт города Казани: особенности языковой интеграции / Е. В. Варламова. — Текст : непосредственный // *Global scientific potential*. — 2021. — № 119. — С. 148–152.
8. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — Текст : непосредственный.
9. Вовк, Н. А. Системные свойства фирмонимов в англоязычных текстах финансово-экономической тематики в словообразовательном и функциональном аспектах / Н. А. Вовк. — Текст : непосредственный // *Вестник Севастопольского национального технического университета*. — 2010. — № 102. — С. 144–148.
10. Дубкова, О. В. Контрастивный анализ словосложения в русском и китайском языках на материале неологической эргономии / О. В. Дубкова, М. В. Захарова-Саровская. — Текст : непосредственный // *Вестник Кемеровского государственного университета*. — 2018. — № 2. — С. 170–175.
11. Еремеев, Я. Н. О некоторых особенностях текста общественных указателей (современная мифология) / Я. Н. Еремеев. — Текст : непосредственный // *Язык, коммуникация и социальная среда*. — 2001. — № 1. — С. 84–90.
12. Зенина, Е. В. Роль языковой игры в реализации категории вежливости в английских директивно-инструктивных надписях / Е. В. Зенина. — Текст : непосредственный // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. — 2011а. — № 13(2). — С. 1450–1454.
13. Канакина, Г. И. Язык современного провинциального города: лингвокультурологическое исследование (на материале города Пензы) / Г. И. Канакина, И. Г. Родионова, Л. Б. Гурьянова, М. Г. Луннова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. — Текст : непосредственный.

14. Китайгородская, М. В. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Издательский дом «ЯСК», 2010. — Текст : непосредственный.

15. Козлов, Р. И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Козлов Р. И. — Екатеринбург, 2000. — Текст : непосредственный.

16. Котельникова, Н. Н. Лингвокультурные особенности текстов вывесок как фрагмента семиотического пространства современного китайского города / Н. Н. Котельникова. — Текст : непосредственный // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. — 2019. — № 25 (3). — С. 130–138.

17. Котельникова, Н. Н. Метаморфозы китайской городской семиотики / Н. Н. Котельникова, О. А. Леонтович. — Текст : непосредственный // *Известия Воронежского государственного педагогического университета. Филологические науки*. — 2018. — № 10. — С. 176–181.

18. Крыжановская, В. А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Крыжановская В. А. — Краснодар, 2017. — Текст : непосредственный.

19. Лобина, Ю. А. Эргонимы в лингвистическом ландшафте англоязычного города / Ю. А. Лобина, Л. М. Погосян. — Текст : непосредственный // *Topical Issues of Philology and Methods of Foreign Language Teaching*. — 2021. — № 15. — С. 41–49.

20. Лю, Лифэнь. О мотивации определения и концептуальном распознавании общественных знаков / Лю Лифэнь. — Текст : непосредственный // *Иностранные языки в Китае*. — 2020. — № 2. — С. 59–66.

21. Медведева, Д. И. Безэквивалентные общественные знаки как отражение российских культурных норм / Д. И. Медведева. — Текст : непосредственный // *English in a Multi-Cultural Community : материалы междунар. конф.* — Ижевск : Удм. гос. ун-т, 2005а. — Ч. 2. — С. 127–129.

22. Медведева, Д. И. Языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Медведева Д. И. — Ижевск, 2008. — Текст : непосредственный.

23. Миниярова, Д. Р. Годонимическая система Лондона как отражение культурно-языкового ландшафта / Д. Р. Миниярова, А. В. Уразметова. — Текст : непосредственный // *Филология и человек*. — 2023. — № 2. — С. 136–144.

24. Михайлюкова, Н. В. Отражение социальной дифференциации языка в текстах вывесок (на материале языка Владивостока) / Н. В. Михайлюкова. — Текст : непосредственный // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. — 2012. — № 4. — С. 303–309.

25. Михайлюкова, Н. В. Тексты вывесок как особый малый письменный жанр в коммуникативном пространстве города (на материале языка г. Владивостока) / Н. В. Михайлюкова. — Текст : непосредственный // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2017. — № 105 (3). — С. 51–58.

26. Михайлюкова, Н. В. Тексты вывесок как жанр рекламного дискурса (на материале языка г. Владивостока) / Н. В. Михайлюкова. — Текст : непосредственный // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2017б. — № 3. — С. 128–133.

27. Михайлюкова, Н. В. Социалингвистика: языковой облик современного города : учебник и практикум для вузов / Н. В. Михайлюкова. — Москва : Юрайт, 2019. — Текст : непосредственный.

28. Петрова, Т. И. Коммуникативное пространство междугородного сообщения в жанровом аспекте / Т. И. Петрова. — Текст : непосредственный // *Жанры речи*. — 2016. — № 1. — С. 120–127.

29. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1988. — Текст : непосредственный.

30. Покровская, Е. А. Речевые жанры в диалоге культур / Е. А. Покровская, Н. В. Дудкина, Е. В. Кудинова. — Ростов-на-Дону : Foundation, 2011. — Текст : непосредственный.

31. Прокофьева, Т. О. Мифы и сказки как источник эргонимических номинаций (на примере ономастикона Тамбовской области) / Т. О. Прокофьева. — Текст : непосредственный // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2016. — № 1. — С. 49–61.

32. Ремчукова, Е. Н. Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности в сфере городской номинации / Е. Н. Ремчукова, Л. Р. Махиянова. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. — 2015. — № 2. — С. 132–141.

33. Ремчукова, Е. Н. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города / Е. Н. Ремчукова, Т. П. Соколова, Л. Р. Замалетдинова. — Текст : непосредственный // Ценности и смыслы. — 2017. — № 6. — С. 94–108.

34. Руссинова, Т. В. Особенности функционирования запрета: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Руссинова Т. В. — Саратов, 2006. — Текст : непосредственный.

35. Садуов, Р. Т. Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта / Р. Т. Садуов. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2020. — № 1.

36. Сахарный, Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л. В. Сахарный. — Текст : непосредственный // Человеческий фактор в языке: языкознание и порождение речи. — Москва : Наука, 1991. — С. 221–237.

37. Симоненко, М. А. Культурные коды городской вывески / М. А. Симоненко. — Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. — 2016. — № 59. — С. 38–44.

38. Слышкин, Г. Г. Город как социокультурная ценность: перспективы лингвосомиотического исследования / Г. Г. Слышкин, Н. В. Чиж. — Текст : непосредственный // Социология города. — 2008. — № 1. — С. 12–20.

39. Солтанова, Г. Х. Культурное многообразие и идентичность в прикаспийской туркменской культуре: аспекты исследования / Г. Х. Солтанова, О. Бегмедова, Б. М. Дурдыева. — Текст : непосредственный // Всемирный ученый. — 2024. — № 26 (1).

40. Сперанская, А. Н. Как читать городские названия в Китае: иероглиф, цифра, буква / А. Н. Сперанская. — Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2019. — № 2. — С. 112–134.

41. Тортунова, И. А. Жанрово-стилистический портрет современного политического лозунга / И. А. Тортунова. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2015. — № 9. — С. 100–111.

42. Федорова, Л. Л. Языковой ландшафт: город и толпа / Л. Л. Федорова. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2014. — № 13 (6). — С. 70–80.

43. Шимкевич, Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : 10.02.01 : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. — Текст : непосредственный.

44. Шорина, Л. В. Публичный директив и его место в системе речевых актов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Шорина Л. В. — Санкт-Петербург, 2007а. — Текст : непосредственный.

45. Шорина, Л. В. Речеактовая природа публичного директива и способы оформления в английском и русском языках / Л. В. Шорина. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2017б. — № 1. — С. 78–83.

46. Чуйкина, Н. В. Лингвокреативность в современном городском пространстве (на примере эстонских, русских и польских наименований) / Н. В. Чуйкина, Е. В. Бусурина, Н. Б. Синдецкая. — Текст : непосредственный // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2002. — С. 16–25.

47. Яловец-Коновалова, Д. А. Названия коммерческих предприятий: ономастическая классификация и функционирование в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Яловец-Коновалова Д. А. — Челябинск, 1997. — Текст : непосредственный.

48. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R. Y. Bourhis. — Text : unmediated // Journal of Language and Social Psychology. — 1997. — № 16. — P. 23–49.

REFERENCES

1. Arinstein, V.M. (2001). Ethnospecific features of the design of “public directives” and the national character of the linguistic community. In *Language and sociocultural context (materials for a special course)*. St. Petersburg: B.I. Publishing House. (In Russ.)

2. Astapenko, E.V. (2004). *Statements about situations of prohibition: As a phenomenon of the English language and as a phenomenon of American culture* [Abstract of diss. ... of Cand. of Philol. sciences]. Tver. (In Russ.)

3. Baranova, V.V., & Fedorova, K.S. (2017). (Ne)visibility and (out)findability: labor migrants and the linguistic landscape of St. Petersburg. *Urban Studies and Practices*. (In Russ.)

4. Baranova, V.V., & Fedorova, K.S. (2020). Regulating the language landscape in Russian cities: Multilingualism and inequality. *Journal of Social Policy Research*. (In Russ.)

5. Burenina, Yu.S. (2011a). Stylistic features of informative-regulatory texts (on the material of the French language). *Philology. Art History*. (In Russ.)

6. Vasilieva, Yu.A. (2011a). Ergonimikon of the city of Astrakhan: lexico-semantic and word-formation characteristics. *Vestnik KSU*. (In Russ.)

7. Varlamova, E.V. (2021). Linguistic landscape of the city of Kazan: peculiarities of language integration. *Global scientific potential*. (In Russ.)

8. Vezhbitskaya, A. (2001). *Comparison of cultures through lexis and pragmatics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.)

9. Vovk, N.A. (2010). System properties of firmonyms in English texts of financial and economic topics in word-formation and functional aspects. *Vestnik Sev-NTU*. (In Russ.)

10. Dubkova, O.V., & Zakharova-Sarovskaya, M.V. (2018). Contrastive analysis of word formation in Russian and Chinese languages on the material of neologic ergonomy. *Vestnik Kemerovo State University*. (In Russ.)

11. Eremeev, Y.N. (2001). About some features of the text of public indexes (modern mythology). *Language, communication and social environment*. (In Russ.)

12. Zenina, E.V. (2011a). Role of the Yazyk game in the realization of the category of politeness in English directive-instructive inscriptions. *Izvestiya Samara nauzhnogo center of the Russian Academy of Sciences*. (In Russ.)

13. Kanakina, G.I., Rodionova, I.G., Guryanova, L.B., & Lunnova, M.G. (2014). *The language of the modern provincial city: a linguocultural study (on the material of the city of Penza)*. (2nd edition, revision and supplement). Penza: Izd-e PSU. (In Russ.)

14. Kitaygorodskaya, M.V., & Rozanova, N.N. (2010). *Linguistic existence of a modern city dweller. Na materiale lingvističeskogo*. Moscow: Publishing House “YASK”. (In Russ.)

15. Kozlov, R.I. (2000). *Ergourbonimy as a new category of urban onomastics* [Abstract of dissertation ... of Cand. of Philol. sciences]. Yekaterinburg. (In Russ.)

16. Kotelnikova, N.N. (2019). Linguocultural features of signage texts as a fragment of semiotic space of the modern Chinese city. *History, pedagogy, philology*. (In Russ.)

17. Kotelnikova, N.N., & Leontovich, O.A. (2018). Metamorphoses of Chinese urban semiotics. *Izvestiya VGPU. Philological sciences*. (In Russ.)

18. Kryzhanovskaya, V.A. (2017). *Ergonyms with elements of graphic transformation: structural-semantic and pragmatic aspects* [Abstract of dissertation ... of Cand. of philological sciences]. Krasnodar. (In Russ.)

19. Lobina, Yu.A., & Pogosyan, L.M. (2021). Ergonyms in the linguistic landscape of the English-speaking city. *Topical Issues of Philology and Methods of Foreign Language Teaching*. (In Russ.)

20. Liu, Lifan. (2020). On the motivation of definition and conceptual recognition of public signs. *Foreign Languages in China*.

21. Medvedeva, D.I. (2005a). Bezequivalent public signs as a reflection of Russian cultural norms. In *English in a Multi-Cultural Community* [Proceedings of the International Conf. Udm. State Univ., part 2]. Izhevsk. (In Russ.)

22. Medvedeva, D.I. (2008). *Linguistic representation of the concept "ban" in public signs* [Abstract of the dissertation ... of Cand. of Philological sciences]. Izhevsk. (In Russ.)
23. Miniyarova, D.R., & Urazmetova, A.V. (2023). Godonymic system of London as a reflection of cultural and linguistic landscape. *Philology and Man*. (In Russ.)
24. Mikhaylyukova, N.V. (2012). Reflection of socialisation differentiation of language in the texts of signboards (on the material of the language of Vladivostok). *Vestnik Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*. (In Russ.)
25. Mikhaylyukova, N.V. (2017). Teksty vyvesokov as a special small written genre in the communicative space of the city (on the material of the language of Vladivostok). *Vestnik Chilyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. (In Russ.)
26. Mikhaylyukova, N.V. (2017b). Texts of signboards as a genre of advertising discourse (on the material of the language of Vladivostok). *Philological sciences. Voprosy teorii i praktika*. (In Russ.)
27. Mikhaylyukova, N.V. (2019). *Sociolinguistics: linguistic image of the modern city* [Textbook and practice for universities]. Moscow: Yurait Publishers. (In Russ.)
28. Petrova, T.I. (2016). Communicative space of intercultural communication in the genre aspect. *Genres of speech*. (In Russ.)
29. Podolskaya, N.V. (1988). *Dictionary of Russian onomastic terminology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
30. Pokrovskaya, E.A., Dudkina, N.V., & Kudina, E.V. (2011). *Speech genres in the dialogue of cultures*. Rostov n/d: Foundation. (In Russ.)
31. Prokofieva, T.O. (2016). Myths and fairy tales as a source of ergonomic nominations (on the example of onomastic of the Tambov region). *Nauka o manskind: humanities research*. (In Russ.)
32. Remchukova, E.N., & Makhyanova, L.R. (2015). Lexicogrammatical mechanisms of linguocreativity in the sphere of urban nomination. *Vestnik RUDN*. (In Russ.)
33. Remchukova, E.N., Sokolova, T.P., & Zamaletdinova, L.R. (2017). Precedent names of culture in onomastic space of modern city. *Values and meanings*. (In Russ.)
34. Russinova, T.V. (2006). *Peculiarities of ban functioning: On the material of Russian and English languages* [Abstract of dissertation of Cand. of Philol. sciences]. Saratov. (In Russ.)
35. Saduov, R.T. (2020). Field study of cultural and linguistic landscape in the national republic: description and justification of the project. *Language ecology and communicative practice*. (In Russ.)
36. Sakharny, L.V. (1991). Texts-primitives and regularities of their generation. In *Human factor in language: linguistics and speech generation* (pp. 221–237). Moscow: Nauka. (In Russ.)
37. Simonenko, M.A. (2016). Cultural codes of the city signboard. *Humanitarian researches*. (In Russ.)
38. Slyshkin, G.G., & Chizh, N.V. (2008). City as a sociocultural value: prospects of linguosemotic research. *Sociology of the city*. (In Russ.)
39. Soltanova, G.H., Begmedova, O., & Durdyeva, B.M. (2024). Cultural diversity and identity in the Caspian Turkmen culture: aspects of research. *Global scientist*. (In Russ.)
40. Speranskaya, A.N. (2019). How to read city names in China: character, figure, letter. *Communicative Research*. (In Russ.)
41. Tortunova, I.A. (2015). Genre-stylistic portrait of the modern political slogan. *Scientific dialogue*. (In Russ.)
42. Fedorova, L.L. (2014). Linguistic landscape: the city and the crowd. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, philology*. (In Russ.)
43. Shimkevich, N.V. (2002). *Russian commercial ergonomics: Pragmatic and linguocultural aspects* [Abstract of diss. of Cand. of Philological sciences]. Ekaterinburg. (In Russ.)
44. Shorina, L.V. (2007a). *Public directive and its place in the system of speech acts* [Abstract of the dissertation of Cand. of Philol. sciences]. St. Petersburg State University. (In Russ.)
45. Shorina, L.V. (2017b). Speech-actual nature of public directive and ways of formalisation in English and Russian languages. *Vestnik St. Petersburg University*. (In Russ.)
46. Chuikina, N.V., Busurina, E.V., Sindetskaya, N.B. (2002). Linguocreativity in modern urban space (on the example of Estonian, Russian and Polish names). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. (In Russ.)
47. Yalovets-Konovalova, D.A. (1997). *Names of commercial enterprises: Onomastic classification and functioning in the modern Russian language* [Author's abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences]. Chelyabinsk. (In Russ.)
48. Landry, R., & Bourhis, R.Y. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*.

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.581'42+81'25
ББК Ш118+Ш171.1-51

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.49; 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Ян Шичжан^{1✉}, Янь Янь^{2✉}

^{1,2} Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай

¹ yangshizhang@shisu.edu.cn ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6044-5712>

² 396852207@qq.com ✉, <https://orcid.org/0009-0007-9018-2758>

Перевод на русский язык числовых аббревиатур в китайском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Числовые аббревиатуры представляют собой своеобразное языковое средство в китайском политическом дискурсе, которое характеризуется лаконичностью, богатым смыслом и большой частотой использования, что, однако, создает большие трудности для их перевода. Числовые аббревиатуры — фразеологизированные сочетания, содержащие компоненты, определяемые числительными, то есть соответствующие структуре «числительное + центральный компонент». При максимально широком толковании термина в этот ряд включают все наименования с конкретными датами (названия политических движений, документов и т. д.), но авторы статьи не разделяют такую точку зрения. Числительное обозначает количество перечисляемых элементов исходного полного выражения или является компонентом полного выражения. Центральным компонентом таких сочетаний в китайском языке может являться общий элемент перечисляемых единиц с синтаксическим параллелизмом, гипероним — метафорическое название выполняющих одну функцию элементов исходной фразы или отдельная морфема. В статье приводятся грамматико-синтаксические схемы строения числовых аббревиатур китайского языка. В данной статье раскрываются основные способы перевода на русский язык числовых аббревиатур в китайском политическом дискурсе на основе анализа переводов четырех томов сборника «Си Цзиньпин о государственном управлении» и Доклада 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. Отмечается, что главными методами решения переводческой проблемы становятся калькирование и парафразирование. Большое внимание уделяется различным преобразованиям при использовании метода калькирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: числовые аббревиатуры, политический дискурс, переводоведение, переводческая деятельность, китайский язык, политические тексты, нумеронимы, языковые средства, калькирование, сокращенные обозначения, парафразирование.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ян Шичжан, доктор филологических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Шанхайский университет иностранных языков; 201620, Китай, г. Шанхай, ул. Вэньсян, 1550; email: yangshizhang@shisu.edu.cn.

Янь Янь, докторантка Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Шанхайский университет иностранных языков; 201620, Китай, г. Шанхай, ул. Вэньсян, 1550; email: 396852207@qq.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при государственной финансовой поддержке «Chinese Fund for the Humanities and Social Sciences» (проект № 19WSHB004), проекта «Программа академического наставничества научного руководителя Шанхайского университета иностранных языков» (№ 2023DSYL013) и Китайского стипендиального совета.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ян, Шичжан. Перевод на русский язык числовых аббревиатур в китайском политическом дискурсе / Ян Шичжан, Янь Янь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 338-348.

Yang Shizhang^{1✉}, Yan Yan^{2✉}

^{1,2} Shanghai International Studies University, Shanghai, China

¹ yangshizhang@shisu.edu.cn ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6044-5712>

² 396852207@qq.com ✉, <https://orcid.org/0009-0007-9018-2758>

A Study on the Russian Translation of Numerical Abbreviations in the Chinese Political Discourse

ABSTRACT. Numerical abbreviations are a kind of linguistic tool in Chinese political discourse, which is characterized by conciseness, rich meaning and high frequency of use, which, however, creates great difficulties for their translation. Numerical abbreviations are phraseologized combinations containing components modified by numerals, i.e. corresponding to the structure “numeral + leading component”. The widest possible interpretation of the term includes in this group all names with specific dates (names of political movements, documents, etc.), but the authors of the article do not share this point of view. The numeral indicates the number of enumerated elements of the original complete expression or is a component of the complete expression. The leading component of such combinations in the Chinese language may be a common element of enumerated units with syntactic parallelism, a hyperonym — a metaphorical name of elements of the original phrase performing the same function, or a separate morpheme. The article presents grammatico-syntactic schemes of the structure of Chinese numerical abbreviations. This article describes the main ways of translating numerical abbreviations

© Ян Шичжан, Янь Янь, 2024

into Russian in Chinese political discourse based on the analysis of translations of four volumes of the collection “Xi Jinping: The Governance of China” and the Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China. Calquing and paraphrasing are reported to be the main methods of solving translation problems. Much attention is paid to various transformations when using the calquing method.

KEYWORDS: numerical abbreviations, political discourse, translation studies, translation, Chinese language, political texts, numeronyms, language means, calquing, abbreviations, paraphrasing.

AUTHOR’S INFORMATION: Yang Shizhang, Doctor of Philology, professor of School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai International Studies University; Shanghai, China.

Yan Yan, Doctoral Student of School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai International Studies University; Shanghai, China.

ACKNOWLEDGMENTS. This article was financially supported by the Chinese Foundation for the Humanities and Social Sciences (Project No. 19WSHB004), the Academic Mentoring Program of Shanghai International Studies University (No. 2023DSYL013) and China Scholarship Council.

FOR CITATION: Yang Shizhang, Yan Yan. (2024). A Study on the Russian Translation of Numerical Abbreviations in the Chinese Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 338-348. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Современный Китай уделяет все больше внимания переводу и распространению политического дискурса, чтобы страну лучше понимали и ценили в мире. При переводе политического дискурса, как и при переводе других типов текстов, языковые и культурные различия создают множество трудностей. Более того, жанровые особенности китайского политического дискурса вызывают дополнительные трудности для его перевода на иностранные языки. По мнению Д. Фергюсона, который уже более 14 лет редактирует перевод на английский язык китайской политической литературы, первая серьезная трудность ее перевода заключается в том, что «китайская партийная и правительственная литература почти всегда содержит много абстрактных понятий и высококонцентрированных выражений, состоящих из цифр» [许勉君, 大卫·弗格森 2023: 2]. Так называемые «высококонцентрированные выражения, состоящие из цифр» — это числовые аббревиатуры, которые являются предметом рассмотрения в данной статье. Они действительно очень часто используются в китайском политическом дискурсе. При всей своей простоте они создают немало препятствий для понимания дискурса и представляют собой большую проблему для перевода, что заслуживает специального изучения.

2. ПОНЯТИЕ ЧИСЛОВЫХ АББРЕВИАТУР И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В китайской лингвистике по-разному трактуют понятие «числовая аббревиатура».

В узком смысле слова Сяо Вэнь разделил аббревиатуры китайского языка на две категории. Аббревиатуры первой категории «состоят из слов или морфем исходного выражения» [筱文 1959: 125]. В качестве при-

мера можно привести числовую аббревиатуру «八大» (中国共产党第八次全国代表大会/VIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая). Аббревиатуры второй категории «состоят из числительного и общей языковой единицы (морфемы, слова или словосочетания), взятой из каждого составляющего слова или словосочетания исходного выражения», например, «三风» (官僚主义作风, 主观主义作风, 宗派主义作风 / бюрократический стиль, субъективистский стиль, сектантский стиль) [筱文 1959: 126]. Как видно, аббревиатуры второй категории полностью принадлежат к числовым. Аналогичную точку зрения высказал и Инь Чжипин, утверждающий, что числовая аббревиация — это «суммирование количества параллельных языковых единиц (включая слова, словосочетания, предложения и т. д.) с помощью цифр, а затем извлечение общего компонента из каждой языковой единицы для формирования формулы „числительное + общий компонент“» [殷志平 2002: 26]. По мнению ученого, в числовые аббревиатуры не входят сочетания, в которых «составляющая, следующая за цифрой, не является общим компонентом всех языковых единиц, а их свойством» [殷志平 2002: 28]. Согласно узкому пониманию, сокращенное слово «三农», образованное из оборота «农业, 农村, 农民» (сельское хозяйство, деревня, крестьянин), принадлежит к числовым аббревиатурам, тогда как словосочетание «三座大山» (три большие горы), образованное из оборота «帝国主义, 封建主义, 官僚资本主义» (империализм, феодализм, бюрократический капитализм), — нет.

Во втором, более широком смысле числовые аббревиатуры — это «извлеченные идентичные структурные или семантические компоненты, определяемые числительными» [榕培 1990: 1]. Согласно данному опре-

делению, как «三农», так и «三座大山» относятся к числовым аббревиатурам. В настоящее время это понимание получило всеобщее признание.

Существует также третья, наиболее широкое понимание числовых аббревиатур, согласно которому не только два вышеперечисленных типа, но и такие словосочетания, как «九二共识» (Договоренности 1992 года), «五四运动» (Движение 4 мая) и т. д., относятся к числовым аббревиатурам. Однако, на наш взгляд, поскольку эти словосочетания «не имеют устойчивых исходных оборотов, не говоря уж о заменяемости ими исходных оборотов» [李芳 2007: 20], они вообще не считаются аббревиатурами и, естественно, не являются числовыми аббревиатурами.

Видно, что не все обороты, содержащие цифры, являются числовыми аббревиатурами. Числовые аббревиатуры представляют собой лишь аббревиатуры, содержащие цифры. Они образуются по атрибутивной структуре «числительное + центральный компонент».

В данной структуре числительным может быть: 1) количество параллельных элементов в исходной полной форме аббревиатуры, например, «四个自信» (четыре уверенности) от «中国特色社会主义道路自信, 理论自信, 制度自信, 文化自信» (уверенность в пути, теории, строе и культуре социализма с китайской спецификой), «一带一路» (Один пояс и один путь) от «丝绸之路经济带, 21世纪海上丝绸之路» (Экономический пояс Шелкового пути, Морской Шелковый путь XXI века); или 2) слово из полной формы оборота, например, «十四五» (14-я пятилетка) от «第十四个五年规划» (14-й пятилетний план).

Центральным компонентом в числовых аббревиатурах китайского языка может быть: 1) общий языковой компонент параллельных элементов в полной форме, например, «四个意识» (четыре сознания) от «政治意识, 大局意识, 核心意识, 看齐意识» (политическое сознание, сознание интересов целого, сознание ядра и сознание равенства); 2) гипероним или метафорическое название параллельных элементов в полной форме, например, «四风» (четыре поветрия) от «形式主义, 官僚主义, 享乐主义, 奢靡之风» (формализм, бюрократизм, гедонизм и роскошество), «三座大山» (три больших горы) от «帝国主义, 封建主义, 官僚资本主义» (империализм, феодализм, бюрократический капитализм); или 3) отдельная морфема в полной форме, например, «二十大» (XX съезд) от «中国共产党第二十次全国代表大会» (XX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая).

Соответственно, числовые сокращения в китайском языке можно разделить на три типа: 1) числительное (+ счетное слово) + общий языковой компонент параллельных элементов в полной форме; 2) числительное (+ счетное слово) + гипероним или метафорическое название параллельных элементов в полной форме; 3) числительное (+ счетное слово) + отдельная морфема в полной форме.

3. ПЕРЕВОД КИТАЙСКИХ ЧИСЛОВЫХ АББРЕВИАТУР НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ввиду того, что числовые аббревиатуры в китайском языке состоят из числительных и определяемых центральных компонентов, их перевод можно рассматривать в двух аспектах, а именно: количественные детерминанты и центральные компоненты.

3.1. Перевод количественных детерминантов

Количественные детерминанты, содержащиеся в числовых аббревиатурах китайского языка, часто состоят из числительных и счетных слов.

3.1.1. Перевод числительных

При переводе количественных детерминантов в числовых аббревиатурах следует определить типы числительных в соответствии с исходными оборотами.

Во-первых, числительные функционируют как количественные. Ср.:

(1) 我们在实践中要始终坚持“一个中心、两个基本点”不动摇……[习近平 2018: 11]

Перевод: Мы должны всегда и практически придерживаться <...> «одного центра, двух основных моментов»... [Си Цзиньпин 2018b: 14]

В примере (1) числительное «两» в сокращении «两个基本点» — это количество параллельных элементов в его полной форме «отстаивать четыре основных принципа, придерживаться политики реформ и открытости», поэтому в переводе использовано количественное числительное «два».

Во-вторых, числительные как детерминанты оказываются порядковыми. Ср.:

(2) 各方面工作都要围绕迎接二十大、开好二十大、贯彻二十大精神来谋划和开展。[习近平 2022a: 266]

Перевод: Все моменты работы должны планироваться и осуществляться вокруг встречи XX съезда, успешного проведения XX съезда и претворения в жизнь духа XX съезда [Си Цзиньпин 2023a: 386].

В примере (2) расшифровка аббревиатуры «二十大» — это «中国共产党第二十次全国代表大会» (XX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая). Числительное

«二十» в данном случае является не количественным, а порядковым, поэтому его переводят как «XX» или «20-й».

В-третьих, числительные китайского языка переведены как прилагательные, производные от числительных. Ср.:

(3) 十年来, 我们坚持马克思列宁主义、毛泽东思想、邓小平理论、“三个代表”重要思想、科学发展观.....[习近平 2022b: 6]

Перевод: *На протяжении десяти лет, твердо придерживаясь марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важных идей **тройного представительства**...* [Си Цзиньпин 2023b: 9]

В примере (3) расшифровка аббревиатуры «三个代表» (букв.: три представлять) — это «中国共产党要始终代表中国先进生产力的发展要求, 始终代表中国先进文化的前进方向, 始终代表中国最广大人民的根本利益» (КПК обязана всегда представлять требования развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление передовой китайской культуры и коренные интересы самых широких слоев китайского народа). Здесь количественное числительное «三» переводят как прилагательное «тройной», производное от числительного «трое».

В-четвертых, числительные в сокращениях китайского языка переведены как определительные местоимения. Ср.:

(4) 对已经传入并造成严重危害的, 要摸清底数, “**一种一策**” 精准治理, 有效灭除。[习近平 2022a: 401]

Перевод: *В отношении того, что уже проникло в страну и нанесло серьезный вред, необходимо собрать всю информацию и применить точные меры противодействия и эффективной ликвидации по принципу «**каждой угрозе своя тактика устранения**»* [Си Цзиньпин 2023a: 594]

В примере (4) полная форма аббревиатуры «一种一策» — это «一个物种, 一项对策» (букв.: один биологический вид, один способ устранения). Она означает, что для каждого инвазивного вида должен быть предусмотрен соответствующий способ устранения. Соответственно слово «一» в «一种» переведено как определительное местоимение «каждый».

В-пятых, сами числительные опускаются, но их значение выражается формой числа определяемого существительного. Ср.:

(5) 目前, 中方制定的“**一带一路**”规划基本成形。[习近平 2017: 498]

Перевод: *В настоящее время китайская сторона уже в основном разработала проект по строительству «**Пояса и пути**»* [Си Цзиньпин 2018b: 720]

(6) 有一点要明确, 我们推进全面依法治国, 决不走西方所谓“宪政”、“**三权鼎立**”、“司法独立”的路子。[习近平 2022a: 290]

Перевод: *Нужно четко понимать, что, всемерно продвигая управление государством на основе закона, мы ни в коем случае не должны копировать модели и практику других стран, никогда не должны следовать пути западного «конституционализма», «разделения властей» и «независимости судебной власти»* [Си Цзиньпин 2023a: 425].

В приведенных выше примерах (5) и (6) числительные «一» (один) и «三» (три) в аббревиатурах «一带一路» и «三权鼎立» не переводятся как числительные русского языка, но их количественное значение передается через форму единственного числа «пояс» и «путь» и множественного числа «власть».

3.1.2. Перевод счетных слов

В числовых аббревиатурах китайского языка вслед за числительными иногда встречаются счетные слова, которые обычно опускаются при переводе на русский язык. Ср.:

(7) 我们率先倡导和平共处**五项原则**.....[习近平 2022a: 440]

Перевод: *Мы взяли на себя инициативу в области претворения в жизнь «**пяти принципов мирного сосуществования**...»* [Си Цзиньпин 2023a: 646]

В примере (7) счетное слово «项» (пункт) в исходном тексте не требует перевода.

Следует отметить, что в числовых аббревиатурах китайского языка на месте счетного слова иногда встречается слово «大» (великий, важный, основной), в результате чего формируется своеобразная структура «числительное + 大 + существительное». В ней слово «大», являясь «грамматизированной формой» [杨露 1999: 21], используется скорее для того, чтобы соответствовать китайскому эстетическому предпочтению двусложных слов. Поэтому при переводе на русский язык слово «大», как и другие счетные слова, обычно опускается. Лишь в случае, когда подчеркивается масштабность, заметность или важность центрального компонента, нужно передать значение слова «大». Ср.:

(8) 我们党面临的“**四大考验**”、“**四种危险**”是长期的、尖锐的.....[习近平 2020: 516]

Перевод: *«**Четыре испытания**» и «четыре опасности», стоящие перед лицом нашей партии, носят долгосрочный и острый характер...* [Си Цзиньпин 2021: 760]

(9) 沿着古丝绸之路, 佛教、伊斯兰教及阿拉伯的天文、历法、医药传入中国, 中国的**四大**

发明、养蚕技术也由此传向世界。[习近平 2017: 508]

Перевод: *Благодаря Великому Шелковому пути в Китай проникли буддизм, ислам, а также арабская астрономия, календарная система и медицина. В то же время по разным частям света распространялись четыре великих изобретения Китая и мастерство шелководства* [Си Цзиньпин 2018b: 728].

В примере (8) расшифровка сокращения «四大考验» — это «执政考验, 改革开放考验, 市场经济考验, 外部环境考验» (испытания, связанные с отправлением власти, с проведением политики реформ и открытости, с развитием рыночной экономики и с вызовами внешней среды), а расшифровка аббревиатуры «四种危险» — это «精神懈怠危险, 能力不足危险, 脱离群众危险, 消极腐败危险» (опасность духовной лени, опасность недостатка умений, опасность отрыва от масс, опасность коррупции и других негативных явлений). Слово «大» в сокращении «四大考验» функционирует как счетное слово «种» в сокращении «四种危险» и вполне может опускаться при переводе. Однако слово «大» в аббревиатуре «四大发明» имеет значение «великий». Поэтому сокращение «四大发明», расшифровка которого — это «造纸术, 指南针, 火药, 印刷术» (бумага, компас, порох и книгопечатание), переводят, как в примере (9), как «четыре великих изобретения».

3.2. Перевод центральных компонентов

Как отмечалось выше, классификация числовых аббревиатур в китайском языке основана главным образом на взаимосвязи между центральным компонентом и исходной полной формой аббревиатуры. Поэтому при переводе центральных компонентов, содержащихся в числовых аббревиатурах, следует уделять особое внимание типам центральных компонентов.

3.2.1. Перевод аббревиатур типа «числительное (+ счетное слово) + общий языковой компонент параллельных элементов в полной форме»

В таких аббревиатурах одни общие компоненты могут передать значение всех параллельных элементов, а другие — нет.

Общими компонентами, которые не выражают значения всех параллельных элементов, обычно являются морфемы. При переводе аббревиатур с такими компонентами обычно используют метод парафразирования, передавая полное значение расшифровки аббревиатуры. Ср.:

(10) 保障粮食等重要农产品供给安全, 是“三农”工作头等大事。[习近平 2022a: 159]

Перевод: *Обеспечение безопасности поставок продовольствия и других важных видов сельскохозяйственной продукции — это важнейшее дело в работе в плане «сельского хозяйства, сельских районов и крестьянства»* [Си Цзиньпин 2023a: 227].

(11) 对货物贸易、两会互设办事机构等问题, 双方可以抓紧商谈, 争取早日达成一致。[习近平 2017: 447]

Перевод: *Две стороны должны вплотную приступить к переговорам, чтобы достигнуть скорейшего консенсуса по таким вопросам, как товарная торговля и создание друг у друга представительств Ассоциации по развитию связей между двумя берегами Тайваньского пролива и Фонда обменов через Тайваньский пролив* [Си Цзиньпин 2018b: 620].

В приведенных выше примерах (10) и (11) морфема «农» в аббревиатуре «三农» извлекается из трех слов «农业, 农村, 农民» (сельское хозяйство, сельские районы и крестьянство), а морфема «会» в аббревиатуре «两会» — из названий «海峡两岸关系协会, 台湾海峡交流基金会» (Ассоциация по развитию связей между двумя берегами Тайваньского пролива и Фонд обменов через Тайваньский пролив). Эти две морфемы не могут передать значение всех параллельных элементов, поэтому вместо буквального перевода сокращений «三农» и «两会» переводчик объясняет их значение.

Общими компонентами, которые выражают значение всех параллельных элементов, обычно являются слова или словосочетания. Например, слово «考验» (испытание) в аббревиатуре «四大考验» (четыре испытания) имеет то же значение, что и общий компонент «考验» в ее расшифровке «执政考验, 改革开放考验, 市场经济考验, 外部环境考验» (испытания, связанные с отправлением власти, с проведением политики реформ и открытости, с развитием рыночной экономики и с вызовами внешней среды). Перевод таких аббревиатур осложняется тем, что в них центральными компонентами могут быть не только существительные, но и глаголы, прилагательные, наречия и т. д.

В целом при переводе таких аббревиатур чаще всего используют метод калькирования, воспроизводя структуру аббревиатур китайского языка.

Когда центральными компонентами являются конкретные существительные, калькирование числовых сокращений часто достигается путем пословного перевода. Ср.:

(12) 我说过，思想舆论领域大致有红色、黑色、灰色“三个地带”。[习近平 2017: 328]

Перевод: *Как я ранее отмечал, в сфере идеологии и общественного мнения можно выделить три полюса: красный, черный и серый* [Си Цзиньпин 2018b: 476].

В примере (12) исходной формой аббревиатуры «三个地带» является «红色地带, 黑色地带, 灰色地带» (красный полюс, черный полюс и серый полюс), где центральный компонент «地带» — это конкретное существительное, поэтому можно переводить аббревиатуру как «три полюса», применяя метод калькирования.

В переводе на русский язык встречается также сочетание типа «числительное + отглагольное или абстрактное существительное». Ср.:

(13) 坚持和完善民族区域自治制度，要做到“两个结合”。[习近平 2017: 300]

Перевод: *Чтобы отстаивать и совершенствовать систему национальнoй районной автономии, следует осуществить «два сочетания»* [Си Цзиньпин 2018b: 437–438].

(14) 各级党委要增强“四个意识”、坚定“四个自信”、做到“两个维护”……[习近平 2022a: 248]

Перевод: *Партии разных ступеней обязаны укреплять «четыре сознания» и «четыре уверенности», реализовать «две защиты»*… [Си Цзиньпин 2023a: 359]

В примере (13) расшифровка аббревиатуры «两个结合» (букв.: два сочетать) — это «统一和自治相结合, 民族因素和区域因素相结合» (сочетать единство и автономию, сочетать национальные и районные факторы). При переводе на русский язык глагол «结合» заменяется отглагольным существительным «сочетание». В примере (14), несмотря на то, что слова «意识» в аббревиатуре «四个意识» и «自信» в аббревиатуре «四个自信» являются абстрактными существительными, переводчик дословно переводит их как «четыре сознания» и «четыре уверенности». А при переводе числовой аббревиатуры «两个维护» (букв.: два защищать) глагол «维护» преобразуется в отглагольное существительное «защита».

Необходимо подчеркнуть, что в отдельных случаях центральные компоненты, даже если они существительные, нельзя переводить буквально, а соответственно с расшифровкой сокращения. Ср.:

(15) 着力抓好黄河流域、“一湖两海”、乌海及周边地区等重点区域生态环境综合治理…… [习近平 2022a: 56]

Перевод: *…сосредоточиться на комплексном управлении окружающей средой в*

ключевых регионах, таких как бассейн реки Хуанхэ, «три озера», озеро Ухай и близлежащие районы... [Си Цзиньпин 2023a: 76]

В примере (15) аббревиатура «一湖两海» обозначает «呼伦湖, 乌梁素海, 岱海» (озеро Хулун, озеро Улянсухай и озеро Дайхай), где слово «海» означает не «море», а «озеро» (湖). Поэтому сокращение «一湖两海» не переводят буквально как «одно озеро, два моря», а как «три озера».

Если центральными компонентами в числовых аббревиатурах китайского языка являются не существительные, а другие части речи, то при их переводе на русский язык часто преобразуют их в существительные или обороты с существительным, чтобы результат не нарушал сочетаемость числительных в русском языке.

Во-первых, возможно непосредственное преобразование центральных компонентов в существительные. Ср.:

(16) 我们要扎实做好“六稳”工作、全面落实“六保”任务……[习近平 2022a: 105]

Перевод: *Мы должны основательно выполнять работу по поддержанию «шести стабильностей» и всесторонне решать задачи по обеспечению «шести гарантий»*… [Си Цзиньпин 2023a: 147]

В примере (16) сокращение «六稳» (букв.: шесть стабилизировать) обозначает «稳就业, 稳金融, 稳外贸, 稳外资, 稳投资, 稳预期» (стабильность занятости, финансового сектора, внешней торговли, внешних и внутренних инвестиций, а также рыночных ожиданий), а «六保» (букв.: шесть гарантировать) — «保居民就业, 保基本民生, 保市场主体, 保粮食能源安全, 保产业链供应链稳定, 保基层运转» (гарантия занятости населения, гарантия доступности основных средств существования людей, гарантия деятельности субъектов рынка, гарантия продовольственной и энергетической безопасности, гарантия целостности производственных цепочек и цепочек поставок и гарантия функционирования на низовом уровне). При переводе двух аббревиатур центральные компоненты, т. е. глаголы «稳» и «保», преобразуют в существительные «стабильность» и «гарантия».

Во-вторых, происходит преобразование центральных компонентов в обороты с существительным путем добавления. Ср.:

(17) 第二，进一步解放思想、进一步解放和发展社会生产力、进一步解放和增强社会活力。全会决定提出的这“三个进一步解放”既是改革的目的，又是改革的条件。[习近平 2018: 92]

Перевод: *Во-вторых, следует и дальше раскрепощать мышление освобождать и развивать общественные производи-*

тельные силы, усиливать жизнедеятельность общества. Выдвинутое на пленуме положение о «трех аспектах, требующих дальнейшего освобождения» говорит о цели реформ и вместе с тем является их предпосылкой [Си Цзиньпин 2018а: 131].

(18) 要立足社会主义初级阶段, 坚持“两个毫不动摇”。[习近平 2022а: 143]

Перевод: *Нужно неуклонно отстаивать нашу основную экономическую систему и, исходя из характеристик начального этапа социализма, твердо придерживаться «двух неизменных принципов»* [Си Цзиньпин, 2023а: 205].

В примере (17) центральный компонент «进一步解放» в аббревиатуре «三个进一步解放» не переводят буквально как глагольный оборот «дальше освобождать», а как оборот с главным словом — существительным «три аспекта, требующих дальнейшего освобождения» при помощи добавления слова «аспект». То же самое отмечается и в примере (18), где центральный компонент-наречие «毫不动摇» (неизменно) в аббревиатуре «两个毫不动摇» преобразуют в словосочетание «неизменный принцип», чтобы оно смогло сочетаться с числительным «два».

В-третьих, замена центральных компонентов исходного языка другими существительными или оборотами существительного. Ср.:

(19) 在人才评价上, 要“破四唯”和“立新标”并举……[习近平 2022а: 200]

Перевод: *В отношении оценки высококвалифицированных кадров необходимо уделять одинаковое внимание «устранению четырех однобокостей» и «утверждению новых стандартов» ...* [Си Цзиньпин 2023а: 289]

(20) 从党的十八届四中全会开始, 我就反复强调警惕“七个有之”。[习近平 2020: 506]

Перевод: *Начиная с 4-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, я неоднократно предупреждал всех от «семи порочных явлений», имеющих место в партии* [Си Цзиньпин 2021: 744–745].

В примерах (19) и (20) расшифровка сокращения «四唯» (букв.: четыре однобоко) — это «唯论文, 唯职称, 唯学历, 唯奖项» (однобоко по количеству статей и работ, служебным званиям, ученой степени и количеству полученных наград), а расшифровка сокращения «七个有之» (букв.: семь «есть такие») — это «搞任人唯亲、排斥异己的有之, 搞团团伙伙、拉帮结派的有之, 搞匿名诬告、制造谣言的有之, 搞收买人心、拉动选票的有之, 搞封官许愿、弹冠相庆的有之, 搞自行其是、阳奉阴违的有之, 搞尾大不掉、妄议中央的也有之» (есть такие,

кто занимается кумовством и вытесняет инакомыслящих; есть такие, кто занимается группировками и создает фракции; есть такие, кто инкогнито делает ложные доносы, фабрикают сплетни и слухи; есть такие, кто «покупает» популярность, незаконно набирая голоса; есть такие, кто раздает должности своим людям, занимается обещаниями и поздравляет друг друга с успехом; есть такие, кто говорит одно, а делает другое, гнет свою линию; даже есть такие, кто отпускает безответственные комментарии по важным вопросам политики ЦК партии). От того, что центральные компоненты в двух сокращениях «однобоко» (唯) и «есть такие» (有之) обычно не сочетаются с числительными в русском языке, при переводе вместо центральных компонентов исходного языка используют другие слова в соответствии с исходными формами аббревиатур и переводят «四唯» как «четырёх однобокостей», а «七个有之» как «семь порочных явлений».

Конечно, в русском языке не исключено сочетание числительных с другими частями речи, кроме как с существительными, например, «три обязательно и три никогда», «три „не“» и т. д. Соответственно, при переводе числовых аббревиатур с центральными компонентами, которые не являются существительными, иногда используют и метод калькирования. Ср.:

(21) 反对享乐主义, 要着重克服及时行乐思想和特权现象, 教育引导党员、干部牢记“两个务必”, 克己奉公, 勤政廉政, 保持昂扬向上、奋发有为的精神状态。[习近平 2018: 374-375]

Перевод: *Борясь против гедонизма, нужно пресекать чрезмерное стремление к удовольствиям и чувство привилегированности, воспитывать членов партии и кадровых работников так, чтобы они навсегда запомнили «два обязательно»: быть требовательными к себе и превыше всего ставить общественные интересы, быть добросовестными и неподкупными, неизменно стремиться к прогрессу и действовать энергично* [Си Цзиньпин 2018а: 507].

В примере (21) аббревиатура «两个务必» обозначает «务必使同志们继续地保持谦虚、谨慎、不骄、不躁的作风, 务必使同志们继续地保持艰苦奋斗的作风» (Обязательно нужно требовать от товарищей продолжать быть скромными, внимательными, не зазнаваться и не горячиться; обязательно требовать от товарищей сохранять стиль упорной борьбы). Переводчик использовал метод калькирования и дословно перевел «两个务必» как «два обязательно».

3.2.2. Перевод аббревиатур типа «числительное (+ счетное слово) + гипероним или метафорическое название параллельных элементов в полной форме»

В данных аббревиатурах в качестве центральных компонентов обычно выступают существительные, поэтому аббревиатуры можно переводить при помощи калькирования. Ср.:

(22) 坚持以经济建设为中心, 坚持四项基本原则, 坚持改革开放, 坚持独立自主、自力更生.....[习近平 2022b: 27]

Перевод: *Продолжая рассматривать экономическое строительство как центральную задачу, отстаивать четыре основных принципа, неуклонно проводить политику реформ и открытости, твердо придерживаться курса на независимость, самостоятельность и опору на собственные силы* [Си Цзиньпин 2023b: 43].

В примере (22) расшифровка «四项基本原则» — это «坚持社会主义道路, 坚持人民民主专政, 坚持中国共产党的领导, 坚持马克思列宁主义毛泽东思想» (отстаивание социалистического пути, демократической диктатуры народа, руководства со стороны КПК, марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна). Центральный компонент «基本原则» в аббревиатуре является гиперонимом четырех параллельных элементов в ее полной форме. Используя метод калькирования, переводчик переводит сокращение «四项基本原则» как «четыре основных принципа».

(23) 我们党深刻认识到, 实现中华民族伟大复兴, 必须推翻压在中国人民头上的帝国主义、封建主义、官僚资本主义三座大山.....[习近平 2020: 11]

Перевод: *Наша партия глубоко осознала, что для осуществления великого возрождения китайской нации необходимо избавить китайский народ от непомерной ноши «трех больших гор» империализма, феодализма и бюрократического капитализма...* [Си Цзиньпин 2021: 18]

В примере (23) центральный компонент «大山» в аббревиатуре «三座大山» — это метафорическое название параллельных элементов в ее исходной полной форме, т. е. империализма, феодализма и бюрократического капитализма. Эту аббревиатуру тоже дословно переводят с помощью калькирования как «три большие горы».

3.2.3. Перевод аббревиатур типа «числительное (+ счетное слово) + отдельная морфема в полной форме»

Данные аббревиатуры переводят, как правило, с помощью метода парафразирования. Ср.:

(24) 中央将继续坚定不移贯彻“一国两制”方针。[习近平 2022a: 407]

Перевод: *Центральное правительство продолжит неуклонно проводить политику «одна страна, два строя»* [Си Цзиньпин 2023a: 602].

В примере (24) морфемы «国» и «制» в словах «国家» и «制度» нельзя переводить буквально, поэтому в переводе на русский язык пояснено значение аббревиатуры «一国两制»: «одна страна, два строя».

3.3. Вспомогательные методы перевода

При переводе числовых аббревиатур с китайского языка на русский, помимо применения собственно калькирования или парафразирования, эти два метода могут еще использоваться в сочетании с другими вспомогательными методами перевода, такими как добавление, комментирование, опущение и т. д.

При переводе всех типов числовых аббревиатур вместе с калькированием или парафразированием может использоваться метод добавления, добавляющий необходимую информацию. Ср.:

(25) 对于“三会一课”制度, 我们支部是认真执行的。[习近平 2017: 208]

Перевод: *Что касается системы «трех собраний и одного урока партпросвещения», то наша партия относится к ней очень серьезно* [Си Цзиньпин 2018b: 274].

В примере (25) аббревиатура «三会» (три собрания) обозначает «党员大会, 党小组会, 党支部委员会会议» (общее собрание членов партии, собрание бюро партячеек и собрание партгрупп), а аббревиатура «一课» (один урок) — «党课» (урок по партпросвещению). При помощи калькирования и добавления слова «партпросвещение» аббревиатуру «三会一课» переводят как «три собрания и один урок партпросвещения».

(26) 出台中央八项规定, 严厉整治形式主义、官僚主义、享乐主义和奢靡之风, 坚决反对特权。[习近平 2020: 6]

Перевод: *Приняты Правила ЦК КПК из восьми пунктов относительно улучшения стиля работы и поддержания тесной связи с массами, строго упорядочены четыре вредных поветрия — формализм, бюрократизм, гедонизм и роскошество, решительно пресечено использование различных привилегий* [Си Цзиньпин 2021: 11].

В примере (26) расшифровка сокращения «中央八项规定» (Правила ЦК КПК из восьми пунктов) — это «改进调查研究, 精简会议活动, 精简文件简报, 规范出访活动, 改进警卫工作, 改进新闻报道, 严格文稿发表,

厉行勤俭节约» (совершенствовать исследование и анализ, упрощать процедуру совещаний, упрощать содержание публикаций, ввести нормы на ограниченные поездки, упрощать работу по обеспечению безопасности, совершенствовать информационную работу, устраивать публикацию рукописей, придерживаться рачительности и экономии). Чтобы точнее передать содержание аббревиатуры «中央八项规定», переводчик на основе калькирования добавляет несогласованное определение «относительно улучшения стиля работы и поддержания тесной связи с массами».

(27) 下一步,特别是“十四五”时期,要有新的战略性举措,推动东北地区实现全面振兴。 [习近平 2020: 274]

Перевод: *Далее, в частности в период «14-й пятилетки» (2021—2025 гг.), необходимо предпринять новые стратегические меры для продвижения всестороннего возрождения Северо-Восточного Китая* [Си Цзиньпин 2021: 414–415].

В примере (27) переводчик, применяя метод парафразирования, переводит сокращение «十四五» как «14-я пятилетка», а также путем добавления указывает годы ее начала и окончания «2021—2025 гг.».

Метод добавления используется не только для дополнения необходимой информацией, но и для передачи стилистической окраски аббревиатуры. Ср.:

(28) 纠正“四风”不能止步,作风建设永远在路上。 [习近平 2020: 499]

Перевод: *Для исправления «четырёх вредных поветрий» нельзя топтаться на месте, надо непрерывно осуществлять стилевое строительство партии* [Си Цзиньпин 2021: 734].

В примере (28) сокращение «四风» обозначает «形式主义, 官僚主义, 享乐主义, 奢靡之风» (формализм, бюрократизм, гедонизм и роскошество), что, безусловно, вредно работе. При переводе на русский язык сокращения «四风» добавляют слово «вредный», четко передавая негативную оценку исходного сокращения.

(29) 这次临床筛选出的“三药三方”,就是在古典医籍的经方基础上化裁而来的。 [习近平 2022a: 335]

Перевод: *В ходе нынешней борьбы с пандемией были отобраны на основе клинических данных три эффективных препарата и три стандартизированных рецепта, составленные на основе классической рецептуры древней медицинской литературы* [Си Цзиньпин 2023a: 493].

В примере (29) «三药三方» (три препарата и три рецепта) были разработаны для

борьбы с коронавирусом в Китае. Чтобы передать позитивную оценку аббревиатуры, при ее переводе добавляют слова «эффективный» и «стандартизированный».

Метод добавления может использоваться также для уточнения значения той или иной аббревиатуры. Ср.:

(30) 坚持照镜子、正衣冠、洗洗澡、治治病的要求,开展党的群众路线教育实践活动和“三严三实”专题教育…… [习近平 2020: 6]

Перевод: *Стоя на позиции, задаваемой требованием «посмотри в зеркало, одень одежду, сохрани чистоту и избавься от болезней», были развернуты практические мероприятия по воспитанию в духе партийной линии масс и специальные воспитательные мероприятия «три строгости и три реальности» — строгое самосовершенствование, строгое употребление власти и строгая самодисциплина, честность в планировании дела, честность в созидательной работе и честность в отношениях с людьми* [Си Цзиньпин 2021: 10].

В примере (30) путем калькирования сокращение «三严三实» переводят как «три строгости и три реальности», затем используют метод добавления для разъяснения данной аббревиатуры: строгое самосовершенствование, строгое употребление власти и строгая самодисциплина, честность в планировании дела, честность в созидательной работе и честность в отношениях с людьми.

Наряду с методом добавления, для раскрытия содержания аббревиатуры может использоваться еще комментирование. Ср.:

(31) 在实践中,我们不断深化对宣传思想工作的规律性认识,提出了一系列新思想新观点新论断,这就是坚持党对意识形态工作的领导权,坚持思想工作“两个巩固”的根本任务…… [习近平 2020: 311]

Перевод: *На практике мы, непрерывно углубляя понимание закономерностей идейно-пропагандистской работы, выдвинули ряд новых идей, новых взглядов и новых суждений, а именно: обеспечить неизблемое руководство партии идеологической работой, отстаивать в процессе идеологической работы главные задачи по осуществлению «двух упрочений»*... (*«Два упрочения»: упрочение руководящих позиций марксизма в сфере идеологии, упрочение общей идеологической основы для солидарной борьбы всей партии и всего населения страны)* [Си Цзиньпин 2021: 468, 475].

В примере (31) аббревиатуру «两个巩固» переводят как «два упрочения» с примечанием, в котором подробно объясняется содержание сокращения.

В противоположность методу добавления или примечания, при переводе числовых аббревиатур на русский язык иногда используется метод опущения. Если сокращение находится в том же предложении, что и его исходная полная форма, то его можно опускать при переводе, чтобы избежать избыточности информации. Ср.:

(32) [要]大力推动煤电节能降碳改造、灵活性改造、供热改造“三改联动”。[习近平 2022a: 373]

Перевод: [Необходимо] всемерно и скоординировано продвигать преобразование угольных теплоэнергетических установок в целях сокращения выбросов углерода и экономии энергоресурсов, проводить реконструкцию в целях повышения гибкости и улучшения теплоснабжения [Си Цзиньпин 2023a: 551].

В примере (32) перед сокращением «三改» (букв.: три преобразования) есть его расшифровка «煤电节能降碳改造, 灵活性改造, 供热改造», поэтому в переводе его можно опускать.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Числовые аббревиатуры, как своеобразное и часто используемое языковое средство в китайском политическом дискурсе, лаконичны и богаты смыслом, но они создают немало трудностей при переводе. Анализируя переводы на русский язык четырехтомника «Си Цзиньпин о государственном управлении» и «Доклада на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая», можно сделать вывод, что при переводе числовых аббревиатур с китайского языка на русский используется главным образом метод калькирования, на втором месте находится метод парафразирования. При калькировании часто преобразуют центральные компоненты исходных сокращений в соответствии с сочетаемостью числительных русского языка. При переводе аббревиатур, которые трудно калькировать, необходимо использовать метод парафразирования, раскрывая их значение в виде расшифровок. С учетом контекста, где употребляются числовые аббревиатуры, вместе с калькированием или парафразированием могут использоваться методы добавления и комментирования для дополнения необходимой информацией или метод опущения для удаления избыточной информации, в результате чего повышается эффективность передачи информации, содержащейся в аббревиатурах.

ИСТОЧНИКИ

1. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. I. — 3-е изд. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2018a.

2. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. II. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2018b.

3. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. III. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2021.

4. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. IV. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2023a.

5. Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства : Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2023b.

6. 习近平. 习近平谈治国理政 (第一卷) (第2版) [M]. 北京: 外文出版社, 2018.

7. 习近平. 习近平谈治国理政 (第二卷) [M]. 北京: 外文出版社, 2017.

8. 习近平. 习近平谈治国理政 (第三卷) [M]. 北京: 外文出版社, 2020.

9. 习近平. 习近平谈治国理政 (第四卷) [M]. 北京: 外文出版社, 2022a.

10. 习近平. 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗 : 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [M]. 北京: 人民出版社, 2022b.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Качалова, К. Г. Основные типы аббревиаций в китайском языке / К. Г. Качалова, А. Ю. Рудометова, Н. С. Капитонова. — Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. — 2020. — Т. 12, № 6. — С. 107–118. — DOI 10.12731/2077-1770-2020-6-107-118.

2. Красина, Е. А. Сопоставление способов образования сложных и сложносокращенных слов в русском и китайском языках / Е. А. Красина, Ли Сяогэ. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2017. — № 4. — С. 118–125.

3. Ли, Сяогэ. Сопоставление аббревиатур в русском и в китайском языках / Ли Сяогэ. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2017. — Т. 8, № 2. — С. 454–463.

4. Немченко, В. Н. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / В. Н. Немченко. — Москва : Высшая школа, 1984. — 255 с.

5. Сагеева, Я. П. Китайские сложносокращенные слова как особая часть китайской лексики / Я. П. Сагеева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. Серия: Филология, лингвистика. — 2015. — № 11 (91). — С. 1681–1683.

6. Серебrenников, Б. А. Язык как общественное явление. Общее языкознание / Б. А. Серебrenников. — Москва : Просвещение, 2006. — 597 с. — Текст : непосредственный.

7. Синишина, О. О. Интернет-лексика в современном китайском языке / О. О. Синишина. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 13, Востоковедение. — 2014. — № 3. — С. 57–63.

8. 李芳. 现代汉语数字缩略语浅析[J]. 现代语文 (语言研究版), 2007(8): 19-20.

9. 榕培. 数字式略语的汉英对比研究[J]. 外国语, 1990(3): 1-7.

10. 筱文. 现代汉语词语的缩简[J]. 中国语文, 1959(3): 125-127.

11. 许勉君, 大卫·弗格森. 党政文献国际传播的中外合作、传播理念与目标驱动——大卫·弗格森访谈录[J]. 山东外语教学, 2023(1): 1-6.

12. 杨露. 试说“数+大+名”格式[J]. 语文建设, 1999(1): 18-21.

13. 殷志平. 数字式缩略语的特点[J]. 汉语学习, 2002(2): 26-30.

14. 郭伏良. 《试论建国后汉语简缩成词的类型与特点//汉字文化》, 1998年第4期: 9–14. = Го Фулян. Типы и характеристики аббревиатур в китайском языке после создания КНР // Культура китайского языка. — 1998. — № 4. — С. 9–14.

15. 田文琪 《俄汉构词对比//大连外国语学报》，1995年第3期：14–18。= Тянь Вэньчи. Сопоставление словообразования в русском и китайском языках // Вестник Даляньского университета иностранных языков. — Далянь, 1995. — № 3. — С. 14–19.

16. 觅哲, 王一涛 《汉英缩略语的构词类型对比浅析//文教资料》，2016年第1期：18–19。= Си Миджэ, Ван Итао. Сопоставление типов аббревиатур в китайском и английском языках // Материалы культурно-образовательной научно-практической конференции. — Пекин, 2016. — № 1. — С. 18–19.

MATERIALS

1. Xi Jinping (2018a). *Xi Jinping: The Governance of China* (3rd ed., Vol. 1). Beijing: Foreign Languages Press. (In Russian)

2. Xi Jinping (2018b). *Xi Jinping: The Governance of China* (Vol. 2). Beijing: Foreign Languages Press. (In Russian)

3. Xi Jinping (2021). *Xi Jinping: The Governance of China* (Vol. 3). Beijing: Foreign Languages Press. (In Russian)

4. Xi Jinping (2023a). *Xi Jinping: The Governance of China* (Vol. 4). Beijing: Foreign Languages Press. (In Russian)

5. Xi Jinping (2023b). *Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Strive in Unity to Build a Modern Socialist Country in All Respects: Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China*. Beijing: Foreign Languages Press. (In Russian)

6. Xi Jinping (2018). *Xi Jinping: The Governance of China* (2nd ed., Vol. 1). Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese)

7. Xi Jinping (2017). *Xi Jinping: The Governance of China* (Vol. 2). Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese)

8. Xi Jinping (2020). *Xi Jinping: The Governance of China* (Vol. 3). Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese)

9. Xi Jinping (2022a). *Xi Jinping: The Governance of China* (Vol. 4). Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese)

10. Xi Jinping (2022b). *Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Strive in Unity to Build a Modern Socialist Country in All Respects: Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China*. Beijing: People's Publishing House. (In Chinese)

REFERENCES

1. Kachalova, K.G., Rudometova, A.Yu., & Kapitonova, N.S. (2020). Osnovnye tipy abbreviatsiy v kitayskom yazyke [The Main Types of Abbreviations in the Chinese Language]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 12(6), 107–118. DOI 10.12731/2077-1770-2020-6-107-118. (In Russ.)

2. Krasina, E.A., & Li, Xiaoge (2017). Sopostavlenie sposobov obrazovaniya slozhnykh i slozhnosokrashchennykh slov v russkom i kitayskom yazykakh [Comparison of the methods of forming compound and abbreviated words in Russian and Chinese]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 4, 118–125. (In Russ.)

3. Li, Xiaoge (2017). Sopostavlenie abbreviatur v russkom i v kitayskom yazykakh [Comparison of abbreviations in Russian and Chinese]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 8(2), 454–463. (In Russ.)

4. Nemchenko, V.N. (1984). *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word Formation] [A textbook for philological specialty universities]. Moscow: Vysshaya shkola, 255 p. (In Russ.)

5. Sageeva, Ya.P. (2015). Kitayskie slozhnosokrashchennye slova kak osobaya chast' kitayskoy leksiki [Chinese abbreviated words as a special part of Chinese vocabulary]. *Molodoy uchenyy. Seriya: Filologiya, lingvistika*, 11(91), 1681–1683. (In Russ.)

6. Serebrennikov, B.A. (2006). *Yazyk kak obshchestvennoye yavlenie. Obshchee yazykoznanie* [Language as a social phenomenon. General linguistics]. Moscow: Prosveshchenie, 597 p. (In Russ.)

7. Sinishina, O.O. (2014). Internet-leksika v sovremennom kitayskom yazyke [Internet vocabulary in modern Chinese]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13, Vostokovedenie*, 3, 57–63. (In Russ.)

8. Li Fang (2007). An Analysis of Numerical Abbreviations in Modern Chinese. *Modern Chinese (Language Research Edition)*, 8, 19–20. (In Chinese)

9. Rong Pei (1990). A Comparative Study of Numerical Abbreviations in Chinese and English. *Journal of Foreign Languages*, 3, 1–7. (In Chinese)

10. Xiao Wen (1959). The Abbreviation of Modern Chinese Words. *Studies of the Chinese Language*, 3, 125–127. (In Chinese)

11. Xu Mianjun, David Ferguson (2023). Sino-Foreign Cooperation, Communication Concept, and Objective-Driven Approach in International Communication of Political Discourse: An Interview with David Ferguson. *Shandong Foreign Language Teaching*, 1, 1–6. (In Chinese)

12. Yang Lu (1999). A Study on the Format of “Number + ‘Big’ + Noun”. *Language Planning*, 1, 18–21. (In Chinese)

13. Yin Zhiping (2002). Characteristics of Numerical Abbreviations. *Chinese Language Learning*, 2, 26–30. (In Chinese)

14. Guo Fuliang (1998). Types and characteristics of abbreviations in the Chinese language after the establishment of the PRC. *The Culture of the Chinese language*, 4, 9–14. (In Chinese)

15. Tian Wenchi (1995). Comparison of word formation in the Russian and Chinese languages. *Bulletin of Dalian University of Foreign Languages*, 3, 14–19. (In Chinese)

16. Si Mije, Wang Yitao (2016). Comparison of types of abbreviations in the Chinese and English languages. In *Materials of the cultural and educational scientific and practical conference* (Iss. 1, pp. 18–19). Beijing. (In Chinese)

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.9

Ян Юе

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, novkitai@mail.ru

Состояние и развитие китайской медиаиндустрии в ШОС

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы, связанные с состоянием и развитием китайской медиаиндустрии в ШОС. Цель исследования — изучить состояние и развитие медиаиндустрии в ШОС, выявить основные особенности и черты. Методы исследования: метод анализа, сравнения, логического рассуждения. Автором подчеркивается важность развития международного сотрудничества между странами с использованием инновационных средств и коммуникаций. Рассмотрены основные блоки китайской медиаиндустрии. Изучены исторические предпосылки формирования ШОС. Проведен анализ развития отношений между Россией и Китаем, как основными странами-партнерами, который позволил выявить реальные перспективы для расширения международного сотрудничества и укрепления партнерских взаимоотношений. Изучены цели и задачи ШОС. Отмечается, что ШОС является перспективной организацией для повышения эффективности деятельности стран-партнеров, решения различных проблем, достижения поставленных целей и задач в области сотрудничества. Представлены перспективные информационные платформы для международного сотрудничества и информационного обмена. Рассмотрены мероприятия, проводимые в рамках ШОС с использованием инструментов медиапространства. Конечным результатом проведенных открытых медиафорумов является принятие стратегии развития и укрепления партнерских отношений стран — участниц ШОС посредством использования инструментов медиаиндустрии. В выводах отмечаются быстрые темпы развития китайской медиаиндустрии в рамках ШОС, созданные пространством медиаиндустрии уникальные потенциальные возможности для экономического роста, цифровой трансформации и развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайская медиаиндустрия, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, язык СМИ, языковые средства, политический дискурс, международные отношения, международное сотрудничество, перспективы медиаиндустрии, международный обмен информацией, международные сети вещания, информационные агентства, информационные блоки, международные организации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Юе, аспирантура, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1; email: novkitai@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ян, Юе. Состояние и развитие китайской медиаиндустрии в ШОС / Ян Юе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 349-354.

Yang Yue

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, novkitai@mail.ru

The State and Development of the Chinese Media Industry in the SCO

ABSTRACT. The article discusses issues related to the state and development of the Chinese media industry in the Shanghai Cooperation Organization. The purpose of the study is to explore the state and development of the media industry in the SCO and to reveal its main features and properties. The study employs the following research methods: the method of analysis, comparison, and logical reasoning. The author emphasizes the importance of developing international cooperation between countries using innovative means and communications. The article considers the main blocks of the Chinese media industry and explores the historical prerequisites for the formation of the SCO. It analyzes the development of relations between Russia and China, as the main partner countries, which allows identifying real prospects for expanding the international cooperation and strengthening the partnership relations. The author has investigated the goals and tasks of the SCO and has noted that the SCO is a promising organization for improving the effectiveness of the activity of the partner countries, solving various problems, and achieving the goals and tasks set in the field of cooperation. Promising information platforms for international cooperation and information exchange are presented in the article, and the events held within the framework of the SCO using media space tools are considered. The end result of the open media forums held is the adoption of the strategy for the development and strengthening of partnership between the SCO member states through the use of media industry tools. The conclusions mention the rapid pace of development of the Chinese media industry within the SCO and the unique potential opportunities created by the media industry space for economic growth, digital transformation and development.

KEYWORDS: Chinese media industry, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, mass media language, language means, political discourse, international relations, international cooperation, media industry prospects, international exchange of information, international communication networks, information agencies, information blocks, international organizations.

AUTHOR'S INFORMATION: Yang Yue, Post-Graduate Student, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: *Yang Yue. (2024). The State and Development of the Chinese Media Industry in the SCO. In Political Linguistics. No 5 (107), pp. 349-354. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в Китае очень быстрыми темпами развивается медиаиндустрия, которая дала мощный толчок к экономическому росту, развитию коммуникационных связей, культурному продвижению и т. д.

На сегодняшний день китайская медиаиндустрия включает в себя три крупных блока:

1) классические средства массовой информации: газеты, журналы, телевидение, радио, книги, фильмы и другое;

2) современные сетевые средства массовой информации: различные видеосайты, социальные СМИ, цифровые поисковые системы;

3) мобильные средства массовой информации: мобильный поиск, мобильные приложения, мобильные развлечения.

Современным трендом в развитии медиаиндустрии Китая является протекание процессов цифровизации, которые меняют взгляды общества и подходы к осуществлению коммуникаций. Традиционные форматы информационного обмена, такие как газеты, журналы, радио, постепенно уступают место новым видам и источникам поступления данных, сведений, к числу которых относятся всемирная глобальная сеть Интернет.

Цель исследования — изучить состояние и развитие медиаиндустрии в ШОС, выявить основные особенности и черты.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. Использованы следующие методы: анализа, сравнения, логического рассуждения.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Вопросы, касающиеся состояния и развития китайской медиаиндустрии в ШОС, рассматривали многие ученые, такие как С. Юйфан, И. Жэнь, Ч. Юйсяо и другие.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Современная экономика, связанная с процессами глобализации и цифровизации, вызвала необходимость объединения участников единого процесса посредством информационного обмена и медиакоммуникаций. Развитие и укрепление сотрудничества между странами в рамках ШОС представляет собой новый виток формирования и достижения успеха на международной арене.

Первые исторические предпосылки к созданию ШОС были сформированы в 60-е го-

ды. В данный период времени СССР и КНР вели переговоры относительно территориальных границ. Однако после распада СССР появились новые участники переговоров, среди которых были государства стран Азии и Россия. По прошествии определенного времени КНР успешно разрешила территориальные споры с Россией, Таджикистаном, Казахстаном, Киргизией и открылась возможность для развития дальнейшего международного сотрудничества. Основными реальными перспективами для сотрудничества между Россией и Китаем стало не только объединение совместных усилий для дальнейшего развития, но и обеспечения защиты государств от внешней агрессии и экспансии. Следует отметить, что важную роль в международном развитии играют средства медиаиндустрии.

Прежде чем перейти к анализу состояния и развития медиаиндустрии в ШОС, считаем необходимым рассмотреть развитие отношений между Россией и Китаем как основными странами-партнерами.

На сегодняшний день РФ и Китай считаются важными партнерами, которые поддерживают результативную совместную работу в наиболее важных сферах: экономика, политика, безопасность и т. д.

Китай — стремительно развивающееся государство, которое на сегодняшний день является фаворитом по многим экономическим признакам. По причине своего мощного и стремительного развития Китай становится перспективным для выстраивания благоприятных отношений с другими странами партнерами ШОС. Россия и Китай — это две взаимодополняющие друг друга державы.

Отношения между Россией с Китаем имеют продолжительную историю, и в последние несколько лет отмечается заметное их развитие. Увеличиваются объемы торговли, становится глубже хозяйственное взаимодействие, расширяются целевые контакты. Отношения между Россией и Китаем можно условно поделить на четыре периода: альянс с момента основания КНР в 1949 г. вплоть до окончания 1950-х гг., противостояние с 1960-х по 1970-е гг., сплочение с 1980-х гг. до распада СССР в 1991 г. и устойчивое формирование с этапа образования Российской Федерации в 1991 г. до нынешнего периода.

Россия и Китай в рамках ШОС заявляют, что их отношения находятся в самом лучшем состоянии за всю историю сотрудничества. С обострением условий из-за событий

на Украине у России и Китая возникло больше оснований для поддержания и углубления своего стратегического партнерства в рамках ШОС. Таким образом, Россия и Китай стали политическими, экономическими друзьями, а это значит, что есть своя положительная динамика в дальнейшем развитии и укреплении отношений.

Примеры успешных проектов и сотрудничества: в 2023 году запущено строительство Черноголовско-Хэфэйского международного научно-технологического парка. Этот проект в основном сосредоточен на развитии исследований в области нанотехнологий, биомедицины, информационных технологий; сотрудничества в области космических проектов, включающего запуск спутников и межпланетные исследования; сотрудничества в области туризма в рамках обмена туристическими группами, проведения культурных фестивалей, обучения в сфере гостиничного бизнеса.

В Таблице 1 представлен анализ объемов торговли между Россией и Китаем.

Таким образом, общий годовой объем торговли между странами вырос и составил

200 млрд долл. Намечается положительная динамика увеличения экономических показателей, укрепления международных связей и сотрудничества.

На Рисунке 1 наглядно показана динамика объемов торговли между Россией и Китаем.

Российско-китайское сотрудничество требует новых горизонтов развития международного взаимодействия. Безусловно, Китай — это непростой партнер. Проблемы в двусторонних взаимоотношениях, естественно, образуются и будут появляться, поскольку каждая из сторон старается оберегать в первую очередь свои собственные национальные интересы, отталкиваясь из своего представления о них [8].

Важную роль в дальнейшем развитии международных связей между странами играет формирование отношений в рамках ШОС с использованием средств медиаиндустрии.

Состояние и развитие китайской медиаиндустрии в ШОС является непрерывным и динамично развивающимся процессом. Основные цели и задачи ШОС представлены на Рисунке 2.

Таблица 1

Анализ объемов торговли между Россией и Китаем

Год	Экспорт из России в Китай, млрд долл.	Импорт из Китая в Россию, млрд долл.	Общий объем торговли, млрд долл.
2019	56	107	163
2020	50	98	148
2021	58	112	170
2022	62	120	182
2023	70	130	200

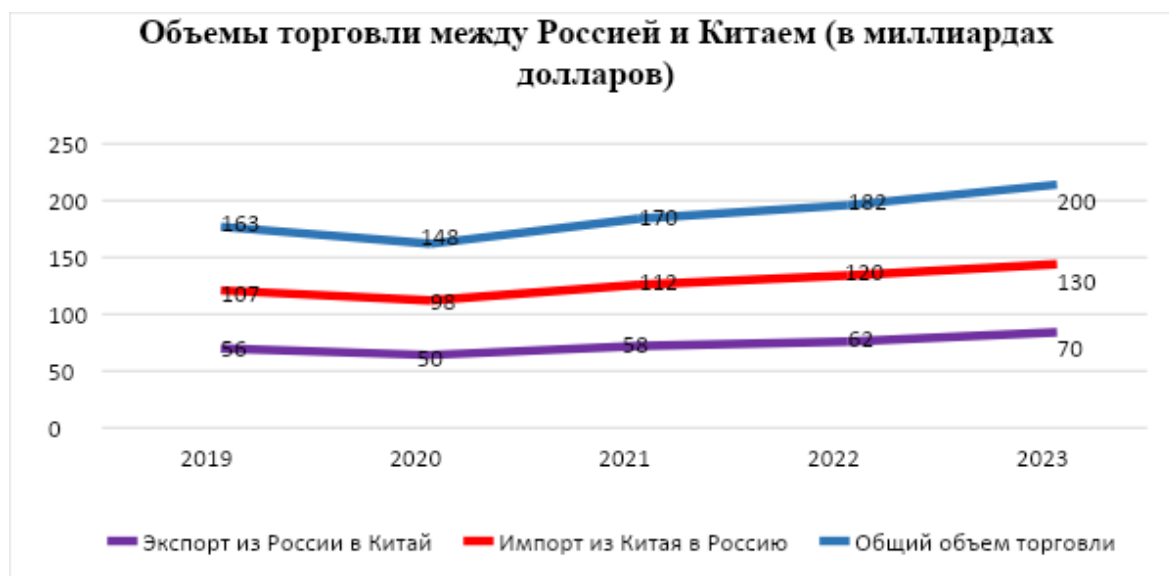

Рис. 1. Динамика объемов торговли между Россией и Китаем

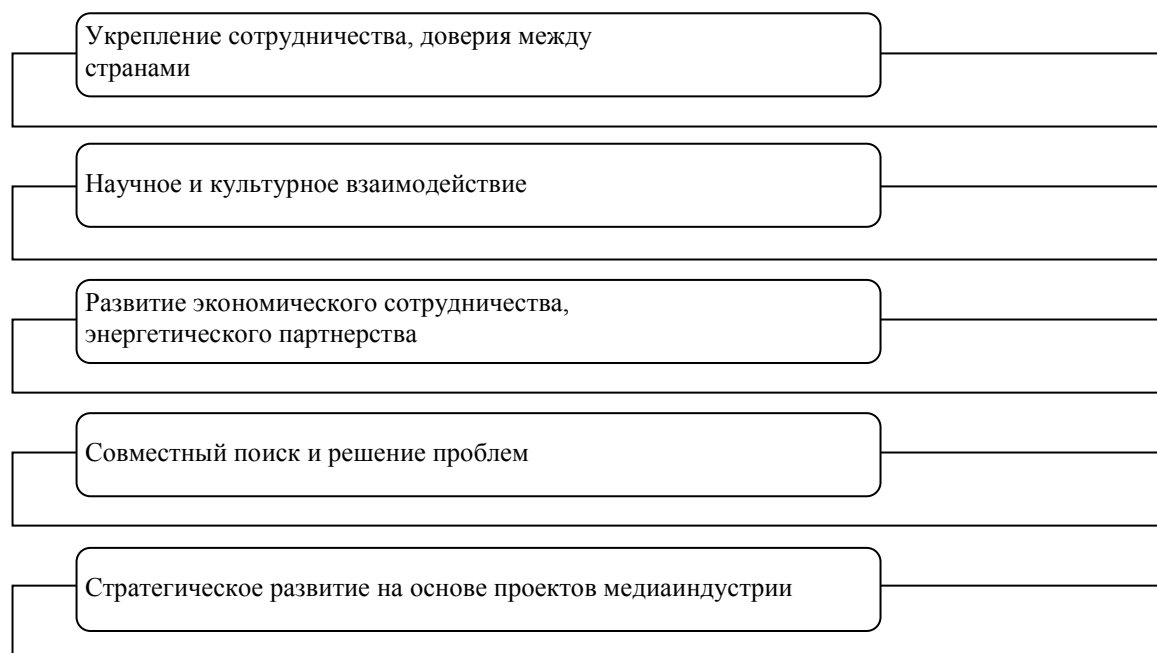

Рис. 2. Цели и задачи ШОС

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является ведущей организацией сотрудничества стран-партнеров, в которой ведущая роль досталась КНР. Данная организация ставит перед собой важную цель развития, направленную на обеспечение стабильности функционирования, формирования доверительных, партнерских отношений между странами, снижение рисков экономической безопасности, борьбу с терроризмом и т. д. Перечень решаемых вопросов касается различных областей деятельности, таких как экономика, образование, энергетика, коммуникации, культура и т. д.

Китай непрерывно занимается развитием информационных обменов между странами посредством разработки медиапроектов. Так, официально была запущена информационная платформа под названием «All media service», которая направлена на развитие и укрепление сотрудничества стран-партнеров в ШОС. Первым представителем по международному сотрудничеству стала информационная сеть TV BRICS. Стратегия развития данного медиапроекта предусматривает несколько целей: укрепление международного сотрудничества, расширение информационных обменов, доступ к надежной и достоверной информации, тесное взаимодействие СМИ, получение доступа к просмотру видеоматериалов из любой точки мира. Кроме того, данная информационная платформа обеспечивает доступ ее участников к просмотру фильмов, программ, инфографики, создания и просмотра интервью и т. д. [Чжоу В. 2017: 218].

Данный проект имеет международный статус и в своей работе использует 5 языков: русский, английский, испанский, французский, арабский.

В рамках ШОС представлен ряд публикаций, в частности научных статей, направленных на обсуждение тематики, связанной с формированием международных транспортных узлов, посредством которых произойдет расширение торговых отношений между Китаем и рядом стран Центральной Азии. Следует также отметить, что при помощи китайских СМИ, газет, журналов и других средств медиаиндустрии освещаются вопросы, не только касающиеся политики и торговли, но и культуры, здравоохранения. Ярким примером тому может послужить тема борьбы с коронавирусом и о помощи государствам-членам в противостоянии с ним. Множество представленных публикаций посвящено тематике борьбы с пандемией. В них не только освещаются вопросы профилактики и лечения данного заболевания, но и звучит призыв о помощи стран-партнеров друг другу в данной ситуации. Речь идет о финансовой, медикаментозной поддержке и т. д. В целом можно отметить, что ШОС способствует решению многих проблем, вносит огромный вклад в экономическое развитие, расширяет сферу делового партнерства и сотрудничества посредством использования различных инструментов мультимедиапространства.

Следует отметить, что в другой серии публикаций (научных статей, газет) ШОС представлена стратегически важным инструментом формирования внешней политики Китая. Дан-

ная организация рассматривается в аспекте под названием «Сообщество с общим будущим для человечества».

Важной идейной направленностью ШОС является содействие развитию программы «Пояс и путь». В этом отношении Китай возлагает большие надежды на то, что ШОС станет основой продвижения данной инициативы развития, укрепит международное взаимодействие и усилит развитие медиаиндустрии. В конечном итоге должна сформироваться новая модель международных отношений в рамках ШОС. Нынешняя система описывается как неоднозначная, с односторонним подходом, протекционизмом, менталитетом периода холодной войны, когда одни страны угрожают другим. Новая система подразумевает отказ от менталитета периода холодной войны, протекционизма и вмешательства в дела суверенных стран [ШОС 20 лет... www].

Важно отметить, что в 2023 году в китайской провинции Шандунь прошел фестиваль «Лето ШОС — 2023». Данное мероприятие носило культурный, познавательный характер в рамках программы развития и поиска эффективных моделей для взаимодействия в области медиапространства. Кроме того, были рассмотрены проекты, направленные на возрождение Великого Шелкового пути, что позволит расширить границы сотрудничества, объединить страны и регионы, выйти на новый уровень экономического развития. Помощником в создании единого медиапространства должны стать СМИ. Кроме того, было подписано соглашение об укреплении сотрудничества между СМИ стран-партнеров. Основной задачей СМИ является освещение текущих мероприятий, информационный обзор протекающих процессов, рассмотрение целей и задач информационного взаимодействия [Юйсяо Ч. 2018: 114].

ОБСУЖДЕНИЕ

В китайских СМИ ШОС представлена как универсальная организация, которая фокусируется на использовании различных средств медиаиндустрии: газеты, публикации, СМИ, телевидение и т. д. Так, статьи часто фокусируются на достижениях ШОС. Организация в основном позиционируется как плацдарм для решения региональных проблем, таких как незаконный оборот наркотиков, и глобальных, среди которых упоминается торговый протекционизм [Взаимодействие России и Китая в СМИ www]. Стоит отметить, что ШОС оформлена как альянс стран, выступающих против западной гегемонии и союзников трансформации новых отношений между участниками данной орга-

низации. Китай часто изображается как движущая сила организации. Помимо вклада КНР в развитие ШОС, освещаются также достижения Китая за пределами организации: успехи в борьбе с бедностью и предотвращении распространения коронавируса. Китайским читателям показывают достижения их страны с целью легитимизации режима и национальных достоинств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представители стран ШОС укрепляют свое международное сотрудничество посредством медиаиндустрии. Китай активно участвует в данном процессе, предлагая новые способы осуществления взаимодействия, развивая информационный рынок, обмен, создавая новые методы работы, репортажи и т. д. Китай всегда был нацелен на дружелюбное, добросовестное сотрудничество, плодотворную работу. Кроме того, во взаимоотношениях России с Китаем значение ШОС значительно увеличивается. Важно отметить, что существуют огромные резервы для повышения эффективности работы стран-партнеров в «духе Шанхайского сотрудничества».

ИСТОЧНИКИ

1. Китай запускает глобальную систему информационных обменов между СМИ стран ШОС. — URL: <https://tvbrics.com/news/kitau> (дата обращения: 06.12.2023). — Текст : электронный.
2. Взаимодействие России и Китая в СМИ. — URL: <https://vestnik.journ.msu.ru> (дата обращения: 05.12.2023). — Текст : электронный.
3. ШОС 20 лет: основные достижения и роль Китая. — URL: <https://vostokoriens.jes.su/s> (дата обращения: 05.12.2023). — Текст : электронный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жэнь, И. Новая модель китайских СМИ / Жэнь И. — [Б.м. : б.и.], 2022. — 328 с. — Текст : непосредственный. — (На китайском языке).
2. Исаев, А. С. Институты формирования общественного сознания КНР и вопросы сотрудничества СМИ России и Китая / А. С. Исаев. — Текст : непосредственный // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2016. — № 21. — С. 218–233.
3. Исаев, А. С. Сотрудничество СМИ России и Китая / А. С. Исаев. — Текст : непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. — 2016. — № 2. — С. 12–20.
4. Ли, Шухуа. Zhong e mei ti he zuo de xian zhuang wen ti yu jian yi [Состояние, проблемы и предложения по поводу кита́йско-росси́йского сотрудничества в области СМИ] / Ли Шухуа, Цинь Хуэйсинь. — Текст : непосредственный // Eluosi Dong Ou Zhong Ya yan jiu. — 2019. — № 2. — С. 139–154. — (На китайском языке).
5. Мочалова, Я. В. Влияние образования на формирование личности / Я. В. Мочалова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы развития науки и современного образования. — Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. — С. 246–247.
6. Петрова, Н. В. Взаимодействие России и Китая в АТР: ресурс гуманитарного сотрудничества / Н. В. Петрова. — Текст : непосредственный // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2014. — № 27. — С. 34–42.
7. Сун, Сюйпэй. Dang dai zhong guo xin wen gai ge [Современное реформирование китайской журналистики] / Сун

Сюйпэй. — Пекин : Издательство Жэньминь, 2004. — Текст : непосредственный. — (На китайском языке).

8. Цзя, Лежун. Взаимодействие Китая и России в сфере массовой информации: от подхода «Россия как модель для подражания» до равного сотрудничества / Цзя Лежун, Д. Л. Стровский, А. Е. Сухоречкая. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. — 2020. — № 2. — С. 85–115. — DOI 10.30547/vestnik.journ.2.2020.85115.

9. Чжао, Цзин. Эволюция китайской прессы в период экономических реформ (1978–2004) : дис. ... канд. филол. наук / Чжао Цзин. — Москва, 2004. — Текст : непосредственный.

10. Чжоу, В. Особенности функционирования СМИ зарубежных китайских общин / Чжоу В. — Текст : непосредственный // Журналистика и общество : сб. науч. тр. / Российский университет дружбы народов. — 2017. — Т. 19. — С. 218–227.

11. Чэнь, Чжанфэн. Zhong guo xin wen chuan bo shi: chuan bo she hui xue de shi jiao. Di er ban [История китайского новостного вещания: Взгляд на коммуникативную социологию] / Чэнь Чжанфэн. — 2-е изд. — [Б.м.] : Изд-во Ун-та Цинхуа, 2009. — Текст : непосредственный. — (На китайском языке).

12. Шкваря, Л. В. ШОС: специфика интеграционных процессов / Л. В. Шкваря. — Текст : непосредственный // Вестник Российской таможенной академии. — 2007. — № 1. — С. 103–111.

13. Юйсяо, Ч. Китай в метафорическом зеркале российских СМИ / Юйсяо Ч. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1. — С. 114–119.

14. Юйфан, С. Тенденции развития китайских СМИ / Юйфан С. — Текст : непосредственный // Мир науки. — 2017. — № 2 (63). — С. 388–389.

15. Wen ren lun zheng zhi shi fen zi yu bao kan [Интеллигенция и пресса] / под ред. Ли Цзиньшоань. — Гуялинь : Изд-во Гуансийского педагогического университета, 2008. — Текст : непосредственный. — (На китайском языке).

MATERIALS

1. *Kitay zapuskaet global'nuyu sistemu informatsionnykh obmenov mezhdu SMI stran ShOS* (n.d.). [China launches global system of information exchange between media of SCO countries]. Retrieved Dec. 6, 2023, from <https://tvbrics.com/news/kitay> (In Russ.)

2. *Vzaimodeystvie Rossii i Kitaya v SMI* (n.d.). [Interaction between Russia and China in the media]. Retrieved Dec. 5, 2023, from <https://vestnik.journ.msu.ru> (In Russ.)

3. *ShOS 20 let: osnovnye dostizheniya i rol' Kitaya* (n.d.). [SCO at 20: Key achievements and China's role]. Retrieved Dec. 5, 2023, from <https://vostokoriens.jes.su/s>

REFERENCES

1. Ren, Y. (2022). *New Model of Chinese Media*. 328 p. (In Chinese)

2. Isaev, A.S. (2016). *Instituty formirovaniya obshchestvennogo soznaniya KNR i voprosy sotrudnichestva SMI Rossii i Kitaya* [Institutions for the Formation of Public Consciousness of the PRC and Issues of Cooperation between the Media of Russia

and China]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*, 21, 218–233. (In Russ.)

3. Isaev, A.S. (2016). *Sotrudnichestvo SMI Rossii i Kitaya* [Cooperation between the Media of Russia and China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2, 12–20. (In Russ.)

4. Li, Shuhua, & Qin, Huixin (2019). *Zhong e mei ti he zuo de xian zhuang wen ti yu jian yi* [Status, problems and proposals regarding Chinese-Russian cooperation in the field of media]. *Eluosi Dong Ou Zhong Ya yan jiu*, 2, 139–154. (In Chinese)

5. Mochalova, Ya.V. (2017). *Vliyanie obrazovaniya na formirovanie lichnosti* [The influence of education on the formation of personality]. In *Aktual'nye problemy razvitiya nauki i sovremennogo obrazovaniya* (pp. 246–247). Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU». (In Russ.)

6. Petrova, N.V. (2014). *Vzaimodeystvie Rossii i Kitaya v ATR: resurs gumanitarnogo sotrudnichestva* [Interaction of Russia and China in the Asia-Pacific region: a resource for humanitarian cooperation]. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 27, 34–42. (In Russ.)

7. Song, Xupei (2004). *Dang dai zhong guo xin wen gai ge* [Modern Reform of Chinese Journalism]. Beijing: Renmin Publishing House. (In Chinese)

8. Jia, Lezhong, Strovskiy, D.L., & Sukhoret'skaya, A.E. (2020). *Vzaimodeystvie Kitaya i Rossii v sfere massovoy informatsii: ot podkhoda «Rossiya kak model' dlya podrazhaniya» do rovnogo sotrudnichestva* [Interaction between China and Russia in the Field of Mass Media: From the “Russia as a Role Model” Approach to Equal Cooperation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistika*, 2, 85–115. DOI 10.30547/vestnik.journ.2.2020.85115 (In Russ.)

9. Zhao, Jing (2004). *Evolutsiya kitayskoy pressy v period ekonomicheskikh reform (1978–2004)* [Evolution of the Chinese Press during the Period of Economic Reforms (1978–2004)] [Dis. of Cand. of Philology]. Moscow. (In Russ.)

10. Zhou, W. (2017). *Osobennosti funktsionirovaniya SMI zarubezhnykh kitayskikh obshchin* [Features of the Functioning of the Media of Overseas Chinese Communities]. In *Zhurnalistika i obshchestvo* (Collection of scientific articles, Vol. 19, pp. 218–227). Moscow: RUDN. (In Russ.)

11. Chen, Zhangfeng (2009). *Zhong guo xin wen chuan bo shi: chuan bo she hui xue de shi jiao. Di er ban* [The History of Chinese News Broadcasting: A Look at Communicative Sociology] (2nd ed.). Tsinghua University Press. (In Chinese)

12. Shkvarya, L.V. (2007). *ShOS: spetsifika integratsionnykh protsessov* [SCO: Specifics of Integration Processes]. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*, 1, 103–111. (In Russ.)

13. Yuxiao, Ch. (2018). *Kitay v metaforicheskom zerkale rossiyskikh SMI* [China in the Metaphorical Mirror of Russian Media]. *Political Linguistics*, 1, 114–119. (In Russ.)

14. Yufang, S. (2017). *Tendentsii razvitiya kitayskikh SMI* [Development Trends of Chinese Media]. *Mir nauki*, 2(63), 388–389. (In Russ.)

15. Li Jinquan (Ed.) (2008). *Wen ren lun zheng zhi shi fen zi yu bao kan* [Intelligentsia and the Press]. Guilin: Guangxi Normal University Press. (In Chinese)

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 5.9. — Филология

Научные направления:

5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (филологические науки)

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» (филологические науки)

5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (филологические науки)

Издательство: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Email: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

Email: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
  - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
  - Ученая степень, звание, должность.
  - Полное и точное место работы автора.
  - Подразделение организации.
  - Открытые идентификаторы автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>), SPIN-код (при наличии, оформляется на сайте elibrary.ru).
  - Контактная информация (email, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5–10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997. — Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Сарат. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК G02B23/12, G02B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьянских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьянских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/> (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логонова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логонова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.nrl.ru/> (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2024. ВЫПУСК 5 (107)**

Адрес редакции:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.
Адрес учредителя:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет
Адрес издателя:
620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.
Подписано в печать 28.10.2024. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет: 31.10.2024.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 41,6. Усл. печ. л. — 40,2. Тираж 500 экз. Заказ 5521.
Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Email: uspu@uspu.ru